This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PJud 281.362

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

„NAUCHNO-LIT. SBORNIK BUDUSHCHNOSTI"
1900 "

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ „БУДУЩНОСТИ".

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОМУ ИЗДАНІЮ,
ВЫХОД. ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Д-ра С. О. ГРУЗЕНБЕРГА.

Т. I.—1900.

75

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«ЦЕНТРАЛЬНАЯ» ТИПО-ЛИТ. М. Я. МИНКОВА, 3-Я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛ., 7.
1900.

Digitized by Google

PJud 281.362 (1)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 декабря 1900 г.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY SEP 23 1960

6082

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ. Д-ра *Л. С. Каценельсона*	1
II.	Кумиры. Сказка. *С. Г. Фруга*	57
III.	Ошибка. Разсказъ. *М. Д. Рывкина*	62
IV.	Изъ области примѣненія правилъ 3 Мая 1882 г. *М. И. Мыша*	76
V.	Записка Державина какъ историко-общественный памятникъ. *Ю. И. Гессена*	82
VI.	Стансы. *Х. Б. Зингера*	112
VII.	Враги Талмуда. *Н. А. Переферковича*	114
VIII.	Диночка пріѣхала. Разсказъ. *М. Л. Брянскаго*	132
IX.	Наши предки на Литвѣ. Историческій очеркъ. *М. Н. Крейнина*	154
X.	Панская забава. Стихотвореніе. *А. Ф. Панова*	173
XI.	Евреи въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи въ XVI и XVII в. по даннымъ изъ раввинскихъ респонсовъ. *С. М. Лившица*	176
XII.	Птицы перелетныя. Сказка для еврейскихъ дѣтей. *Бенъ-Ами*	191
XIII.	Изъ прошлаго и настоящаго азіатскихъ евреевъ. Барона *Н. Н. Фонъ-деръ-Ховена*	208
XIV.	Осенніе цвѣты. Стихотвореніе. *С. Г. Фруга*	230
XV.	Старыя и новыя свѣдѣнія объ абиссинскихъ евреяхъ. *И. Ю. Маркона*	232
XVI.	Безъ радости. Разсказъ. *Менделе-Мохеръ Сфоримъ* (С. Абрамовича). Переводъ съ др.-еврейскаго. Д. Я. Іоффе	251
XVII.	Евреи въ Южной Африкѣ. Изъ записокъ эмигранта. *Л.*	272
XVIII.	Морицъ Оппенгеймъ, національный еврейскій художникъ. Художника *М. С. Іоффе*	291

Digitized by Google

XIX. Среди чужихъ. Романъ. *Макса Віола.* (Перев. съ нѣмецкаго) 301
XX. С. Д. Луццато. *С. М. Станиславскаго* 362
XXI. Литературно-критическія замѣтки. *О. О. Грузенберга* 367
XXII. Еврейская литература за послѣдній годъ. *Я. Б. Каценельсона* 379
XXIII. Объявленія 409

Digitized by Google

Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ.

Въ послѣдніе годы интересъ къ нашей древней исторіи захватываетъ все больше и больше слоевъ еврейскаго общества. Особенно надо радоваться тому, что и среди интеллигентныхъ классовъ, одно время чуждавшихся всего еврейскаго, ознакомленіе юношества съ исторіей нашего народа признается теперь важнымъ элементомъ внѣшкольнаго воспитанія. Пусть, говорятъ, наши дѣти узнаютъ славное и великое прошлое своего народа, и пусть это знаніе послужитъ имъ источникомъ благородной гордости, источникомъ утѣшенія въ горестяхъ и разочарованіяхъ, которыя ихъ ожидаютъ въ жизни, оно же да послужитъ имъ источникомъ энергіи для работы въ пользу возрожденія своего народа. Все это справедливо и отрадно. Но, собираясь разсказывать нашимъ дѣтямъ о нашемъ славномъ и великомъ прошломъ, мы, отцы, должны раньше выяснить себѣ, въ чемъ собственно состоятъ слава и величіе нашего прошлаго, въ чемъ наши дѣти должны искать утѣшенія въ горестяхъ, ихъ ожидающихъ, и въ какихъ фактахъ они должны черпать уроки для будущей своей дѣятельности на пользу народа.

Спора нѣтъ, что въ нашей древней исторіи были славные и величественные моменты. Великъ и славенъ былъ Давидъ, соединившій всѣ 12 колѣнъ израилевыхъ въ одинъ народъ и освободившій его отъ всѣхъ его поработителей. Еще величественнѣе, еще славнѣе были Маккавеи, съумѣвшіе завоевать независимое положеніе народу, очутившемуся, такъ сказать, между молотомъ и наковальней—между Сиріей и Египтомъ. Великъ и славенъ былъ Израиль и въ своемъ паденіи. Не легко досталась римскому колоссу его побѣда надъ Баръ-Кохбой, надъ этимъ величественнымъ, но, увы, послѣднимъ героемъ нашей политической исторіи. Но все это было такъ давно, въ такую отдаленную отъ насъ по культурнымъ условіямъ эпоху, а главное—результаты этихъ подвиговъ были такъ недолговѣчны и сравнительно такъ мизерны, что воспоминаніями объ однихъ этихъ только подвигахъ трудно рас-

Digitized by Google

шевелить нѣсколько притупленное воображеніе дѣтей нашего вѣка. Вѣдь что такое могущество царя Давида и Маккавеевъ на масштабъ современной политики! Какая нибудь Болгарія является чуть ли не гигантскимъ государствомъ въ сравненіи съ древней Іудеею.

Но нѣтъ ли въ нашей исторіи другой славы, другого величія, которыя не измѣряются картографическимъ масштабомъ? Нѣтъ ли въ нашей исторіи другихъ подвиговъ, не эфемерныхъ, а долговѣчныхъ, какъ и самъ еврейскій народъ? Несомнѣнно есть, иначе и самаго еврейскаго народа давно не было бы на свѣтѣ.

Мнѣ нѣтъ надобности напоминать, въ чемъ именно заключаются подвиги, благодаря которымъ исторія маленькаго еврейскаго народа стала исторіею почти всего человѣчества. Никогда европейскій юноша не узналъ бы, что существовалъ нѣкогда могущественный ассирійскій царь Санхерибъ, если бы не отношенія его къ далеко не могущественному царю Іезекіи; но и имя самаго Іезекіи, если бы не извѣстныя отношенія его къ пророку Исаіи, навсегда погрузилось бы въ мракъ неизвѣстности подобно именамъ многочисленныхъ царьковъ и царей, нѣкогда процвѣтавшихъ, но безслѣдно исчезнувшихъ государствъ. Пророческое слово, само безсмертное, спасло отъ забвенія и все то, чего только касалось.

Но вотъ что странно. Рядомъ и какъ бы въ связи съ пробужденіемъ у насъ національнаго самосознанія въ литературѣ проявляется въ послѣднее время тенденція по существу анти-національная. Мы понимаемъ и находимъ вполнѣ справедливымъ протестъ нашихъ націоналистовъ противъ ученія нѣмецкаго раввинизма, что еврейство представляетъ собою не народность, а только вѣроисповѣданіе. Если мнѣ кто скажетъ, что я не живой человѣкъ, а лишь отвлеченная идея, я буду это считать кровной обидой. Но я нахожу страннымъ и въ нѣкоторомъ отношеніи даже жестокимъ, когда во имя національной же идеи ведется борьба противъ доктрины о духовной миссіи еврейскаго народа, доктрины, ведущей свое начало вовсе не отъ нѣмецкихъ раввиновъ, а отъ самихъ пророковъ. Въ цѣломъ рядѣ брошюръ, съ упорствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, стараются теперь доказать еврейскому народу, что никакой духовной миссіи у него нѣтъ и никогда не было. Правда, говорятъ намъ, идея о духовной миссіи является какъ будто преобладающимъ мотивомъ всей многовѣковой исторіи евреевъ, но это только потому, что настоящей еврейской исто-

Digitized by Google

ріи у насъ нѣтъ; мы имѣемъ исторію, фальсифицированную пророками и ихъ послѣдователями, показавшими намъ нашу древнюю жизнь черезъ какую-то богословскую призму въ неестественномъ свѣтѣ. На самомъ дѣлѣ евреи и въ палестинскомъ періодѣ ихъ исторіи были не лучше и не хуже другихъ народовъ; они ѣли и пили, занимались политикой и проливали человѣческую кровь, подобно всѣмъ другимъ порядочнымъ народамъ, и вовсе не занимались разрѣшеніемъ религіозныхъ и этическихъ проблемъ; этимъ празднымъ дѣломъ занималась лишь небольшая группа мечтателей, самозванно выдававшихъ себя за представителей народа и несправедливо завладѣвшихъ вниманіемъ потомства. И если евреи желаютъ получить патентъ на названіе народа въ будущемъ, они должны выкинуть изъ головы всякія фантазіи о какой-то духовной миссіи и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы зажить такъ, какъ живутъ всѣ другіе народы земли.

Какъ видите, эта „анти-миссіонная“ пропаганда ведется не во имя отвлеченной философской мысли, а съ практической цѣлью — съ цѣлью пришпорить инертный народъ къ самодѣятельности. Цѣль несомнѣнно хорошая, хотя средство нѣсколько жестокое. И въ самомъ дѣлѣ, не жестоко ли сказать мыслящему бѣдняку, воображающему, что онъ имѣетъ какія то заслуги предъ человѣчествомъ,—не жестоко ли сказать ему, что его жизнь никому не нужна была, что онъ даромъ коптилъ небо, но если онъ хочетъ пріобрѣсти уваженіе окружающихъ, то пусть продастъ послѣднюю рубашку и купитъ себѣ или лотерейный билетъ, или веревку на шею. Лотерейный билетъ, конечно, купить можно,—отчего не купить? Надежда вещь хорошая; но для чего лишать бѣдняка самоуваженія? Вѣдь неровенъ часъ, и лотерея не выгоритъ; пусть ужъ бѣдняга тѣшится хоть тѣмъ, что не даромъ живетъ на свѣтѣ; петлю на шею все равно не наложитъ онъ. Весь вопросъ сводится только къ тому, есть ли у евреевъ реальное основаніе для самоуваженія, если не въ настоящемъ, то хоть въ прошломъ. Если еврейскій народъ давно уже не выполняетъ своей миссіи, если при данныхъ обстоятельствахъ онъ и выполнять ее не можетъ, то это не доказываетъ еще, что самой миссіи не существуетъ.

Противники ученія о религіозной миссіи, указывая на богословскую окраску нашей исторіи въ древнѣйшемъ ея періодѣ, требуютъ, во 1-хъ, пересмотра нашей исторіи въ смыслѣ очищенія ея отъ богословскаго баласта, и во 2-хъ—

Digitized by Google

реабилитаціи царей израилевыхъ, къ которымъ пророки относились, будто бы, не совсѣмъ безпристрастно. Но пересмотръ еврейской исторіи едва ли можетъ быть предпринятъ въ настоящее время за отсутствіемъ новыхъ фактовъ и вообще какихъ бы то ни было документовъ, кромѣ тѣхъ, которые случайно сохранили намъ пророки. Что же касается реабилитаціи древне-еврейскихъ царей, то эту задачу я постараюсь отчасти выполнить въ настоящемъ изслѣдованіи, хотя долженъ предупредить, что мои выводы врядъ ли оправдаютъ ожиданія анти-миссіонистовъ. Въ противоположность имъ я думаю, что пророки не только по своему освѣтили еврейскую исторію, но по своему и *сдѣлали* ее. По моему, вся палестинская исторія евреевъ представляетъ въ сущности непрерывную борьбу религіознаго начала пророковъ съ политическимъ началомъ царей, и торжество религіознаго начала именно и обусловило собою атрофію политическаго инстинкта у еврейскаго народа.

I.

Что такое—политическое начало и что такое начало религіозное? Подъ политическимъ началомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова мы понимаемъ дѣятельность какого нибудь народа, направленную къ увеличенію его роста, къ сцѣпленію его составныхъ частей и къ предохраненію ихъ отъ растворенія въ массѣ другихъ, окружающихъ его народовъ. Подъ религіознымъ же началомъ мы разумѣемъ стремленіе народа опредѣлить отношеніе человѣка къ міру духовному, установить вытекающія изъ этого отношенія этическія правила и выработать символизирующіе это отношеніе религіозные обряды и обычаи. A priori, казалось бы, нѣтъ достаточныхъ основаній для проведенія рѣзкой границы между этими двумя сферами человѣческой дѣятельности, въ особенности въ томъ случаѣ, когда политика и религія являются продуктами самостоятельнаго творчества данной народности. И въ самомъ дѣлѣ, одной изъ главныхъ задачъ политики, это — увеличеніе роста, слѣдовательно, и могущества націи; но ростъ націи совершается обыкновенно двумя способами, которые я считалъ бы удобнымъ назвать: 1) экзогеннымъ ростомъ, т. е. наростаніемъ извнѣ и 2) эндогеннымъ ростомъ т. е. ростомъ изнутри. Экзогенный, или внѣшній, ростъ происходитъ въ томъ случаѣ, когда данный народъ, получивъ почему-либо преобладаніе надъ сосѣдними народами, покоряетъ ихъ физически или нравственно, мало по малу ассимилируя ихъ и какъ бы претворяя ихъ въ соб-

Digitized by Google

ственную плоть и кровь. Эндогеннымъ же, или внутреннимъ, ростомъ мы называемъ естественное наростаніе населенія какого нибудь народа, благодаря перевѣсу рождаемости надъ смертностью. Но этотъ перевѣсъ, находясь въ прямой зависимости отъ экономическаго благосостоянія народа, слѣдовательно, и отъ политической его организаціи, зависитъ въ извѣстной степени также отъ усвоенныхъ народомъ религіозныхъ воззрѣній. Та религіозная система, которая воспитываетъ народъ въ духѣ умѣренности и воздержанія, которая клеймитъ извѣстныя излишества какъ преступленія, естественно предохраняетъ его отъ вырожденія и, слѣдовательно, усиливаетъ перевѣсъ рождаемости надъ смертностью. Съ другой стороны, многіе народные обычаи и установленія, обязанные своимъ происхожденіемъ инстинкту самосохраненія и принадлежащіе, слѣдовательно, къ сферѣ политической, въ принятомъ нами смыслѣ, съ теченіемъ времени освящаются авторитетомъ религіи и принимаютъ характеръ божественныхъ установленій. Такихъ примѣровъ въ каждой древней религіи очень много и мнѣ нѣтъ надобности на нихъ указывать.

Мы видимъ такимъ образомъ, что религія и политика по сущности своей не только не представляются взаимнопротивоположными, но, напротивъ, дѣйствуютъ часто въ одномъ и томъ же направленіи, взаимно другъ друга дополняя. На самомъ дѣлѣ однако же это не всегда такъ бываетъ. Не говоря уже о народахъ, которые заимствовали свою религію у другихъ и которые обречены, поэтому, на вѣчныя противорѣчія между религіею и политикою, необходимо признать, что и у народовъ, у которыхъ религія является продуктомъ самостоятельнаго творчества, она шествуетъ рука объ руку съ политикой только до извѣстной границы, далѣе которой пути ихъ расходятся. Земное не всегда мирно уживается съ небеснымъ уже потому, что земное безпрерывно измѣняется, а небесное хочетъ быть вѣчнымъ.

Наглядно мы видимъ это явленіе въ исторіи древнихъ евреевъ. Еврейскій монотеизмъ, благодаря присущимъ ему этическимъ началамъ, не только содѣйствовалъ внутреннему росту націи, но сыгралъ вначалѣ также и роль политическаго фактора въ смыслѣ объединенія двѣнадцати колѣнъ Израиля въ одинъ народъ; но тутъ его политическая роль прерывается, и онъ превращается въ анти-политическій факторъ, препятствуя дальнѣйшему внѣшнему росту націи.

Digitized by Google

II.

Начнемъ наше обозрѣніе съ эпохи пророка Самуила, такъ какъ съ этого времени собственно и начинается непрерывная писанная исторія евреевъ. Событія же предшествовавшаго періода, отъ завоеванія Ханаанской земли до Самуила, хотя изложены какъ будто въ хронологическомъ порядкѣ, имѣютъ однакоже характеръ разрозненыхъ народныхъ преданій. Впрочемъ, и книга Судей представляетъ не малый интересъ для изслѣдователя еврейской древности; она живо и съ неподражаемой простотой рисуетъ передъ нами картины политическаго состоянія нашего народа въ эпоху его зарожденія Когда бы ни произошла окончательная редакція этой книги но архаическій слогъ ея, тонъ разсказа и отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ не оставляютъ сомнѣнія въ древнемъ происхожденіи и подлинности значительной части матеріала, изъ котораго она составлена. Можно такимъ образомъ принять, что описываемыя въ ней событія, независимо отъ придаваемаго имъ авторомъ освѣщенія, отражаютъ культурное и политическое состояніе народа, какимъ оно было въ дѣйствительности. Какъ же оно рисуется въ этой книгѣ?

По обоимъ берегамъ Іордана, на пространствѣ земли въ 20 или 25 тысячъ кв. кил., жили 12 колѣнъ израилевыхъ, отрѣзанныхъ отъ Средиземнаго моря полосою земли, занятой съ сѣвера финикійцами, а съ юга—филистимлянами. Съ юга и востока израильтяне были также окружены враждебными, хотя и родственными племенами: мидіанитами, идумеями, моавитами и амонитянами, а на сѣверѣ, на антиливанской возвышенности, жило горное семитское племя—арамейцы, ארם, которые въ ту пору еще ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи. Финикійскія владѣнія, кромѣ того, врѣзались клиномъ въ глубь израильскаго владѣнія, такъ что верхушка этого клина достигала почти самого Іордана (Beth-Scheon); на сѣверныхъ же окраинахъ даже покоренные финикійцы не были истреблены евреями, а продолжали жить между ними, въ качествѣ данниковъ, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ области Ассира и Нафтали) преобладающій элементъ населенія וישב אשר בקרב הכנעני *). Въ продолженіе цѣлыхъ пяти вѣковъ израильтяне, перековавъ свои мечи на сошники, мирно уживались съ покоренными ханаанскими пле-

*) Judic. I, 32.

Digitized by Google

менами, совершенно забывъ про грозную заповѣдь Моисея: „не оставляй въ живыхъ ни единой души“. Мы не будемъ, конечно, поминать за это лихомъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Истребительная война, предписанная Моисеемъ, хотя являлась политической необходимостью, мало гармонировала съ остальнымъ его ученіемъ. Но еще меньше того оно гармонировало съ характеромъ израильскаго племени. Народъ, изъ нѣдръ котораго вышли впослѣдствіи люди, провозгласившіе идеаломъ международныхъ отношеній перекованіе мечей на сошники и копій на серпы, — такой народъ уже въ младенчествѣ своемъ долженъ былъ питать отвращеніе къ безполезному проливанію человѣческой крови. Я говорю „безполезному“ потому, что, вѣдь, въ концѣ концовъ ханаанскія племена были ассимилированы Израилемъ и содѣйствовали такимъ образомъ внѣшнему росту послѣдняго. Чего не сдѣлалъ мечъ, совершила болѣе зрѣлая культура.

Но если мы охотно прощаемъ теперь нашимъ предкамъ ихъ мирное отношеніе къ покореннымъ племенамъ, то не можемъ не осудить ихъ за ихъ враждебное отношеніе другъ къ другу. Партикуляризмъ — исконный грѣхъ еврейскаго народа. Окружающія племена то здѣсь, то тамъ, безпокоили израильтянъ своими нападеніями. Израильтяне были многочисленнѣе не только каждаго изъ этихъ племенъ въ отдѣльности, но, можетъ быть, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ; но они не съумѣли сплотиться въ одинъ народъ, чтобы общими силами отразить нападеніе. Не слѣдуетъ представлять себѣ Судей израилевыхъ общенародными вождями; это были только предводители отдѣльныхъ колѣнъ, и самое большее, если кому нибудь изъ нихъ удавалось собрать вокругъ своего знамени 2—3 сосѣднихъ колѣна. Когда амонитяне тѣснили жителей Галаада, то послѣдніе напрасно вопили о помощи къ эфраимитамъ, но когда Іифтаху удалось побѣдить амонитянъ, эфраимиты затѣяли братоубійственную войну противъ галаадцевъ изъ опасенія, какъ бы послѣдніе не заняли то первенствующее положеніе въ Израилѣ, на какое всегда претендовали эфраимиты. Колѣно Іудино, нѣкогда самое многочисленное и самое храброе, въ данное время жило совершенно изолировано, не принимая участія въ отраженіи внѣшнихъ враговъ и мирясь съ постыднымъ игомъ филистимлянскимъ. И когда народный богатырь Самсонъ, на свой страхъ и рискъ, причинившій много вреда филистимлянамъ, укрывался однаж-

Digitized by Google

ды въ горахъ іудейскихъ, колѣно Іудино не посовѣстилось выдать его филистимлянамъ. Пророчица Дебора, въ своей знаменитой побѣдной пѣснѣ, выражаетъ изумленіе, что колѣно Рувино, въ годину народнаго бѣдствія, осталось „спокойно сидѣть въ своихъ долинахъ, прислушиваясь къ блеянію своихъ стадъ“ *); она перечисляетъ всѣ колѣна Израиля, восхваляя одни и проклиная другія, что „не пришли на помощь богатырямъ Божіимъ“. Колѣно же Іудино пророчица совсѣмъ замалчиваетъ; она какъ будто забыла о его существованіи.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы чувство національнаго единства совершенно отсутствовало тогда у сыновъ израилевыхъ. Въ народѣ сохранилось еще воспоминаніе о совмѣстномъ странствованіи по пустынѣ и совмѣстномъ завоеваніи обѣтованной земли. Сохранились воспоминанія объ общемъ вождѣ-законодателѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ народу ковчегъ со скрижалями завѣта, хранившійся въ Силомскомъ храмѣ. Существовала, наконецъ, общая національная вѣра въ Единаго Бога, Творца небесъ и земли и спеціальнаго защитника израильтянъ. Но всѣ эти воспоминанія и вѣрованія, не поддерживаемыя организованнымъ сословіемъ жрецовъ, были такъ смутны и такъ неопредѣленны, что не могли еще служить живымъ факторомъ объединенія. Колѣно Левитово, разсѣянное между остальными 12 колѣнами, должно было, по плану законодателя, играть роль народныхъ учителей и вмѣстѣ съ тѣмъ роль соединительнаго цемента; но оно не оказалось на высотѣ своего призванія. Ради личной корысти они именемъ Іеговы распространяли въ народѣ суевѣріе и духъ сепаратизма. Вспомнимъ исторію о серебрянномъ идолѣ Михея, вспомнимъ разсказъ о возмутительномъ поведеніи сыновей силомскаго священника Эли.

Да, въ то время были только сыны Израиля; народа израильскаго еще не было.

Но случилось одно событіе, заставившее всѣхъ сыновъ Израиля почувствовать себя однимъ народомъ. Я говорю о страшной народной трагедіи, извѣстной подъ именемъ „Гивеанской наложницы“ פלגש בגבעה. Извѣстна эта возмутительная по своему началу и печальная по своимъ послѣдствіямъ исторія. Жители города Гивеа совершили по истинѣ содомскій поступокъ; народъ, „весь народъ, какъ одинъ человѣкъ“, по-

*) Ibid. V, 16.

Digitized by Google

требовалъ отъ колѣна Веніаминова выдачи преступниковъ. По обычаямъ патріархальнаго порядка, веніамиииты должны были защищать своихъ сородичей, все равно—виноваты ли они или нѣтъ. И вотъ загорѣлась братоубійственная война, закончившаяся почти полнымъ истребленіемъ колѣна Веніаминова. Ужасомъ вѣетъ отъ каждой эпической подробности этой страшной трагедіи и, тѣмъ не менѣе, при чтеніи ея вами незамѣтно овладѣваетъ и нѣкоторое чувство нравственнаго удовлетворенія. Отрадно сознавать, что евреи даже на низкой ступени культурнаго развитія уже способны были возмущаться безнравственнымъ поступкомъ. Основныя черты будущаго еврейскаго народа сказались тутъ во всей ихъ полнотѣ. Когда амонитяне били гилеадцевъ, эфраимиты не чувствовали боли, но когда среди Израиля совершено было беззаконіе, весь народъ „отъ Дана до Бееръ-Шева“ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и выступилъ за поруганную справедливость.

Но это былъ только мимолетный подъемъ національнаго самосознанія. Оскорбленное нравственное чувство народа было удовлетворено, и „разошлись оттуда сыны Израиля каждый по своему колѣну и своему роду, ибо, поясняетъ лѣтописецъ: въ тѣ дни не было царя во Израилѣ“ *). Для упроченія чувства національнаго единства въ народѣ нуженъ безпрерывно дѣйствующій объединительный органъ. Такимъ органомъ явился институтъ пророковъ, подготовившій почву для своей соперницы, для царской власти. Но фактъ, что первые шаги народа на пути національнаго самосознанія направлены были пророками, были причиною того, что пророки наложили свою печать и на всю дальнѣйшую судьбу народа. И нравственная судьба отдѣльнаго человѣка вѣдь также очень часто опредѣляется душевнымъ складомъ его первой няни.

III.

„И узналъ весь Израиль отъ Дана до Бееръ Шева, что вѣренъ Самуилъ Іеговѣ, какъ пророкъ“ **). „И странствовалъ онъ ежегодно и обходилъ онъ Бетъ Эль и Гилгалъ и Мицпа и судилъ Израиля во всѣхъ мѣстахъ сихъ и возвращался въ Раму, гдѣ былъ его домъ, и тамъ судилъ онъ Израиля“ ***). Не Силомскій храмъ сталъ центромъ народнаго единства, не ковчегъ завѣта, нѣкоторое время даже находившійся въ плѣну

*) Ibid. XXI, 24, 25.

**) Sam. III. 20.

***) Sam. VIII. 16.

Digitized by Google

у похитившихъ его филистимлянъ, центромъ народнаго единства стало живое пророческое слово.

Но чтобы пророческое слово проникало повсюду, по всему Израилю, нужно было, чтобы оно исходило не изъ устъ одного человѣка, а изъ устъ многихъ. И съ этой цѣлью Самуиломъ была учреждена школа пророковъ. Выраженіе „школа“ слѣдуетъ понимать не въ фигуральномъ, а въ самомъ буквальномъ, почти въ современномъ смыслѣ этого слова. Это означаетъ, что среди бѣднаго разрозненнаго земледѣльческаго населенія съ весьма слабыми зачатками культуры и почти безъ всякой политической организаціи, вдругъ, по иниціативѣ одного человѣка, возникаетъ цѣлый классъ людей, спеціально занимающихся культивированіемъ человѣческаго слова, и не только устнаго, но и писаннаго. Припомнимъ, что это было въ XII вѣкѣ до христіанской эры.—Мало того, болѣя душой о разрозненности народа и догадываясь, что самымъ вѣрнымъ противоядіемъ противъ разрозненности является историческое самосознаніе, эти люди ревностно собираютъ и записываютъ всѣ преданія о минувшей жизни народа и ведутъ подробную лѣтопись текущихъ событій. Что историографія достигла тогда уже извѣстной степени развитія, видно изъ того, что авторъ книги хроникъ, жившій восемь вѣковъ спустя (незадолго до Александра Македонскаго) еще имѣлъ предъ собою три сочиненія изъ этого времени *).

Лѣтописецъ, описывая первый дебютъ Самуила въ качествѣ пророка, сообщаетъ, что „слово Божіе было весьма рѣдко въ тѣ дни“ **). Между тѣмъ, къ концу жизни Самуила мы часто встрѣчаемъ сонмы пророчествующихъ, то подъ непосредственнымъ руководствомъ Самуила, то вдали отъ него. На какія темы они пророчествовали, намъ неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ темъ было единство народа, иначе непонятно было бы, какъ 12 колѣнъ, часто враждовавшихъ между собою, вдругъ настолько почувствовали свою взаимную связь, что стали требовать отъ Самуила, чтобы онъ поставилъ надъ ними царя, „дабы они были подобны всѣмъ другимъ народамъ“.

Лѣтописецъ подробно описываетъ упорство, съ какимъ Самуилъ сопротивлялся этому требованію народа. „Не меня, говорилъ онъ,—отвергаете вы, а Бога отвергаете вы отъ цар-

*) I chronic. XXIX, 29. דברי שמואל הרואה , דברי נתן הנביא ודברי גד החוזה

**) Sam. III, 1.

Digitized by Google

ствованія надъ вами" *). При внимательномъ чтеніи текста ясно выступаетъ планъ политической организаціи, которую пророкъ хотѣлъ установить въ Израилѣ. Возмутительные порядки, господствовавшіе въ Силомскомъ храмѣ, гдѣ Самуилъ провелъ свое дѣтство, не могли не оставить глубокій слѣдъ въ его впечатлительной душѣ. Онъ сталъ заклятымъ врагомъ, какъ жреческаго сословія, такъ и жертвеннаго культа вообще, и эту свою вражду онъ завѣщалъ слѣдующимъ поколѣніямъ пророковъ *). Изъ 7-й главы I книги Самуила видно, что онъ хотѣлъ было совершенно упразднить культъ кровавыхъ жертвъ и замѣнить ихъ молитвой и обрядомъ водолитія, символизирующимъ изліяніе души предъ Богомъ, и только уступая давленію народа, допустилъ жертвенный культъ, стараясь довести его до минимума. Самуилъ, повидимому, мечталъ объ установленіи пророческой теократіи на началахъ этической религіи, въ противоположность жреческой теократіи на началахъ обрядовой религіи. Намекъ на такую, такъ сказать, пророческую конституцію имѣется въ 4-й книгѣ Моисея (гл. 11) въ разсказѣ о коллегіи изъ семидесяти пророковъ, избранныхъ изъ всѣхъ 12-ти колѣнъ израелевыхъ для управленія народомъ.

Но утомленный безвластіемъ народъ настойчиво требовалъ себѣ царя. Престарѣлый пророкъ избралъ такового изъ колѣна Веніамина, колѣна малочисленнаго и къ тому же скомпрометированнаго въ исторіи съ Гивеанской наложницей. Самуилъ разсчитывалъ при этомъ, можетъ быть, на то, что такой человѣкъ для поддержанія своего авторитета вынужденъ будетъ опираться на сословіе пророковъ. Не легко было благородному, но ревнивому къ своей власти монарху дѣлить власть съ суровымъ и требовательнымъ пророкомъ. Но мы не имѣемъ права обвинять Самуила въ излишней придирчи-

*) Sam. VIII, 7.

*) Я долженъ, однакоже, разъ на всетда оговориться. Не противъ религіозныхъ обрядовъ вообще возставали пророки, а только противъ *жертвоприношеній*, какъ формы богопочитанія, унаслѣдованной отъ язычества и сильно его напоминающей. Никакая религія немыслима безъ символовъ. Но отвергая пластическіе символы, которые въ представленіи неразвитой массы легко могутъ замѣнить собою символизируемую идею, пророки допускали и даже поощряли динамическіе, такъ сказать, символы, какъ напр. соблюденіе праздниковъ и субботы. Вотъ почему, даже самый отъявленный врагъ жертвоприношеній, пророкъ Іеремія, настаивалъ на соблюденіи субботы, какъ отличительного для еврейской національности института.

Digitized by Google

вости. Оба случая конфликта его съ Сауломъ произошли изъ за приверженности послѣдняго къ культу жертвоприношенія, который Самуилъ вѣроятно предполагалъ отмѣнить при помощи царской власти. Во всякомъ случаѣ мечта пророка не осуществилась, и этотъ культъ утвердился въ Израилѣ, пока XII вѣковъ спустя римскій воинъ сожженіемъ храма не свершилъ того, чего не могли сдѣлать Самуилъ и всѣ послѣдующіе пророки.

Несмотря, однако, на глубокія и душевныя терзанія, которыя выпали на долю перваго еврейскаго монарха, царствованіе его принесло народу громадную пользу. Онъ принялъ царство надъ совершенно безоруженнымъ народомъ. Филистимляне, господствовавшіе тогда надъ Израилемъ, не допускали существованія кузнецовъ во всей странѣ, „дабы евреи не дѣлали себѣ ни меча ни копья“, такъ что даже земледѣльческое орудіе евреи должны были покупать у филистимлянъ *). Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя онъ окрѣпъ настолько, что былъ въ состояніи помѣряться силами не только съ филистимлянами, но и со всѣми окружающими народами. До настоящей завоевательной политики дѣло, однакожъ, не дошло; душевныя терзанія нечастнаго монарха приняли подъ конецъ характеръ тяжелаго психоза. Онъ тратилъ свои силы на преслѣдованіе Давида и совершенно запустилъ государственныя дѣла. Счастливѣе его былъ Давидъ. Достигнувъ власти не по праву престолонаслѣдія, а благодаря своимъ личнымъ качествамъ, онъ, какъ искусный дипломатъ, искалъ опоры вездѣ, гдѣ только могъ ее найти, и сумѣлъ приводить въ равновѣсіе оба религіозныхъ фактора—жрецовъ и пророковъ, пользуясь обоими для укрѣпленія своего положенія въ народѣ. Храбрый воинъ, во главѣ храброй, хорошо организованной и до фанатизма преданной ему дружины, Давидъ не только освободилъ народъ отъ всѣхъ его притѣснителей, но рѣшилъ сдѣлать послѣднихъ навсегда безвредными. Цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ онъ завоевалъ одно за другимъ всѣ окружающія государства: идумейское, моавитское, амонитское и даже сирійское (Арамъ) и, замѣнивъ вездѣ царей еврейскими намѣстниками, окончательно присоединилъ эти земли къ Израильскому царству, границы котораго раздвинулись такимъ образомъ далеко за предѣлы, о которыхъ мечталъ когда то древній законодатель. Счастливому преемнику Давида, Соло-

*) I Sam. XIII, 20, 21.

Digitized by Google

мону Мудрому не оставалось ничего больше дѣлать, какъ упрочить внутреннее состояніе этого обширнаго государства, связать воедино всѣ его составныя части и превратить его въ твердыню, которая могла бы противостоять будущимъ завоевателямъ съ сѣвера и съ востока.

IV.

Но это, къ сожалѣнію, не случилось. Израильтяне, при всемъ превосходствѣ ихъ культуры, не съумѣли ассимилировать въ себѣ окружающихъ сравнительно малочисленныхъ и малокультурныхъ племенъ, и этотъ фактъ покажется намъ съ перваго взгляда тѣмъ болѣе страннымъ, что почти всѣ эти племена были родственны израильтянамъ и по крови, и по языку и, вѣроятно, очень мало отличались отъ нихъ нравами и обычаями.

Этотъ вопросъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Не подлежитъ теперь сомнѣнію, что названіе „евреи“ „עברים“ вовсе не принадлежало исключительно израильтянамъ. Это было общее названіе для цѣлой группы семитическихъ племенъ, родоначальникомъ которыхъ, согласно библейской генеалогической таблицѣ, былъ Еверъ עבר, правнукъ Сима*); и inda nomen. Израильтянамъ присвоено въ библіи названіе עברים только въ противоположность филистимлянамъ и египтянамъ но никогда они не называются такъ для отличія ихъ отъ идумеянъ, моавитянъ или амонитянъ, и это по той простой причинѣ, что послѣдніе также были потомки Евера. Объ Амонѣ и Моавѣ сама Библія свидѣтельствуетъ, что они происходятъ отъ Лота, племянника Авраама, идумеи же происходятъ отъ Исава, внука Авраама и родного брата Якова. При всей враждѣ, которую израильтяне всегда питали къ идумеямъ, они никогда не отрицали своего кровнаго родства съ ними. „Не презирай идуменянина, ибо онъ братъ твой“,—сказано въ книгѣ Моисея **).

Согласно преданіямъ, сохранившимся въ Библіи, идумеи, моавитяне и амонитяне, нѣкогда населяли Ханаанскую землю, которая и носила названіе ארץ העברים, ***) еще задолго до завоеванія ея израильтянами. Но вытѣсненные оттуда хананитами, эти племена направились къ югу и къ востоку отъ Мертваго моря и покорили первобытныхъ обитателей этой мѣстности,

*) Genesis X, 21. 24.
**) Deuteron. XXIII, 8.
***) Genesis XL, 15; XLIII, 32.

Digitized by Google

которые частью были истреблены, частью же смѣшались съ ними, значительно повліявъ, такимъ образомъ, на религіозныя воззрѣнія побѣдителей. Обрядъ обрѣзанія однако же всѣ эти народы продолжали соблюдать наравнѣ съ израильтянами. Изъ всѣхъ народовъ Палестины одни только филистимляне, какъ пелазгическое племя, часто именуются въ Библіи презрительной кличкой „необрѣзанныхъ" ערלים, и нигдѣ это слово не примѣняется къ идумеямъ, моавитянамъ, амонитянамъ и даже къ финикійцамъ. Если же гораздо позже Іоаннъ Гирканъ, завоевавъ Идумею, долженъ былъ заставить жителей принять обрѣзаніе, то это потому, что этотъ обрядъ былъ оставленъ ими во время господства селевкидовъ.

Что касается языка этихъ племенъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они всѣ, подобно финикійцамъ, употребляли еврейскія нарѣчія, если не вполнѣ чистый библейскій языкъ. Всѣ приведенныя въ библіи собственныя имена лицъ и городовъ этихъ народовъ имѣютъ не только еврейскіе корни, но и еврейскія формы. Затѣмъ мы имѣемъ теперь и подлинный памятникъ моавитской письменности, такъ называемый камень Меса, на которомъ, упоминаемый въ библіи царь Меса разсказываетъ о своихъ побѣдахъ надъ израильтянами. Надпись, правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе порчи камня неудобочитаема, но тѣ мѣста, которыя хорошо сохранились, написаны на чисто библейскомъ языкѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ еврейскихъ грамматическихъ формъ, если не считать незначительныхъ мелкихъ отступленій.

Наконецъ, по моему глубокому убѣжденію, въ сокровищницѣ нашей библейской поэзіи сохранилась одна драгоцѣнная жемчужина, полученная нами въ наслѣдство отъ нашихъ братьевъ идумеевъ. Я говорю о книгѣ Іова. Въ спеціальной работѣ, посвященной разбору этого вопроса, я надѣюсь доказать, что эта драматическая поэма, проникнутая самымъ чистымъ монотеизмомъ и самой возвышенной этикой, представляетъ произведеніе оригинальное, а не переводное; что авторомъ ея, однакожъ, никоимъ образомъ не могъ быть израильтянинъ, но что творцомъ ея могъ быть только идумеецъ, который, какъ потомокъ Исава, исповѣдывалъ вѣру въ единаго Бога Шадай, въ отличіе отъ первобытныхъ обитателей Идумеи—отъ хоритовъ, которые остались язычниками. Мысль эта въ сущности не нова, ее защищали нѣкоторые изъ учителей талмуда. Тѣмъ не менѣе никто не имѣлъ бы права обвинять еврейскій народъ въ присвоеніи себѣ чужой литературной соб-

Digitized by Google

ственности. Книга Іова не плагіатъ, а наслѣдство, полученное нами отъ нашего родного дяди Исава; и даже не отъ дяди вѣдь въ концѣ концовъ идумеяне совершенно слились съ израильтянами (во время Гиркана) и никто изъ насъ не можетъ теперь съ увѣренностью сказать, потомокъ ли онъ Якова или Исава. Такъ или иначе, но книга Іова даетъ намъ неопровержимое доказательство того, что еврейскій языкъ былъ общій для израильтянъ и окружающихъ ихъ народовъ.

Мы поэтому спрашиваемъ: если въ израильскомъ народѣ живо было преданіе о кровномъ его родствѣ съ окружающими народами, а у этихъ послѣднихъ навѣрное существовали подобныя же преданія; если всѣ эти народы говорили на одномъ и томъ же еврейскомъ языкѣ, если они, наконецъ, подобно израильтянамъ, соблюдали обрядъ обрѣзанія, обрядъ, служившій впослѣдствіи главнымъ препятствіемъ къ переходу другихъ народовъ въ еврейство, если все это такъ, то почему же эти народы, соединенные подъ общимъ скипетромъ израильскихъ царей, не слились съ израильтянами въ одинъ могущественный еврейскій народъ?

Мы часто гордимся тѣмъ, что вотъ-де мы уцѣлѣли, а моавитяне и амовитяне исчезли съ лица земли. Съ политической точки зрѣнія не гордиться намъ слѣдуетъ, а стыдиться, что мы не съумѣли растворить въ себѣ эти народы и такимъ образомъ сохранить ихъ въ самомъ себѣ.

VI.

Обыкновенно говорятъ, что стремленіе мелкихъ племенъ къ сліянію и къ образованію большихъ государственныхъ организмовъ не имѣло мѣста въ древности, а составляетъ продуктъ новѣйшаго времени, плодъ вліянія новоявленнаго національнаго принципа. Это совершенно невѣрно. Такія громадныя государства, какъ египетское, ассирійское или персидское, не могли развиваться посредствомъ непрерывнаго разростанія одной первобытной патріархальной семьи. Въ развитіи каждаго такого государства можно схематически представить себѣ два періода: періодъ дифференціаціи и періодъ интеграціи. Въ библіи находимъ не мало примѣровъ того и другого процесса. Патріархальная семья кочевниковъ мало-по-малу разростается до того, что по библейскому выраженію земля не выноситъ совмѣстнаго жительства всѣхъ ея членовъ; одинъ изъ членовъ съ частью общаго имущества удаляется, чтобы искать лучшаго пастбища, и становится

Digitized by Google

такимъ образомъ, родоначальникомъ новой патріархальной семьи, которая, въ свою очередь, разростаясь, можетъ опять распасться на двѣ семьи. Если языкъ первоначальной семьи не былъ еще окончательно сформированъ, если грамматическія его формы не были еще фиксированы, т. е. если вспомогательныя слова не слились еще съ главными корнями, въ видѣ окончанія послѣднихъ, то развитіе языка въ отдѣлившейся семьѣ можетъ пойти по иному направленію, чѣмъ въ оставшейся семьѣ. Затѣмъ, отдѣлившаяся семья можетъ принять въ лоно свое новыхъ членовъ, въ видѣ военноплѣнныхъ или купленныхъ у постороннихъ племенъ рабовъ; тѣ вносятъ въ обиходный языкъ новый запасъ словъ, и такимъ образомъ языкъ можетъ въ общемъ значительно измѣниться. Еще болѣе коренное измѣненіе можетъ происходить въ первоначальной религіи при процессѣ дифференціаціи. Религія въ первобытной фазѣ своего развитія состоитъ, какъ извѣстно, въ поклоненіи душѣ какого нибудь выдающагося предка; но въ отдѣлившемся родѣ, гдѣ старыя традиціи вообще не такъ прочны, можетъ появиться лицо, которое своими подвигами на пользу рода покроетъ славу обожествленнаго предка и само станетъ послѣ своей смерти предметомъ поклоненія.

Но вотъ среди разрозненныхъ патріархальныхъ семействъ, съ цѣлью обороны противъ какого нибудь общаго врага, проявляется тенденція къ интеграціи, т. е. къ образованію союзовъ и къ сліянію семействъ въ роды, родовъ въ племена, племенъ въ народы. Очевидно, что для заключенія союза, надо прежде всего сговориться между собою, т. е. надо, чтобы одно семейство, одинъ родъ, понимали языкъ другого семейства, другого рода. И такъ, первымъ условіемъ сліянія является тождество, или, по крайней мѣрѣ, сходство языковъ. Вторую и тоже немаловажную роль играетъ при этомъ религія. Сліяніе двухъ или нѣсколькихъ родовъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, въ одинъ народъ можетъ встрѣтить препятствіе въ разности ихъ религій — ни одинъ родъ добровольно не откажется отъ своего бога. И это вовсе не изъ одного только чувства піэтизма къ душамъ своихъ предковъ, а прямо изъ чувства страха; онъ знаетъ, что богъ, которому онъ до сихъ поръ поклонялся, ни за что не проститъ ему его измѣны въ пользу другаго бога.

Устраняется это затрудненіе во всѣхъ почти случаяхъ по одному и тому же способу. Чтобы не обидѣть никого изъ боговъ, поклоняются всѣмъ богамъ соединенныхъ племенъ вмѣ-

Digitized by Google

стѣ, слѣдуя извѣстной формулѣ: עמך עמי אלהיך אלוהי: „твой народъ станетъ моимъ народомъ, а твой богъ моимъ богомъ“. Обыкновенно заставляютъ боговъ вступать въ такіе же союзы, въ какіе вступаютъ племена, имъ поклоняющіяся. Если племена вступили въ союзъ какъ равноправные члены, то и боги равноправны. Если же одно племя подчинило себѣ другія, то богъ этого племени получаетъ первенствующее значеніе, прочіе же становятся его подчиненными, причемъ каждый изъ послѣднихъ назначается на болѣе или менѣе почетную должность съ приличнымъ окладомъ. Для упроченія этой сдѣлки является на помощь миѳологія, разсказывающая удивительныя исторіи о происхожденіи боговъ и о кровномъ ихъ споконъ вѣковъ родствѣ между собою. Надо полагать, что Аполлонъ, Арей, Гермесъ и другіе греческіе боги были нѣкогда самостоятельными богами и только послѣ переселенія на Олимпъ были усыновлены Зевесомъ.

Такимъ же образомъ возникъ и египетскій политеизмъ. Онъ образовался изъ божествъ отдѣльныхъ клановъ; и въ сонмищѣ боговъ, наполнявшихъ каждый храмъ въ Египтѣ, центральную фигуру представляло всегда туземное божество данной мѣстности. Умозрительный дуализмъ Зороастра, съ перенесеніемъ его на востокъ Иранской возвышенности, превращается въ настоящій политеизмъ, становясь въ то же время политическимъ факторомъ объединенія всѣхъ разрозненныхъ иранскихъ племенъ въ одинъ персидскій народъ. Чтобы не обидѣть туземныхъ боговъ, Ормузду навязываютъ цѣлый придворный штатъ Ашаспентовъ и цѣлую армію низшихъ служителей. Талмудическое изреченіе гласитъ מלכותא דארעא כעין מלכותא דרקיעא: Земное царство походитъ на небесное. Это совершенно справедливо, только слѣдуетъ перевернуть изреченіе: небесное царство походитъ на земное. Вѣдь и на землѣ очень часто не люди подыскиваются для имѣющихся должностей, а должности создаются для имѣющихся людей. Этой же политики придерживались и позднѣйшіе завоеватели. Въ Римѣ, какъ извѣстно, съ присоединеніемъ какой-нибудь новой провинціи, въ Пантеонѣ отводилось сейчасъ мѣсто богу ея. Пантеонъ, слѣдовательно, былъ не только результатомъ соединенія разныхъ племенъ въ одинъ народъ, но игралъ также роль цемента, связывающаго соединенныя племена другъ съ другомъ. Политеизмъ былъ, такимъ образомъ, не только религіозной системой, но и политической.

Мы получили теперь отвѣтъ на вопросъ, почему израиль-

Digitized by Google

тяне, завоевавъ окрестныя племена, не съумѣли ихъ слить съ собою и удержать за собою. Пророки говорятъ: אל קנא ה׳ „Іегова Богъ ревнивый“. Онъ никого не терпитъ ни рядомъ съ собою, ни въ подчиненіи себѣ. Всемогущій, Онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьихъ услугахъ; Безконечный, Онъ не оставляетъ во всей вселенной мѣста для какого-нибудь другаго бога. При такихъ условіяхъ окрестные народы могли быть присоединяемы къ обѣтованной землѣ лишь механически, но не органически.

VII.

И такъ, монотеизмъ, будучи источникомъ духовной силы еврейскаго народа, оказался въ тоже время источникомъ его политическаго безсилія. Цари еврейскіе, повидимому, отлично понимали это, и въ томъ, именно, и заключается единственное основаніе для ихъ реабилитаціи.

При чтеніи лѣтописи царей, при чтеніи пророковъ, насъ поражаетъ необъяснимое на первый взглядъ упорное тяготѣніе царей къ идолопоклонству и многобожію. Изъ всѣхъ царей израильскихъ одинъ только Іегу-бенъ-Нимши, а изъ іудейскихъ царей лишь немногіе удостоиваются одобрительнаго отзыва у лѣтописца; всѣ остальные получаютъ неудовлетворительныя отмѣтки за поведеніе и, повидимому, совершенно безпристрастно, такъ какъ лѣтописецъ-пророкъ не имѣлъ никакого интереса представить наиболѣе храбрыхъ и наиболѣе счастливыхъ царей идолопоклонниками. Не свободенъ отъ этого упрека и любимецъ пророковъ Соломонъ Мудрый. Оказывается, что онъ первый ввелъ въ столицѣ еврейскаго царства культъ сидонской Астарты, моавитскаго Кемоша, амонитскаго Милкома и культъ безыменнаго бога идумеевъ. И это сдѣлалъ Соломонъ, прозванный „мудрѣйшимъ изъ людей“, авторъ мудрыхъ притчъ, поражающихъ насъ и теперь своей мѣткостью и глубиной; да что притчи,—мудрыя притчи сочинялись и язычниками! Но это сдѣлалъ авторъ молитвы при освященіи храма, этой возвышеннѣйшей и задушевнѣйшей изъ всѣхъ молитвъ, которыя когда-либо возносились къ небесамъ изъ устъ смертнаго, молитвы, всей проникнутой чистымъ монотеизмомъ и столь же чистымъ человѣколюбіемъ. Лѣтописецъ объясняетъ это отступничество Соломона дурнымъ на него вліяніемъ иноземныхъ его женъ *). Положимъ, „на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты“, но объ-

*) I Regum, XI, 4.

Digitized by Google

яснять все однимъ только вліяніемъ женъ, кажется намъ недостаточнымъ. Одна женщина можетъ еще иногда имѣть большую власть надъ мужчиной, но тысяча женщинъ вмѣстѣ такой властью не обладаютъ. Затѣмъ, эту приверженность многобожію мы встрѣчаемъ, вѣдь, не у одного только Соломона. Неужели въ исторіи, какъ въ уголовныхъ процессахъ, мы будемъ всегда руководствоваться банальнымъ правиломъ cherchez la femme.

На основаніи поверхностнаго чтенія пророковъ, многіе составляютъ невѣрное представленіе о евреяхъ библейскаго періода, полагая, что они были всѣ погружены въ язычество и что цари, какъ дѣти своего вѣка, были только не лучше народа. Это—ошибочное представленіе. Вѣдь пророки тоже были дѣти своего народа, кость отъ кости и плоть отъ плоти его. И еслибы пророки не опирались на сочувствіе къ нимъ народной массы, они, при всей ихъ самоотверженности, не могли бы занимать такого независимаго положенія по отношенію къ царямъ и жреческому сословію. Мы убѣждены, что не только въ Іудеѣ, но и въ Израилѣ, народъ остался вѣренъ ученію пророковъ, даже въ самый разгаръ языческихъ оргій царей и царедворцевъ. Что дѣлали бы многочисленные пророки и ихъ ученики (сыны пророковъ) въ Израилѣ, еслибы культъ Іеговы былъ тамъ упраздненъ? Какъ часто пророкъ Илья говорилъ горькую правду въ глаза царю Ахаву и совершенно безнаказанно. Вспомнимъ кстати рѣзню, учиненную народомъ, по призыву пророка, надъ жрецами Ваала, причемъ никто даже не заступился за нихъ.

Пророкъ говоритъ, что во время Ахава „во всемъ Израилѣ было только 7000 человѣкъ, колѣна которыхъ не преклонялись предъ Ваалomъ и уста которыхъ не лобзали его“ *). Намъ думается, что число 7 должно быть понимаемо здѣсь, какъ, впрочемъ, во многихъ другихъ мѣстахъ, не въ буквальномъ смыслѣ, а какъ метафора. Вѣдь, вскорѣ послѣ смерти Ахава, полководецъ Іегу-бенъ-Нимши, при нравственной поддержкѣ пророковъ, произвелъ государственный переворотъ во имя Іеговы, истребивъ всѣхъ членовъ династіи Ахава и провозгласивъ себя царемъ израильскимъ. Съ партіей въ 7000 человѣкъ Іегу врядъ ли рискнулъ бы предпринять такой переворотъ и врядъ ли удалось бы ему выполнить его безъ всякаго сопротивленія.

*) I Regum XIX, 18.

Digitized by Google

Но самое вѣское, по нашему мнѣнію, доказательство въ пользу того, что весь народъ, за исключеніемъ верхнихъ его слоевъ, оставался вѣренъ ученію Моисея и пророковъ, мы видимъ въ слѣдующемъ, загадочномъ, на первый взглядъ, фактѣ. Въ продолженіе почти цѣлаго тысячелѣтія, пока народъ жилъ на своей родной землѣ, пока онъ жилъ своей національной жизнью, онъ выказывалъ полное равнодушіе къ своей національной религіи и какое-то особенное, непонятное стремленіе къ усвоенію чужихъ культовъ, оставаясь глухимъ ко всѣмъ увѣщаніямъ своихъ національныхъ руководителей; но вотъ его государственный строй прерывается, его національный храмъ разрушается. онъ самъ изгоняется изъ родной земли, и куда?—въ Вавилонъ, въ самый центръ язычества, и тутъ то онъ вдругъ прозрѣваетъ и въ короткое сравнительно время перевоспитывается и преобразовывается въ чисто богословскій народъ, до самоотверженія преданный своей религіи. Неужели все это одни капризы жестоко-выйнаго народа?

Этотъ вопросъ занималъ, какъ извѣстно, всѣхъ историковъ еврейскаго народа; но признаюсь, ни у кого изъ нихъ не нашелъ я удовлетворительнаго объясненія этого загадочнаго явленія. Дѣло, однакожъ, объясняется весьма просто и въ сущности тутъ нѣтъ ничего загадочнаго. За исключеніемъ, можетъ быть, окраинъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, еврейскій народъ, въ массѣ своей, былъ всегда вѣренъ своей національной религіи, насколько она была доступна его пониманію; это только цари и царедворцы постоянно навязывали ему многобожіе, какъ политическую систему. Противъ этихъ то царей, противъ этихъ то царедворцевъ и направлены были грозныя филиппики пророковъ, а вовсе не противъ народной массы. О заблужденіяхъ массы пророки только сожалѣютъ, но обвиняютъ въ нихъ не народъ, а его руководителей. „О, народъ мой“, восклицаетъ пророкъ Исаія: „путеводители твои заставляютъ тебя блуждать и пути твоего шествія извратили они“. Понятно, поэтому, что съ потерей политической самостоятельности народъ, эмансипированный отъ вліянія своихъ политическихъ руководителей, получилъ возможность спокойно и всецѣло предаваться своей національной религіи, которой онъ, въ сущности, никогда не измѣнялъ и не могъ измѣнить. Вѣдь онъ ее ни у кого не заимствовалъ, она плодъ его національнаго творчества и составляла его національную сущность *).

*) Съ предвидѣніемъ поистинѣ пророческимъ предсказано было это обстоятельство пророкомъ Осіей: „Когда сыны Израиля пробудутъ долгое

Digitized by Google

VIII.

Въ послѣднее время, въ силу господствующихъ теперь у насъ вѣяній, приходится слышать призывъ къ исторической реабилитаціи царей и политическихъ дѣятелей палестинскаго періода еврейской исторіи. При этомъ выставляется на видъ, что „несмотря на видимую борьбу между послѣдними и духовными руководителями народа, появленіе и развитіе пророческой дѣятельности было бы немыслимо безъ непрерывныхъ трудовъ царей и другихъ свѣтскихъ дѣятелей“ *). Послѣднее утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Появленіе пророческой дѣятельности, какъ мы видѣли, предшествовало возникновенію царской власти. Правда, дальнѣйшее развитіе пророческая мысль получила уже при царяхъ, но не при содѣйствіи послѣднихъ, а вопреки имъ. Конечно, нелицепріятный судъ исторіи не знаетъ давности, и если мы теперь, послѣ трехъ почти тысячелѣтій, нашли бы возможнымъ реабилитировать царей еврейскихъ, то эта была бы наша прямая обязанность, вопреки традиціонной симпатіи нашей къ ихъ противникамъ, къ пророкамъ. Къ сожалѣнію, при разборѣ старыхъ документовъ мы находимъ въ нихъ только смягчающія вину царей обстоятельства, но нѣтъ такихъ фактовъ, которые послужили бы къ полной ихъ реабилитаціи.

Говорятъ, что царямъ еврейскій народъ обязанъ своимъ единствомъ. Мы видѣли, что основаніе этому единству положено было пророкомъ Самуиломъ. Первые цари, правда, укрѣпили это единство, дали ему прочную на видъ форму. Но разъ нарушилось это единство, разъ народъ раздѣлился на два царства, то возстановленію этого единства больше всего, конечно, мѣшали цари изъ чисто династическихъ соображеній. Предъ судомъ исторіи династическія соображенія врядъ ли послужатъ даже смягчающимъ вину обстоятельствомъ, а тѣмъ меньше средствомъ къ реабилитаціи. Другое дѣло политическія соображенія, которыми руководились нѣкоторые цари при введеніи политеизма. Уже одинъ изъ талмудистовъ выразился: כל האומר שלמה רמא אינו אלא טועה **): „Кто утверждаетъ, что Соломонъ былъ повиненъ въ идолопоклонствѣ, глубоко ошибается“. Соломонъ лично не предавался культу

время безъ царя и безъ вельможъ, тогда они вернутся, чтобы искать своего Бога Іегову“ (Hosea III, 4, 5).

*) М. Марголинъ. Основныя теченія въ исторіи евр. народа, стр. 11.

**) Schabb. 51в.

Digitized by Google

боговъ тѣхъ народовъ, которые были покорены его отцомъ, мудрый Соломонъ не вѣрилъ и не могъ вѣрить въ ихъ божественность, но онъ допустилъ ихъ культъ при своемъ дворѣ. Оффиціальнымъ признаніемъ иноземныхъ боговъ онъ имѣлъ въ виду привязать къ себѣ народы, имъ поклоняющіеся, слить ихъ съ еврейскимъ народомъ и растворить ихъ въ немъ. Цѣль была несомнѣнно хорошая, онъ хотѣлъ видѣть еврейскій народъ сильнымъ и могущественнымъ. Интересно, что въ текстѣ не упоминается о введеніи Соломономъ культа арамейскихъ боговъ въ Іерусалимѣ. Если это не случайность, то этимъ объяснилось бы, почему Арамъ отложился отъ евреевъ еще при жизни Соломона [1]).

Этой же политики держались и ближайшіе преемники Соломона. Идумея и послѣ раздѣленія еврейскаго царства осталась вѣрной Іудеѣ, и первыя попытки къ возстановленію своей независимости она стала обнаруживать лишь въ царствованіе Іосафата, т. е. послѣ того какъ его отецъ, царь Аса, и онъ самъ очистили Іудею отъ иноземныхъ культовъ. Интересно слѣдующее сообщеніе лѣтописца: царь Амассія нанесъ тяжкое пораженіе Идумеѣ и, подчинивъ ее снова своей власти, счелъ нужнымъ возстановить вмѣстѣ съ тѣмъ въ Іерусалимѣ культъ боговъ Сеира. Одинъ изъ пророковъ обратился по этому поводу къ царю съ упрекомъ: „зачѣмъ ты преклоняешься передъ богами, не съумѣвшими спасти народа своего отъ руки твоей?“ Царь иронически отвѣтилъ: Развѣ мы назначили тебя быть царскимъ совѣтникомъ“ [2]); другими словами: не тебѣ судить о дѣлахъ политическихъ, въ которыхъ ты ничего не понимаешь.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ царствованіе Менассія. Это по истинѣ загадочная личность. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе его отца Іезекіи справедливо считается временемъ полнаго и всесторонняго осуществленія пророческихъ идеаловъ, такъ что одинъ изъ законоучителей р. Гиллель II позволилъ себѣ даже выразиться: „Нѣтъ больше Мессіи для Израиля, ибо всѣ пророчества о немъ вполнѣ осуществились уже во дни Іезекіи“ [3]). И вотъ послѣ 30-лѣтняго господства чистаго монотеизма, послѣ блестящей плеяды пророковъ, произведенія которыхъ дошли до насъ, послѣ

---

[1]) I Reg. XI; 23—24.

[2]) II Chron XXV, 14—16.

[3]) Sanhedrin, 99a.

Digitized by Google

небывалаго развитія, достигнутаго національной литературой, является молодой монархъ, который разомъ опрокидываетъ установившійся строй и передается самой необузданной оргіи идолопоклонства. Ему мало Ваала, Астарты и Молоха, идолы которыхъ онъ воздвигаетъ въ самомъ храмѣ Іеговы, ему мало боговъ сосѣднихъ народовъ, и онъ вводитъ у себя культы разныхъ народовъ отдаленной Ассиріи и Халдеи. Не было той формы колдовства и чародѣйства, которой бы онъ не послѣдовалъ, не было того божества, которому бы онъ не воздвигъ алтаря въ Іерусалимѣ; какъ будто онъ рѣшился превратить священный градъ въ всемірный пантеонъ. Это уже не подражаніе, не увлеченіе, а разсчитанная, упорно проведенная система. Не забудемъ, что проведеніе этой системы, по свидѣтельству лѣтописца, не обошлось безъ страшнаго кровопролитія. Пророковъ иначе вѣдь нельзя было заставить молчать.

Грецъ старается объяснить все это реакціей со стороны вельможъ и князей іудейскихъ противъ монотеистическаго режима царя Іезекіи. Введеніе всѣхъ возможныхъ культовъ имѣло одну цѣль—сдѣлать что нибудь на зло пророкамъ. Это объясненіе кажется мнѣ недостаточнымъ. Что вліяніе князей и вельможъ іудейскихъ особенно усилилось въ началѣ царствованія малолѣтняго Менасіи, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но чтобы политика безполезнаго „на зло“ упорно продержалась почти цѣлыхъ 60 лѣтъ,—съ этимъ трудно согласиться. Грецъ говоритъ, что князья Іудейскіе выдавали введеніе иноземныхъ культовъ за возвращеніе къ старому до-іезекіевскому режиму; они, стало быть, разыгрывали роль консерваторовъ. Но халдейскій культъ свѣтилъ небесныхъ не былъ раньше извѣстенъ въ Іудеѣ, и введеніе его должно было скорѣе казаться всѣмъ актомъ революціоннымъ, чѣмъ консервативнымъ.

Но все это становится вполнѣ понятнымъ, если бросить взглядъ на тогдашнее политическое состояніе Палестины и окрестныхъ земель. Финикійское, Израильское, Арамейское, Амонитское, Моавитское и другія царства покорены были ассирійцами; часть населенія, преимущественно правящіе и богатые классы, уведена была въ глубь Азіи, а на ихъ мѣсто поселены были насильственно разныя племена изъ Мидіи и Халдеи. Такимъ образомъ, вокругъ маленькой, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей Іудеи образовалось чрезвычайно пестрое населеніе изъ всевозможныхъ племенъ и народовъ съ разнообразными культами,—населеніе бѣдное, безо всякихъ дина-

Digitized by Google

стическихъ традицій, въ сущности совершенно свободное и только номинально зависимое отъ Ассиріи.

Но случилось такъ, что долгое царствованіе Менассіи совпало какъ разъ съ періодомъ постепеннаго упадка ассирійскаго могущества и постепеннаго же возрастанія могущества вавилонскаго. Первое не было уже достаточно сильнымъ, а второе еще не было достаточно сильнымъ, чтобы помѣшать указаннымъ племенамъ сгруппироваться вокругъ Іудеи и слиться съ нею. Уже Іезекія сдѣлалъ попытку привлечь на свою сторону остатки Израильскаго царства, приглашая всѣхъ на праздничныя паломничества въ Іерусалимѣ. Нѣкоторые дѣйствительно откликнулись на этотъ призывъ, другіе же только насмѣхались надъ послами, и понятно, какое дѣло было выходцамъ изъ Халдеи до Іерусалимскаго храма. Менассія для осуществленія этой же цѣли стремился сдѣлать Іерусалимъ религіознымъ центромъ всѣхъ этихъ племенъ, принося въ жертву этой политикѣ національный монотеизмъ.

IX.

Но почему не удалась эта политика, и кто помѣшалъ послѣдовательному ея проведенію? Прежде всего, конечно, она должна была бы ожидать противодѣйствія со стороны жреческаго сословія, которое уже въ силу своего призванія обязано было охранять чистоту національной религіи. Но жреческое сословіе за весь почти царскій періодъ еврейской исторіи играло пассивную лишь роль. Въ Израильскомъ царствѣ за нимъ не было даже признано право наслѣдственной преемственности; въ Іудейскомъ царствѣ домъ Аарона съумѣлъ, правда, отстоять свое исключительное право на священническое достоинство, но и тамъ священники лишь весьма рѣдко становились въ открытую оппозицію царской власти, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда какому нибудь царю вздумалось посягнуть на спеціально жреческія ихъ прерогативы, какъ это было напр. въ извѣстномъ столкновеніи между царемъ Озіей и первосвященникомъ Азаріей. Счастливое въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ первосвященникъ Іояда, человѣкъ разума и энергіи, свергнувшій царицу Аталію съ престола и тѣмъ спасшій національную династію вмѣстѣ съ національной религіею отъ окончательной гибели. Всѣ остальные жрецы были только послушными орудіями въ рукахъ царей: напр., взбалмошному царю

Digitized by Google

Ахазу понравился во время бытности его въ Дамаскѣ видѣнный имъ тамъ языческій жертвенникъ и онъ посылаетъ подробный его чертежъ первосвященнику Урію, а тотъ былъ настолько угодливъ, что еще до прибытія Ахаза воздвигъ точно такой же жертвенникъ въ храмѣ Іеговы. А между тѣмъ объ этомъ Уріи даже пророкъ Исаія отзывается, какъ объ очень достойномъ человѣкѣ *). Вообще, жрецы до-вавилонскаго періода заботились, повидимому, только о томъ, чтобы народъ приносилъ жертвы, но какому богу—это было для нихъ почти безразлично. Отъ искупительныхъ за грѣхи жертвъ алтарю доставались только кровь и внутренній жиръ, мясо же шло въ пользу жрецовъ, и пророкъ Осія былъ правъ, когда говорилъ: „Грѣхами моего народа кормятся они, и къ его преступленіямъ стремится душа ихъ“ חטאת עמי יאכלו ואל עונם ישאו נפשו **).

Но зато тѣмъ упорнѣе и тѣмъ безпощаднѣе было сопротивленіе, которое встрѣтила царская политика со стороны пророковъ. Уже Соломону пришлось испытать это на себѣ. Введеніе иноземныхъ культовъ вызвало со стороны пророковъ не только горькіе упреки, но и открытую угрозу, что все грандіозное политическое зданіе, сооруженное усиліями Давида, подвергнется распаденію. Угроза эта, какъ извѣстно, была вскорѣ приведена въ исполненіе и, конечно, не безъ участія пророковъ. Вотъ какъ описывается въ Книгѣ Царей начало этого роковаго событія. И Іеровоамъ сынъ Навата, Ефратянинъ... слуга Соломона, поднялъ руку на царя. И вотъ поводъ, по которому онъ поднялъ руку на царя: Соломонъ строилъ валъ, чтобы закрыть брешь въ оградѣ Давида. Іеровоамъ же былъ храбрый воинъ, и Соломонъ, замѣтивъ, что молодой человѣкъ понимаетъ работу, поставилъ его начальникомъ надъ всѣми оброчными работниками изъ дома Іосифа. И случилось въ то время Іеровоаму выйдти изъ Іерусалима, и встрѣтилъ его на дорогѣ пророкъ Ахія Силомскій, одѣтый въ новую одежду; на полѣ же ихъ было только двое. И взялъ Ахія новую одежду, бывшую на немъ, и разорвалъ ее на двѣнадцать лоскутовъ, и сказалъ Іеровоаму: возьми себѣ десять лоскутовъ, ибо такъ говоритъ Іегова Богъ Израиля: вотъ Я исторгаю царство изъ рукъ Соломона и даю тебѣ десять колѣнъ... Это за то, что онъ оставилъ Меня и сталъ кланяться Астартѣ, божеству Сидонскому, Кемошу, божеству Моавит-

*) II Regum XVI, 10, 11. Iesaia VIII, 2.

**) Hosea IV, 8.

Digitized by Google

скому и Милкому, божеству сыновъ Амона и не пошелъ пу тями Моими, чтобы исполнять Мои заповѣди и постановле нія, какъ это дѣлалъ Давидъ, отецъ его... Тебя же я изби раю и ты будешь царствовать по желанію души твоей — ты будешь царемъ надъ Израилемъ. И если ты будешь со блюдать все, что Я заповѣдаю тебѣ, и если будешь шество вать путями Моими, исполняя Мои уставы и законы, как это дѣлалъ рабъ Мой Давидъ,—то буду съ тобою и устрок тебѣ прочный домъ, какъ устроилъ Я Давиду, и отдамъ тебѣ Израиль. И хотѣлъ Соломонъ убить Іеровоама, но Іеровоамъ всталъ и убѣжалъ въ Египетъ къ Шишаку царю египетскому и оставался въ Египтѣ до смерти Соломона *).

И такъ, заговоръ объ отложеніи десяти колѣнъ отъ дома Давида задуманъ былъ, по свидѣтельству лѣтописца, по инициативѣ тогдашняго главы пророковъ, Ахіи Силомскаго, какъ протестъ противъ введеннаго Соломономъ языческаго культа. Въ высшей степени вѣроятно участіе въ этомъ заговорѣ и другихъ пророковъ. Когда, послѣ разразившагося возстанія, Рехавомъ собралъ многочисленное іудейское войско, съ цѣлью силой вернуть себѣ господство надъ Израилемъ и возстановить единство народа еврейскаго, то пророки не только не поощряли его къ этому шагу, но, напротивъ, именемъ Іеговы удержали его отъ междуусобной войны.

Въ виду тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя расщепленіе еврейскаго царства повлекло за собою въ дальнѣйшей судьбѣ еврейскаго народа, отрѣшимся на время отъ чувства піетизма, которое мы привыкли питать къ пророкамъ и спросимъ себя: вѣдалъ ли Ахія, что творилъ? Неужели не понялъ онъ, что одежда, разорванная на лоскуты не защищаетъ отъ холода и непогоды, что народъ разорванный на части не устоитъ противъ натиска внѣшнихъ враговъ? Допустимъ, что не вся вина падаетъ на Ахію; нѣкоторую роль, несомнѣнно, играли при этомъ съ одной стороны непосильные оброки, которыми Соломонъ обременялъ народъ для своихъ пышныхъ сооруженій, а съ другой стороны, тотъ духъ партикуляризма, который свойственъ былъ еврейскому народу споконъ вѣковъ. Не послѣднюю роль играло, наконецъ, и честолюбіе самого Іеровоама. Все это правда, но уже одно участіе Ахіи въ этомъ заговорѣ мы, съ нашей современной точки зрѣнія, не можемъ назвать иначе, какъ измѣной національному принципу. Раз-

*) I Reg XI, 26—40.

Digitized by Google

бить народъ изъ-за какихъ то богословскихъ тонкостей — развѣ это не измѣна? Съ національно-политической точки зрѣнія, стало быть, не царь Соломонъ нуждается въ реабилитаціи, а пророкъ Ахія. Пусть измѣна внушена была ему пророческимъ наитіемъ свыше, пусть она подсказана ему гласомъ Божіимъ, раздавшимся въ глубинѣ его сердца—онъ долженъ былъ бѣжать отъ Бога, отъ самого себя, онъ доженъ былъ броситься въ бушующія морскія волны, чтобы ихъ ревомъ заглушить въ себѣ этотъ гласъ Божій, какъ это сдѣлалъ другой пророкъ, Іона, когда получилъ непріятное его сердцу пророчество о гибели города Ниневіи.

X.

Но, скажемъ, Ахія не предвидѣлъ гибельныхъ послѣдствій раздѣленія еврейскаго царства. Вѣдь не предвидѣлъ же онъ и того, что Іеровоамъ, на котораго онъ возлагалъ надежды, что онъ очиститъ Израильское царство отъ иноземныхъ культовъ, введетъ въ самый культъ Іеговы элементы язычества, какими лѣтописецъ считаетъ извѣстные два золотыхъ тельца, поставленныхъ Іеровоамомъ въ Бетъ-Элѣ и Дакѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не будемъ лойальнѣе нашихъ законоучителей талмудистовъ, которыхъ никто, конечно, не заподозритъ въ недостаточномъ уваженіи къ пророкамъ, а талмудисты прямо говорятъ: אף אחיה טעה וחתם т. е. не только благочестивые израильтяне того времени, но и самъ Ахія ошибся, когда подписалъ актъ о воцареніи Іеровоама *).

Но если допустима ошибка для Ахіи, то она не допустима для автора Книги Царей. Этотъ анонимный авторъ жилъ уже послѣ разрушенія обоихъ еврейскихъ царствъ. Самъ послѣдователь пророковъ, онъ пользовался, однакожъ, для своего труда лѣтописями, какъ царей іудейскихъ, такъ и царей израильскихъ: объ этихъ лѣтописяхъ онъ упоминаетъ на каждой страницѣ своего труда. Онъ видѣлъ, стало быть, событія прошлаго въ разныхъ и противоположныхъ освѣщеніяхъ, а не въ одномъ только пророческомъ освѣщеніи. Предъ его духовнымъ окомъ разстилалась длинная историческая панорама. Онъ видѣлъ, какъ присоединенные къ еврейскому царству народы, одинъ за другимъ отъ него отложились; онъ видѣлъ какъ ослабленное Израильское царство стало добычей ассирійскихъ завоевателей, и вслѣдъ затѣмъ Іудейское царство

*) Sanhedrin, 101 в.

Digitized by Google

погибло отъ руки Вавилона; однимъ словомъ, онъ видѣлъ вс
послѣдствія раздѣленія еврейскаго царства и тѣмъ не менѣ
онъ не только не осуждаетъ пророка Ахіи, но относится к
нему даже сочувственно. Ему, повидимому, и въ голову не при
ходило скрыть отъ потомства участіе Ахіи въ заговорѣ Іеро
ваама противъ Соломона.

Да Ахія не составлялъ въ этомъ отношенія исключенія
Внимательно изучая пророковъ, мы убѣждаемся, что никт
изъ нихъ, во всѣхъ фазахъ развитія пророческой мысли, ни
когда не смотрѣлъ на политическое могущество какъ на же
ланную само по себѣ цѣль. Даже само государство было въ их
глазахъ не цѣлью само по себѣ, а лишь средствомъ для вопло
щенія идеаловъ правды и справедливости на землѣ и для при
витія этихъ идеаловъ избранному народу... Безъ этихъ идеа
ловъ государство еврейское и даже храмъ Іерусалимскій те
ряли въ ихъ глазахъ всякую цѣну. Осуществленіе же идеалов
правды и справедливости въ представленіи пророковъ был
тѣсно связано съ признаніемъ единой и объединяющей силы
управляющей всѣмъ міромъ. Іегова именно и представляет
собою синтезъ этихъ идеаловъ. Не въ отвлеченномъ моно
теизмѣ сила ученія пророковъ. Не за отвлеченную идею бо
ролись они. Монотеизмъ великъ какъ доктрина, какъ не
сомнѣнно глубокая и всеобъемлющая идея, но почти столь-же
глубокъ и почти столь-же всеобъемлющъ открытый Ньютономъ
законъ всемірнаго тяготѣнія. Однако же, хотя мы гордимся
принадлежностью Ньютона къ роду человѣческому, хотя пре
клоняемся предъ величіемъ его генія, но не называемъ его
пророкомъ. Корень пророческаго монотеизма не въ умозри
тельной способности человѣческаго духа, а въ этической его
природѣ. Единый Богъ и единая справедливость для единаго
человѣчества—таковъ монотеизмъ пророковъ. Нѣтъ двухъ
справедливостей: одна въ отношеніи къ однимъ людямъ, дру
гая въ отношеніи къ другимъ, нѣтъ двухъ справедливостей:
одна въ отношеніи одной личности къ другой, другая въ от
ношеніи одной народности къ другой. „Вѣдь одинъ Отецъ у
насъ всѣхъ,—говоритъ пророкъ Малахія,—вѣдь одинъ Богъ
насъ всѣхъ сотворилъ, почему же намъ измѣнять другъ
другу?“

Для пророковъ этотъ безхитростный силлогизмъ былъ со
вершенно достаточенъ, чтобы обосновать имъ обязательность
этическаго принципа въ зависимости отъ идеи монотеизма. Въ
другихъ болѣе тонкихъ діалектическихъ комбинаціяхъ, къ

Digitized by Google

какимъ мы теперь обыкновенно прибѣгаемъ, пророки не нуждались. Строго говоря и въ этомъ силлогизмѣ не было надобности, такъ какъ въ представленіи пророковъ принципъ нравственности находился не въ зависимости отъ признанія монотеизма, но составлялъ съ этимъ послѣднимъ одну нераздѣльную сущность.

Я позволю себѣ здѣсь указать на одну, по моему, весьма интересную особенность библейскаго языка. Въ Библіи мы очень часто встрѣчаемъ выраженіе: „познаваніе Бога или познаваніе Іеговы“ דַּעַת אֱלֹהִים, דַּעַת אֶת ה׳. Пророки выставляютъ стремленіе къ „познаванію Іеговы“ особенной заслугой и обратно, сильно порицаютъ уклоняющихся отъ этого познаванія. Распространеніе „познанія Іеговы“ по всей землѣ— это ихъ любимая мечта и они предвидятъ осуществленіе ея въ концѣ дней.

Но что такое познаваніе Бога? Можно было бы подумать, что это означаетъ изученіе метафизическихъ свойствъ вѣчнаго духа, или по крайней мѣрѣ созерцаніе его всемогущества, по скольку оно манифестируется въ явленіяхъ природы. Мы вѣдь знаемъ, какъ высоко ставился этотъ родъ созерцанія пророками. Но нѣтъ. При провѣркѣ всѣхъ содержащихъ это выраженіе текстовъ и сличеніи ихъ съ контекстами, мы убѣждаемся, что познаваніе Іеговы означаетъ вездѣ „сознаніе нравственнаго долга и стремленіе примѣнить его въ частной и общественной жизни“. Словомъ, оно означаетъ приблизительно то же, что русское слово „совѣсть“ или нѣмецкое „Gewissen“ отъ „вѣдать“ и „Wissen“, соотвѣтствующихъ еврейскому יָדַע. Съ конкорданціей въ рукахъ легко убѣдиться, что указанныя выраженія имѣютъ это значеніе во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ. Я позволяю себѣ указать только на нѣсколько примѣровъ:

1) Пророкъ Осія, напр., говоритъ: Споръ у Іеговы съ обитателями земли, ибо нѣтъ правды, нѣтъ милосердія, нѣтъ *боюпознанія* на землѣ: клятва и ложь, убійство и кража участились и т. д. *).

2) Тотъ же пророкъ, предвѣщая, что община израильская, измѣнившая своему жениху Іеговѣ, опять къ нему вернется, говоритъ ей отъ имени Бога. „Я вновь обручу тебя съ собою на вѣки, я обручу тебя правдой и правосудіемъ, милостью и любовью, я обручу тебя вѣрностью и этимъ ты *познаешь*

*) Hosea, IV, 1.

Digitized by Google

Іегову“ *). Обратимъ, кстати, вниманіе на приданое, котораго суровый и мстительный, Іегова требуетъ отъ своей невѣсты— не крови онъ требуетъ, а правды и любви.

3) Іеремія говоритъ: „Пусть не хвастаетъ мудрецъ своею мудростью, и пусть не хвастаетъ богатырь своимъ мужествомъ— ужъ если можно чѣмъ гордиться—то развѣ разумѣніемъ и познаваніемъ меня, השכל וידוע אותי, что я, Іегова, творю милость, правосудіе и справедливость на землѣ“.

Я долженъ, впрочемъ, замѣтить, что данное мною опредѣленіе „богопознанія“ не принадлежитъ лично мнѣ. Оно ясно формулировано пророкомъ Іереміей. Упрекая царя Шалума за его страсть къ роскошнымъ сооруженіямъ, при постройкѣ которыхъ онъ заставлялъ бѣдныхъ людей работать на себя даромъ, пророкъ напоминаетъ ему праведную жизнь его отца царя Іосіи, и говоритъ: „Твой отецъ вѣдь тоже ѣлъ и пилъ (т. е. не отказывался отъ радостей жизни), но онъ творилъ также правосудіе и справедливость, и благо было ему; онъ заступался на судѣ за бѣдныхъ и нищихъ, и благо было ему: вѣдь это то собственно и есть—познавать меня, говоритъ Іегова הלא הוא הדעת אותי נאום ה׳. Я долженъ еще прибавить, что эта описательная форма для обозначенія сознанія нравственнаго принципа происходитъ вовсе не отъ бѣдности древнееврейскаго языка вообще. Если въ еврейскомъ языкѣ, по понятной причинѣ, и нѣтъ самородныхъ словъ для обозначенія новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній, то относительно этическихъ понятій онъ ни въ богатствѣ словъ, ни въ ихъ выразительности нисколько не уступаетъ современнымъ языкамъ. Но въ міровоззрѣніи пророковъ, какъ мы выяснили выше, признаніе единаго Бога и сознаніе нравственнаго принципа составляли полное тождество, какъ, политеизмъ съ другой стороны, въ той его формѣ, въ какой онъ господствовалъ тогда среди окружающихъ народовъ, представлялъ полное отрицаніе нравственнаго принципа.

Итакъ, выборъ между единобожіемъ и многобожіемъ былъ не вопросомъ догматики или метафизики, а вопросомъ этическимъ. Альтернатива состояла въ томъ: гнаться ли еврейскому народу за политическимъ могуществомъ посредствомъ присоединенія къ себѣ окружающихъ народовъ, (что было немыслимо въ то время безъ присоединенія также ихъ боговъ съ противонравственнымъ ихъ культомъ); или же удовольство-

*) Hosea II, 21, 22.

Digitized by Google

ваться скромною политическою ролью, но сохранить зато въ чистотѣ религію, единственный догматъ которой составлялъ обязательность нравственнаго принципа? Пророки избрали второе. Такъ поступилъ Ахія Силомскій, такъ проповѣдывали и такъ поступали въ аналогичныхъ политическихъ положеніяхъ и всѣ послѣдовавшіе за нимъ пророки. Пророческая мысль, конечно, продолжала развиваться; богопознаніе въ указанномъ выше смыслѣ становилось съ теченіемъ времени шире и глубже, но принципъ и отношеніе къ нему пророковъ остались тѣ же.

XII.

Раньше чѣмъ прослѣдить отношеніе пророковъ къ нѣкоторымъ изъ дальнѣйшихъ политическихъ событій, я позволю себѣ разсмотрѣть еще одинъ весьма важный фактъ все изъ той же эпохи раздѣленія еврейскаго царства. Я хочу именно попытаться нѣкоторымъ образомъ реабилитировать Іероваама и очистить его отъ одного тяготѣющаго надъ нимъ тяжкаго преступленія, связаннаго съ фактомъ раздѣленія царства. Обѣлить Іеровоама отъ лишняго обвиненія не входило бы, собственно говоря, въ мою задачу; но это обвиненіе падаетъ также на весь израильскій народъ, оно составляетъ черную страницу въ нашей древней исторіи; а реабилитировать цѣлый народъ отъ напраснаго обвиненія — я считаю благодарной задачей. Кстати выяснится также, что рѣчи пророковъ не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что собственно и составляетъ цѣль моего изслѣдованія.

Авторъ Книги Царей, всѣ симпатіи котораго находятся на сторонѣ Давидовой династіи, сообщаетъ, что Іеровоамъ изъ опасенія, что народъ опять примкнетъ къ Давидовой династіи, если онъ и впредь будетъ совершать свои паломничества въ Іерусалимскій храмъ, рѣшилъ отвлечь религіозныя симпатіи народа отъ этого храма и направить ихъ на древнія святилища въ Веѳилѣ и Данѣ. Въ этихъ двухъ пограничныхъ городахъ, расположенныхъ—одинъ на крайнемъ сѣверѣ, а другой на крайнемъ югѣ Израильскаго царства— онъ поставилъ по одному золотому или позолоченному тельцу, объявивъ, будто бы, народу: „Вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли египетской“. Въ самомъ существованіи этихъ золотыхъ тельцовъ не можетъ быть сомнѣнія; о нихъ упоминается и у пророка Осіи; вопросъ только въ томъ,

Digitized by Google

дѣйствительно ли они представляли собою фетиши, какъ о томъ говорили во враждебной эфраимитамъ Іудеѣ?

По ходячему мнѣнію, котораго придерживается и Грецъ, тельцы эти были ничто иное, какъ изображенія египетскаго Аписа, культъ котораго Іеровоамъ будто бы вывезъ изъ Египта, гдѣ онъ нѣкоторое время скрывался. Но уже Дильманъ и другіе высказались противъ этого мнѣнія, указывая на то, что и въ самомъ Египтѣ Аписъ почитался исключительно въ видѣ живаго животнаго, но не въ видѣ идола [1]). Мнѣ это мнѣніе кажется въ высшей степени невѣроятнымъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Какимъ низкимъ мы ни представляли бы себѣ культурное состояніе еврейскаго народа въ то время, нельзя, однакожъ, допустить, чтобы народъ, впродолженіе почти полутора вѣка исповѣдывавшій чистый монотеизмъ (время Самуила, Саула, Давида и Соломона) вдругъ и безъ всякаго сопротивленія принялъ языческій культъ довольно отдаленныхъ и къ тому же и ненавистныхъ ему египтянъ. Мало того, даже со стороны пророковъ мы не замѣчаемъ болѣе или менѣе активнаго сопротивленія этому культу. Въ Веѳилѣ была школа пророковъ, и послѣдніе, повидимому, вовсе не считали предосудительнымъ свое пребываніе въ сосѣдствѣ съ золотымъ тельцомъ. Когда впослѣдствіи коварная Изабелла задумала, опять таки изъ политическихъ мотивовъ, вводить культъ Ваала среди израильтянъ, то она могла это сдѣлать не иначе, какъ перешагнувъ черезъ трупы всѣхъ почти пророковъ Іеговы, изъ чего можно заключить, что пророки не относились пассивно къ ея затѣямъ Но почему же относились они пассивно къ культу Аписа, и чѣмъ Аписъ лучше Ваала? Великій ревнитель Іеговы, пророкъ Илія, съ самоотверженіемъ выступилъ противъ культа Ваала; по его иниціативѣ народъ произвелъ на горѣ Кармель кровавую расправу надъ жрецами Ваала; а между тѣмъ противъ золотыхъ тельцовъ Илія ничего не предпринималъ; нѣтъ даже намека на то, чтобы онъ относился къ нимъ враждебно. Напротивъ, изъ одной его рѣчи видно, что до Ахава въ Израилѣ господствовалъ чистый культъ Іеговы: „Я возревновалъ,—говоритъ онъ—за Іегову, Бога Саваоѳъ, ибо оставили твой завѣтъ сыны Израиля, твои алтари они разрушили, твоихъ пророковъ они убили мечемъ и т. д.“. Другой ревнитель Іеговы, полководецъ Іегу бенъ Нимши, вѣрный ученикъ

[1]) Exegetisches Hdb. nach A. Knobel o. A. Dillmann. Exod. S. 337.

Digitized by Google

пророковъ, именемъ Іеговы свергнувшій династію Ахава съ престола и именемъ Іеговы завладѣвшій имъ, истребилъ всѣ слѣды Ваала въ израильскомъ царствѣ, уничтоживъ всѣ его идолы и разрушивъ всѣ его храмы, сохранилъ, однакоже, золотыхъ тельцовъ въ Веѳилѣ и Данѣ. Для ревнителя Іеговы идолы Аписа не могли имѣть преимущества предъ идолами Ваала. Пророкъ Амосъ, самъ изъ Іудеи, но пророчествовавшій въ Израилѣ, относится, правда, не одобрительно къ Веѳильскому храму, но вовсе не потому, что онъ считалъ его мѣстомъ идолопоклонства—на это нѣтъ и намека у него,—а потому, что онъ, подобно всѣмъ другимъ пророкамъ, относился отрицательно къ культу жертвоприношенія вообще. Именно изъ рѣчей Амоса видно, что сами израильтяне въ своемъ заблужденіи считали себя вѣрными послѣдователями Іеговы. «Я ненавижу, говоритъ онъ отъ имени Бога: Я ненавижу, Я презираю ваши праздники, Мнѣ противенъ запахъ вашихъ соборныхъ жертвоприношеній; когда вы приносите Мнѣ всесожженія и дары ваши, Я не благоволю къ нимъ; на ваши откормленныя жертвы Я не обращаю вниманія. Удалите отъ Меня шумъ вашихъ пѣснопѣній; игру вашихъ арфъ пусть не услышу Я. Пусть лучше разольется какъ море правосудіе, пусть правда пробьется какъ могучій потокъ. О, домъ Израиля, сорокъ лѣтъ, что вы пробыли въ пустынѣ, развѣ вы приносили мнѣ дары и жертвоприношенія?..[1]) Ищите добра, но не зла, дабы жили вы, и *пусть Іегова Богъ Саваовъ будетъ дѣйствительно съ вами, какъ вы этимъ только хвастаете*“[2]). Эти рѣчи Амоса противъ Веѳильскаго храма развѣ не напоминаютъ собою рѣчей Исаіи и Іереміи противъ Іерусалимскаго храма? Тѣ же мысли и почти тѣ же выраженія.

Итакъ, въ Израильскомъ царствѣ, за исключеніемъ періода царствованія династіи Омри, религія Іеговы была господствующей. Хорошо ли, дурно ли она была понята народомъ и его руководителями, въ большей ли, въ меньшей ли мѣрѣ она осуществлялась въ жизни,—это другой вопросъ. Во всей своей полнотѣ она въ сущности вѣдь нигдѣ и никогда не осуществлялась еще, и Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ она осуществится. Довольно и того, что номинально она господствовала среди Израиля. Но если такъ, то спрашивается опять,—что же такое представляли собой золотые тельцы? Новѣйшіе экзегеты

[1]) Amos V, 21—25.
[2]) Ibid V, 14.

Digitized by Google

говорятъ, что тельцы представляли собою символизацію самого Іеговы. Правда, всякая пластическая символизація Іеговы строго воспрещалась уже въ древнѣйшемъ памятникѣ еврейской религіи, въ такъ называемой, «Книгѣ Завѣта», которая даже самыми необузданными библейскими критиками признается произведеніемъ весьма глубокой, такъ сказать, доисторической древности; слѣдовательно, символизацію Іеговы въ образѣ тельца надо, во всякомъ случаѣ, считать отпаденіемъ отъ чистой религіи Іеговы. Но это, говорятъ, только отпаденіе, а не полное отрицаніе, и израильскіе пророки могли примириться съ такимъ полу-монотеизмомъ. Но почему народная фантазія древнихъ евреевъ символизировала Іегову именно въ образѣ тупоумнаго быка? Неужели въ отместку за то, что онъ ровно никакой символизаціи не допускалъ. Говорятъ, что это представленіе о богѣ имѣетъ свой корень въ древнемъ семитическомъ язычествѣ, и ссылаются при этомъ также на библейскій разсказъ о золотомъ тельцѣ въ пустынѣ. Я не хотѣлъ бы касаться этого послѣдняго пункта, который завелъ бы меня въ дебри библейской критики, которыхъ желаю избѣгать, но мнѣ кажется психологически невѣроятнымъ, чтобы въ языкѣ народа, символизирующаго своего бога въ образѣ быка, выработались такія выраженія какъ «десница Божія» ימין ה׳, «рука Божія», יד ה׳, которые употребляются то въ смыслѣ божественной силы, то въ смыслѣ божьяго вдохновенія; то или чтобы въ средѣ такого народа сложилось представленіе, что «человѣкъ созданъ по образу и подобію Божьему».

Я позволю себѣ высказать слѣдующее предположеніе, которое лично мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Какъ извѣстно, еще въ глубокой древности почти каждому изъ 12 колѣнъ Израиля было присвоено названіе какого-нибудь животнаго. Въ предсмертномъ благословеніи Якова, которое, какъ видно изъ его архаическаго языка, несомнѣнно весьма древняго происхожденія, колѣно Іудино, именуется молодымъ львомъ גור אריה יהודא, колѣно Иссахарово—костлявымъ осломъ, יששכר חמור גרם, колѣно Данъ— придорожною змѣею דן נחש עלי דרך колѣно Нафтали—свободною ланью נפתלי אילה שלוחה, колѣно Веніаминово — хищнымъ волкомъ בנימין זאב יטרף, колѣно же Іосифово, которое подраздѣлилось на два колѣна, на Эфраимъ и Манассію, именуется первороднымъ, полнымъ красоты, тельцомъ בכור שורו הדר לו. Откуда произошли эти названія,—трудно сказать. Можетъ быть, они относятся къ явленіямъ, такъ называемаго, тетомизма и коренятся въ языческой древно-

Digitized by Google

ся, а можетъ быть, они просто представляютъ продукты народной фантазіи и характеризуютъ этническія особенности каждаго изъ колѣнъ. Согласно одной легендѣ въ Мидрашѣ, еще во время странствованія евреевъ въ пустынѣ, на знамени (דגל) каждаго изъ колѣнъ Израилевыхъ было нарисовано соотвѣтствующее животное [1]). Если это не подлинное преданіе, то оно, во всякомъ случаѣ, весьма правдоподобно. Такъ или иначе, но нѣтъ сомнѣнія, что во время составленія предсмертнаго благословенія Моисея телецъ для дома Іосифа представлялъ не религіозный символъ, а національную эмблему. Вотъ текстъ: «Его первородный телецъ полонъ красоты; рога его словно рога буйвола, ими онъ народы изободетъ, всѣ, что у краевъ его земли, это — миріады эфраимитовъ, это тысячи манасситовъ".

Итакъ, рогатый телецъ былъ эмблемой эфраимитовъ, символомъ военнаго ихъ могущества, подобно тому какъ впослѣдствіи орелъ сталъ эмблемой царской власти у римлянъ и другихъ народовъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, ничего невѣроятнаго въ томъ, что эфраимитъ Іеровоамъ, завладѣвъ израильскимъ царствомъ, сдѣлалъ эмблему своего колѣна общегосударственной эмблемой и украсилъ ею, между прочимъ, храмы, на границахъ своего царства, подобно тому какъ Соломонъ украсилъ свой тронъ цѣлой дюжиной золотыхъ львовъ, представлявшихъ эмблему колѣна Іуды, изъ котораго вышла династія Давида. Мы знаемъ, что со дня воцаренія Іеровоама все израильское царство стало носить имя «Эфраимъ». Но интересно, что очень часто оно у пророковъ метафорически называется «телицей» съ тѣмъ или другимъ эпитетомъ. Осія, напр., то называетъ Эфраима „ученой телицей, привычной къ молотьбѣ", то „блудной телицей". А пророкъ Амосъ, обращаясь къ вельможамъ израилевымъ восклицаетъ: «Внемлите сему слову, о вы телицы Васанскія, что на горѣ Самарійской, угнетающія бѣдныхъ, сокрушающія нуждающихся и т. д.» [2]). Аналогично этому и городъ Іерусалимъ, какъ столица Іудеи, назывался у пророковъ «Львомъ Божіимъ» אריאל [3]).

Итакъ, золотые тельцы въ Веѳилѣ и Данѣ, какъ и тотъ телецъ, что поставленъ былъ въ столицѣ израильскаго царства въ Самаріи и о которомъ упоминаетъ пророкъ Осія,

[1]) Numeri-Raba.
[2]) Amos IV, 1.
[3]) Iesaia XXIX, 1.

Digitized by Google

представляли собою не изображеніи египетскаго Аписа, не символизацію израильскаго бога Іеговы, а просто государственную эмблему. Пророки въ Израилѣ хорошо это знали, а потому относились къ нимъ совершенно безразлично. Иначе смотрѣли на этихъ тельцовъ въ Іудеѣ, особенно впослѣдствіи, въ эпоху авторства Книги Царей. Уже изъ политическаго соперничества тамъ склонны были выставлять все совершавшееся въ Израилѣ въ невыгодномъ свѣтѣ; но послѣ того, какъ народъ окончательно усвоилъ себѣ ученіе Моисея, строго осуждающее всякую пластическую символизацію, онъ свое отвращеніе къ фетишамъ перенесъ и на государственныя эмблемы. Припомнимъ, какъ въ позднѣйшей Іудеѣ народъ съ опасностью жизни сопротивлялся прохожденію черезъ Іерусалимъ римскихъ легіоновъ, пока послѣдніе не сняли орловъ съ своихъ знаменъ. А вѣдь римскій орелъ въ то время представлялъ государственный только гербъ и самими римлянами давно не считался фетишемъ.

XIII.

Итакъ, вопреки ходячему мнѣнію, даже царство израильское вовсе не было всецѣло погружено въ идолопоклонство, какъ это кажется при чтеніи пророковъ. Наконецъ, пророки, какъ прямолинейные идеалисты, слишкомъ строго, можетъ быть, относились къ отступленіямъ отъ ихъ идеаловъ и изъ ревности къ чистому монотеизму клеймили именемъ язычества такія проявленія суевѣрія, къ которымъ даже теперь относятся обыкновенно довольно снисходительно. И нѣтъ сомнѣнія, что явись теперь въ наше общество какой-нибудь Исаія или Іеремія, они нашли бы въ нашей жизни достаточно матеріала для своихъ грозныхъ филиппикъ. И не только въ этическомъ отношеніи мы еще очень далеки отъ выставленныхъ ими идеаловъ (въ этомъ мы сами сознаемся), но и въ догматическомъ отношеніи они признали бы многихъ изъ насъ настоящими язычниками, хотя Ваалу и Астартѣ никто изъ насъ, слава Богу, не поклоняется.

Намъ думается, что и нравственное состояніе тогдашняго еврейскаго народа было далеко не такъ низко, какъ оно часто рисуется у пророковъ. И если Іеремія, напримѣръ, восклицаетъ: „Обойдите улицы Іерусалима, присмотритесь, развѣдайте и поищите на площадяхъ его, и если найдете хоть одного настоящаго человѣка, если найдете хоть одного творящаго пра-

Digitized by Google

восудіе, ищущаго правды, я прощу тогда всему городу",— то въ этомъ надо видѣть поэтическую лишь гиперболу. Вѣдь въ этомъ же городѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Лацарусъ, жили вѣрные ученики и друзья пророка, тамъ же жила та масса народа, которая жадно внимала его вѣщимъ рѣчамъ вмѣсто того, чтобы забросать его каменьями. Уже одно появленіе пророковъ въ средѣ еврейскаго народа доказываетъ, что онъ не даромъ прозванъ богоизбраннымъ. На почвѣ, во всѣхъ своихъ слояхъ пропитанной развратомъ, такіе пышные цвѣты не выростали бы. И современный опытъ говоритъ намъ, что если въ литературѣ какого-нибудь народа въ извѣстное время преобладаетъ обличительное направленіе, а въ другое— самодовольное и благодушное, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ первомъ случаѣ уровень народной нравственности былъ ниже, чѣмъ во второмъ. Иногда это зависитъ только отъ того, что въ первомъ случаѣ въ народѣ имѣлись люди съ чуткой совѣстью, способной возмущаться всякимъ отступленіемъ отъ требованій нравственнаго принципа, а въ другомъ случаѣ такихъ людей не оказалось.

Бичующее слово пророковъ противъ роскоши и разгульной жизни, противъ неправосудія и притѣсненія бѣдныхъ адресовано было, конечно, не къ народной массѣ, а къ царямъ и вельможамъ. Но и эти послѣдніе, далеко не удовлетворявшіе требованіямъ пророковъ, врядъ ли стояли такъ низко въ нравственномъ отношеніи, какъ современные имъ цари и вельможи другихъ народовъ, гдѣ подобныхъ требованій во имя нравственнаго принципа вовсе не предъявлялось. Возьмемъ одного изъ худшихъ царей израильскихъ, Ахава, сына Омри, и возьмемъ самое гнусное преступленіе, которое лѣтописецъ ставитъ ему въ счетъ. Это его исторія съ Наботомъ Изреэльскимъ. У Набота былъ виноградникъ смежный съ дворцомъ Ахава. Послѣднему понадобился этотъ участокъ для разведенія сада. Онъ предлагалъ Наботу уступить ему виноградникъ, но тотъ не согласился. Ахавъ былъ этимъ сильно огорченъ. Его жена, коварная финикіанка, Изевель узнавъ о причинѣ его огорченія, насмѣшливо говоритъ ему: „Вотъ какъ ты намѣренъ теперь проявлять твою царскую власть надъ Израилемъ? Встань, развеселись, а я уже тебѣ доставлю виноградникъ Набота". Тайно отъ мужа, она разослала старѣйшинамъ и вельможамъ города письма, въ которыхъ предписала имъ собрать народное собраніе и выставить двухъ свидѣтелей, которые обвиняли бы Набота въ богохульствѣ и оскорбленіи

Digitized by Google

величества. Наботъ былъ осужденъ и казненъ, а имущество его было конфисковано въ пользу царя. И вотъ, въ ту самую минуту, когда Ахавъ спустился въ виноградникъ, чтобы взять его во владѣніе, предъ нимъ явился вдругъ пророкъ Илія съ грознымъ восклицаніемъ: „Итакъ, ты убилъ человѣка и еще наслѣдуешь его. Знай же, царь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ псы локали кровь Набота, псы будутъ локать и твою кровь“. Вы, конечно, ждете, что царь прикажетъ схватить дерзкаго пророка, бросить его въ темницу и судить за оскорбленіе величества. Да, такъ, навѣрное, поступилъ бы всякій другой азіатскій царь, но худшій изъ царей Израилевыхъ могъ только смущенно отвѣтить: „А, ты таки поймалъ меня, о врагъ мой“.—Лѣтописецъ прибавляетъ, что Ахавъ, выслушавъ длинное и полное горечи пророчество Иліи, разодралъ одежды свои, возложилъ на тѣло свое власяницу, цѣлый день постился и ходилъ опечаленный.

Двадцать восемь вѣковъ спустя нѣчто подобное имѣло мѣсто въ современной Пруссіи. Фридриха Великаго безпокоила мельница, смежная съ однимъ его дворцомъ, но мельникъ ни за что не соглашался ее продать. Фридрихъ II былъ просвѣщенный монархъ и благородный человѣкъ, и до кровавой драмы дѣло, конечно, не дошло. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ было отнять у мельника его участокъ земли силою, но тотъ угрожалъ судомъ и король долженъ былъ уступить. Восклицаніе мельника: „Es giebt noch Richter in Berlin“ превратилось въ народную поговорку, которую нѣмцы до сихъ поръ произносятъ съ гордостью. А сколько впродолженіи этихъ двадцати восьми вѣковъ было азіатскихъ и не азіатскихъ царей, повторявшихъ преступленіе Ахава, не постясь послѣ этого и не одѣвая власяницы? Ахавъ же, который самъ въ сущности никакого преступленія не совершилъ и только нашелъ возможнымъ пользоваться плодами преступленія своей жены, этотъ Ахавъ, по крайней мѣрѣ, сознавалъ гнусность своего поступка; въ сердцѣ его, стало быть, живъ былъ нравственный принципъ; живъ былъ Іегова; только воли у него не хватало слѣдовать ему.

Этотъ же Ахавъ, опять таки по иниціативѣ коварной Изевель, первый ввелъ культъ Ваала и Астарты въ Израилѣ. Изевель была дочь финикійскаго царя Этбаала, бывшаго до воцаренія верховнымъ жрецомъ Ваала и Астарты. Они были, слѣдовательно, ея родные боги, и это обстоятельство могло бы служить достаточой причиной, чтобы ей захотѣлось осчастли-

Digitized by Google

вить ихъ культомъ своихъ израильскихъ подданныхъ. Однако-же, при всей необузданности этой женщины, при всей слабохарактерности ея мужа, такая коренная религіозная реформа врядъ ли удалась бы ей, если бы она не встрѣтила сочувствія со стороны старѣйшинъ и вельможъ Израиля. Въ вопросахъ религіозныхъ люди на всѣхъ ступеняхъ своего развитія одинаково консервативны. Но не было ли серьезныхъ политическихъ мотивовъ для принятія финикійскаго культа?

Признаюсь, я особенно радъ, что мнѣ не приходится доказывать существованіе такихъ мотивовъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ это доказалъ уже съ достаточной убѣдительностью Гретцъ въ своей исторіи еврейскаго народа. Арамейцы, ставшіе послѣ смерти Соломона независимыми отъ израильтянъ, образовали 32 самостоятельныхъ маленькихъ царства подъ гегемоніею царя Дамасскаго. Въ этомъ видѣ они, конечно, не представляли особенной опасности для цѣлости израильскаго царства. Но вотъ на тронѣ въ Дамаскѣ очутился энергичный человѣкъ, который свергнулъ всѣхъ этихъ маленькихъ царей съ ихъ маленькихъ престоловъ и, замѣнивъ ихъ намѣстниками, сплотилъ такимъ образомъ арамейцевъ въ одно могущественное государство, которое стало угрожать въ одно и то же время и израильтянамъ, и финикійцамъ. Мысль о союзѣ между этими обоими народами или даже о полномъ сліяніи ихъ въ одинъ могущественный народъ должна была казаться тѣмъ болѣе естественной, что оба народа говорили на одномъ и томъ же древне-еврейскомъ языкѣ и употребляли одни и тѣ же письмена. Сліяніе обоихъ народовъ сулило гораздо больше выгодъ израильтянамъ, чѣмъ финикійцамъ. Первые стояли выше въ духовномъ отношеніи, но въ смыслѣ матеріальной культуры финикійцы стояли, конечно, неизмѣримо выше израильтянъ. Это обстоятельство должно было казаться особенно заманчивымъ въ глазахъ богатыхъ классовъ, такъ называемыхъ старѣйшинъ и вельможъ, которые, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ династій и неустойчивости, въ силу этого, царской власти, очень рано заняли преобладающее положеніе въ израильскомъ царствѣ. Среди богатыхъ классовъ всѣхъ временъ и народовъ матеріальные интересы всегда преобладали надъ духовными. Богатство располагаетъ къ роскоши, которую финикійская торговля доставляла въ такомъ изобиліи, но которой совершенно лишена была родная земледѣльческая страна.

Единственнымъ препятствіемъ къ этому сліянію являлась

Digitized by Google

религія. Конечно, финикійцы не прочь были бы признать Іегову третьимъ въ союзѣ между Ваалomъ и Астартой, но бѣда въ томъ, что несговорчивый Іегова хочетъ быть единымъ и никакихъ союзовъ не признаетъ. Не устранить ли совсѣмъ Іегову? Этого устраненія требовали государственные интересы обоихъ народовъ или, какъ выразились бы теперь, этого требовали великіе интересы національнаго объединенія. Эта политика нашла себѣ достойное орудіе въ лицѣ неистовой Изевель. Но она нашла себѣ и достойнаго противника въ лицѣ пророка Иліи. Съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго могущества нельзя не признать Илію измѣнникомъ національному принципу и его, стало быть, можно ставить рядомъ съ Ахіей Силонскимъ.

XIV.

Не совсѣмъ чистъ отъ упрека въ противодѣйствіи національному объединенію былъ и достославный пророкъ Исаія I. Этотъ пророкъ самъ былъ царедворцемъ (имѣется преданіе, что онъ былъ отпрыскъ іудейскаго царскаго дома) и самъ, такъ сказать, постоянно вращался въ политическомъ круговоротѣ; онъ, слѣдовательно, имѣлъ возможность вліять на ходъ событій и поэтому на него въ значительной степени падаетъ отвѣтственность за никъ. Впрочемъ и другіе пророки никогда не стояли въ сторонѣ отъ политики. Политика шла въ разрѣзъ съ ихъ идеалами, и они шли въ разрѣзъ съ политикой или, вѣрнѣе сказать, они противоставляли ей свою собственную, пророческую политику, которая руководилась не временными и крайне измѣнчивыми политическими комбинаціями, а вѣчными нравственными принципами.

Двухъ столѣтій не прошло съ тѣхъ поръ, какъ Арамъ сталъ играть роковую роль въ политикѣ государствъ, расположенныхъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, и вдругъ на сѣверномъ горизонтѣ появилась новая политическая сила, одинаково грозная, какъ для іудеевъ, израильтянъ и финикійцевъ, такъ и для самихъ арамейцевъ. Я говорю объ ассирійскихъ завоевателяхъ. Это были настоящіе "бичи божьяго гнѣва", какъ называются ассирійскіе цари у пророка Исаіи. Они первые раздвинули узкія границы національной политики. Они не присоединяли къ себѣ родственныхъ національностей вмѣстѣ съ ихъ богами, а уничтожали послѣднихъ вмѣстѣ съ національностями. Зная, что народы, подобно

Digitized by Google

сказочному богатырю, сильны только пока находятся въ соприкосновеніи съ своею землею, они насильственно переселяли покоренные народы изъ одной страны въ другую и, перекрещивая, такимъ образомъ, племена и расы, они разрушали силу ихъ сопротивляемости и превращали ихъ въ послушныя орудія для новыхъ завоеваній. Такова была жестокая политика ассирійскихъ царей, служившая впослѣдствіи образцомъ для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ завоевателей. Впрочемъ, впослѣдствіи мы увидимъ, что это амальгамирующее вліяніе переселенія оказалось, однако же, безсильнымъ противъ еврейскаго народа, что должно быть, конечно, приписано той консервирующей закваскѣ, которую внесли пророки въ народный организмъ.

Завоевавъ всѣ земли, расположенныя по теченію Тигра и Ефрата, ассирійцы устремились „разрушительнымъ потокомъ“ на юго-западъ, къ землямъ ливанскимъ и іорданскимъ Арамейцы, финикіане и израильтяне вмѣстѣ со всѣми окрестными мелкими народами забыли свои взаимные счеты и вступили въ общій оборонительный союзъ. Не пристала къ этому союзу одна только Іудея. Пророки съ Исаіей во главѣ не могли, конечно, сочувствовать этому союзу. По господствовавшимъ въ то время взглядамъ союзы народовъ скрѣплялись обыкновенно союзомъ ихъ боговъ, а этого не могли желать пророки. Но не сочувствовалъ этому союзу также малодушный царь Іудеи Ахазъ, „сердце котораго, по выраженію Исаіи, колебалось словно деревья лѣсныя, колеблемыя вѣтромъ!“ Онъ предпочелъ откупиться отъ вторженія ассирійскаго царя въ Іудею непосильною данью, чѣмъ выступить противъ него вмѣстѣ съ союзными народами. Послѣдніе рѣшили, поэтому, свергнуть Ахаза съ престола и посадить на его мѣсто своего единомышленника, нѣкоего малоизвѣстнаго Бенъ-Тавэля. Планъ этотъ нашелъ себѣ не мало тайныхъ сторонниковъ и въ самой Іудеѣ, въ особенности среди богатыхъ классовъ, среди такъ называемыхъ князей іудейскихъ, разсчитывавшихъ при новой, не опирающейся на традиціи династіи захватить еще больше власти и вліянія въ государствѣ и получить, такимъ образомъ, возможность еще больше притѣснять бѣдный классъ и окончательно поработить его.

Противъ этого то заговора и выступилъ пророкъ Исаія со всей силой своего краснорѣчія. Ясно предвидя своимъ пророческимъ окомъ гибель союзниковъ, онъ предостерегаетъ своихъ приверженцевъ, чтобы они не увлеклись примѣромъ

Digitized by Google

тѣхъ, которые, „презирая тихо журчащій Силоамскій ручей (домъ Давида) восхищаются величественными потоками Рецина и Бенъ-Ремальяу (царя Арама и Израиля).“ О эти послѣдніе будутъ покрыты еще болѣе многоводнымъ и еще болѣе побѣдоноснымъ потокомъ ассирійскимъ, который выступитъ изъ береговъ своихъ и разольется по всѣмъ окрестнымъ долинамъ [1]). Но и могущество Ассиріи, говоритъ пророкъ въ другомъ мѣстѣ, не вѣчно. Когда нибудь настанетъ и ея очередь. Ни кого изъ народовъ не минетъ отравленная чаша. „Такова судьба, предназначенная для всей земли, такова рука, распростертая надъ всѣми племенами“ זאת העצה היעוצה על כל הארץ , וזאת היד הנטויה על כל הגוים [2]). Не въ политическомъ, стало быть, могуществѣ залогъ долговѣчности народа, а въ чемъ-то другомъ.

Пророкъ не скрываетъ даже радости, которой предавались въ Іудеѣ по поводу повторныхъ пораженій, нанесенныхъ израильскому царству ассирійцами. „Народъ, шествовавшій во мракѣ, узрѣлъ свѣтъ великій, надъ пребывавшими въ тѣни смертной, вдругъ возсіялъ свѣтъ. Когда ты, о Боже, возвеличилъ народъ, ты не увеличилъ его радости; теперь же онъ радуется предъ тобою, какъ въ день жатвы, ликуютъ какъ при дѣлежѣ добычи“. Пророкъ, повидимому, сочувствуетъ радости Іудеи и вовсе не смущается тѣмъ, что пораженіе нанесено единокровному брату. Онъ старается только оправдать свое сочувствіе къ Ахазу, который, конечно, этого не заслужилъ: „Ибо дитя родилось у насъ, поясняетъ пророкъ; сынъ намъ данъ, на чьи плечи возложена власть; и чье имя... Князь мира“. Рѣчь, разумѣется, идетъ о Іезекіи, который послѣ гибели старшаго сына Ахаза на войнѣ, сдѣлался наслѣдникомъ престола; на него, на этого вѣрнаго ученика пророковъ, Исаія возлагалъ надежду, что онъ проведетъ его идеалы въ жизнь „и утвердитъ престолъ Давида на основахъ правды и правосудія“ [3]).

Гретцъ останавливается на вопросѣ, почему впослѣдствіи, во время окончательнаго разгрома Эфраимитскаго царства ассирійцами, царь Іезекія ни шагу не сдѣлалъ для того, чтобы пойти на помощь погибающему родственному народу? Гретцъ оправдываетъ бездѣятельность Іезекіи слабостью цар-

---

[1]) Jesaja VIII, 6, 7.
[2]) Ibid. XIV 26.
[3]) Ibid. IX, 1, 2, 6. 5.

Digitized by Google

ской власти вообще и сваливаетъ всю вину на князей и царедворцевъ, которые со времени удаленія отъ власти прокаженнаго Озіи и регентства малолѣтняго Іотама, пріобрѣли большое вліяніе на управленіе государствомъ. Все это въ общемъ совершенно справедливо и надо вмѣнить нашему историку въ особенную заслугу, что онъ выяснилъ происхожденіе еврейской аристократіи и ея роковую роль въ исторіи нашего народа. Но не одна іудейская аристократія была виновна въ пассивномъ отношеніи къ судьбѣ Эфраима. Мы видѣли выше, какъ относился Исаія къ первому разгрому Эфраима во дни царствованія Ахаза. Не лучше относились къ нему и другіе современные ему пророки, напр., Осія и Михей; всѣ предсказывали его гибель въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, въ которыхъ иногда слышится даже нѣкоторый оттѣнокъ злорадства. Какъ понимать это отсутствіе симпатій къ родственному племени?

Были-ли пророки также заражены чувствомъ политическаго соперничества между обѣими частями единаго въ сущности народа? Считали-ли пророки Эфраима пасынкомъ Бога Израиля. Никогда! Это цари и вельможи дѣлили народъ; для пророковъ же онъ остался единымъ, единымъ въ ихъ историческихъ воспоминаніяхъ и единымъ въ ихъ мечтахъ о его будущемъ. Во всѣхъ рѣчахъ своихъ они обращаются къ обѣимъ частямъ народа одновременно; представленіе объ единствѣ его не покидаетъ ихъ ни на одну минуту. Съ одинаковой строгостью бичуя пороки обѣихъ частей народа, они находятъ въ своемъ сердцѣ одинаковыя для обѣихъ слова любви и утѣшенія, и всѣ пророки могли бы вмѣстѣ съ Іереміей сказать: „Развѣ не дорогой сынъ Мнѣ Эфраимъ? развѣ не любимое чадо? вѣдь какъ только заговорю о немъ, Я уже не могу забыть его; вотъ почему сердце Мое волнуется изъ за него, вотъ почему Я люблю и жалѣю его“.

Но одно дѣло народъ, а другое дѣло его политическая организація. Развившаяся тогда среди евреевъ аристократія представляла поистинѣ злокачественный, гетерогенный такъ сказать наростъ на тѣлѣ народа. Я употребилъ медицинскій терминъ: гетерогенный—чужеродный—потому что аристократизмъ вообще былъ совершенно чуждъ еврейскому духу и его демократическимъ традиціямъ. Князья и вельможи שרים וקצינים, какъ руководящій элементъ, встрѣчаются впервые только у послѣднихъ пророковъ. Моисеево законодательство о нихъ вовсе не знаетъ, и это, по моему, могло бы служить

Digitized by Google

самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ его древности. Во всей Торѣ нѣтъ ни одного закона, который регулировалъ бы отношенія простого народа къ князьямъ и вельможамъ. Тора знаетъ только коренныхъ жителей и пришельцевъ, т. е. она съ особенной настойчивостью считаетъ нужнымъ при каждомъ удобномъ случаѣ напоминать о полномъ равенствѣ тѣхъ и другихъ предъ закономъ и предъ чувствомъ благотворительности. Но законодателю, повидимому, и въ голову не приходило настаивать на равенствѣ всѣхъ коренныхъ жителей предъ закономъ.

Аристократія была поэтому вдвойнѣ ненавистна пророкамъ. Во-первыхъ, ужъ однимъ своимъ существованіемъ она нарушала самое элементарное требованіе нравственнаго принципа—равенство всѣхъ членовъ Общины Господней. Во-вторыхъ, она была ненавистна имъ также и потому, что, стремясь къ власти, къ государственному могуществу, она не задумалась жертвовать для этого національной религіей, что опять таки сводилось къ отрицанію нравственнаго принципа.

Нѣтъ, впрочемъ, надобности отрицать или умалять дѣйствительныя заслуги древне-еврейскихъ князей и вельможъ. Они несомнѣнно были хорошіе патріоты. Они заботились объ экономическомъ благосостояніи своего отечества; въ качествѣ военачальниковъ они проливали свою кровь за его независимость, за его политическое могущество. Но князья любили отечество, а пророки любили народъ; а это не всегда одно и тоже; въ древности, по крайней мѣрѣ, это было не одно и тоже. Какая радость была отъ этого политическаго могущества народу, съ котораго, по выраженіе Михея, „вожди его сдирали кожу, съѣдая его мясо и раздробляя его кости“ [1]). Хуже ли будетъ народу, если кожу съ него будутъ сдирать ассирійцы, а не родные князья? Нѣтъ, ему будетъ лучше, нбо древніе завоеватели имѣли обыкновеніе угонять изъ страны только высшіе слои, оставляя бѣдную массу въ покоѣ на родной землѣ; и тогда является надежда, что этотъ остатокъ вернется къ Богу и къ дому Давида. „Остатокъ вернется“ שאר ישוב, вотъ главный мотивъ многихъ пророчествъ Исаіи; онъ даже одному изъ своихъ сыновей далъ имя „Шеаръ Іашувъ“ и бралъ его съ собою, когда выступалъ предъ народомъ со своими рѣчами, дабы онъ служилъ живымъ напоминаніемъ его надеждъ и чаяній, напоминаніемъ о тѣхъ дняхъ

[1]) Micha III, 25,3.

Digitized by Google

когда „устранится зависть Эфраима и исчезнутъ враги Іудеи, когда Эфраимъ не будетъ завидовать Іудеѣ и Іудея не будетъ враждовать противъ Эфраима“ [1]).

Мы видѣли выше, что послѣ окончательнаго разгрома Эфраима царь Іезекія дѣйствительно дѣлалъ попытки соединить подъ своимъ скипетромъ на религіозной почвѣ всѣ остатки Израильскаго царства. Пророки поэтому смотрѣли на Ассирію, какъ на орудіе, избранное Провидѣніемъ для совершенія того, чего самъ Израиль своими силами не могъ совершить, а именно освободить его отъ угнетающей и развращающей его аристократіи и соединить обѣ его части воедино. Но и для соединеннаго Израиля онъ не мечталъ ни о матеріальномъ богатствѣ, ни о политическомъ могуществѣ, его гордая мечта носилась выше этихъ тлѣнныхъ благъ: онъ тоже былъ патріотъ, но его патріотизмъ требовалъ не подчиненія другихъ народовъ, а просвѣтленія ихъ. „И пойдутъ многія племена и скажутъ: придите и взойдемте на гору Господню, въ домъ Бога Якова, и Онъ научитъ насъ путямъ своимъ, дабы мы шествовали по стезямъ Его, ибо изъ Сіона выйдетъ ученіе и слово Божіе изъ Іерусалима. И онъ будетъ судить между народами и увѣщевать многія племена, и перекуютъ они мечи свои на сошники и копья свои на серпы, ибо не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ упражняться въ войнахъ“. Это возвышенная рѣчь, которая охотно повторялась другими пророками, и которая стала впослѣдствіи выраженіемъ идеала лучшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, и эта рѣчь ясно доказываетъ, что еще задолго до вавилонскаго плѣненія пророки проникнуты были великой миссіонерской идеей о признаніи единаго Бога всѣми народами земли и объ истекающей изъ этого признанія обязательности всеобщаго мира.

XV.

Въ послѣднее время нѣкоторыми писателями опять пущена въ ходъ старая легенда о томъ, что пониманіе Іеговы, въ смыслѣ Единаго Творца и Промыслителя вселенной, впервые появилось только у пророковъ изгнанія, начиная съ Іезекіеля и Исаія II и развилось оно подъ вліяніемъ ассиро-вавилонскихъ и персидскихъ религіозныхъ воззрѣній, но что до изгнанія сами пророки представляли себѣ Іегову лишь націо-

[1]) Iesaia X, 20, 21; XI, 13.

Digitized by Google

нальнымъ божествомъ израильскаго племени, мало чѣмъ отличавшимся отъ боговъ хананейскихъ и арабскихъ сосѣдей евреевъ. Само собою разумѣется, что въ качествѣ національнаго божества Іговіа не могъ претендовать на всемірное признаніе и поклоненіе, поэтому и сама идея о миссіи еврейскаго народа могла явиться только у позднѣйшихъ пророковъ, у Іезекіеля и Іесаи II, но никакъ не раньше. Эта легенда, основанная на произвольномъ толкованіи однихъ текстовъ, на произвольномъ же исправленіи, или вѣрнѣе, искаженіи другихъ текстовъ и на невольномъ игнорированіи третьихъ—не заслуживаетъ, по моему мнѣнію, даже серьезнаго опроверженія. Уже цитированные мною выше тексты изъ пророковъ, несомнѣнно жившихъ до вавилонскаго плѣненія доказываютъ, что именно эти пророки не только вѣрили въ грядущее признаніе всѣми народами единаго Бога, но считали также своимъ долгомъ призывать ихъ къ такому признанію; но въ виду важности этого вопроса я позволю себѣ разсмотрѣть его нѣсколько подробнѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что возвышенная мессіанская идея, возлагающая на сознавшихъ ее и тяжелыя миссіонерскія обязанности, представляетъ въ сущности неизбѣжный логическій выводъ изъ пророческаго богопониманія вообще. Если всѣмъ міромъ, всѣми народами управляетъ Единая Духовная Сила, если главными атрибутами этой силы являются правда и справедливость, то почему бы одному только еврейскому народу быть причастнымъ къ этой правдѣ, а всѣмъ другимъ народамъ земли оставаться погруженными въ языческой неправдѣ? Это было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ идеѣ Божественной справедливости, это было бы противно нравственной природѣ Божества.

Но представленіе о Іеговѣ, какъ о національномъ только Божествѣ еврейскаго племени, которое онъ вывелъ изъ Египта, и благоденствіе котораго составляетъ его исключительную заботу—это представленіе, если и жило когда нибудь въ народной массѣ, никогда, однакоже, не раздѣлялось пророками, по крайней мѣрѣ тѣми, произведенія которыхъ до насъ дошли. Еще Амосъ, жившій около 240 лѣтъ до вавилонскаго плѣненія, говорилъ: „Не тоже ли вы для Меня, сыны Израиля, говоритъ Господь, что сыны Эфіопіи? Вѣдь, если Я Израиля вывелъ изъ земли Египетской, то я же вывелъ и филистимлянъ изъ острова Крита (кафторъ) и арамейцевъ

Digitized by Google

изъ Кира“ [1]). Другими словами: одинъ Богъ управляетъ историческими судьбами всѣхъ народовъ, и еврейскій народъ отличается отъ всѣхъ прочихъ только тѣмъ, что онъ первый позналъ этого Бога. Но пророки не переставали надѣяться, что это познаніе мало по малу распространится среди другихъ народовъ. Исаія, мечтая о распространеніи знанія Іеговы и даже знанія еврейскаго языка среди египтянъ, мечтая дальше объ установленіи дружественныхъ отношеній между главными политическими силами того времени, между Египтомъ и Ассиріей, прибавляетъ: „Въ тотъ день Израиль будетъ третьимъ въ союзѣ между Египтомъ и Ассиріей, какъ предметъ благословенія на землѣ, того благословенія, которое произнесетъ Господь Саваоѳъ, говоря: благословены да будутъ народъ Мой Египетъ, дѣло рукъ Моихъ Ассирія, и наслѣдіе Мое Израиль“ [2]). Эта мысль, разъ провозглашенная, становится любимой темой всѣхъ пророковъ, жившихъ отъ Исаіи до Іереміи, но достигаетъ высшаго своего развитія у пророковъ изгнанія, напр. у Исаіи II. Пророкъ Михей, современникъ Исаіи I, цитируя цѣликомъ приведенное нами пророчество о томъ, что въ концѣ дней всѣ народы будутъ стремиться къ горѣ Господней, чтобы научиться путямъ Его прибавляетъ: „Пусть всѣ народы шествуютъ каждый во имя своего бога, мы же пойдемъ именемъ нашего Бога Іеговы во вѣки вѣковъ“. По его мнѣнію, стало быть, дѣло не въ имени Бога и не въ храмѣ, что на высотахъ Моріи, а въ ученіи, исходящемъ изъ Сіона, въ словѣ Божіемъ, истекающемъ изъ Іерусалима. Другіе пророки этимъ, однакожъ, не удовлетворялись. Пророкъ Софонія, напр. говоритъ: „И возвеличится Превѣчный надъ ними, когда истлѣютъ всѣ боги земли, и преклонятся предъ Нимъ, каждый изъ своего мѣста, всѣ острова народовъ... Ибо тогда всѣ народы усвоятъ себѣ одну ясную рѣчь, чтобы призывать имя Превѣчнаго чтобы служить Ему единодушно“. А пророкъ Захарія I, говоря о мессіанскомъ времени выражается: „И будетъ Іегова царемъ всей земли, и будетъ въ тотъ день Богъ единый и имя Его едино!“

Было ли все это только красивой и возвышенной мечтой, къ которой пророки относились пассивно, предоставляя осуществленіе ея самому Богу въ отдаленномъ будущемъ, въ концѣ дней; или же это составляло для нихъ реальную цѣль,

[1]) Amos IX, 7.
[2]) Iesaia XIX, 18, 21, 24, 25.

Digitized by Google

къ достиженію которой они дѣятельно стремились всѣми зависящими отъ нихъ средствами? Я склоняюсь къ послѣднему предположенію. Іеремія самъ называетъ себя „пророкомъ народовъ“ נביא לגוים. Но и всѣ другіе пророки и въ особенности псалмопѣвцы обращались со своими рѣчами не только къ Израилю, а почти столь же часто и къ другимъ народамъ. Неужели это было одно лишь упражненіе въ краснорѣчіи? Извѣстный журналистъ покойный А. Бернштейнъ назвалъ рѣчь пророковъ „устными передовыми статьями“. Проф. Лацарусъ въ своемъ замѣчательномъ этюдѣ о пророкѣ Іереміи протестуетъ противъ этого банальнаго названія, находя его не только неумѣстнымъ по отношенію къ пророкамъ, но и прямо несправедливымъ. Неужели же мы пойдемъ еще дальше и приравнимъ рѣчи пророковъ тѣмъ передовымъ статьямъ, которыя пишутся въ нашихъ древне-еврейскихъ газетахъ, и которыя направлены противъ политики народовъ, которые ихъ не читаютъ и не могутъ читать по незнанію еврейскаго языка. Однакоже, во время Исаіи не только въ Идумеѣ, но и въ Ассиріи, отлично знали по-еврейски. Вспомнимъ приведенную у Исаіи рѣчь ассирійскаго полководца Рабсака къ осажденнымъ іудеямъ. Она замѣчательна какъ своей ѣдкостью, такъ и своими стилистическими красотами. Въ подлинности ея не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ тамъ же сообщается, что іудейскіе сановники упрашивали Рабсака говорить съ ними по-сирійски, а не по-іудейски, для того чтобы рѣчь его не дѣйствовала угнетающимъ образомъ на народъ. Изъ рѣчи Рабсака, а равно изъ отношенія Навуходоносора къ пророку Іереміи, ясно видно, что за границей Іудеи очень внимательно прислушивались къ рѣчамъ пророковъ. Затѣмъ, изъ разсказа о пророкѣ Іонѣ видно, что пророки иногда отправлялись въ чужія страны для произнесенія своихъ пророчествъ. Если даже допустить, что этотъ разсказъ представляетъ только аллегорію, а не историческій фактъ, то уже сама фабула этой аллегоріи свидѣтельствуетъ, что хожденіе пророковъ въ чужія страны было обычнымъ явленіемъ. Наконецъ, Іеремія въ своемъ напутственномъ словѣ вавилонскимъ изгнанникамъ, предостерегая ихъ отъ усвоенія языческихъ обычаевъ и отъ страха предъ знаменіями небесными, которымъ въ Вавилоніи придавали большое значеніе, рисуетъ полную ѣдкой іроніи картину языческаго культа, говоритъ имъ: „Не бойтесь ихъ боговъ, они зла не причиняютъ, но и добра дѣлать не въ силахъ“, и тутъ же даетъ

Digitized by Google

изгнанникамъ, знающимъ только еврейскій языкъ, готовую весьма мѣткую формулу на сирійскомъ языкѣ, о суетности языческаго культа и о неминуемости его исчезновенія съ лица земли, формулу, которую они должны говорить всѣмъ и каждому, אלהיא די שמיא וארעא לא עברו יאברו מארעא ומן תחות שמיא אלה

Другой вопросъ: оставались ли миссіонерскіе призывы пророковъ и псалмопѣвцовъ къ язычникамъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, или же они увѣнчались практическими успѣхами? Мы знаемъ, что въ эпоху вторичнаго разложенія государственной жизни еврейскаго народа во всемъ языческомъ мірѣ обнаружилось сильное тяготѣніе къ еврейской религіи; но было-ли что-нибудь подобное и послѣ перваго паденія еврейскаго царства? Безъ всякаго сомнѣнія! Лѣтописцемъ, правда, отмѣченъ одинъ только относящійся сюда фактъ, а именно, что къ первой партіи вернувшихся, съ Зоровавелемъ во главѣ, изъ Вавилоніи присоединились 652 человѣка изъ разныхъ мѣстностей, которые не могли доказать, что ихъ роды происходятъ отъ Израиля [1]). Но я осмѣливаюсь утверждать, что распространеніе еврейской религіи въ Мидо-Персидскихъ земляхъ приняло тогда гораздо болѣе широкіе размѣры. Оставляя теперь въ сторонѣ цѣлый рядъ косвенныхъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, я позволю себѣ привести здѣсь только два текста. Пророкъ Малахія говоритъ: «Ибо отъ востока солнца до заката его велико Мое имя между народами, и по всѣмъ мѣстамъ ходятъ и приносятъ Моему имени чистое приношеніе; ибо велико Мое имя между народами, говоритъ Господь Саваоеъ [2]). А пророкъ Исаія II говоритъ: «И пусть не скажетъ сынъ инородца, присоединившійся къ Іеговѣ: «отдѣлилъ меня Господь отъ народа Своего», и пусть не скажетъ евнухъ: «вотъ я изсохшее дерево»... Я приведу ихъ на святую гору мою и обрадую ихъ въ молитвенномъ домѣ Моемъ... ибо домъ Мой названъ будетъ домомъ молитвы для всѣхъ народовъ» [3]). Можно, поэтому, смѣло сказать, что пророческая пропаганда за 70 лѣтъ вавилонскаго плѣненія сдѣлала гораздо больше для экзогеннаго, т. е. внѣшняго роста еврейскаго народа, чѣмъ многовѣковая политика всѣхъ его

[1]) Ezra II, 59, 60.
[2]) Malachia I, 11.
[3]) Iesaia LVI, 2—7.

Digitized by Google

царей и свѣтскихъ руководителей. Эта пропаганда сдѣлала бы, можетъ быть, еще больше, еслибы не узкій національнализмъ вернувшихся въ Іудею, которые, подобно нашимъ современнымъ шовинистамъ, провозгласили: «Іудаизмъ для іудеевъ». Но объ этомъ печальномъ фактѣ въ нашей исторіи я поговорю, можетъ быть, въ другой разъ.

XVI.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ пророкѣ царскаго періода, о Іереміи, въ лицѣ котораго пророческая мысль достигла высшей степени развитія, и дѣятельность котораго рѣзче, чѣмъ у кого либо изъ его предшественниковъ, противорѣчила обычнымъ представленіямъ о любви къ народу. О Іереміи, впрочемъ, мнѣ и не приходится говорить много. Профессоръ Лацарусъ, какъ я уже упомянулъ выше, посвятилъ этому пророку небольшой, но прекрасный этюдъ, въ которомъ онъ основательно и всесторонне разбираетъ дѣятельность и характеръ этого пророка. Кое-что, однакоже, я прибавлю лично отъ себя.

Іеремія долженъ былъ казаться своимъ современникамъ неразрѣшимой загадкой. Задушевный тонъ его рѣчей, его прямота и неустрашимость, его глубокая, ключемъ бьющая любовь къ народу должны были, конечно, привлекать къ нему сердца его слушателей, какъ они привлекаютъ еще и теперь, послѣ двухъ съ половиной тысячелѣтій, сердца его читателей. И вотъ, когда народъ истекалъ кровью въ борьбѣ за свою родину, за свою независимость, этотъ пророкъ, этотъ великій мастеръ слова не находилъ въ своемъ сердцѣ ни одного слова ободренія и воодушевленія для осажденныхъ. Мало того, онъ не только предлагаетъ царю и вельможамъ покориться Навуходоносору, но прямо совѣтуетъ каждому отдѣльному воину дезертировать изъ осажденнаго города. Мудрено ли, что его такъ часто, хотя можетъ быть, скрѣпя сердце, сажали въ темницу, какъ измѣнника и предателя?

Но Іеремія не былъ худшимъ патріотомъ, чѣмъ несчастный царь Седекія и его вельможи. Онъ горячо любилъ не только народъ, но и родную землю, и надежда на возвращеніе разсѣяннаго Израиля на осиротѣвшую родину составляетъ любимую и частую тему самыхъ задушевныхъ его пророчествъ. Но вопросъ былъ тогда вовсе не въ томъ: покориться

Digitized by Google

Вавилону или напрягать послѣднія усилія, чтобы отстоять ою независимость; нѣтъ, вопросъ стоялъ такъ: оставаться въ вассальной зависимости отъ Вавилона или измѣнить нной присягѣ и стать въ зависимость отъ Египта? О полй самостоятельности не могло уже быть тогда и рѣчи. Разъ рейскія племена не съумѣли во-время образовать изъ себя гущественнаго языческаго царства, все равно по чьей бы ни было винѣ, (и скорѣе всего, конечно, по винѣ проровъ), то еврейскій народъ обреченъ былъ на зависимость ъ того или другого изъ его сильныхъ сосѣдей. Когда Изиль вступилъ въ обѣтованную землю, на большомъ прорантвѣ кругомъ жили мелкія племена, находившіяся въ пеодѣ историческаго младенчества; и такъ какъ замкнутый въ бѣ Египетъ былъ чуждъ завоевательныхъ тенденцій, то Изиль имѣлъ право разсчитывать на спокойную историческую дущность. Но вотъ на сѣверо-востокѣ одно за другимъ выроаютъ неслыханныя дотолѣ царства: сначала Арамъ, потомъ ссирія, затѣмъ и Вавилонъ; а на краю горизонта, въ отдаленй перспективѣ виднѣлась уже грозная Мидо-Персія, идущая смѣну Вавилона. Всѣ эти царства, поглотившія одно друе, отличались необузданными завоевательными стремлями, такъ что и Египту, чтобы не стать ихъ жертвой, ришлось усвоить себѣ завоевательную политику. А Израиль? ъ неожиданно очутился на перекресткѣ разныхъ завоевальныхъ теченій: онъ очутился между молотомъ и наковальй. Чтобы какъ-нибудь держаться на своей землѣ, Израилю талось одно—отказаться отъ всякой игры въ политику, стать, акъ выражается пророкъ Іезекіиль, „царствомъ низменнымъ“ ממלכה שפלה и избрать для себя другую историческую карьеру, отя бы ту, которую предлагали ему пророки и къ которой они о отчасти уже подготовили. Это было очень обидно, но ниого другого нельзя было дѣлать. Въ этомъ уже не были виваты ни свѣтскіе, ни духовные руководители народа, это ыло уже роковое послѣдствіе географическаго положенія заимаемой Израилемъ страны. Этимъ географическимъ положеніемъ опредѣлилась и дальнѣйшая его судьба. Но Седекія вельможи его не хотѣли примириться съ этимъ, они цѣпляись за тѣнь независимости, которую сулилъ имъ изолгавшійся Египетъ, и катастрофа разразилась.

Катастрофа разразилась. Іерусалимъ разрушенъ, храмъ жженъ, лучшіе люди уведены въ изгнаніе, и Израиль, казалось, пересталъ существовать. Такъ вѣдь и перешли въ вѣч-

Digitized by Google

ность всѣ сосѣдніе Израилю народы. Однакоже, прислушайтесь внимательно къ тону іереміадъ, въ которыхъ пророкъ оплакиваетъ постигшее народъ горе, и вы услышите въ нихъ скорѣй крикъ боли, чѣмъ стонъ отчаянія. Это не рыданіе матери безвозвратно потерявшей свое любимое чадо; нѣтъ, это скорѣе сдержанный плачъ матери, ребенокъ которой находится на операціонномъ столѣ, подъ ножомъ хирурга; операція производится тяжелая, кровавая, но спасительная. За самую жизнь народа пророки, удивительнымъ образомъ, вовсе не опасались. Догма о вѣчности еврейскаго народа раздѣлялась всѣми пророками, начиная съ древнѣйшихъ; и если уже самъ по себѣ загадоченъ фактъ существованія еврейскаго народа теперь, 25 вѣковъ послѣ первой катастрофы, его постигшей, то еще загадочнѣе фактъ, что это предсказано было Амосомъ за 200 слишкомъ лѣтъ до катастрофы *). У Іереміи же вѣра въ вѣчность еврейскаго народа прямо приравнивается вѣрѣ въ вѣчность законовъ природы **).

„Съ кѣмъ мнѣ сравнить тебя, чтобы утѣшить тебя, о дѣва, дщерь Сіона; широка, какъ море, рана твоя, кто исцѣлитъ тебя“—говоритъ Іеремія въ одной изъ своихъ іереміадъ Да, рана, дѣйствительно, нанесена была тяжелая, но не будемъ преувеличивать ея размѣры. Храмъ сожженъ. Но не этотъ-ли самый пророкъ еще недавно призывалъ всѣ громы небесные на этотъ храмъ? Прочтите всю седьмую главу книги Іереміи; вы будете поражены чистотою и смѣлостью религіозныхъ убѣжденій пророка, но не меньше того вы будете поражены религіозной терпимостью тогдашнихъ евреевъ; ни одинъ народъ въ мірѣ, ни теперь, ни въ древности, не пощадилъ бы пророка за такую рѣчь. Главной причиной этого отношенія пророка къ народной святынѣ было, конечно, его антипатія къ культу жертвоприношеній. Впослѣдствіи, во время Кира, Исаія II высказался даже противъ возстановленія храма

*) Amos. IX—8. „Вотъ обращенъ Мой взоръ противъ грѣшнаго царства и Я истреблю его съ лица земли, но никогда не истреблю я домъ Якова, говоритъ Превѣчный. Вотъ Я повелѣваю и будетъ просѣянъ домъ Израиля между всѣми народами, какъ просѣиваются зерна въ рѣшетѣ, но ни одно зерно не упадетъ на землю“.

**) Jeremia XXXI- 34. „Такъ говоритъ Превѣчный, Который поставилъ солнце для дневного свѣта, Который начерталъ законы лунѣ и звѣздамъ для освѣщенія ночью, Который волнуетъ море, чтобы шумѣли его волны, и Которому имя—Господь Саваоѳъ. Если когда-нибудь нарушатся эти законы предъ лицомъ Моимъ, то и потомство Израиля навсегда перестанетъ быть народомъ предо мною“.

Digitized by Google

изъ опасенія, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ возобновленъ и жертвенный культъ, и опасенія его, какъ извѣстно, были не напрасны. Не должны ли были пророки видѣть въ Навухоносорѣ орудіе Божьяго промысла для устраненія изъ еврейской религіи того, на что самъ народъ никогда не дерзнулъ бы поднять руку? Если же изъ груди пророка и вырывается иногда, (впрочемъ крайне рѣдко), вздохъ о погибшемъ храмѣ, то это должно быть приписано той общечеловѣческой чертѣ, которая нашла себѣ выраженіе въ русской пословицѣ: „Что имѣемъ, не хранимъ,—потерявши, плачемъ“.

Но лучшіе люди уведены въ изгнаніе. Не будемъ преувеличивать размѣры и этого бѣдствія. По списку, сохранившемуся у Іереміи, въ три пріема уведено было всего 4,600 человѣкъ, да около 70 человѣкъ было казнено Навуходоносоромъ въ Ривлѣ. Если же мы впослѣдствіи встрѣчаемъ многочисленныя еврейскія общины по всей Месопотаміи, Мидо-Персіи и даже въ Индіи и Китаѣ, то они состояли преимущественно изъ изгнанниковъ 10-ти колѣннаго царства, теперь только присоединившихся къ іудеямъ. Теперь только два блудныхъ сына, встрѣтившись вдали отъ отцовскаго дома, узнали другъ въ другѣ родного брата и слились въ братскомъ поцѣлуѣ. Остатки 10-ти колѣнъ долгое время разыскивали, да и теперь еще разыскиваютъ по всѣмъ закоулкамъ земного шара. Напрасно! они никогда и не терялись.

Но кто были эти уведенные въ изгнаніе лучшіе люди? Это были большей частью тѣ князья и вельможи іудейскіе, которые, сами вышедши изъ народа, съумѣли подняться надъ нимъ, угнетать его, лишить его земельной собственности и превратить его, наконецъ, въ толпу безправныхъ рабовъ. А „бѣдные изъ народа, у которыхъ ничего не было и которыхъ Навузарданъ оставилъ въ Іудеѣ въ качествѣ виноградарей и хлѣбопашцевъ“, навѣрное благословляли тогда судьбу, которая, въ лицѣ Навуходоносора, избавила ихъ отъ нищеты и отъ рабства.

Да, это была операція тяжелая, кровавая, но во многихъ отношеніяхъ спасительная. Она была бы еще спасительнѣе, еслибы не позорная измѣна Измаила-бенъ-Наѳанія—этого окончательно выродившагося отпрыска царскаго дома. Убійство благороднаго Годоліи, уничтоженіе послѣдней тѣни политической самостоятельности еврейскаго народа совершено было, увы, рукою еврея.

Digitized by Google

XVII.

Цари и пророки! Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виноватъ? Подлежащіе нашему сужденію документы всѣ представлены одной только стороной—пророками; было бы, конечно, желательно имѣть какія-нибудь данныя, исходящія съ другой стороны. Но нужно ли это? Не представлено ли самими пророками достаточнаго матеріала для ихъ же обвиненія! Не засвидѣтельствовалъ ли лѣтописецъ участіе Ахіи Силомскаго въ раздѣленіи Израильскаго царства? Не прославилъ ли лѣтописецъ дѣянія Иліи Пророка, направленныя противъ сліянія Израиля съ Финикіей? Не самъ ли Исаія разсказалъ намъ о своемъ противодѣйствіи задуманной коаліціи между Арамомъ, Израилемъ и Іудеей противъ Ассиріи? Что еще могли бы сказать политическіе руководители народа противъ пророковъ?

Однакоже, если допустить, что жизнь есть благо, какъ бы горька она ни была; если допустить, что собирательной личности — народу, какъ и отдѣльному индивиду, присуще желаніе жить, жить во что бы то ни стало, то для насъ, отдаленныхъ потомковъ этихъ царей и пророковъ, не можетъ быть вопроса, на чьей сторонѣ должны быть наши симпатіи.

Представимъ себѣ, что Израильское царство не было раздѣлено, что оно соединилось наконецъ съ Финикіей и Арамомъ въ одно сильное языческое царство. Выдержало ли бы оно двусторонній натискъ сперва со стороны Египта и Ассиріи, а затѣмъ со стороны Египта и Вавилона? А если да, то устояло-ли бы оно противъ могущественной Мидо-Персіи? Но оно навѣрное не устояло бы противъ Александра Македонскаго, который для самобытности встрѣчаемыхъ имъ на пути народовъ былъ опасенъ не столько своимъ мечемъ, сколько разносимой имъ эллинской культурой? И наконецъ, этому языческому еврейскому царству, если бы оно не было снесено всѣми предыдущими завоевательными потоками, пришлось бы имѣть дѣло со всепоглощающимъ Римомъ. Когда бы ни развалилось это языческое еврейское царство, оно оставило бы послѣ себя только безжизненные обломки, пригодные, можетъ быть, лишь на то, чтобы служить строительнымъ матеріаломъ для образованія новыхъ, столь же эфемерныхъ царствъ. А если еврейскій народъ избѣгъ этой участи, если онъ сохранилъ до сихъ поръ свою индивидуальность, то этимъ онъ обязанъ не политической дальновидности своихъ царей и вельможъ, а той теоло-

Digitized by Google

гической или, вѣрнѣе сказать, нравственной закваскѣ, которую привили ему пророки. Вѣдь этой именно закваской еврейскій народъ и отличался отъ всѣхъ прочихъ народовъ древности, изъ которыхъ многіе сошли съ исторической арены, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда.

Народъ занимаетъ въ исторіи то мѣсто, какое онъ самъ себѣ приготовилъ. Можно поручиться, что добрая половина культурно-историческихъ фактовъ, составляющихъ содержаніе исторіи человѣчества, можетъ быть прямо или косвенно приписана вліянію еврейскаго народа. Съ другой стороны, если изъ исторіи еврейскаго народа вычеркнуть все, что не ведетъ своего начала отъ пророковъ, то ничего, пожалуй, не останется. И вотъ теперь намъ говорятъ, что пророки и ихъ послѣдователи искусственно придали нашей исторіи одностороннюю теологическую окраску, что пора освободиться отъ этой односторонности и серьезно взяться за изслѣдованіе политическихъ, экономическихъ и всякихъ иныхъ теченій въ нашей древней жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что такія изслѣдованія представляли бы большой научный интересъ; но врядъ ли они привели бы къ переоцѣнкѣ нашихъ историческихъ цѣнностей.

На вопросъ: кто такой былъ Пушкинъ, мнѣ, конечно, отвѣтятъ: Пушкинъ—это величайшій русскій поэтъ первой половины XIX вѣка. Но это опредѣленіе вѣдь не полное, не исчерпываетъ всего Пушкина; вѣдь онъ былъ еще и чиновникомъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, кромѣ того также и помѣщикомъ?—Да, но помѣщикомъ Пушкинъ былъ въ своемъ имѣніи, чиновникомъ онъ былъ въ канцеляріи своего департамента, въ исторіи же, для потомства, Пушкинъ былъ и останется величайшимъ русскимъ поэтомъ XIX-го вѣка, и это представленіе о немъ совершенно его исчерпываетъ.

Еврейскій народъ, кромѣ пророковъ, имѣлъ и свѣтскихъ руководителей, направлявшихъ его жизнь по тому же руслу, по которому текла жизнь другихъ народовъ. Древніе евреи играли, какъ другіе народы, въ политику, и надо правду сказать, частенько таки проигрывались; они вели и кровопролитныя войны, и опять таки чаще бывали побѣжденными, чѣмъ побѣдителями; и не удивительно: не за свое дѣло брались. За то въ области богопознанія, въ области изобрѣтенія и развитія этическихъ принциповъ, —тамъ имъ честь и мѣсто. Выработанныя ими нравственныя формулы, вродѣ „Люби ближняго, какъ самого себя“ или „Люби пришельца какъ самого себя“ стали руководящими принципами всѣхъ культур-

Digitized by Google

ныхъ народовъ, хотя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не всѣ и не всегда ими дѣйствительно руководятся.

Намъ скажутъ: „Но были же у древнихъ евреевъ и извѣстная матеріальная культура; занимались же они земледѣліемъ, ремеслами и художествами. Сами пророки часто свидѣтельствуютъ, что въ ту или другую эпоху евреи достигали значительнаго экономическаго благосостоянія. А вѣдь экономическіе мотивы являются могучими двигателями культуры, часто гораздо болѣе могучими, чѣмъ идейные принципы".

Все это такъ, но что изъ этого слѣдуетъ? О царѣ Озіи, напримѣръ, лѣтописецъ сообщаетъ, что „онъ былъ любитель земледѣлія и скотоводства и для этого построилъ башни въ степи и изсѣкъ тамъ много водоемовъ". Но имѣли ли его сооруженія какое нибудь замѣтное вліяніе на развитіе агрикультуры вообще? Раскопки, произведенныя еще недавно въ Іерусалимѣ, открыли подземный каналъ, весь высѣченный въ дѣвственной скалѣ. Сооруженіе это, которое, согласно найденной на стѣнахъ его надписи, произведено было по иниціативѣ царя Іезекіи, представляетъ по отзыву спеціалистовъ чудо строительнаго искусства. Но разъ нѣтъ преемственной связи между этимъ сооруженіемъ и современнымъ инженернымъ дѣломъ, то историческая цѣна его весьма ничтожна. Скажемъ больше, если произведенія матеріальной культуры могутъ цѣлыми тысячелѣтіями оставаться похороненными подъ грудами развалинъ, то тѣмъ выше, тѣмъ дороже должны стать для насъ произведенія той духовной культуры, которая всегда боролась противъ политики огня и меча. Самыя тщательныя раскопки не открыли бы подъ многовѣковыми наслоеніями Іерусалима болѣе цѣнныхъ произведеній еврейскаго генія, чѣмъ тѣ, что заключаются въ нашей старой, но не отжившей еще Библіи. Каждая страница въ ней представляетъ пластинку граммофона, которая для имѣющихъ уши слышать издаетъ дивные звуки той музыки прошлаго, которая, увы, еще долго останется музыкой будущаго. Блаженъ народъ, блаженны люди, которымъ дано будетъ стать живыми органами той музыки будущаго, той желанной гармоніи, которая должна же когда-нибудь установиться между властными требованіями физической природы человѣка и стремленіями его духа къ правдѣ и добру.

Д-ръ *Л. Каценельсонъ.*

Digitized by Google

Кумиры.

(Сказка).

Идя по незримой, воздушной дорогѣ
Подъ свѣтлую райскую сѣнь,
Врать лучезарныхъ склонилась въ тревогѣ
Скорбящая, блѣдная тѣнь.

Архангельскій мечъ передъ нею сверкаетъ,
Грозя раскаленнымъ клинкомъ,
И молніи синей порой пробѣгаютъ
Изломы живые по немъ..

И стражъ вопрошаетъ: «Грядущая къ свѣту,
Скиталица темной земли!
Какія въ обитель блаженную эту
Заслуги тебя привели?»...

«Заслуги?»... Какъ вѣтромъ надломленный колосъ,
Поникла она головой...
И вотъ зазвучалъ умоляющій голосъ
Глубокой и жгучей тоской:

* * *

«—Заслуги?.. трижды Іегову
Я каждодневно восхвалялъ;
Его защитѣ и покрову
И плоть, и душу я ввѣрялъ;
Я чтилъ субботу по уставу
И новомѣсячіе чтилъ;
Надъ каждой каплей, въ Божью славу,
Благословеніе творилъ;

Digitized by Google

Посты держалъ я неуклонно,
Покорно выполнить готовъ
И нашей Торы всѣ законы,
И всѣ обычаи отцовъ.
Но... слушай, свѣтлый и прекрасный!—
Темна, какъ ночь, душа моя...
Я грѣшенъ... Грѣхъ одинъ ужасный
Гнететъ и мучаетъ меня:
Отвергнувъ всѣ соблазны міра,
Одинъ великій и святой
Обѣтъ нарушилъ я...»
—Какой?
«—*Не сотвори себѣ кумира*»...

Какъ выстрѣла звукомъ встревоженный левъ,
Вздрогнулъ свѣтозарный... Презрѣнье и гнѣвъ
Сверкнули во взорѣ... Но голосъ молящій
Звучалъ, вдохновленный тоскою скорбящей
И жалобой горькой звеня:
« —О, не спѣши карать меня,
Судья мой праведный!... Въ конурѣ,
Въ норѣ и душной, и сырой,
Гдѣ и весеннею порой
Не видитъ отблеска лазури
Больное, хилое дитя,
Тамъ Божій міръ увидѣлъ я.
И тамъ, и въ старой синагогѣ,—
Творца міровъ земномъ чертогѣ,—
И въ душномъ хедерѣ,—вездѣ
Въ боляхъ, въ обидѣ, и въ нуждѣ
(Народной немощи наслѣдство)
Провелъ я сумрачное дѣтство.
Въ проулкахъ пыльныхъ городка
Кругомъ ни травки, ни цвѣтка,
Ни тѣни свѣжей и душистой,
Ни струйки голубой и чистой

Digitized by Google

Всю жизнь свою я не видалъ,—
И, точно сердцемъ внемля клиру
Созвучій, чистыхъ какъ кристаллъ,
Я поклоняться солнцу сталъ,
Чьи ласки Богъ даруетъ міру,
И только мнѣ въ нихъ отказалъ,—
Я поклонялся, какъ кумиру,
И рѣчкѣ, блескъ струи своей
О золотой песокъ дробящей,
И голубымъ тѣнямъ аллей,
И вѣтру вольному полей,
И патріархамъ темной чащи,—
Всему, что сказка или сонъ
Мнѣ рисовали въ тьмѣ унылой,
Всему, чего я былъ лишенъ
Отъ колыбели до могилы...
Какъ жалокъ былъ я и смѣшонъ!—
Склонясь къ окошку синагоги,
Полузасохшая, росла,—
Я помню,—старая ветла
Съ кривымъ стволомъ, съ листвой убогой;
Порою зимнею она,
Покрыта снѣжной пеленою,
Стояла тихо у окна,
Какъ будто въ саванѣ... Весною
Порхали голуби кругомъ,
И вѣтерокъ ея листкомъ
Въ стекло постукивалъ порою,
Какъ будто звалъ изъ этихъ стѣнъ,
Манилъ куда-то вдаль, на волю,
Забыть нужды гнетущій плѣнъ,
Забыть мучительную долю;
И кто-то мнѣ шепталъ: «Иди,
Бѣги на волю!... Дай груди
Вздохнуть хоть разъ свободой полной...
Туда, гдѣ звонко плещутъ волны,

Digitized by Google

Шумятъ зеленые лѣса!
Тамъ Богъ,—тамъ Божьи чудеса
Доступны каждому, чьи очи
Умѣютъ лишь отъ мрака ночи
Сіянье утра отличать;
Тамъ Богъ, тамъ Божья благодать;
И миръ, и сладость думъ завѣтныхъ
Разлиты въ образахъ несмѣтныхъ.
Все полно ими—свѣтъ и мгла,
И молній блескъ, и пѣсенъ чары,
И эта старая ветла
У синагоги этой старой...

Я слушалъ... Тихій шумъ вѣтвей
Манилъ меня, и часто къ ней
Я обращалъ невольно взоры,—
И образъ Бога грозной Торы,
Души властителя моей,
Владыки жизни безутѣшной,
Тускнѣлъ не разъ въ моихъ мечтахъ,
И замирали на устахъ
Слова моей молитвы грѣшной...
Гляди, я каюсь и скорблю...
Да совершится воля неба;
Мнѣ адъ не страшенъ, но—молю,
Какъ воли—рабъ, какъ нищій—хлѣба:
За жизнь мою мрачнѣй тюрьмы,
За цѣлый вѣкъ нужды и тьмы,
Обидъ, презрѣнья и проклятій,
Хоть каплю, каплю благодати,
Хоть мигъ блаженства ниспошли
Скитальцу сумрачной земли!»...

* *
*

Открылись-ли двери обители свѣта—
Не вѣдаетъ сказка, не дастъ намъ отвѣта...

Digitized by Google

Но ангела грознаго ликъ неземной
Подернулся скорбью, какъ мглою ночной...
Онъ очи потупилъ въ нѣмомъ размышленьи,
И трепетъ прошелъ по лазурнымъ крыламъ...
Предъ тѣнью стоялъ патріархъ Авраамъ,
И кто-то рыдалъ въ отдаленьи....

С. Фругъ.

Digitized by Google

Ошибка.

Разсказъ.

I.

Шапочникъ Лейзеръ Иткинъ нѣсколько разъ повертѣлъ въ рукахъ узенькій и длинный лоскутокъ бумаги, на которомъ крупными печатными буквами значилось: «Повѣстка» — и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на вручившаго ему эту бумажку десятскаго Сидора.

Сидоръ, высокій худощавый мужикъ въ сапогахъ и съ заржавленной мѣдной бляхой на груди поверхъ зипуна, молча стоялъ въ сторонѣ, старательно вправляя вылѣзшую изъ картуза коленкоровую подкладку, изъ-подъ которой онъ только-что досталъ врученную Лейзеру повѣстку.

Лейзеръ слегка отодвинулъ стоявшую передъ нимъ на столѣ ручную швейную машину съ недостроченнымъ околышемъ и, растерянно глянувъ въ сторону жены своей Двоси, съ усиліемъ раздувавшей въ эту минуту утюгъ у дымившей печурки, снова уставился на мѣдную бляху Сидора съ четырехугольной дырой въ центрѣ вмѣсто выпавшаго номера.

— Стало быть, ты будешь Курецкій мѣщанинъ Лейзеръ Менделевъ Иткинъ?—спросилъ Сидоръ, одѣвая фуражку и строго осматривая комнату.

— Я—а...

— Ну и ступай, стало быть, къ отвѣту. Потому, какъ ты мальца-то своего припряталъ. Опять же онъ къ перетличкѣ не явился,—ну вотъ его теперь къ начальству и требуютъ.

Сидоръ поправилъ на головѣ фуражку и началъ внушительно вертѣть въ рукахъ свою мѣдную бляху.

Лейзеръ продолжалъ недоумѣвающе на него поглядывать. Бу-

Digitized by Google

ка попрежнему тряслась въ его нервно передергивавшихся
ьцахъ.

— Да ты чего глаза-то пучишь, голова? Вѣдь за эвту самую
ку съ тебя одного штраху-то триста рублевъ, пожалуй, мало
ть: потому — никакого, стало быть, законнаго основанія...
ть же, если ты его къ строку не предоставишь, тебя на пол-
ь съ лишнимъ и за рѣшетку посадить можно, въ острогъ!..

Лейзеръ окончательно растерялся... Все это было такъ неожи-
но: и это начальство, и острогъ, и, наконецъ, эта бумажка
шестью строками непонятныхъ печатныхъ словъ, среди которыхъ
ыми штрихами расплывшихся черныхъ чернилъ мелькали такія
непонятныя для него, какъ и печатный текстъ, два-три руко-
ныхъ слова... Онъ безпомощно оглянулся по сторонамъ и, по-
нувшись къ Сидору, тихимъ, робкимъ голосомъ спросилъ:

— За что?.. За что-же меня въ острогъ?

— Какъ за что? Да ты парня-то своего подай! Потому —
писаніе такое вышло, чтобы его безпремѣнно въ уѣздъ пре-
тавить.

Двося поставила разогрѣвшійся утюгъ на край печурки и, при-
вившись къ столу, съ своей стороны также бросила на Сидора
уганный взглядъ и начала быстро, безпокойно переводить его
Сидора на мужа, потомъ—на эту роковую бѣлую бумажку—и
ва остановила его на Сидорѣ.

Ея чуткое, болѣзненно сжавшееся въ груди сердце сразу по-
ствовало что-то страшное и роковое въ этомъ неожиданномъ
вленіи среди нихъ единственнаго въ мѣстечкѣ, послѣ урядника,
ставителя исполнительной власти съ его мѣдной бляхой на
ди и узенькой бумажкой въ рукахъ. Что-то недоброе таилось,
ея понятіямъ, въ этихъ серьезно, почти строго, смотрѣвшихъ
ея бѣднаго мужа изъ-подъ рѣдкихъ, жесткихъ бровей, съ
глазахъ Сидора, въ его непонятныхъ для нея, но произ-
ныхъ такимъ громкимъ и властнымъ голосомъ словахъ—и,
нецъ, въ той настойчивости, съ которой Сидоръ требовалъ,
Лейзеръ непремѣнно принялъ эту бумажку и, получивъ ее,
ышилъ еще что-такое немедленно исполнить...

Она умоляюще уставилась на Сидора, словно упрашивая его

Digitized by Google

пощадить ихъ и удержать занесенную уже надъ ними руку окончательнаго удара. Но Сидоръ былъ неумолимъ. Осмотрѣвъ разъ подкладку своего картуза, онъ движеніемъ головы откин назадъ свѣсившуюся надо лбомъ прядь прямыхъ бѣлокурыхъ лось и, надѣвъ на голову фуражку, повернулся къ выходу.

— Такъ ты, стало быть, понялъ? — обратился онъ къ Лей нагибаясь къ двери.

— То-то! — внушительно прибавилъ онъ не дождавшись от и, щелкнувъ ручкой, вышелъ.

Двося тяжело опустилась на табуретъ возлѣ стола и ни свѣсила голову на ладонь. Лейзеръ положилъ передъ собою на с полученную имъ отъ Сидора бумажку и, низко нагнувшись н ней, началъ внимательно всматриваться въ нее, пожимая плеча Нѣсколько минутъ они просидѣли такъ молча, не глядя другъ друга.

— Что-же это такое, Лейзеръ? — спросила, наконецъ, Дв подымая голову.

— Что это такое? — Сама видишь: *гзейра*... Гзейра отъ мого Господа Бога... Прогнѣвили мы съ тобой Всевышняго, в что! — промолвилъ Лейзеръ и безпомощно опустилъ голову.

Двося глубоко вздохнула. На рѣсницахъ у нея повисла сл

— И, главное, за что? — продолжалъ Лейзеръ. — Въ чемъ я могъ провиниться передъ начальствомъ?.. За квартиру мы, жется, уплатили во время; еще ему полтинникъ лишнихъ впередъ... Коза наша лѣтомъ къ Ланчуку въ огородъ забрела мы съ нимъ тогда-же помирились: сорокъ коп. взялъ и прости Въ Дуниловѣ на ярмаркѣ мнѣ мужикъ за картузъ вмѣсто рубл трехрублевую далъ, — я его тотчасъ-же бросился искать, нап въ кабакѣ и обратно отдалъ... Еще онъ меня тогда въ пья видѣ при всѣхъ поцѣловалъ, а потомъ, разсердившись, швыр въ дверь такъ, что я еле живой всталъ, помнишь?..

Онъ началъ усиленно теребить бородку, тщетно стараясь в мнить, не числится-ли за нимъ какое нибудь преступленіе, за торое онъ былъ бы отвѣтственъ передъ начальствомъ.

— Сто рублей, которые я тогда нашелъ зашитыми въ ромъ малахаѣ, я вѣдь тоже отдалъ, — продолжалъ онъ, стар

Digitized by Google

возстановить въ памяти подробности этого событія. — помнишь? Еще я не зналъ тогда, что это за бумажка, побѣжалъ къ ребъ-Пинѣ-Нотѣ — память его да осѣнитъ насъ! — онъ мнѣ сказалъ, что это сто рублей и велѣлъ тотчасъ же отдать. Я тогда и бросился въ деревню, разыскалъ старичка и отдалъ ему деньги и шапку... Осьмину картофеля хотѣлъ мнѣ отсыпать, да я не взялъ — помнишь, вѣдь, Двося?

Двося только вздохнула и еще ниже опустила голову.

— Да. Но что-же теперь дѣлать? — спросила она, наконецъ, поднявъ на Лейзера свои заплаканные глаза.

— Что дѣлать? Будемъ псалмы читать... Завтра четвергъ — буду поститься, говорить «селихосъ» — авось Господь Богъ смилуется надъ нами...

— Да, да! — подхватила Двося, преисполнившись вдругъ необыкновенной рѣшимости, — пойду на кладбище припаду къ праху моей матушки, — можетъ быть, она заступится за насъ. Помолюсь надъ могилкой нашего Элиньки, — пошлю его къ Владыкѣ міровъ: вѣдь онъ такой чистый; онъ еще совсѣмъ не успѣлъ согрѣшить на землѣ...

— Элинька? ты говоришь — Элинька? — встрепенулся вдругъ Лейзеръ и, схвативъ со стола бумажку, поднесъ ее къ глазамъ, какъ будто онъ понималъ то, что въ ней сказано. — Да вѣдь это онъ про Элиньку и говорилъ!.. А я все никакъ не могъ понять!.. Зачѣмъ — говоритъ — мы его спрятали: его начальство требуетъ!..

— Элиньку!..

— Да, да — Элиньку!..

— Господи! Да кому-же понадобились его бѣдныя косточки?

— Ужъ видно понадобились, когда требуютъ... Да развѣ мы можемъ знать? *Бесъ-динъ-шелъ-Майло* — Верховный Судія — вотъ Кто требуетъ, — а *Бесъ-динъ-шелъ-Мато*, — онъ указалъ на бумажку — земной судья только исполняетъ!..

II.

Элинька — это была легенда... Это было свѣтлое воспоминаніе о далекомъ, давно минувшемъ прошломъ, яркій лучъ, на мгновеніе освѣтившій ихъ жалкое, темное существованіе, согрѣвшій на минуту

Digitized by Google

бѣдное материнское сердце Двоси, — и снова потухшій навсегда, оставивъ только послѣ себя холодъ и пустоту...

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ онъ явился въ ихъ семью послѣ долгихъ и тревожныхъ ожиданій. Вечеромъ, послѣ цѣлаго дня мученій и нечеловѣческихъ болей, бабушка Этка поднесла ей какой-то красный комокъ, завернутый въ одѣяло. И этотъ красный комокъ былъ ея сынъ... Маленькая лампочка, одиноко дымившая по другую сторону спущеннаго надъ кроватью полога; бѣлая линія изъ мѣла проведенная дрожащими руками Этки по темнымъ закопченнымъ стѣнамъ; предохранительныя бумажки съ написанными на нихъ «Ширъ Гамаалосъ», приклеенныя кусками хлѣбнаго мякиша къ окну, пологу и къ вьюшкамъ; сладкая, пріятная тишина, наступившая послѣ столькихъ страданій — и, главное, — этотъ непривычный ея уху крикъ принадлежащаго ей живого существа, — все это сразу ввело ее въ новый міръ еще неиспытанныхъ ею ощущеній...

Потомъ — эти сладкія муки перваго кормленія... Острая рѣжущая боль перваго прикосновенія маленькаго ротика и пріятная теплота трепещущаго крохотнаго тѣльца... Далѣе — «брисъ», — это торжественное пріобщеніе маленькаго, ей одной только понятнаго и нужнаго существа къ этому собранію взрослыхъ, непонимающихъ ея материнскихъ страданій и радостей, чуждыхъ ей людей...

Потомъ — это пеленаніе, убаюкиваніе, безсонница...

И вдругъ — эта ночь, — незабвенная страшная ночь, когда маленькое тѣльце ея Элиньки перестало биться въ колыбелькѣ, когда его судорожно сведенныя блѣдныя губки перестали принимать материнскую грудь, когда закатившіеся глазки его остановились навсегда!.. Маленькій ночникъ, освѣщавшій недавно его первое появленіе на свѣтъ, теперь тускло и одиноко мигалъ у его изголовья, играя блѣдными тѣнями по его застывшему желтому личику... Утромъ пришелъ Мееръ, страшный черный Мееръ. Не говоря ни слова, онъ слегка надорвалъ верхній край ея платья, потомъ уголъ праваго лацкана на сюртукѣ Лейзера и, приблизившись къ колыбелькѣ, вынулъ оттуда Элиньку, завернулъ его бѣленькое тѣльце въ полу своего длиннаго чернаго пальто — и безвозвратно унесъ на улицу, въ холодъ...

Digitized by Google

Съ этого дня у нея уже ничего не осталось въ жизни. Длинной чередой потянулись томительные долгіе дни пустоты и одиночества... Сперва—скорбная недѣля «шивы»,—семидневное сидѣнье босикомъ на полу возлѣ печки. Чтеніе псалмовъ и пророка Іова. Боль въ грудяхъ отъ напирающаго молока, ознобъ, ломота, холодъ... Камень тяжело брошенный ею на то самое мѣсто, гдѣ она провела въ слезахъ семь томительныхъ дней,—и успокоительно-примиряющія слова Лейзера: «Господь далъ—Господь и взялъ!..» Потомъ, — это изо дня въ день повторяющаяся забота о кускѣ хлѣба, о пріютѣ... Унылая однообразная жизнь безъ радостей материнства, безъ тепла, безъ ласки...

Порою только, въ холодныя зимнія сумерки, когда вѣтеръ сердито стучался въ ихъ маленькое окошечко, занося его толстыми хлопьями снѣга, жалобно завывалъ подъ стрѣхой и плачемъ заливался въ полуразвалившейся трубѣ, ея материнское сердце уносилось вдаль, въ заброшенный уголъ кладбища, гдѣ между нестройными рядами маленькихъ дѣтскихъ могилокъ, затерялась безвѣстная могила ея Элиньки... Тепло ли ему лежать въ промерзшей землѣ подъ толстымъ сугробомъ снѣга? Хорошо ли ему спится подъ убаюкивающій стонъ разыгравшейся мятели?.. И слезы, тяжелыя, крупныя слезы одна за другою грузно падали на дрожащія въ ея рукѣ полотнища отъ распоротаго ею какого нибудь стараго барскаго сюртука, купленнаго Лейзеромъ на «матеріалъ»...

А буря попрежнему воетъ въ трубѣ, сердито рветъ ободранный ставень и яростно стучитъ подворотней подъ тактъ быстро вертящагося въ рукахъ Лейзера колеса швейной машины. Тѣнь отъ его низко свѣсившейся надъ работою головы надоѣдливо мелькаетъ по заброшенному обрѣзками широкому столу,—и чудится ей, что это она сама, низко нагнувшись надъ Элинькой, напѣваетъ ему тихую колыбельную пѣсенку...

Когда же ей приходилось въ позднюю вечернюю пору, перекраивая кусочки матеріи отъ распоротыхъ ею старыхъ вещей, опускать ихъ по одиночкѣ въ горячій горшокъ съ краскою и потомъ развѣшивать ихъ на шнурочкѣ возлѣ печки, разглаживая ихъ при этомъ своими посинѣвшими отъ краски пальцами съ черными ногтями на кончикахъ,—ей казалось, что это она стираетъ пе-

Digitized by Google

ленки для своего Элиньки, страшныя, черныя пеленки, въ которыя она будетъ заворачивать его блѣдное, мертвое тѣльце...

Иногда ей казалось, что Элинька живъ, но что его нѣтъ дома: онъ ушелъ въ хедеръ учить тору, о которой она столько пѣла надъ его колыбелькой... Что когда онъ кончитъ, когда онъ ее изучитъ всю, отъ начала до конца,—онъ снова вернется домой, утѣшитъ свою бѣдную осиротѣвшую мать, заставитъ ее забыть свою материнскую скорбь и покроетъ ея голову громкою свѣтлою славой...

А когда, однажды, въ субботу сынъ ея сосѣдки по синагогѣ, ставъ «баръ-мицво», въ длинномъ отцовскомъ талисѣ, въ которомъ заплетались его маленькія ножки, подошелъ въ амвону и началъ громко, нараспѣвъ читать «Гафтору», ей показалось, что это *ея* тринадцатилѣтній Элинька чистенькимъ дѣтскимъ голоскомъ громко возвѣщаетъ народу о своемъ религіозномъ совершеннолѣтіи... И казалось ей тогда, что это *она* именно та счастливая мать, которой всѣ завидовали... Но—другая пара глазъ, жадно устремленныхъ сквозь маленькое окошечко женскаго отдѣленія въ мужскую половину, искрились въ эту минуту чистыми материнскими слезами, слезами восторга и умиленія!.. На другую еврейскую мать посыпались отовсюду поздравленія, «мазелъ-товъ»!.. Она-же попрежнему была покинута и одинока,—и попрежнему-же ея ненаглядный Элинька одиноко лежалъ въ затерянной безмолвной могилкѣ...

Съ тѣхъ поръ, какъ Сидоръ явился къ нимъ въ домъ со своимъ страннымъ документомъ на рукахъ, туманный, безплотный образъ Элиньки началъ принимать въ воображеніи Двоси все болѣе и болѣе реальныя формы... Элинька, который не только изучаетъ въ хедерѣ святую Тору, передъ всѣмъ народомъ читаетъ съ амвона «Гафтору», но который наравнѣ со всѣми прочими взрослыми евреями носитъ уже на себѣ тяжелое бремя «Голуса», котораго даже требуютъ къ начальству,—Элинька вдругъ сразу сдѣлался для нея взрослымъ членомъ семьи. Элинькѣ она наединѣ повѣряла свои радости и скорби, передъ нимъ она изливала свою горькую душу, съ нимъ она бесѣдовала и во снѣ, и на яву...

Однажды послѣ холодной зимней ночи, когда снѣжная вьюга наполовину занесла ихъ единственное окошечко, толстыми сугробами придавила ихъ дверь и сквозь узенькую щель надъ порогомъ

Digitized by Google

затянула ихъ полъ тоненькимъ слоемъ бѣлаго инея, Двося вскочила съ постели, какъ ужаленная, и прямо бросилась къ лежанкѣ, на которой спалъ Лейзеръ.

— Лейзеръ, а Лейзеръ,—крикнула она не своимъ голосомъ, рванувъ къ себѣ свѣсившееся внизъ рукавами старое пальто, которымъ онъ прикрывался,—Лейзеръ! У меня только-что былъ Элья... Онъ жаловался, что злые люди разрыли его могилу, что его косточки бросаютъ съ одного мѣста на другое, что онъ не знаетъ отдыха... Лейзеръ! Мы должны непремѣнно пойти посмотрѣть, что съ нимъ! Тогда, когда я ходила на кладбище молиться, я его могилки не разыскала... Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь?..

Она тяжело опустилась на край жалобно скрипнувшей подъ ней кровати, напряженно глядя куда-то вдаль своими воспаленными, широко раскрытыми глазами.

Ничего не понимавшій Лейзеръ быстро спустился съ лежанки и, ступая босыми ногами по холодному мерзлому полу, пошарилъ нѣсколько разъ по столу въ темнотѣ и, отыскавъ спичку, зажегъ низко висѣвшую надъ столомъ лампу.

Двося попрежнему сидѣла на кровати съ устремленными въ одну точку глазами. Онъ наскоро одѣлся, помылся холодной водой изъ кувшина и, снявъ съ гвоздя свой «талисъ и тефилинъ», досталъ изъ мѣшка старую полуистрепанную псалтирь и, въ ожиданіи зари, началъ громко читать псалмы.

Двося также встала, облила себѣ пальцы водой, обтерла глаза и начала молча выкладывать изъ-за печки дрова, шопотомъ подтягивая иногда за мужемъ какой-нибудь знакомый ей стихъ изъ псалмовъ. Черезъ часъ они уже напились чаю изъ высокаго глинянаго чайника съ отбитымъ носкомъ, и оба вмѣстѣ отправились въ путь.

III

Мѣстечко еще спало, когда Лейзеръ и Двося, съ трудомъ оттолкнувъ дверью навалившіеся на нее за ночь высокіе сугробы снѣга, еле протолкались черезъ образовавшуюся щель и очутились на улицѣ. Забившаяся за осѣвшій на одну сторону уголъ ихъ маленькаго домика коза, завидѣвъ хозяевъ, промычала имъ что-то

Digitized by Google

сквозь зубы и снова принялась за свою жвачку, потряхивая узенькой бороденкой.

Бѣленькія прозрачныя облачка, одно за другимъ быстро мчались по небу куда-то вдаль, очевидно, только-что закончивъ порученную имъ ночную работу. Длинными полосами тянулся свѣжій только-что выпавшій снѣгъ, пригнанный вѣтромъ къ одной сторонѣ тянувшихся вдоль улицы домиковъ, тонкой, извилистой линіей остраго верхняго края убѣгая вдаль, сливаясь порой съ низенькой обвѣтрившейся крышей и совершенно теряясь и пропадая гдѣ-то далеко впереди. Кое-гдѣ, сквозь незанесенное снѣгомъ окошечко, мигалъ еще одинокій огонекъ, постепенно блѣднѣя передъ властно вставшей зарей. Прижавшаяся спиной къ забору старушка, закутанная въ платокъ, озабоченно высматривала мѣсто, по которому она могла-бы какъ-нибудь пробраться въ сосѣдній домикъ. Кто-то пробирался въ синагогу съ талисомъ подъ мышкой, широко шагая черезъ улицу и увязая по колѣни въ снѣгъ.

Подперевъ кое-какъ снаружи оставившую по себѣ на снѣгу узенькую ровную площадку дверь, Лейзеръ съ Двосей перебрались на другую, чисто подметенную вѣтромъ, сторону улицы и, взявшись влѣво, направились къ окраинѣ мѣстечка.

Они перешли перекинутый черезъ глубокій ровъ старый, на половину разобранный мостикъ и, минуя мѣстечковую баню, пошли огородами вправо, направляясь къ чернѣвшему далеко за мѣстечкомъ своими старыми угрюмыми соснами на бѣлой снѣжной полянѣ—кладбищу.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда они, обойдя низенькій покосившійся плетень, подошли къ крылечку дома, въ которомъ жилъ могильщикъ Карпель. Узенькая дорожка, аккуратно разметенная на обѣ стороны вѣникомъ, тянулась къ двумъ промерзшимъ ступенькамъ крыльца, густо посыпаннымъ желтымъ песочкомъ. Въ сѣняхъ стоялъ ушатъ съ промерзшей сверху водой и опрокинутый дномъ кверху глиняный жбанъ. Они потянули къ себѣ ручку двери и, вмѣстѣ съ толстой струей ворвавшагося въ комнату бѣлаго пара, вошли въ домъ.

Въ комнатѣ было необыкновенно тепло и уютно. Бѣлыя занавѣски на окнахъ были наполовину приподняты. На полу, чистомъ

Digitized by Google

какъ воскъ, играла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ четырехъ, о чемъ-то бесѣдуя со своей связанной изъ платочка куклой. За перегородкой также слышался дѣтскій лепетъ изъ глубины люльки, приставленной къ натопленной лежанкѣ.

Они присѣли на скамейку возлѣ окна и, въ ожиданіи хозяевъ, начали оглядываться по сторонамъ, невольно поражаясь непривычной для нихъ чистотѣ. На полу возлѣ печки, подостланная рогожей стояла приставленная къ стѣнѣ, неоконченная еще работою, могильная плита съ выбитыми на ней сверху двумя вызолоченными буквами П. Н. На передней стѣнѣ красовался въ рамѣ хитро сплетенный орнаментъ съ надписью «Мизрахъ», придерживаемой съ обѣихъ сторонъ двумя львами въ перьяхъ и съ завернутыми назадъ орлиными клювами. На другой стѣнѣ висѣла старая гравюра подъ стекломъ, съ отбитымъ внизу угломъ, изъ подъ которой вылѣзала голова убитой лошади и сидящій на пушкѣ человѣкъ, яростно срывающій зубами съ лѣвой руки пропитанный кровью рукавъ... Узенькое зеркальце въ простѣнкѣ, привѣшенная къ нему сбоку плетенная восковая свѣча для «Гавдолы», три фотографическія карточки въ выклеенныхъ изъ цвѣтной бумаги рамкахъ, изъ которыхъ даже выглядывалъ одинъ бритый, съ длинными усами въ высокомъ крахмальномъ воротникѣ—человѣкъ изъ Америки... Все это было такъ странно и такъ не гармонировало съ преддверіемъ смерти, съ этимъ глухо шумѣвшимъ за стѣной «домомъ живыхъ»...

Дверь скрипнула,—и въ комнату вошла хозяйка, осторожно неся подъ передникомъ подойникъ съ, очевидно, только-что надоеннымъ молокомъ.

— Добраго утра!.. Вамъ Карпелъ нуженъ?—обратилась она къ нимъ, передвигая на ходу подъ передникомъ подойникомъ.

— Онъ вышелъ на минутку; сейчасъ придетъ;—прибавила она и скрылась за перегородкой.

Черезъ минуту Двося увидѣла ея широкую, низко согнувшуюся надъ люлькой спину и, не безъ зависти, стала прислушиваться къ чмоканью жадно припавшаго къ материнской груди младенца.

Двося не въ силахъ была дождаться, пока Карпель вернется домой и, накинувъ на голову свой съѣхавшій на плечи платокъ, вышла къ нему на дворъ. Лейзеръ послѣдовалъ за нею.

Digitized by Google

Карпель въ это время отбрасывалъ широкимъ деревяннымъ заступомъ снѣгъ отъ стоявшей у самой дороги, сложенной изъ кирпича высокой сѣни надъ могилою недавно скончавшагося мѣстечковаго богача Моши Карпеса. Увидавъ ихъ, онъ поставилъ заступъ и направился къ нимъ навстрѣчу.

— У васъ покойникъ, «баръ-минонъ»?—спросилъ онъ, подойдя къ нимъ.

— Нѣтъ: намъ нужно отыскать одну могилу.

— Отца или матери?

— Нѣтъ, сына.

— Дѣтскую?.. Гм... Да какъ-же ее теперь разыскать? Два аршина снѣгу навалило! Никогда еще этого не было.

— Намъ необходимо ее разыскать!—умоляюще промолвила Двося, и въ глазахъ ея показались слезы.—Мы ради этого и пришли. Я не могу уйти отсюда прежде, чѣмъ не узнаю, что стало съ могилкой моего Элиньки.

— Да, да, ребъ-Карпель, намъ это необходимо нужно,—взмолился съ своей стороны Лейзеръ,—вы не знаете—у насъ большое горе,—*онъ* только одинъ и можетъ намъ помочь.

Карпель нѣсколько потупился и, повернувшись къ нимъ спиною, махнулъ рукою.

— Что-жъ дѣлать? Пойдемте: мы же все-таки евреи...

И онъ широко зашагалъ въ своихъ толстыхъ большихъ сапогахъ по глубокому рыхлому снѣгу.

Двося поспѣшила за нимъ, стараясь не отставать и быстро перебирая по снѣгу своими изодранными ботинками въ тонкихъ, промокшихъ насквозь, чулкахъ.

Лейзеръ потащился сзади безжалостно трепля въ снѣгу полы своей вытертой шубенки.

Карпель повелъ ихъ въ глубь самой старой части кладбища. Высокія сосны дружно обступали ихъ со всѣхъ сторонъ, тѣсно сплетаясь надъ ихъ головами. Иногда спуганный ими воронъ, перелетая съ одной вѣтки на другую, стряхивалъ сверху толстый комокъ снѣгу, тяжелыми хлопьями падавшаго на голову Карпеля и, судорожно вздрагивавшія подъ темнымъ платкомъ, плечи

Digitized by Google

Двоси. Перешагнувъ черезъ канаву, Карпель остановился и снова обернулся къ нимъ.

— Вы говорите—младенецъ?—спросилъ онъ, — а когда онъ умеръ?

— Двадцать... нѣтъ —двадцать одинъ годъ исполнилось нынче послѣ Кущей,—быстро подхватила Двося и остановилась.

— Ну, въ такомъ случаѣ, намъ нужно идти вонъ туда, направо: мнѣ покойный отецъ показывалъ.

Они вышли на широкую, чистую поляну. Деревья здѣсь были рѣже, а снѣгъ глубже. Около забора они остановились. Карпель началъ внимательно оглядываться по сторонамъ, и, указавъ имъ на чистое мѣсто передъ собой, сказалъ:

— Вотъ, тутъ онъ и лежитъ.

Двося тотчасъ-же вздохнула и остановилась на мѣстѣ, какъ вкопанная. Мѣсто, на которое указалъ имъ Карпель, находилось всего въ трехъ шагахъ отъ забора. Толстый сугробъ снѣга, нависшій высокимъ обрывомъ надъ самымъ заборомъ, какъ разъ оканчивался на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ Элинька. Кончикъ покосившейся темной дощечки, печально выглядывалъ оттуда, какъ послѣднее воспоминаніе о дорогомъ, ненаглядномъ Элинькѣ...

Лейзеръ нагнулся надъ могилой и, порывшись голыми руками въ снѣгу, отбросилъ его немного въ сторону и началъ пристально всматриваться въ выглянувшую изъ подъ снѣга дощечку. На темномъ фонѣ отсырѣвшаго дерева еле замѣтна была наполовину выцвѣтшая надпись: «Младенецъ Эліягу, сынъ ребъ-Эліэзера п. н.»...

IV.

Блѣдная, выцвѣтшая надпись на прогнившемъ могильномъ памятникѣ Курецкаго кладбища не была, однако-же, единственнымъ воспоминаніемъ о кратковременномъ существованіи Элиньки. Въ сорока верстахъ отъ мѣста его вѣчнаго упокоенія, въ уѣздномъ городѣ Лижевѣ, на дверяхъ Лижевскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія, въ спискѣ лицъ, подлежащихъ въ ближайшій срокъ отбытію воинской повинности, подъ № 17, значилось:

Digitized by Google

«Иткинъ Елья Лейзеровъ»... И, по иронiи судьбы,—«мѣщанинъ Курецкаго мѣщанскаго общества Елья Лейзеровъ Иткинъ», призываемый въ военную службу, и «младенецъ Эліягу сынъ ребе Эліезера», чьи косточки давно уже истлѣли на Курецкомъ кладбищѣ—былъ одинъ и тотъ-же...

Попавъ двадцать одинъ годъ тому назадъ на восьмой день своего появленія на свѣтъ въ хранившуюся у Лижевскаго уѣзднаго общественнаго раввина книгу «*родившихся* мѣщанъ по мѣстечку Курецъ, за 187** годъ, онъ, оставляя черезъ три мѣсяца тотъ-же самый бренный міръ, не попалъ однако-же въ другую книгу того-же раввина,—книгу «*умершихъ* мѣщанъ по мѣстечку Курецъ за тотъ-же 187** годъ.

Съ того времени онъ неизмѣнно значился въ посемейномъ спискѣ отца своего Лейзера Иткина, тщательно оберегавшемся въ книгахъ Лижевской Управы.

Когда настало время составлять призывные списки на предстоящій годъ, завѣдывавшій воинскимъ столомъ писецъ, выудивъ изъ кипы списковъ имя Ельи Иткина, крупнымъ канцелярскимъ почеркомъ внесъ сго въ алфавитъ подъ буквою И. А черезъ недѣлю онъ уже красовался, въ числѣ другихъ, на длинномъ листѣ бумаги, приклеенномъ краснымъ сургучемъ къ лѣвой, глухой половинѣ дверей Лижевскаго воинскаго присутствія...

На перекличкѣ дѣлопроизводитель дважды обернулся назадъ, къ наполнявшей залу присутствія толпѣ, громко выкрикивая фамилію Иткина,—но никто не отозвался. Стоявшій рядомъ исправникъ сдѣлалъ тутъ-же въ спискѣ краснымъ карандашемъ помѣтку о мѣщанинѣ Ельѣ Иткинѣ, какъ «о евреѣ, неявившемся къ отбытію воинской повинности», — со всѣми проистекающими отсюда послѣдствіями...

* * *

Было уже далеко за полдень, когда Лейзеръ и Двося, бросивъ прощальный долгій взглядъ на торчавшій изъ подъ снѣга кончикъ дощечки, направились къ полуотворенной калиткѣ и, выйдя на дорогу, стали пробираться къ мѣстечку. Они шли молча. Двося низко опустила голову, не переставая думать о томъ, чей сонъ они на-

Digitized by Google

ушили въ этотъ тихій торжественный часъ. Тоненькая, одиноко
терянная въ снѣжномъ сугробѣ, дощечка не переставала мелькать
редъ ея воспаленнымъ взоромъ... Вырыть ее и замѣнить стоя-
ей могильной плитой,—какъ это было бы хорошо!

Она невольно улыбнулась осѣнившей ее дерзкой мысли и
шагала далѣе.

— Что-же? — продолжала она про себя, — продать козу и
упить камень... Заложить машинку и оба утюга... За нѣсколько
блей Карпель изготовитъ хорошую плиту съ настоящей золоченой
адписью... Къ веснѣ могилка Элиньки покроется свѣжею зеленою
равой и цвѣтами... Легкій жаворонокъ принесетъ сюда съ полей
вою утреннюю пѣсенку и звонко зальется въ воздухѣ, нарушая
воими серебряными трелями мертвую тишину. Полуденное солнышко
едро зальетъ своими благодатными лучами этотъ забытый, без-
олвный уголокъ, ярко играя на сверкающей бѣлизною и свѣ-
ей краскою новой плитѣ... Элинька!..

Двося встрепенулась и увидѣла себя на порогѣ своей избушки.
ъ дверяхъ, слегка загораживая имъ дорогу, съ новой повѣсткой
ъ рукахъ стоялъ Сидоръ...

М. Рывкинъ.

Digitized by Google

Изъ области временныхъ правилъ 3 мая 1882 г.

I.

Ни одинъ изъ ограничительныхъ о евреяхъ законовъ не захв
тывалъ, кажется, такъ глубоко и всесторонне еврейскую жизнь, ка
законъ 3 мая 1882 г. И это понятно: евреи скучены въ такъ н
зываемой чертѣ еврейской осѣдлости, т. е. въ 16 губерніяхъ запад
ной и южной Россіи, откуда выходъ въ остальныя мѣстности Имперіи
разрѣшается лишь нѣкоторымъ счастливцамъ, обладающимъ установ
леннымъ купеческимъ, ремесленнымъ либо образовательнымъ цензомъ.
До изданія правилъ 3 мая 1882 г. евреи могли селиться повсе-
мѣстно въ упомянутой чертѣ, не исключая сельскихъ мѣстностей,
гдѣ могли заниматься разными промыслами, арендуя земельные
участки, оброчныя статьи, фабрики, заводы и т. п., и добывая себѣ
такимъ образомъ средства къ существованію. Но закономъ 3 мая
1882 г. имъ: 1) воспрещено вновь селиться внѣ городовъ и мѣсте-
чекъ и 2) пріостановлено совершеніе купчихъ крѣпостей и заклад-
ныхъ на имя евреевъ, а равно и засвидѣтельствованіе на ихъ имя
арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ
черты городовъ и мѣстечекъ и довѣренностей на управленіе и рас-
поряженіе сими имуществами. И хотя въ самомъ законѣ сказано, что
это запрещеніе издано лишь въ видѣ временной мѣры, однако же мѣра
эта до сихъ поръ, въ теченіе уже 18 лѣтъ, продолжаетъ дѣйствовать.

Правила 3 мая одинаково поражали и городскихъ, и сель-
скихъ евреевъ, ибо хотя послѣдніе оставлены были на житель-
ствѣ въ сельскихъ мѣстностяхъ, но и они лишены были права въ
мѣстахъ жительства пріобрѣтать или арендовать какое бы то ни было
недвижимое имущество или управлять имъ. Доходило даже до того,
что практика признавала недѣйствительнымъ договоръ о наймѣ ев-
реемъ у еврея же дома въ сельской мѣстности (рѣш. гр. касс. департ.
1890/32 по дѣлу Литинскаго съ Орловой). Что же въ концѣ концовъ
оказалось при болѣе внимательномъ отношеніи къ этимъ «правиламъ»?

Дѣло въ томъ, что законъ 3 мая 1882 г. въ дѣйствитель-
ности не имѣлъ того безусловно ограничительнаго смысла, который
ему, въ теченіе чуть ли не 17 лѣтъ, придавала административная и

Digitized by Google

дебная практика. 1 марта 1899 г. общее собраніе 1-го и кассаціонихъ департаментовъ обсуждало предложенный оберъ-прокуроромъ, лѣдствіе ордера министра юстиціи, вопросъ о томъ: воспрещаетъ законъ 3 мая 1882 г. евреямъ арендовать всѣ вообще недвижмыя имущества внѣ городовъ и мѣстечекъ, или же только земельныя угодья, и въ частности распространяется ли дѣйствіе означеннаго закона на винокуренные заводы, аренда которыхъ дозволяется евреямъ на основаніи примѣчанія 1 къ ст. 119 питейнаго става, изд. 1893 г., а также на торговопромышленныя заведенія, аренда которыхъ, въ силу прим. 2 къ ст. 1699 т. X ч. 1 св. зак. гражд., разрѣшается евреямъ въ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ на основаніи положенія о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставленныхъ при покупкѣ казенныхъ и частныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ.

И сенатъ, по всестороннемъ обсужденіи, опредѣлилъ: разъяснить, что законъ 3 мая 1882 г. воспрещаетъ аренду однихъ лишь земель и земельныхъ угодій.

Интересно прослѣдить тѣ соображенія, путемъ которыхъ Прав. сенатъ пришелъ къ такому заключенію. Такъ какъ ст. 384, X т. ч. 1, говоритъ Сенатъ, относитъ къ имуществамъ недвижимымъ земли и всякія угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія и пустыя дворовыя мѣста, а также желѣзныя дороги, то изъ буквальнаго смысла закона 3 мая 1882 г. надлежало бы заключить, что евреямъ временно воспрещены: покупка, принятіе въ залогъ, а также взятіе въ арендное содержаніе или управленіе всякой недвижимой собственности, лежащей внѣ городовъ и мѣстечекъ. Но такое буквальное толкованіе указаннаго воспрещенія, во-первыхъ, не согласуется съ другими постановленіями, содержащимися въ сводѣ законовъ и, во-вторыхъ, противорѣчило-бы приведеннымъ въ журналѣ комитета министровъ 20 и 27 апрѣля и 1 мая 1882 г. соображеніямъ, принятымъ въ основаніе закона 3 мая 1882 г. Въ первомъ отношеніи Сенатъ ссылается на примѣч. 1 къ ст. 119 устава акцизнаго, изд. 1893 г., по которому евреямъ, имѣющимъ право на заводскую и фабричную промышленность, дозволяется арендовать винокуренные заводы повсемѣстно въ губерніяхъ Кіевской, Херсонской, Таврической, Могилевской, Витебской, Черниговской, а равно въ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ на основаніи правилъ, указанныхъ во 2 примѣч. къ 1699 ст. зак. гражд., изд. 1887 г., быть винокурами и арендаторами фабрикъ, а также арендными содержателями или управителями состоящихъ при имѣніяхъ винокуренныхъ заводовъ. Равнымъ образомъ, въ ст. 1699, т. X ч. 1, по изданію 1887 г. и по продолженію 1895 г., сохранено правило о томъ, что обычныя статьи и другія

Digitized by Google

хозяйственныя заведенія, какъ казенныя, такъ и владѣльческія, могут
быть отдаваемы евреямъ въ содержаніе не иначе, какъ по формал
нымъ контрактамъ. Здѣсь же Сенатъ указываетъ на то, что хот
подъ приведенными статьями и сдѣлана кодификаціоннымъ поря
комъ ссылка на законъ 3 мая 1882 г., однако не указано п
ложительнымъ образомъ, что дѣйствіе приведенныхъ статей устав
акцизнаго и X т. 1 ч. временно пріостановлено дѣйствіемъ закон
3 мая 1882 г. Изъ сего, говоритъ Сенатъ, согласно принятой у нас
системѣ кодификаціи вновь выходящихъ законоположеній, надлежит
заключить, что означенныя постановленія о правахъ евреевъ н
арендованіе винокуренныхъ заводовъ, а также на взятіе въ содер
жаніе оброчныхъ статей и другихъ хозяйственныхъ заведеній, сохра
няютъ силу и по воспослѣдованіи закона 3 мая 1882 г., съ прим
неніемъ лишь заключающихся въ семъ законѣ правилъ относительн
жительства евреевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, находящихся въ черт
еврейской осѣдлости.

Порѣшивъ, такимъ образомъ, съ дѣйствующими постановленіями
Сенатъ обращается къ изложенію тѣхъ соображеній, которыми руко
водствовался комитетъ министровъ при проектированіи правилъ 3 ма
1882 г.

Обсуждая предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ, граф
Игнатьева, объ установленіи для евреевъ нѣкоторыхъ ограниченій
относительно выбора мѣста жительства и рода занятій, а также ли
шеніи ихъ права покупки и арендованія земельной собственности
лежащей внѣ городскихъ поселеній, комитетъ пришелъ къ заклю
ченію, что всякаго рода ограничительныя въ отношеніи евреевъ мѣры
коими бы измѣнились въ существѣ и безповоротно дѣйствующія нын
объ евреяхъ постановленія, могутъ быть приняты не иначе, как
по разсмотрѣніи ихъ въ порядкѣ законодательномъ, и что впредь, д
общаго пересмотра законоположеній о евреяхъ, возможно лишь уста
новленіе временныхъ правилъ, вызываемыхъ настоятельной необхо
димостью устранить причины, порождающія возникновеніе антиеврей
скихъ волненій, проявившихся въ то время съ особой силой въ южныхъ
и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ Россіи. Сообразно съ такой
постановкой предстоящей ему задачи, комитетъ министровъ счел
нужнымъ воспретить временно водвореніе въ сельскихъ мѣстностяхъ
а равно покупку и арендованіе вновь *земель* внѣ городскихъ по
селеній.

Изъ приведенныхъ сужденій Комитета Министровъ, продолжаетъ
Сенатъ, съ несомнѣнностью явствуетъ, что при изданіи закона
3 Мая 1882 г., имѣлось въ виду исключительно воспрепятствованіе

Digitized by Google

льнѣйшему переходу въ собственность или распоряженіе евреевъ мель и земельныхъ угодій въ чертѣ еврейской осѣдлости, а отнюдь воспрещеніе евреямъ пріобрѣтенія и пользованія всякаго рода движимыми имуществами, лежащими внѣ городскихъ поселеній. аконецъ, въ пользу такого толкованія Сенатъ приводитъ и то обятельство, что, воспрещая евреямъ вновь водворяться въ сельихъ мѣстностяхъ, правительство признало вмѣстѣ съ тѣмъ справдливымъ сохранить въ неприкосновенности право жительства въ стахъ водворенія тѣхъ евреевъ, которые поселились въ этихъ стностяхъ до изданія закона 3 мая 1882 г.

Между тѣмъ льгота эта, вызванная заботой правительства о поемѣстномъ охраненіи пріобрѣтенныхъ уже правъ, въ большинствѣ учаевъ лишена была бы всякаго практическаго значенія при раространеніи выраженнаго во 2 п. закона 3 мая 1882 г. воспреенія на всѣ виды недвижимыхъ имуществъ. Извѣстно,— продолаетъ сенатъ,—что многіе изъ евреевъ, водворившіеся въ сельскихъ ѣстностяхъ ранѣе 1882 г. и пользующіеся въ силу этого закона авомъ на дальнѣйшее проживаніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, не влаютъ въ мѣстахъ жительства собственными усадьбами, а потому ставлены въ необходимость нанимать нужныя имъ для проживая, а равно для ихъ ремесленныхъ, торговыхъ и промышленныхъ нятій квартиры и зданія у мѣстныхъ домовладѣльцевъ. Очевидно, о лишеніе этихъ евреевъ права заключать сдѣлки на наемъ таихъ помѣщеній и зданій было бы равносильно насильственному ъ выселенію изъ мѣстъ водворенія, что отнюдь не входило въ тинные виды и намѣренія правительства.

Итакъ, истинный смыслъ закона 3 мая 1882 г. наконецъ возановленъ приведеннымъ рѣшеніемъ Общаго Собранія Прав. Сената. о для этого потребовалось около 17 лѣтъ.

II.

Не менѣе отрадно истолкованіе Сенатомъ закона 3 мая 1882 г. въ другомъ отношеніи. Во второмъ пунктѣ закона 3 мая въ точсти перечислены тѣ имущественныя сдѣлки, совершеніе коихъ еменно воспрещено евреямъ, именно—пріостановлено совершеніе пчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ, т. е. совершеіе актовъ возмездныхъ. По общему правилу ограничительный заонъ не подлежитъ распространительному толкованію, а потому не жно бы подлежать сомнѣнію, что евреи въ правѣ пріобрѣтать нѣ черты городовъ и мѣстечекъ недвижимыя имущества безмезд-

Digitized by Google

ными способами. Между тѣмъ судебныя мѣста, напримѣръ кіевскій окружный судъ и судебная палата отказали въ ходатайствѣ вдовѣ почетнаго гражданина Элоки Розенбергъ о вводѣ ея во владѣніе наслѣдственнымъ послѣ умершаго мужа ея недвижимымъ имуществомъ, завѣщаннымъ имъ ей по духовному завѣщанію. Дѣло дошло до сената, общее собраніе котораго, руководствуясь сужденіями комитета министровъ, вполнѣ разъясняющими поводы и цѣль изданія временныхъ правилъ 3 мая 1882 г., пришло къ заключенію, что правила эти имѣли въ виду пріостановить дальнѣйшій переходъ въ руки евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, недвижимыхъ имѣній, внѣ городовъ и мѣстечекъ находящихся, посредствомъ *договорныхъ соглашеній и сдѣлокъ*, въ правилахъ 3 мая 1882 г., въ точности указанныхъ, къ числу которыхъ наслѣдственное преемство какъ по закону, такъ и по завѣщанію, относимо быть не можетъ (рѣш. 1889/14; тоже рѣшеніе 1891 г. № 15). Несмотря, однако, на это, судебныя мѣста продолжали по прежнему толковать законъ 3 мая въ распространительномъ смыслѣ на всякія имущественныя, хотя бы и иныя сдѣлки. Такъ, харьковская судебная палата отказала Б. Разумовскому въ ходатайствѣ о вводѣ его во владѣніе имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ по дарственной записи отъ отца его. По жалобѣ Разумовскаго сенатъ, ссылаясь на только что указанное рѣшеніе общаго собранія, 1889 г. № 14, нашелъ, что палата не имѣла законнаго основанія подводить подъ правила 3 мая 1882 г. пріобрѣтеніе Разумовскимъ недвижимаго имѣнія въ с. Поповкѣ Таврической губ. по дарственной записи, и отмѣнилъ опредѣленіе палаты по нарушенію п. п. 2 и 4 этого закона (резолюція 20 ноября 1892 г.). Тѣмъ не менѣе тотъ же вопросъ вновь возникъ на практикѣ.

Нѣкій Ю. обратился къ нотаріусу съ просьбой совершить дарственную запись въ пользу брата его на 120 дес. земли, находящимися въ Бессарабской губ.; нотаріусъ отказалъ ему въ ходатайствѣ, мотивируя свой отказъ закономъ 3 мая 1882 г. По жалобѣ Ю. судебная палата нашла, что хотя въ законѣ 3 мая 1882 г. въ числѣ актовъ, по коимъ евреямъ воспрещается пріобрѣтеніе недвижимой собственности, находящейся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, о дарственныхъ записяхъ не упоминается, но смыслъ этого закона по его цѣли не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сущность его заключается не въ опредѣленіи рода актовъ, по которымъ указанная недвижимая собственность не можетъ быть пріобрѣтаема евреями, а въ безусловномъ воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать таковую собственность, и допущеніе иного толкованія закона 3 мая 1882 г. повело бы къ обходу этого закона, такъ какъ подъ видомъ даренія могла бы совершаться купля-продажа.

Digitized by Google

Съ такимъ толкованіемъ сенатъ не согласился. Онъ нашелъ, о въ законѣ 3 мая 1882 г. о дарственныхъ записяхъ не упоми-ется; что при истолкованіи его дѣйствительнаго смысла нельзя не нѣть въ виду его характера, какъ закона ограничительнаго, не длежащаго, по неоднократнымъ разъясненіямъ сената, распро-ранительному толкованію, а потому нѣтъ повода примѣнять со-ржащееся въ семъ законѣ временное воспрещеніе совершенія и свидѣтельствованія актовъ (купчихъ крѣпостей, закладныхъ и ендныхъ договоровъ) къ случаямъ, въ законѣ не предусмотрѣн-мъ; что необходимость подобнаго толкованія закона 3 мая 1882 г. ке неоднократно признавалась сенатомъ какъ по общему собранію го и кассаціонныхъ департаментовъ (рѣш. 1889/14 и 1891/5), къ и гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ (въ рѣшеніи) ноября 1892 г. по дѣлу Разумовскаго), и что въ тѣхъ случаяхъ огда дарственная запись совершается между евреями, въ пользу спространительнаго толкованія 2 п. закона 3 мая 1882 г. не мо-етъ быть даже приводимо соображеніе о цѣляхъ сего закона огра-ичить еврейское землевладѣніе внѣ городовъ и мѣстечекъ, такъ акъ въ подобныхъ случаяхъ оно не имѣетъ мѣста. На этомъ осно-ніи Общее Собраніе опредѣленіемъ 17 мая 1899 г. признало, что помянутый отказъ нотаріуса совершить дарственную запись въ льзу лица еврейскаго происхожденія не согласенъ со 2 п. закона мая 1882 г.

Итакъ, въ настоящее время слѣдуетъ считать твердо установ-нными слѣдующія два положенія: 1) что въ чертѣ еврейской осѣд-сти, внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, евреи вправѣ арендовать якія недвижимыя имущества, за исключеніемъ земель и земель-ыхъ угодій и 2) что они вправѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ пріобрѣ-ть какъ по наслѣдству, такъ и по дарственнымъ записямъ, не-вижимыя имущества всякаго рода. *М. Мышъ.*

Digitized by Google

«Записка» Державина какъ историко-общественный памятникъ.

Посвящается памяти И. Г. Оршанскаго.

Стотридцатилѣтнее пребываніе евреевъ въ Россіи въ качествѣ русско-подданныхъ явило не мало доказательствъ того, что еврейскій вопросъ въ Россіи, какъ и всюду, находится въ тѣсной зависимости отъ общихъ условій окружающей жизни, и эта зависимость особенно рельефно выражалась тогда, когда въ Россіи происходили событія значительной важности, въ области ли политико-государственныхъ реформъ, или же въ сферѣ умственной дѣятельности народа. Она должна была, конечно, обнаружиться и въ первые годы царствованія Александра I, когда прогрессивныя стремленія государя, найдя опору въ либерально настроенной мысли многихъ русскихъ людей, вызвали оживленную борьбу между представителями стараго и прогрессивнаго слоевъ общества.

Въ ряду широкихъ реформъ, правительство не могло оставить безъ вниманія неопредѣленное, ненормальное положеніе еврейскаго населенія въ Россіи, а прогрессивные элементы общества должны были противопоставить всеобщей враждѣ къ евреямъ — принципы гуманности и терпимости.

Дѣйствительно, этотъ моментъ въ исторіи русскихъ евреевъ ознаменовался учрежденіемъ въ 1802 г. еврейскаго комитета, имѣвшаго цѣлью установить юридическое положеніе евреевъ въ государствѣ, внести благодѣтельныя реформы въ ихъ гражданскомъ быту; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружившееся общественное движеніе создало условія, при которыхъ надежды на общественную эмансипацію евреевъ стали болѣе или менѣе осуществимы. Увы! Ни одно, ни другое не сбылось!.. Подобно многимъ «благимъ начинаніямъ» того времени еврейскій вопросъ постигла неожиданная развязка. И юридическое, и общественное положеніе евреевъ мало чѣмъ улучшилось. Но этотъ результатъ не можетъ умалить историко-общественнаго значенія происходившихъ тогда событій. Знаменательно уже то одно, что борьба охватившая Россію,—«борьба,—говоря словами А. Пыпина,—противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ», не обошла и еврейскаго вопроса.

Digitized by Google

Вырабатывая «Положеніе», члены комитета руководствовались не только разными проектами, составленными въ то время, но и матеріалами, по своему происхожденію относившимися къ предшествующему царствованію Павла I; вмѣстѣ съ этимъ члены комитета не могли сообразоваться исключительно со своими личными взглядами по еврейскому вопросу, а должны были также считаться съ настроеніемъ значительной части общества. Если изъ среды передовыхъ людей выступилъ со своимъ гуманнымъ проектомъ о евреяхъ носитель лучшихъ идей своего времени, энергичный Сперанскій, то и «старые служивцы» выдвинули не менѣе энергичнаго дѣятеля, Державина, доставившаго комитету проектъ совсѣмъ иного характера, извѣстное «Мнѣніе сенатора Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и прочемъ».

Проектъ Сперанскаго не дошелъ до насъ, но судя по «Положенію» члены комитета обратили на него меньше вниманія, чѣмъ на «Мнѣніе», хотя, по своимъ идеямъ, Сперанскій былъ къ нимъ ближе Державина. Осуществленіе идей Сперанскаго требовало особой энергіи и смѣлости, чѣмъ, какъ извѣстно, не отличались члены комитета; между тѣмъ «Записка» Державина болѣе отвѣчала духу времени и желаніямъ комитета, въ которомъ засѣдали русскіе и поляки; и это потому, что она явилась выраженіемъ не одной только русской общественной мысли, какъ полагалъ Оршанскій; результатъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ силъ, трудъ Державина рисуетъ намъ ту борьбу мнѣній, возникшую вокругъ еврейскаго вопроса, въ которой на ряду съ русскимъ обществомъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ администраторовъ, принялъ участіе и *польскій* элементъ, равно и сами *русскіе евреи*, энергичная самозащита которыхъ парализовала до извѣстной степени тѣ удары, которые наносились имъ различными элементами окружающаго населенія. Вліяніемъ всѣхъ этихъ общественныхъ группъ и обусловился характеръ «Мнѣнія» и въ этомъ заключается его значеніе, какъ историко-общественнаго памятника.

Постараемся объяснить, какимъ образомъ создались его главнѣйшія положенія.

I.

Въ 1797 г., освѣдомленный о голодѣ въ Минской губерніи, Павелъ I предписалъ тамошнему губернатору Карнѣеву доставить «изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго», обсудивъ предварительно этотъ вопросъ совмѣстно съ дворянствомъ, вслѣдствіе чего губернаторъ

Digitized by Google

представилъ при рапортѣ отъ 13 Іюля 1797 г., соотвѣтствующее объясненіе, составленное на съѣздѣ мѣстныхъ маршаловъ.

Этотъ документъ, равно вызванныя имъ послѣдствія, прекрасно иллюстрируютъ современное отношеніе правительства и общества къ евреямъ.

Дворяне объяснили, что «злощастнымъ жребіемъ сего края крестьяне, *мало обрѣтая знаніе въ земледѣліи*, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства. Потому не познавая о несущественной съ хлѣбопашества пользы и *проживая безъ старательства*,' не могутъ достигнуть хорошаго состоянія. За всѣмъ тѣмъ однакожъ при какомъ бы то ни было знаніи могли бы довольствоваться пріобрѣтаемымъ ими, еслибы случающіяся изъ разныхъ обстоятельствъ *другія тягости* не прерывали ихъ упражненія и *не ввергали въ отчаяніе* придти къ хорошему состоянію. *Перемѣны и революціи въ краѣ*, *постои и переходы войскъ* и все то, требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ, обезпечивающихъ доброе состояніе. *Неурожай* во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, *ежечастно случающійся* а къ тому и *падежъ скота* истребляетъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію. Неспособность во многихъ мѣстахъ къ торговлѣ, а въ нѣкоторыхъ трудное сухимъ путемъ доставленіе продуктовъ, не усугубляютъ помощи крестьянамъ къ исправленію ихъ состоянія» *).

Ясно, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ требовался рядъ серьезныхъ мѣропріятій; судя по картинѣ бѣдствія, нарисованной самими дворянами, надлежало поднять умственное развитіе населенія, позаботиться объ обезпеченіи его хлѣбомъ на случай неурожаевъ, улучшить пути сообщенія, оживить торговлю, не говоря уже объ уменьшеніи помѣщичьихъ поборовъ. Но дворяне не желали признать, что основной причиной разоренія крестьянъ являлось крѣпостничество, они также не хотѣли пожертвовать чѣмъ либо на благо народа, и потому ограничились тѣмъ, что предложили дозволить крестьянамъ вывозить куда угодно и продавать по какой желаютъ цѣнѣ продукты своего хозяйства, «не держась прежде бывшаго неистоваго обыкновенія продажи одному собственно арендарю» и запретить краткосрочную аренду фольварковъ, влекшую за собою хищническую эксплоатацію земли. Помимо сего, жалуясь на то, что нѣкоторые священники «всякаго исповѣданія» угнетаютъ народъ

*) Положеніе о евреяхъ 1804 г. — С. А. Бершадскій. Восходъ 1895 г., кн. I, III, IV и VI.

Digitized by Google

вымогательствами, дворяне просили не дозволять пастырямъ брать лишнее за крещеніе, погребеніе и проч.

Такія мѣры, конечно, не могли имѣть существеннаго значенія при тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, которыя довели населеніе до полнаго обнищанія и деморализаціи. Дворяне это понимали и потому, чтобы смягчить впечатлѣніе производимое послѣдствіями отъ революцій, неурожаевъ и проч., они сочли нужнымъ найти другаго виновника народныхъ бѣдствій, котораго къ тому же можно было наказать. Они его нашли—это былъ еврей!

«При сихъ несовершенствахъ, — заявляли дворяне въ своемъ объясненіи, — *вящщею еще причиною суть евреи* на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые, въ противность повелѣній отъ начальства»... Сообразно съ этимъ была намѣчена еще одна мѣра, именно предоставить винокуреніе однимъ только помѣщикамъ, «а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить».

Эта тенденція считать евреевъ, при всѣхъ «несовершенствахъ» въ экономической и умственно-нравственной жизни кореннаго населенія, *вящщею причиной* всѣхъ золъ, была сочувственно встрѣчена какъ мѣстной администраціей, такъ и въ Петербургѣ. Содержаніе рапорта Карнѣева при коемъ было препровождено объясненіе дворянъ, намъ извѣстно, но надо думать, что губернаторъ не только присоединился къ мнѣнію маршаловъ, но еще болѣе подчеркнулъ отрицательное, на его взглядъ, значеніе евреевъ для губерніи: посылая генералъ-прокурору Куракину для представленія Сенату рапортъ минскаго губернатора и мнѣніе дворянъ, Павелъ I одновременно сообщалъ Куракину «а между тѣмъ предписалъ Я помянутому губернатору, чтобы онъ по должности своей принялъ мѣры, сходныя съ расположеніемъ маршаловъ *объ ограниченіи права евреевъ разоряющихъ крестьянъ* и духовенства, притѣсняющаго ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ». Оставивъ въ сторонѣ важнѣйшія причины бѣдствія крестьянъ, не остановившись даже на томъ стѣсненіи, отмѣченномъ какъ минскими дворянами, такъ и сенатомъ, которое населеніе испытывало не имѣя права, по корыстолюбію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, продавать въ уѣздѣ свои продукты кромѣ арендатора, — указъ Павла I придалъ доменирующее значеніе *вреду*, наносимому населенію *евреями* (хотя бы на ряду съ духовенствомъ и краткосрочной арендой), а потому долженъ былъ обострить вражду, которую евреи встрѣчали въ губерніи и въ столицѣ. И дѣйствительно, выслушавъ Высочайшій указъ, сенатъ началъ собирать новыя данныя о минскихъ евреяхъ, и тогда минскій губернаторъ и дворянство, освѣ-

Digitized by Google

домленные о государевомъ повелѣніи, составили, какъ видно, свои новыя заключеніи еще въ болѣе неблагопріятномъ для евреевъ смыслѣ, чѣмъ первыя объясненія; на основаніи этихъ документовъ сенатъ постановилъ, что «минской губерніи поселяне находятся въ крайней бѣдности *не столько* отъ *ежечастныхъ неурожаевъ*, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ, которые дачею крестьянамъ въ долгъ вина подъ закладъ необходимо нужныхъ имъ вещей, приводятъ ихъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію».

Вредъ, причиняемый военными постоями, «перемѣнами и революціями», невѣжествомъ и лѣнію населенія,—все это было отвергнуто сенатомъ, какъ причины бѣдствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ было поставлено на видъ, что зло проистекающее отъ евреевъ, пагубнѣе даже ежечастныхъ неурожаевъ. Дальше, кажется, нельзя было идти въ непріязни къ евреямъ и нежеланіи считаться съ важнѣйшими явленіями народной жизни. Однако, сенатъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи еще одинъ шагъ впередъ. Преслѣдуя, яко бы, ту цѣль, чтобы «учрежденіе хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи послѣдовало *и въ прочихъ губерніяхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ*», сенатъ съ Высочайшаго разрѣшенія предписалъ соотвѣтствующимъ начальникамъ доставить какъ ихъ личныя мнѣнія, такъ и мнѣнія дворянъ по вопросу о благосостояніи крестьянъ, причемъ стремясь воздѣйствовать на характеръ этихъ докладовъ, сенатъ разослалъ кому слѣдовало объясненіе минскихъ дворянъ, удостоенное Высочайшаго одобренія *). Это давленіе произвело свое дѣйствіе и, какъ говоритъ С. А. Бершадскій, общій характеръ всѣхъ поступившихъ въ сенатъ документовъ опредѣлился именно этимъ минскимъ объясненіемъ: «нѣтъ попытки поставить вопросъ на новую почву, дать ему внутреннее обоснованіе. Все сводится къ отвѣту на предложеніе, сдѣланное сенатомъ, отвѣту, составленному по опредѣленному заранѣе образцу; только кое-гдѣ къ этому отвѣту на оффиціальный запросъ присоединяется ходатайство объ утвержденіи или расширеніи льготъ помѣщиковъ». А предложеніе сената было таково, что губернаторы и дворяне должны были въ своихъ донесеніяхъ остановиться раньше всего на еврейскомъ вопросѣ, и придать ему направленіе, продиктованное сенатомъ, и потому большинство этихъ записокъ отличаются такой же логическою непослѣдовательностью, какъ и минскіе документы. Такъ напр., подольскіе дворяне

*) „... по разсмотрѣніи положенія учиненнаго въ минской губерніи... которое удостоено Высочайшаго благоволѣнія...“ писали литовскіе дворяне въ своемъ донесеніи.

Digitized by Google

съ первыхъ же строкъ спѣшатъ заявить, что они защищаютъ народъ отъ грабительства евреевъ-арендаторовъ, и лишь потомъ добавляютъ, что крестьяне разорены «неурожаемъ хлѣба, народною моровою язвою и падежами скота» и что «попеченіе правительства, ласковое обхожденіе (!) и снабдѣніе въ ихъ нуждахъ отъ дворянства не суть въ возможности удержать ихъ отъ ежедневныхъ побѣговъ за-границу».

Эти матеріалы, знакомство съ которыми Державина не подлежитъ сомнѣнію,—ихъ вліяніе на «Мнѣніе» очевидно,—сыграли главную роль въ его рѣшеніи написать проектъ о евреяхъ.

II.

16 іюня 1800 г. Державинъ получилъ рескриптъ Павла I, въ которомъ было сказано, что по дошедшимъ до Государя свѣдѣніямъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ и что «нѣкоторые помѣщики изъ безмѣрнаго корыстолюбія оставляютъ своихъ крестьянъ безъ помощи къ прокормленію», вслѣдствіе чего Державину предписывалось отправиться туда, произвести разслѣдованіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики дѣйствительно окажутся виновными въ приписываемыхъ имъ дѣйствіяхъ, отобрать у нихъ имѣнія въ опеку. Въ рескриптѣ ни слова не говорилось о евреяхъ; между тѣмъ въ тотъ же день Державинъ получилъ отъ генералъ-прокурора Обольянинова оффиціальное письмо, касавшееся поѣздки въ Бѣлоруссію, въ которомъ вслѣдъ за подписью было прибавлено: «PS. А такъ какъ по свѣдѣніямъ не малою причиною истощенія Бѣлорусскихъ крестьянъ суть жиды, по оборотамъ ихъ въ извлеченіи изъ нихъ своей корысти, то Высочайшая воля есть, чтобы Ваше Превосходительство обратили особливое вниманіе и примѣчаніе на промыселъ ихъ въ томъ и къ отвращенію такого общаго отъ нихъ вреда подали свое мнѣніе по надлежащемъ всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ соображеніи» *). Невольно рождается сомнѣніе, дѣйствительно ли Высочайшая воля была, чтобы Державинъ спеціально обратилъ вниманіе на вопросъ о вредѣ приносимомъ еврейскимъ населеніямъ; въ это время сенатъ былъ уже занятъ разборомъ матеріаловъ по еврейскому вопросу, и, слѣдовательно, въ ближайшемъ будущемъ должно было выясниться, какія мѣры слѣдуетъ принять въ отношеніи не только Бѣлорусскихъ, но всѣхъ вообще русскихъ евреевъ.

Вспомнивъ, что Обольяниновъ былъ въто время всесильнымъ

*) Акад. изд. соч. Державина т. 6, стр. 114 (1876 г.).

Digitized by Google

и что онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Держав нымъ, можно допустить, что все это дѣло было результатом какихъ то закулисныхъ дѣйствій и что главная роль принадл жала самому Державину. Уѣзжая въ Бѣлоруссію, Державин зналъ, что правительство выдвинуло на ближайшую очередь раз смотрѣніе еврейскаго вопроса и что появленіе его проекта бу детъ вполнѣ своевременно. Даже чисто внѣшняя сторона «Мнѣнія» наводитъ на мысль, что появленіе его было обязано особенному рвенію Державина; въ исполненіе рескрипта Государя и письм Обольянинова авторъ изложилъ свое мнѣніе о бѣлорусскомъ населеніи на 15 страницахъ, а постскриптумъ Обольянинова привел къ тому, что онъ посвятилъ проекту о евреяхъ 80 страницъ. Вѣроятно, Обольяниновъ далъ Державину дополнительную инструкцію по-пріятельски, въ исполненіе его просьбы; но если даже предположить, что Обольяниновъ сообщилъ въ письмѣ Государево или свое личное желаніе, чтобы Державинъ высказался по вопросу о евреяхъ въ Россіи, то во всякомъ случаѣ Державинъ вышелъ изъ границъ этой инструкціи, вычитавъ въ постскриптумѣ то, чего въ немъ вовсе не было сказано; порученіе Обольянинова могло касаться лишь одной Бѣлоруссіи, а между тѣмъ Державинъ взялъ на себя задачу устроить судьбу всѣхъ русскихъ евреевъ, заимствовавъ идею объ общей еврейской реформѣ у литовскаго губернатора Фризеля, проектъ котораго былъ въ его рукахъ *). Державинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по собственной иниціативѣ, руководимый если не корыстными цѣлями, на которыхъ намъ не хотѣлось бы остановиться, то властолюбивыми замыслами, при томъ дѣйствовалъ не безъ нѣкоторой предосторожности, и въ этомъ отношеніи любопытно, что онъ старался какъ бы замаскировать характеръ своего труда; выработавъ проектъ общей еврейской реформы, Державинъ однако замѣчаетъ по поводу учрежденія комиссіи въ Бѣлоруссіи: «сіе разумѣется, ежели только по одной Бѣлоруссіи дѣлать о жидахъ реформу, а ежели и по прочимъ губерніямъ, пріобрѣтеннымъ отъ Польши, то нужно во всѣхъ губернскихъ городахъ таковыя учредить комиссіи». Высшія власти такъ и полагали, что «Мнѣніе» касается исключительно Бѣлоруссіи, и Державинъ въ этомъ ихъ не разувѣрялъ, и мы видимъ, что въ Высочайшемъ повелѣніи объ учрежденіи еврейскаго комитета 1802 г., контрсигнированномъ самимъ Державинымъ, какъ

*) „Чтобы положить конецъ такому неустройству въ еврейскомъ народѣ,— сказалъ Фризель,—пресѣчь грабительства старшинъ, предохранить простыхъ евреевъ отъ угнетенія, и привести народъ сей въ полезное для государства положеніе, нужно необходимо сдѣлать *общую въ немъ* реформу". См. ст. Бершадскаго. Восх. 1895 г., кн. 3.

Digitized by Google

Министромъ Юстиціи, записка Державина именуется «мнѣніе... объ отвращеніи въ *Бѣлоруссіи* недостатка въ хлѣбѣ и *объ устроеніи евреевъ* на пользу государственную и ихъ собственную *въ томъ краю обитающихъ*» *).

Однако, держа въ невѣдѣніи высшія власти относительно дѣйствительнаго характера своего труда, Державинъ прилагалъ усилія къ тому, чтобы таковой былъ принятъ Сенатомъ съ особеннымъ вниманіемъ, и это ему удалось. Въ 1802 г. 25 Іюня Сенатъ постановилъ «всѣ собранныя свѣдѣнія пріобщить» къ «Мнѣнію» **) отведя таковому первенствующее мѣсто.

Отправляясь въ Бѣлоруссію, Державинъ не могъ не замѣтить, что въ сущности ему предстояла та же задача, которая, какъ мы видѣли, выпала на долю польскаго дворянства. По этому, принявъ во вниманіе, что изыскивая мѣры къ поднятію благосостоянія кореннаго населенія, Сенатъ въ дѣйствительности интересовался болѣе всего тѣмъ, что касалось евреевъ ***), Державинъ счелъ удобнымъ послѣдовать примѣру авторовъ этихъ документовъ; поэтому, придавъ еврейскому вопросу значеніе первой важности, онъ его выдѣлилъ изъ массы другихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло экономическое состояніе края, и подобный образъ дѣйствія былъ тѣмъ цѣлесообразнѣе со стороны Державина, что чрезъ посредство Оболья нинова онъ представилъ свой трудъ въ тотъ же 3-й департаментъ Сената, куда поступили донесенія маршаловъ и губернаторовъ. Этими обстоятельствами, какъ намъ кажется, и объясняется появленіе постскриптума въ письмѣ Обольянинова; сообщая о томъ, что «Высочайшая воля есть», чтобы онъ обратилъ вниманіе на «промыселъ евреевъ», Обольяниновъ имѣлъ въ виду не повелѣніе, спеціально вызванное поѣздкой Державина въ Бѣлоруссію, а вообще одобренную государемъ тенденцію придать отрицательное значеніе присутствію въ краѣ евреевъ.

Поставивъ себя на точку зрѣнія польскихъ дворянъ, Державинъ долженъ былъ впасть въ непослѣдовательность. И точно. Заявивъ, что поляки лѣнивы, въ работахъ не проворны, чужды отъ всѣхъ промысловъ и нерадѣтельны въ земледѣліи, не заботятся о будущемъ, но ищутъ какъ бы прогулять время и отлынить отъ трудовъ; въ праздничные дни, коихъ они сверхъ установ-

*) Этотъ документъ, въ копіи, имѣется въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

**) „Восх.“, кн. 4, стр. 95.

***) Въ дальнѣйшемъ Сенатъ сталъ яснѣе выражать свою скрытую цѣль, требуя свѣдѣнія „какъ объ устроеніи хозяйственной части *такъ и о евреяхъ*“. „Восходъ“ 1895 г. кн. IV стр. 94.

Digitized by Google

ленныхъ множество выдумали сами, обращаются въ пьянствѣ и просиживаютъ въ корчмахъ; далѣе сообщая въ «Мнѣніи», что въ одной части Бѣлоруссіи сряду 9 лѣтъ продолжался неурожай,—Державинъ все же утверждаетъ, что между различными причинами вызывающими бѣдствіе крестьянъ «многочисленность евреевъ въ губерніи и есть *единственно изъ главнѣйшихъ*».

Изъ имѣвшагося матеріала Державинъ могъ понять и дѣйствительно понялъ, что корни зла таились исключительно въ самой основѣ общественнаго строя прежней Польши. Если даже самые пристрастные дворяне указывая на *различныя* причины народнаго бѣдствія, предлагали, между прочимъ, и такія мѣры, правда не очень существенныя, которыя вовсе не касались евреевъ, то болѣе справедливые категорически заявляли, что для поднятія благосостоянія крестьянъ «недовольно одно то, чтобы охранить ихъ отъ всѣхъ обмановъ евреевъ" *). Между тѣмъ Державинъ рѣшилъ произвести самыя глубокія реформы въ быту *евреевъ* лишь робко намѣтивъ тѣ мѣропріятія, которыя должны были непосредственно коснуться коренныхъ обитателей. Имѣя предъ собою еврейское населеніе, Державинъ смѣлъ, настойчивъ, грозенъ, рѣдко смѣняетъ гнѣвъ на милость, а предъ лицемъ бѣлорусскихъ крестьянъ,—вѣрнѣе помѣщиковъ, интересы которыхъ должны были быть затронуты при улучшеніи положенія крестьянъ,—онъ кротокъ, остороженъ, ласковъ, доходя въ этомъ отношеніи до изумительнаго добродушія, которое не дѣлало бы чести его государственному уму, если бы мы не знали тѣхъ причинъ, которыя вынуждали его такъ дѣйствовать. «Онъ (Державинъ) до того наивенъ, говоритъ Оршанскій, что совѣтуетъ обратить вниманіе помѣщиковъ на упадокъ нравственности крестьянъ и ожидаетъ отъ этого полезныхъ результатовъ: какъ будто помѣщики, главный доходъ которыхъ заключался въ пьянствѣ крестьянъ, могли серьезно желать поднятія нравственности послѣднихъ»! Объясненіе этого мы находимъ отчасти въ строкахъ литовскаго губернатора Фризеля, который, предложивъ рядъ смѣлыхъ мѣръ для поднятія благосостоянія крестьянъ, замѣчаетъ однако: «но какъ *приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ* иногда сей непросвѣщенной части народа *внушить болѣе покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоватъся оною*, въ такомъ случаѣ нужно поступить со всей осторожностью, чтобы выгоды крестьянамъ, и все то, что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не единовременно, но частями доставляемо было» **)...

---

*) Мнѣніе литовскихъ дворянъ.

**) „Восх.", кн. IV, стр. 87.

Digitized by Google

Еврею суждено было стать козломъ отпущенія за грѣхи старой Польши и боязливость новой мѣстной администраціи.

Однако присоединившись къ этому общему соглашенію, Державинъ на основаніи тѣхъ же сенатскихъ документовъ усвоилъ новую точку зрѣнія на положеніе евреевъ въ государствѣ, долженствовавшую облегчить ихъ участь. Русскіе сановники временъ Екатерины II, изъ религіозной нетерпимости, систематически стремились или обратить евреевъ въ христіанство, или выселить ихъ, между тѣмъ, ни маршалы, ни губернаторы даже не возбудили такихъ вопросовъ, и Державинъ счелъ нужнымъ считаться съ евреями, какъ съ таковыми, не помышляя объ избавленіи отъ нихъ государства тѣмъ или инымъ путемъ. Поэтому, ненавидя евреевъ, онъ осыпаетъ ихъ бранью и оскорбленіями и все же заявляетъ, что если Промыслъ не уничтожилъ еврейскаго народа, «то должны его терпѣть и правительства, подъ скипетръ коихъ онъ прибѣгнулъ».

Впрочемъ, выяснить въ точности, какія именно чувства питалъ Державинъ къ евреямъ и каковы были его взгляды по вопросу объ ихъ гражданскомъ устройствѣ очень трудно и это потому, что сама личность Державина представляетъ собою много неяснаго и противорѣчиваго. Если Державинъ, по словамъ благоволившаго къ нему біографа Грота, выдѣлялся «по своей энергіи, честности, человѣчности и гражданскому мужеству», то по свидѣтельству того же Грота, Державинъ снисходилъ до такихъ поступковъ, которые «съ точки зрѣнія нравственнаго достоинства, конечно, не могутъ быть оправданы»; ему въ заслугу можно поставить твердость и откровенную простоту, съ которой онъ отстаивалъ свои мнѣнія; однако эта смѣлая настойчивость, переходя въ тупое упрямство, укрѣпляла его нерѣдко въ явно несправедливыхъ дѣйствіяхъ. Если Державинъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы идти порою наперекоръ желанію людей, отъ которыхъ зависѣла его судьба, то въ тоже время, льстивый и хитрый царедворецъ, онъ умѣлъ всегда находить себѣ еще болѣе сильныхъ защитниковъ, и не былъ чуждъ той особой осторожности, благодаря которой, окруженный тайными врагами, онъ благополучно лавировалъ въ водоворотѣ придворной жизни. Эта осторожность заставляла его чутко относиться къ общественнымъ явленіямъ и въ связи съ его природнымъ умомъ дѣлало то, что своенравный и самолюбивый, Державинъ въ извѣстныхъ случаяхъ добровольно подчинялся вліянію извнѣ, разъ онъ находилъ это для себя выгоднымъ. И думается, что раздѣляя враждебное отношеніе значительной части Екатерининскаго общества къ евреямъ, Державинъ явился бы въ своей запискѣ носителемъ лишь той грубой ненависти къ евреямъ, которая требовала однѣхъ отрицательныхъ суровыхъ мѣръ въ отношеніи

Digitized by Google

ихъ, если бы онъ не нашелъ нужнымъ считаться, какъ мы видѣли съ новыми общественными вѣяніями и даже прислушаться, какъ дальше выяснится, къ голосу самихъ евреевъ.

III.

Движеніе, обнаружившееся въ русскомъ обществѣ въ первые годы царствованія Александра I, не осталось, какъ мы знаемъ, безъ вліянія на общественную жизнь русскихъ евреевъ. Воспользовавшись благопріятно сложившимися обстоятельствами, просвѣщенные петербургскіе евреи, дружно сплотившись, направили общія усилія къ тому, чтобы освободить своихъ братьевъ отъ правоваго и общественнаго гнета. Конечно, ихъ стремленіе подать руку помощи единовѣрцамъ не могло бы выразиться въ столь реальныхъ формахъ, если бы съ восшествіемъ на престолъ Александра I не измѣнились къ лучшему общія условія русской жизни, но это желаніе несомнѣнно жило въ ихъ сердцахъ и до того времени, и только характеръ предшествовавшихъ царствованій не давалъ возможности обнаружить его въ той или другой открытой практической дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ; стройная послѣдовательность замѣчаемая въ дѣйствіяхъ петербургскихъ передовыхъ евреевъ, умѣлое пользованіе личными связями въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, а еще болѣе обращеніе къ литературѣ, какъ къ средству воздѣйствія на русское общество и возбужденія симпатіи къ еврею, — свидѣтельствуютъ, что просвѣщенные русскіе евреи обладали уже въ то время извѣстнымъ политическимъ развитіемъ, а это послѣднее могло, конечно, сложиться лишь постепенно, въ теченіи ряда лѣтъ, какъ результатъ болѣе или менѣе продолжительной общественной дѣятельности.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что еще до того, какъ евреямъ стало извѣстно о намѣреніи правительства внести реформы въ ихъ жизнь, изъ ихъ среды выступилъ человѣкъ, поставившій своей задачей вырвать народъ, изъ физической и духовной немощи. Это былъ Натанъ Ноте. У него несомнѣнно были единомышленники. Хотя исторія сохранила намъ весьма немного именъ такихъ дѣятелей, но ихъ вѣроятно было немало въ еврейской средѣ. Одно появленіе такой личности какъ Натанъ Ноте свидѣтельствуетъ, что тогда существовала еврейская интеллигенція, представлявшая собою извѣстную культурную единицу. При такихъ условіяхъ просвѣщенные евреи не могли не принять участія въ рѣшеніи судьбы ихъ народа; тѣмъ болѣе, что внѣшняя и внутренняя еврейская жизнь представляла собою столь сложное явленіе, что свѣжимъ русскимъ людямъ было не подъ силу узнать ея положительныя и отрицательныя стороны безъ содѣйствія самихъ евреевъ. И мы ви-

Digitized by Google

димъ, что Фризель не только самъ совѣтовался съ евреями — (воззрѣніе его на евреевъ, по словамъ Бершадскаго,—„есть результатъ непосредственнаго знакомства съ ними въ жизни и при помощи разспроса свѣдущихъ людей изъ евреевъ же"),—но и предложилъ правительству провесть еврейскую реформу и изыскивать новыя мѣры съ помощью просвѣщенныхъ и «ученыхъ» евреевъ. Державинъ, конечно, могъ и не знать, что Фризель вступалъ въ бесѣды съ самими евреями; составляя «Мнѣніе» онъ рѣшилъ выслушать ихъ по собственной иниціативѣ, но думается, что при своей непріязни къ этому «опасному» народу онъ этого не сдѣлалъ бы еслибы не имѣлъ случая составить себѣ извѣстное представленіе о евреяхъ изъ личнаго знакомства съ ними.

Въ 1799 году императоромъ Павломъ I было поручено Державину отправиться въ Шкловъ, чтобы на мѣстѣ разобрать, на сколько были основательны дошедшія до Павла I жалобы «о самовольныхъ поступкахъ... противъ евреи и прочихъ въ бѣлорусской губерніи обитающихъ учиненныхъ, происходящихъ отъ отставнаго генералъ-лейтенанта Зорича», владѣльца Шклова (бывшаго любимца Екатерины II) *). Дѣло было сложное; большинство поступковъ, въ которыхъ обвиняли Зорича относились къ прежнимъ годамъ, многихъ свидѣтелей не было налицо и потому трудно было провѣрить показанія Зорича и обиженныхъ имъ жалобщиковъ. Однако многія обстоятельства приводили Державина къ заключенію, что дѣятельность Зорича была преступна, тѣмъ не менѣе онъ по нѣкоторымъ частнымъ соображеніямъ щадилъ Зорича. Ему казалось, что дѣйствительной причиной его командировки въ Шкловъ была не защита населенія отъ произвола Зорича, а желаніе царскаго любимца Кутайсова пріобрѣсти дешево его имѣніе при посредствѣ Державина, такъ какъ еслибы жалобы оказались справедливыми Державинъ долженъ былъ взять имѣніе подъ опеку, а затѣмъ продать его съ торговъ; подозрѣнія Державина были не безосновательны; жалобы евреевъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ разбора этого дѣла сенатомъ, были вполнѣ справедливы, но странно, что отмѣченныя евреями дѣянія Зорича относились главнымъ образомъ не къ послѣднимъ годамъ, а къ болѣе раннему времени; является вопросъ: почему евреи, въ теченіе ряда лѣтъ терпѣвшіе молча наиболѣе суровыя насилія со стороны Зорича, вдругъ почему то смѣло выступили съ запоздалыми обвиненіями въ 1798 году. Вѣроятно, на этотъ шагъ они рѣшились потому только, что нашли себѣ покровителя въ Кутайсовѣ, въ интересахъ

*) Рескриптъ этотъ сообщенъ г. Шильдеромъ въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи" и перепечатанъ въ „Будущности", 1900, № 2.

Digitized by Google

котораго было оказать содѣйствіе жалобщикамъ и который вѣроятно и довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія о притѣсненіяхъ Зорича. Перетцъ былъ посвященъ въ планы Кутайсова и вступалъ по этому поводу даже въ личные переговоры съ Державинымъ: «И господинъ Перетцъ,— отмѣчаетъ Державинъ въ своихъ запискахъ,—извѣстный нынѣ славный откупщикъ неоднократно прихаживалъ». Боясь сыграть въ руку Кутайсова, Державинъ рѣшилъ быть снисходительнымъ къ самому Зоричу; онъ писалъ: «сколько ни старался» не нашелъ «такихъ правильныхъ причинъ притѣсненія жидовъ Зоричемъ, по коимъ можно было бы подвергнуть его лишенію имѣнія». Но невозможно согласиться съ Державинымъ, будто не было причинъ для привлеченія Зорича даже къ суду обыкновенному. Въ этомъ случаѣ Державинъ явно руководствовался враждою къ еврейскому населенію. Онъ оправдывается тѣмъ, что если евреи «имѣли какіе нибудь виды къ жалобамъ на владѣльца, то онъ не менѣе на нихъ въ неисполненіи ихъ обязанностей». Все это однако не освобождало Державина отъ обязанности предать Зорича суду за то, что онъ лишалъ евреевъ имущества, подвергалъ ихъ тѣлесному наказанію, и взималъ съ нихъ такіе поборы, что «оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ» и проч. Державинъ поступилъ иначе и, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, составленныхъ отъ третьяго лица, «поелико же приказано было бы въ повелѣніи Государя относиться въ сомнительныхъ (?) случаяхъ къ Его Величеству то и писалъ Державинъ къ нему о многомъ, а сіе ему тотчасъ наскучило; то чрезъ бывшаго тогда генералъ-прокурора Беклешова велѣно было ему оставя слѣдствіе возвратиться въ Петербургъ». Но дѣло на этомъ не остановилось и Державинъ долженъ былъ замѣтить извѣстную общественную организованность евреевъ, благодаря которой ни юридическое безправіе, ни гнетъ со стороны мѣстной власти не могли убить въ нихъ стремленія къ самопомощи и самозащитѣ. Отъ произвола Зорича, какъ видно изъ рескрипта, страдали и не-евреи, но жалобы ихъ были оставлены безъ всякаго вниманія: ни въ запискахъ Державина, ни въ докладѣ сената о нихъ не упоминается, между тѣмъ жалобы евреевъ поступили въ сенатъ и постановленіе сената взошло на усмотрѣніе Государя.

Убѣдившись такимъ образомъ, что бѣлорусскіе евреи имѣютъ энергичныхъ представителей и видныхъ сочленовъ въ столицѣ, Державинъ нашелъ нужнымъ вступить въ личное общеніе съ евреями.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія дѣйствія Державина даютъ основаніе думать, что онъ прибѣгнулъ къ этому не безъ затаенной цѣли: онъ хотѣлъ внушить имъ довѣріе къ себѣ съ тѣмъ, чтобы усыпить ихъ бдительность, но какъ бы то ни было, это общеніе, какъ и ознаком-

Digitized by Google

леніе съ запиской Натана Ноте, могло только посодѣйствовать тому, что Державинъ всесторонне ознакомился съ предметомъ.

Быть можетъ, желаніе дать цѣльный, обильный всевозможными данными проектъ вызывалось у Державина надеждой выдвинуться въ качествѣ знатока предмета, чтобы затѣмъ главенствовать надъ евреями, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ важность и трудность принятой на себя задачи: «Жидовъ преобразовать въ новый родъ жизни и какими средствами доставить имъ пропитаніе — вещь не бездѣльная, чтобы дать о томъ мнѣніе», — пишетъ онъ своей женѣ торопившей его возвращеніемъ въ Петербургъ. Державинъ прочиталъ нѣсколько историческихъ произведеній на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ; ознакомился съ прусскимъ законодательствомъ о евреяхъ *), равно съ цѣннымъ матеріаломъ, имѣвшимся въ сенатѣ, а также съ различными записками первыхъ русскихъ администраторовъ въ краѣ; онъ собралъ во время своего пребыванія въ Бѣлоруссіи «свѣдѣнія отъ благороднѣйшихъ обывателей, отъ Іезуитскихъ академій, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и купечества и самихъ казаковъ относительно образа жизни жидовъ, ихъ промысловъ, обмановъ и всѣхъ ухищреній и уловокъ». Словомъ, какъ онъ самъ говоритъ «прочитывалъ и развѣдывалъ все, что только до сихъ предметовъ принадлежитъ».

Оказавшіяся такимъ образомъ въ его распоряженіи свѣдѣнія заключали, конечно, въ себѣ много противорѣчиваго, невѣрнаго, пристрастнаго, но они представляли обильный сырой матеріалъ, на основаніи котораго Державинъ могъ бы выработать правильный взглядъ на евреевъ и, сообразно съ таковымъ, составить цѣльный, выдержанный въ своей послѣдовательности проектъ. Но Державину помѣшала предвзятость его сужденій и его трудъ поражаетъ отсутствіемъ единства, представляя собою рядъ мѣръ не связанныхъ общностью цѣли; впрочемъ, у Державина не могло быть достаточно времени, чтобы подвергнуть тщательной разработкѣ матеріалы; выѣхавъ 19 Іюня 1800 г. изъ Петербурга онъ вернулся обратно въ серединѣ Октября уже съ готовымъ проектомъ. Три—четыре мѣсяца, конечно, малый срокъ для столь сложнаго труда, тѣмъ болѣе что Державинъ тогда же былъ занятъ другими дѣлами.

Подавленный разнохарактерностью матеріала, онъ не съумѣлъ разобраться въ немъ, не всегда могъ согласовать своихъ личныхъ непріязненныхъ чувствъ къ евреямъ съ той тенденціей, которая въ

*) Въ рукописномъ сборникѣ Имп. Публ. библіотеки на ряду съ подлиннымъ „Мнѣніемъ“ Державина имѣется экземпляръ прусскаго законодательства на нѣмец. и польск. языкахъ а также переводъ на русскомъ языкѣ.

Digitized by Google

силу особыхъ условій проходила черезъ нѣкоторыя группы данныхъ; такъ, повторяя съ чужаго голоса благопріятныя для евреевъ сужденія, напримѣръ о необходимости «устроить ихъ (евреевъ) политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ», онъ заявляетъ уже отъ себя: «такимъ образомъ, евреевъ родъ строптивый и изувѣрный, *врагъ Христіанъ*, хотя по опредѣленію вѣчныхъ судебъ и останутся въ непремѣнномъ своемъ разсѣяніи, дондеже угодно Всевышнему; но и въ семъ своемъ печальномъ состояніи получатъ образъ благоустройства. А Павлу Первому предоставится въ родъ и родъ незабвенная слава, что онъ первый изъ Монарховъ Россійскихъ исполнилъ сію великую заповѣдь: «Любите *враги ваша*, добро творите *ненавидящимъ васъ*». При этомъ взглядѣ на евреевъ, какъ на враговъ христіанъ, Державинъ не могъ искренне сочувствовать тѣмъ мѣрамъ, которыя самъ предлагалъ въ проектѣ, такъ какъ онѣ требовали со стороны автора довѣрія къ еврейскому населенію.

Къ тому же, заявляя въ «Мнѣніи» что «правительства обязаны простирать и о жидахъ свое попеченіе такимъ образомъ, чтобы они и себѣ, и обществу между которымъ водворились были полезными», Державинъ въ дѣйствительности мало заботился о томъ, чтобы евреи стали полезными «и себѣ»; но при всемъ этомъ онъ внесъ въ свой проектъ многія разумныя мѣры, заимствованныя изъ имѣвшихся у него матеріаловъ; руководствуясь проектомъ Фризеля, онъ провелъ въ своемъ трудѣ новую политику въ отношеніи евреевъ, которая должна была положить рѣзкую грань между бывшимъ польскимъ и будущимъ русскимъ евреемъ: обратить еврея къ различнымъ отраслямъ производительнаго труда и просвѣтить его, такова была задача, поставленная Державинымъ.

IV.

«Извѣстно, что лучшія учрежденія заимствуются изъ нравовъ тѣхъ народовъ, для коихъ учреждаются, а нравы изображаетъ исторія, то дабы елико можно представить мнѣніе мое о евреяхъ основательнѣе, почелъ я за нужное коснуться оной», — говоритъ Державинъ въ своей запискѣ и начинаетъ издалека, съ выхода евреевъ изъ страны Ханаанской. Впрочемъ, черезъ нѣсколько строкъ онъ уже касается пребыванія ихъ въ Польшѣ, а засимъ спѣшитъ отмѣтить «важнѣйшіе или, лучше, вреднѣйшіе для общества между коими они обитаютъ обычаи и постановленія». Заимствуя многое изъ проекта Фризеля Державинъ набросалъ картину нравственнаго состоянія евреевъ, схожую съ той, которую намъ оставилъ Фризель, однако именно въ этой части обоихъ документовъ сказалось коренное различіе во взглядахъ авторовъ на евреевъ.

Digitized by Google

Рисуя нѣсколько сгущенной краской нравственные недостатки еврейскаго населенія, Фризель искренно желалъ ихъ уничтожить путемъ гуманныхъ просвѣтительныхъ мѣръ; эти недостатки не вызвали въ немъ недовѣрія къ евреямъ, не поколебали убѣжденія, что евреевъ *должно* привести въ лучшее состояніе. Прекрасно зная отрицательныя стороны еврейской жизни, онъ все же смотрѣлъ на евреевъ, какъ на русско-подданныхъ, которые съ проведеніемъ необходимыхъ реформъ, станутъ равноправными, просвѣщенными гражданами, полезными для государства. Совсѣмъ иное замѣчается въ «Мнѣніи».

Державинъ сомнѣвается, вообще, «могутъ ли быть жиды полезными государству»; отмѣчая же нравственные изъяны евреевъ, онъ стремился вселить въ правительствѣ недовѣріе къ нимъ. Въ запискѣ перваго могилевскаго губернатора Каховскаго Державинъ прочигалъ: «что еврей—то новый видъ обмана», и слѣдуя такой аксіомѣ онъ извращаетъ смыслъ самыхъ невинныхъ дѣйствій евреевъ, доходя въ этомъ случаѣ, какъ замѣтилъ Оршанскій,—до смѣшного; всюду ему мерещится злой умыселъ и какая то подозрительная таинственность. Такъ, указывая, что евреи ходятъ всегда съ покрытой головою, онъ объясняетъ это тѣмъ, будто они «чтутъ себя предъ всѣми другими народами превосходнѣйшими». Евреи копятъ богатства не по тѣмъ побужденіямъ, какъ всѣ люди, а «для созиданія храма (въ Палестинѣ) или для плотскихъ своихъ удовольствій нужныхъ»; они занимаются торговлей, факторствомъ и проч. не просто, а какъ «тонкими вымыслами» для обиранія народа. Но любопытнѣе всего, что, по словамъ Державина, «должно отнести также къ ихъ (евреевъ) хитрости» и то, что среди евреевъ много «единообразныхъ, единоимянныхъ, какихъ нибудь Мовшевъ, Абрамовъ, Лейбовъ, Хаймовичевъ, Лейзаровичевъ и тому подобныхъ; да къ тому же всѣ одѣты въ одинаковое черное платье, то и теряется память и смѣшивается понятіе при случаѣ ихъ счета и различія, а особливо по дѣламъ исковымъ и слѣдственнымъ».

Но есть нѣчто похуже: Державинъ утверждалъ, что *въ данный моментъ* евреевъ «не можно признать собственно принадлежащими Россійскому государству;» по его мнѣнію, только тогда, когда просвѣщеніе евреевъ «въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько поколѣній, непримѣтнымъ образомъ дастъ плоды, *пріятные христіанству*; тогда только, а не прежде развращенные евреи, если перемѣнятъ свои суевѣрные обычаи, будутъ россійскаго престола прямыми подданными». Этотъ взглядъ на евреевъ какъ на враговъ христіанъ Державинъ особенно силился внушить правительству и съ этой цѣлью онъ готовъ дать превратное

Digitized by Google

толкованіе даже тому хорошему, что онъ самъ нашелъ въ евреяхъ, такъ напр., говоря, что нѣкоторые христіане обращаются къ суду раввиновъ, онъ замѣчаетъ, что раввины давали имъ удовлетвореніе «не изъ свойственнаго имъ правосудія, но для дальнѣйшихъ своихъ видовъ и ослѣпленія прочихъ простолюдиновъ, *ибо въ дѣлѣ съ христіаниномъ у нихъ правды быть не можетъ, сіе запрещено талмудами*».

Но еще большее рвеніе онъ проявилъ въ этомъ отношеніи въ вопросѣ объ обвиненіи евреевъ въ употребленіи христіанской крови. «Хотя я, съ моей стороны, о сихъ кровопролитіяхъ думаю,—замѣчаетъ Державинъ,—что если они и бывали гдѣ либо въ древности, то не иначе, какъ токмо по изступленію нѣкоторыхъ ихъ фанатиковъ, но счелъ однако за нужное не выпустить ихъ изъ виду».

Оставляя такимъ образомъ еврейское населеніе «подъ сильнымъ подозрѣніемъ» Державинъ приступаетъ къ изложенію необходимыхъ реформъ.

Разсматривая различные собранные матеріалы, Державинъ могъ замѣтить, что современные, и евреи, и христіане, единогласно констатировали нравственное и матеріальное убожество еврейскаго населенія, но что въ дальнѣйшемъ они расходились въ своихъ взглядахъ: иные, заботясь объ интересахъ однихъ коренныхъ жителей и считая евреевъ виновниками всѣхъ бѣдствій въ краѣ, предлагали лишь отрицательныя мѣры, которыми можно было обезопасить коренное населеніе отъ евреевъ, какъ напр., устраненіе ихъ отъ арендъ, винокуренія, шинкарства и проч.; другіе же, желая привести самихъ евреевъ въ лучшее состояніе, намѣтили въ общемъ одинъ и тотъ же путь для осуществленія этой цѣли; чрезмѣрное скопленіе еврейскаго населенія на небольшой сравнительно территоріи вызвало у большинства изъ нихъ мысль о необходимости *разрѣдить* его въ губерніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, а то обстоятельство, что евреи занимались тамъ главнымъ образомъ торгашествомъ и шинкарствомъ, такъ печально отражавшемся и на крестьянахъ, и на евреяхъ, заставило кое кого высказаться о желательности обратить евреевъ къ разнороднымъ отраслямъ труда, главнымъ образомъ къ земледѣлію, и только одинъ голосъ Фризеля раздался въ пользу гражданскаго уравненія евреевъ съ христіанами и просвѣщенія еврейской массы. Сообразно съ этой схемой, Державинъ, лично удостовѣрившись въ нищетѣ еврейскаго населенія, внесъ въ свой проектъ общей еврейской реформы главу о частной мѣрѣ — переселеніи евреевъ изъ Бѣлоруссіи, а засимъ главы объ общихъ мѣрахъ: «о раздѣленіи евреевъ на классы», «о политиче-

Digitized by Google

скомъ образованіи евреевъ по новому о нихъ учрежденію» и «о нравственномъ образованіи евреевъ и просвѣщеніи».

А такъ какъ по словамъ Державина «сіе новое устроеніе требуетъ неусыпнаго вниманія и крайняго старанія о приведеніи его къ благонамѣренному окончанію», то онъ прежде всего предлагаетъ: «не угодно ли будетъ для еврейскаго народа, относительно только преобразованія его и, если возможно, просвѣщенія, опредѣлить особливаго протектора, подъ руководствомъ коего все бы дѣло сіе совершилось и который бы при всякомъ нужномъ случаѣ могъ не токмо покровительствовать ихъ по губерніямъ и въ Сенатѣ, но и предстательствовать за нихъ у Его Величества»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендовалъ учредить въ Бѣлоруссіи, а также другихъ губерніяхъ комиссіи *), какъ для урегулированія счетовъ между христіанами и евреями, въ виду переселенія послѣднихъ, такъ и «для прочаго производства по сему дѣлу».

Эту мысль о еврейскомъ начальникѣ мы встрѣчаемъ и у Натана Ноте, предложившаго «назначить для всѣхъ евреевъ пребывающихъ въ Россіи одного *попечителя*, который отстаивалъ бы во всѣхъ случаяхъ и имѣлъ бы доступъ къ Государю Императору» **).

Конечно, «попечитель» и «протекторъ» (покровитель) не одно и тоже ***), сами термины достаточно ясно опредѣляютъ различіе во взглядахъ авторовъ на этотъ институтъ. Мы не знаемъ, желалъ ли Натанъ Ноте, чтобы этотъ постъ принадлежалъ еврею, или христіанину; возможно, что бдительно оберегая свободу своихъ единовѣрцевъ, стремясь къ самодѣятельности еврейскаго общества, Натанъ Ноте предполагалъ еврея—попечителя, во всякомъ случаѣ онъ видѣлъ въ немъ единственно защитника, который долженъ былъ, и благодаря присвоенной ему власти могъ бы, фактически оберегать права евреевъ и заботиться объ ихъ благосостояніи; между тѣмъ Державинскій протекторъ имѣлъ въ виду не столько охранять интересы евреевъ, сколько искоренять среди нихъ то, что на его взглядъ могло быть вреднымъ для окружающаго населенія; этого послѣдняго Державинъ думалъ достигнуть, какъ мы увидимъ ниже, путемъ «преобразованія» и «просвѣщенія», иначе говоря, путемъ реформы въ религіозномъ быту евреевъ.

*) Изъ 3-хъ владѣльцевъ, 3-хъ купцовъ, 3-хъ евреевъ и 3-хъ чиновниковъ губерніи.

**) Экстрактъ изъ проекта Натана Ноте помѣщенъ въ Акад. изданіи сочиненія Державина.

***) Не является ли прототипомъ попечителя существовавшій въ Польшѣ въ XVI в. *старшій* надъ евреями, еврей же, докладывавшій лично королю объ ихъ дѣлахъ и нуждахъ. См. *А. Гаркави*, Истор. очеркъ Синода четырехъ странъ, „Восходъ“, 1884, II, стр. 11.

Digitized by Google

Однако, несмотря на такое различіе въ характерѣ «попечителя» и «протектора» общность основной мысли здѣсь несомнѣнна; очевидно одинъ изъ авторовъ воспользовался идеей другого о подобномъ институтѣ, что было возможно при ихъ личномъ знакомствѣ; это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что оба автора стремясь къ противоположнымъ цѣлямъ, предложили одну и ту же мѣру, которая должна была обезпечить за еврейскимъ представителемъ успѣшное исполненіе имъ своихъ обязанностей, именно, чтобы онъ имѣлъ доступъ лично къ Государю. Къ сожалѣнію, на основаніи имѣющихся документовъ нельзя сказать, кто у кого заимствовалъ эту мысль, такъ какъ неизвѣстно когда впервые высказался Натанъ Ноте о еврейскомъ попечителѣ, въ 1797 или 1803 г.

Возможно, что Натанъ Ноте впервые выдвинулъ попечителя лишь въ проектѣ 1803 г., который онъ составилъ, ознакомившись съ запиской Державина, и въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, хотѣлъ противопоставить своего попечителя - защитника Державинскому протектору - надзирателю, подъ обширную власть котораго Державинъ передалъ все еврейское населеніе; по желанію Державина всѣ распоряженія касательно еврейской реформы должны были исходить отъ протектора, поэтому подъ его руководствомъ должно было состояться также переселеніе евреевъ изъ Бѣлоруссіи.

Какъ уже было отмѣчено выше, многіе современники указывали на необходимость разрѣдить евреевъ и обратить ихъ въ земледѣльцевъ. Такъ, маршалы Подольской губерніи въ своемъ донесеніи сенату отъ 8 апрѣля 1798 г. выразили желаніе, чтобы часть евреевъ стала хлѣбопашцами; одновремено съ этимъ маршалы Литовской губерніи совѣтовали извѣстное число евреевъ «размѣстить по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ, дозволивъ заниматься хлѣбопашествомъ, брать въ закладъ и въ аренду имѣнія». Наконецъ, и Фризель говоритъ, что тѣ евреи, которые «не занимаются ни торговлею, ни художествами [1]) должны непремѣнно упражняться въ хлѣбопашествѣ», Но судя по имѣющемуся у насъ матеріалу, *первымъ* высказался въ этомъ смыслѣ Натанъ Ноте; еще въ 1797 г. онъ предложилъ переселить часть бѣлорусскихъ евреевъ «колоніями на плодородныя степи для размноженія тамъ овецъ, земледѣлія и прочаго» [2]) и это тѣмъ больше служитъ къ его чести, что возвысивъ

---

[1]) Т. е. ремеслами.

[2]) Весьма возможно, что Натанъ Ноте выступилъ въ 1797 г. со своимъ проектомъ еврейской реформы познакомившись съ прусскимъ законодательствомъ о евреяхъ, обнародованномъ въ апрѣлѣ того же года и что онъ оттуда заимствовалъ идею о привлеченіи евреевъ къ земледѣлію и фабричной

Digitized by Google

голосъ въ защиту земледѣльческаго труда, онъ выступилъ противъ прочно укоренившагося въ еврейскомъ обществѣ предразсудка, будто этотъ родъ занятій не пристоенъ для евреевъ; по свидѣтельству Державина всѣ кагалы въ Бѣлоруссіи: уѣздные и губернскіе, почти одинаково отозвались, что евреи «способности и привычки къ хлѣбопашеству не имѣютъ и въ законѣ своемъ находятъ къ тому препятствіе».

Однако, будучи одного взгляда съ другими авторами проектовъ на эту реформу, Натанъ Ноте разошелся съ ними въ вопросѣ о мѣрахъ къ ея осуществленію. Большинство авторовъ-христіанъ склонялось въ пользу *принудительнаго* привлеченія евреевъ къ земледѣлію, опасаясь, очевидно, противодѣйствія со стороны сплоченной фанатической и невѣжественной еврейской массы *), а Натанъ Ноте высказался за *добровольное* обращеніе къ этому занятію; по его проекту губернскія депутатскія коммиссіи должны были позаботиться объ отводѣ земли подъ хлѣбопашество, извѣстивъ о томъ неимущихъ евреевъ и тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ сдѣлаться земледѣльцами, снабдить необходимымъ орудіемъ, а для того, чтобы пріохотить евреевъ къ земледѣлію и скотоводству, «попечитель долженъ сдѣлать отъ себя прокламацію съ изображеніемъ всѣхъ выгодъ и пользы сопровождающихъ сельскую жизнь и земледѣльческую работу». Но стремясь привлечь такимъ образомъ единовѣрцевъ къ этой отрасли труда, Натанъ Ноте не упустилъ изъ виду, что не всѣ неимущіе евреи по своимъ способностямъ и наклонностямъ могутъ стать земледѣльцами и поэтому онъ предложилъ мѣру, о которой вовсе не упоминается въ другихъ документахъ. Сознавая, что спасеніе евреевъ отъ нищеты и деморализаціи заключается въ производительномъ трудѣ, онъ намѣтилъ обширный планъ трудовой помощи народу, предложивъ, помимо отвода земли для землепашества, еще устройство различныхъ фабрикъ, «на коихъ мастеровые люди были бы обучены изъ сего народа» **), причемъ фабрики могли быть заведены «съ помощью казны и частныхъ людей (вѣроятно, христіанъ) съ предохраненіемъ евреевъ отъ подданства онымъ». Державинъ принялъ планъ Натана Ноте ***), но внесъ въ него значи-

---

дѣятельности; быть можетъ, именно онъ и обратилъ вниманіе Державина на это законоположеніе. Замѣтимъ, однако, что Натану Ноте могло быть извѣстно что Іосифъ II еще ранѣе, въ 1786 г., разрѣшилъ австрійскимъ евреямъ заниматься земледѣліемъ и ремеслами.

*) Только подольскій вице-губернаторъ Юзефовичъ нашелъ нужнымъ „безъ принужденія пріохочивать сихъ евреевъ къ земледѣлію, ибо по непривычкѣ ихъ къ тому способомъ пріохочиванія успѣть иногда можно и не вдругъ, но современемъ“.

**) Эту мѣру мы находимъ и въ прусскомъ законодательствѣ о евреяхъ.

***) Державинъ говоритъ по этому поводу „.... Нота Хаймовичъ предста.

Digitized by Google

тельныя измѣненія; склонившись въ пользу *принудительнаго* переселенія евреевъ и привлеченія ихъ къ производительному труду, онъ не могъ ограничиться указаніемъ однѣхъ поощрительныхъ мѣръ, а долженъ былъ также выработать организацію новаго быта евреевъ въ зависимости отъ новыхъ условій жизни. Требуя, чтобы извѣстная часть еврейскаго населенія непремѣнно обратилась къ опредѣленнымъ занятіямъ, Державинъ увидѣлъ себя, подобно Фризелю, вынужденнымъ раздѣлить евреевъ на классы; но Фризель удовольствовался тѣмъ, что заявилъ, что только тѣ, «которые не занимаются ни торговлей, ни художествомъ» (т. е. ремесломъ), должны непремѣнно упражняться въ хлѣбопашествѣ, и такимъ образомъ онъ оставилъ за евреями свободу, хотя и нѣсколько ограниченную, въ выборѣ себѣ занятія по собственному желанію; Державинъ же предложилъ болѣе насильственную мѣру, заставивъ *всѣхъ* евреевъ обратиться къ опредѣленному роду труда въ зависимости отъ имѣющихся у нихъ капиталовъ, и такъ какъ онъ заимствовалъ у Натана Ноте мысль о фабричномъ производствѣ, то и раздѣлилъ евреевъ не на три класса, какъ Фризель, а на четыре: 1) купцовъ, 2) городовыхъ мѣщанъ (ремесленниковъ, приказчиковъ и проч.), 3) сельскихъ мѣщанъ, долженствующихъ заниматься ремесленнымъ трудомъ или небольшимъ фабричнымъ производствомъ и 4) поселянъ-хозяевъ *); тѣ же, которые вовсе не имѣютъ капитала, должны стать работниками **); при этомъ онъ строжайше запретилъ евреямъ быть шинкарями или арендаторами.

Полагая, что при такихъ условіяхъ правильное экономическое развитіе края обезпечено, Державинъ переходитъ къ «политическому образованію» евреевъ, и здѣсь мы видимъ, какъ предразсудки побѣждали въ немъ благоразуміе государственнаго человѣка, какъ религіозная нетерпимость разрушала тѣ прочныя основы, заимствованныя имъ изъ имѣвшагося у него матеріала, на которыхъ онъ хотѣлъ создать новое гражданское положеніе евреевъ; черпая у своихъ предшественниковъ наиболѣе разумныя мѣры, Державинъ тотчасъ

вилъ необходимость доставить множеству праздныхъ людей сего народа безнуждное пропитаніе заведеніемъ разныхъ фабрикъ"...

Державинъ заимствовалъ у Натана Ноте и другую мѣру, именно взиманіе съ евреевъ податей не деньгами, а нужными правительству товарами, какъ напр., холстомъ, парусиной и проч.

*) Державинъ поясняетъ, что „хозяевами поселяне еврейскіе для того названы, что наименованіе крестьянина по сходству со словомъ христіанина они терпѣть не могутъ, и отъ сего единаго въ состояніи разбѣжаться или никогда не быть хлѣбопашцемъ".

**) Такое же распредѣленіе евреевъ на классы, по роду ихъ занятій, имѣется въ прусскомъ законодательствѣ 1797 г.

Digitized by Google

же уничтожаетъ силу, значеніе и смыслъ этихъ послѣднихъ, внося въ нихъ элементъ религіозной вражды.

Составляя свой проектъ, Фризель имѣлъ въ виду выработать такія условія еврейской жизни, при которыхъ евреи, выражаясь его словами, могли бы меньше вредить *христіанамъ и другъ другу*; для этого нужно было разселить евреевъ по цѣлому краю, уничтожить ихъ автономію въ дѣлахъ гражданскаго характера и ослабить ихъ обособленность; съ этой цѣлью онъ предложилъ распредѣлить евреевъ на классы и предоставить евреямъ-купцамъ *всѣ преимущества*, какимъ пользовалось прочее купечество, ремесленниковъ-евреевъ *соединить въ правахъ* съ христіанскими ремесленниками, остальныхъ же евреевъ *сравнять* съ россійскими однодворцами; такимъ образомъ евреи слились бы въ гражданской жизни съ остальнымъ населеніемъ и были бы уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ тѣми классами христіанскаго населенія, къ которымъ они бы принадлежали по своему роду занятій; а такъ какъ при такихъ условіяхъ евреи уплачивали бы подать обыкновеннымъ порядкомъ наравнѣ съ христіанами и подлежали бы общимъ судебнымъ установленіямъ, то при нѣкоторой реформѣ системы самоуправленія евреевъ въ религіозныхъ дѣлахъ—кагалы перестали бы существовать, покончивъ свои дни, такъ сказать, естественной смертью [1]).

На первый взглядъ можетъ показаться, что и Державинъ слѣдовалъ этой же программѣ; онъ распредѣлилъ евреевъ на классы, и чтобы «подвергнуть (ихъ) единственному государственному правленію», потребовалъ упраздненія кагаловъ и распространенія на евреевъ дѣйствія общихъ судебныхъ мѣстъ; но затаенный смыслъ этихъ мѣръ станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ, что преслѣдуя яко бы ту цѣль, чтобы евреи стали полезны окружающему обществу, Державинъ счелъ нужнымъ уравнять евреевъ съ прочимъ населеніемъ лишь относительно, какъ онъ самъ говоритъ, *общежительныхъ обязанностей*, но ничуть не правъ [2]). Сохранивъ до нѣкоторой степени внѣшнюю форму программы Фризеля, онъ лишилъ ее внутренней цѣнности; одною рукою давая еврею права онъ другой рукою отнималъ ихъ у него; выбравъ изъ проекта то, что клонилось къ обезвреженію евреевъ, онъ не только оставилъ безъ вниманія остальную часть реформы, имѣвшей въ виду немедленное

[1]) Эта программа еврейской реформы чрезвычайно схожа съ мѣропріятіями, указанными въ прусскомъ положеніи о евреяхъ, и это обстоятельство, какъ и общій характеръ проекта Фризеля, даетъ основаніе думать, что и Фризель былъ знакомъ съ прусскимъ законодательствомъ; вступая въ личныя бесѣды съ представителями еврейскаго общества, онъ могъ отъ нихъ узнать о положеніи прусскихъ единовѣрцевъ.

[2]) См. «Мнѣніе» Ч. II, отд. IX § 1.

Digitized by Google

сліяніе евреевъ съ ихъ сосѣдями, но противясь этой цѣли, внес въ свой проектъ новыя соотвѣтствующія мѣры.

Державинъ разумно поступилъ предложивъ уничтоженіе кагаловъ но какъ далекъ онъ отъ той конечной цѣли, которую преслѣдовал Фризель. Державинъ видѣлъ въ кагалѣ установленіе, вредное н столь для евреевъ, сколько для христіанъ; вѣдь именно кагалы, п его мнѣнію, сплачивая евреевъ, даютъ имъ силу, единство, и потому уничтожая эту сплоченность евреевъ—единственное орудіе ихъ в борьбѣ съ всеобщей враждою—онъ, въ противоположность Фризелю, не стремится избавить ихъ отъ этой вражды, не пытается слить ихъ съ христіанами, не хочетъ внушить современникамъ, что евре —ихъ сограждане. Различіе во взглядахъ Фризеля и Державина на еврейскую реформу особенно рельефно выразилось въ вопросѣ о предоставленіи евреямъ купцамъ и городскимъ мѣщанамъ выборнаго права. Фризель рѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, а Державинъ нашелъ, что дарованное евреямъ „право выбора и засѣданія съ христіанами, въ ратгаузахъ, въ магистратахъ и ратушахъ... въ разсужденіи вышеобъявленныхъ соблазновъ и предубѣжденій жидовъ противъ христіанъ, дабы судьбы сихъ послѣднихъ не предавать въ руки ненавидящихъ ихъ, необходимо слѣдуетъ отмѣнить“.

Питая недовѣріе къ евреямъ и раздѣляя всевозможные предразсудки, властно царившіе въ русскомъ обществѣ, Державинъ не могъ довесть до конца даже имъ-же самимъ предложенное уравненіе евреевъ съ христіанами, соотвѣтственно роду занятій. Такъ, указывая, что евреи купцы „оставаться будутъ безотмѣнно по торговлѣ и выгодамъ сему состоянію свойственнымъ», онъ въ дальнѣйшемъ, однако, оговариваетъ, что если евреямъ на основаніи гильдейскихъ правилъ разрѣшенъ оптовый торгъ въ Россіи; то «отпускъ или ввозъ внутрь оной изъ товаровъ, какъ то: въ столицы и на ярмонки, не иначе быть долженъ, какъ съ *крайней осторожностью* [1]), только чрезъ повѣренныхъ русскихъ купцовъ, а лично имъ самимъ въ предѣлы Великой Россіи отнюдь въѣзжать не позволять», и это потому, какъ онъ самъ объясняетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что «политики» доказываютъ, будто евреи не могутъ быть полезными государству „какъ по вѣроломству“, такъ и потому, что они отсылаютъ свои капиталы въ другія государства, особливо въ Палестину [2]), а русскіе повѣренные могутъ «воздержать» ихъ отъ этого и

[1]) Въ прусскомъ положеніи сказано: „на большихъ и маленькихъ ярмонкахъ жиды не иначе должны отправлять торговлю, какъ по предписаннымъ исключеніямъ и ограниченіямъ“.

[2]) Эта молва принималась на вѣру многими современниками Державина.

Digitized by Google

вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать правительству о размѣрахъ еврейскихъ капиталовъ!

Конечно, при такихъ условіяхъ не могло возникнуть между христіанами и евреями взаимное довѣріе и уваженіе, не могло произойти сліяніе, но вѣдь Державинъ къ этому и не стремился; онъ видѣлъ въ евреѣ прежде всего врага христіанъ, поэтому, если онъ въ одномъ мѣстѣ уничтожалъ сплоченность евреевъ, считая ее пагубной для христіанъ, то въ другомъ мѣстѣ онъ ее самъ создавалъ, опасаясь, что, разсѣявшись, евреи принесутъ еще большій вредъ коренному населенію, и въ этомъ случаѣ онъ особенно страшился за судьбу простыхъ классовъ; вотъ почему онъ потребовалъ, чтобы евреи—сельскіе мѣщане селились во владѣльческихъ мѣстечкахъ *въ особыхъ отъ христіанъ улицахъ*, а чтобы оградить низшій слой христіанъ отъ соприкосновенія съ евреями, онъ запретилъ „евреямъ и еврейкамъ“ употреблять въ услугу «христіанъ и христіанокъ ни подъ какимъ видомъ и поводомъ»! [1]).

Однако, евреи съ своей стороны также не стремились войти въ тѣсное общеніе съ христіанами. И мы видѣли, что Натанъ Ноте рекомендовалъ не разселить евреевъ, а *переселить ихъ колоніями*, дабы и на новомъ мѣстѣ они не смѣшались съ христіанами.

Но эта тенденція обособлять еврейское населеніе съ особенной силой отразилось на второмъ проектѣ Натана Ноте, явившемся, какъ надо думать, отвѣтомъ на «Мнѣніе» Державина.

Польскіе дворяне и русскіе сановники единогласно признали евреевъ свободными людьми, которыхъ нельзя закрѣпостить, и потому, говоря о поселеніи евреевъ на владѣльческихъ мѣстахъ и усадьбахъ для фабричной дѣятельности и земледѣльческаго труда, Державинъ отмѣчаетъ, что «должны сіи поселенцы почитаемы быть людьми вольными». Но выработанныя имъ условія этого поселенія могли сильно ограничить свободу евреевъ. Евреи обязывались заключать съ владѣльцами договоры на срокъ не менѣе 10 лѣтъ, и въ теченіе этого времени евреи-ремесленники и фабриканты или евреи-земледѣльцы не могли выйти изъ-подъ власти владѣльца; между тѣмъ эта власть, по проекту Державина, была довольно обширна, и владѣльцу предоставлялись такія права, которыя могли легко привести еврея къ полному безправію. Правда, владѣльцамъ вмѣнялось въ обязанность кормить поселенцевъ-евреевъ въ годы не-

[1]) Въ прусскомъ положеніи о евреяхъ нѣсколько разъ подтверждается, что евреи не должны пользоваться услугами христіанъ (напр., въ качествѣ подмастерьевъ, фабричныхъ рабочихъ и проч.).

Въ Россіи запрещеніе держать евреямъ христіанскую прислугу было отмѣнено лишь въ 1887 г.

Digitized by Google

урожая, но въ тоже время имъ поручалось слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи не уклонялись отъ своей прямой работы (ремеслъ, хлѣбопашество), не продавали горячаго вина, „не упражнялись въ перекупахъ“ и т. д., благодаря чему владѣлецъ получалъ возможность вторгаться въ частную жизнь поселенца; а этотъ контроль былъ крайне опасенъ для евреевъ, такъ какъ съ одной стороны за нарушеніе правилъ проектъ Державина подвергалъ евреевъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ, какъ напр., ссылкѣ въ Сибирь «въ вѣчную работу въ горные заводы безъ жены» *), а съ другой стороны онъ предоставлялъ владѣльцамъ налагать на евреевъ-поселенцевъ штрафы и подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. При такихъ условіяхъ для произвола открывалось широкое поле, и, конечно, общественное положеніе евреевъ не улучшилось бы; они остались бы по-прежнему подъ гнетомъ владѣльцевъ и поневолѣ служили бы орудіемъ для ихъ корыстныхъ цѣлей.—Натанъ Ноте это понялъ и потому намѣтилъ въ своемъ второмъ проектѣ такой порядокъ поселенія, какъ земледѣльцевъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ и мастеровыхъ, при которомъ имъ не угрожала неволя: онъ предложилъ селить евреевъ-земледѣльцевъ не на помѣщичьихъ земляхъ, а на казенныхъ, которыя правительство отвело бы въ распоряженіе депутатскихъ комиссій. Что же касается фабрикъ, то если еще въ 1797 г., рекомендуя устройство таковыхъ «съ помощью казны и частныхъ людей», онъ былъ достаточно остороженъ, чтобы оговорить «съ предохраненіемъ евреевъ отъ подданства онымъ», то въ проектѣ 1803 г. онъ совершенно отвергаетъ содѣйствіе со стороны не-евреевъ, и дабы еврейская масса не очутилась въ матеріальной зависимости отъ нихъ, онъ требуетъ, чтобы для устройства фабрикъ депутатскія комиссіи вызывали только «охотниковъ изъ евреевъ». Не расчитывая, однако, на частную предпріимчивость и желая возложить заботу о благосостояніи массы на все еврейское общество, Натанъ Ноте предложилъ такую форму трудовой помощи народу, которая лишь теперь, въ наши дни, начинаетъ осуществляться, хотя далеко еще не въ полномъ объемѣ. Дабы попеченіе о бѣдныхъ евреяхъ лежало на евреяхъ же, дабы религіозная нетерпимость сосѣдей не отражалась на ихъ матеріальномъ положеніи, «всякое еврейское общество каждой губерніи» должно было по проекту Натана Ноте «имѣть свои фабрики, которыя и должны считаться общею принадлежностью и собственностью. Деньги выручаемыя за произве-

*) „Въ Сибирь на каторгу за преступленія съ женами не отправлять жидовъ, дабы не размножилися и не развращали сердце Имперіи, то есть коренныхъ ея жителей“ см. „Мнѣніе“ Отд. IX, § 24.

Digitized by Google

нія фабрикъ, за вычетомъ платы фабрикантамъ и нужныхъ издер-
жекъ, должны идти на разныя общеполезныя цѣли».

V.

Достопримѣчательно, что въ вопросѣ о просвѣщеніи евреевъ Дер-
жавинъ не былъ такъ суровъ съ евреями, какъ во всѣхъ другихъ
пунктахъ. Это объясняется тѣмъ, съ одной стороны, что онъ не
ялся просвѣщеннаго еврея. Крѣпостной крестьянинъ, просвѣтив-
шись, могъ пожелать чего нибудь неумѣстнаго, запротестовать
ротивъ крѣпостничества, этого краеугольнаго камня тогдашняго
щественнаго строя; для просвѣщенія же еврея этой опасности
было. Съ другой стороны, еврейская масса, будучи невѣжествен-
й въ смыслѣ европейской культуры, была все же грамотна и
бладала знаніями, хотя бы и самобытнаго еврейскаго характера, и
вѣдовательно представляла собою благодарную почву для дальнѣй-
аго усвоенія культуры; и эти обстоятельства вызвали въ Держа-
инѣ желаніе сблизить евреевъ съ христіанами въ культурной жизни.
отъ почему онъ, хотя и выставилъ евреевъ въ «Мнѣніи» въ самомъ
рачномъ свѣтѣ, взводя на нихъ всевозможныя клеветы, все же,
ысказался за просвѣщеніе евреевъ, надѣясь, что они «дадутъ плоды
ріятные христіанству» если «перемѣнятъ свои суевѣрные обычаи». По-
тому то, обособляя ихъ до поры до времени въ гражданской жизни какъ
раговъ христіанъ, онъ все же надѣется пріобщить ихъ, хотя и въ
алекомъ будущемъ, къ общерусской жизни, сдѣлать ихъ «россійскаго
рестола прямыми подданными». Для этого «надобно — по его сло-
амъ — просвѣтить евреевъ, и истребивъ изъ нихъ ненависть къ
новѣрнымъ, сблизить ихъ съ ними», и Державинъ представляетъ
оотвѣтствующую реформу, положивъ въ ея основу принципы, ко-
орые мы находимъ у Фризеля: установленіе для всѣхъ евреевъ въ
Россіи одной духовной власти и просвѣщеніе ихъ въ европейскомъ
ухѣ.

Эта реформа, если и не во всѣхъ деталяхъ, то въ общихъ чер-
ахъ, отвѣчала желаніямъ нашихъ еврейскихъ дѣятелей; болѣе того,
на была выработана Державинымъ при содѣйствіи одного изъ нихъ:
сей самый, который подалъ мнѣ мысль сію — изъ того общества» —
оворитъ Державинъ въ главѣ о нравственномъ преобразованіи
вреевъ. Вчитываясь въ эти страницы, мы видимъ, что онѣ, дѣй-
твительно, явились результатомъ совмѣстной работы двухъ лицъ:
ержавина и его совѣтчика — еврея. Мы не знаемъ, кто именно изъ
накомаго намъ тріумвирата *) помогалъ автору «Мнѣнія» въ со-

*) Неваховичъ, Перетцъ, Натанъ Поте.

Digitized by Google

ставленіи этой главы, но кто бы онъ ни былъ, это былъ человѣкъ преданный идеѣ о возрожденіи еврейскаго народа въ Россіи; обра зованный въ «мендельсоновскомъ» духѣ, онъ съумѣлъ обратит вниманіе Державина на просвѣтительное движеніе въ Германі и внушить ему уваженіе къ творцу этого движенія и, вообще къ нѣмецкимъ ученымъ евреямъ, «равняющимся—какъ выражаетс Державинъ—съ самыми просвѣщенными мужами Европы». Правда онъ объяснилъ Державину, что «нравы сего народа испортилис единственно отъ древнихъ и новыхъ талмудистовъ, которые дл своихъ корыстныхъ видовъ ослѣпляли простолюдиновъ; что должн открыть іудейскому народу глаза и обратить его къ тому чистом источнику, откуда его первоначальное богопочитаніе проистекло» но, можетъ быть, этимъ онъ снискалъ себѣ довѣріе Державина.

Высшее завѣдываніе дѣлами, касавшимися обрядовъ вѣры, бо гослуженія и воспитанія евреевъ, сосредоточивалось по проекту Державина въ синедріонѣ, находившемся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ протектора. Синедріону были подчинены «губернскія синагоги», этимъ же послѣднимъ—всѣ «школы» губерніи. «Раббины» въ школахъ выбирались обществомъ, а «судьи синагогъ»—школами Что же касается синедріона, то четверо изъ его членовъ, «патріар ховъ», приглашались протекторомъ по собственному усмотрѣнію «изъ нѣмецкой земли или изъ благовоспитанныхъ здѣсь, знающихъ рус скій и прочіе европейскіе языки», пятый же членъ «верховный раббинъ или патріархъ жидовскій», являвшійся главою еврейской религіи, выбирался «по большинству голосовъ всѣхъ школъ и всѣхъ синагогъ и самихъ членовъ синедріона» и утверждался Государемъ.—Такая система управленія духовными дѣлами евреевъ могла быть указана только евреемъ и при томъ такимъ, который стре мился положить предѣлъ смутамъ, происходившимъ въ еврейской средѣ благодаря религіозному расколу. Совѣтчикъ Державина былъ несомнѣнно смѣлъ въ своихъ преобразованіяхъ и если, вѣрный тра диціи, онъ не рѣшился лишить евреевъ права свободнаго выбора духовныхъ пастырей (раввины и патріархъ выбирались еврейскимъ обществомъ), то, онъ все же счелъ возможнымъ отступить отъ вѣ ками созданнаго порядка и передалъ разрѣшеніе важнѣйшихъ во просовъ религіозно-бытовой жизни евреевъ не какимъ либо еврей скимъ религіознымъ авторитетамъ, а лицамъ, авторитетъ которыхъ народъ долженъ былъ признать лишь по принужденію извнѣ. Приглашеніе въ Синедріонъ европейски образованныхъ евреевъ «*изъ нѣмецкой земли* или изъ благовоспитанныхъ здѣсь, *знающихъ русскій и другіе европейскіе языки*» ясно указываетъ, къ какимъ результатамъ могла привести дѣятельность этого духовнаго учрежде-

Digitized by Google

и; сотрудникъ Державина намѣтилъ въ данномъ случаѣ ту же
ль, къ которой стремился Мендельсонъ и его послѣдователи.

Этой реформой, какъ мы видимъ, Державинъ пошелъ навстрѣчу
ремленіямъ просвѣщенныхъ евреевъ, однако онъ при этомъ не
устилъ изъ виду и государственныхъ интересовъ, и потому на ряду
мѣрами, отвѣчавшими желаніямъ евреевъ, онъ ввелъ въ свой
оектъ такіе пункты, которые устанавливали надзоръ со стороны
сскихъ властей надъ еврейскими учрежденіями; такъ напр.,
колы въ городахъ подлежали вѣдѣнію городничаго, въ уѣздахъ—
иской полиціи, правда—«касательно только того, чтобы въ тѣхъ
колахъ не отправлялось никакихъ гражданскихъ дѣлъ и ничего
еднаго обществу и поругательнаго другимъ вѣрамъ»; синагоги на-
дились подъ присмотромъ «надзирателя изъ губернскихъ чинов-
ковъ».

Но особенно позаботился Державинъ о власти «протектора».
одчинивъ ему синедріонъ, онъ этимъ самымъ передалъ ему ру-
водительство всей религіозно-бытовой и духовной жизнью еврей-
аго населенія, тѣмъ болѣе, что протекторъ по своему усмотрѣнію
значалъ членовъ синедріона. Сему же контролю подчинялось все
ло просвѣщенія, какъ напр., переводы различныхъ еврейскихъ книгъ
я чего предполагалось дать протектору въ помощь «ученѣйшихъ людей
сскихъ, духовныхъ или свѣтскихъ, человѣка 3 или 4, въ томъ числѣ
сколько другихъ христіанскихъ религій, для соучаствованія въ совѣ-
хъ и примѣчаніяхъ философическихъ на еврейскія книги и цензуры
ыхъ». Подъ наблюденіемъ того же протектора эти книги печатались
въ типографіи при синедріонѣ. Въ довершеніе же всего протек-
ръ получилъ отъ Державина право доступа къ государю, которому
ъ одному долженъ былъ докладывать по еврейскимъ дѣламъ. Такъ
ботиться о прерогативахъ протектора Державинъ могъ, какъ намъ
ажется, лишь въ видахъ собственныхъ интересовъ, полагая самому
нять этотъ постъ!

Установленіе надзора за внутренней жизнью евреевъ было вполнѣ
тественнымъ шагомъ со стороны русскаго государственнаго человѣка,
Державинъ, очевидно, руководствовался въ данномъ случаѣ не однимъ
ображеніемъ о государственной пользѣ, но и своимъ личнымъ преду-
ѣжденіемъ противъ евреевъ; даже пролагая еврейскому населенію
уть къ будущему сближенію съ христіанами, онъ не можетъ осво-
одиться отъ недовѣрія къ нему и къ его лучшимъ представителямъ,
е можетъ отказаться отъ представленія о нихъ, какъ о зловред-
омъ народѣ. Въ одномъ мѣстѣ угрожая еврейскому обществу штра-
омъ, если выбранный патріархъ «обличится въ какихъ-либо по-
ступкахъ противъ правилъ честности и вѣрности государству», онъ

Digitized by Google

мотивируетъ эту мѣру: «сіе полагается для того, дабы всѣми сред ствами побудить евреевъ къ справедливости, вѣрности, честолюбі и отличности!». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «протек торъ неусыпно стараться долженъ, чтобъ главнаго раббин и прочихъ его сочленовъ (т. е. просвѣщеннѣйшихъ евреевъ всѣми ласкательными способами (склонить?) къ тому, дабы они какъ при рѣшеніяхъ своихъ духовнымъ дѣлъ, такъ и поученіяхъ держась правилъ кротости, человѣколюбія и прочихъ гражданскихъ добродѣтелей, распространяли въ свой народъ просвѣщеніе». Как будто все доброе и честное было чуждо еврею.

Такое представленіе о евреяхъ Державинъ составилъ себѣ от части подъ вліяніемъ самихъ же евреевъ. Бѣлорусскіе миснагиды наговорили ему много дурного о хасидахъ.

Державинъ пришелъ къ заключенію, что причина нравственнаго паденія русскихъ евреевъ таится въ ихъ искаженномъ религіозномъ ученіи и потому, подобно Фризелю, онъ хлопоталъ, чтобы какъ можно раньше удалять еврейскихъ дѣтей отъ вліянія еврейскихъ учителей. Онъ предложилъ «дѣтей еврейскихъ *до 12-ти только лѣтъ* позволить обучать въ школахъ ихъ религіи», а потомъ опредѣлять ихъ въ общія школы, въ курсъ которыхъ не входило преподаваніе еврейскихъ предметовъ. При такомъ порядкѣ общее образованіе подъ руководствомъ христіанъ распространялось бы среди евреевъ на счетъ спеціальныхъ еврейскихъ знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ еврейскія дѣти въ стѣнахъ общихъ учебныхъ заведеній вышли бы изъ подъ вліянія еврейской среды.

Натанъ Ноте присоединился къ желанію Державина сблизить евреевъ съ христіанами путемъ просвѣщенія, но не согласился съ программой Державина, и поясняя, что еврейскіе родители не станутъ посылать своихъ дѣтей въ общія школы, предложилъ, чтобы депутатскія коммиссіи учредили во всѣхъ мѣстечкахъ общественныя *еврейскія* школы, гдѣ бы преподавали русскій и иные языки; благодаря этому общее образованіе, по мысли Натана Ноте, явилось бы лишь дополненіемъ къ обычному еврейскому воспитанію и—что еще важнѣе—подростающее поколѣніе осталось бы въ религіозной атмосферѣ еврейской школы.

Такимъ образомъ различіе во взглядахъ обоихъ авторовъ на реформу заключается въ томъ, что Державинъ хотѣлъ перевоспитать еврейскихъ юношей въ общихъ школахъ съ тѣмъ, чтобы еврейскій народъ не былъ опасенъ для христіанъ при будущемъ сближеніи съ ними, а Натанъ Ноте имѣлъ въ виду дать еврейскимъ дѣтямъ такое воспитаніе въ родной средѣ, при которомъ бу-

Digitized by Google

щее общеніе съ христіанскимъ обществомъ не было бы опаснымъ я ихъ религіозныхъ убѣжденій.

Въ очеркѣ не исчерпаны всѣ заключенія, къ которымъ можетъ ривести сопоставленіе «Мнѣнія» съ другими современными документами, но и изъ приведенныхъ данныхъ видно, что эта записка разила на себѣ вліяніе русскаго, польскаго и еврейскаго элеентовъ общества; а этотъ выводъ не лишенъ извѣстнаго значенія ри разсмотрѣніи «Положенія о евреяхъ» 1804 г., въ основу коораго былъ положенъ трудъ Державина.

Ю. Гессенъ

Digitized by Google

Стансы.

(Посвящается Х. И. В.)

I.

Я вновь пишу привычною рукою,
Опять мой слухъ ласкаетъ рифмы звонъ,
Опять встаютъ въ сіяньи предо мною
Родные образы былыхъ временъ,
И мнѣ легко, какъ будто я душою
Въ источникъ грезъ чудесныхъ погруженъ,
Какъ будто вдругъ вернулась юность снова,
Чтобъ воскресить мечты и сны былого.

II.

О, молодость лазурная моя,
Какъ много ты блаженства мнѣ сулила...
Лаская взоръ, какъ вольная струя,
Меня ты въ даль безбурную манила.
И вѣрилъ я всѣмъ сердцемъ, какъ дитя,
И шелъ впередъ,—мечтами сердце жило,
И мнилось мнѣ, безумному тогда:
Ты не уйдешь вовѣки никогда.

III.

Но, какъ туманъ внезапно предъ грозою,
Исчезла ты, и я осиротѣлъ;
Все, чѣмъ я жилъ, ты унесла съ собою,
И ничего свершить я не успѣлъ...
И нынѣ я, измученный борьбою,
Одинъ влачу печальный свой удѣлъ,—

Digitized by Google

ь душѣ темно, изсякли сердца силы,
конченъ путь, я у дверей могилы.

VI.

о прежде, чѣмъ усталыя рѣсницы
межитъ мнѣ смерть костлявою рукой,
о прежде, чѣмъ унылый мракъ гробницы
акъ другъ объемлетъ прахъ холодный мой,—
, Господи!—израильской денницы
ай мнѣ узрѣть лучъ первый золотой,
тобъ, освѣтивъ Сіонскія вершины,
мнѣ привѣтъ послалъ онъ въ часъ кончины.

Х. Зинтеръ.

Digitized by Google

Враги Талмуда.

Глава изъ исторіи Талмуда.

I.

Подъ несчастной звѣздой родился талмудъ и весь вѣкъ суждено было ему испытывать всяческія гоненія. Когда еще Мишна, первая и древнѣйшая часть талмуда, не была окончательно сформирована, римляне уже издавали законы, запрещавшіе подъ страхомъ смертной казни изучать «еврейскій законъ». Ученые самоотверженно преступали этотъ запретъ и терпѣли мученическую смерть. Потомъ наступили лучшія времена, и Мишна могла быть доведена до конца. Однако дальнѣйшее изученіе ея сильно тормозилось внѣшними невзгодами. Еврейская наука нашла временное пристанище въ Вавилоніи, но и тамъ она не разъ подвергалась преслѣдованію и запрещенію. Порядкомъ таки поврежденная, съ оторванными членами, вышла она изъ Палестинскихъ и Вавилонскихъ гоненій въ видѣ дошедшихъ до насъ двухъ талмудовъ. Изъ шестидесяти трехъ трактатовъ, изучавшихся въ школахъ, Іерусалимскій талмудъ сохранилъ всего тридцать девять, а Вавилонскій тридцать семь.

Нѣкоторые ученые, правда, полагаютъ, что Палестинскій талмудъ кромѣ трактата «Нидды» никогда не имѣлъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ, и между прочимъ указываютъ въ объясненіе этого недостатка на неблагопріятныя политическія обстоятельства, мѣшавшія завершенію этого труда. Но существуетъ и такое предположеніе, что въ прежнее время Палестинскій талмудъ имѣлъ всѣ шесть отдѣловъ, изъ коихъ послѣдніе два (кромѣ трактата «Нидды») пропали, отчасти благодаря отсутствію въ Палестинѣ, вслѣдствіе гоненій, признанныхъ школъ, которыя заботились бы о сохраненіи въ цѣлости всего талмула, а отчасти вслѣдствіе конкурренціи Вавилонскаго талмуда. Но и въ самомъ Вавилонскомъ талмудѣ не достаетъ цѣлыхъ двадцати шести трактатовъ (въ первомъ и послѣднемъ отдѣлѣ сохранилось лишь по одному трактату). Такъ какъ нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе этихъ трактатовъ, то нѣкоторые ученые полагаютъ, что ихъ никогда и не существовало, съ чѣмъ, конечно, согласиться очень трудно. Отсутствіе ука-

Digitized by Google

заній, которыя бы свидѣтельствовали о существованіи этихъ трактатовъ, доказываетъ только что они пропали въ очень древнее время, ибо нельзя допустить, чтобы эти трактаты совершенно не изучались въ Вавилонскихъ школахъ; разъ на нихъ имѣется Тосефта, слѣдовательно, было о чемъ и по поводу ихъ разсуждать.

Вліятельныхъ враговъ нашелъ опредѣлившійся такимъ образомъ талмудъ въ караимахъ, заявившихъ себя сильною сектою въ VIII вѣкѣ въ Вавилоніи. Но они большого вреда ему не принесли. Отрицаніе талмуда заставило ихъ только отпасть отъ остального ядра еврейства и съ теченіемъ времени создать свой собственный талмудъ, не совсѣмъ не похожій по характеру на талмудъ, ими отвергнутый.

II.

Въ Европу талмудъ перенесенъ изъ Вавилоніи въ X вѣкѣ. Онъ нашелъ здѣсь очень благопріятную почву въ евреяхъ, счастливо жившихъ подъ арабскимъ владычествомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Собственно мартирологъ талмуда начинается съ XIII вѣка, когда о немъ узнала христіанская Европа. Это было въ разгаръ средневѣковья. Папа владычествовалъ надъ всѣмъ Западомъ. Невѣрные и еретики сотнями сожигались во славу Божію на кострахъ, сложенныхъ благочестивыми послѣдователями и истолкователями христіанства католическаго. Папскій престолъ охотно принималъ доносы на преслѣдуемыхъ, шпіоны, въ священническихъ сутанахъ и безъ оныхъ, рыскали по всей Европѣ, и чаще, чѣмъ желательно было, удостоивали своимъ посѣщеніемъ еврейскіе дома, синагоги и школы, тогда еще незапертыя въ грязномъ гетто. Грозное «слово и дѣло» раздавалось то тамъ, то здѣсь и населяло инквизиціонные застѣнки сотнями обитателей. Бѣдные отцы «св. братства» изнемогали подъ бременемъ непосильной работы судопроизводства надъ еретиками.

Съ «словомъ и дѣломъ» противъ евреевъ выступилъ ихъ же единоплеменникъ, какъ это, впрочемъ, случалось всегда съ евреями, вѣроятно, во исполненіе реченнаго черезъ пророка Исаію: «разорители и опустошители твои выйдутъ изъ тебя же». Это былъ французскій еврей, отлученный раввинами отъ синагоги за его взгляды и принявшій христіанство. Повидимому, принятіе христіанства было единственнымъ способомъ оберечь себя отъ ужасныхъ послѣдствій средневѣковаго отлученія, но Николаю Донину—таково дошедшее до насъ христіанское имя этого вѣроотступника,—мало было получить защиту католической церкви. Онъ хотѣлъ лишить своихъ прежнихъ гонителей защиты гражданскихъ законовъ, отправился въ Римъ и представилъ папѣ обширную обвинительную записку противъ евреевъ

Digitized by Google

вообще и ихъ талмуда въ частности. Это было въ 1239 году при папѣ Григоріи IX, въ царствованіе французскаго короля Людовика IX, именуемаго за преданность церкви и папскому престолу Святымъ.

Обвиненія Николая Донина, подробно изложенныя и мотивированныя въ 35-ти пунктахъ, сводились къ тому, что талмудъ извращаетъ слово Божіе, содержитъ недостойное представленіе о Божествѣ, проповѣдуетъ ненависть къ иновѣрцамъ, глумится надъ Основателемъ христіанства и что онъ единственный виновникъ неудачи миссіонерской пропаганды среди евреевъ. Давно уже занимавшая папу загадка о причинѣ упорства евреевъ въ дѣлѣ принятія христіанства, получила наконецъ ясное и простое рѣшеніе: во всемъ виноватъ талмудъ. Впрочемъ, это единственный вѣрный пунктъ во всей запискѣ Донина. Талмудъ—тотъ элементъ, который дѣйствительно сохранилъ іудаизмъ въ средніе вѣка.

Немедленно были разосланы изъ Рима къ прелатамъ Франціи Англіи, Португаліи и Испаніи тонко разсчитанныя посланія, предлагавшія ихъ въ ближайшую по полученіи приказа субботу, въ то время, когда евреи будутъ молиться въ синагогахъ, конфисковать въ ихъ домахъ всѣ экземпляры талмуда и передать ихъ доминиканцамъ на разсмотрѣніе; свѣтскимъ же властямъ означенныхъ странъ были одновременно посланы настоятельныя приглашенія оказать духовенству помощь въ этомъ святомъ дѣлѣ. Повидимому, папское посланіе было въ точности выполнено только во Франціи, тогдашній король которой недаромъ прозванъ Святымъ... Подъ страхомъ смертной казни евреи должны были выдать всѣ имѣвшіеся у нихъ экземпляры талмуда. Была назначена комисія для разсмотрѣнія этой таинственной книги. Какъ и слѣдовало ожидать, комиссія, состоявшая изъ монаховъ, очень мало смыслившихъ въ талмудѣ, высказалась противъ него, и талмуду грозило сожженіе. Чтобы спасти свое умственное и духовное достояніе, евреи рѣшились на крайнее средство. Очень дорогой цѣной имъ удалось привлечь на свою сторону одного вліятельнаго епископа, который весьма легко добился отъ короля уничтоженія приговора и возвращенія конфискованныхъ книгъ ихъ владѣльцамъ. Радости евреевъ не было предѣловъ, но увы, она была преждевременна. Какъ нарочно епископъ, расположенный къ евреямъ, умеръ внезапно отъ удара въ присутствіи короля. Въ виду такого происшествія уже не было никакого сомнѣнія, что епископа постигла кара Божія за его заступничество за талмудъ. Король самъ заинтересовался содержаніемъ таинственной книги, вызвавшей столь грозное Божье вмѣшательство, и устроилъ публичный диспутъ между Николаемъ Донинымъ и четырьмя

Digitized by Google

французскими раввинами, представителемъ которыхъ выступилъ рабби Іехіэль Парижскій.

III.

Диспутъ происходилъ въ іюнѣ 1240 г. въ королевскомъ дворцѣ, въ присутствіи всей королевской фамиліи, высшаго духовенства и аристократіи. Онъ продолжался нѣсколько дней. Въ еврейской литературѣ сохранилось подробное и, повидимому, вполнѣ правдивое описаніе этого диспута.

Сначала была оглашена обвинительная записка Донина, послѣ чего слово было предоставлено рабби Іехіэлю. Іехіэль пунктъ за пунктомъ опровергъ Донина, указавъ между прочимъ, что онъ предпринялъ обвиненіе талмуда только изъ мести къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, которые Донина презираютъ, какъ вѣроотступника, а талмудъ чтятъ очень высоко.

По поводу обвиненія талмуда въ недостойномъ ученіи о Богѣ, Іехіэль указалъ на то, что поэтическая часть талмуда не имѣетъ обязательной силы; важна только часть законоположительная. Поэтому, если въ талмудѣ встрѣчаются изреченія въ родѣ: «Господь плачетъ каждую ночь, что разрушилъ Свой Іерусалимъ и изгналъ народъ Свой» или: «Онъ хвалитъ ученыхъ, что они превзошли Его въ знаніи закона»,—то это для религіи значенія не имѣетъ, ибо понимается иносказательно.

Нѣсколько труднѣе было раввину доказать, что «гои» («язычники»), упоминаемые въ талмудѣ, не суть христіане. Его историческія познанія не простирались до пониманія того, что талмудъ составлялся въ первые вѣка христіанской эры въ Персіи, гдѣ христіанъ не было. Но ему и не нужно было прибѣгать къ историческимъ справкамъ. Въ отвѣтъ на цитаты, приведенныя Донинымъ, Іехіэль привелъ изъ того же талмуда цѣлый рядъ цитатъ о «гояхъ», гдѣ по отношенію къ послѣднимъ проповѣдуется болѣе гуманно отношеніе нежели то, какое католичество предписывало своимъ сынамъ по отношенію къ евреямъ (Іехіэль широко воспользовался предоставленной ему королемъ свободой слова). Вся суть въ томъ, что «гои» бываютъ разные. Иные поклоняются идоламъ и тѣмъ ежечасно оскорбляютъ Бога, не признаютъ никакихъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ: ихъ евреи должны презирать, къ нимъ они не должны питать чувствъ дружелюбія. Другіе же «гои» идоламъ не поклоняются и признаютъ элементарные законы человѣческаго общежитія (такъ называемые семь законовъ Ноевыхъ: не поклоняются идоламъ, не богохульствуютъ, не убиваютъ, не грабятъ, при-

Digitized by Google

знаютъ святость брака, не мучатъ животныхъ, подчиняются судамъ); этихъ «гоевъ» еврейскій законъ приравниваетъ къ евреямъ во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ, разумѣется, области еврейской религіозной практики.

Во второй день диспута слово принадлежало Донину. Онъ началъ съ того, что прочиталъ талмудическія сказанія о рожденіи и осужденіи Іисуса и отмѣтилъ, что всѣ эти талмудическія сказанія составлены много лѣтъ спустя лишь послѣ того, какъ новое ученіе нашло милліоны приверженцевъ. Можно себѣ представить, что происходило среди присутствовавшихъ на диспутѣ во дворцѣ Людовика Святого, когда они услышали въ вольномъ переводѣ Донина, что талмудъ говоритъ о Іисусѣ. Когда буря улеглась, раввинъ заявилъ, что хотя эти мѣста дѣйствительно имѣются въ талмудѣ, но они относятся не къ Основателю христіанства, а къ другому Іисусу, дѣйствительно виновному въ приписываемыхъ ему дѣяніяхъ. Доказалъ это Іехіэль безъ особаго труда. Дѣло въ томъ, что представленія талмуда о Христѣ, Богъ знаетъ откуда взятыя и во всякомъ случаѣ прошедшія сквозь призму естественнаго у раввиновъ предубѣжденія къ чужой вѣрѣ, отличаются чрезвычайной сбивчивостью. Іисусъ, о которомъ пять разъ упоминается, да и то мимоходомъ, въ талмудѣ, является современникомъ Акибы, слѣдовательно, онъ живетъ во *второмъ* вѣкѣ христіанской эры; затѣмъ умираетъ онъ не въ Іерусалимѣ, а въ Лиддѣ, что опять противорѣчитъ исторіи христіанства. Впрочемъ, Іехіэль былъ не одинъ, думавшій, что Іисусъ талмуда не тождественъ съ Іисусомъ Христомъ. Это мнѣніе раздѣлялось всей школой тосафистовъ (комментаторовъ талмуда). Нѣкоторые европейскіе ученые и понынѣ думаютъ, что разбираемыя мѣста относятся къ другому Іисусу. Но Іехіэль привелъ еще другой доводъ. Вѣдь были же и до Донина христіане, знакомые съ талмудомъ, почему же они не обвиняли его въ оскорбленіи Христа. Неужели Іеронимъ и другіе отцы церкви, не хуже Донина знавшіе талмудъ, умолчали бы объ этомъ?

На третій день диспута слово было предоставлено другому раввину, но тотъ ничего новаго къ сказанному Іехіэлемъ не прибавилъ, а только подтвердилъ его слова. Тѣмъ диспутъ и закончился.

Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая изъ спорящихъ сторонъ считала побѣду за собой. По показанію еврейскаго источника, раввины опровергли всѣ возводимыя на Талмудъ обвиненія. Но повидимому доминиканцы думали иначе и въ результатѣ черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1242 или 1244 г.) въ Парижѣ было

Digitized by Google

публично сожжено двадцать четыре воза съ рукописями талмуда*). Это было въ мѣсяцѣ Таммузѣ. Событіе это увѣковѣчено въ еврейской литургіи элегіей р. Меира изъ Ротенбурга «Шаали серуфа», донынѣ читаемой въ синагогахъ 9 Ава.

IV.

Черезъ нѣсколько лѣтъ папскій престолъ занялъ Иннокентій IV, обнаруживший болѣе гуманное отношеніе къ евреямъ. Въ 1247 г. этотъ папа издалъ буллу, въ которой обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови называется недобросовѣстнымъ. Въ этой буллѣ онъ указываетъ, что разные духовные и свѣтскіе владѣтели и дворяне грабятъ и убиваютъ евреевъ подъ ничтожными и вымышленными предлогами, что ихъ несправедливо обвиняютъ въ томъ, будто они убиваютъ къ Пасхѣ христіанскихъ дѣтей, что строжайше запрещено еврейскимъ закономъ, и что христіане съ злостными цѣлями подкидываютъ трупы въ еврейскіе дома, чтобы потомъ обвинять евреевъ въ убійствѣ. Папа требуетъ, поэтому, чтобы обращались съ евреями кротко, гуманно, чтобы ихъ не удручали ложными обвиненіями, и чтобы духовенство, владѣтельныя особы и дворянство защищали ихъ отъ несправедливости черни. Давно уже евреи не слыхали такихъ рѣчей. Этотъ самый папа, за два года предъ тѣмъ (13 января 1245 г.) издавшій грозную буллу противъ евреевъ, начинающуюся словами «Impia Judaeorum perfidia», вдругъ требуетъ человѣчности по отношенію къ этимъ же евреямъ! Обрадованные перемѣной настроенія въ Римѣ, евреи сочли моментъ удобнымъ для возвращенія своего духовнаго достоянія. Они обратились къ папѣ съ прошеніемъ о снятіи запрещенія съ талмуда, такъ какъ, говорили они, безъ него они не въ состояніи понимать библію и исполнять религіозный законъ. Для новаго изслѣдованія талмуда была образована новая комиссія, въ которой участвовалъ между прочимъ знаменитый схоластикъ Альбертусъ Магнусъ. Этотъ послѣдній былъ знакомъ съ сочиненіями еврейскихъ философовъ Израэли, Габироля и Маймонида и въ своихъ трудахъ полной рукой черпалъ изъ этихъ сочиненій, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ относиться дружелюбно къ евреямъ и ихъ талмуду: не смысля въ талмудѣ ни аза, какъ и его менѣе знаменитые коллеги по комисіи, онъ не преминулъ осудить талмудъ, какъ книгу, полную ошибокъ и невѣрія. По этому поводу нельзя не вспомнить о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Россіи въ послѣднее время, когда одинъ изъ столповъ русскаго антисемитизма издалъ въ

*) Впрочемъ, характерно, что сожженіе талмуда произошло не сейчасъ послѣ диспута: очевидно, были нѣкоторыя колебанія у самихъ судей.

Digitized by Google

Москвѣ подъ своимъ именемъ сборникъ, представляющій пошлый плагіатъ и содержащій 8 статей, дословно взятыхъ у еврея—Нордау. Можно красть еврейскія мысли и всетаки оставаться антисемитомъ!

Второй еврейскій диспутъ былъ устроенъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго (въ 1262 г.) королемъ Аррагонскимъ въ Барцелонѣ. Диспутъ этотъ имѣлъ совершенно другую цѣль: крещеный еврей по имени Павло-Христіани вздумалъ доказывать евреямъ истинность христіанскаго ученія на основаніи талмуда. Доказать это, какъ всякому легко догадаться, не особенно трудно: текстами можно все доказать, и самъ Талмудъ даетъ этому разительные примѣры. Тѣмъ болѣе можно все доказать текстами изъ талмуда, гдѣ рядомъ сопоставляются самыя противорѣчивыя мнѣнія и къ тому еще изложенныя весьма туманно и двусмысленно. Но Павло-Христіани забылъ, что тексты—оружіе обоюдоострое: ими можно все доказать, но ими же можно все опровергнуть, что на самомъ дѣлѣ и случалось. Всѣ приведенные имъ тексты въ пользу своего мнѣнія были опровергнуты такими же текстами, приведенными его противниками, и диспутъ ни къ чему не привелъ. Противники опять разошлись увѣренные каждый въ своей побѣдѣ. Но такъ какъ за спиною Павло-Христіани стояли могущественные князья католичества, то увѣренность эта привела къ одностороннему результату: была снова назначена комиссія для изслѣдованія талмуда. Теперь уже не рѣшались произносить огульное обвиненіе талмуда, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ объ истинѣ христіанства. Рѣшено только вычеркнуть изъ талмуда всѣ мѣста, противорѣчащія христіанскому ученію.

V.

Но гораздо важнѣе и печальнѣе по послѣдствіямъ были обвиненія, высказанныя противъ еврейства вообще и талмуда въ частности на диспутѣ, происходившемъ въ Тортозѣ, въ Аррагоніи подъ предсѣдательствомъ папы Бенедикта XIII. Это былъ самый грандіозный изъ средневѣковыхъ диспутовъ. Онъ длился съ февраля 1413 до ноября 1414 г. и потребовалъ восемьдесятъ шесть засѣданій. Къ этому времени полемика между христіанами и евреями по вопросамъ вѣры достигла широкаго развитія. Не довольствуясь словесными турнирами, монахи, дѣятельно, изучавшіе въ цѣляхъ миссіонерской пропаганды еврейскій и арабскій языки, выпускали одно сочиненіе за другимъ въ опроверженіе еврейскаго ученія. Евреи въ долгу не оставались и часто переходили границы обороны. На разные латинскіе «Мечи вѣры» и «Бичи евреевъ» выпускались еврейскія

Digitized by Google

Подкрѣпленія вѣры» и «Отвѣты христіанамъ». Полемическія ру писи ходили по рукамъ въ большомъ количествѣ. Диспуты устраивались во всѣхъ городахъ при чемъ представителями христіанства обыкновенно выступали крещеные евреи. Вопросы, задаваемые евреямъ, составлялись часто весьма коварно, такъ что безъ подготовки опасно было являться на диспутъ. До насъ дошло нѣсколько составленныхъ въ то время (и изданныхъ, къ слову сказать, христіанами въ обличеніе евреевъ) руководствъ для диспутантовъ: «если они тебѣ скажутъ то-то, ты отвѣчай такъ-то»—такова обычная форма этихъ сочиненій. Но какъ ни умѣло, какъ ни осторожно евреи давали свои отвѣты, диспуты далеко не всегда кончались для нихъ благополучно. Часто за ними слѣдовало избіеніе и изгнаніе евреевъ, не желавшихъ принять господствующее ученіе.

Особенно торжествовали монахи, когда въ христіанство переходилъ раввинъ или какой-нибудь выдающійся представитель еврейской общины. Эти лица осыпались отличіями и наградами и въ благодарность нерѣдко направляли свое оружіе противъ бывшихъ единовѣрцевъ. Одинъ изъ такихъ отступниковъ, Авнеръ-Альфонсо Бургундскій, въ первой половинѣ XIV в. выпустилъ противъ евреевъ цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій. Еврей Исаакъ Пульгаръ отвѣтилъ на нихъ ѣдкой эпиграммой и сочиненіемъ апологетическаго характера. Ободренный диспутомъ одного ренегата съ еврейскимъ раввиномъ въ 1375 г., кардиналъ Педро де-Люна вызвалъ на диспутъ Шемъ-Това бенъ Исаака Шапрута. Этотъ послѣдній выпустилъ въ 1380 г., апологетическое сочиненіе «Камень испытанія» и перевелъ на еврейскій языкъ Евангеліе, дабы дать возможность своимъ единовѣрцамъ черпать доводы изъ христіанскихъ книгъ, какъ христіане черпали изъ еврейскихъ.

Въ 1391 г. было первое большое гоненіе на евреевъ въ Испаніи, положившее конецъ ихъ прежнему благополучію въ этой странѣ, гдѣ, подъ владычествомъ арабовъ протекла золотая эпоха еврейской литературы. Благодаря гоненіямъ евреи перестали открыто торговать книгами талмуда и переписывать его. Число рукописей талмуда значительно уменьшилось, Въ Испаніи и Португаліи евреямъ дозволяли имѣть талмудъ только въ такихъ спискахъ, которые прошли чрезъ руки цензуры. Въ настоящее время нѣтъ ни одного экземпляра талмуда испанскаго происхожденія, такъ какъ при изгнаніи изъ Испаніи евреямъ запрещено было взять съ собою свои книги: всѣ онѣ были сожжены инквизиціей.

Вотъ какія трагическія подробности о гоненіяхъ на еврейскія книги сообщаетъ Авраамъ Саба въ предисловіи къ комментарію на книгу Руѳь: «Мнѣ несчастному пришло на мысль составить ком-

Digitized by Google

ментарій на пять мегиллотъ. Но въ это время Господь разгнѣвался на народъ Свой, и португальскіе евреи подверглись изгнанію по приказу Мануэля, да сотрется имя его. Онъ приказалъ отобрать у насъ всѣ книги во всемъ его царствѣ, послѣ того какъ забрали сыновей, дочерей и синагоги. Вслѣдствіе такого приказа я оставилъ всѣ свои книги въ городѣ Опорто и съ опасностью для жизни привезъ съ собою въ Лиссабонъ только комментаріи на Тору, на трактатъ Авотъ и на пять мегиллотъ, а также еще въ молодости составленное мною сочиненіе о законахъ.

«Не успѣлъ я устроиться въ Лиссабонѣ, какъ ко мнѣ прибѣжали евреи говоря: изданъ указъ, гласящій, что всякій еврей, у котораго найдется какая нибудь еврейская книга или тефилинъ, будетъ казненъ. Тогда я вышелъ за городъ вмѣстѣ съ двумя евреями и закопалъ свои книги подъ масличнымъ деревомъ, что̀ недалеко отъ гостинницы. Дерево это названо мною «Древомъ плача», потому что подъ нимъ зарыто мое послѣднее сокровище въ мірѣ, единственное мое утѣшеніе послѣ того, какъ испанцы насильно обратили моихъ двухъ сыновей».

Въ то время какъ массы насильно крещенныхъ евреевъ втайнѣ тяготѣли къ своей прежней вѣрѣ, крестившіеся добровольно были одержимы неофитскимъ усердіемъ и старались всячески навязать прежнимъ единовѣрцамъ свою новую вѣру. Особенно много зла надѣлалъ евреямъ, изъ горячаго усердія во славу католичества бывшій раввинъ, а послѣ крещенія достигшій епископскаго сана, Павелъ Бургундскій. Противъ его полемическихъ писаній направлено ядовитое посланіе его бывшаго ученика Іошуи Лоркви, посланіе, въ которомъ католическая догма подвергается суровой критикѣ, и гдѣ доказывается, что еврей не можетъ принять христіанства изъ убѣжденія. Читая это горячее посланіе должно признать психологической невозможностью, чтобы авторъ его когда нибудь самъ принялъ христіанство и въ своемъ новомъ званіи сталъ бичемъ для своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ невозможное случилось. Всѣ указанія говорятъ за то, что этотъ Іошуа Лоркви тождественъ съ Джеронимомъ де-Санта-Фе, выступившимъ противъ еврейскаго ученія и талмуда на упомянутомъ диспутѣ 1413—1414 года въ Тортозѣ. Между прочимъ Джеронимо былъ первый изъ враговъ іудейства, который сталъ обвинять еврейскую религію въ потворствѣ клятвопреступничеству, основываясь на формулѣ Колъ Нидре, читаемой наканунѣ Іомъ Киппура. Какъ извѣстно, этой формулой объявляются ничтожными всѣ обѣты, имѣющіе быть положенными въ теченіи наступающаго года, даже такіе обѣты, которые выражены словами «шевуа» (клятва): напримѣръ: «клянусь, что не буду ѣсть»

Digitized by Google

нареканіе Джеронима показываетъ, сколько злобнаго, нестѣсняю-
тося въ средствахъ усердія внесено этимъ апостатомъ въ дѣло
ащенія его прежнихъ единовѣрцевъ, такъ какъ трудно предпо-
кить, чтобы онъ не зналъ истиннаго значенія формулы Колъ
дре. Диспутъ Джеронима не имѣлъ для евреевъ печальныхъ по-
дствій только потому, что устроившій его папа былъ низложенъ.
Не удивительно поэтому, что въ первое десятилѣтіе послѣ откры-
я еврейскаго книгопечатанія 1474—1484 [1]) были напечатаны раз-
ія книги, но среди нихъ нѣтъ ни одного трактата талмуда. Къ
чатанію талмуда приступлено лишь въ 1484 г. и работа под-
галась очень медленно. До 1520 года, слѣдовательно—въ теченіе
6 лѣтъ, напечатано лишь двадцать пять трактатовъ. Это объяс-
ется тѣмъ, что указъ о сожженіи талмуда не былъ еще отмѣненъ,
тя успѣлъ уже забыться. Повидимому, печатаніе, какъ и продажа
напечатанныхъ экземпляровъ, производилась негласно, чтобы не вы-
вать доносовъ. Вообще гоненіе на талмудъ, всегда печально от-
вавшееся на обладателяхъ его, сильно понизило интересъ евреевъ
ь этой книгѣ, отлично впрочемъ замѣнявшейся разными кодексами
агадическими сборниками, гдѣ весь талмудъ изложенъ въ систе-
атическомъ порядкѣ. Этимъ объясняется фактъ загадочнаго для
ныхъ изслѣдователей пренебреженія къ талмуду со стороны пер-
ыхъ типографовъ, а слѣдовательно и читающей публики. Цѣлыя
околѣнія воспитывались безъ талмуда, такъ какъ талмудъ не могъ
мѣть сбыта въ странахъ наиболѣе просвѣщенныхъ въ еврейской
аукѣ. Поэтому, его сравнительно мало печатали даже въ Турціи,
е знавшей ни папскаго вліянія, ни инквизиціонной цензуры, и не
реписывали его въ Польшѣ и Германіи, гдѣ талмудъ запрещенъ
е былъ. Маймонидъ, Альфаси и Четыре Тура и Мидрашимъ успѣшно
онкурировали съ талмудомъ.

VI.

Всѣ эти диспуты—ничто въ сравненіи съ той знаменитой борь-
бой по поводу талмуда, которая возгорѣлась въ XVI в. въ Герма-
ніи и которая удивительнымъ образомъ стала одной изъ первыхъ
ричинъ или, точнѣе поводовъ, реформаціоннаго движенія.

Дѣло началось съ доноса на талмудъ со стороны выкреста Іоанна
Пфеферкорна, человѣка съ очень темнымъ прошлымъ. По науще-
нію кельнскихъ доминиканцевъ и снабженный отъ нихъ вліятельными
рекомендаціями, Пфеферкорнъ обратился въ 1509 году къ импе-

[1]) Первая еврейская книга, Туръ Іоре Деа, закончена печатаніемъ 30 іюля
1474 г. въ Феррарѣ.

Digitized by Google

ратору Максимиліану съ предложеніемъ подвергнуть просмотру
еврейскія книги, обращающіяся въ имперіи, и уничтожить вредн
для христіанства. Императоръ предложилъ Майнцскому архіепископ
собрать отзывы о талмудѣ отъ нѣмецкихъ университетовъ и особе
у прославленнаго тогда ученаго, гуманиста Рейхлина, знакомаго
съ еврейскимъ языкомъ.

Изъ всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ мнѣній отзывъ Р
хлина дѣйствительно наиболѣе интересный. Рейхлинъ говоритъ
немъ слѣдующее:

«Еврейская литература состоитъ изъ множества отдѣловъ.
жетъ быть, въ отдѣлѣ поэзіи, басенъ, сатиры и имѣются напа
на христіанство, но этотъ отдѣлъ особеннаго значенія для евре
не имѣетъ. Сожженіе такихъ книгъ, буде въ нихъ нападки дѣйст
тельно окажутся, можно только рекомендовать. За то другія евр
скія книги весьма полезны. Отдѣлъ библейскихъ комментаріевъ
обходимъ для христіанскихъ богослововъ. Все, что написано л
шаго о Ветхомъ Завѣтѣ, заимствовано изъ еврейскихъ книгъ.
если исключить изъ знаменитаго комментарія Николая Лиры в
что онъ взялъ у еврейскаго комментатора Раши, то почти ни
не останется. Каббалистическія сочиненія тоже весьма полезны
христіанства. Что касается собственно талмуда, то онъ, Рейхли
въ этомъ сочиненіи понимаетъ очень мало, но онъ знаетъ люд
еще менѣе его понимающихъ талмудъ, и всетаки осуждающихъ е
Между тѣмъ, талмудъ вовсе не таковъ, чтобы всякій дуракъ м
свободно обсуждать его». Свой отзывъ Рейхлинъ заключаетъ прак
ческимъ совѣтомъ: въ каждомъ университетѣ открыть двѣ каѳед
еврейскаго языка и раввинской литературы; на этомъ пути ев
постепенно обратятся въ христіанство.

На основаніи этого, столь авторитетнаго отзыва императоръ п
казалъ возвратить уже отобранныя было доминиканцами у евре
книги ихъ владѣльцамъ. Доминиканцы не могли переварить так
афронта и выпустили ядовитый памфлетъ противъ евреевъ и б
то бы подкупленнаго ими Рейхлина. Рейхлинъ и его друзья не ос
лись въ долгу, и возгорѣлась чернильная война. Общественное м
ніе, впервые обнаружившееся тогда въ Европѣ, было на сторо
гуманистовъ, которые, съ Ульрихомъ Фонъ-Гутенъ во главѣ, п
славляли оболганнаго монахами Рейхлина въ прозѣ и стихахъ.
1515 г. появились знаменитыя «Письма темныхъ людей», жест
изобличавшія кельнскихъ доминиканцевъ. Вся Европа хохота
читая эту остроумную и ѣдкую сатиру, клеймящую яркими краск
невѣжество, низость и безнравственность не по достоинству забр
шихъ огромную власть монаховъ. Черезъ два года Мартинъ Л

Digitized by Google

ъ началъ дѣло реформаціи, а въ 1523 году Лютеръ выпустилъ
е сочиненіе, озаглавленное «Что Христосъ былъ родомъ еврей»
)ass Christus ein geborenr Jude sei»), сочиненіе, въ которомъ
, предлагаетъ, въ противность католикамъ, обращаться съ евреями,
ъ съ братьями, оказывать имъ христіанскую любовь, защищать
, и дозволять имъ жить и работать повсемѣстно.

Между тѣмъ интересъ къ талмуду возросъ чрезвычайно. Импе-
оръ Максимиліанъ поручилъ своему лейбъ-медику, крещеному
ею по имени Ricius, перевести талмудъ на латинскій языкъ:
ператору захотѣлось узнать, о чемъ собственно идетъ рѣчь въ
й книгѣ, которую онъ чуть было не осудилъ. Риціусъ перевелъ
1519 г. три трактата: Мишну Берахотъ, Сангедринъ и Макотъ,
акже отрывки изъ вавилонской гемары къ Сангедринъ. Даже
ѣ Льву X стало стыдно за гоненія на талмудъ и онъ не только
лъ съ него запрещеніе, но выразилъ желаніе увидѣть талмудъ
печатаннымъ. Тогда извѣстный венеціанскій типографъ, христіа-
нъ Даніилъ Бомбергъ, приступилъ въ 1520 г. къ печатанію ва-
лонскаго талмуда; черезъ нѣсколько лѣтъ имъ же напечатанъ и
ерусалимскій талмудъ. Изданія эти, дошедшія до насъ въ нѣскол-
кихъ десяткахъ экземпляровъ, снабжены охранительными привилле-
ми папы.

Изданіе Бомберга — первое полное изданіе талмуда, такъ на-
ываемая editio princeps. Весь талмудъ вавилонскій былъ законченъ
3 года (1520—1524) и съ внѣшней стороны не оставляетъ же-
ть лучшаго. Цензурныхъ помарокъ въ немъ почти нѣтъ (между
мъ печатавшіеся до этого отдѣльные трактаты талмуда печатались
цензурованныхъ рукописей) и единственный недостатокъ его—гро-
дное количество опечатокъ, особенно въ комментаріяхъ, что легко
ъясняется спѣшностью работы и тѣмъ, что наборщики были не
ѣи. Очевидно, спросъ былъ громадный, такъ какъ черезъ пять
ъ (1528—1531) Бомбергъ приступилъ ко второму изданію талмуда,
едставляющему дословную перепечатку съ перваго, безъ исправ-
нія старыхъ ошибокъ и съ прибавленіемъ новыхъ.

Но и этими двумя изданіями спросъ не былъ удовлетворенъ. Въ
46 г. стало выходить въ Венеціи же новое изданіе талмуда съ
ѣе строгой корректурой. Это было изданіе Марка Антонія Юсти-
ана (Марко Антоніо Джустиніани), также христіанина. Это изда-
, дѣйствительно корректное, пользовалось прекрасной репутаціей,
къ что позднѣйшіе издатели, чтобы расхвалить свой товаръ, пе-
тали на титулахъ: «перепечатано съ изданія Юстиніана», хотя этого
самомъ дѣлѣ не было. Изданіе Юстиніана замѣчательно еще
мъ, что благодаря ему установилась разъ навсегда пагинація тал-

Digitized by Google

муда. Дѣло въ томъ, что къ изданію Юстиніана приложенъ ук
тель параллельныхъ мѣстъ (*Масоретъ ha-шасъ*) по страницамъ
рого Бомбергскаго изданія. Для того, чтобы указатель имѣлъ смы
Юстиніанъ долженъ былъ сохранить Бомбергскую пагинацію, а т
какъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ талмуда этотъ указатель пере
чатывался безъ измѣненій, то вездѣ должно было сохранить ту
пагинацію. Скоро всѣ комментаторы и авторы различныхъ сочине
стали цитировать талмудъ по Юстиніановской пагинаціи, и таки
образомъ она дошла неизмѣненной до нашего времени.

Въ 1548 г. Бомбергъ приступилъ къ третьему изданію талму
такъ что всего въ теченіи 30 лѣтъ вышло четыре изданія. Талму
быстро распространился по Италіи и городамъ Востока, наход
шимся въ сношеніяхъ съ Венеціей, а также въ Германіи и Поль

VII.

Но увы, быстро и безповоротно промчались счастливые дни та
муда. Вслѣдствіе доноса, поступившаго къ папѣ отъ трехъ отсту
никовъ, изъ коихъ одного звали Соломонъ Романо (онъ приходил
внукомъ знаменитому грамматику Иліи Левитѣ), будто бы талму
содержитъ оскорбленія христіанской религіи, папа Юлій III изда
указъ о сожженіи талмуда и агадическихъ сочиненій. Сожженіе эти
книгъ произошло въ Римѣ 9 сентября 1553 года, какъ разъ въ де
еврейскаго новолѣтія на Campo di Fiore, на томъ самомъ мѣст
гдѣ полвѣка спустя погибъ на кострѣ Джордано Бруно.

Вслѣдъ за этимъ, 12 сентября, послѣдовалъ папскій эдиктъ, в
которомъ предлагается всѣмъ владѣтельнымъ особамъ, епископам
и инквизиторамъ повсюду конфисковать и сжигать талмудъ, как
іерусалимскій такъ и вавилонскій, евреевъ заставить выдать таковы
книги, христіанамъ запретить, подъ страхомъ отлученія, читать э
книги или просто держать ихъ у себя или даже помогать евреям
совѣтомъ или дѣломъ при перепискѣ или печатаніи оныхъ. Евре
были въ отчаяніи. Интересъ къ талмуду за тридцать лѣтъ у них
снова поднялся и спросъ на него былъ громадный. Неудивительно
что лишь только умеръ Юліанъ III, какъ евреи обратились къ новом
папѣ, Павлу IV, съ мольбой возвратить имъ ихъ литературное до
стояніе. Но судьба зло подшутила надъ евреями. Въ отвѣтъ на их
прошеніе папа выпустилъ новую буллу, въ которой значилось:

«Такъ какъ не только въ талмудѣ, но и въ другихъ еврейских
книгахъ, содержатся оскорбленія христіанской религіи, то всѣм
еврейскимъ общинамъ приказывается подъ страхомъ смертной каз
выдать всѣ имѣющіяся у нихъ книги въ четырехмѣсячный срокъ

Digitized by Google

Такимъ образомъ конфискаціи и сожженію подверглись всѣ ев-
ейскія книги. По показанію лѣтописца, евреямъ приходилось молиться
езъ молитвенниковъ.

Нужно знать еврейскій бытъ, чтобы понять всю невозможность
акого порядка вещей, по которому евреи оставлены безъ книгъ.
ъ отчаянія евреи рѣшились на крайнее средство: собрали по всей
таліи значительную сумму денегъ и стали «агитировать» въ Вати-
анѣ, чтобы имъ позволили держать свои книги. Повидимому, въ
твѣтъ на эту агитацію, въ 1559 г. «еврейскій талмудъ со всѣми
лоссами примѣчаніями, толкованіями и изложеніями его» попалъ
ъ индексъ запрещенныхъ книгъ, а главному инквизитору подтвер-
дено было выслѣдить и сжечь талмудическія книги. Новыя ауто
а фе еврейскихъ книгъ послѣдовали въ Миланѣ и Кремонѣ, и въ
воемъ донесеніи объ этихъ богоугодныхъ дѣлахъ папскій чиновникъ
вастаетъ, что сжегъ двѣнадцать тысячъ еврейскихъ книгъ. Дѣя-
тельное участіе въ этомъ гоненіи на еврейскія книги принималъ
другой внукъ Иліи Левиты, Витторіо Эліано, старшій братъ упомя-
утаго Соломона Романо. Въ это время прекратила свое существо-
ваніе «Большая Ешива» р. Іосифа Оттоленги, и сильно уменьши-
лось количество экземпляровъ талмуда, не только въ Италіи. но и
ъ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ евреи отнюдь не были га-
рантированы отъ такихъ же книжныхъ ауто да фе и сопряженныхъ
ъ ними непріятностей.

Только отъ преемника Павла евреи добились болѣе благопріят-
аго отвѣта. Въ 1564 г. папа разрѣшилъ печатать талмудъ, но съ
ѣмъ, чтобы онъ назывался не «талмудъ» а гемара или шасъ,
чтобы были исключены всѣ мѣста, вычеркнутыя цензурой. Еврей-
кая литература знаетъ нѣсколько сочиненій, печатаніе которыхъ
апрещалось подъ однимъ заглавіемъ, но дозволялось подъ другимъ.
то весьма характерно для тогдашней цензуры, которая больше
мотрѣла на заглавія, чѣмъ на содержаніе. Что касается цензуры
ли какъ тогда выражались «чистки» (purificatio, expurgatio) еврей-
кихъ книгъ, то она доставила инквизиціи не мало хлопотъ. Для
просмотра талмуда была назначена комисія, труды которой довольно
едро оплачивались деньгами изъ еврейскихъ общественныхъ суммъ.
Въ эту комисію вошли четыре человѣка, изъ коихъ двое были кре-
щеные евреи. «Чистильщики» горячо принялись за «чистку». Инкви-
иція выработала цѣлый очистительный кодексъ, «Codex purificationis»,
ъ которомъ преподаны правила для руководства «чистильщиковъ».
Послѣдніе вообще не отличались особенной эрудиціей, какъ можно
удить по ихъ безграмотнымъ подписямъ, доселѣ сохранившимся на
ревнихъ рукописяхъ. «Чистка» обыкновенно состояла въ томъ, что

Digitized by Google

изъ коментаріевъ вычеркивалось слово «христіанинъ», хотя бы н чего зазорнаго въ данномъ мѣстѣ не было, а отъ пропуска этого сло цѣлое предложеніе теряло всякій смыслъ; если въ текстѣ стояло сло «гой», его замѣняли изобрѣтеннымъ самими цензорами словом «акумъ» (звѣздопоклонникъ) или словомъ «кути» (самаритянинъ такія слова какъ «царство», «народы міра», «враги», «Римъ «римляне» и еще нѣкоторыя, совершенно безобидныя, прямо выбр сывались изъ текста и ничѣмъ не замѣнялись. Можно себѣ пре ставить, что за безтолочь получилась вмѣсто талмудическаго текст и сколько труда доставляли эти изданія учителямъ при прохожден съ учениками талмуда.

VIII.

Интересъ христіанъ къ талмуду въ Германіи держался на одинак вой высотѣ въ теченіи всего XVI и первой половины XVII в. Благодар интересу къ древностямъ вообще и тому подъему научной любознатель ности, которымъ ознаменовало себя реформаціонное движеніе, изучен еврейскаго языка и еврейской литературы было весьма распространено Протестантскіе, а по примѣру ихъ и католическіе, богословы считали дол гомъ знакомиться съ этими предметами. Сохранились латинскіе перево ды цѣлыхъ талмудическихъ трактатовъ, представленные молодыми уче ными въ качествѣ магистерскихъ диссертацій. Изученіе талмуд было у христіанскихъ ученыхъ не цѣлью, а средствомъ. По талмуд они знакомились съ еврейской археологіей, съ ново-еврейскимъ арамейскимъ языками, съ талмудическимъ толкованіемъ Священна Писанія и съ талмудической діалектикой. Все это считалось необхо димымъ для правильнаго пониманія Ветхаго и Новаго Завѣта, осо бенно посланій апостола Павла. Изъ христіанскихъ знатоковъ тал муда, въ XVII в. особенно извѣстенъ французъ Ришаръ Симон авторъ «Критической исторіи Ветхаго Завѣта» (Парижъ, 1678) Когда одинъ крещеный еврей, Христіанъ Герсонъ, издалъ книжк противъ талмуда, выдержавшую до конца XVII в. шесть изданій Ришаръ Симонъ отвѣтилъ ему въ своихъ «Lettres choisies», указав на то, что Герсонъ ввелъ въ заблужденіе своихъ читателей игро словъ и буквальнымъ пониманіемъ талмудическихъ аллегорій.

Не всѣ ученые относились къ талмуду доброжелательно какъ к источнику цѣнныхъ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣній. Нѣкоторые занимались выуживаніемъ изъ талмуда такихъ мѣстъ которыя могутъ быть поставлены въ укоръ евреямъ. Особенно про славился въ этомъ отношеніи гейдельбергскій профессоръ Эйзенмен герръ, напечатавшій въ 1700 г. книгу подъ заглавіемъ «Разобла ченное еврейство». (Entdecktes Judentum, oder Bericht wie die Juden

Digitized by Google

is Christenthm... lästern»). Книга надѣлала много шуму. Узнавъ о ея держаніи и боясь, что она вызоветъ погромъ, нѣкоторые франкфурт-ie евреи предлагали автору за необнародованіе этого сочиненія 00 талеровъ (по другимъ свѣдѣніямъ, 12000 гульденовъ). Когда ізенменгеръ отклонилъ это предложеніе, евреи обратились съ жа-бой къ австрійскому императору, въ которой указали на возможныя слѣдствія этой книги, и все изданіе было конфисковано по импе-торскому указу. Въ пику императору король Фридрихъ I Прусскій ечаталъ эту книгу на свой счетъ въ Кенигсбергѣ въ 1711 г. и дарилъ все изданіе наслѣдникамъ Эйзенменгера. Все, что только жно было извлечь изъ талмуда и истолковать въ неблагопріятномъ я евреевъ смыслѣ, все, что когда либо и гдѣ либо еврейскіе ѣные писали противъ христіанъ,—все это было собрано воедино, реведено на нѣмецкій языкъ и снабжено объясненіями. Впечат-ѣніе получилось громадное. 196 еврейскихъ сочиненій были прочи-аны и использованы Эйзенменгеромъ для «Разоблаченнаго Еврейства». стина заключается въ томъ, что Эйзенменгеръ былъ лишенъ здра-аго критическаго взгляда. Онъ не могъ простить еврейскимъ уче-ымъ, жившимъ за полторы тысячи лѣтъ до него, ихъ мнѣній, не-ыгодныхъ для иновѣрцевъ-язычниковъ, съ которыми тѣмъ прихо-илось сталкиваться. Онъ не могъ простить испанскимъ изгнанни-амъ, съ которыми такъ безчеловѣчно поступили ихъ христіанскіе отечественники, невыгодныхъ взглядовъ на католичество, пред-тавители котораго отнюдь не могли внушить имъ высокаго понятія ъ этой религіи. А между тѣмъ, если бы онъ вспомнилъ, какъ зображаются евреи и ихъ ученіе хотя бы въ сочиненіяхъ совре-енныхъ ему христіанскихъ богослововъ, онъ бы, можетъ быть, на-елъ кое-какія извиненія и для евреевъ. Кромѣ того Эйзенменгеръ другіе антисемиты, обвиняющіе евреевъ въ нетерпимости на ос-ованіи литературныхъ памятниковъ, забываютъ, что на ряду съ нѣніями, дышащими вполнѣ соотвѣтствующей эпохѣ нетерпимостью, мѣются мнѣнія совершенно противоположнаго характера. Весь во-росъ въ томъ, когда и гдѣ жилъ данный ученый. Если онъ жилъ ь Испаніи въ концѣ XV в., когда не было той гнусности, ко-орой бы себѣ не позволили надъ безотвѣтными евреями господст-ующіе католики, то трудно ожидать, чтобы онъ считалъ католиче-тво самой совершенной религіей въ мірѣ.

Эйзенменгеръ убилъ интересъ къ талмуду у христіанскихъ ченыхъ, и XVIII в. не можетъ указать ни одного христіа-ина, который бы зналъ талмудъ. Сочиненія противъ евреевъ, ыходившія въ это время, питались исключительно Эйзенменгеромъ. олько въ XIX в., благодаря возрастанію антисемитизма, снова об-

Digitized by Google

ращено вниманіе на талмудъ, но уже съ совершенно иной цѣлью: въ нетерпимости талмуда къ язычникамъ антисемиты ищутъ оправданія своей нетерпимости къ евреямъ, вытекающей изъ причинъ экономическаго и соціальнаго характера, ничего общаго съ еврейскимъ ученіемъ не имѣющихъ.

Сильнаго врага имѣлъ талмудъ въ пражскомъ профессорѣ Рорингѣ, который въ своей книгѣ «Еврей по Талмуду» («Der Talmudjude») выбралъ изъ сочиненія Эйзенменгера наиболѣе рѣзкія мѣста. Противъ Ролинга выступилъ христіанскій же ученый, профессоръ Деличъ, который въ сочиненіи «Rohlings Talmudjude» доказалъ невѣжество Ролинга и его сознательное искаженіе текстовъ. Талмудомъ заинтересовались. Нѣкоторые ученые, какъ Нельдеке, Вюнше, Штракъ, спаціально посвятили себя изученію этого памятника еврейской литературы. Евреи стали усиленно разрабатывать и переводить талмудъ на европейскіе языки. Трудами ихъ въ настоящее время болѣе половины Талмуда уже имѣется на европейскихъ языкахъ, имѣется изрядное количество подготовительныхъ сочиненій (словарей, грамматикъ, хрестоматій), такъ что христіанамъ предоставлена полная возможность самостоятельно знакомиться съ этимъ памятникомъ и провѣрять распускаемые про него слухи.

Конечно, это самое благоразумное и дѣйствительное рѣшеніе вопроса. Когда талмудъ потеряетъ свою таинственность и будетъ открытъ для всѣхъ, отойдутъ въ область исторіи явленія, увы—еще доселѣ нерѣдкія въ Европѣ, что люди, ни строчки не понимающіе въ талмудѣ, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ себѣ цѣлью жизни выставлять талмудъ распространителемъ грубыхъ и безнравственныхъ ученій и на этомъ основаніи направлять на евреевъ дикую чернь; люди, отъ роду не видавшіе ни одного экземпляра талмуда, тѣмъ не менѣе приводятъ изъ него цитаты нерѣдко даже съ указаніемъ не существующихъ трактатовъ и страницъ, очевидно расчитывая на безпомощность публики и невозможность провѣрки ихъ утвержденій.

IX.

Россія оставалась какъ то вдали отъ антиталмудическаго движенія, и здѣсь нельзя указать ни одного болѣе или менѣе извѣстнаго хотя бы съ отрицательной стороны имени. Только Лютостанскій, человѣкъ глубоко невѣжественный, какъ то незамѣтно скрывшійся послѣ шума, поднятаго его сочиненіемъ «Талмудъ и Евреи», вызвалъ въ свое время нѣкоторую сенсацію, но русская публика скоро раскусила, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, убѣжденная серьезными разоблаченіями Минора, Хвольсона и другихъ. Теперь ни одинъ

Digitized by Google

русскій цублицистъ, даже изъ тѣхъ, которые считаютъ всѣ средства дозволенными, когда рѣчь идетъ о евреяхъ, не позволитъ себѣ цитировать Лютостанскаго. Еще менѣе извѣстенъ въ публикѣ предшественникъ Лютостанскаго—Скрипицынъ, котораго уничтожилъ и свелъ на нѣтъ проф. Хвольсонъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». Не большее значеніе имѣлъ Диминскій, лживость котораго такъ основательно доказана русской критикой, что самъ издатель его книги «Евреи и ихъ вѣроученіе» (І. Ясинскій) впослѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе о евреяхъ. Совсѣмъ уже ничтожно вліяніе такихъ блѣдныхъ «враговъ Талмуда», какъ Пятковскій, Быковъ, Туганъ-Барановскій (Тембе) и проч., сгруппировавшіеся въ журналѣ «Наблюдатель»: ихъ круглое невѣжество и лживость такъ очевидны для всякаго безпристрастнаго человѣка, что евреямъ не приходится даже серьезно опровергать ихъ...

Н. Переферковичъ.

Digitized by Google

Диночка пріѣхала.

Разсказъ.

I.

— Слышали новость? Диночка пріѣзжаетъ!

— Какъ-же! Какъ-же! Вотъ интересно!

— Кто это Диночка?—спросилъ докторъ Горвицъ, живущій въ Танскѣ только два года.

Общество выразило удивленіе, что докторъ ничего не слыхалъ о Диночкѣ.

— Это потому, что вы бука, нигдѣ не бываете, корпите все надъ своими книжками!—заявила ему одна изъ дѣвицъ.

— Какъ-же не знать Диночку!—резюмировала хозяйка общіе возгласы, раздавшіеся въ залѣ.—Дина была наша краса, наша достопримѣчательность.

Однако она не стала разсказывать о Диночкѣ, потому что дамы, овладѣвшія разговоромъ, сосредоточились на другой сторонѣ дѣла.

— То-то, надо думать задастъ она шику!

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ одѣваются столичныя щеголихи!...

Дина выросла въ Танскѣ у своихъ родителей. Отецъ ея ребъ Мойше Аронштамъ—состоятельный купецъ, пользовавшійся въ своей средѣ извѣстнымъ уваженіемъ, имѣлъ двухъ-этажный домъ, большую мануфактурную торговлю, и все въ немъ, начиная съ благообразнаго лица, свидѣтельствовало о солидности и достаткѣ. Но при внушительной внѣшности онъ былъ однако кротокъ какъ ягненокъ, и жена его, Марья Давидовна, женщина худенькая и нервная, была глава въ домѣ.

Родители души не чаяли въ своемъ единственномъ дѣтищѣ. Весь лексиконъ ласкательныхъ словъ безпрестанно пускался въ ходъ по ея адресу, а если Диночка топала ножкой, выражая деспотическую

Digitized by Google

волю свою, то всѣ въ домѣ безпрекословно ей подчинялись. Папенька, устраненный отъ вліянія на домашнія дѣла, просилъ объ одномъ, чтобы дѣвочку воспитывали въ добрыхъ еврейскихъ нравахъ, «въ вѣрѣ и разумѣ»—какъ онъ выражался. Но Марья Давидовна, уступавшая ему иногда въ религіозныхъ вопросахъ, рѣшительно отказывалась воспитывать дочь по стариному. И она воспитывала дѣвочку своеобразно. Всѣ ея помыслы были сосредоточены на томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать свою дочку свѣтской дѣвицей, дабы она могла называться mademoiselle, слыть за богатую невѣсту, а затѣмъ стать женою солиднаго коммерсанта, вродѣ почтеннаго Саула Абрамовича, откормленнаго барина и умѣлаго дѣльца. Правда, Саулъ Абрамовичъ немножко смѣшонъ со своей тяжелой цѣпочкой на брюшкѣ и множествомъ колецъ на пальцахъ. Но онъ прекрасно устраиваетъ свои дѣла, и конечно можетъ предоставить своей женѣ всѣ удобства жизни. Къ тому же онъ явно расположенъ къ Диночкѣ. Жаль, что онъ не молодъ. Какое счастье было бы для Диночки выйти за такого человѣка, только помоложе. Она еще мала, ей пошелъ только двѣнадцатый годокъ, она не понимаетъ ничего, но ея нѣжная родительница уже теперь вводитъ свою дочку въ кругъ своихъ сокровенныхъ мыслей. У Диночки головка работаетъ сильно, обнаруживая подчасъ не дѣтскую уже зрѣлость. Воспитываетъ ее гувернантка, сентиментальная нѣмка, а наукамъ обучаютъ ее приходящіе педагоги. Она уже недурно говоритъ по-нѣмецки, изрядно знаетъ по русски, скоро приступитъ и къ французскому. Кто-то спросилъ, учатъ ли ее по еврейски. Конечно, нѣтъ. Въ свѣтѣ это не требуется. Довольно того, что домъ ведется по еврейски, и Дина привыкаетъ исполнять всѣ еврейскіе обычаи. Мать съ гордостью думаетъ, что она воспитываетъ свою дѣвочку образцово, и ея дочка выростаетъ вполнѣ благовоспитанной барышней и будетъ счастлива.

Между тѣмъ время летитъ. Проходитъ годъ—другой. Ожиданія матери сбываются. Диночка пользуется всеобщимъ вниманіемъ. Ей пятнадцать лѣтъ, но она уже сформировавшаяся барышня. Положеніе стало серьезнѣе. Шутка-ли, надо вывести дочку въ свѣтъ. Общество, особенно женское, должно будетъ считаться съ этимъ новымъ членомъ. Диночка начнетъ бывоть на вечерахъ, концертахъ и балахъ. Новая соперница для красавицъ, молоденькая, правда, но очень сильная. И надо признаться, что Диночка цвѣтетъ, какъ майская роза. Ей-ли не плѣнять сердца влюбчивыхъ мужчинъ. У маменьки духъ захватываетъ отъ волненія при мысли о грядущихъ успѣхахъ дочурки, она улыбается и мечтами уносится въ заманчивую даль.

Кругозоръ Диночки все болѣе и болѣе расширяется подъ благо-

Digitized by Google

дѣтельнымъ вліяніемъ мамаши. Она уже научилась искусству—х
рошо проводить свое время. Вѣдь въ этомъ весь смыслъ жизни.

Дину водятъ въ театръ, на который у нея уже сложился вполн
правильный взглядъ. Въ обществѣ надо говорить о большомъ во
питательномъ значеніи театра, о высокомъ эстетическомъ наслажд
ніи, которое онъ доставляетъ,—да, такъ надо говорить, но совсѣм
не въ этомъ дѣло. Театръ существуетъ для встрѣчъ. Тамъ надо се
показать и на людей посмотрѣть. Надо умѣть хорошо одѣваться д
театра. Это трудно, много труднѣе, чѣмъ одѣться на балъ.

Такова все болѣе и болѣе хорошѣющая Диночка, весело прибли
жающаяся къ восхитительному возрасту, къ семнадцати годамъ. «Ах
семнадцать лѣтъ!». Вотъ, когда начинается настоящая жизнь, та, к
которой она готовилась. «Поскорѣе бы кончился этотъ годъ, поскорѣ
бы настали новые дни неизвѣданнаго еще веселья!»

Наконецъ, желанный моментъ насталъ.

Въ среднихъ числахъ іюня 189... Диночкѣ исполнилось семнад
цать лѣтъ. Какой торжественностью вѣяло отъ ея милой матушки въ
этотъ день!

А Дина Моисеевна—кто смѣетъ теперь называть ее иначе, какъ
Дина Моисеевна—блаженствуетъ.

Былъ заданъ блестящій вечеръ, на которомъ среди прочихъ го
стей фигурировали Саулъ Абрамовичъ и разные молодые люди, мило
одѣтые. Дина Моисеевна съ нѣкоторыми танцовала, отвѣчала улы
бочками на ихъ усердные комплименты, обворожила всѣхъ присут
ствующихъ своимъ тонкимъ обращеніемъ, въ которомъ видна была
хорошая школа. До самаго почти утра затянулось празднество. Квар
тира Аронштамовъ начала пустѣть лишь съ первыми лучами восходя
щаго солнца.

Вечеръ отличался такимъ оживленіемъ и былъ такъ удаченъ во
всѣхъ отношеніяхъ, что обыватели провинціальнаго города долго еще
говорили о немъ и пророчили Динѣ Моисеевнѣ счастливую будущ
ность, то есть—богатаго жениха.

Не особенно весело стало дѣвицамъ. Маменьки имъ только и го
ворили, что вотъ-де Диночка умѣетъ себя держать, а онѣ не умѣютъ.
Диночку многіе родители начали ставить въ примѣръ своимъ доче
рямъ. Банкиръ Эліасбергъ настойчиво рекомендовалъ своей дочкѣ
почаще бывать у Ароншгамовъ. Богатый торговецъ желѣзомъ, ку
пецъ Хаимовичъ, устраивалъ своей дочкѣ сцены за то, что она без
прерывно учится, много читаетъ. «Что проку въ томъ? Нынѣшній
свѣтъ, новѣйшая мода, требуетъ, чтобы знали всего понемножку,
вотъ какъ Дина, напримѣръ: ее занимаютъ и новости литературы,
и благотворительность, и танцы, и театръ, она не провинціальная

Digitized by Google

дура, она—развитая свѣтская барышня». Во всѣхъ домахъ у дѣвицъ происходили столкновенія съ родителями. А у Дины Моисеевны съ матерью полный миръ и во всемъ согласіе. Она, хотя не столь послушна, какъ дочь Хаймовича, но къ чему механическое послушаніе, когда она во всемъ мыслитъ такъ, какъ ея мамаша.

Репутація Диночки такъ упрочилась въ еврейскомъ обществѣ Танска, что нѣкоторые сваты рѣшили предложить Марьѣ Давидовнѣ выгодную партію для дочери. Но это не такъ то легко. Долго думали сваты да додумались.

— Есть! — многозначительно произнесъ самый главный сватъ, Landschadchen, на совѣщаніи съ коллегою.—Есть, есть! какая прекрасная идея! Вотъ женихъ, какъ будто для нея и рожденъ.

Ребъ Авромъ Сутъ—такъ назывался главный сватъ—отправился къ мадамъ Аронштамъ. Та приняла его не то, чтобы очень радушно, но съ нѣкоторымъ вниманіемъ, и при напускномъ спокойствіи она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала, что онъ скажетъ.

— У меня есть для вашей дочери женихъ. Первый сортъ, кое что особенное. Богатый человѣкъ большой купецъ, изъ отличной фамиліи, красивый мужчина, добрая душа. Зовутъ его—Штерсонъ. Можете навести о немъ справки гдѣ захотите, его вездѣ знаютъ. Вы услышите самыя лучшія мнѣнія. Онъ вполнѣ достоинъ самой лучшей невѣсты, какая только можетъ быть среди израильскихъ дочерей. Я хочу сказать, онъ достоинъ вашей дочери.

Маменька таяла. Вотъ какъ цѣнятъ ея Диночку! Она слушала сладкозвучную рѣчь ребъ Аврома и обѣщала принять все къ свѣдѣнію. И только; принять къ свѣдѣнію—и не больше, потому что Диночка еще такъ молода...

Ребъ Авромъ, довольный началомъ, отправился бродить по улицамъ и соображать.

Родительница Дины Моисеевны тоже занялась соображеніями, результатомъ которыхъ явилось рѣшеніе—немедленно же навести справки о женихѣ. Она отправилась къ одному знакомому Штерсона, дипломатически повела разговоръ и получила, что ей было нужно. Отзывы были блестящіе. Группируя ихъ, она нашла, что онъ подходящая партія, но не совсѣмъ. Онъ хорошій человѣкъ, но не очень богатъ. Надобно поискать болѣе состоятельнаго, настоящаго дѣльца. Диночка должна жить счастливо, то есть—богато! Возвращаясь домой, она встрѣтила ребъ Аврома, который, должно быть, слѣдилъ за нею. Она въ довольно дипломатической формѣ (къ чести маменьки надо признать за ней это искусство) сказала ему, что его кандидатъ не плохъ, но что желательно что нибудь получше, побогаче, крупный купецъ, дѣлецъ! Ребъ Авромъ, человѣкъ очень услужливый, сталъ увѣрять

Digitized by Google

madame Аронштамъ, что онъ и самъ уже сообразилъ это, и старается уже, а если онъ, Landschadchen, съ такимъ рвеніемъ берется за дѣло то madame можетъ на него положиться.

Марья Давидовна выслушала его съ достоинствомъ и заявила ем на прощанье, что хотя ея дочь еще очень молода, однако ея дом для него открытъ. Ребъ Авромъ опять запѣлъ ей гимнъ какъ мудрой домоправительницѣ и ушелъ въ хорошемъ настроеніи.

II.

Когда Марья Давидовна вернулась домой, Дина была не одна. У ней сидѣли дѣвицы, которыхъ называли ея подругами, хотя у ней друзей между дѣвицами не было. Маменька порывалась разсказать дочуркѣ о визитѣ шадхена и о своемъ рѣшеніи. Она нетерпѣливо жевала шоколадъ, косо поглядывая на входившихъ новыхъ гостей—молодыхъ людей. Дина вообще принимаетъ въ залѣ, а иногда въ своей хорошенькой, уютно обставленной комнатѣ. Теперь всѣ были въ залѣ. Разговоры шли оживленные—о погодѣ, новыхъ модахъ, о герояхъ и героиняхъ популярныхъ романовъ, иногда прицѣплялись сюда и городскія сплетни, что вполнѣ естественно въ провинціи. Но мамаша не могла больше ждать. Она шепнула дочери, чтобы она отправилась въ свою комнату.

Дина Моисеевна мило и разсѣянно извинилась передъ своими гостями и пошла выслушать маму. Та передала ей весь разговоръ съ ребъ Авромомъ, прикрасивъ его нѣсколько дополненіями собственнаго измышленія. Дина, видимо, серьезно слушала свою родительницу, даже справилась, красивъ-ли онъ, богатъ-ли, танцуетъ-ли и т. п. Отвѣты маменьки были удовлетворительные.

— Но ты, золото мое,—прибавила она,—достойна еще большаго счастья, и потому я и велѣла свату искать еще болѣе подходящаго!

Дина Моисеевна выслушала разсказъ, мечтательно склонивъ головку, и безъ словъ поцѣловала маму въ щеку. Та зардѣлась отъ удовольствія, напомнила дочери объ оставленныхъ ею гостяхъ. Дина, вторично поблагодаривъ маму, съ обворожительной улыбкой на устахъ вернулась къ своимъ гостямъ, не выдавъ ни однимъ движеніемъ, что ей сообщено нѣчто важное.

Тѣмъ временемъ пришли новые гости. Теперь, кажется, уже всѣ въ сборѣ: Саулъ Абрамовичъ, двѣ подруги, два молодыхъ человѣка, одинъ кузенъ, да еще два студента — первокурсники и одинъ постарше — медикъ пятокурсникъ. Перескакивая съ одного предмета на другой, общество незамѣтно добралось до общественныхъ дѣлъ, затѣмъ разговоръ, по иниціативѣ одного юнаго студента, вдругъ перешелъ на сіонизмъ.

Digitized by Google

Саулъ Абрамовичъ запротестовалъ.

— Оставьте этотъ сіонизмъ,—сказалъ онъ рѣшительно,—изъ-за него ично спорятъ. Выдумали переселять всѣхъ евреевъ въ Палестину.— чѣмъ намъ переселеніе? Намъ здѣсь, хоть не хорошо, но и не удо, а со временемъ будетъ и хорошо.

— Сіонизмъ — миражъ. Въ страну нашихъ праотцевъ насъ ни-кими калачами не заманишь,—произнесъ одинъ изъ молодыхъ юдей весьма авторитетно,—Да, пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ.

— Это не еврейское изреченіе.—конфузливо проговорилъ моло-нькій студентъ. Но на него накинулись всѣ, и онъ умолкъ.

— Глубоко ошибаются евреи, несогласные съ идеей сіонизма,— другъ произнесъ мягкимъ баритономъ старшій студентъ, Якобсонъ, Дина на него взглянула какъ-то особенно. Она что-то хотѣла просить, но ее прервали.

— Поговоримте лучше о завтрашнемъ маскарадѣ,—предложила адемуазель Хаимовичъ, которой давно наскучили диспуты о неин-ересномъ предметѣ.—Къ чему намъ говорить о еврействѣ, пусть нимаются этимъ тѣ, кому это интересно. Я думаю одѣться завтра имской матроной. Мы условимся, какъ другъ-друга узнать.

Пріѣзжіе студенты переглядывались, слушая свѣтскіе раз-оворы, затѣмъ откланялись и ушли. Долго еще толковали дѣ-ицы о подробностяхъ маскарада, но часы пробили 12, и пріятная есѣда была прервана.

Оставшись одна, Дина Моисеевна подошла къ зеркалу посмо-рѣть на себя. Она осталась довольна собою. Пріятная улыбка егла на ея красивыя губки, которыя тихо прошептали:

— И такъ, Диночка, тебя уже добиваются. Но не торопись! Іомеръ первый—въ тиражъ, и Богъ съ нимъ!

Весело и пріятно провела Диночка маскарадный вечеръ. Она ыла царицей бала. Хотя она была въ маскѣ, но за нею сильно хаживали, прельщаясь ея граціозной фигуркой. Она весело интри-овала мужчинъ и на слѣдующій день съ хохотомъ разсказывала ъ этомъ маменькѣ, которая, слушая о ея маскарадныхъ похожде-іяхъ, таяла отъ блаженства.

— Это хорошо,—говорила она ей тихо, поучительно,—всегда ты удешь первой, повелѣвающей. Твои шансы все увеличиваются, частливица моя!

Тѣмъ временемъ не дремавшій ребъ Авромъ, чуя хорошій кушъ, амѣтилъ себѣ цѣлую кучу всякихъ достойныхъ жениховъ и счелъ олгомъ черезъ два мѣсяца снова явиться къ мадамъ Аронштамъ.

Маменька на этотъ разъ не могла сохранить свое наружное покойствіе. У нея блестѣли глаза отъ волненія. Онъ объяснилъ,

Digitized by Google

съ чѣмъ пришелъ. Имъ остались довольны, и ему предложено бы
явиться за отвѣтомъ спустя 4—5 дней. Вторично увѣривъ, что и
руководятъ единственно уваженіе и благоговѣніе передъ красавиц
Диной Моисеевной, онъ, пожелавъ маменькѣ всего хорошаго, ушел
Сватъ предложилъ извѣстнаго коммерсанта, недавно разведшагося
женой, человѣка богатаго, свѣтскаго, молодого, симпатичнаго, и
множко бонъ-вивана, словомъ, пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Марья Давидовна, поразмысливъ хорошенько, пришла къ вы
воду, что это и есть въ самомъ дѣлѣ заслуженное ея дочер
счастье, и лично за себя согласилась уже на эту партію. Особен
ей нравилось это «немножко бонъ-виванъ». Значитъ, у него ест
то, что Саулъ Абрамовичъ называетъ «savoir-vivre», съ нимъ
скучно. «Я полагаю, что моя Дина послушается меня»,—думал
мамаша.

Она пригласила дочь въ гостиную, встрѣтила ее сколь воз
можно торжественно, справилась у нея, въ удовольствіяхъ-л
проводитъ свое время, и стала говорить о тѣхъ трудностяхъ, каки
ей выпадаютъ въ ея стремленіи обезпечить свою дочку ненагляд
ную довольной и веселой жизнью. Но слава Богу, ея старанія н
пропадаютъ даромъ. Счастье само идетъ на встрѣчу Диночкѣ. Е
стоитъ только согласиться, и она—полновластная повелительниц
человѣка, съ которымъ она будетъ счастлива.

— Тебѣ,—прибавила она,—будутъ всѣ завидовать. Понимаешь
какъ это хорошо, когда тебѣ всѣ завидуютъ? На-дняхъ устроим
свиданіе, а затѣмъ и свадьбу. О, свадьбу мы устроимъ такую, чтоб
долго гремѣла въ нашемъ городѣ и во всей округѣ.

И вдругъ—неожиданность: Диночка любитъ другого! Да. Дин
Моисеевна разсѣянно слушала рѣчь своей мамеиьки. Мысли е
были далеко. Она любитъ Якобсона; она это сказала матери ко
ротко и рѣшительно.

III.

Какъ это случилось? Она сама удивляется. Черезъ два дн
послѣ маскараднаго бала она на вечерней прогулкѣ въ саду встрѣ
тила Якобсона и спросила его, въ чемъ заключается сіонизмъ,
которомъ такъ много говорятъ. Онъ выпалилъ:

— Зачѣмъ вамъ? Вамъ весело безъ идей, и будьте себѣ весе
ленькая.

Дина обидѣлась.

— Вы полагаете, я кисейная барышня, я ни о чемъ не думаю
Можетъ быть, я мало понимаю, но это потому, что мнѣ не объ

Digitized by Google

сняютъ. Я не хочу быть оранжерейнымъ цвѣткомъ. Научите, объясните, и вы увидите...

Она сильно волновалась. Густой румянецъ разлился по ея щекамъ, въ глазахъ блеснулъ огонекъ. Якобсонъ залюбовался на нее.

— Простите меня, Дина Моисеевна, я никакъ не могъ подозрѣвать, чтобы вы, съ вашей безпечной веселостью, интересовались судьбами еврейства, нашими надеждами и мечтами.

— По вашему я не еврейка? Пусть такъ. Но я хочу быть еврейкой. Сдѣлайте меня серьезнымъ человѣкомъ! Слышите? Я даже не прошу васъ объ этомъ, а требую. Вы обязаны...

Но Якобсонъ не заставилъ себя дольше упрашивать. Они прошли въ боковую аллею, гдѣ не было гуляющихъ, усѣлись тамъ на скамейкѣ подъ вѣтвистымъ старымъ дубомъ. И тутъ Якобсонъ сталъ объяснять сущность новаго движенія.

— Рабами были мы,—говорилъ онъ,—рабами остались мы. Насъ унижаютъ, а мы не протестуемъ, намъ плюютъ въ лицо, а мы говоримъ: ахъ, роса небесная! Мы перестали уважать себя, вотъ почему насъ другіе не уважаютъ. Намъ надо возродиться, намъ надо увѣровать въ себя, въ свои силы, чтобы снова стать народомъ, достойнымъ счастья...

И онъ объяснилъ ей, что проповѣдывалъ Смоленскій, Пинскеръ, изложилъ ей всю «Автоэмансипацію», говорилъ о мелкой палестинской колонизаціи и о грандіозномъ планѣ Герцля, о предстоящемъ конгрессѣ въ Базелѣ.

Сумерки давно уже сгустились надъ ними, а Якобсонъ все говорилъ о возвращеніи въ Палестину, о возрожденіи еврейства. Динѣ казалось новымъ не только то, что онъ ей говорилъ, но и самый фактъ, что можно увлекаться общими народными интересами, а не личными только дѣлами. Она слушала въ нѣмомъ восторгѣ. Многое казалось ей неяснымъ, но эта неясность еще увеличивала прелесть рѣчи.

А пока Якобсонъ говорилъ о любви къ народу, въ вѣтвяхъ стараго дуба заливался соловей, напѣвая старую и вѣчно юную пѣсню о другой любви.

Съ этого вечера между Якобсономъ и Диною укрѣпились добрыя товарищескія отношенія. Онъ носилъ ей книги сіонистскаго содержанія, разсказывалъ ей новости объ организаціи новаго движенія. Они часто садились на свою любимую скамейку подъ старымъ дубомъ. Она съ жадностью ловила каждое его слово. Однажды онъ ей сообщилъ подъ секретомъ, что онъ устроилъ въ Танскѣ сіонистскій кружокъ, въ который поступило уже сорокъ человѣкъ. Онъ написалъ

Digitized by Google

объ этомъ въ Вѣну и получилъ отвѣтъ, подписанный самимъ Гер лемъ. Ему поручаютъ организовать пропаганду въ цѣломъ раіонѣ

— Вы герой!—восторженно прошептала Дина.

— Какой тамъ герой! Я чернорабочій. Такихъ какъ я—сотни скоро будутъ тысячи. Мы какъ муравьи будемъ работать каждый своемъ уголку. Мы будемъ тормошить народъ, будить его, учить е учить—прежде всего. Мы заведемъ для него школы, субботнія, вече нія, простыя, устроимъ для него чтенія, библіотечки, будемъ укрѣ лять его умственно, физически, нравственно. Будемъ говорить ему великомъ прошломъ, рисовать великую будущность. О, онъ увѣрует въ себя. А когда онъ захочетъ,—понимаете-ли?—самъ захочетъ за жить новой жизнью, онъ воспрянетъ и, вооруженный европейским знаніемъ и внутренней силой, онъ пойдетъ туда, гдѣ ему назначен удѣлъ самой исторіей... Дина Моисеевна! Почему вы не любите на шего народа? Онъ такъ несчастенъ, онъ такъ нуждается въ помощи въ сочувствіи. Полюбите его, начните работать для него.

— Я не умѣю, я ничего не знаю.

— Напротивъ! Вы можете открыть школу, хоть для дѣвочекъ учить ихъ грамотѣ, читать имъ полезныя книжки... Дайте мнѣ слово что вы постараетесь это сдѣлать! Вѣдь я скоро уѣду.

— Какъ, вы уѣзжаете?

— Конечно, меня шлютъ на пропаганду. Это мой священнѣйшій долгъ...

У Дины сердце защемило. Она теперь только почувствовала, чт онъ ей дорогъ. И онъ понялъ, что горячее чувство, которое он питаетъ къ этой удивительной дѣвушкѣ, нашло себѣ откликъ въ е сердцѣ.

Они оба молчали. А соловей на старомъ дубѣ заливался на вс лады, разсѣкая тьму южной августовской ночи своими дивным трелями.

Якобсонъ тихо произнесъ:

— Вотъ, я уѣду, и вы здѣсь вса забудете, все, все...

— Клянусь вамъ, что ничего не забуду.

Она подала ему руку. Онъ нѣжно сжалъ ее. Дина не сопро тивлялась.

И снова молчаніе. Они сидѣли въ оцѣпенѣніи, охваченные чи стыми стремленіями къ великой работѣ и смутной жаждой любви.

Дина прошептала: пора домой! Они поднялись и пошли рядомъ Всю дорогу они не проронили ни слова. На прощанье она сказала

— Вы будете мнѣ писать, Натанъ?

— Непремѣнно, Дина. Прощайте.

Digitized by Google

IV.

Все это вспоминала Дина въ то время, когда маменька распи-кала ей доблести новаго кандидата, предложеннаго ребъ-Авромомъ. на слушала разсѣянно и даже зѣвнула. Маменька удивлялась, и торивъ вкратцѣ все, ею сказанное, спросила наконецъ:

— Ну, что же, красотка моя? Согласна ты?

— Нѣтъ, мама, не согласна.

— Почему же, дочурка моя дорогая? Почему же, ненаглядная?

— Потому что... потому что... я люблю другого!

Марья Давидовна вскричала:

— Какъ, ты, моя умница, при твоемъ тактѣ, твоей выдержкѣ, ты обилась?...

— Не влюбилась, мамочка, а люблю.

— Кого-же? Кого-же это? Скажи...

— Что-же, мамочка, и скажу: я люблю Якобсона!

Марья Давидовна всплеснула руками.

— Этого черномазаго, этого нищаго-студента? Вѣдь онъ сынъ ителишки!

Дина молчала.

— Что-же, ты за него хочешь замужъ? За другого не пойдешь?

Дина не отвѣчала.

— Что же ты молчишь? Говори, говори все, убей свою старую ть, которая всю жизнь свою только о тебѣ думала. Всѣ мысли ь были только о тебѣ, о твоемъ счастьи. Говори-же, говори...

— Не теперь, мамочка, другой разъ. Я устала...

— Ты устала? Но ты, кажется, сегодня не особенно много хо-ла. Вчера не было ни бала, ни спектакля.

— Я не теперь устала, я вообще устала, душой устала... Ма-чка, дорогая, отложи разговоръ...

Марья Давидовна посмотрѣла на дочь и, ничего не говоря, пошла свою комнату. Тамъ съ нею произошло то, чего не случалось е двадцать лѣтъ, со дня выхода замужъ,—она разрыдалась.

Она всю ночь не сомкнула глазъ, припоминала всю жизнь Ди-чки, разбирала ея характеръ и твердила: «нѣтъ, это невозможно!» ожетъ быть, чтобы ея дочурка, которой съ раннихъ лѣтъ сис-матически внушались трезвые взгляды, вдругъ стала сентимен-тальной, взбалмошной дѣвчонкой.

«Нѣтъ, увлеченіе пройдетъ, пройдетъ! Не надо только раздражать вочку, не надо ей противорѣчить. Все обойдется»...

Марья Давидовна уснула только подъ утро, а когда она просну-ась въ одиннадцатомъ часу, Дины уже не было дома.

Digitized by Google

Дина бѣгала по городу хлопотать о школѣ. На первыхъ же ш
гахъ она наткнулась на непредвидѣнныя препятствія. Она узнал
что для устройства школы требуется особое разрѣшеніе, что ей на
подать прошеніе и представить документы и дипломъ. Какіе так
документы и гдѣ ихъ взять? Особенно этотъ «дипломъ»? Она ниг
не кончила курса, и никакихъ дипломовъ у нея нѣтъ. Она чувств
вала себя безпомощной безъ Якобсона. А онъ уѣхалъ. Что дѣлат
Она возвратилась домой уже вечеромъ, измученная и раздраженна
День прошелъ безплодно. Единственный результатъ, добытый ею в
этотъ день, касался ея будущихъ ученицъ. Она видѣла много бѣ
ныхъ еврейскихъ дѣвочекъ, которыя на вопросъ ея, хотятъ-ли он
учиться, отвѣчали что онѣ давно этого желаютъ. Да, учениць будет
много. Но какія онѣ всѣ оборванныя, грязныя. Непремѣнно над
будетъ завести форменное платье для нихъ. Изъ какой бы матеріи
Надо простенькую, недорогую, но красивую, съ бѣлыми передниками
Нѣтъ, съ синими будетъ лучше...

И Диночка задумалась о томъ, въ какихъ платьицахъ и перед
никахъ будутъ ходить ея ученицы.

На слѣдующій день Диночка снова сходила кое куда, чтоб
узнать, какъ ей быть. Ее запугивали формальностями, и въ отчаяні
она рѣшила не предпринимать ничего до полученія письма отъ На
тана, который, конечно, разъяснитъ ей все какъ слѣдуетъ. Вскор
пришло желанное письмо. Натанъ писалъ, что ему приходится мног
работать, но что дѣло его идетъ успѣшно; онъ побывалъ уже в
двухъ городишкахъ и устроилъ тамъ кружки. Въ письмѣ лежал
нѣсколько вырѣзокъ изъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ говорилос
о грандіозномъ планѣ д-ра Герцля, и Натанъ просилъ передат
ихъ предсѣдателю танскаго кружка. Дина много разъ перечи
тывала письмо и чувствовала себя неудовлетворенной, даже обижен
ной. Ее огорчило, что Натанъ не писалъ ей о любви, ни слова, н
намека. «Ну, ладно, сказала она про себя,—ça viendra!», и рѣшил
пойти къ предсѣдателю кружка. Тотъ оказался бѣднымъ мастером
часовщикомъ, очень горячимъ сіонистомъ, но мало развитымъ чело
вѣкомъ. Онъ сильно конфузился въ разговорѣ со свѣтской барышне
и на всѣ ея вопросы отвѣчалъ: «Это надо Натана Григорьевича
спросить, онъ все знаетъ». Она написала Натану.

Тотъ отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что не надо боятьс
препятствій, что терпѣньемъ можно все преодолѣть, и далъ ей спи
сокъ книгъ, по которымъ надо готовиться къ экзамену на домашню
учительницу. «Опять ни звука о любви»—подумала Дина. Она ку
пила книги и стала ихъ зубрить, но у ней какъ то дѣло не клен
лось. Затѣмъ пришло еще одно письмо отъ Натана. Онъ разсказы-

Digitized by Google

ъ о своихъ новыхъ успѣхахъ по организаціи и извѣщалъ, что е не заѣдетъ въ Танскъ, а отправится въ университетскій городъ, къ какъ скоро начнутся лекціи, да къ тому же надо заблаговре-мно запастись уроками. При словѣ «уроки» Дина вспомнила о дной обстановкѣ мастерской предсѣдателя кружка и о жалкомъ дѣ дѣвочекъ, намѣченныхъ для школы. Ей стало жутко...

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Дина собиралась отправиться о обычнымъ своимъ дѣламъ хлопотать объ экзаменѣ и о школѣ, о ей помѣшала портниха, явившаяся съ новыми журналами и об-разцами матеріи для наступающаго осенняго сезона. Дина нехотя сталась дома, но провела съ ней все утро. А къ завтраку пришла адемуазель Хаимовичъ, съ которой надо было посидѣть и поболтать. о же съ нѣкоторыми варіаціями повторилось и въ слѣдующіе дни.

Маменька внимательно слѣдила за поведеніемъ Дины, за ея отно-шеніями къ подругамъ, и удивлялась, не замѣчая особыхъ перемѣнъ. «Что это: выдержка и скрытность или же отказъ отъ фантазіи и возвращеніе къ старому?»—спрашивала себя Марья Давидовна и въ надеждѣ на лучшее устраивала такъ, чтобы Дина была все время занята обществомъ или заботами о туалетахъ. Она даже сама затѣяла шум-ную поѣздку за городъ и радовалась, видя, какъ Диночка искренно веселится. «И слава Богу».

V.

Черезъ три мѣсяца, въ одно прекрасное ноябрьское утро, при-шелъ ребъ Авромъ съ новымъ предложеніемъ. Его новый кандидатъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ выше прежнихъ. Но перечисляя его достоинства, ребъ Авромъ произнесъ слово, которое подѣйствовало прямо магически. Это слово—«Петербургъ». Да, г. Кагановскій—петербуржецъ, первогильдейный купецъ, ведущій торговлю на ши-рокую ногу, по столичному. Онъ вдовъ, молодъ, красивъ, силенъ, весельчакъ. Онъ теперь какъ разъ въ Танскѣ.

Марья Давидовна рѣшила дѣйствовать наскокомъ. Ничего не говоря Динѣ, она просила привести Кагановскаго въ домъ. Затѣмъ маменька попросила свою дочку быть готовой черезъ два дня къ свиданію съ петербургскимъ молодымъ человѣкомъ, и тотчасъ ушла «отдохнуть послѣ обѣда». Дина Моисеевна порхнула въ свою ком-нату и задумалась.

Приближались уже сумерки зимняго дня, снѣгъ рѣзко бросалъ свѣтъ въ окна, на небѣ кой-гдѣ стали появляться звѣзды, обликъ луны въ видѣ маленькаго полумѣсяца, блѣднѣя, разростался все болѣе. Наконецъ наступилъ вечеръ. Дина Моисеевна, прислонившись го-ловкой къ окну своей комнаты, наблюдала перемѣну въ природѣ.

Digitized by Google

Она сопоставляла ее съ собой самой, которую теперь тоже ждетъ перемѣна. Принять ли ей предложеніе?

Она любитъ Натана, но вѣдь любимый ею человѣкъ еще студентъ и притомъ бѣднякъ, не можетъ ее обезпечить. Да и вся жизнь съ нимъ не обѣщаетъ ничего кромѣ бѣдности и труда. Маменька желаетъ ей добра и счастья. Не даромъ же мама плачетъ и убивается. Такъ раздумываетъ Дина Моисеевна, взвѣшивая всѣ обстоятельства.

Въ комнатѣ ея темно. Она любитъ иногда посидѣть въ темнотѣ посумерничать. И она замечталась о Петербургѣ. Тамъ все, что есть въ Россіи сильнаго, красиваго, талантливаго, богатаго. Тамъ только и можно жить человѣку со вкусомъ и стремленіями.

Ни къ чему опредѣленному она не приходитъ, но, скрѣпя сердце, рѣшаетъ, что она выйдетъ къ новому гостю.

Черезъ два дня гостиная ихъ приняла праздничный видъ. Маменька постаралась обо всемъ. Въ столовой различныя рѣдкости гастрономіи. Въ комнатѣ и тепло и свѣтло. Къ семи часамъ ребъ Авромъ прилетѣлъ доложить, что «они» будутъ къ восьми часамъ. Подкрѣпивъ себя на всякій случай, онъ поспѣшилъ ускользнуть, чтобы на слѣдующій день придти узнать о рѣшеніи. Если оно благопріятно для него, то онъ заработалъ нѣсколько сотъ рублей.

Въ 8 часовъ звонокъ извѣстилъ о приходѣ гостя. Въ комнату вошелъ щеголевато одѣтый мужчина лѣтъ тридцати пяти, солиднаго вида. Спустя пять минутъ появилась и Дина Моисеевна въ «простенькомъ» черномъ платьѣ, которое замѣчательно шло къ ней.

Господинъ Кагановскій какъ то особенно расшаркался передъ Диной Моисеевной. Онъ сталъ говорить о впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ въ Танскѣ. Говорилъ онъ гладко, умно, подчасъ чуть-чуть насмѣшливо, характеризуя встрѣченныхъ имъ кое-гдѣ красавицъ и тонко подчеркивая, что она не похожа на другихъ. Дина Моисеевна, вошедшая немного растерянною, скоро оправилась. Ей очень льстило, что она видимо нравится столичному дѣльцу, который, конечно, видалъ виды. О своей петербургской жизни онъ говорилъ: «Что-жъ, работы много, но мы себя не изнуряемъ. Любимъ иногда и поразвлечься,—знаете, театры, журфиксы, балы—все это у насъ повседневное явленіе». Громадное дѣло въ Петербургѣ обезпечиваетъ полную всякихъ радостей жизнь ему и семьѣ, если у него такая будетъ.—Почему же онъ до сихъ поръ не женился? — Ахъ, онъ боится столичныхъ барышенъ. Въ такомъ центрѣ, какъ Питеръ, такъ легко попасть въ обманъ.

Черезъ недѣлю Дина согласилась составить счастье Исаака Семеновича Кагановскаго. Свадьба была назначена черезъ два мѣсяца.

Digitized by Google

се это время Дина Моисеевна была какъ въ чаду, готовясь къ адьбѣ.

Исаакъ Семеновичъ уѣхалъ на время домой и каждый день пиалъ ей восторженныя письма. Онъ готовитъ квартиру-игрушечку стойную такой жемчужины, какъ его Дина. День свадьбы между мъ приближался. Кагановскій пріѣхалъ за недѣлю до свадьбы и ривезъ цѣлый тюкъ изящныхъ дорогихъ подарковъ. Свадьбу ыиграли на славу. Нѣсколько тысячъ поглотила она, но за то о ей долго еще говорили въ Танскѣ.

Молодые погостили у маменьки около недѣли и укатили въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ молодыхъ ждала уютная квартира съ шикарной бстановкой на одной изъ лучшихъ улицъ столицы. Все обнаруживало богатство и заботливость Исаака Семеновича. Молодая г-жа Кагановская терялась въ выраженіяхъ своего восхищенія. Все ею найденное превзошло самыя смѣлыя ея ожиданія. Питеръ съ его Невскимъ и Морскою, съ его Гостинымъ дворомъ—вѣчной всемірной выставкой всего дорогого и изящнаго, съ его театрами, балами совсѣмъ увлекъ танскую барышню.

Цѣлые дни обозрѣвала она, безпорядочно, не уясняя себѣ ничего, достопримѣчательности города, — затѣмъ она набросилась на театры, стала усердной посѣтительницей оперы. Она завязала обширный кругъ знакомствъ. Она искала веселья, баловъ, готовясь къ нимъ цѣлые дни. «Сегодняшній день провела въ гостяхъ, завтра принимаемъ у себя»—писала она родителямъ.

Черезъ годъ у ней родился ребенокъ, котораго она передала на попеченіе мамки. «Въ Питерѣ всѣ свѣтскія барыни такъ дѣлаютъ» Но она каждый день заглядывала въ дѣтскую.

Страстное желаніе жить, бурная жажда наслажденій охватывали ту среду, въ которой вращались Кагановскіе, и овладѣли всѣмъ ея существомъ до болѣзненности. Окруженная поклонниками, витая въ сферѣ тонкихъ удовольствій, она считала себя счастливѣйшей изъ смертныхъ.

Еще годъ пронесся для Дины въ вихрѣ столичной жизни. Зимній сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Она стала чувствовать утомленіе, замѣтно худѣла, въ лицѣ ея появилась блѣдность, истома, но это придавало ей прелесть и пикантность. Врачи рекомендовали ей осторожность, особенно послѣ того, какъ она, простудившись на балу, стала по временамъ кашлять. Но она говорила, что чувствуетъ себя прекрасно. Родители давно просили Дину пріѣхать къ нимъ погостить, но мужъ ее все не отпускалъ. Теперь онъ далъ согласіе, при томъ безъ новыхъ напоминаній объ этомъ. Динѣ ка

Digitized by Google

залось даже, что мужъ торопитъ ее съ отъѣздомъ; «дома поправишься»— говоритъ, — окрѣпнешь». Дина нисколько не скучала по Танску. На долго она не хотѣла бы ѣхать туда, но на короткое время почему же не поѣхать, — подразнить танскихъ барынь столичнымъ шикомъ, повидаться съ мамашей, показать ей внука. Она предупредила родителей письмомъ, которое тотчасъ облетѣло весь Танскъ.

VI.

Ну, вотъ, Диночка и пріѣхала.

Марья Давидовна всплеснула руками, увидя дочь. Худая, блѣдная, съ впалыми щеками и глубокими синими кругами подъ глазами, Дина произвела на нее впечатлѣніе больного человѣка. Начались ахи до охи. Но Дина успокаивала родныхъ.

— Помилуйте, я здорова какъ рыбка. Я только устала съ дороги, да кажется простудилась въ вагонѣ.

— Да и ребенокъ у тебя заморышъ! Бѣдняжечка. Но какой онъ красавчикъ! Давидушка, миленькій! Тебя обижали, кушать не давали? Мы тебя откормимъ!

И бабушка начала теребить своего внука. Дина въ свою очередь находила, что мать выглядитъ нехорошо, а отецъ сильно постарѣлъ.

— Да, милая,—сказала ей Марья Давидовна,— тяжеленько намъ приходится. Дѣла отца сильно разстроены. Прежде нашъ магазинъ былъ лучшій въ городѣ, а теперь новые пооткрывались, и все шикарные, и продаютъ они все дешево, кто ихъ знаетъ, какъ это только умудряются. А твоему отцу за ними не угнаться. Къ тому же теперь всѣмъ вообще трудно. Всѣ какъ есть нуждаются. Кто уже разорился, кто на пути къ этому. Весь Танскъ обнищалъ. Кредита никакого. Бывало прежде, если нужно тысячъ пять и болѣе—всѣ банки даютъ, только бери. А теперь подъ лучшіе векселя даютъ гроши. Приходится брать у частныхъ лицъ. Знаешь,—прибавила она тихо,—домишка нашъ заложенъ. Да... Трудненько намъ приходится, такъ трудно, что не знаешь, какъ и обернуться. Но это пустяки. Много ли намъ старикамъ надо! Была бы ты счастлива,— вотъ все о чемъ я молю Бога.

Вѣсть о пріѣздѣ Дины быстро распространилась по городу, и домъ Ароштамовъ началъ осаждаться любопытными дѣвицами и дамами изъ числа прежнихъ подругъ Дины. Онѣ влетали какъ птички и чирикали на разные лады: «Ахъ, душечка! Я на минуточку, только взглянуть на тебя!» Раздавались поцѣлуи и восклицанія. Всѣ восхищались ея элегантной фигурой, туалетами, манерами. Она от-

Digitized by Google

рывисто разсказывала имъ о Петербургѣ и его прелестяхъ, онѣ слушали съ восторгомъ, приглашали Дину къ себѣ къ обѣду, къ чаю. Ей объявили, что на слѣдующей недѣлѣ устроятъ въ честь ея вечеринку.

Дина чувствовала себя здѣсь довольно сносно. Странно ей казалось въ домѣ съ наступленіемъ субботы, когда, послѣ обстоятельной чистки и мытья, накрытъ былъ большой столъ, и на немъ поставлены восемь свѣчей въ наслѣдственныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Мать, одѣвшись въ свѣтлое платье, приступила къ благословенію свѣчей. Комично казалось ей все это, и когда мать спросила ее: «А ты, Диночка, сколько свѣчей благословляешь?», она громко расхохоталась, до того, что даже закашлялась на нѣсколько минутъ. Мать погрозила ей пальцемъ, сказавъ: «Ахъ ты, пстербургская грѣшница! А вѣдь мы по стариному!.. Отецъ, знаешь, требуетъ...»

Потомъ пришелъ изъ синагоги отецъ съ «ойрахомъ», проѣзжимъ бѣднымъ евреемъ, которому негдѣ было пріютиться на субботу. Дина было разсмѣялась, увидѣвъ страннаго гостя—грязнаго еврея въ длинномъ балахонѣ съ пейсами и въ ермолкѣ. Она подумала: «Такого у *насъ* и за червонцы не достанешь!» Но все же ей было пріятно видѣть открытое гостепріимство,—черту доброй милой старины. А когда мать позвала приказчиковъ и прислугу слушать «кидушъ», и когда отецъ, убѣдившись, что весь домъ въ сборѣ, сталъ на распѣвъ читать благословеніе надъ виномъ, на Дину пахнуло чѣмъ то давно забытымъ, но теплымъ и отраднымъ. Ей не вѣрилось, что всего два года, какъ она разсталась съ этимъ патріархальнымъ міромъ, въ которомъ прошло ея дѣтство и юность.

У ней появилась дрожь въ тѣлѣ. Она укуталась въ шерстяной платокъ и почувствовала пріятное тепло. У нея зароились сладкія воспоминанія...

— Что ты кутаешься, Диночка?—заботливо спросила мать.

— Меня знобитъ. Знаешь, это у меня часто бываетъ по вечерамъ.

— Простудилась въ дорогѣ. Я говорила, что надо позвать доктора.

— Обойдется, мама! Это пустяки, я чувствую себя отлично.

На слѣдующее утро Дина проснулась поздно. Она наскоро одѣлась. Мать обратила вниманіе, что она выглядитъ нехорошо.

— Какъ ты спала, дорогая?—спросила она.

— Спасибо, мама. У меня была испарина.

— Ну, и слава Богу, съ испариной вся простуда пройдетъ. А знаешь ли, что твой мальчикъ то, Давидушка, что сдѣлалъ? Проснулся съ пѣтухами, и услышалъ онъ, что дѣдушка читаетъ «седру»

Digitized by Google

на распѣвъ, и раскричался, чтобъ отвели туда. Вхожу это я въ восемь часовъ съ кофеемъ, смотрю: маленькій мужчина важно сидитъ на колѣняхъ у дѣда и подтягиваетъ ему. А вотъ и онъ, наша радость...

Тѣмъ временемъ ребъ Мойше и «ойрахъ» вернулись изъ синагоги. Потомъ стали заходить сосѣди—поздравить съ дорогой гостьей. Они оставались недолго,—ихъ ждали дома къ обѣду. Сѣли обѣдать и Аронштамы. Дина съ любопытствомъ смотрѣла на подаваемыя традиціонныя блюда, которыми маменька угощала ее настойчиво, приговаривая: «Кушай же рубленую печенку, вѣдь ты любила», или: «вотъ твое любимое *поче*». Но главное вниманіе сосредоточилась на пудингѣ, «кугелѣ». Марья Давидовна напомнила, что кугель обыкновенно бываетъ въ гостя и отличается такими же качествами, какъ гость. Ребъ Мойше шутя замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ кугель будетъ совсѣмъ не жирный, и всѣ громко расхохотались, когда кухарка обидчиво заявила на это, что она, кажется, не скупилась на «смалецъ». Общему оживленію много содѣйствовалъ маленькій Давидъ, который энергично простиралъ руки ко всѣмъ яствамъ. Но бабушка останавливала его, говоря: «Это не для тебя. Тебѣ, питерскій грѣховодникъ, приготовили свѣжую котлетку, которую ты запьешь молочкомъ». Питерскій грѣховодникъ протестовалъ громкимъ плачемъ, но успокоился, когда ему поставили свѣжую котлетку, и сталъ ее уплетать съ уморительно серьезнымъ видомъ.

Съ появленіемъ кугеля стали приходить посланцы отъ друзей съ приношеніями въ честь гостьи. Тутъ были и портеръ, и вина, почти исключительно палестинскія, которыя Дина видѣла въ первый разъ, и торты, и пирогъ. Не забыли и маленькаго Давида: ему прислали каску и трубу, на которой онъ немедленно сталъ проявлять свои музыкальныя способности. Затѣмъ принесли букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, большую рѣдкость въ Танскѣ въ зимнюю пору. Дина взяла его съ любопытствомъ и вынула изъ него визитную карточку съ надписью: «Саулъ Абрамовичъ Шкловскій». Она обрадовалась и спросила:

— Что онъ? По прежнему? Не женился?

— Ни чуточку не измѣнился. Все вдовствуетъ и присматривается. И, нагнувшись къ Динѣ, она прибавила шопотомъ:

— И все вздыхаетъ по тебѣ.

Дина разсмѣялась.

Вдругъ раздалось громкое привѣтствіе «Здравія желаю!»

Это почтальонъ принесъ письма и газеты. Ему дали выпить закусить, а принесенное имъ положили на столикъ въ углу.

Digitized by Google

— Мы въ субботу не вскрываемъ писемъ и не распечатываемъ газетъ,—пояснилъ р. Мойше, видя недоумѣніе дочери.

— Вотъ это уже пустяки!—возразила она.—Я еще понимаю, что вы не хотите читать дѣловыхъ писемъ, чтобы не нарушать святости субботы. Но газету не читать—это уже ни съ чѣмъ несообразно.

— «Мукце!»—заявилъ «ойрахъ».

— Слышишь?—спросилъ р. Мойше.—«Мукце» значитъ изъятое изъ обращенія, къ чему нельзя прикасаться въ субботу.

— Пустяки! право пустяки!—сказала Дина и шаловливо взяла со стола нѣсколько писемъ. Вдругъ она обратила вниманіе на одно изъ нихъ и воскликнула:

— Ба, да вѣдь это отъ Исаака! А вы хотите, чтобы я не распечатала письма до вечера!

Быстрымъ движеніемъ она разорвала конвертъ и стала читать. Черезъ три минуты она крикнула не своимъ голосомъ:

— Боже мой, какое несчастье! Папа, мама! Мы погибли, мы погибли, слышите?

И домъ огласился страшными рыданіями.

Всѣ вскочили изъ за стола. Ребъ Мойше взялъ ужасное письмо, надѣлъ очки и сталъ его читать. Оно было адресовано ему. Оно начиналось напоминаніемъ объ общемъ кризисѣ въ торговлѣ и полномъ застоѣ въ кредитныхъ операціяхъ. Вслѣдствіе непредвидѣнныхъ задержекъ его обширныя дѣла сразу пошатнулись, онъ долженъ большую сумму банкамъ и частнымъ лицамъ, и вынужденъ уѣхать на время заграницу, тѣмъ болѣе, что недобрые люди его вѣроятно привлекутъ къ уголовному дѣлу о крахѣ одной компаніи. Онъ убѣдительно проситъ тестя и тещу пріютить Дину и Давидушку. Если онъ жилъ выше средствъ, то потому единственно, что онъ хотѣлъ доставить женѣ всѣ удобства. Въ припискѣ онъ умоляетъ Дину беречь себя и ребенка и выражаетъ надежду, что черезъ полгода или годъ онъ вернется, и они снова заживутъ по хорошему.

Какой то столбнякъ нашелъ на р. Мойше и Марью Давидовну по прочтеніи этого письма. Одна Диночка скоро овладѣла собою и рѣшила отправить телеграмму въ Петербургъ одному изъ товарищей Исаака. Чтобы не причинять лишняго безпокойства домашнимъ, она сама пошла на телеграфъ. Она незамѣтно пробралась въ переднюю, накинула на себя ротонду и безъ калошъ выбѣжала на улицу. Былъ морозный день, и вѣтеръ разметалъ снѣгъ, толстымъ слоемъ лежавшій на улицѣ и на панели. Дина чувствовала, какъ рѣзкій холодъ пробирался сквозь тонкую кожу ботинокъ и пронизывалъ все ея тѣло. Взять извощика она не рѣшалась и она пошла скорыми мелкими шагами, стараясь согрѣть зябнущія ноги. На

Digitized by Google

телеграфной станціи она едва могла написать нѣсколько строкъ. На обратномъ пути она куталась въ ротонду, которая безпрестанно распахивалась порывами вѣтра. Она дрожала отъ холода. «Это мнѣ даромъ не пройдетъ»—думала она.

Придя домой, она заперлась въ своей комнатѣ. Мать нѣсколько разъ стучалась къ ней, но она просила оставить ее въ покоѣ. Ей было скверно. Какое то безсиліе, тѣлесное и духовное, сразу овладѣло ею. Она въ изнеможеніи бросилась въ постель. Ее знобило, все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ ее затрясло, застучали зубы. Она ёжилась, куталась, стараясь немного согрѣться и ни о чемъ не думать. Она хотѣла позвать родныхъ, но боялась подняться, чтобы ей не стало хуже. Одна мысль винтомъ вертѣлась въ головѣ: «Исаакъ бѣжалъ! Я погибла!» Въ вискахъ что-то стучало, ритмически повторяя слова «бѣжалъ», «погибла». Она долго такъ лежала. Постепенно она почувствовала пріятную теплоту и стала забываться. Какія то грезы, обрывки мыслей, воспоминаній, вихремъ понеслись въ ея головѣ. Что то неясное, неуловимое, но отрадное, пріятное. Она тихо забредила, и пріятная улыбка застыла на ея губахъ. Когда она очнулась, у постели стояли три доктора—старѣйшій танскій врачъ Даниловъ, сосѣдъ-полякъ Фіори и молодой Горвицъ. Ее тормошили, заставляя открывать ротъ, дышать глубже, а когда она вполнѣ пришла въ себя, ее стали разпрашивать о томъ, какъ она себя чувствовала въ Петербургѣ. Ей было трудно говорить, и она только жаловалась на боль въ боку и трудное дыханіе, а какъ только ее оставили въ покоѣ, она бросилась подъ одѣяло и снова забылась. Врачи ушли въ другую комнату совѣщаться. Марья Давидовна и ребъ Мойше въ сильномъ волненіи ждали врачебнаго приговора. Они ждали худого, но оказалось худшее.

— Вы мужчина, г. Ароштамъ, — началъ свое объясненіе докторъ Даниловъ, — вамъ можно сказать прямо. Ваша дочь плоха. Воспаленіе легкихъ, можетъ быть—плевритъ, но это бы куда ни шло. То скверно, что у ней давнишній процессъ въ легкихъ, верхушки тронуты...

— Да, панъ Мозесъ—прибавилъ Фіори, у панны Дины—чахотка и немного запущенная. Теперь еще это свѣжее воспаленіе, и дѣло можетъ пойти отвратительно...

VII.

Потянулись ужасные дни. У Дины мѣнялись врачи и лекарства, мѣнялось самочувствіе, но болѣзнь шла неизмѣнно впередъ, быстро подкашивая молодой организмъ. Объ Исаакѣ сначала много говорили въ домѣ. На посланную Диною телеграмму отвѣта не получи-

Digitized by Google

лось, и, какъ потомъ узнали изъ газетъ, добрый другъ, къ которому Дина обращалась, былъ замѣшанъ въ дѣло о банковскомъ крахѣ, сгубившемъ ея мужа.

Затѣмъ объ Исаакѣ не было никакихъ извѣстій, онъ точно въ воду канулъ, и о немъ въ домѣ Ароштамовъ какъ то и говорить перестали. Случалось, Дина спроситъ мать: «Ничего нѣтъ?» — та вздохнетъ и отвѣтитъ «покамѣстъ еще нѣтъ!». Дина молча поворачивалась лицомъ къ стѣнѣ и предавалась своимъ мыслямъ.

Настроеніе у нея мѣнялось часто. Вдругъ она почувствуетъ себя совсѣмъ здоровой, сильной, — она становится веселой, говорливой, ласкаетъ ребенка, рисуетъ картины свѣтлаго будущаго. И внезапно переходъ въ недовольство, раздражительную придирчивость, потомъ столь же внезапный переходъ въ страшное возбужденіе, она кричитъ изо всей силы: «Я жить хочу! Дайте мнѣ жизни, воздуха!»— Она мечется, рветъ на себѣ волосы. Потомъ, наконецъ—полное безсиліе и равнодушіе, непробудное равнодушіе ко всему происходящему вокругъ. Часто она впадала въ тихое раздумье, и маленькая головка, всегда безпечно обходившая всякія тревожныя мысли, уносилась въ глубокія думы. Дина предавалась воспоминаніямъ, перебирая въ памяти все свое прошлое.

Въ такомъ состояніи она однажды, въ свѣтлое мартовское утро, чувствуя себя хорошо, обратилась къ своему врачу—ее лечилъ тогда Горвицъ—съ вопросомъ:

— Не знаете ли вы студента Якобсона?

— *Доктора* Якобсона?

— Развѣ онъ уже докторъ? Это можетъ быть, другой. Его зовутъ Натанъ...

— Натанъ Григорьевичъ? Онъ и есть! Какъ-же, это мой другъ, мы съ нимъ въ одномъ университетѣ учились, хотя на разныхъ курсахъ.

— Гдѣ онъ? Что онъ? Разскажите мнѣ все, что вы знаете о немъ.

— Онъ въ Длусковѣ, знаете—мѣстечко есть такое, верстахъ въ шестидесяти отсюда, тамъ живетъ прославленный цадикъ р. Менделе. Надо вамъ сказать, что Якобсонъ отлично кончилъ курсъ, и ему дѣлали лестныя предложенія остаться при клиникѣ. Онъ могъ бы сдѣлать карьеру. Но онъ вѣдь сіонистъ-народникъ. Интеллигентъ,—говоритъ онъ,—долженъ идти въ народъ, въ глушь, нести туда культуру.

— Вы, кажется, смѣетесь?

— Нисколько. Это у меня манера такая говорить. Вѣдь мы съ нимъ друзья.

— Продолжайте

Digitized by Google

— Ну, вотъ, онъ поселился въ гнѣздѣ хасидизма и работаетъ.

— И выходитъ у него что нибудь?

— О, у него золотыя руки,—все, за что онъ ни возьмется, выходитъ у него на славу.

— Что же?

— Ну, школу устроилъ для дѣтей, какіе то курсы для взрослыхъ, какія то тамъ чтенія по еврейской исторіи. Затѣмъ онъ ремесленниковъ собралъ, артели устроилъ. Что тамъ еще? Да, земледѣльческую ферму заводитъ, общество взаимнаго пособія выхлопоталъ и еще что то, и еще что то, всего не помню.

— А цадикъ чтоже?

— Цадикъ? Сначала его преслѣдовалъ, а когда жена его сильно захворала и Якобсонъ ее вылечилъ,—то сталъ милостивѣе, на компромиссъ пошелъ. Якобсонъ теперь самъ на линіи цадика. Мѣстечко въ него вѣруетъ, какъ въ ребъ Менделе. На его проповѣди въ синагогѣ стекается масса народа.

— А сіонизмъ онъ бросилъ? Кружки онъ еще устраиваетъ?

— Кружки? десятками, сотнями. Онъ можетъ какъ Донъ Жуанъ сказать: «Mille et tre». Онъ теперь какъ бы генералъ отъ сіонизма, ему поручена цѣлая губернія. Онъ ѣздилъ отъ насъ делегатомъ въ Базель, много пишетъ, пропагандируетъ, продалъ множество акцій сіонистскаго банка.

Дина задумалась. Потомъ она спросила совсѣмъ тихо:

— Онъ женатъ?

— О, нѣтъ!

— Почему же? Онъ противъ брака?

— Наоборотъ. Онъ, помню, какъ то доказывалъ однажды, что общественный дѣятель, у котораго много заботъ и хлопотъ, долженъ быть женатъ, что хорошая жена своей лаской уменьшаетъ ему тягости жизни, увеличиваетъ энергію и т. д.

— Почему же онъ не женится?

— Не знаю, объ этомъ мы съ нимъ никогда не говорили. Но кажется, что у него былъ неудачный романъ—любовь, измѣна...

— Измѣна?

Дина покраснѣла и заволновалась. Но она превозмогла себя и успокоившись сказала тихо, почти шопотомъ:

— У меня къ вамъ большая просьба, докторъ. Напишите Натану... Григорьевичу, что я больна и желала бы его видѣть.

Горвицъ посмотрѣлъ на нее, и предъ нимъ начало что то выясняться... Онъ хотѣлъ что-то спросить, но удержался и только сказалъ:

Digitized by Google

— Хорошо, напишу, сегодня же напишу.

Когда докторъ ушелъ, Дина стала себя грызть. «Зачѣмъ я его зываю? Что я ему скажу? Что не было измѣны? Но это неправда! и къ чему, къ чему все это мнѣ теперь, умирающей замужней нщинѣ. Надо думать о Давидушкѣ, объ Исаакѣ. Несчастная я, по-ѣшая!»

А все таки ее тянуло посмотрѣть на Натана. Она предалась тамъ, и ей мерещились уединенная аллея въ танскомъ саду, мейка подъ вѣтвистымъ дубомъ, страстная рѣчь Натана о народ-мъ благѣ, и соловьи, соловьи...

Черезъ пять дней послѣ описаннаго разговора, въ десятомъ часу ра, докторъ Горвицъ сидѣлъ у себя въ столовой съ докторомъ обсономъ, который только что пріѣхалъ въ Танскъ по его вызову. ятели говорили, конечно, о Динѣ, и Горвицъ въ спеціальныхъ раженіяхъ описывалъ состояніе больной.

— Видишь-ли, съ обѣихъ сторонъ спереди каверны, далѣе—не-нѣнно туберкулезъ кишечника, затѣмъ...

Но тутъ вдругъ раздался пронзительный звонокъ, какой можно ышать только въ квартирѣ доктора. И едва прислуга открыла рь, какъ въ передней баба—горничная Ароншгамовъ--заголо-ла:

— Ради Бога, докторъ, скорѣе къ намъ, съ молодой барыней, Диной Моисеевной, дурно сдѣлалось.

— Что именно?

— Встала рано утромъ, говоритъ, что чувствуетъ себя отлично, ѣла причесать ее аккуратно и дать кружевное бѣлье, говоритъ— о то ждетъ сегодня, причесалась, принарядилась, красавица, и угъ закашлялась, Господи помилуй, закашлялась, голубушка, и ала въ обморокъ.

— Поѣдешь?—спросилъ Горвицъ Якобсона.

— Конечно. Для чего же я и пріѣхалъ!

Доктора быстро одѣлись и на извощикѣ, котораго погоняли изо ѣ силы, помчались къ больной. Войдя въ квартиру Ароншгамовъ, и въ передней увидѣли доктора Фіори, который шепнулъ имъ:

— Опоздали, коллеги! Finita la comedia!..

Мих. Брянскій.

Digitized by Google

Наши предки на Литвѣ.

Историческій очеркъ.

Еврейскій неисправимый оптимизмъ выработалъ изреченіе: все лучшему. И часто мы въ самихъ несчастьяхъ, зазглянувъ поглуб находимъ задатки хорошаго. Наприм., событія послѣднихъ лѣтъ ставили насъ встряхнуться, подумать о себѣ и ближе изучить то ге которое мы столько времени игнорировали.

При самомъ поверхностномъ изученіи гетто замѣчается пре всего, что еврея отдѣляетъ отъ остального населенія его стремле къ созданію прочной индивидуальности. Многое унаслѣдованное предковъ (и подчасъ даже уродливое) свято хранится. Даже спе фическая одежда кажется иногда еврею священной традиціей, которою онъ очень неохотно разстается. Объясняется это, конеч тѣмъ, что насъ цѣлые вѣка держали замкнутыми въ стѣнахъ ге предоставленными самимъ себѣ, вдали отъ окружающей жизни. Но же дало намъ возможность сохранить и наши внутреннія духовн качества, закалить себя въ неравной борьбѣ за наши идеалы, и смотря на постоянныя покушенія на нашу духовную жизнь, сохраняемъ вѣру въ человѣка. Пусть у большинства европейски народовъ стиснутый кулакъ, обернутый въ броню, и острый м служатъ проводниками гуманности и цивилизаціи; мы будемъ прод жать вѣрить, что истинный гуманизмъ долженъ проводиться други путями, на принципахъ, которые мы сохранили, пройдя чрезъ ге всѣхъ народовъ до еврейской черты осѣдлости въ Россіи вк чительно.

Въ настоящемъ очеркѣ я взялъ еврейское гетто въ Лит скомъ государствѣ. Оно, какъ болѣе типичное, предшествую нашей современной чертѣ, ярче показываетъ, насколько евреи гетто сохраняютъ тѣ идеи, которыя они унаслѣдовали. Конечно, дол замкнутость кладетъ извѣстный отпечатокъ, и униженное положеніе цѣломъ рядѣ вѣковъ наложило на еврея гетто ему одному свойств ныя черты униженности во внѣшнихъ проявленіяхъ и чрезвычай стойкости во внутренней своей духовной жизни. Въ Литовскомъ сударствѣ внѣшній и внутренній бытъ евреевъ, силой неотразимы условій пріуроченный къ тѣсной законодательной формѣ, получи

Digitized by Google

ообразную организацію, всѣ функціи которой имѣли рѣзкій типи-
кій характеръ.

При составленіи этого очерка я пользовался, главнымъ образомъ,
вестами и Надписями», обнародованными недавно обществомъ
распр. просв. между евреями, и матеріалами, опубликованными
оф. Бершадскимъ, и его классической книгой *«Литовскіе евреи»*.

Въ Польшѣ, сосѣдкѣ Литвы, евреи впервые появились въ 893 г.
да они просили объ указаніи имъ свободныхъ земель, которыя они
ли-бы обрабатывать. Мы однако не находимъ никакихъ матеріаловъ,
лько нибудь характеризирующихъ бытъ евреевъ въ это отдаленное
насъ время. Первымъ вполнѣ документальнымъ памятникомъ, ри-
ющимъ юридическое положеніе евреевъ, была: въ Польшѣ привилегія
леслава Благочестиваго (1264 г.), въ Литвѣ привилегія Ви-
вта (1388 г.). Появленіе этихъ привилегій можно объяснить отча-
и и тѣмъ, что къ 13-му столѣтію евреи быстро эмигрировали въ
льшу и Литву изъ всѣхъ странъ Западной Европы; сюда они спа
лись массами отъ неизбѣжной гибели и ауто-да-фе.

Въ Германіи 4-й Латеранскій соборъ старается низвести еврея
объекта, всѣми проклятаго и обязаннаго въ то же время служить
точникомъ различныхъ матеріальныхъ благъ для каждаго христіа-
на въ отдѣльности. Общее и самое ужасное преслѣдованіе евреевъ
Германіи въ 1348—1349 г. заставило ихъ бѣжать, спасаясь отъ
ерти. Во Франціи Филиппъ IV Красивый, нуждаясь въ деньгахъ
лѣдствіи ссоры съ папой и войны съ фламандцами, изгоняетъ
реевъ, присвоивъ себѣ все ихъ имущество, при чемъ каждому
гнанному оставляется только платье, которое на немъ, и деньги,
обходимыя для однодневнаго пропитанія. Испанія къ тому времени
жигаетъ костры, съ трескомъ и шумомъ истреблявшіе гонимыхъ
реевъ до окончательнаго ихъ оттуда изгнанія. Пламя этого ди-
го религіознаго фанатизма вспыхнуло въ Испаніи впервые въ
аваррѣ въ 1328 г., будучи зажжено рукою францисканскаго мо-
ха Педро Оллигоена, и болѣе 6000 евреевъ погибло въ этомъ первомъ
ламени, озарившемъ ночной мракъ фанатичной Испаніи.

Между тѣмъ евреи до XII—XIII в. въ умственномъ отно-
еніи далеко превосходили своихъ христіанскихъ современниковъ.
оэтому, Польша и Литва, съ одной стороны, были не прочь при-
тить у себя бѣжавшихъ со всѣхъ странъ евреевъ, а съ другой сто-
ны и евреи были рады попасть въ гавань, защищенную отъ раз-
ушествовавшагося моря страстей и преслѣдованій въ Западной Европѣ.

Они стали жить здѣсь мирно и тихо, занимаясь ремеслами, про-
ышленностью и отчасти земледѣліемъ, и составляя третье сословіе,
е. посредствующее звено между дворянствомъ и крѣпостнымъ со-

Digitized by Google

словіемъ. Высшая шляхта выдвигала изъ своей среды крупнѣйш представителей административной власти, низшая же стремилась возможно большей независимости отъ мѣстнаго управленія. Въ от шеніи своихъ подданныхъ шляхта становится въ господствующее ложеніе. Подневольная челядь-холопы ничѣмъ не отличались отъ ложенія рабовъ, причемъ законъ покровительствуетъ распростране холопства, такъ какъ не только рожденіе приводитъ къ этому сост нію, но и плѣнъ и бракъ съ лицомъ несвободнаго состоянія. Крес яне, не принадлежащіе къ холопству, были также стѣснены фак чески. Ставъ, такимъ образомъ, между господствующимъ классо шляхтой и подневольной-холопствомъ, евреи естественно ста лись сохранить свою независимость, которой они могли достигну исключительно угожденіемъ шляхетству. Отсюда унизительная р польскаго еврея, позорной нитью проходящая чрезъ всю истор евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, унизительное моральное состояніе, изъ к тораго евреи и до сихъ поръ еще не могутъ освободиться. Шля всегда принимала евреевъ подъ свою защиту, когда предвидѣлась о нихъ денежная польза, и съ презрѣніемъ отталкивала ихъ каждь разъ, когда евреи высказывали желаніе получить соотвѣтственное во награжденіе. Государство-же старалось удалить евреевъ совер шенно отъ всякаго духовнаго, общественнаго и политическаго общ нія съ христіанами. Встрѣчая со стороны шляхты презрѣніе, он естественно, не могли ожидать отъ крестьянства особаго благоволе нія, такъ какъ, снискивая расположеніе шляхты, они тѣмъ самым должны были стать въ непріязненныя отношенія съ холопствомъ. Э очень рельефно выразилось во время господства казаковъ. Б лѣе ¹/₄ милліона евреевъ поплатилось за особое принужденно угожденіе шляхетству.

I.

Въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, евреи извѣстны въ XII сто какъ постоянные жители. Въ Ипатьевской лѣтописи 1124 г., отм чено «Яко же единѣхъ церквей близъ 600 сгорѣ, и жидова пог рѣша» (рег. № 169), а въ 1151 г., упоминаются въ Кіевѣ «жи довскія ворота». Въ XIII в. лѣтописецъ, описывая погребеніе вла димірскаго князя Владиміра Васильковича говоритъ: «И тако пла кавшеся надъ нимъ, и жидова плакахуся аки во взятье Іерусалим егда ведяхуть ея во полонъ Вавилоньскій», (рег. 178).

Въ 1388 году, какъ уже было упомянуто, Витовтъ издалъ свою привилегію, какъ онъ выразился; на вѣчныя времена *) Изданіе этой

*) „Мы тожъ на чоломъ битье подданыхъ Нашихъ жидовъ, въ ме стѣхъ На ихъ Великаго Князьства Литовскаго, при тыхъ всихъ чло

легіи относится къ тому времени, когда въ Литву впервые
и проникать польскіе нравы и порядки. Какъ извѣстно, литов-
князь Ягайло въ 1386 г. женился на польской королевѣ Яд-
и принялъ католичество. Польское духовенство получило пре-
ающее вліяніе и по его настоянію литовскимъ боярамъ, при-
имъ католичество, была дана привилегія владѣть землей безъ
иченія со стороны князей, при чемъ имѣнія ихъ освобождались
одатей. Хотя эти порядки и возбудили неудовольствіе среди ли-
въ, во главѣ которыхъ сталъ Витовтъ, удѣльный князь Гродна
ки, однако и послѣдній не прочь былъ слѣдовать польскимъ
имъ и даже сдѣлалъ впослѣдствіи попытку отдѣлить литовскую
вь отъ московской. Недовольство первенствующаго класса
ы возникло не вслѣдствіе введенія польскихъ нравовъ, имѣв-
, много соблазнительныхъ сторонъ. но вслѣдствіе вторженія
каго элемента въ правленіе Литвой. Побѣда, какъ извѣстно,
ась на сторонѣ Польши. Въ XV ст. было подтверждено соеди-
обоихъ государствъ. Литва получила готовыми выработанныя
шей государственныя основы: учреждаются сеймы, вводятся
кія должности, литовское католическое дворянство сравнивает-
ь правахъ съ польскимъ, и весь духъ надменнаго шляхетства
комъ усваивается Литвой.

Вполнѣ естественно, поэтому, что и привилегія Витовта носила
ный отпечатокъ подобныхъ же польскихъ привилегій, которыхъ
свою очередь были заимствованны отъ западно-европейскихъ.
ились, конечно, тѣ измѣненія, подчасъ довольно незначитель-
которыя соотвѣтствовали особеннымъ чертамъ государственнаго
щественнаго устройства Польши и Литвы. Надо замѣтить, что
бщемъ привилегіи довались евреямъ не изъ гуманныхъ убѣжде-
а по чисто матеріальнымъ соображеніямъ.

Короли, желая привить въ своей странѣ ремесленный трудъ,
ить промышленные и коммерческіе центры, а также и рынки
сбыта товаровъ, прежде всего заботились о привлеченіи въ
ну капиталовъ и свѣдущихъ въ торговлѣ дѣловыхъ людей. Для
оказывались негодными ни гордое дворянство, ни обезчело-
нное холопство. Евреи въ тѣ времена являлись единствен-
ь элементомъ, годнымъ для развитія промышленности въ странѣ,
этимъ фактомъ приходилось мириться. Но евреи, не довѣряя
лямъ и населенію, большей частью, прежде чѣмъ селиться,

зоставили есмо и потвердили есьмо то имъ Нашимъ листомъ на
ость.

А для лѣпшого свѣдомья и Печать Наши къ тому листу Нашому
завѣтона". (Рег. № 182).

Digitized by Google

требовали себѣ привилегій, которыя предоставляли бы имъ нѣкотор
просторъ и свободу дѣйствій въ области торгово-промышленн
Помимо названной причины, короли, издавая привилегіи, разсчит
вали привлечь въ свою страну капиталы, чтобы ими же воспольз
ваться въ случаѣ надобности, изгнавъ евреевъ и завладѣвъ насил
ихъ имуществомъ и капиталомъ. Статутъ польскаго короля Ка
міра говоритъ, что евреи должны имѣть всѣ средства къ накоп
нію денегъ, дабы въ случаѣ надобности могли удѣлить часть
пользу государства. Писанное право говоритъ только о части денегъ,
сила и произволъ отнимали все имущество, вымогая его путемъ п
токъ и казней и выбрасывая евреевъ послѣ того, какъ они лиш
лись возможности удовлетворять алчные аппетиты необузданныхъ
ролей и дворянъ.

Въ вступленіи грамота эта гласитъ, что она выдана по прось
евреевъ: «били Намъ чоломъ» и т. д. Далѣе грамота заявляетъ, ч
«умыслили есьмо съ паны Родами Нашими и дали права вольности
всей жидовѣ вышей мененой, мешкаючимъ въ томъ панствѣ Н
шомъ, которыя и суть нижей въ томъ листѣ Нашомъ выписаны

По привилегіи Витовта евреи прежде всего Велико-Княжеск
подданные и непосредственно подчинены князю и установленнымъ о
него мѣстнымъ властямъ, слѣдовательно, de jure они стоятъ
полной независимости отъ дворянства. Судъ по важнѣйшимъ д
ламъ евреевъ Вел. Князь оставляетъ за собой, по менѣе важны
передаетъ старостамъ.

Послѣдніе — ближайшіе хранители неприкосновенности евреев
ихъ личности, имущества и богослуженія. Поэтому они и называют
«жидовскими судьями». Всѣ гражданскія и административныя дѣ
рѣшаются самими же евреями, и въ этомъ смыслѣ евреи пол
зуются большой автономіей. «Еслибъ еврей—гласитъ Привилегія,
былъ заподозрѣнъ въ какомъ либо преступномъ дѣяніи и не мо
бы оправдаться предъ членами своей общины, и еслибы евреи,
основаніи какого-либо иного факта, считали его уже за человѣ
сомнительной честности, то противъ подозрѣваемаго мы (т. е.
Князь) разрѣшаемъ евреямъ свободное приложеніе своего прав
Приложеніе къ обвиняемому еврейскаго права состояло, въ бол
шинствѣ случаевъ, въ исключеніи подозрительнаго человѣка и
числа членовъ общины, а слѣдовательно и въ объявленіи его в
законовъ и въ отлученіи отъ участія въ богослуженіи.

Подобный судъ происходилъ въ синагогахъ или въ иномъ м
стѣ, по усмотрѣнію общины. Личность еврея считалась вполнѣ непр
косновенной; за убійство еврея полагалась казнь, какъ и за убій
ство шляхтича; имущество убіицы конфисковалось въ Великокняж

Digitized by Google

казну; тоже и за нанесеніе раны, побои и другія преступле-
Въ случаѣ тайнаго убійства еврея Великій Князь обѣщаетъ
мъ быть защитникомъ противъ подозрѣваемаго убійцы. Защита
яла въ преданіи подозрѣваемаго пыткѣ.
а покражу у евреевъ ребенка виновные наказываются. какъ
, т. е. смертной казнью чрезъ повѣшеніе. «Тежъ, естлибы ко-
й детя жидовское окормилъ, тотъ яко злодѣй моетъ карано
».

Въ числѣ уголовныхъ преступленій привилегія упоминаетъ и объ
ребленіи евреями христіанской крови. Всякое подобное обвине-
олжно было подтвердиться показаніями шести свидѣтелей—3-хъ
тіанъ и 3-хъ евреевъ. Въ случаѣ недоказанности обвиненія обви-
ль подвергался тому же наказанію, какому подвергался бы еврей
лучаѣ доказанности.—Всѣ остальныя положенія привилегіи ка-
ся промысловъ и торговли, при чемъ послѣдняя вполнѣ сво-
а *).

Главнымъ занятіемъ евреевъ все-таки является отдача денегъ въ
ъ. Принимать въ закладъ можно все кромѣ церковной утвари,
юрма процентовъ вполнѣ зависитъ отъ соглашенія сторонъ. Евреи
же занимаются выдѣлкою и продажей напитковъ, подъ условіемъ
едѣленной платы въ великокняжескую казну, а также, подобно мѣ-
намъ-христіанамъ, занимаются всякаго рода ремеслами. Ко всѣмъ
амъ занятій слѣдуетъ прибавить откупа таможенныхъ и иныхъ
линъ въ Литвѣ. Слѣдующій источникъ доказываетъ, что евреи
оженники не только владѣли откупами, но подобно кореннымъ
овцамъ не останавливались предъ насиліями и грабежами. Въ
203 Регестъ читаемъ: «Таможенники брянскіе, жидова Илья,
Яцко, да Морда, да Перка захватили торговыхъ людей на до-
ѣ изъ Путивля въ Вязьму, привели ихъ въ Брянскъ, гдѣ дер-
и подъ стражей въ пустомъ сараѣ до 2 недѣль, а послѣ поса-
и въ тюрьму и разграбили весь ихъ товаръ на 520 рублевъ».
Слѣдуетъ все таки замѣтить, что привилегія упоминаетъ о евреяхъ
ледѣльцахъ; послѣдніе обязаны уплачивать въ великокняжескую
ну тѣ же подати, что и другіе мѣщане.
По смерти Витовта, Литовскіе бояре провозгласили княземъ брата
айла—Свидригайла. Княженіе его было довольно бурное; онъ сталъ
ти себя вполнѣ самостоятельно и этимъ вооружилъ противъ себя
ьскихъ пановъ, отъ рукъ которыхъ онъ погибъ послѣ шестилѣт-
о княженія. Евреямъ въ его время жилось недурно; онъ самъ не

*) „И тежъ, уставили есмо, ижъ бы жидове продавали всякую речь
ровольно, и маютъ куковати, и хлѣба ся дотыкати яко и хрестьянинъ.
аказуючи и имъ вину Намъ мають заплатити“ (рег. № 182—34).

Digitized by Google

былъ враждебно настроенъ противъ нихъ. Въ 1432 г. онъ на
жалуетъ евреямъ такое же право, какое они имѣютъ въ Краковс
и Львовской земляхъ, за исключеніемъ мытъ.—Свидригайлѣ наслѣ
валъ Казиміръ Ягеллонъ. Немедленно по его вступленіи евреи
1441 г. исходатайствовали у вел. князя привилегію на Магдебу
ское право. Основаніемъ для пожалованія этой грамоты приводи
бѣдность населенія и стѣсненное положеніе. По этой грамотѣ ев
подчинены юрисдикціи исключительно еврейскаго войта, избираем
изъ ихъ единовѣрцевъ и утвержденнаго пожизненно королем
Послѣднему подвѣдомственны всѣ дѣла евреевъ, гражданскія и у
ловныя, и право наложенія наказаній, начиная отъ денежн
пени до смертной казни включительно. По дѣламъ евреевъ со шл
тичами и кестьянами назначался мѣстный судъ изъ воеводы
еврейскаго войта. Средства на свои общественныя нужды евре
извлекали изъ сбора податей; отъ взноса же въ великокняжескую
казну они были освобождены, кромѣ подати, выплачиваемой насел
ніемъ жидовской стороны, т. е. жившимъ въ еврейскихъ кварталах
Казалось бы, обладая Магдебургскимъ правомъ, евреи должны бы
себя чувствовать хорошо, ихъ благосостояніе должно было улучшиться
На дѣлѣ же мы видимъ совершенно противное; количество населенія
повышалось незначительно, а недвижимая собственность евреевъ бы
совершенно ничтожна.—Князь Александръ, наслѣдникъ Казиміра, в
началѣ царствованія еще болѣе расширилъ права, дарованныя ег
предшественникомъ. Но въ 1495 г. вдругъ обнародовалъ приказ
«Жидову земли нашое вонъ выбити». Что же послужило поводом
къ изгнанію? Починъ въ этомъ дѣлѣ приписывается королевѣ Елен
полагавшей, что еврейка, пользовавшая ее отъ какой-то болѣзни, сд
лала ее при помощи чаръ безплодною. Само собой разумѣется, чт
не упомянутый фактъ послужилъ поводомъ къ ихъ изгнанію; глав
нѣйшей причиной служила ненависть къ нимъ шляхты и духовен
ства. Послѣднему не приходились по вкусу привилегіи, и оно в
союзѣ съ возникавшей въ Польшѣ и Литвѣ нѣмецкой колоніей, не
навидѣвшей евреевъ изъ-за конкурренціи на почвѣ экономической
усердно интриговало у королей для уничтоженія дарованныхъ ев
реямъ льготъ.

Это имъ особенно удавалось при княженіи Александра, сильно
преданнаго католицизму и ставшаго въ послѣдствіи и польскимъ ко
ролемъ. Духовенство, конечно, мотивировало преслѣдованіе евреевъ
религіознымъ антагонизмомъ. По избраніи Александра на польскій
престолъ ксендзъ Заборовскій обратился со слѣдующей рѣчью: «Если
хочешь быть апостоломъ евреевъ, извлеки мечъ изъ ноженъ, дабы
они, и по принужденію, благополучно приняля христову вѣру».

Digitized by Google

Но помимо религіознаго мотива изгнанію много содѣйствовала нежная зависимость вел. князя и его приближенныхъ отъ богачей реевъ.

Ставши Польскимъ королемъ, Александръ застаетъ въ Польшѣ омадное количество евреевъ, изгнать которыхъ не представляется ожнымъ. Сюда же переселились и изгнанные изъ Литвы. Война Москвой, возникшая изъ за перехода многихъ служилыхъ людей твы въ Москву, требовала все новыхъ и новыхъ расходовъ; упный источникъ доходовъ отсутствовалъ. Воспользовавшись этимъ, гнанники предложили королю различныя выгодныя условія, результомъ чего было возвращеніе евреевъ обратно въ Литву подъ ловіемъ выкупа недвижимаго имущества, отобраннаго у нихъ же и изгнаніи. Взамѣнъ этого евреи получили право взысканія долговъ кредиторовъ по долговымъ обязательствамъ, выданнымъ до изгнаа. Кромѣ уплаты повинности на военныя издержки евреи должны ли выставить для военной службы 1000 всадниковъ Послѣднюю винность имъ удалось впослѣдствіи замѣнить денежной повинностью.

Александру наслѣдовалъ младшій сынъ Казиміра—Сигизмундъ ослѣдствіи избранный и королемъ Польскимъ.

Его цѣлью было еще большее сближеніе Литвы съ Польшей. Ему иходилось часто выдерживать сильную борьбу съ притязаніями ляхты, сеймы которой постоянно усиливались. Разладу сильно спобствовала вторая его жена, Бона. Раздача имѣній, и освобожденіе адѣльцевъ отъ повинностей ложились тяжелымъ бременемъ на государственную казну. На сеймѣ 1535 г. Сигизмундъ предложилъ устаовить провѣрку правъ шляхты на землю, на основаніи королевой метрики; далѣе онъ предложилъ возстановить нѣкоторые наги. Это возбудило сильное неудовольствіе, и шляхта отказалась имкнуть къ походу противъ Молдавіи, организованному во Львовѣ. одобныя неудовольства и открытое неповиновеніе дворянства коровской прерогативѣ перенесены въ Польшу и Литву изъ Западной вропы, главнымъ образомъ—изъ Пруссіи.

Общность интересовъ шляхты обѣихъ народностей подготовила, лное соединеніе Польши и Литвы Люблинской уніей 1569 года смотря на сильное противодѣйствіе литовскихъ депутатовъ. Съ этого емени жизнь Литовскаго государства всецѣло опредѣляется исторей Польши.

II.

Не останавливаясь на внутреннемъ строѣ Литовскаго государства, реходимъ къ юридическому и общественному положенію евреевъ Литвѣ до Люблинской уніи.

Digitized by Google

Опредѣлить точное количество евреевъ въ Литвѣ не представляется возможнымъ, но путемъ вычисленія взимаемыхъ налоговъ (по полъ коп. грошей, приблизительно, съ души) проф. Бершадскій приходитъ къ заключенію, что оно равнялось отъ 100—120 тысячъ душъ. Для сбора податей составлялись окладные листы, адресованные къ «зборамъ жидовскимъ».

Подъ «зборомъ» въ Литвѣ понималась всякая религіозная община, сгруппированная вокругъ опредѣленнаго мѣста богослуженія. Какъ понимали сами евреи общину? Профес. Бершадскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

По словамъ Симеона Гацадика вселенная зиждется на 3-хъ началахъ: законѣ, жертвахъ и любви къ ближнему. Отъ этихъ трехъ началъ остались только законъ и любовь къ ближнему. Законъ для своего утвержденія нуждается въ обдуманности судебныхъ рѣшеній, заботѣ о возможно большемъ числѣ подготовленныхъ лицъ и огражденіи закона отъ всякаго нарушенія.

Любовь къ ближнему выражается въ утѣшеніи сиротъ, посѣщеніи больныхъ, погребеніи мертвыхъ и т. п. Она выдвинула общинныя кассы для бѣдныхъ, для выкупа плѣнныхъ, богадѣльни, больницы, бани и погребальныя братства.

Моисеево законадательство и, какъ развитіе его, талмудическія опредѣленія, охватываютъ всѣ стороны жизни еврейскаго народа. Наравнѣ съ религіозными и нравственными велѣніями они опредѣляютъ государственное и общественное устройство, уголовные и гражданскіе законы, полицейскія мѣропріятія и всѣ, вообще, нормы повседневной жизни.

Чтобъ разобраться во всѣхъ постановленіяхъ закона, приходится забыть всѣ житейскія дѣла. Ученый талмудистъ теряетъ всякую реальную связь съ дѣйствительной жизнью; поэтому онъ не можетъ быть обыденнымъ судьей при столкновеніи различныхъ интересовъ; онъ лишь предсѣдатель коллегіи—судей, обыкновенныхъ смертныхъ. Сочетаніе ученаго законовѣда и людей практики—вотъ судъ, существовавшій для всѣхъ спорныхъ вопросовъ на основаніи писаннаго права Талмуда.

Община еврейская признается при существованіи синагоги и кладбища. Синагога управляется совѣтомъ старшинъ, «старшіе жидовскіе». Они представляли общину во внѣшнихъ ея отношеніяхъ—различныхъ ходатайствахъ, отвѣтственности на судѣ и т. п. Функціи этихъ старшинъ ничего не имѣли общаго съ религіозными.

Во главѣ старшинъ стоитъ раввинъ. Совокупность ихъ составляетъ коллегію, въ кругъ компетенціи которой входитъ сужденіе по всѣмъ дѣламъ между евреями, за исключеніемъ выдѣленныхъ

Digitized by Google

редварительно особо къ суду королевскаго намѣстника. Въ вѣдѣніе коллегіи поручаются канторъ, школьникъ и рѣзникъ. Въ компетенцію этой коллегіи входятъ также вопросы, стоящіе въ связи съ религіей, какъ напр. брачные, о наложеніи отлученія, и вопросы частно правовые — вознагражденіе за вредъ и убытки, разрѣшеніе различныхъ пререканій.

Апелляціонной инстанціей надъ духовной коллегіей служитъ воевода или его замѣститель въ данномъ округѣ. Исключеніе составляютъ дѣла чисто религіозныя, гдѣ апелляція подается суду раввиновъ по выбору сторонъ.

Дѣла евреевъ «съ Литвою, Русью и другими» подлежатъ суду воеводы или его намѣстника» (рег. № 232).

Съ возвращеніемъ евреевъ въ Литву, послѣ ихъ изгнанія при Александрѣ, мы впервые встрѣчаемся со спеціальной еврейской податью, около 1000 червонныхъ злотыхъ въ годъ, взамѣнъ обязательства выставить для войны 1000 всадниковъ. Для сбора этихъ податей назначались спеціальные чиновники. Раскладка податей предоставлялась самому «жидовскому збору», и этимъ, главнымъ образомъ, впервые было положено основаніе началу кагаловъ, уничтоженныхъ сравнительно очень недавно.

Пока всѣ подати евреевъ не слились въ одну поголовную подать, пока евреи пользовались вмѣстѣ съ христіанскимъ населеніемъ городовъ извѣстными выгодами, несли общія подати и отбывали общія повинности, до тѣхъ поръ община, въ качествѣ податной единицы, выступала на первый планъ въ немногихъ случаяхъ. Но лишь только государство начинаетъ выдѣлять евреевъ изъ общаго населенія, ставитъ ихъ въ совершенно обособленное положеніе, создаетъ для нихъ особыя нормы права, община начинаетъ выступать какъ сплоченное цѣлое, совершенно выдѣленное изъ общаго состава населенія, и является тотъ кагалъ, сила котораго удивляла всѣхъ изслѣдователей еврейской средневѣковой жизни.

Евреи, наравнѣ со всѣми свободными классами литовскаго населенія, пользовались земскимъ правомъ, т. е. обычными нормами русско-литовскаго права, отчасти пополненными судебной практикой и различными королевскими опредѣленіями. Языкъ, на которомъ оффиціально говорили литовскіе евреи, русско-литовскій. Отношенія евреевъ къ христіанамъ были сперва совершенно нормальныя; нѣкоторая враждебность начинаетъ проявляться лишь со второй половины XVI в. Миролюбивыя отношенія станутъ вполнѣ понятны, если вспомнить, что евреи въ количественномъ и экономическомъ отношеніи представляли весьма малую величину; богачи составляютъ ничтожную часть, образуютъ тѣсно замкнутый кружокъ, главнымъ

Digitized by Google

занятіемъ котораго служатъ откупы, при чемъ они во время откупа находятся подъ непосредственной защитой властей: «кому до нихъ дѣло будетъ, король самъ разберетъ, а относительно слугъ они сами будутъ справедливость чинить; отъ всякихъ кривдъ власти обязаны ихъ оборонять, дабы мыту не нанесено было ущерба, и дабы доходъ съ него не понижался» (рег. № 229). Большинство же населенія было бѣдно; торговыя операціи были крайне незначительны. Мелкота, въ особенности на сѣверо-востокѣ Литвы, не прочь была отъ занятія земледѣліемъ и наравнѣ съ христіанами изъявляетъ желаніе получать надѣлы и притомъ въ мѣстахъ, гдѣ довольно значительная часть мѣщанскихъ надѣловъ остается незанятою.

Подавляющій родъ занятій — ремесла и торговля. Вообще, въ концѣ XVI в. торговля не находилась всецѣло въ рукахъ евреевъ, и характерной чертой всѣхъ ихъ операцій является то, что торгъ, какъ и большинство кредитныхъ операцій, ведется евреями на чужія деньги. Ссуды производятся евреями какъ подъ залогъ недвижимостей, такъ и подъ закладъ различныхъ вещей. Такъ какъ Литовское право относилось къ ростовщичеству безразлично, то конкурентовъ у евреевъ было достаточно. Москвичи не только конкуррируютъ съ евреями, но послѣдніе занимаютъ у нихъ деньги подъ ручные заклады; напр. мы находимъ, что гродненскій еврей Гойко закладываетъ Лукѣ Иванову «шубку китайчатую зеленую, брюшками лисьими подшитую», а Песахъ Мордушевичъ закладываетъ Борознѣ чрезъ еврея Шимона Бенковича серебряный поясъ. Что евреи чрезвычайно усердно занимались ремеслами, доказываетъ та настойчивость, съ которой они заботятся о подтвержденіи грамоты короля Александра. Главный родъ ремесленниковъ—портные, сапожники и мѣховщики. Въ люстраціи города Бреста отъ 1566 г. мы встрѣчаемъ «друкара», т. е. типографа. Въ актовой книгѣ гродненскаго земскаго суда за 1578 г. встрѣчается замѣтка: «Помысскаго интрелигатора (переплетчика) жида, тутъ тая секстерна (тетрадь) вставлена, которая мела быть нижей на роки о Трехъ Короляхъ».

III.

Несмотря на сравнительно благопріятное положеніе, евреи даже въ лучшія времена не пользовались въ Литвѣ никакими гражданскими и политическими правами, выходящими за предѣлы дарованныхъ имъ привиллегій. Шляхта всегда относилась къ нимъ высокомѣрно и третировала ихъ какъ существа низшаго разряда, несмотря на то, что евреи дѣлали серьезную попытку къ сближенію, усвоивъ себѣ языкъ, нравы и обычаи господствующаго народа.

Digitized by Google

Отдѣльныя лица изъ евреевъ могли достигнуть и достигали высшаго положенія. Мы видимъ, напр., что еврей Шлойма Израелевичъ Ляховицкій въ столицѣ Вильно назначается замѣстителемъ, «справцемъ», намѣстника виленскаго Станислава Гамшея; нѣкоторые евреи подобно шляхтичамъ ходятъ съ саблями и въ случаѣ нужды пускаютъ ихъ въ дѣло, носятъ кольца съ печатями своими и называются панами. Но все это исключенія. Шляхта не могла хладнокровно видѣть евреевъ, пользующихся подобными прерогативами. Защитниками евреевъ являются, по большей части, короли. Опредѣляется ихъ отношеніе отчасти тѣмъ, что «яко богатымъ и панамъ преложенымъ, такъ и вбогому каждому, справедливость одинакова маеть быти захована», отчасти тѣмъ, что евреи, за весьма малыми исключеніями, жили только на великокняжескихъ земляхъ, были лично королевскими подданными.

Шляхта же, наоборотъ, стоитъ всегда въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ евреямъ, такъ какъ она видѣла въ евреяхъ не только пришельцевъ, обладающихъ всѣми почти выгодами, предоставленными шляхтѣ, но и главныхъ своихъ соперниковъ по откупамъ, содержаніе которыхъ было сопряжено съ большими выгодами. Поэтому, какъ только шляхта получала возможность развить свои желанія, она сейчасъ же вспоминала о ненавистныхъ ей евреяхъ.

На виленскомъ сеймѣ, напр. въ 1561 г., литовская шляхта ходатайствуетъ, чтобы евреи обложены были податью по червонному злоту. Когда же въ 1566 г. родовая шляхта получила возможность осуществить свои завѣтныя мечты въ формѣ законовъ, она не преминула во второмъ Литовскомъ статутѣ вставить подобную статью: «Да не смѣютъ евреи ходить въ дорогихъ платьяхъ съ золотыми цѣпями, а жены ихъ въ золотѣ и серебрѣ! Да не осмѣлятся носить евреи серебра на сабляхъ и палашахъ. Одежда ихъ однако пусть будетъ зам тна и для каждаго. Пусть носятъ желтыя шляпы или шапки, а жены повойники изъ желтаго полотна, чтобы всякій могъ различить еврея отъ христіанина» *). Въ 1588 г. въ III статутѣ это постановленіе получило подтвержденіе (рег. 663, арт. 8).

Евреи лишены были возможности свидѣтельствовать при спорахъ между христіанами, и между послѣдними и евреями. Артикулъ 3-й Статута говоритъ: «тоже уставуемъ, ижъ свѣдки о рѣчъ земскую и о доводѣ держанія земли, а такъ тѣже и о каждую рѣчъ, не маютъ

*) „Жидове въ коштовныхъ шитахъ зъ ланцуги золотыми сами, и жоны ихъ въ золотѣ и серебрѣ, такъ тежъ и серебра на пасахъ и на кордахъ не маютъ: але уборъ ихъ маетъ быти значный: шапка або уборъ жолтый, такъ тежъ и завиванья бѣлыхъ головъ — полотно жолтое, або тому подобное, ижъ бы знакъ и повное разознанье было отъ христіянина отъ жида".

Digitized by Google

у свѣдѣцства припущоны быти жидове». Запрещается христіанам быть у евреевъ въ услуженіи, «а мамками христіанки у детей жидо скихъ и тежъ каждыхъ детей бусурмянскихъ быти не мають; хто бы хрестіянокъ къ тому приневолялъ, а то бы слушне; вед права, на него было переведено, таковый, горломъ маеть бы каранъ», т. е. подвергался смертной казни чрезъ задушеніе.

Всякое ходатайство объ ограниченіи евреевъ, объ ихъ стѣсненіи выдѣленіи изъ извѣстнаго цеха, изъ данной корпораціи, получает удовлетвореніе. Проситъ напр. сапожный цехъ г. Вильны искл чить евреевъ, т. к. послѣдніе сильно конкурируютъ, и Стефан Виленскій издаетъ слѣдующую привилегію сапожному цеху: «М хотимъ и строго повелѣваемъ, чтобы никакой шляхтичъ, ни купец а тѣмъ менѣе еврей не осмѣлился въ городъ Вильно привозить тамъ продавать готовыя издѣлія; а если бы онъ осмѣлился, то ви ленскіе сапожники могутъ у него все отнять, на что мы имъ на стоящею нашею привилегіею даемъ полное право» (рег. № 605) Переходъ въ христіанство не только освобождаетъ отъ всѣхъ огра ниченій, но приравниваетъ крещенаго къ шляхтичу *).

Евреи были обособлены въ отдѣльную касту, съ круговой по рукой другъ за друга въ интересахъ фиска. Подати и повинности съ евреевъ взимались особыми агентами на арендныхъ началах или спеціально созданнымъ для этого учрежденіемъ — кагаломъ «зборомъ жидовскимъ». Не ограничиваясь этимъ, кагалы за вѣдывали всѣми общественными учрежденіями, наблюдали з торговлей, за проѣзжающими, за чистотою еврейскихъ улицъ, з благочиніемъ, регулировали арендныя отношенія, издавали поста новленія относительно раввиновъ, обученія дѣтей, печатанія книгъ поведенія и вознагражденія слугъ и проч. Даже уголовныя престу пленія между евреями разбирались кагалами. «Когды бы жидъ жид на смерть забилъ ранилъ або избилъ, то гды о томъ судъ и сказаны промежку нихъ маеть быти чинено водлугъ правъ и гуппивильев ихъ» (рег. 663, арт. 6).

Внѣ кагала личность еврея совершенно исчезала. Если, съ одно стороны, такая автономія имѣла свои хорошія стороны, удержива теченіе духовно-общественной жизни въ извѣстномъ направленіи, т съ другой — она несомнѣнно способствовала обособленію еврейскаг элемента и образованію «государства въ государствѣ». Талмудъ сдѣ лался единственнымъ источникомъ, откуда евреи черпали свои свѣ дѣнія; къ нему прибѣгали для разрѣшенія сложныхъ юридическихъ

*) „А естли бы который жидъ або жидовка до веры хрестиянское пр ступили, тогды каждая такая особа и потомъство ихъ за шляхтича почитан быти маютъ“ (рег. 663, арт. 7).

Digitized by Google

вопросовъ. Окруженный, по выраженію проф. Бершадскаго, уваженіемъ, освященный непрерывнымъ преемствомъ отъ святыхъ древнихъ дней, Талмудъ представлялъ для каждаго жаждущаго безграничное море. Жаждалъ еврей утѣшенія—въ талмудической агадѣ онъ находилъ рядъ поэтическихъ легендъ о покровительствѣ и промыслѣ Божіемъ надъ избраннымъ народомъ, созерцалъ его прошлую и грядущую славу. Галаха представляла отвѣты на самые запутанные вопросы Мертвыя буквы оживали подъ горячимъ усердіемъ литовскихъ и польскихъ евреевъ. Талмудъ становился животворной силой, разжигалъ умы, вызывалъ бьющія чрезъ край душевныя силы. Талмудъ при этомъ разсматривался какъ единственный оплотъ іудейства противъ его враговъ; поэтому, каждый еврей считалъ своей священной обязанностью обучать своихъ дѣтей Талмуду.

Такъ какъ личная свобода, индивидуальная мысль, была подавлена деспотизмомъ общины, то не было мѣста, гдѣ могъ бы выдвинуться реформаторъ мышленія. Если таковой и случался, то община заставляла его или убѣжать отъ нея или склонить голову и подчиниться гнету религіозной обрядности и фанатизма. Все приносилось въ жертву для неприкосновенности освященнаго временемъ обычая или буквы закона. Узы родства и дружбы отходили на задній планъ предъ общиной. Въ подобныхъ условіяхъ, конечно, развитіе религіознаго чувства доходитъ до изступленія. Удрученный горемъ еврей ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, въ безпредѣльной вѣрѣ въ Провидѣніе, и еще болѣе, въ Мессіи и даже въ святомъ, который поможетъ ему въ бѣдѣ. Элементъ чудеснаго—не рѣдкость въ объясненіи различныхъ вещей. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мистицизмъ овладѣваетъ всѣмъ, онъ является какъ реакція противъ односторонняго философскаго направленія разума, выступаетъ основнымъ тономъ эпохи, заглушающимъ всякое развитіе и ослабляющимъ умственную дѣятельность. Разомъ всѣмъ овладѣваетъ и всюду появляется каббала съ ея фантастическимъ представленіемъ о человѣкѣ, его назначеніи, складѣ мыслей и принадлежности различнымъ мірамъ явленій. Цѣлое построеніе различныхъ міровъ, съ ангелами, нечистымъ духомъ, бѣсами, совершенно захватываетъ удрученные умы. Чары таинственности лежатъ во всемъ каббализмѣ. Играя различными идеями и понятіями, словами и числами, она затемняла умы, оттѣснила чистую науку наступилъ долгій періодъ суевѣрія. Лишь единичные умы съумѣли вырваться изъ ея объятій каббалы. То было, говоритъ Карпелесъ, мрачное время застоя и упадка умственной жизни, движеніе которой становилось все слабѣе и слабѣе и которая подвергалась опасности наконецъ совершенно погибнуть въ тинѣ отумавающаго и одуряющаго аскетизма, встрѣ-

Digitized by Google

чавшаго себѣ только нѣкоторое противодѣйствіе въ строгой законовѣдческой учености. «Смущался умъ и трепетало сердце»... Но выбора не было... И надъ смущеннымъ еврействомъ Литвы талмудъ распахнулъ свои крѣпкія крылья.

IV.

Люблинская унія сильно возвышаетъ шляхту. Она обращаетъ всѣхъ землевладѣльцевъ-шляхтичей въ независимыхъ сувереновъ и въ ихъ рукахъ сосредоточивается фактическая власть. Шляхта освобождается отъ платежа пошлинъ; возростаетъ роскошь, рабство крестьянъ увеличивается, евреи дѣлаются въ рукахъ панства орудіями эксплоатаціи порабощеннаго народа; имъ отдаются въ аренду не только имѣнія, но и церкви. Съ паденіемъ уваженія къ суду, съ развитіемъ права сильнаго, отдѣльная личность стала чувствовать необходимость опираться на союзъ лицъ, связанныхъ между собой узами внутренней организаціи; понятно, что обособленность у евреевъ растетъ и расширяется совокупность ихъ общинныхъ учрежденій.

Люблинская унія открываетъ широкій просторъ передвиженію евреевъ изъ Польши въ Литву и обратно. Польскіе евреи немедленно этимъ пользуются и совершенно поглощаютъ тамошнихъ русскихъ евреевъ. Послѣдніе быстро обращаются въ замкнутое, какъ въ Польшѣ, сословіе; разница лишь въ томъ, что типичныя явленія еврейской жизни выступаютъ въ Литвѣ нѣсколько позже. Напр., предоставленіе кагалу права надъ жизнью своихъ членовъ состоялось лишь въ концѣ уже XVII в., право собираться на еврейскіе сеймы подтверждено лишь грамотой Владислава IV и т. п. Только въ большой задолженности у католическаго духовенства литовскіе евреи не отстали отъ польскихъ. Одни главнѣйшіе кагалы — виленскій, брестскій, гродненскій и ковенскій, имѣвшіе въ совокупности всего 13,000 душъ обоего пола, оказываются должными около 1.600,000 злотыхъ, въ то время, какъ весь доходъ каждаго кагала простирался въ годъ до 100 т. Громадной задолженности способствовали преслѣдованія евреевъ, сдѣлавшіяся въ Польшѣ и Литвѣ, какъ и въ Западной Европѣ, выгодной денежной комбинаціей, которую духовенство подъ конецъ монополизировало въ свою исключительную пользу. Напр., въ Польшѣ одна краковская академія имѣла обезпеченнаго капитала въ разныхъ кагалахъ 550,000 польскихъ злотыхъ; въ другихъ провинціяхъ разныя суммы, дворянскія и духовныя, обезпеченныя на еврейскихъ кагалахъ, простирались въ концѣ XVII в. до 6-ти милліоновъ злотыхъ.

Поэтому, евреи вскорѣ сдѣлались неоплатными должниками польскаго духовенства и въ концѣ концовъ были объявлены въ нѣкото-

Digitized by Google

ыхъ мѣстахъ злостными банкротами. Для характеристики проф. ершадскій приводитъ нѣкоторые примѣры обязательныхъ расходовъ врейскихъ кагаловъ. «Въѣзжаетъ въ городъ папскій нунцій, и кагалъ односитъ ему голову сахару, ксендзу оффиціалу—фунтъ сахару и имоновъ, пану Ромейкѣ—фляжку водки. Вступаютъ въ городъ союзныя войска,—и для нихъ кагалъ долженъ дѣлать расходы: доставлять рова, свѣчи, уголь, мясо, рыбу, пряности разныя, содержать истопиковъ при квартирахъ начальниковъ, трубочистовъ, размѣнивать еньги и нести потерю на курсѣ, даже давать деньги на розыски и оимку бѣглыхъ солдатъ».

Страхъ предъ наѣздами начальства былъ такъ великъ, что евреи бѣгали совсѣмъ изъ города *). Какъ обходилось начальство съ евреями идно изъ слѣдующаго случая, отмѣченнаго въ рег. за № 856: «Въ то ремя, когда евреи, въ полдень 21 сентября, по окончаніи богослукенія, хотѣли справлять свои церемоніи по обрядамъ своей религіи надъ рѣкою Днѣпромъ (очевидно—ташлихъ въ Рошъ Гашоно), Ребовичъ (бурмистръ), подкаравливши толпу евреевъ, среди которыхъ были и женщины, и малолѣтнія дѣвочки, выскочилъ со множествомъ челядинцевъ и разнымъ сбродомъ, вооруженнымъ саблями, рогатинами и палками, и принялся бить и калѣчить евреевъ... Челядинцы, исполняя его волю, набросились на евреевъ, били и калѣчили ихъ, срывали съ мужчинъ и женщинъ платье и золотыя и серебряныя украшенія, какія на нихъ были надѣты по случаю праздника; изъ этихъ драгоцѣнностей нѣкоторыя были унесены въ домъ Ребровича, а другія расхищены толпой...»

Раввины должны были всегда ѣздить къ высшему кагальному начальству—воеводѣ, и конечно, *не* съ *пустыми руками*; содержаніе преступниковъ христіанъ, нанесшихъ обиду кагаламъ, ложится на самихъ же кагалахъ; даже судебныя издержки взыскиваются съ послѣднихъ. Сборы съ кагаловъ изъ года въ годъ ростутъ, особенно когда раскладчики стали назначаться отъ министра финансовъ. Для управленія финансами назначались шляхтичи, часто властелины помѣщики, извлекавшіе, конечно, громадные доходы для своего довольства злоупотребленіями. Старосты и ихъ намѣстники, вопреки привилегіямъ, требовали еврейскія дѣла къ своему суду и за пе-

*) Возный Михайло Гноенскій донесъ Владимірскому уряду, что когда онъ прибылъ съ понятыми въ мѣстечко Свинюхи, то никого изъ жителей, ни христіанъ, ни евреевъ, не засталъ . . . . на вопросъ, куда дѣвались евреи, которые содержали чоповое отъ сборщика . . . . отвѣчали, что вслѣдствіе наѣзда войскаго Луцкаго, пана Яна Журавницкаго, они 27 іюля разбѣжались (№ 666 рег.).

Digitized by Google

ресудъ взимали съ евреевъ въ свою пользу извѣстную сумму е
годно (рег. № 693).

Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты устроили себѣ прочное гнѣздо
Польшѣ и Литвѣ и раскинули густую сѣть интригъ надъ в
страной, съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе ихъ на политическую и зн
нодательную систему государства становится преобладающимъ, н
дажность и алчность администраціи, разнузданность чѣрни, капр
шляхты, фанатизмъ духовенства, беззаконія магистратовъ и п
изволъ царствуютъ повсемѣстно и неограниченно. Евреи же, к
и вездѣ, являются въ роли козла отпущенія. Шагъ за шагомъ и
начинаютъ вытѣснять изъ торговли и промышленности; имъ
прещаютъ заниматься ремеслами и другими болѣе или мен
производительными и полезными профессіями,—и они становятс
безправными паріями. Издаются привилегіи городамъ на искл
ченіе евреевъ изъ извѣстныхъ отраслей промышленности (ре
№ 723 и 793). Единственное занятіе, которое гарантировало им
относительное спокойствіе отъ произвола и хищничества горожанъ
мѣстныхъ властей, представляли собой шинки въ селахъ и дере
няхъ. Здѣсь евреи были подъ игомъ единственнаго владѣльца-пом
щика, а угождать ему одному было легче, чѣмъ безчисленнымъ на
чальникамъ и шляхтичамъ въ городахъ. Въ «книгѣ кагала» Шере
шевскаго приведенъ интересный документъ — ордонація корол
Владислава IV, 1633 г., въ которой имѣются слѣдующія постановленія
«Въ виду несообразностей, возникающихъ изъ того, что евреи живут
безразлично вмѣстѣ съ христіанами и не имѣютъ мѣста особаго дл
жительства, мы отдѣлили и назначили имъ улицу, идущую отъ ко
стела св. Николая до Нѣмецкой улицы съ обѣихъ сторонъ, вс
Еврейскую улицу и Ятковскую, гдѣ евреямъ позволяется покупат
и пріобрѣтать мѣной или другимъ образомъ въ вѣчное владѣніе де
ревянные и каменные дома... Запрещается евреямъ въ угловых
домахъ, выходящихъ на Нѣмецкую улицу, имѣть на эту улицу во
рота... Евреямъ запрещается торговать хлѣбомъ, солью, сельдями
льномъ и пенькой и сплавливать ихъ внизъ водой; запрещается по
купать скотъ для продажи».—Евреи же за столь великія благодѣя
нія обязуются, «ручаясь одинъ за другого, платить ежегодно въ день
св. Михаила однимъ взносомъ и безъ всякой отговорки 600 злотыхъ
и въ случаѣ нарушенія кѣмъ нибудь изъ евреевъ постановленій
ордонаціи, евреи должны подвергать виновнаго проклятію и дру
гимъ наказаніямъ, не должны защищать его, когда благородный ма
гистратъ ограбитъ и поведетъ его въ судъ». Евреи обязуются не по
купать у христіанъ жести, стекла, олова, а въ случаѣ несоблюденія
даютъ право арестовать каждаго виленскаго купца въ самомъ го

Digitized by Google

родѣ, на дорогѣ и въ другихъ городахъ и отнимать его товары. «Если же какое нибудь частное лицо изъ евреевъ нарушитъ какой нибудь пунктъ ратификаціи, то кагалъ и другіе евреи не должны страдать за него, а только наказать сообразно ихъ власти». Понятно, что такая законодательная система должна была довести евреевъ до крайней степени нищеты, умственнаго и нравственнаго упадка и способствовать солидарности, замкнутости и обособленности ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, отъ окружающаго христіанскаго міра.

Внѣ обозначенныхъ фискальныхъ интересовъ, евреи продолжали быть предоставленными самимъ себѣ, своему управленію, своей юрисдикціи. Цѣлая система низшихъ и высшихъ судебныхъ инстанцій, выработанныхъ на талмудическомъ правѣ, функціонировала въ различныхъ мѣстахъ государства и приговоры ея, санкціонированные высшимъ еврейскимъ трибуналомъ - синодомъ, считались безапеляціонными. Слѣдуетъ помнить, что въ послѣдніе годы своего существованія, какъ независимое политическое государство, Польша служила сборнымъ пунктомъ для различныхъ выходцевъ и авантюристовъ со всѣхъ концовъ свѣта, эксплоатировавшихъ народное невѣжество для своихъ цѣлей. Вслѣдствіе всего этого и евреи сдѣлались неразборчивыми въ выборѣ средствъ для добыванія хлѣба и невоспріимчивыми къ знанію и свѣту. Постоянное дѣйствій однѣхъ и тѣхъ же причинъ и законовъ выработало, наконецъ, тотъ жалкій типъ польскаго еврея, который поражаетъ насъ и теперь, когда эта нынѣ археологическая рѣдкость встрѣчается намъ случайно.

V.

Такими получила евреевъ Россія. Присоединеніе польско-литовскихъ областей создало для русскаго правительства совершенно новый еврейскій вопросъ; явилась трехсотъ-тысячная еврейская масса, не подходившая ни къ одному изъ существующихъ общественныхъ классовъ. Начинается новый фазисъ исторіи евреевъ. Онъ далеко немногимъ отличается отъ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ. Внутренній бытъ не подвергся почти никакой законодательной ломкѣ до настоящаго времени, и польскіе общественные институты по отношенію къ евреямъ продолжали дѣйствовать по прежнему. И въ то время, когда на одномъ краю Европы, по образному выраженію нѣмецкаго поэта, «у дверей учредительнаго собранія прислушивался старикъ съ бѣлоснѣжной бородой, въ костюмѣ античнаго міра, устремивъ предъ собой неподвижный, какъ у мраморной статуи взоръ; казалось одно только слово, произнесенное въ этомъ собраніи, должно

Digitized by Google

было положить конецъ его мученіямъ и успокоить его старость посл 2000-лѣтнихъ страданій»,—въ другомъ концѣ материка тотъ же Агас феръ вновь вступаетъ въ тѣсные предѣлы замкнутаго гетто.

Современная наука гораздо осмотрительнѣе въ своихъ выводах и склонна встрѣчающіяся тѣ или другія особенности соціальных явленій ставить въ зависимость отъ *условій*, при которыхъ они воз никаютъ,—степени культуры народа, его экономическаго развитія характера собственности и т. п., а не отъ расовыхъ или племен ныхъ его свойствъ. Мы должны направить свои изысканія на исто рическую почву. Послѣдняя намъ показываетъ, какими условіями соз дались отрицательныя стороны польско-литовскаго еврея и что тре буется для устраненія ихъ.

М. Крейнинъ.

Digitized by Google

Панская забава.

Быль.

Въ палатахъ вельможнаго пана
Разгульная шляхта пируетъ...
Подъ пѣнье и звуки тимпана,
Турчанка, бѣснуясь, танцуетъ...
Вотъ, кончила... Хохотъ довольный
Покои, какъ громъ, потрясаетъ...
Сіяющій панъ хлѣбосольный
Забаву гостямъ предлагаетъ!..
На диво лихую забаву—
Любимую травлю медвѣдей!..
Недаромъ, знать, громкую славу
Обрѣлъ этотъ панъ у сосѣдей!..
Встаютъ охмѣлѣвшіе паны—
Забыли и танецъ, и хоры,..
Спѣша, одѣваютъ жупаны
И шумно ведутъ разговоры.

* * *

Какъ саваномъ небо закрыто,
Сугробы бурунъ наметаетъ,
И вѣтеръ холодный сердито
Въ пустынныхъ поляхъ завываетъ...
По снѣжной, тяжелой дорогѣ,
Съ погодой сражаясь ненастной,
Еврей подвигается... Ноги
Едва поднимаетъ, несчастный!..
Онъ только что кончилъ работу,
Наемникъ, бѣднякъ безталанный!..
Теперь, на святую субботу,

Digitized by Google

Спѣшитъ онъ на отдыхъ желанный
Авруму сквозь снѣгъ леденящій
Мерещилась хата родная,
Младенецъ (навѣрно, ужъ спящій)
И Лія, жена молодая...

* * *

Вдругъ... всадникъ, другой появился
Предъ нимъ, изъ кустовъ придорожныхъ,
И низко еврей поклонился,
Привѣтствуя пановъ вельможныхъ...
Но что это?.. Панъ приказанье
Даетъ своимъ хлопамъ сурово: —
—«За ересь жиду наказанье
—«Давно у меня ужъ готово!..
—«Пускай-ка лихія собачки
—«Немного потреплютъ поганца!..
—«Жиду не давайте потачки,
—«Построже его, оборванца!.»
И съ яростью, бѣшено лая,
Отъ криковъ псарей свирѣпѣя,
Собакъ кровожадная стая
Помчалась стрѣлой на еврея...
Онъ бросилъ вокругъ свои взоры,
Съ послѣднею силой собрался,
Спасаясь отъ бѣшеной своры,
Къ далекому лѣсу помчался...
Напрасно!.. Все ближе... Схватили ..
Вцѣпились въ иззябшее тѣло...
Вотъ... дружно на снѣгъ повалили...
Свершилось ужасное дѣло!..

* * *

Домой возвращаются паны...
Объ удали слышатся споры...
Хоть въ ледъ превратились жупаны,
Но радостны панскіе взоры!..
Недаромъ, знать, громкую славу

Digitized by Google

Хозяинъ обрѣлъ у сосѣдей!..
Лихую устроилъ забаву—
Гостямъ приготовилъ медвѣдей!.
А тамъ, **гдѣ на снѣгъ близъ дороги,**
Растерзанный псами свалился,
Торчали застывшія ноги,
И вѣтеръ попрежнему злился...
Бурунъ, съ завываньемъ суровымъ,
Какъ будто сердяся за дѣло,
Закрылъ своимъ снѣжнымъ покровомъ
Страдальца безвиннаго тѣло...

* * *

Въ лачугѣ, близъ самой дороги,
Еврейка сидитъ молодая,
Полна безотчетной тревоги,
Ребенка съ любовью качая...
То Лія, на праздникъ субботы,
Ждала запоздавшаго мужа.
«Когда-жъ онъ вернется съ работы?
«Ужъ вечеръ!.. И вьюга, и стужа!..»
Вдругъ... шумъ за дверьми... Чей-то шепотъ
И возгласы:—«Что-же?.. Смѣлѣе!..»
Смятенье какое-то, топотъ...
Тревога еврейки сильнѣе...
Раскрылася дверь... На порогѣ
Евреи явились гурьбою...
—«Вотъ, Лія, нашли близъ дороги!..
—«Да будетъ Господь надъ тобою!..»
Она подошла... Огласилась
Рыданьями скорби лачуга,
А въ полѣ попрежнему злилась
Суровая зимняя вьюга...

Александръ Пановъ.

Digitized by Google

Евреи въ Польшѣ, Литвѣ и въ Россіи въ XVI и XVII с

по даннымъ изъ раввинскихъ рѣшеній.

I.

За раввинскими респонсами *) давно признано значеніе несо мнѣнныхъ историческихъ документовъ огромной важности. Для западныхъ историковъ еврейства, описывавшихъ средніе вѣка и новое время, они служили почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпались свѣдѣнія о внутренней жизни еврейскаго народа.

Значеніе раввинскихъ респонсъ не потерялось и не умалилось и съ изданіемъ общихъ историческихъ памятниковъ вродѣ вышедшаго недавно обширнаго свода матеріаловъ по исторіи евреевъ въ Россіи, объемлющаго періодъ времени отъ 80 до 1800-года, «Регестъ и Надписей». Издатели этихъ «Регестъ» въ предисловіи къ своему труду высказываются о раввинскихъ респонсахъ, какъ объ еврейскихъ историческихъ матеріалахъ, которые, «не уступая прочимъ по количеству, превосходятъ ихъ, быть можетъ, важностью, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ касаются не внѣшняго быта, но интимнѣйшихъ глубинъ народной мысли и народной жизни»**). По регестамъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о внѣшнемъ положеніи евреевъ въ данную эпоху и то лишь въ области непосредственнаго соприкосновенія ихъ интересовъ съ интересами народовъ, среди которыхъ жили; въ регестахъ все носитъ оффиціальный характеръ, тамъ и жалобы евреевъ, и рѣшенія по этимъ жалобамъ, нося чисто канцелярскій отпечатокъ, не отражаютъ того, что чувствовалъ самъ народъ еврейскій, какъ онъ относился къ тому или другому новому положенію, въ которое вдругъ ставила его капризная судьба. Другое дѣло—раввинскіе респонсы: они не предназначались ни для представленія въ какія-либо правительственныя учрежденія, ни для печати, ни, наконецъ, спеціально для исторіи; они писались раввинами въ уединенной тиши бетъ-гамедрешей или скромныхъ кабинетовъ, куда не проникали

*) Отвѣты выдающихся раввиновъ на обращенные къ нимъ запросы.

**) Регесты и Надписи. Предисловіе.

Digitized by Google

нѣшнія вліянія — и раввиновъ ничто не стѣсняло на ряду съ изоженіемъ дѣла, составлявшаго предметъ сужденія, высказывать акже свои взгляды, въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствовавшіе и згляду паствы или даже всего еврейства, на то или другое новое оложеніе. Историку русскихъ евреевъ, желающему получить болѣе ли менѣе вѣрную картину данной эпохи, нельзя обойтись безъ зученія наряду съ общими историческими матеріалами также равинскихъ респонсъ и вообще раввинской письменности.

Невыразимо тяжела была работа историка русскаго еврейства о послѣдняго времени, когда онъ долженъ былъ самъ и матеріалъ доывать, отыскивать его въ морѣ источниковъ—общихъ и еврейскихъ— обработывать его, освѣщать, создавать изъ него серьезную исторію. Но конецъ прошлаго, 1899 года, ознаменовался въ еврейской исторической литературѣ выходомъ въ свѣтъ двухъ подготовительныхъ по историографіи трудовъ, которые въ связи съ историческими трудами перваго собирателя памятниковъ нашей старины, покойнаго С. А. Бершадскаго, въ большой степени облегчаютъ задачу историка. Труды эти—Регесты и Надписи, о которыхъ мы упомянули выше, и книга Б. А. Каца «Лекоротъ Гаіегудимъ» (לקורות היהודים къ исторіи евреевъ въ Россіи, Польшѣ и Литвѣ). Наша задача— познакомить читателя съ содержаніемъ послѣдняго труда, представляющаго многія новыя данныя по исторіи евреевъ въ славянскихъ земляхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, не имѣвшіяся въ виду прежними нашими историками.

Книга Б. А. Каца обнимаетъ только упомянутыя два столѣтія потому, что, какъ объясняетъ и свидѣтельствуетъ авторъ въ предисловіи, въ раввинскихъ респонсахъ за предшествовавшее время о Польшѣ и Литвѣ упоминается только въ единичныхъ случаяхъ. За то за XVI и XVII ст., использованы авторомъ (какъ говорится въ томъ же предисловіи), всѣ безъ исключенія сохранившіеся респонсы, при томъ не только польскихъ и литовскихъ раввиновъ, но также и сефардійскихъ, жившихъ въ Египтѣ, Константинополѣ, Амстердамѣ и другихъ мѣстахъ.

Книга состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-ю часть вошли матеріалы, рисующіе отношеніе къ евреямъ со стороны правительства и польскихъ пановъ вообще, матеріальное положеніе евреевъ, ихъ нравственный уровень, вліяніе польскихъ раввиновъ на евреевъ другихъ странъ и др. Содержаніе 2-й части составляютъ матеріалы, имѣющіе отношеніе преимущественно къ эпохѣ Хмѣльничины; наконецъ, 3-я часть представляетъ извлеченные изъ раввинскихъ респонсъ факты, недостаточно еще выясненные, но тѣмъ не менѣе по своей чрезвычайной важности долженствующіе обратить на себя

Digitized by Google

вниманіе будущихъ историковъ въ дѣлѣ освѣщенія ихъ путемъ сопоставленія и сличенія съ другими могущими открываться источниками.

Матеріалъ въ книгѣ авторомъ не освѣщемъ; факты представлены голые, безъ всякаго поясненія. Работа автора, помимо самаго собиранія голыхъ фактовъ, состояла еще въ правильной ихъ систематизаціи и группировкѣ, что значительно облегчаетъ ихъ объединеніе и освѣщеніе. Авторъ труда доставилъ готовый матеріалъ и намѣтилъ, кромѣ того, планъ постройки, — самую же постройку историческаго зданія онъ предоставилъ будущимъ работникамъ. Это дѣло, разумѣется, потребуетъ долгаго и серьезнаго изученія, усидчиваго труда и глубокой вдумчивости—и мы не претендуемъ на выполненіе этой задачи въ настоящемъ краткомъ очеркѣ. Мы набросимъ только ту общую картину положенія евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, которая получается при первомъ ознакомленіи съ извлеченными г. Кацомъ изъ раввинскихъ респонсъ историческими данными.

II.

Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, помѣщенныя въ 1-мъ отдѣлѣ книги и даже на первой страницѣ, даютъ право заключить, что положеніе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ данную эпоху, по крайней мѣрѣ, внѣшнее, было довольно благопріятно. Тутъ, мы читаемъ слѣдующее извлеченіе изъ письма Раби Мойше Иссерлиса (רמ"א) къ одному изъ его коллегъ, который готовился занять раввинскій постъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, но потомъ отказался отъ этого намѣренія и вернулся на родину, въ Польшу: «Я очень радъ былъ слышать о твоемъ возвращеніи. Лучше скудный, но за то спокойный хлѣбъ здѣсь, гдѣ насъ не такъ ненавидятъ, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Далъ бы Богъ, чтобы такъ (такія отношенія) продолжалось до пришествія нашего мессіи» (это письмо относится къ серединѣ XVI столѣтія). На 2-й страницѣ книги читаемъ извлеченіе изъ респонсъ раввина Веньямина-Арона Сахника (משאת בנימין), относящихся къ концу XVI и къ началу XVII столѣтія, гдѣ прямо свидѣтельствуется, что между евреями и окружавшимъ ихъ христіанскимъ населеніемъ существовали самыя доброжелательныя, даже дружескія отношенія: «христіане занимаютъ у евреевъ платье и драгоцѣнности для пользованія ими при посѣщеніи своихъ храмовъ въ праздничные дни, а потомъ возвращаютъ эти вещи». Дальше тамъ же находимъ зарегистрированный на страницахъ книги בית חרש (§ 79) слѣдующій относящійся къ 1629 году фактъ: Одна христіанка

Digitized by Google

выразила раввину р. Іоэлю Сыркишу сожалѣніе по поводу того, что не могла спасти отъ смерти утонувшаго наканунѣ на ея глазахъ еврея Шломо. «Я хотѣла протянуть утопавшему руку, разсказываетъ христіанка, но боялась, что онъ и меня потянетъ за собою. Нѣкоторые другіе христіане, находившіеся при этомъ, смотрѣли равнодушно на происходившее передъ ними и прибывшій на мѣсто ксендзъ сталъ ихъ за это нещадно бить и бранить, крича: «Отчего не спасаете еврея?» Но несчастный тѣмъ временемъ, выбившійся изъ силъ, пошелъ ко дну».

Затѣмъ въ относящихся къ серединѣ XVI столѣтія респонсахъ Раби Шломо Лурье (מהר"ש ל), въ § 20, читаемъ: «Между членами одной еврейской общины въ Литвѣ произошелъ споръ изъ за кантора, котораго нѣкоторые члены хотѣли смѣстить. Послѣдніе, чтобы не дать кантору исполнять свои функціи, заперли синагогу и въ ней не было ни богослуженія, ни чтенія Торы въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока мѣстный панъ не распорядился открыть синагогу для богослуженій попрежнему, сказавъ: «домъ Божій не долженъ быть закрытъ, а достоинъ-ли канторъ продолжать въ храмѣ служеніе или нѣтъ — это ужъ рѣшать по своему усмотрѣнію еврейскіе законоучители на Литвѣ».

И такъ, по приведеннымъ даннымъ респонсъ можно заключить о самомъ благопріятномъ внѣшнемъ положеніи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ разсматриваемую эпоху. Для сравненія мы отправляемся къ другому своду матеріаловъ, къ регестамъ, и тамъ находимъ также немало доказательствъ, подтверждающихъ такое заключеніе: тамъ мы находимъ акты о подтвержденіи прежнихъ привилегій различнымъ еврейскимъ общинамъ, а также грамоты на новыя права и преимущества, читаемъ листъ пана Пронскаго пану Буркацкому и «славному пану Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому», листъ князя Курцевича-Булыги еврею Абраму Якубовичу и т. д. и т. д. Къ сожалѣнію, при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ собранными матеріалами мы узнаемъ, что признанная Раби-Мойше Иссерлисомъ удовлетворительность положенія евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ была только относительная, въ сравненіи съ положеніемъ ихъ въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ евреи, окруженные самою дикою, ярою ненавистью, могли каждое мгновеніе ожидать всевозможныхъ сюрпризовъ начиная съ непомѣрныхъ, крайне несправедливыхъ денежныхъ налоговъ и кончая совершеннымъ изгнаніемъ или даже поголовнымъ избіеніемъ, гдѣ евреи, безсильные и безправные, не были увѣрены въ томъ, что завтрашній день не принесетъ имъ нищеты и разоренія а не то и смерти. Становится очевидно, что польскіе раввины высказываясь о положеніи евреевъ въ Польшѣ, сопоставляли Польшу,

Digitized by Google

съ нѣмецкими государствами, гдѣ положеніе ихъ единовѣрцевъ бы до невозможности тяжелое, и невольно остываетъ прежнее умилен по поводу приведенныхъ чуть ли не восторженныхъ отзывовъ этих раввиновъ о положеніи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ.

Масса другихъ данныхъ, приведенныхъ въ томъ же отдѣлѣ книг г. Каца, свидѣтельствуетъ намъ, что и въ Польшѣ и Литвѣ на дол евреевъ выпадало немало гоненій и безпричинныхъ притѣсненій, чт и здѣсь на нихъ смотрѣли, какъ на доходную оброчную статью, ко торою не оставляли пользоваться, какъ только представлялся для этог малѣйшій случай.

Въ 1557 году еврейское общество въ Любмилѣ постановило никакой еврей невправѣ покупать какую либо недвижимость у христіанина въ предѣлахъ городской черты, такъ какъ, (поясняется причина такого постановленія), если христіане въ городѣ не будут жить совмѣстно съ евреями, можно будетъ опасаться учиненія первыми поджоговъ домовъ послѣднихъ» (Респонсы «Бетъ-Ходошъ», § 4). Достаточно, кажется, одного этого факта, чтобы въ насъ уже нѣсколько ослабѣла вѣра въ особо дружественныя отношенія къ нашимъ предкамъ со стороны польскаго и литовскаго населенія. Что отношенія населенія къ евреямъ далеко не были удовлетворительны, доказывается еще приводимымъ въ 61-мъ § тѣхъ же респонсъ постановленіемъ, чтобы евреи не брали въ откупъ «чоповаго» (питейнаго откупа), «такъ какъ (сказано тамъ) этотъ откупъ представляетъ великую опасность изъ за негодованія населенія во многихъ мѣстахъ, что евреи властвуютъ надъ нимъ и творятъ расправу, какъ короли и князья».

Еще слѣдующій фактъ, заимствуемый изъ респонсъ Р. Ицхока Галеви (מה"רי הלוי) показываетъ, какая допускалась безцеремонность въ отношеніяхъ къ евреямъ. Черезъ городъ проходилъ отрядъ солдатъ. Евреи по обыкновенію, встрѣтили командира отряда разными подношеніями. Когда же командиръ не удовольствовался преподнесенными ему подарками, евреи прислали ему еще различныя коренья, но онъ вытолкнулъ посланцевъ вонъ, а затѣмъ нагнали ихъ снова его слуги, которые просили показать имъ, сколько вѣсятъ присланныя коренья. Отправились они всѣ къ одному лавочнику— чтобы взвѣсить коренья, но какъ только послѣдній открылъ свою лавку, нахлынули въ нее еще солдаты и, ссылаясь на приказаніе своего начальника, стали тащить изъ лавки все, что имъ ни попадалось.

Въ книгѣ г. Каца имѣется и множество другихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о несовсѣмъ удовлетворительномъ положеніи евреевъ въ ту эпоху, но мы остановились на приведенныхъ, какъ на данныхъ, имѣю-

Digitized by Google

ихъ болѣе общій интересъ, такъ какъ они касаются не отдѣльныхъ личностей изъ евреевъ, а цѣлой еврейской общины или даже въ одномъ случаѣ всѣхъ евреевъ въ странѣ.

III.

Среди собранныхъ г. Кацомъ историческихъ матеріаловъ мы находимъ очень мало данныхъ, по которымъ можно бы было судить объ отношеніяхъ къ евреямъ со стороны польскихъ королей и о взглядѣ раввиновъ на эти отношенія. Но за то не особенно свѣтлую картину представляютъ имѣющіяся тамъ данныя объ отношеніяхъ къ евреямъ польскихъ пановъ и магнатовъ, которые являлись полновластными повелителями въ принадлежавшихъ имъ земляхъ, и о которыхъ тотъ же Р. Мойше Иссерлисъ выражается въ одномъ мѣстѣ, что «и король не властенъ надъ ними» *). Здѣсь мы видимъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ особый произволъ, особую беззастѣнчивость въ вымоганіи денегъ.

Въ респонсахъ «Шеерить-Іосифъ» (שארית יוסף), въ § 70, упоминается объ одной еврейской общинѣ, которой власти вдругъ воспретили рѣзать скотъ и продавать мясо. Надо замѣтить, что убой скота и торговля мясомъ составляли одно изъ самыхъ распространенныхъ въ то время среди евреевъ занятій. И вотъ, респонсы повѣствуютъ, что въ теченіе года евреи собирали по три золотыхъ съ каждой головы скота на расходы по улаживанію дѣла, нѣсколько разъ, а спустя годъ вошли въ соглашеніе (съ властями), по которому евреи обязывались за право рѣзки скота и продажи мяса вносить ежегодно по 40 золотыхъ (это относится къ срединѣ XVI столѣтія).

Въ Вильнѣ покупалось у трибунала (за сто золотыхъ въ годъ) особое право приносить въ судѣ присягу съ покрытою головою, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ компетентный раввинъ не разрѣшилъ евреямъ присягать и съ непокрытою головою. Такимъ путемъ раввинъ освободилъ евреевъ отъ лишняго по тому времени налога (книга «Бетъ-Гилель», отд. «Іоре-Deo», § 157).

Въ этой же книгѣ находимъ и слѣдующее сообщеніе, свидѣтельствующее, что по отношенію къ евреямъ не существовало никакихъ опредѣленныхъ законовъ и что всякій польскій панъ въ отдѣльности могъ на своей землѣ творить надъ евреями судъ и расправу по своему личному усмотрѣнію или, точнѣе, по своему произволу.

На еврейскую дѣвушку взведено было обвиненіе, что она обѣщала одному христіанину оставить іудейство и сочетаться съ нимъ бра-

*) Предисловіе въ книгѣ г. Каца.

Digitized by Google

комъ. Дядя дѣвушки, у котораго она жила, и которому, вѣроятно, бы
знакомъ крутой нравъ мѣстнаго владѣтельнаго пана, поспѣши
удалить свою племянницу изъ города, отправивъ ее въ другую общи
Владѣтельный панъ распорядился тотчасъ же взять подъ стра
раввина и представителей общины и потребовалъ отъ нихъ неп
мѣннаго доставленія къ нему дѣвушки для суда надъ нею. Зак
ченные принуждены были обратиться къ общинѣ, къ которой дѣвуш
была отослана, съ просьбою объ обратной высылкѣ ея на прежн
мѣстожительство для представленія на судъ вельможи; но эта
слѣдняя община поставила на разрѣшеніе Брестскаго еврейскаго т
бунала (Бетъ-Дина) *) вопросъ о томъ, вправѣ ли она передать
вушку, отрицавшую всякую вину, въ руки ея преслѣдователей. Т
буналъ рекомендовалъ общинѣ не скрывать дѣвушку отъ суда, тол
представить ее для сужденія не тому пану, который ее преслѣдова
и который ужъ навѣрное не былъ бы безпристрастенъ въ дѣлѣ,
другому, подъ властью котораго она теперь жила. Община такъ
сдѣлала, и новый судья, выслушавъ дѣвушку, настаивавшую на сво
неприкосновенности къ взводимому на нее преступленію, призна
ее невиновною.

Въ отношеніяхъ къ евреямъ мѣстными властями руководи
главнымъ образомъ интересы корыстные. Онѣ обвиняли невинных
за деньги оправдывали явно виновныхъ или назначали несоотв
ствующія проступку наказанія. Въ респонсахъ Р. Авраама Раш
порта (איתן האזרחי) приводятся слѣдующія слова Р. Меера Зак
бросающія свѣтъ на судебные порядки средины XVII столѣтія: «я
громогласно протестую противъ того, что представители нашихъ
общинъ, какъ только преступникъ-еврей попадетъ въ тюрьму, ста
раются выкупить его помощью взятокъ. Это способствуетъ увели
ченію преступности среди народа нашего, а потому ничуть не должны
въ данномъ случаѣ (дѣло идетъ объ одномъ евреѣ, обвинявшемся
въ убійствѣ) дать ему возможности избавиться отъ смерти.

«Одно только меня безпокоитъ, — продолжаетъ раввинъ, — что по
подговору ксендзовъ онъ (преступникъ) можетъ избавиться от
наказанія путемъ принятія христіанства,—и тогда мы должны будем
прибѣгнуть къ подкупу, чтобы не дали ему возможности освободиться
отъ заслуженной кары, такъ какъ въ противномъ случаѣ всякій

*) Въ виду крайне несправедливыхъ рѣшеній общихъ судовъ, представи
тели каждой общины, во имя заповѣди о выкупѣ невинныхъ жертвъ (פדיון
שבים) считали своею обязанностью всемѣрно заботиться объ огражденіи со
братьевъ отъ опасности подвергнуться суду, причемъ нерѣдко платились для
этой цѣли своими личными интересами и даже личною своею свободою (респ.
מהר"ם ליובלי и пр.).

Digitized by Google

злодѣй будетъ дѣлать, что ему заблагоразсудится, въ разсчетѣ путемъ крещенія избавиться отъ наказанія. Слѣдуетъ намъ стараться отнять у преступниковъ всякую возможность уйти отъ руки правосудія» *)...

Въ какой степени принятіе господствующей религіи составляло спасительное средство для самыхъ отчаянныхъ преступниковъ изъ евреевъ, мы видимъ изъ приводимаго г. Кацомъ другого извлеченія изъ тѣхъ же респонсъ, гдѣ разсказывается о томъ же убійцѣ, что годомъ раньше онъ жестоко избилъ свою жену: когда его потребовали въ судъ (еврейскій), то преступникъ пошелъ не за шамесомъ, а по другому направленію. «Куда ты идешь?»—спросилъ его шамесъ.

— «А развѣ ты думаешь, что пойду въ судъ? Я долженъ тебѣ сказать то, надъ чѣмъ я ужъ давно задумываюсь и что намѣренъ я теперь привести въ исполненіе: «иду къ ксендзу». Шамесъ поспѣшилъ передать его слова лицамъ, пославшимъ его, и съ тѣхъ поръ послѣдніе отказались отъ мысли о преслѣдованіи преступника, только втайнѣ они рѣшили между собою не допускать его ни къ какому священному акту въ синагогѣ и не придавать значенія его показаніямъ, въ случаѣ, если бы онъ выступилъ по какому-нибудь дѣлу свидѣтелемъ.

Характеренъ и слѣдующій фактъ, извлеченный изъ респонсъ того же р. М. Люблинскаго, (מהר"ם ליובלין) относящійся къ концу XVI или началуXVII столѣтія. Въ § 15 этихъ респонсъ разсказывается: «Въ городѣ Аптѣ пойманъ былъ еврейскій юноша съ развратною женщиною. Мѣстныя власти хотѣли его приговорить къ смерти, съ тѣмъ однако, чтобы освободить отъ казни и выпустить на свободу, если онъ приметъ христіанство. Представители еврейской общины обратились къ раввину съ вопросомъ, обязана ли община въ данномъ случаѣ по еврейскому закону выполнить по отношенію къ пойманному юношѣ религіозное предписаніе о выкупѣ заключенныхъ (פדיון שבוים). Люблинскій раввинъ отвѣтилъ на обращенный къ нему вопросъ, между прочимъ, вотъ что: «По закону страны за преступленіе, въ которомъ юноша уличенъ, смертная казнь не полагается. Остается, слѣдовательно, заключить, что ими (властями) руководитъ желаніе получить отъ васъ деньги,—и, если не дадите выкупа въ этомъ случаѣ, то несомнѣнно ими скоро будетъ пріисканъ другой поводъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Только тогда этотъ юноша, какъ крещеный, можетъ тоже примкнуть къ вашимъ врагамъ—и кто знаетъ,

*) Такое же мнѣніе и по подобному же дѣлу высказано было еще въ серединѣ XVI столѣтія раввиномъ Р. Мееромъ Люблинскимъ въ его респонсахъ מהר"ם ליובלין, въ § 138-мъ.

Digitized by Google

до чего можетъ дойти дѣло? Поэтому,—пишетъ раввинъ,—обсудите зрѣло это дѣло съ точки зрѣнія условій времени и мѣста, а также характера вашего пана—тогда несомнѣнно найдете наиболѣе вѣрный выходъ изъ положенія». Кончаетъ раввинъ свой отвѣтъ пожеланіемъ, чтобы Господь всемогущій хранилъ эту общину, и чтобы Онъ положилъ конецъ страданіямъ Своего народа.

Что денежный выкупъ употреблялся, какъ средство для удерживанія отъ крещенія членовъ общины, доказываетъ также фактъ, занесенный на страницы «Регестъ». Тамъ мы читаемъ: Въ день крещенія еврейской дѣвушки Стирки «прибѣжала въ церковь мать ея Марьямка и, упавъ на землю, умоляла не крестить ея дочери, обѣщая за это *великій поклонъ и подарокъ*». Боркулабовскій хроникеръ присовокупляетъ, что «нѣкоторые мѣщане видѣли при этомъ многое чарованье оное Марьямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила*).

Стоитъ только сопоставить сообщенія объ этихъ двухъ нѣсколько аналогичныхъ случаяхъ, заимствованныя изъ различныхъ источниковъ—Боркулабовской хроники и раввинскихъ респонсъ, — и сразу опредѣлится, въ какомъ изъ этихъ источниковъ съ большимъ хладнокровіемъ и большею правдивостью повѣствуется о фактѣ, и какой лѣтописецъ, еврейскій или современный общій, умѣлъ трезвѣе смотрѣть на дѣло, правильнѣе его оцѣнить. Съ одной стороны передъ нами издѣвательство, глумленіе надъ слабою матерью, изо всѣхъ силъ рвущеюся удержать въ вѣрѣ отцовъ свою родную дочь, а съ другой—философски смиренный взглядъ на положеніе и самое зрѣлое сужденіе о выходѣ изъ него, которое могло быть продиктовано только свѣтлымъ умомъ и долгимъ, горькимъ опытомъ.

Это сопоставленіе лишній разъ доказываетъ громадное значеніе раввинскихъ рѣшеній, какъ историческихъ документовъ. Очевидное смиреніе раввина въ данномъ случаѣ объясняетъ намъ, кромѣ того, скромность требованій раввиновъ вообще,—какъ мало они требовали отъ христіанскаго населенія, чтобы признать его отношенія къ евреямъ достаточно удовлетворительными.

IV.

Отъ внѣшняго положенія нашихъ предковъ подъ владычествомъ Польши и Литвы перейдемъ къ даннымъ, рисующимъ ихъ тогдашній внутренній бытъ: занятія, степень матеріальнаго благосостоянія, нравственный уровень, положеніе раввиновъ и др.

Ограниченные въ правахъ, они были отрѣзаны отъ многихъ

*) Рег. № 717.

Digitized by Google

граслей производительнаго труда, и преимущественное ихъ занятіе, ромѣ откуповъ и арендъ, выпадавшихъ на долю немногихъ лицъ, ставляла торговля мясомъ, о которой мы упомянули уже выше. бъ этомъ свидѣтельствуютъ извлеченія изъ респонсъ «Ханохъ-Бетъ-гуда» и «Нахлатъ-Шиво» (обѣ книги относятся къ серединѣ VI столѣтія). Въ первомъ изъ этихъ извлеченій читаемъ: «по воз-ужденному вопросу, дозволяется ли евреямъ съ религіозной точки ѣнія рѣзать скотъ и продавать мясо въ первые девять дней мѣ-ца Аба раввины дали утвердительный отвѣтъ, такъ какъ, (поясняется въ отвѣтѣ), продажа мяса есть не болѣе, какъ торговое ѣло, веденіе котораго въ первые девять дней Аба не возбраняется, а кромѣ того, *это занятіе доставляетъ средства къ жизни чень большой части народа*». Во второмъ изъ приведенныхъ извлеченій прямо констатируется фактъ, что «въ Польшѣ и Россіи родавцы мяса главнымъ образомъ евреи».

Бывали однако случаи, что предпріимчивый духъ евреевъ бралъ ерхъ надъ всѣми внѣшними препятствіями, и они пристраивались ъ болѣе производительнымъ и болѣе обезпечивающимъ занятіямъ. акъ, въ респонсахъ «Понимъ Меиротъ» (въ концѣ XVII столѣтія) ы находимъ свѣдѣніе, что «въ Шидловцахъ (въ Польшѣ) евреи рендаторы кузницъ «получили отъ владѣльцевъ право дѣлать расопки въ горахъ, чтобы извлекать металлы, и они широко пользуются гимъ своимъ правомъ, жгутъ и плавятъ добываемые металлы денно нощно, безъ отдыха». О такомъ дѣятельномъ участіи евреевъ въ азвитіи горнаго дѣла въ разсматриваемую эпоху не упоминается и въ какихъ, даже спеціальныхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ по тому вопросу—и приведенный фактъ заслуживаетъ поэтому вниманія при изученіи исторіи развитія металлургіи въ нашемъ отечествѣ вообще.

Крайняя ограниченность круга занятій, вообще, и неопредѣленность положенія, обусловливавшагося не всегда одинаковыми отношеніями мѣстныхъ властей, въ особенности, разумѣется, не могли е отражаться весьма неблагопріятно на степени матеріальнаго благоостоянія евреевъ. Въ извлеченіи изъ респонсъ Магаршалъ, относящихся къ серединѣ XVI столѣтія, упоминается объ установившемся у евреевъ обычаѣ не ѣсть мяса до слѣдующей за днемъ -го Аба субботы, т. е. не ѣсть мяса не въ теченіе первыхъ девяти дней мѣсяца Аба, но въ продолженіе иногда до 15-ти дней. Іроисхожденіе этого обычая приписывается въ респонсахъ бережливости, экономности (קמצנות) евреевъ, гдѣ дѣло касается удовлетворенія личныхъ потребностей. Но врядъ ли можно полагать, что ережливость была тутъ единственною причиною. Не была ли и она

Digitized by Google

вызвана въ свою очередь причинами болѣе серьезными, болѣе глу кими, причинами чисто экономическаго характера.

Угнетенное матеріальное положеніе въ связи съ надвигавшек грозною тучею въ образѣ Хмѣльничины не могли не вызвать нѣ тораго пониженія нравственнаго уровня народной массы. Лк стали смотрѣть на своихъ ближнихъ какъ на дикихъ звѣрей, г зящихъ имъ каждое мгновеніе смертью, и стали мало по малу бывать основной завѣтъ нашего ученія о любви къ ближнему. на стражѣ народной нравственности бодро стояли раввины, своихъ посланіяхъ призывавшіе народъ къ огражденію себя о пороковъ и безнравственныхъ поступковъ.

Одно изъ такихъ воззваній, Р. Меера Зака, извлеченное изъ р понсъ Р. Авр. Рапопорта, уже приведено нами выше, но отмѣти здѣсь, что тотъ же раввинъ выражаетъ также свое сожалѣн по псводу случаевъ въ м. Барѣ и Мадоховѣ, что тамъ сдѣлаг были на еврейскія общины нѣкоторыми порочными членами ея яв ложные доносы, и призываетъ общины позаботиться, чтобы пр ступники понесли должную кару (респ. «Эйсопъ Гоззрохи»)

Извѣстный Р. Шломо Лурье сурово обрушился даже разъ и нѣкоторыхъ раввиновъ, упрекая ихъ въ недостаточно внимательно отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ недостаточно достойно поддерживаніи ими раввинскаго знамени (книга «Іамъ шелъ-Шлом Магаршала).

Въ респонсахъ же мы находимъ свѣдѣнія о томъ, какія налаг лись наказанія за проступки по отношенію къ чести ближняго. Н казанія эти были чисто нравственнаго свойства, и ими, повидимом главнымъ образомъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы внушить прови нившемуся глубокое смиреніе и тѣмъ воскресить въ немъ погасшее время религіозное чувство. Такъ, за опозореніе чьей-либо чести п лагались четыре удара ремнемъ (מלקות). Удары эти не были ос бенно страшны, такъ какъ экзекуція, какъ извѣстно, производила лишь для вида и не причиняла никакой боли; но страшна была о становка, при которой наказаніе приводилось въ исполненіе—в синагогѣ, между полуденной и вечерней молитвами, когда та бываетъ наибольше народа. Опозореніе семейной чести супруго преслѣдовалось еще болѣе строго: провинившійся долженъ былъ бра съ амвона двѣ зажженныя свѣчи и, держа ихъ въ рукахъ, пу лично, въ синагогѣ же, просить прощенія у опозоренныхъ имъ муж и жены, а послѣ прощенія послѣдними онъ долженъ былъ оставать какъ бы въ траурѣ, за дверьми синагоги въ теченіе четырехъ н дѣль. Отъ наказанія можно было откупиться взносомъ нѣкотор суммы въ пользу бѣдныхъ, но не всегда. Допустимость денежна

Digitized by Google

купа обусловливалась большею или меньшею важностью проступка, наказаніе безусловно сохранялось, когда проступокъ былъ совершенъ не въ запальчивости и раздраженіи, а съ явно злымъ умысломъ, заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Одну изъ главныхъ заботъ раввиновъ, какъ представителей общинъ, составляло также производство розысковъ о мужьяхъ, оставившихъ своихъ женъ, или, въ случаѣ смерти первыхъ, добываніе о томъ достовѣрныхъ свѣдѣній, чтобы оставленная жена, «агуна», могла снова выйти замужъ. При отсутствіи правильныхъ сообщеній между различными, даже мало отдаленными, мѣстностями и при частыхъ случаяхъ насильственной смерти, которой тогда подвергались въ пути и даже въ городахъ, это составляло заботу немалую, и для производства розысковъ спеціально нанимались особые люди, которые разъѣзжали съ этой цѣлью по различнымъ городамъ (Респ. «Пней-Іегошуа», 2-я ч., § 63).

Раввины, затѣмъ, входили въ обсужденіе всѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, вызывавшихся практическою жизнью, и рѣшали ихъ всегда съ точки зрѣнія житейской филисофіи, не дѣлая, однако, отступленій отъ требованій закона, въ которомъ умѣли только находить основаніе для того или другого своего рѣшенія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ многихъ приведенныхъ уже рѣшеній, еще слѣдующія:

По вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ писать въ разводномъ листѣ, требующемъ, какъ извѣстно, особой точности въ орфографіи), женское имя Любка (לובקא)—черезъ «б» или «п»—въ книгѣ Р. Мордхе Іоффе «Лвушъ Габуцъ в'аргомонъ» (לבוש הבוץ וארגמן) находимъ своего рода филологическое разысканіе: Любка черезъ «б», разсуждаетъ раввинъ, происходитъ отъ русскаго слова «любить» и есть терминъ ласкательный; «люпка» черезъ «п» происходитъ отъ русскаго «лупить» и есть безъ сомнѣнія терминъ отрицательный. Остается слѣдовательно, заключить, что надо писать «Любка», а не «Лупка».

Въ респонсахъ ים של שלמה отмѣчается, что всякаго Шломо русскіе называютъ Шліомкою или Шлюмицею, Давида—Донкой, Іегошуа—Гушкой, что названіе рѣки Вuh тождественно съ русскимъ «Бугъ», такъ какъ вмѣсто «h» употребляется русскими буква «г» и т. д.

По вопросу о допустимости при еврейскомъ богослуженіи мелодій, распѣваемыхъ въ христіанскихъ храмахъ, раввины высказались въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ, объясняется въ респонсахъ, и евреи, и христіане одинаково составляютъ мелодіи на основаніи общей теоріи музыки, а эта теорія, какъ наука, есть въ

Digitized by Google

одинаковой мѣрѣ принадлежность всего человѣчества, а не одни только христіанъ и христіанскаго богослуженія .(Респ. «Бетъ-Х дошъ», § 127).

Считаемъ нужнымъ отмѣтить еще одну историческую справ имѣющую отношеніе къ внутреннему быту евреевъ XVI и XVII с лѣтій. Изъ раввинскихъ респонсъ явствуетъ, что въ тѣ време вовсе не были въ ходу ранніе браки, и женихъ передъ помолвк непремѣнно имѣлъ свиданіе съ невѣстою *«по общепринятому об чаю»* (респ. «Масэтъ-Беньяминъ», § 16). О бракахъ малолѣтни впервые упоминается лишь въ рѣшеніяхъ конца XVIII столѣт

Раввинскія постановленія и вообще посланія сообщались всѣ еврейскимъ общинамъ, да кромѣ того оглашались всенародно ярмаркахъ, которыя въ тѣ времена бывали очень часты, и на к торыя евреи, почти исключительно занимавшіеся торговлею, съѣ жались въ большемъ числѣ. На ярмаркахъ же устраивались д пріѣзжихъ временныя синагоги, въ которыхъ молились три раза день, а въ субботніе дни, кромѣ того, ученые люди и главы еш ботовъ объясняли Св. Писаніе (респ. Р. Мойше Иссерлиса).

Дальше изъ респонсъ мы видимъ, что польскіе и литовскіе ра вины пользовались большимъ авторитетомъ не только на своей ро динѣ, но далеко за ея предѣлами. Еврейскія общины западно-европей скихъ государствъ и даже отдаленнаго востока (Іерусалимъ и др). част обращались къ нимъ за содѣйствіемъ, когда представлялась надобност уладить какой нибудь внутренній споръ, и даже посылали къ ним своихъ уполномоченныхъ для непосредственнаго представленія им доводовъ спорящими сторонами. Въ упомянутыхъ уже респонсах Р. Мойше Иссерлиса, по поводу внутреннихъ раздоровъ въ Франк фуртской еврейской общинѣ читаемъ: «всѣ раввины Польши и Италі поддержали Маг'ро Сегалъ» (מהר"א סגל).

Въ респ. מה"רם ליובלין, въ § 40, повѣствуется слѣдующее «когда евреи были изгнаны изъ Силезіи и другихъ мѣстъ, жител г. Цильцъ купили себѣ право оставаться въ городѣ за двѣ тысяч золотыхъ. Такъ какъ сами жители г. Цильцъ не въ состояніи дат такого выкупа, то они обратились за помощью къ литовскимъ общи намъ, изъ которыхъ три пожертвовали пятую часть этой суммы Но на это пожертвованіе сталъ заявлять претензіи и городъ Гоцип лоцъ, вслѣдствіе чего оба эти города, Цильцъ и Гоциплоцъ, согла сились послать къ Люблинскому раввину своихъ уполномоченных для представленія дѣла на его усмотрѣніе».

Въ респ. גנת ורדים Авраама Галеви, жившаго въ Египтѣ, по аналогичному спору, возникшему между аскеназами и сефардами в Іерусалимѣ, упоминается о великомъ значеніи польскихъ раввинов

Digitized by Google

V.

Такова была въ общихъ чертахъ внутренняя жизнь евреевъ, ъ она представляется намъ по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, извле-нымъ изъ раввинской письменности, до середины XVII сто-тія, когда вдругъ вспыхнуло казацкое возстаніе и главною своею естью обрушилось на евреевъ. Литовскіе евреи предчувствовали зу и съ большою тревогою смотрѣли на надвигающуюся зловѣ-ю тучу. У нихъ еще въ 1636 году, по поводу рѣзни на Литвѣ, тановлено было соблюдать постъ по понедѣльникамъ и чет-гамъ въ теченіе шести недѣль (респ. «Гвуратъ-Аношимъ»). Но обычное средство «голуса»—средство, къ которому евреи при-гали и прибѣгаютъ во время грозящей имъ опасности съ самаго рваго момента ихъ разсѣянія—и на этотъ разъ не предотвра-ло грознаго бѣдствія. Наступилъ 1648 годъ—и по улицамъ поль-ихъ и литовскихъ городовъ и мѣстечекъ рѣками полилась еврей-кая кровь. Настали ужасы, при одномъ воспоминаніи о которыхъ теперь еще волосы становятся дыбомъ и по тѣлу пробѣгаетъ ожь. Но эта эпоха составляла уже не разъ предметъ спеціальныхъ слѣдованій, изъ которыхъ ужасы рѣзни достаточно знакомы, *) а этому перейдемъ къ сохранившимся на страницахъ раввинской исьменности другимъ даннымъ, не лишеннымъ также историче-каго интереса.

Изъ раввинскихъ респонсъ мы узнаемъ, что въ XVII столѣтіи усскіе евреи не мало страдали отъ крымскихъ татаръ, которые ѣдко забирали ихъ въ плѣнъ съ цѣлью получить за нихъ денеж-ый выкупъ, а иногда и убивали (респ. «Бней-Мойше»—Констан-инополь, 1713 г. «Бетъ-Ходошъ» и др.). Далѣе мы находимъ свѣ-нія объ участіи евреевъ въ войнѣ Россіи съ Польшею въ началѣ VII столѣтія, какъ въ качествѣ поставщиковъ съѣстныхъ припа-овъ для польской арміи, такъ и въ качествѣ воиновъ. Одинъ сол-атъ—еврей, по имени Броха, даже выказывалъ подвиги необык-овенной отваги и храбрости и прослылъ «Брохою-силачемъ» (респ. агарамъ Люблинъ, § 101).

Общенія съ русскими областями польскіе евреи, повидимому, не ѣли никакого. Они даже не допускали, чтобы тамъ евреи могли ить, оставаясь въ вѣрѣ отцовъ—и когда какому-нибудь еврею-

*) Представленіе о размѣрахъ бѣдствія 1648 года даетъ, между прочимъ, охранившаяся въ рукописи особая по этому случаю молитва (סליחות) подъ званіемъ צוק העתים, приписываемая Р. Мееру Шебршину: она была на-ечатана І. И. Гурляндомъ въ краковскомъ сборникѣ אוצר הספרות תרס"ו.

Digitized by Google

выходцу изъ Московской Руси приходилось совершить тотъ или д
гой религіозный обрядъ въ Польшѣ, онъ долженъ былъ предст
лять доказательства, ссылкою ли на родственниковъ, или други
путемъ, что онъ продолжаетъ быть евреемъ. Былъ даже слу
въ Литвѣ, что въ одинъ городъ прибыло еврейское семейство
Московской Руси,—и мѣстный раввинъ потребовалъ, чтобы му
отдѣлился отъ жены до представленія несомнѣнныхъ доказательст
что они евреи (т. е. что они повѣнчаны по закону еврейско
(респ. «Бетъ-Гилель» § 2 отд. «Эвенъ-Гоэзеръ»).

Дополнимъ приведенные матеріалы по исторіи евреевъ въ р
сматриваемую эпоху еще однимъ фактомъ, имѣющимъ особенн
интересъ и въ нашей исторической литературѣ еще не выясненн
Въ респонсахъ р. Мойше Матрани, жившаго въ Палестинѣ,
таемъ показаніе р. Эліогу сына Нехеміи, данное имъ предъ евр
скимъ трибуналомъ объ евреѣ Меерѣ Аскенази, что послѣдній е
разсказывалъ, что въ 16 день тамуза 1567 года онъ получилъ уш
номочіе отъ татарскаго хана отправиться посломъ въ Краковъ
королю. По мнѣнію г. Каца, слѣдуетъ полагать, что рѣчь идетъ
объ отдаленныхъ казанскомъ или астраханскомъ ханахъ, а о кры
скомъ, которому, какъ извѣстно, Россія хотѣла еще въ 1559 го
объявить войну, и онъ отправлялъ своего посла къ польскому ко
ролю, находившемуся также во враждѣ съ русскимъ царемъ Іоа
номъ IV.

Этотъ фактъ, какъ и многіе другіе изъ числа заимствованных
г. Кацомъ изъ обширнаго моря раввинскихъ респонсъ, ждутъ ещ
своего изслѣдователя, который найдетъ подтвержденіе ихъ и бол
подробныя данныя о нихъ въ другихъ источникахъ—общихъ ли, и
еврейскихъ. Матеріалы, собранные г. Кацомъ, ждутъ еще историка
знатока исторической науки, который подъ мертвой буквою съумѣе
разглядѣть одухотворяющую ея идею, который уразумѣетъ много
изъ немногаго и по сжатымъ изреченіямъ раввиновъ сдѣлаетъ пр
вильный, безошибочный выводъ объ ихъ великихъ завѣтахъ щ
томству. Г. Кацъ разрыхлилъ твердо залегшую почву и изъ нѣдр
ея извлекъ цѣнные камни, которые несомнѣнно послужатъ прочно
основою для будущаго историческаго зданія.

С. Лившицъ.

Digitized by Google

Птицы перелетныя.

Сказка для еврейскихъ дѣтей *).

Въ одно тихое мартовское утро, когда солнце еще не высоко ояло на небѣ, когда на недавно только пробившейся нѣжной ярко-еной травкѣ дивными алмазами дрожали еще капли росы, надъ ольшой деревушкой сѣверной Германіи пронеслись двѣ птицы къ высоко, что онѣ казались двумя летающими въ воздухѣ точ-ами. Онѣ мгновенно остановились, какъ будто озирая мѣсто и вдругъ али опускаться съ своей высоты, описывая спирали въ воздухѣ, акъ будто имъ страшно было пуститься стремглавъ внизъ по пря-ой линіи. Спустились онѣ не на землю, а прямо на верхушку острой амышевой крыши небольшого стараго домика, стоявшаго у самой раины деревни.

Это оказались большія, красивыя, стройныя птицы, совсѣмъ бѣ-ыя, кромѣ края длинныхъ крыльевъ, который былъ черный. На ысокихъ, тонкихъ, блѣдно-красныхъ ногахъ покоилось изящное, длиненное крѣпкое тѣло съ небольшой, красивой головкой, оканчи-ающейся длиннымъ, прямымъ, краснымъ клювомъ и темными, рупными, выразительными глазами, обведенными темно-сѣрыми ругами.

Старый Христіанъ, хозяинъ домика, возившійся въ то время коло плуга, который онъ чинилъ домашними средствами, увидѣвъ пустившихся птицъ, привѣтливо имъ улыбнулся и сейчасъ кликнулъ ену:—«Гедвиса, скорѣй сюда. Смотри, аисты прилетѣли. Теперь, начитъ, весна установилась окончательно. Эти египетскіе мудрецы ольше знаютъ въ этомъ толкъ, чѣмъ ласточки. Они никогда не оши-аются. Теперь, прощай холода!»—И онъ съ новой энергіей при-ялся постукивать молоткомъ по плугу. Египетскими мудрецамя ста-ый крестьянинъ назвалъ этихъ птицъ потому, что народъ ихъ счи-аетъ выходцами изъ Египта. Это была молодая парочка, которая ошлась и соединилась тѣсными узами во время перелета изъ теп-ыхъ странъ.

Спустившись на крышу и встрѣтивъ привѣтливый взглядъ хо-

*) Сюжетъ заимствованъ изъ сказки Андерсена.

Digitized by Google

зяина, наши птицы стали оглядываться кругомъ. «Тутъ все так мило, такъ тихо, мирно и хорошо вокругъ»,—подумали онѣ пр себя. «Тутъ можемъ мы хорошо и безопасно устроиться и прожит счастливо». И отъ удовольствія онѣ громко застучали клювами, и давая однообразный стукъ, похожій на стукъ трещотки ночного ст рожа. Дѣйствительно, было хорошо кругомъ. Сейчасъ за деревне по одну сторону, густая роща, а по другую тянулись луга и нив окаймленные цѣпью живописныхъ холмовъ, покрытыхъ бархатны зелеными коврами. За холмами тянулись лѣса, теперь еще оголе ные, но уже манившіе своей таинственностью. А за лѣсами и сред лѣсовъ находились болота и пруды, гдѣ аисты легко могли добыват червей, лягушекъ, змѣй, ящерицъ и разныхъ насѣкомыхъ, которы они питаются сами и питаютъ своихъ птенцовъ. И они принялис дружно строить свое гнѣздо. Выбрали они самую острую и саму высокую крышу, которая была бы наименѣе доступна злымъ и сквер нымъ мальчуганамъ, имѣющимъ страсть разорять птичьи гнѣзда уничтожать нанесенныя яйца, даже убивать птенцовъ, ради одног удовольствія дѣлать зло и причинять страданія слабымъ и беззащит нымъ существамъ. И вотъ, стали они вдвоемъ таскать въ клю вахъ сухихъ вѣтвей изъ ближайшей рощицы и складывать их круглой стѣной въ видѣ цирка, на самой окраинѣ крыши. Цѣлы день работаютъ оба безъ утомленія, и только въ сумерки, когда кру гомъ уже все затихнетъ и замретъ, они величаво спустятся на сво крышу, потрещатъ клювами, а потомъ тѣсно прижмутся другъ к дружкѣ и тихо заснутъ до зари.

Такъ они безъ устали работали дней восемь. За то гнѣздо вы шло на славу: просторное, крѣпкое и высокое, такъ что будущ птенцы оттуда падать не будутъ. Теперь они стали туда таскат мягкой травы, сѣна, соломы, разнаго тряпья, даже бумаги, чтобы выст лать его мягко внутри. Такъ устроились наши молодые аисты наилуч шимъ образомъ и зажили себѣ счастливо. Рано утромъ, до зари, спуска ются оба съ своего гнѣзда. Сначала походятъ по лугу, пороются клювам въ землѣ, полакомятся насѣкомыми, червячками, а то и ящерицей которая быстро проскользнетъ по травѣ. Подкрѣпившись такимъ об разомъ, взмахнутъ величаво крыльями и поднимутся высоко-высок въ чистый, прозрачный воздухъ, пронесутся надъ лѣсомъ, и, замѣ тивъ гдѣ либо на высокомъ дубу гнѣздо своихъ соплеменниковъ спустятся къ нимъ, позабавятся немного вмѣстѣ, перелетая съ дерев на дерево, а потомъ въ компаніи пустятся дальше къ болотамъ гдѣ царитъ такое обиліе. И такъ проходитъ цѣлый день. Въ гнѣзд залетятъ только, этакъ, къ полудню на часокъ-другой, чтобы побыт вмѣстѣ въ уединеніи. Но вотъ надъ землею спустились сумерки

Digitized by Google

кое-гдѣ на небѣ замелькали первыя звѣздочки; вернулось уже стадо съ пастбища, вернулся уже и табунъ. Въ крестьянскихъ домахъ зажглися огни; изъ трубъ ровной линіей потянулись дымныя колонны. Все замолкло кругомъ. Только на крышѣ стараго дома стараго Христіана, на окраинѣ деревни, слышенъ звонкій, дробный стукъ. Это аисты только что спустились въ свое гнѣздо и, вытянувшись во весь ростъ, радостно постукиваютъ клювами. А кругомъ какъ хорошо, какъ хорошо! Все зеленѣетъ, все цвѣтетъ; дивнымъ ароматомъ упоенъ весь дышащій сладостной нѣгой воздухъ, а изъ сосѣдней рощи разносятся трели соловья.

Вотъ въ гнѣздѣ, среди мягкой травки, лежатъ уже пять красивыхъ, большихъ, бѣлыхъ яицъ, съ еле замѣтными зеленоватыми оттѣнками, съ гладкой, словно полированной скорлупой. Молодая мать съ какой-то гордостью на нихъ смотритъ и не хочетъ ихъ покидать ни на секунду. За то какіе счастливые вечера проводятъ они вмѣстѣ.—Прошелъ еще мѣсяцъ; природа еще болѣе пріукрасилась, воздухъ еще болѣе былъ упоенъ чудными благоуханіями свѣжихъ травъ и цвѣтовъ, и среди этихъ упоительныхъ майскихъ благоуханій и волшебныхъ пѣсенъ соловья, одинъ за другимъ вылупились пять птенцовъ. Они конечно въ первые дни были не совсѣмъ то красивы. Но родители находили, что болѣе красивыхъ созданій міръ еще не видалъ.

Прошло еще недѣли двѣ-три.

Былъ тихій, прекрасный лѣтній вечеръ. Мать сидѣла въ самомъ гнѣздѣ около своихъ пяти малютокъ, которыя вытягивали свои тонкія, длинныя шейки и выставляли свои удлиненые, черные, не успѣвшіе еще сдѣлаться красными клювики. Не подалеку отъ гнѣзда, на самой верхушкѣ крыши, вытянувшись во весь ростъ, словно солдатъ передъ своимъ начальствомъ, стоялъ отецъ маленькихъ аистовъ. Одну ногу онъ подогнулъ подъ самое брюхо и держался только на другой, словно для того, чтобы стояніе на стражѣ стоило ему какъ можно больше усилій. Глядя на него, трудно было бы повѣрить, что это настоящій живой, а не сдѣланный изъ дерева аистъ: до того стоялъ онъ прямо и неподвижно. «Совсѣмъ таки выходитъ важно, что моя жена имѣетъ стражу около своего гнѣзда. Кто можетъ знать что я ея мужъ. Ну и подумаютъ, что я прикомандированъ къ ней свыше. Да, да. Совсѣмъ таки выходитъ важно». И думая такимъ образомъ, онъ все продолжалъ стоять на одной ногѣ, нисколько очевидно этимъ не утомляясь.

Внизу, на улицѣ забавлялась цѣлая ватага мальчугановъ. Увидѣвъ на крышѣ аистовъ, они принялись хохотать и издѣваться надъ

Digitized by Google

ними, называя ихъ разными прозвищами: «длинноногіе», «краснолапые», «египетская язва» и т. п. Аисты молча переглянулись, недоумѣвая и не соображая вполнѣ, что брань и издѣвательства относятся къ нимъ. Видя, что на ихъ насмѣшки и издѣвательства никто не отвѣчаетъ, мальчишки еще больше разъярились и съ гикомъ и свистомъ принялись бросать каменья въ гнѣздо... Нѣкоторые же, взявшись за руки и задирая головы вверхъ, къ крышѣ, запѣли слѣдующую пѣсенку:

Аисты проклятые,
Тощіе, носатые,
Изъ Египта явились,
И тутъ поселились.
Мы васъ ужъ проучимъ,
До смерти замучимъ.
И отъ маленькихъ птенцовъ
Не останется слѣдовъ.
Одного мы зарѣжемъ,
Другого мы изжаримъ,
Третьяго забьемъ,
Четвертаго унесемъ.

— Слышишь, мама, что говорятъ мальчики;—обращаются малютки къ своей матери, дрожа отъ страха:— слышишь, они говорятъ, что насъ убьютъ, зарѣжутъ. — Не слушайте ихъ, мои крошки, отвѣтила имъ мать, сама еле одолѣвая охватившій ее ужасъ. Мало, что могутъ сказать какіе нибудь уличные оборванцы. Не обращайте никакого вниманія на ихъ болтовню. Ничего вамъ ни будетъ, мои милые. Съ нами Богъ!

Но мальчики все продолжали надъ ними издѣваться, бросать въ нихъ каменья и пѣть свою пѣсенку. А мать все продолжала утѣшать своихъ дѣточекъ: «Успокойтесь, милые, не дрожите такъ и не пугайтесь. Вѣдь за насъ всегда Богъ. Смотрите, какъ вашъ отецъ стоитъ спокойно, безъ страха и все на одной ногѣ. На одной ногѣ— понимаете вы, что это обозначаетъ?»! На одной ногѣ—это значило на ея языкѣ, что долго они тутъ не останутся.

— Но, мама, такъ больно все это слушать и переносить, и такъ страшно! И за что это они къ намъ вдругъ пристали, мама? За что? За то видно, что мы такіе слабенькіе и маленькіе и крыльевъ еще не имѣемъ». И говоря такимъ образомъ, они втянули обратно въ гнѣздо свои головки, чтобы не видѣть того, что дѣлалось внизу Мать ничего не отвѣтила и въ свою очередь скрыла свою голову подъ крыльями. Печальныя мысли о будущемъ крѣпко сжали ея

Digitized by Google

терinское сердце; но она старалась скрывать это отъ своихъ и ъ того напуганныхъ малютокъ.

На другой день мальчики собрались на томъ-же мѣстѣ и опять инялись издѣваться надъ аистами, швырять каменьями въ ихъ ѣздо, распѣвая извѣстную свою пѣсенку:

Одного мы зарѣжемъ,
Другого мы изжаримъ и т. д.

— Мама, мама, — опять начали маленькіе аисты, помертвѣвъ ь ужаса: — они говорятъ, что насъ зарѣжутъ, зажарятъ. Это авда?

— Нѣтъ, нѣтъ, мои крошечки. Не допустимъ до этого. Учись только летать, высоко, высоко летать, и вамъ нечего будетъ ъ бояться. Ужъ я васъ буду учить. Понемножку, разумѣется. гда вы уже будете въ состояніи немного летать, мы пустимся по рестнымъ лѣсамъ и болотамъ. Такъ будете развивать свои силы, вмѣстѣ съ тѣмъ увидите новыя мѣста. Хорошо тамъ, особенно въ су. Тамъ забудете всѣхъ этихъ скверныхъ мальчугановъ.

— А потомъ что будетъ?—спросили бѣдныя малютки, жадно ислушиваясь къ тому, что имъ говорила мать.

— А потомъ, — отвѣчаетъ имъ мать,—потомъ соберутся вмѣстѣ ѣ проживающіе тутъ аисты, и тогда начнется великое пробное леніе. Это выйдетъ, эдакъ, въ началѣ осени. Тутъ необходимо умѣть гать хорошо, очень хорошо, ибо кто къ этому времени не будетъ ѣть летать, того предводитель пронзитъ на смерть своимъ клюмъ... Смотрите же, дѣточки, учитесь старательно и работайте много. гда начнется ученіе.

— Но вѣдь насъ все-равно потомъ зарѣжутъ и зажарятъ. Замъ же намъ еще учиться,— жалобно отвѣтили маленькіе аисты, юмнивъ извѣстную пѣсенку.

— Слушайте меня, вашу мать, а не уличныхъ мальчиковъ съ ь гадкими, грубыми пѣсенками! Послѣ большого примѣрнаго леія, когда окажется, что всѣ хорошо умѣютъ летать, мы улетимъ ѣко, далеко отсюда, черезъ лѣса, горы и моря въ теплую страну. дна и прекрасна эта страна! Тамъ есть высокія горы, которыя ими вершинами достигаютъ выше облаковъ. Тамъ растутъ цѣлые а апельсинъ, смоковницъ и финиковыхъ пальмъ. Словно кораллы ь чистаго янтаря, висятъ и рдѣютъ на солнцѣ кисти винограда. схитительные цвѣты, розы и лиліи покрываютъ долины и наполютъ воздухъ райскимъ благоуханіемъ. Чистые, прозрачные, свѣ ручейки стекаютъ съ высокихъ грозныхъ скалъ и прячутся въ охладной тѣни густыхъ, вѣковыхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ укачиваются и заливаются сладостными пѣснями тысячи раз-

Digitized by Google

ноцвѣтныхъ птицъ. Чисто и прозрачно тамъ лазуревое небо, и ясный, словно хрустальный воздухъ пропитанъ ароматомъ всевозможныхъ пахучихъ травъ и цвѣтовъ...

— А!—воскликнули дѣтки въ единодушномъ восторгѣ.

— Да,—продолжала мать,—чудна и прекрасна наша страна. Дай намъ только Богъ до нея добраться, — тогда мы заживемъ мирно, счастливо, безъ страха передъ этими дряными мальчишками и ихъ каменьями, безъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. И въ то время, когда тамъ такъ хорошо и тепло, солнце радостно и привѣтливо все освѣщаетъ и согрѣваетъ, здѣсь нигдѣ не найти зеленаго листочка на обнаженныхъ деревьяхъ. Здѣсь такъ холодно, что даже высоконосящіяся облака замерзаютъ и распадаются въ мелкія, бѣлыя пылинки, которыя покрываютъ землю, словно пухомъ.

Подъ этимъ она подразумѣвала снѣгъ. Но лучше выразить это она не могла.

— Ну, а злые уличные мальчики тоже распадаются въ мелкіе кусочки?—спросили малютки.

— Нѣтъ,—отвѣтила имъ мать,—въ кусочки они не распадаются. И зачѣмъ это вамъ? Зачѣмъ желать зла кому бы то ни было? Нѣтъ, они не замерзнутъ, не распадутся на кусочки, но они принуждены будутъ запрятаться въ своихъ мрачныхъ, непривѣтливыхъ домишкахъ, лежать съежившись у печи, въ то время, когда вы тамъ, въ нашей странѣ, будете свободно летать въ чистомъ синемъ воздухѣ, купаясь въ мягкихъ серебристыхъ лучахъ солнца, а кругомъ будутъ цвѣсти и благоухать цвѣты.

Прошло, между тѣмъ, еще нѣкоторое время. Маленькіе аисты уже подросли настолько, что могли прямо стоять въ своемъ гнѣздѣ и смотрѣть кругомъ. Отецъ каждый день приносилъ имъ въ клювѣ ящерицъ, мелкихъ змѣй и всякихъ другихъ пресмыкающихся, составляющихъ для аистовъ самое лакомое блюдо. Кромѣ того онъ ихъ по временамъ забавлялъ всякими ловкими штуками, на которыя онъ былъ большой мастеръ. Голову, напримѣръ, онъ заворачивалъ подъ самый хвостъ и такимъ образомъ простаивалъ по нѣсколько минутъ неподвижно; клювомъ онъ умѣлъ производить трескъ подобно трещоткѣ и т. п. Помимо того, онъ имъ разсказывалъ многое изъ того, что онъ видѣлъ въ ближайшихъ болотахъ, гдѣ онъ долженъ былъ проводить цѣлые дни, чтобы добывать пищи для дѣточекъ, и гдѣ онъ много бывало насмотрится и наслышится. Но о томъ, какъ горько ему доставался каждый червячокъ, каждая ящерička, которыхъ онъ имъ приноситъ, какъ онъ для этого цѣлые дни роется

Digitized by Google

въ болотѣ, залѣзая туда по самую шею, выходя насквозь промокшій и загрязненный; что выносилъ онъ отъ различныхъ болотныхъ животныхъ и гадовъ, населяющихъ эти мѣста, и столь враждебно относящихся ко всѣмъ другимъ породамъ, особенно къ птичьей за ея способность подниматься выше болотныхъ обитателей,—обо всемъ этомъ онъ имъ ничего не разсказывалъ. Домой онъ всегда являлся чистый, бодрый, улыбающійся, умывшись предварительно въ какой-либо рѣчкѣ или въ пруду. «Зачѣмъ дѣткамъ знать такія вещи! Пускай хоть теперь ѣдятъ спокойно то, что я для нихъ добываю»,—думалъ онъ.

— Дѣточки мои,—сказала имъ однажды мать,—вы теперь уже достаточно подросли, и вамъ пора уже учиться летать.—И говоря это, она всѣхъ ихъ вывела изъ гнѣзда и разставила на вершинѣ крыши. Бѣдняжекъ охватилъ сильный страхъ, головки стали кружиться, и имъ казалось, что вотъ вотъ они летятъ стремглавъ внизъ. Они всѣми силами размахивали крылышками, чтобы удержаться въ равновѣсіи.

— Смотрите только на меня,—сказала имъ мать,—и дѣлайте то, что я буду дѣлать. Головки вы должны держать всѣ такъ, ножки вытянуть вотъ этакъ. Вотъ такъ, такъ. Хорошо.—Ну, теперь—разъ, два, три! Разъ, два, три! Смѣло, смѣло. Иначе никогда вы отсюда не выберетесь. — И для того, чтобы имъ лучше видно было, какъ дѣлать, она сама раньше сдѣлала нѣсколько круговъ отъ одного конца крыши до другого. Дѣточки хотѣли сдѣлать то-же, замахали крылышками, и всѣ перекувырнулись, ибо это было въ первый разъ.

— Я не хочу больше летать,—сказалъ одинъ изъ молодыхъ аистовъ, собираясь уходить въ гнѣздо,—боюсь опять упасть и совсѣмъ слетѣть съ крыши.

— Значитъ, ты не хочешь никогда увидѣть прекрасную теплую страну, о которой я вамъ разсказывала,—сказала ему мать.

— Очень мнѣ нужна эта теплая страна, гдѣ-то за тридевять земель, за морями, за горами. Еще шею свернешь, пока до нея доберешься.

— Такъ ты, можетъ быть, предпочитаешь здѣсь погибнуть отъ голода и холода, или, еще вѣрнѣе, отъ рукъ уличныхъ мальчугановъ?

— Ну да, хочу лучше остаться здѣсь,—отвѣтилъ строптивый и еще болѣе трусливый юный птенецъ.—И вовсе я не погибну здѣсь,—продолжалъ онъ.—Спущусь къ мальчуганамъ, научусь вмѣстѣ съ ними швырять каменьями, пѣть пѣсенку и буду такой-же какъ они, и они меня не будутъ трогать.

Digitized by Google

— И вмѣстѣ съ ними будешь потомъ бросать каменья въ гнѣзд твоей родной птичьей породы и насмѣхаться и издѣваться над нею,—вскрикнулъ подлетѣвшій отецъ, который, возвратившись посл долгихъ странствій по болотамъ съ пищею въ клювѣ для своих птенцовъ и услышавъ еще издали разговоръ между матерью и строп тивымъ сыномъ, остался нѣсколько минутъ неподвижно въ воздухѣ надъ самой крышею, съ широко распущенными крыльями.—И дл этого-то,—продолжалъ бѣдный отецъ,—для этого-то выбиваться из силъ, ползать по всѣмъ болотамъ, переносить столько отъ разныхъ животныхъ и гадовъ, чтобы потомъ вскормленные тобою, цѣною та кихъ жертвъ, птенцы, чтобы твоя собственная плоть и кровь оста вила тебя и твоихъ и перешла къ твоимъ врагамъ и преслѣдов телямъ! Такъ сейчасъ-же, сію минуту, вонъ туда, къ нимъ!

Отщепенецъ задрожалъ отъ страха и пустился стремглавъ внизъ къ уличнымъ мальчуганамъ. Мать было кинулась къ нему, чтобы его удержать; но отецъ рѣшительно и сердито остановилъ ее.

— Измѣнникъ нашей благородной птичьей породы больше не мое дитя,—сказалъ онъ твердо,—удерживая его среди насъ, ты со хранишь въ нашей средѣ опасную болѣзнь, которая можетъ зара зить сотни другихъ. Ушедшій-же измѣнникъ болѣе не опасенъ. И дай Богъ, чтобы всѣ измѣнники лучше поскорѣе ушли отъ насъ, будь ихъ даже добрая половина всѣхъ насъ, чѣмъ, оставаясь съ нами и прикрываясь преданностью и любовью, отвратили нашихъ дѣтей отъ насъ и отъ нашей породы!

Между тѣмъ, стоявшіе внизу на улицѣ мальчики, увидѣвъ стре мившагося къ нимъ юнаго аиста, подбѣжали всѣ къ дому, на крышѣ котораго находилось гнѣздо. Самый главный коноводъ, по имени Іоганнъ, сынишка мѣстнаго шульца, превосходившій всѣхъ въ издѣ вательствахъ надъ аистами и въ ревностномъ швыряніи каменьевъ въ ихъ гнѣзда, поднялъ высоко руки, чтобы подхватить юнаго пере бѣжчика налету, чѣмъ сей послѣдній, разумѣется, былъ очень поль щенъ. Всѣ встрѣтили его очень радостно съ ликующими восклица ніями.

— Смотрите, смотрите, какой славный, молодой аистъ къ намъ пришелъ!

Его осыпали ласками и похвалами, увѣряли, что швыряли ка меньями не въ него, ибо знали всегда, что онъ лучше всѣхъ, а въ другихъ, поганыхъ аистовъ. Онъ-же чудо какъ хорошъ, совсѣмъ даже не похожъ на тѣхъ старыхъ длинноносыхъ аистовъ, только и занятыхъ тѣмъ, что роются въ болотахъ, чтобы отыскивать лягу шекъ, червяковъ и т. п. дрянь. Молодой аистъ съ своей стороны увѣрялъ мальчишекъ, что онъ самъ глубоко презираетъ породу, къ

Digitized by Google

которой онъ раньше принадлежалъ, къ несчастью; что онъ всегда чувствовалъ себя настоящимъ уличнымъ мальчикомъ всею своею душою и т. д. Такъ прошелъ цѣлый день во взаимныхъ любезностяхъ и комплиментахъ.

Мальчики наперерывъ вырывали другъ у друга молодого птенца, чтобы имѣть счастье подержать его и поласкать; разносили его по всей деревнѣ, показывая всѣмъ, какое важное пріобрѣтеніе они сдѣлали. Къ вечеру, однако, онъ имъ успѣлъ уже пріѣсться, и они его бросили позади какого-то забора, на кучѣ навоза.

Наступила ночь, небо покрылось густыми тучами и полилъ сильный дождь. Бѣдный юный аистъ продрогъ до костей. Къ тому-же его сильно мучилъ голодъ, такъ какъ въ порывѣ восторговъ никто и не вспомнилъ о томъ, чтобы накормить его. Онъ уже сталъ думать о томъ, чтобы отыскать себѣ гдѣ-нибудь пріютъ. Но куда ему, слабому, не умѣющему даже взмахнуть крыльями, пуститься въ акую страшную, темную ночь.

Тутъ-то онъ вспомнилъ свое незатѣйливое, но родное, привѣтливое родительское гнѣздо, ласки и заботы матери и отца, ихъ милыя бесѣды. Чего, чего-бы не отдалъ онъ теперь, чтобы очутиться снова среди нихъ! Но было уже поздно. Мальчишки, хотя быть можетъ презирали и ненавидѣли его не меньше, если не больше прежняго, чувствуя вѣроятно, инстинктивно, что одно только низкое чувство трусости, но никакъ не уваженіе и любовь къ нимъ, можетъ побудить аиста перейти на ихъ сторону, несмотря на то, что они имъ уже крайне тяготились; ему, однако, возврата назадъ никоимъ образомъ не простили-бы, и навѣрно забили-бы за это до смерти. Такъ несчастный отщепенецъ и закончилъ гдѣ-то въ оставленной конюшнѣ дни свои, всѣми забытый, всѣми оставленный, и еще болѣе всѣми презираемый и глубоко несчастный.

Остальные юные аисты между тѣмъ прилежно учились летать и въ нѣсколько дней очень много успѣли. Они поэтому думали, что могутъ уже подняться очень высоко и летѣть, куда имъ угодно. А что юныя дѣти думаютъ, то онѣ немедленно-же приводятъ въ исполненіе, ибо у нихъ много самонадѣянности и вѣры въ свои силы. Это потому, что, не испытавъ еще никогда этихъ силъ, они думаютъ, что имъ можно выполнить все, что они задумаютъ.

И такъ, недолго думая, наши юные аисты пустились летать, сами еще не зная куда. Но едва поднялись они на болѣе или менѣе значительную высоту, какъ силы имъ измѣнили, и они стали падать внизъ.

— Дѣти дѣтьми и останутся,—сказала, улыбаясь, мать, глядя, какъ они, бѣдняжки, машутъ крыльями и выбиваются изъ силъ,

Digitized by Google

чтобы вскарабкаться снова на крышу и добраться до гнѣзда.— Прежде вы вовсе не хотѣли тронуться съ мѣста, а теперь вы уж зря бросаетесь Богъ знаетъ куда, безъ плана, не зная даже дороги. Терпѣнія, терпѣнія дѣтки! Научитесь прежде хорошенько летать, испробуйте раньше хорошенько свои силы, а главное наберитесь ихъ прежде много-много, чтобы быть въ состояніи долго держаться въ воздухѣ, переносить безропотно всякія другія лишенія, оставаться безъ пищи и питья,—и тогда можете пуститься куда нибудь.

Уличные мальчики тоже видѣли, какъ молодые аисты пустились летать, не могли удержаться на высотѣ и принуждены были возвратиться обратно въ свое гнѣздо. Это имъ подало поводъ еще больше издѣваться надъ ними, ибо о томъ, что не слѣдуетъ радоваться, когда падаетъ врагъ, они и понятія не имѣли, хотя ихъ отцы при всякомъ случаѣ и кричали про свою любовь ко всѣмъ твореніямъ Божьимъ, даже къ врагамъ.

Отчего же и въ самомъ дѣлѣ не любить весь міръ на словахъ, когда это ни къ чему не обязываетъ, когда въ случаѣ надобности, можно изъ этой любви сдѣлать нѣчто такое, что всякая ненависть передъ нею блѣднѣетъ.

— Что, хорошо тамъ, куда вы полетѣли?—кричатъ мальчуганы насмѣшливо.—А все-таки вы очень скоро воротились, хотя тутъ васъ и забрасывали каменьями. Видно, не вывернуться вамъ никогда изъ нашихъ рукъ. Тутъ вамъ и будетъ конецъ.

И снова они запѣли свою пѣсенку.

— Вотъ мы слетимъ и выколимъ имъ глаза клювами,—говорятъ юные аисты своей матери.

— Нѣтъ, оставьте ихъ,—отвѣтила мать. Месть—вещь гнусная и безполезная. Это есть только минутное утоленіе, хотя и естественнаго, но очень грубаго чувства. Да и ничего изъ этого не выйдетъ. Вмѣсто того, чтобы тратить свои силы на совсѣмъ безполезную борьбу съ ними, лучше употребимъ ихъ на то, чтобы поскорѣе отъ нихъ избавиться. Будемъ лучше продолжать подготовленіе свое. Разъ, два, три! Разъ, два, три! Теперь мы полетимъ направо. Разъ, два, три! Теперь налѣво отъ трубы... Разъ, два, три! О, видите, какъ хорошо! Совсѣмъ таки хорошъ былъ особенно послѣдній взмахъ крыльевъ! А вотъ теперь еще лучше. Ну отлично, отлично дѣточки. За то я васъ возьму съ собою завтра въ ближайшій лѣсъ, гдѣ соберутся нѣсколько изъ самыхъ знатныхъ нашихъ фамилій съ дѣтками. Смотрите же, отличитесь. Покажемъ имъ, этимъ надменнымъ, пустымъ барамъ, что истые аисты—мы, и что мы умѣемъ подняться гораздо выше ихъ.

— Ну, а злымъ мальчикамъ такъ-таки и не отомстимъ? — про-

Digitized by Google

ржаютъ все свое юные аисты. Видно, насмѣшки, презрѣніе и безрерывныя преслѣдованія со стороны уличныхъ мальчиковъ не дали имъ покою и безпрестанно отравляли имъ существованіе.

— Пускай лаютъ, сколько душѣ угодно. Не прислушивайтесь овсе къ тому, что они тамъ говорятъ и кричатъ противъ васъ,— твѣтила имъ мать. Не всегда же придется вамъ терпѣть. Вы, вѣдь, юдыметесь высоко-высоко, выше облаковъ, и унесетесь въ прекрасную, теплую страну, между тѣмъ какъ они тутъ будутъ кочеѣть, не находя нигдѣ зеленаго листочка или яблока сладкаго на ереве.

— Ничего, мы все-таки имъ отомстимъ!—сказали другъ другу оные аисты тихо, чтобъ мать не услышала. Но мать услышала.

— Хорошо,—сказала она. Я вижу, что мысль о насмѣшкахъ и езпрерывныхъ преслѣдованіяхъ, которыя, вамъ приходится терпѣть отъ уличныхъ мальчиковъ, сидитъ у васъ глубоко въ сердцѣ и вы ихъ не можете забыть. Что же, это совсѣмъ не такой порокъ, мои дѣточки. Я вижу, что у васъ еще есть истинно благородныя чувства, что вы сознаете, что вы такія же Божьи творенія, какъ и всѣ другія породы животныхъ; что никто изъ нихъ не имѣетъ права считать себя выше васъ, быть надъ вами господиномъ, властвовать надъ вами и унижать васъ. Съ такими чувствами вы никогда не сдѣлаетесь чьими бы то ни было рабами или прислужниками, не станете жертвовать своею свободою, своимъ достоинствомъ, ради червячка, ящерички и т. п., лишь бы набить себѣ желудокъ. Да благословитъ же васъ за это Богъ, мои милыя дѣточки. Я вижу, что вы настоящіе аисты, выросшіе высоко надъ землею, въ прозрачной, синей небесной лазури. Кто изъ нашей породы думаетъ и чувствуетъ не такъ, какъ вы; кто ради набиванія своего желудка готовъ терпѣть всевозможныя оскорбленія и униженія; кто изъ низкой трусости безропотно переноситъ всѣ ужаснѣйшія жестокости и преслѣдованія; кто во избѣжаніе удара, сгибается въ три погибели передъ первымъ встрѣчнымъ уличнымъ мальчишкою,—тотъ недостоинъ называться божьимъ твореніемъ, дышать чистымъ, небеснымъ воздухомъ. Подобныя твари хуже червей, которыхъ мы выкапываемъ изъ болота, и потому то всѣ ихъ топчутъ и давятъ по ногами. «Благодарю тебя, о Господи, что мои дѣти не подобны этимъ болотнымъ червямъ!»

— Отчего же ты не позволяешь намъ мстить тѣмъ, которые насъ хотятъ раздавить?—спросили молодые аисты.

— Кто хочетъ раздавить другого, пользуясь своею силою, во всякомъ случаѣ гнуснѣе того слабаго, который ему угождаетъ изъ страха быть задавленнымъ, — замѣтилъ самый старшій изъ нихъ,

Digitized by Google

больше всѣхъ любившій философствовать и болѣе всѣхъ пылавш
жаждою мести.

— Если бы не было страха, — продолжаетъ онъ,—если бы
было страха, вызываемаго злыми, которые сильнѣе другихъ,
было бы и низости слабыхъ, которые всегда передъ ними принуж
дены дрожать и выворачиваться отъ нихъ. Развѣ нашъ братъ ост
вилъ бы насъ, если бы не вѣчный страхъ быть зарѣзаннымъ и уб
тымъ этими злыми уличными мальчуганами. Да, мы должны нен
видѣть этихъ злобныхъ пакостниковъ не только за преслѣдованія
мученія, которымъ они насъ подвергаютъ, но еще больше за т
что страхъ передъ ними развращаетъ нашу породу и порождает
среди насъ столько низости!

Отецъ, стоявшій въ то время на стражѣ, около гнѣзда, прибл
зился и съ восторженною гордостью посмотрѣлъ на своего старша
сына. Мать нѣжно прикрыла его своимъ крыломъ и ничего не отв
тила. Вспоминаніе объ оставившемъ родительское гнѣздо сынѣ сжал
въ эту минуту материнское сердце невыразимою болью. Всѣ замолк
и прикорнули въ гнѣздѣ. — Это происходило въ тихій лѣтній ве
черъ. Деревенскій шумъ, поднимающійся обыкновенно послѣ заход
солнца, при возвращеніи скота, доеніи коровъ и т. п. только чт
улегся. Всѣ обитатели ужинали у порога своихъ домовъ. Полна
луна заливала все своими матово-хрустальными лучами. Кое-какі
звѣзды еле мелькали на блѣдно-синемъ сводѣ неба, кое-гдѣ покры
таго молочно-дымчатыми, словно перламутровыми, тучками—то в
видѣ волнистыхъ полосъ, то въ видѣ небольшихъ обломковъ. Дубо
вый лѣсъ, находившійся тутъ недалеко, за холмомъ, и весь залиты
сребристымъ свѣтомъ, стоялъ неподвижно, безъ шопота, безъ стона
безъ жалобъ, какія онъ обыкновенно заводитъ въ часы непогоды
Надъ верхушкой его тихо, безшумно, словно боясь кого-то встрево
жить, проносились иногда запоздалыя птицы. А внутри, гдѣ все вы
глядѣло такъ волшебно, такъ дивно сказочно, все было погружен
въ тихое священное безмолвіе, словно сонмы ангеловъ собрали
тутъ на молитву. Какъ невыразимо хорошо было тогда все въ при
родѣ! Казалось, что во всей вселенной наступилъ миръ и тихо
счастье, что подъ обаяніемъ этой дивной тихой лунной лѣтней ноч
исчезла злоба, улеглись страсти и нѣтъ больше страданій на землѣ
И семейство нашихъ аистовъ отдалось этому обаянію и совершенн
успокоилось. Всѣ усѣлись у окраины гнѣзда, и убаюканные царство
вавшей кругомъ тишиной и миромъ, забыли все прежнее, и нѣко
торые изъ нихъ даже стали думать, что и тутъ можно вѣк
прожить счастливо. Такъ прошло около часа. Вдругъ на улицѣ на
чалось сильное движеніе. Высыпали мальчуганы, которымъ вѣроятно

Digitized by Google

слѣдствіе того, что то былъ праздничный день, позволили еще поиграть послѣ ужина, прежде чѣмъ идти спать. Были тутъ и совсѣмъ не имѣвшіе ужина мальчуганы, которыхъ родители отпустили, куда они хотѣли, лишь бы они не просили ѣсть. Какъ бы тамъ ни было, но миръ и тишина были вдругъ нарушены, поднялся невообразимый шумъ и надъ гнѣздомъ засвистали каменья. Не успѣли наши аисты спрятаться въ гнѣздо, какъ одинъ изъ нихъ, самый молодой, повалился мертвымъ, пораженный прямо въ голову небольшимъ, но острымъ валуномъ.

Кто въ состояніи описать, какую страшную ночь провело несчастное семейство аистовъ, потерявъ такъ внезапно одного изъ самыхъ любимыхъ и самыхъ дорогихъ своихъ членовъ, окровавленный трупъ котораго лежалъ передъ его глазами. Какъ описать чувства старыхъ аистовъ, у которыхъ къ боли по уже потерянному, соединялся страхъ потерять еще и остальныхъ. Однако, какъ глубоко ни потрясло ихъ это ужасное событіе, они не предались безполезному отчаянію, не растерялись. Напротивъ, теперь они съ новой энергіей принялись обучать своихъ птенцовъ и дѣлать приготовленіе къ отлету.

Скоро наши молодые аисты стали летать такъ высоко, такъ граціозно и такъ мило, что всѣ ими любовались.

Такъ прошло лѣто...

Вотъ стали уже наступать прохладные дни. Была средина августа. На огромномъ, пустомъ, оголенномъ полѣ, далеко отъ деревни и всякаго человѣческаго жилья, собрались всѣ аисты ближайшихъ мѣстностей, которые должны были улетѣть въ теплую страну. Дулъ довольно холодный вѣтеръ; но небо было ясно и солнце еще ярко свѣтило и грѣло. Аисты, въ ожиданіи прихода предводителя важно расхаживали туда и назадъ по полю, по временамъ разрывая землю клювами, чтобы отыскать мимоходомъ червячка. У всѣхъ было праздничное настроеніе; всѣ ожидали чего-то такого необыкновеннаго. Но вотъ и предводитель прилетѣлъ. Тутъ началось большое пробное летаніе. Цѣлый день они носились надъ лѣсами, горами, скалами и широкими полями, чтобы убѣдиться, всѣ ли въ состояніи предпринять такой продолжительный и такой тяжелый путь. Наши молодые аисты тутъ до того отличились, что самъ предводитель остался ими очень доволенъ и два раза воскликнулъ: «Очень хорошо, очень хорошо. Съ такими, какъ вы, можно пуститься хоть на край свѣта». У матери сердце чуть не выпрыгнуло отъ гордой радости при этой похвалѣ ея дѣтямъ. И тужъ же она вспомнила о

Digitized by Google

погибшихъ ея птенцахъ, и къ ея радости присоединилась круш
капля горечи.

Пять или шесть дней послѣ пробныхъ упражненій, рано утро
всѣ аисты собрались опять на томъ же мѣстѣ. Это былъ день,
тораго всѣ такъ долго и нетерпѣливо ждали, великій день, назн
ченный для возвращенія обратно въ ихъ родную теплую стран
Дулъ сильный холодный сѣверо-западный вѣтеръ. Огромныя сви
цовыя тучи сплошными слоями нависли низко надъ землею; ли
мелкій, леденящій, насквозь пронизывающій дождь. Все поле бы
словно утыкано гвоздями, остріями вверхъ. То были засохшіе остат
или пеньки хлѣбныхъ стеблей, остающіеся послѣ жатвы. Тутъ-
близко находился необозримый дубовый лѣсъ, состоявшій изъ ст
рыхъ огромныхъ деревьевъ. Листья на нихъ уже пожелтѣли и зн
чительно порѣдѣли, и каждый разъ, при новомъ сильномъ порыв
вѣтра, они тысячами мгновенно срывались и, покружившись сна
чала вихремъ въ воздухѣ, какъ бы дѣлая послѣднее усиліе, пада
на сырую, холодную землю, уже покрытую огромнымъ количеством
такихъ же желто-золотистыхъ листьевъ. А старыя деревья, оборва
ныя, полунагія отчаянно махали промокшими насквозь головам
дрожа отъ пронизывавшаго ихъ холода, и наполняли всю окрес
ность своими страшными, потрясающими стонами и ревомъ. Бѣдны
маленькія птички, всегда столь рѣзвыя, веселыя, теперь словно в
испугѣ метались въ разныя стороны, прозябшія, промокшія. Одн
изъ нихъ стояли на вѣтвяхъ, втянувъ головки, дрожа всѣмъ тѣл
цемъ и каждый разъ боязливо озираясь въ разныя стороны. Вода
текла съ ихъ крылышекъ; вѣтеръ сильно покачивалъ ихъ вверхъ
внизъ, а онѣ продолжали стоять съежившись, издавая жалобный
унылый писк. Кругомъ поля стояли оголенныя, запущенныя, сильно
почернѣвшія отъ безпрерывно лившаго дождя. Тамъ далеко, далек
что то чернѣетъ, въ дождевомъ туманѣ. То стоитъ старый замок
на вершинѣ холма, заросшаго лѣсомъ. Грозно и сурово глядятъ его
высокія мрачныя почернѣвшія башни съ ихъ узкими щелями и полу
обвалившимися зубцами. Вотъ тамъ въ котловинѣ запрятался мел
кій кустарникъ, служащій пріютомъ для бѣдныхъ зайцевъ, зарыва
щихся туда до наступленія ночи, когда они, робко оглядываясь по
сторонамъ, рѣшаются наконецъ выйти изъ своей берлоги — погу
лять и поискать себѣ питанія. Вотъ что то быстро несется по
полю словно кѣмъ толкаемое. То оторванныя вѣтви и кусты, гони
мые вѣтромъ до тѣхъ поръ, пока не наткнутся по дорогѣ на какой
либо цѣпкій, колючій кустарникъ и тамъ застрянутъ на болѣе дол
гое время. Печально, холодно и тоскливо было все кругомъ. Вся

Digitized by Google

ирода была словно проникнута удручающимъ унынiемъ. Старые
сты величаво расхаживали по полю, медленно, сосредоточенно ша-
я своими длинными красными ногами по колючимъ пенькамъ. Всѣ
ли погружены въ серьезную глубокую думу и не глядѣли другъ
друга. Тяжело, страшно, тяжело было у всѣхъ на душѣ. Не такъ
гко оставить мѣсто, гдѣ прожилъ столько времени, имѣлъ собствен-
е, самимъ построенное гнѣздо, выростилъ птенцовъ, изъ которыхъ
огiе обагрили эту почву своею кровью, покрыли ее своими косточ-
ми. Все имъ вдругъ стало дорого и мило въ эту минуту, даже
кiе предметы, на которые они раньше не обращали никакого вни-
нiя, или которые даже вызывали въ нихъ прежде тяжелыя чувства
ногiе стали уже подумывать о томъ, не остаться ли совсѣмъ, за-
явъ вдругъ все прошлое, всѣ перенесенныя несчастья, всѣ горькiя
иды, все причиненное зло; забывъ, что все это будетъ безконечно
овторяться и въ будущемъ. «Иди, тащись на зиму въ такую
трашную непогоду, Богъ знаетъ куда, за горы, за моря, когда
тъ у насъ готовыя гнѣзда. Не такъ счастливо жили до сихъ поръ
о все же таки жили. Ну и дальше кое-какъ проживемъ». Такъ
умали про себя очень многiе изъ аистовъ, обнаружившихъ въ рѣ-
ительный моментъ трусливость и малодушiе. Кто знаетъ?!
чень можетъ быть, что въ самую эту роковую минуту, когда все
олжно было рѣшиться, большинство таки осталось бы. Но тутъ
оявился предводитель, окруженный цѣлой свитой помощниковъ.

— Стройтесь всѣ въ ряды! — крикнулъ онъ громовымъ голо-
омъ.

Тутъ всѣ разомъ забыли свои трусливыя и всякiя тревожныя
ысли и сдѣлали то, что имъ было приказано.

— Распустить крылья! —продолжалъ командовать предводитель.

Всѣ распустили крылья.

— Теперь направляйтесь вверхъ! Выше, выше! Прямо сквозь
устыя, черныя тучи! Пробивайтесь мужественно! Прямо! Не от-
упать! Еще выше! Впередъ безъ страха! Такъ, браво, хорошо.
еперь да благословитъ Богъ нашъ путь!

И всѣ аисты разомъ, словно одна птица, мгновенно распустили
рылья и стали подыматься вверхъ къ грозно висѣвшимъ надъ ними
епроницаемымъ сводомъ мрачнымъ облакамъ. Вѣтеръ вдругъ всей
илой поднялся противъ нихъ и со страшнымъ, зловѣщимъ воемъ
орывисто сталъ дуть прямо противъ ихъ крыльевъ. Облака вдругъ
ыпустили на нихъ цѣлые потоки водъ; воцарился непроницаемый
ракъ, и невозможно было разглядѣть другъ друга. Но предводи-
ель безстрашно леталъ впереди, безпрерывно ободрялъ всѣхъ, вну-
шая всѣмъ спокойствiе и увѣренность.

Digitized by Google

— Бодро, бодро впередъ, дѣти! Еще выше! Крѣпитесь, крѣпитесь. Съ нами Богъ!

И всѣ летѣли за нимъ, изъ всѣхъ силъ размахивая крыльями.

Уже наши аисты изнемогали, но продолжали, употребляя послѣднія усилія, прорѣзывать воздухъ и густыя тучи. Черезъ нѣсколько минутъ они вдругъ увидѣли надъ собой ясное синее небо! Невысоко еще стояло на немъ солнце и сіяло такъ мягко, такъ тепло, словно всѣмъ имъ радушно улыбалось, всѣхъ ихъ привѣтствовало. Всѣ радостно замахали крыльями и затрещали клювами. Однако, очутившись внѣ тучъ, всѣ пожелали въ послѣдній разъ взглянуть внизъ на свои гнѣзда... Но вся земля отъ нихъ скрылась подъ густыми тучами, которыя сдѣлались еще мрачнѣе и все застлали внизу.

— Вотъ тутъ гдѣ-то долженъ быть домикъ съ нашимъ гнѣздомъ,—сказала мать знакомыхъ намъ аистовъ своимъ юнымъ тремъ птенцамъ. Грустно ей стало при мысли о несчастіяхъ, пережитыхъ въ этомъ гнѣздѣ, которое отъ того именно стало для нея еще дороже. И вспомнила она о погибшихъ дѣтяхъ и стало ей еще грустнѣе. И чтобы не смущать другихъ, она скрыла голову подъ крыльями.

— Очень жалко,— замѣтилъ старшій изъ молодыхъ аистовъ,— что злые мальчики не видятъ насъ теперь, какъ мы поднялись высоко надъ тучами и видимъ ясное солнце. Вотъ была-бы прекрасная месть.

— Теперь, дѣточки, лучше забудемъ все, что намъ дѣлали уличные мальчики,—отвѣтила на это мать.—Низокъ тотъ, кто въ несчастьи рабски преклоняетъ голову передъ виновникомъ своего несчастья. Но коль скоро несчастье миновало, и мы уже стали уже сильными, то мы должны прощать всѣмъ, платить добромъ за зло. Будемъ счастливы тѣмъ, что мальчишекъ болѣе не видимъ. И дай Богъ, чтобъ никогда больше и не должны были ихъ видѣть.

— Аминь!—оглушился воздухъ единодушнымъ возгласомъ всѣхъ аистовъ.

Черезъ нѣсколько часовъ безпрерывнаго усиленнаго летанія они очутились надъ огромнымъ хвойнымъ лѣсомъ, покрывавшемъ одну изъ многочисленныхъ вершинъ высокой цѣпи горъ, изъ которыхъ многія сверкали на солнцѣ милліонами брилліантовъ своихъ льдинъ и ледниковъ.

Тутъ аисты спустились и усѣлись для отдыха на верхушкахъ вѣковыхъ сосенъ и кедровъ, откуда передъ ними открылся видъ необозримаго, безконечно растянувшагося у подошвы горной цѣпи моря, какое имъ предстояло переплыть. Оно лежало тихо и спокойно, изрѣдка ударяя своими мѣрными волнами объ одинокій ска-

Digitized by Google

ый берегъ, словно огромный, дремлющій титанъ, испускающій
временамъ тяжелый глубокій вздохъ. И подкрѣпившись отды-
, аисты продолжали свой путь, преисполненные бодрыхъ, ра-
ныхъ чувствъ.

Все прошлое было забыто теперь. Одна свѣтлая, какъ солнечное
е, мысль наполняла всѣ сердца:

— Скоро будемъ у себя, на нашей родинѣ, въ нашей странѣ!
нецъ страху, конецъ всѣмъ униженіямъ. У себя, у себя, у
!

И отъ этой мысли имъ становилось такъ сладостно, такъ безко-
о хорошо, а у старыхъ аистовъ отъ счастья стояли крупныя
ыя слезы въ глазахъ.

И легко и радостно неслись они все впередъ все впередъ.

— Счастливаго вамъ пути, милыя мужественныя птицы! Съ какой
стью унесся бы съ вами и я!

Бенъ-Ами.

Digitized by Google

Изъ прошлаго и настоящаго азіатскихъ евреевъ.

Еврейство было есть и будетъ однородною семьей, обладающей способностью при внѣшней ассимиляціи сохранять свои основныя убѣжденія. Какъ блестящая комета, скользящая по неправильной кривой среди инородныхъ тѣлъ, народъ еврейскій состоялъ всегда изъ плотнаго ядра, за которымъ двигались отдѣльныя группы. Часть изъ нихъ гибла, другая сливалась съ посторонними элементами, но большинство, несмотря на разстояніе, не теряло связи съ ядромъ. Послѣ многихъ скитаній главная масса еврейства осѣла въ средней Европѣ, отставшія-же, въ глухихъ уголкахъ Азіи, несмотря на чужеземный гнетъ, не забыли завѣтовъ своихъ отцовъ. Изученіе ихъ прошлаго и ихъ современнаго быта въ связи со всеобщею исторіей можетъ пролить новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны еврейскаго національнаго характера.

Отсутствіе политическаго могущества обратило всѣ силы еврейства на духовное развитіе народа. Приходя въ соприкосновеніе съ различными народами, евреи, воспринимая все лучшее отъ болѣе культурныхъ племенъ и переработавъ все сообразно своему міросозерцанію, въ такомъ видѣ пускали въ обращеніе. Евреи оказывали человѣчеству подьзу своею разбросанностью; въ этомъ ихъ особенность и сила.

I.

Меньше всего евреевъ осталось на ихъ первоначальной родинѣ, которая, по словамъ Священнаго Писанія, къ сѣверу лежала выше Арарата; поэтому за четыре райскія рѣки *) можно принять Кубань, Малку, Ріонъ и Ліахву. Что-же касается упоминаемыхъ во II главѣ Бытія Тигра и Евфрата, то это позднѣйшее наименованіе. Ріонъ есть ничто иное какъ Геонъ, обтекавшій землю Кушъ, а Хавила („быстрая рѣка“) представляетъ теперешнюю Малку. Да простятъ мнѣ столь слѣпую гипотезу. Но библія подробно трактуетъ о Кавказѣ, указывая намъ на живущія

*) Пр.-доц. *А. Гренъ*. Краткій историч. очеркъ Кавказ. перешейка. Кіевъ, 1895

Digitized by Google

къ племена Тубалъ, Мешекъ, Рошъ, Могогъ, Тогарша и др. Предитель Магоговъ Гогъ, по свѣдѣніямъ клинообразныхъ надписей, корилъ Палестину. Пророкъ Іезекиль указываетъ намъ на плена Мини и Ашкеназъ; далѣе мы знаемъ, что за Кападокіей жили гомки Кадла-семиты. Въ лѣтописи Мепи-Вахтанга сказано, что предмѣстьяхъ Мцхета [1]), Саркипе, Цихебиди и въ Зарнавѣ жили реи.

Преданіе о семитскомъ происхожденіи Багратидовъ и существоніи при дворѣ армянскихъ царей отряда тѣлохранителей „Харруни", подъ начальствомъ Малхаза, въ связи съ упоминаніемъ Моисея Хоренскаго [2]) о гоненіи на евреевъ при Аршокѣ I за 94 да до христ. эры, указываетъ, что въ самыя отдаленныя времена реи принадлежали къ жителямъ Кавказа, откуда, можетъ быть, оникли въ Европу съ Аланами, которые (по словамъ того-же оисея Хоренскаго) опустошили Кавказъ подъ предводительствомъ насена. Среди грузинъ циркулируетъ много преданій о евреяхъ. но изъ нихъ гласитъ, что около Мцхета въ деревнѣ Карсани ли два еврея Эміонъ и Лонгинозъ, которые принесли изъ Іерулима хитонъ [3]).

Затѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ преданій, какъ разсказъ о Мцхетомъ раввинѣ Абтіарѣ, попали въ исторію и въ апорифическую игу Нимврода.

Кромѣ этого мы находимъ много другихъ указаній на существованіе древнѣйшія времена отдѣльныхъ еврейскихъ общинъ внѣ Палестины.

Разбросанныя еврейскія общины пользовались извѣстною самоятельностью и умѣли отстаивать свои законныя права. Послѣднее рошо характиризируется въ воспоминаніяхъ главнаго депутата реевъ Александріи, требовавшихъ отъ римскаго императора Калилы не только защиты отъ черни, но и подтвержденія правъ гражнства, которыя имъ были предоставлены Александромъ Македонимъ и императоромъ Августомъ. По тону записокъ главнаго члена путаціи, Филона, мы видимъ, что евреи не умоляли о милости, а ебовали лишь возстановленія отнятаго [4]).

Очевидно, это былъ не единственный случай. Кто знакомъ съ

---

[1]) Въ этомъ городѣ есть еврейскій надгробный памятникъ съ арамейской дписью. См изд. проф. Хвольсона. Около станціи Сѣнной, Кубанск. области, ть цѣлое еврейское кладбище.

[2]) „Исторія Арменіи" Моисея Хоренскаго. Перев. Н. О. Эмина, стр. 37 др ; „Ист. Грузіи" царевича Вахута, 1746 г. Перев. *Brosset*, т. I, 1. 1, 64 и др.

[3]) Житіе преп. Нины, просвѣт. Грузіи.

[4]) Соч. *Грановскаго*, т. 1, стр. 179.

Digitized by Google

порядками Рима, пойметъ, что врядъ ли императоры стали бы с давать особые законы для одной Александрійской еврейской общин Извѣстно, что еврейскія общины другихъ большихъ центровъ по зовались аналогичными привиллегіями отъ римскаго государст Но конечно и тогда было не мало антисемитовъ. Всѣ эти характе ныя подробности отражаются въ запискахъ Филона. Калигула пр нялъ евреевъ во дворцѣ. Какъ извѣстно, онъ не отличался кр тостью, а потому замѣчательно съ одной стороны достоинство, с которымъ держали себя депутаты, съ другой стороны стремлен нѣкоторыхъ египтянъ и другихъ царедворцевъ унизить евреевъ з то, что они требовали не только терпимости, но даже особаго ува женія къ предписаніямъ іудейской вѣры. На замѣчаніе отпущенника египтянина Изидора, что евреи высказываютъ презрѣніе къ власт царя, не воздавая ему царскихъ почестей, депутаты отвѣчали почти тельнымъ, но твердымъ голосомъ, что жертвы приносятся ими в благо императора «Вѣчному Богу».

Изъ воспоминаній Филона видно, что даже грозные римскіе повелители считались съ отдѣльными общинами евреевъ. Глухая борьба съ еврействомъ велась по всему прибрежью Средиземнаго моря. Вспышки неудовольствія въ Іерусалимѣ и Александріи, какъ извѣстно, окончились около 135 г. полнымъ пораженіемъ евреевъ. Многіе изъ нихъ двинулись на западъ, меньшая же часть на востокъ, гдѣ присоединилась къ евреямъ, жившимъ въ Персіи. Эти группы въ свою очередь выдвинули свои авангарды. Такимъ образомъ евреи проникли мало по мало къ западу до Марокко, къ востоку до китайскаго города Кайфунгфу [1]) къ югу до Кранганора въ Индостанѣ. Не смотря на неудачныя возстанія въ Ливіи (въ Киренѣ), въ Месопотаміи, на Кипрѣ, въ Бетарѣ, евреи сохранили теократическое правленіе до 429 года.

Западные евреи подчинялись патріарху Тиверіадскому, а восточные—«князю плѣненія» (рейшъ-галута), жившему въ Вавилонѣ.

Въ Аравіи въ этотъ періодъ (въ V стол.) существовало самостоятельное еврейское государство, съ главнымъ центромъ въ Іеменѣ [2]). Іеменскій царь Диміонъ извѣстенъ своею ожесточенною борьбою съ эфіопскимъ царемъ Айдокомъ. Война окончилась несчастливо для царя-іудея, и страна перешла въ руки христіанскаго царя, который, впрочемъ, вскорѣ умеръ. Тогда на іеменскій престолъ опять вступилъ ревностный іудей Дуноанъ (у арабовъ Ду-Навасъ).

---

[1]) Не подвергаясь преслѣдованіямъ въ Китаѣ, они тѣмъ не менѣе лишь въ 1163 г. получили оффиціальное разрѣшеніе на постройку синагоги.

[2]) См. Grätz, т. V.

Digitized by Google

о его повелѣнію ограбленъ былъ римскій купеческій караванъ, едшій черезъ Южную Аравію въ Эфіопію; вслѣдствіе этого воз-икла война между нимъ и эфіопскимъ царемъ (христіаниномъ) есбааномъ, и побѣжденный Дуноанъ долженъ былъ бѣжать въ ры. Элесбаанъ вернулся въ свою страну, оставивъ незначительное йско. Узнавъ это, Дуноанъ вышелъ изъ своего убѣжища, изгналъ іоповъ и, мстя христіанамъ за свое униженье, истребилъ многихъ ъ нихъ въ эфіопскомъ городѣ Тафарѣ и въ другихъ мѣстахъ, а тѣмъ направился къ большому и населенному почти исключи-льно христіанами городу Нагерану. Жители его храбро защища-ись. Когда, послѣ тщетной осады, Дунаанъ увидѣлъ, что ему не владѣть городомъ помощью оружія, то сталъ увѣрять осажденныхъ, го пощадитъ ихъ религію и ограничится собираніемъ дани, плати-ой ими издавна, послѣ чего, въ 523 году, они отворили ему во-ота; но вступивъ, царь не могъ удержать своихъ солдатъ отъ грабежа.

Юстиніанъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ немедленно александрій-кому патріарху Тимофею III вызвать царя Элесбаана для помощи агеритскимъ христіанамъ. Тимофей исполнилъ это, и Элесбаанъ рибылъ съ эфіопскимъ войскомъ въ Іесіонъ, побѣдилъ еврейскаго аря, взялъ его въ плѣнъ и убилъ собственною рукою. До средины стол. евреи жили, почти вполнѣ независимо подъ владычествомъ ассанидовъ и лишь при Фирузѣ (460) противъ евреевъ начались естокія гоненія. Тогда многіе ушли въ Индію подъ предводи-ельствомъ Іосифа Раббана и получили землю въ княжествѣ Кре-анаръ отъ индійскаго царя Шерма Перемаша. Отсюда они про-рались къ Кохинхину [1]).

Постоянныя переселенія заставляли евреевъ сталкиваться съ но-ыми народами и воспринимать новыя понятія о Божествѣ. Кромѣ ого, многіе молодые евреи въ Кохинхинѣ женились на негритян-ахъ и образовали племя такъ называемыхъ черныхъ евреевъ, име-ющихъ себя Кала-Израиль. Они продолжали поддерживать связь ъ своими единовѣрцами. Іудаизмъ въ VII стол. оказалъ вліяніе на ародившійся исламъ, который не оцѣнилъ этой услуги. Въ 624 г. озникла борьба между евреями и мусульманами. Магометъ сталъ вно и всею душою ненавидѣть евреевъ. Онъ сталъ называть ихъ евѣрными, убійцами пророка, проклятыми Богомъ, сталъ проповѣ-ывать, что они испортили откровеніе Божіе. Между тѣмъ, Маго-етъ самъ обязанъ былъ своимъ ученіемъ не только Библіи, но и озднѣйшимъ духовнымъ произведеніямъ евреевъ. Не говоря уже о

[1]) Этою землею евреи владѣли до 1510 года, но съ приходомъ португаль-евъ должны были переселиться.

Digitized by Google

томъ, что Магометъ чтилъ пророковъ Израиля, считая Іерусалим и Синай священными мѣстами, несомнѣнно заимствованы из іудаизма основные догматы ислама ученіе о Богѣ, о душѣ, вѣчномъ воздаяніи, о молитвѣ, наконецъ, многія предписанія об образѣ жизни. Даже свои притчи онъ заимствовалъ изъ сочинен еврейскихъ ученыхъ, или вѣрнѣе (такъ какъ онъ самъ не был ученымъ) у еврея по имени Варака-ибнъ-Науфалъ, которы далъ нужныя свѣдѣнія Магомету. Обязанный столько іудаизм Магометъ не оцѣнилъ привязанности евреевъ къ своей вѣрѣ, н далъ имъ никакихъ льготъ, а послѣдователи его возвели въ добр дѣтель ненависть и презрѣніе къ евреямъ [1].

По смерти Магомета, евреи должны были переселиться, вслѣ ствіе завѣщанія пророка, чтобы, кромѣ его религіи, въ его родинѣ Аравіи, никакая другая религія не была терпима. Азіатскіе евре въ то время подчинялись своему решъ-галутѣ, т. е. главѣ плѣне нія, который назначался халифами изъ потомковъ дома Давида; ему подчинялись патріархи разныхъ провинцій и старѣйшины синагогъ.

Вокругъ решъ-галуты группировались ученые, продолжавшіе разрабатывать богословіе іудаизма. Первые вѣка христіанства евреи не держались обособленно отъ христіанъ, и язычники того времени продолжали ихъ обобщать, да и сами христіане, какъ видно изъ постановленій Эмберійскаго собора, призывали евреевъ благословлять свои поля. До 582 года браки между евреями и христіанами допускались. Только въ 633 году на Толедскомъ соборѣ было постановлено избѣгать всякихъ сношеній съ евреями; при этомъ было запрещено духовнымъ лицамъ оказывать имъ какое либо покровительство.

Такимъ образомъ въ восьмомъ столѣтіи евреи очутились между двухъ огней: мусульманъ на востокѣ и христіанъ на западѣ. Халифы оказывали покровительство преимущественно лишь отдѣльнымъ лицамъ, которыя были имъ полезны своими спеціальными познаніями.

Въ VIII стол. возгорается полемика арабовъ съ евреями; у нѣкоторыхъ изъ учителей является сомнѣніе относительно предписаній талмуда. Представителемъ этого послѣдняго направленія былъ нѣкто Серѳня [2]) изъ Сиріи, явившійся въ 720 г. христ. эры въ цар-

---

[1]) *Geiger*, Was hat Mohamed aus dem Judenthum entnommen?—*Grätz*, V,—*Wellhausen*, Reste arabrisch. Heidenthums, 1897, p. 230 и др.

[2]) По еврейскимъ источникамъ это имя читается Шари (שרי), а по арабски Ширини, по Абуль-Фадону оно читается: Сауръ, именно въ 1031 г. сирянинъ, по имени Сауръ, объявилъ себя мессіей (см. Chron. syr. 123 стр.), но по изслѣдованіямъ Гретца оно правильнѣе произносится „Серени". Этотъ же

Digitized by Google

ствованіе халифа Омара II и выдававшій себя за мессію, долженствующаго возвратить евреевъ въ землю обѣтованную. Собравъ около себя большое число приверженцевъ, съ намѣреніемъ уничтожилъ существовавшія молитвенныя формулы, разрѣшилъ запрещенныя талмудистами яства и пр. [1]). Хотя это волненіе скоро успокоилось, и сектаторъ былъ схваченъ и присужденъ къ смерти при халифѣ Езида II. Тридцать лѣтъ послѣ этого событія, явился другой антиталмудистъ, новый лже-мессія, по имени Обадія (по Аш-Шахрастани—Абдулагъ-Абу-Исаакъ) изъ персидскаго города Исфагани. Свѣдущій въ библіи и талмудѣ, Абу-Исаакъ сдѣлался главою новой религіозно-политической партіи и предписалъ своимъ приверженцамъ постановленія, отступающія отъ принциповъ еврейскаго закона (талмуда), [2]). Результатомъ этой борьбы было, какъ и въ другихъ случаяхъ, выселеніе недовольныхъ на Кавказъ и другія страны [3]).

Къ этому времени относится обращеніе въ 731 году хазаръ и дальнѣйшее движеніе евреевъ въ глубь Азіи, въ Китай и Индію. Въ обѣихъ этихъ странахъ, какъ я уже говорилъ, уже существовали еврейскія поселенія. Евреи пробрались туда и черезъ Афганистанъ, гдѣ и теперь существуетъ преданіе о еврейскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ племенъ, живущихъ въ горахъ за Балахшаномъ. Въ древнѣйшихъ китайскихъ и индійскихъ сочиненіяхъ попадаются сказанія, вполнѣ аналогичныя съ Библіею.

Это движеніе въ Китай продолжалось до конца девятаго вѣка, но въ этотъ моментъ было временно пріостановлено, такъ какъ мятежникъ Баншоа при благосклонномъ участіи китайскаго правительства перерѣзалъ въ Ханьфу, по свидѣтельству Ибнъ Саиба, 120,000 магометанъ, евреевъ и другихъ иновѣрцевъ, не вѣровавшихъ въ божественность сына солнца. Конечно, такія убѣжденія, какъ и всякія притѣсненія, не заставили евреевъ покинуть вѣру ихъ отцовъ и только еще больше ихъ сплотили.

Между тѣмъ въ Месопотаміи, гдѣ евреи пользовались относительною свободою, появились новые расколы. Я позволю себѣ напомнить нѣкоторые факты изъ караимскаго движенія, такъ какъ оно однимъ изъ проявленій господствовавшихъ разногласій среди евреевъ того времени. Какъ я уже говорилъ, еврейскіе ученые того времени за-

---

жемессія, замѣтимъ, тогда былъ схваченъ по приказанію халифа, но оправдался предъ нимъ тѣмъ, что подшучивалъ надъ евреями.

1) Grätz, Gesch. d. J., B. V, стр. 162 и сл. и стр. 434 и сл.

2) Шахрастани; слово „тауратъ“ означаетъ здѣсь безъ соимѣнія, раввинскій законъ.

3) Объ этомъ переселеніи евреевъ на востокъ см. у Мунка, „Моисей ибнъ-Эзра“ - Melanges, стр. 263.

Digitized by Google

нимали при дворѣ халифа должности, требовавшія спеціальны знаній. Въ первое время всѣмъ хватало дѣла, но съ увеличеніе числа ученыхъ возгорѣлась борьба за первенство. Къ числу нед вольныхъ принадлежалъ и Ананъ. Не попавшій въ решъ-галут онъ рѣшился въ 754 году отдѣлиться.

Я не стану перечислять всѣхъ ученыхъ и всѣ философскія с стемы, бывшія въ ходу въ азіатскихъ школахъ, а приведу лиш менѣе изслѣдованныя ученія, указывавшія на вліяніе арабов Послѣднее являлось естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ теологич скихъ споровъ, которые велись при дворахъ халифовъ. Какъ извѣстн евреи много и часто писали по арабски. Ренанъ говоритъ, что ара ская философія на дѣлѣ никѣмъ не разрабатывалась такъ серьезн какъ евреями, и дѣйствительно, нѣкоторые изъ гаоновъ увлекали настолько арабскою догматикою, что, наприм. Саадій, изъ Суры н Евфратѣ считался въ рядахъ Мутекалимовъ.

Понятія, общія съ ученіемъ мусульманскихъ философовъ той эпохи, способствовали тому, что многіе вліятельные евреи пере ходили въ исламъ, и рѣдѣли ряды борцовъ за іудаизмъ, При этом иногда отступники съ ревностью неофитовъ проповѣдывали среди быв шихъ единовѣрцевъ свою новую вѣру. Примѣромъ такой исключи тельной ревности служитъ Самуилъ, марокскій еврей, который, не довольствуясь устною проповѣдью, написалъ обличительное со чиненіе, дѣйствовавшее на умы. Такимъ образомъ, вожди евреевъ, отстаивавшіе завѣты отцовъ, должны были бороться не только про тивъ господствующей въ странѣ религіи, но и со своими единопле менниками, и ихъ дѣло было тѣмъ труднѣе, что защищая іудейство, они не смѣли даже косвенно затрогивать исламъ, въ то время какъ противники громили іудейство безъ всякихъ стѣсненій. Но это имѣло для еврейства и свою положительную сторону. Какъ стѣснительный корсетъ обрисовываетъ формы красавицъ, такъ строгая цензура того времени способствовала украшенію іудейскаго полемическаго стиля, создала аллегорію, тонкую иронію, доказательства отъ противнаго и многіе новые методы собесѣдованія, которые впослѣдствіи были пе реняты арабами и даже средневѣковыми христіанскими писателями.

Значеніе евреевъ для средневѣковой науки, для химіи, меди цины, и ихъ заслуги въ другихъ отрасляхъ знанія слишкомъ хо рошо извѣстны. Все это выступало отчасти и въ жизни азіатскихъ евреевъ.

Изъ данныхъ, относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, любопытны воспоминанія Веніамина Тудельскаго (1173 г.) и Петахія Рагенс бургскаго (XII вѣкъ) указывающихъ, что за Евфратомъ находились многочисленныя синагоги и академіи. Веніаминъ Тудельскій посѣтилъ

Digitized by Google

инагоги и академіи евфратскихъ евреевъ, занимавшихъ въ то время область въ верхнемъ Геонѣ, на двадцать дней пути. Они причисляли себя къ колѣнамъ Данову, Нефалимову, Завулонову и Ассирову (т. е. къ тѣмъ, которыя были переселены Салманасаромъ за Евфратъ). Въ XI вѣкѣ они потеряли послѣдніе остатки самостоятельности. По повелѣнію халифа былъ казненъ ихъ решъ-галута по имени Хизикія. Между тѣмъ, въ это время караимы, образовавшіе благодаря стараньямъ Арона Бенъ Іосифа самостоятельную духовную общину, выселились въ Европу [1]).

Въ средніе вѣка евреи жили сравнительно спокойно въ Испаніи, гдѣ они, кромѣ торговли, занимались литературой, науками и искусствами. Имъ предоставлялись должности въ гражданскомъ управленіи и потому нѣкоторыя таможни Средиземнаго побережья находились въ ихъ рукахъ. Но въ концѣ XV в., когда евреи были выселены изъ Испаніи, и въ 1496 году также изъ Португаліи, — въ Азіи появилось много новыхъ переселенцевъ. Кое гдѣ они слились съ туземными евреями, въ другихъ же мѣстахъ продолжали жить отдѣльно, и до сего времени въ прежнихъ португальскихъ владѣніяхъ на Малабарскомъ берегу существуютъ два рода евреевъ — бѣлые и черные. Всѣ переселенцы, извѣрившись въ свои силы, ждали помощи свыше. Притоку евреевъ въ Азію изъ восточной Европы, послѣдовавшему въ XV, XVI и въ срединѣ XVII вѣка, способствовало появленіе лже-мессій, и особенно Саббатая-Цеви, родившагося въ 1625 году въ Смирнѣ, въ 1643 году получившаго титулъ хахама, а въ 1648 году объявившаго себя Мессіею [2]).

Хорошо извѣстна эта печальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ высокопоучительная исторія. Тысячи евреевъ, томившихся въ Польшѣ и на Украйнѣ, устремились на старую свою родину, гдѣ чаяли обѣтованное спасеніе. Многіе погибли. Но до сихъ поръ существуютъ въ глухихъ мѣстахъ передней Азіи остатки толпы мечтателей, создавшихъ для своего утѣшенія много легендъ о Саббатаѣ [3]). До сихъ поръ сохранились эти чудныя сказанія: Саббатай-Мессіи, не умеръ, онъ безсмертенъ и только удалился въ горы Св. земли, гдѣ ожидаетъ лишь духовнаго возрожденія евреевъ, чтобы повести ихъ къ славѣ. Легенда распространена на западѣ Азіи.

---

[1]) Моисей Баміячи „Матте Элимъ“, Константинополь, 1579.

[2]) Во время такъ называемыхъ גזרות ת״ח ות״ט много евреевъ переселилось въ Румынію, Турцію и т. д.

[3]) См. рефератъ А. Донона, читанный на конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ въ 1897 г., напеч. въ Revue des études juiess, также въ ספר השנה за 1898—99 г., приложеіне къ Гацефирѣ.

Digitized by Google

II.

Перейдемъ теперь къ нынѣшнимъ еврейскимъ колоніямъ въ Азіи. Бене-Израиль Бомбея разсказываютъ, что до прибытія европейцевъ они составляли весьма многочисленное общество, которое жило отдѣльно и управлялось избраннымъ изъ ихъ среды главою, съ титуломъ шейха, но, по прибытіи европейцевъ, они должны были разсѣяться. Многіе принуждены были искать себѣ убѣжища на другомъ концѣ Индостана, отъ 50 до 60 дней пути за Калькуттою, особенно въ Гевекѣ, гдѣ они еще теперь имѣютъ своего шейха.

Недалеко отъ Бомбея, на разстояніи почти двухъ миль отъ Бархута, существуетъ съ 1775 года колонія Бене-Израиль, насчитывающая около 2000 душъ и составляющая замкнутую общину подъ патріархальнымъ управленіемъ главы, по имени Баби. Члены этой колоніи живутъ въ домахъ, окруженныхъ садами и огородами, отличаются своей благотворительностью и занимаются земледѣліемъ и торговлею. Хотя у нихъ имѣется нѣсколько экземпляровъ Пятикнижія, но они совершенно забыли еврейскій языкъ и не знаютъ даже его азбуки. Что касается богослуженія, то у нихъ сохранились еще нѣкоторые обряды, которые переходили изъ рода въ родъ. У нихъ не было «когеновъ» и «левитовъ», которые появились только въ послѣднее время (изъ передней Азіи и Европы). Они глубоко благоговѣютъ передъ законами Моисея и сохраняютъ старые свитки Писанія въ дорогихъ облаченіяхъ. У нихъ нѣтъ заранѣе составленныхъ молитвъ и молясь они просятъ о томъ, что имъ необходимо, или благодарятъ и славословятъ Творца. Въ 1796 году была выстроена синагога въ Бомбеѣ, но у большинства индійскихъ евреевъ нѣтъ синагогальнаго устава. Они даже не знаютъ главной молитвы «Слушай, Израиль». Съ нѣкотораго времени вавилонскіе евреи Бомбея и европейскіе посылаютъ имъ рѣзниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются своего рода законоучителями и распространяютъ въ массѣ нѣкоторыя религіозныя познанія. Но, несмотря на свое расположеніе и услужливость къ Бене-Израилямъ, евреи Бомбея избѣгаютъ всякаго родства съ ними. Бене-Израили сильно отстаиваютъ свое еврейское происхожденіе.

Индѣйскіе евреи, подобно горскимъ и аравійскимъ, отличаются храбростью; многіе и теперь служатъ въ англо-индійской арміи и въ прошломъ столѣтіи храбро сражались противъ Тиму. По преданію, они принадлежатъ къ выходцамъ изъ Аравіи, но свое синагогальное устройство получили отъ кохинхинскаго раввина Давида.

Въ Аравіи евреи живутъ селеніями въ Санаѣ, Тассѣ, Теанитѣ

Digitized by Google

въ горахъ Іемена. Многіе ведутъ образъ жизни, ничѣмъ не отличающійся отъ воинственныхъ бедуиновъ. Въ общемъ, ихъ 40 тысячъ. Изъ нихъ 10 тысячъ живутъ въ Самѣ, 2,000 около Адена, 1,000 въ Садѣ, 1,000 въ Дамарѣ, 2,000 въ Гаданъ-ешъ-Шамѣ, и около 2,000 въ пустынѣ Беда. Прочіе-же живутъ разсѣянно въ маленькихъ городахъ и селахъ.

Вслѣдствіе независимаго положенія провинціи Гадана-ешъ-Шама, евреи пользуются тамъ относительнымъ благосостояніемъ. Они находятся въ дружескихъ отношеніяхъ съ магометанами, помогаютъ имъ въ войнахъ, и поэтому магометане сами охраняютъ ихъ отъ насилія фанатиковъ и грабителей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ ремесленниковъ они занимаются тамъ хлѣбопашествомъ и имѣютъ собственныя поля и сады.

Въ аравійской пустынѣ Беда евреи живутъ, подобно бедуинамъ, въ шатрахъ и подобно имъ они почти совершенно независимы. Они имѣютъ тамъ своего собственнаго шейха или предводителя, которымъ управляются; ведутъ часто войны съ сосѣдними племенами съ которыми они весьма сходны по обычаямъ и образу жизни. Родственныя имъ еврейскія племена живутъ въ горахъ западнаго побережья; они извѣстны подъ названіемъ Пилистинъ или Филистинъ и смѣшались съ туземными арабами, Амазиграми, которые ихъ терпятъ и угнетаютъ какъ другихъ евреевъ. Филистины не признаютъ другихъ книгъ кромѣ библіи; одни считаютъ ихъ христіанами, а многіе евреи еретиками. Прежде думали, что они потомки древнихъ саддукеевъ, но это мнѣніе найдено неосновательнымъ.

Въ городахъ Аравіи и по побережью евреямъ живется сравнительно хуже, особенно женскому полу, хотя онъ именно здѣсь лучше всего сохранилъ типъ и костюмъ. Женская одежда состоитъ изъ яркаго цвѣта юбки, раскрытой внизу, убранной двумя широкими отворотами на колѣнѣ, и корсажа «пунта», суконнаго или бархатнаго, тоже вышитаго золотомъ, на груди зашнурованнаго, на которомъ сверху накинутъ вышитый касо (родъ жилета), зеленый, красный или голубой, безъ пуговицъ, свободно падающій на обѣ стороны. Рукава онѣ носятъ широкіе, висячіе, которые позволяютъ рукѣ показываться до самаго локтя. Голыя ножки ихъ жмутся въ красныхъ туфляхъ. Діадема изъ драгоцѣнныхъ, чаще поддѣльныхъ, камней или перловъ, прикрѣпляемая на верху лба, достойно увѣнчиваетъ эти прелестныя головки. Молодыя дѣвицы носятъ волосы длинными прядями; замужнія женщины ихъ обрѣзываютъ или прячутъ. Все это вмѣстѣ очень живописно: блескъ, золото, составляютъ разительную противоположность съ темнымъ цвѣтомъ одежды мужчинъ.

Digitized by Google

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ типъ евреевъ уже измельчалъ, толь женскій уцѣлѣлъ въ своей первобытной прелести. Блескъ глаз нѣжность кожи, гибкость и стройность стана соединены въ поэт ческую гармонію. Профилъ, не будучи ни греческимъ, ни римским удерживаетъ что-то изъ того и изъ другого: онъ не такъ чис какъ первый и гораздо болѣе схожъ между собою, чѣмъ типы мужчин По сравненію съ мусульманками еврейки пользуются вездѣ относ тельною свободой. Арабы не мѣшаются въ наряды евреекъ, за т они обязываютъ ихъ, когда онѣ выходятъ со двора, открывать пол вину лица, для различія отъ мусульманокъ, которыя едва показыва ютъ свои глаза. Еврейки выходятъ рѣдко, боясь оскорбленій от мусульманъ, которые за насилія рѣдко наказываются. За все взя скивается съ жертвы: таково ужъ мусульманское правосудіе. Ма лѣйшій проступокъ еврейки, хотя бы только подозрѣваемой, нак зывался прежде плетью, и это исправленіе производилось съ отвра тительнымъ звѣрствомъ. Мусульманокъ наказываютъ и теперь тайн но евреекъ не удостаивали этого вниманія: первый встрѣтившійс солдатъ бралъ ихъ и сѣкъ при всѣхъ на улицѣ, безстыдно и безпощадн Понятно, что онѣ вынуждены оставаться дома и даже тепер ведутъ жизнь, особенно дѣвицы, чрезвычайно сидящую. Весь сво день онѣ проводятъ въ занятіяхъ по хозяйству, или вышиваютъ между тѣмъ какъ мужья ихъ торгуютъ. Онѣ обыкновенно не умѣют читать ни на какомъ языкѣ и носятъ имена библейскія и арабскія Дѣвицы, можно сказать, живутъ здѣсь какъ затворницы. Изъ дом онѣ выходятъ только въ синагогу. Дѣвица, которую увидѣли бы днемъ на террасѣ, не найдетъ себѣ мужа. Кромѣ Эсфири, Юдифи у нихъ въ большомъ употребленіи имена Зимка, Естрелла и Ма зальгаба. Еврейку уже въ четырнадцать лѣтъ выдаютъ замужъ, в пятнадцать она уже мать и кормилица, въ двадцать увядаетъ и въ двадцать пять становится уже совершенно старухою.

Евреямъ всего хуже живется въ Самѣ (Сѣвер. Аравія). Они н могутъ носить хорошее или чистое платье, даже изъ самой дешево матеріи, изъ опасенія, чтобы туземцы не подозрѣвали, что они богаты Если находятъ, что еврей имѣетъ больше «лиры» (7 руб.), то у него отнимаютъ все, чѣмъ онъ владѣетъ.

Одежда ихъ состоитъ тамъ изъ толстой рубашки и длинна арбаканфотъ (четырехконечника). Онѣ не имѣютъ права ѣздить вер хомъ на лошади или муллѣ, а въ присутствіи мусульманина они н имѣютъ права оставаться на ослѣ, но по дорогѣ должны слѣзат при встрѣчѣ съ мусульманиномъ и дать ему дорогу.

О евреяхъ въ Садѣ (сѣверо-восточ. Аравія) путешественник разсказываютъ, что они благочестивы и имѣютъ ученыхъ людей

Digitized by Google

мѣстѣ съ библіею, ихъ любимѣйшую книгу составляетъ Зогаръ. ольшею частью они здѣсь ремесленники—плотники, каменщики, знецы и проч. и только нѣкоторые изъ нихъ—мелкіе мѣнялы. слѣдніе всегда находятся въ опасности быть ограбленными. По-ому они обыкновенно берутъ въ долгъ незначительную сумму у агометанъ на огромные проценты, хотя и не нуждаются въ ней, ія того только чтобы тотъ защищалъ ихъ. Положеніе евреевъ въ риморскихъ городахъ незавидно. Они живутъ отдѣльно отъ арабовъ въ особыхъ кварталахъ «Меллагъ», соотвѣтствующихъ средневѣковымъ гетто», и находятся въ зависимости отъ произвола чиновниковъ. Мусульманинъ можетъ прибѣгнуть къ защитѣ духовенства и даже амого народа; иностранцы и даже мѣстные христіане могутъ ользоваться защитою своихъ консуловъ; одни евреи предоставлены а произволъ судьбы.

Не считая налоговъ и поборовъ случайныхъ, евреевъ обложили еще начительною ежегодною податью, и они платили за все, даже за раво носить чулки, которые они должны были скидать передъ ме-етями, молельнями и домами мусульманской знати. Они были обя-аны носить однообразное черное платье—цвѣтъ презираемый му-ульманами; имъ было запрещено читать и писать по арабски, по ой причинѣ, что они недостойны внимать глаголамъ пророка; врей не смѣлъ приблизиться къ колодцу, если тамъ пилъ мусуль-анинъ; еврей строго наказывался, если осмѣливался сѣсть въ при-утствіи правовѣрнаго.

Сбитые въ своемъ кварталѣ, какъ на скотномъ дворѣ, они живутъ юдъ управленіемъ еврейскаго кади, ими-же избраннымъ, но подчи-еннымъ Шейху или старшинѣ, назначенному мусульманскимъ пра-вительствомъ. Они могутъ свободно отправлять богослуженіе своей елигіи, къ которой они весьма привязаны, но не смѣютъ проповѣды-вать по арабски. Евреи вознаграждаютъ себя за всѣ угнетенія, за всю бѣдность, торговлею и берутъ у своихъ тирановъ хитростью, что эти взяли силою. Это для еврея дозволенное мщеніе, и онъ поль-зуется имъ по возможности. Онъ не забываетъ, что это для него усло-віе существованія. У мѣстныхъ евреевъ есть пословица: «съ арабами или свинецъ или деньги». Не имѣя возможности употреблять сви-нецъ, они даютъ деньги; только они даютъ какъ можно меньше и прибѣгаютъ ко всѣмъ силамъ своего генія, чтобы казаться ни-щими. Чѣмъ еврей богаче, тѣмъ онъ выказываетъ себя бѣднѣе. Поглядывая искоса и безпокойно, онъ скрываетъ свой сердечный страхъ подъ привѣтливой улыбкой, на которую больно смотрѣть, если ее знаешь. Еврей не говоритъ, онъ шепчетъ какъ колодникъ, опасающійся разбудить своего сторожа. Еврей не ходитъ, онъ

Digitized by Google

скользитъ вдоль стѣнъ, съ бѣглымъ взглядомъ, внимательнымъ сл
хомъ, быстро заворачиваетъ за углы какъ преслѣдуемый вор
Часто онъ обувь свою несетъ въ рукѣ, чтобы меньше сдѣлать шу
потому что всего больше боится привлечь вниманія; онъ желалъ-б
съежиться, сдѣлаться невидимымъ. Грустно видѣть, какъ вѣ
рабства принизили этотъ способный народъ.

Жилища аравійскихъ евреевъ строятся окнами во дворъ улиц
за исключеніемъ базаровъ; состоятъ они изъ высокихъ мрачныхъ стѣн
совершенно голыхъ и ужасно печальныхъ. Двери домовъ могутъ сост
вить предметъ для любопытства, и по всему видно, что страхъ былъ и
архитекторомъ. Они сдѣланы изъ огромныхъ досокъ, толщиною в
три или четыре дюйма, сколочены толстыми желѣзными полосами
снабжены тремя или четырьмя запорами. Можно сказать, что подо
ное жилище похоже на тюрьму, и оно дѣйствительно во многих
отношеніяхъ оправдываетъ это сходство. Дверь, ведущая съ улицы
не довольно, кажется, успокаивала хозяина: есть другая, отпирая
щаяся на дворъ и во всемъ похожая на первую. Обѣ онѣ так
низки, что надобно согнуться, чтобы пройти въ нихъ. Впрочемъ
какъ ни страшны эти преграды, онѣ, однако, благосклонно прекло
няются передъ гостями; при ихъ входѣ двойная дверь глухо стонет
на тяжелыхъ своихъ петлахъ, засовы задвигаются съ унылым
визгомъ. Несмотря на угнетенность своего положенія, прибрежны
евреи отличаются гостепріимствомъ. Пришедшимъ гостямъ показы
ваютъ все богатство даже наряды, спрятанные въ сундукахъ. При
этомъ еврейки объясняютъ значеніе каждой вещи изъ своихъ убо
ровъ и показываютъ на самихъ себѣ ея употребленіе; но боль
шіе черные глаза ихъ, ихъ тонкая, очаровательная улыбка част
разстраиваютъ вниманіе. Въ пять минутъ вы дѣлаетесь самым
старыми пріятелями, потому что еврейки разговорчивы. Но несмотр
на то что онѣ по сравненію съ мусульманками пользуются свободо
онѣ никогда не переходятъ границы приличія и скромности. Въ го
родахъ, оставшихся во власти мусульманъ, еврейскій кварталъ (Ме
гагъ) является единственнымъ мѣстомъ, гдѣ мужчина можетъ видѣт
постороннюю женщину.

III.

Много любопытнаго представляетъ фольклоръ азіатскихъ евреевъ,—
ихъ рѣчь, нравы, обычаи и народное творчество, выразившееся в
сказкахъ, легендахъ и пр., по которымъ можно прослѣдить посте
пенное передвиженіе евреевъ въ глубь Азіи. Передвигаясь, они уно
сили съ собою тѣ понятія и обычаи, которые были въ ходу в
каждый изъ упомянутыхъ въ первой главѣ періодовъ. Такимъ обра

Digitized by Google

мъ въ Гера старики изъ мѣстныхъ евреевъ знаютъ весьма мало
же про разрушеніе втораго храма, но при этомъ сохранили ле-
нды несомнѣнно іудейскаго происхожденія. Гисарскіе евреи, принявъ
джикское нарѣчіе, употребляютъ нѣкоторые обороты рѣчи, часто
свойственные иранскимъ нарѣчіямъ. Кашгарскіе евреи, живя
реди тюркскаго населенія, говорятъ на персидскомъ нарѣчіи съ
римѣсью арабскихъ словъ. Мешхедскіе джадиды, о которыхъ я
ворилъ въ № 23 «Будущности», принявъ для виду исламъ, со-
ранили въ чистотѣ многіе обычаи іудаизма; при этомъ имѣютъ
мостоятельную азбуку. Въ разговорномъ языкѣ евреевъ изъ
юшамбе попадаются древне-еврейскія слова. Хамаданскіе, дема-
ндскіе, тегеранскіе и другіе персидскіе евреи называютъ себя
хали-Тауратъ, т. е. «люди Торы» (Св. Писанія), что не мѣшаетъ
мъ весьма мало знать еврейскія священныя книги.

Мнѣ пришлось однажды бесѣдовать съ евреями изъ Бендеръ-
ушира (на Персидскомъ заливѣ), которые называлисебя «Израели»,
то указывало на ихъ индѣйское происхожденіе При этомъ отецъ,
одившійся въ Персіи, говорилъ съ индійскимъ акцентомъ, хотя
и онъ, ни его сынъ, кромѣ персидскаго не знали другого языка.
околo Дамаска я встрѣчалъ евреевъ, говорившихъ между собой на
спаньолскомъ нарѣчіи, и только около Назарета я слышалъ евреевъ,
оворившихъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ
предѣлить, насколько онъ былъ чистъ. Несомнѣнно, въ арабскомъ
зыкѣ нѣкоторыхъ сирійскихъ и месопотамскихъ евреевъ встрѣ-
аются древне-еврейскія слова, а у багдадскихъ евреевъ, кромѣ того,
халдейскія слова, отличныя отъ тѣхъ, которыя употребляютъ въ
азговорной рѣчи несторіане окрестностей Урміи.

Въ обычаяхъ мы замѣчаемъ стремленіе подражать или, вѣрнѣе,
риспособляться къ привычкамъ господствующаго населенія. Со-
етанія самобытнаго съ наноснымъ, родного съ чуждымъ, мы часто
стрѣчаемъ у азіатскихъ евреевъ. Изъ приведеннаго недавно въ
«Будущности» (№ 33) описанія Кай-Фунгъ-Фуской синагоги видно,
то въ ней было соединено все самое дорогое для евреевъ, при этомъ
строитель приблизилъ ее къ типу китайскихъ капищъ въ стран-
номъ сочетаніи съ традиціонной архитектурой іерусалимскаго храма.
На Кавказѣ, въ городѣ Кубѣ, въ зарѣчной еврейской слободѣ,
мѣстная синагога въ общемъ имѣетъ много сходства съ мусульман-
скими мечетями. Въ молитвенныхъ домахъ нѣкоторыхъ азіатскихъ
евреевъ на ряду съ древне-еврейскими надписями существуютъ му-
сульманскія. Начальныя школы средне-азіатскихъ евреевъ вполнѣ
аналогичны съ мусульманскими мектебами.

Говоря о школьномъ дѣлѣ у азіатскихъ евреевъ, нельзя сказать

Digitized by Google

ничего утѣшительнаго. Школа, всегда бѣдно обставленная, помѣщается обыкновенно при молитвенномъ домѣ или въ помѣщеніи учителя. Преподаваніе ведется самымъ нераціональнымъ способомъ: все сводится къ зазубриванію священныхъ книгъ и толкованій, а потому изучить еврейскій языкъ удается лишь наиболѣе способнымъ; большинство же, проведя три четыре года въ школѣ, съ трудомъ читаетъ новыя книги, и въ наилучшемъ случаѣ выучивается писать еврейскимъ алфавитомъ на мѣстномъ мѣстномъ нарѣчіи.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи о знаніи массою древне-еврейскаго языка. Въ Персіи и Индіи еврейскія дѣти охотно посѣщали миссіонерскія школы, но увидя стремленіе патеровъ загонять ихъ души въ католическій рай, предпочли остаться при прежней системѣ образованія. Лучше всего поставлены школы Alliance Israélite Universelle, но тамъ удѣлялось слишкомъ много времени на изученіе французскаго языка, да и учащій персоналъ, при добромъ желаніи, имѣлъ слишкомъ мало опыта (я говорю про начало этого десятилѣтія; весьма вѣроятно, что послѣ моего посѣщенія могли произойти перемѣны).

Въ Персіи—Кирмашахѣ, въ Урміи, а равно въ Мосулѣ, Багдадѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Месопотаміи и Палестины, встрѣчаются весьма образованные евреи среди мелкихъ торговцевъ. Говорятъ они на языкѣ сродномъ съ библейскимъ и потому легко выучиваются понимать священныя книги и позднѣйшія объясненія. Они унаслѣдовали любовь къ изученію своей старины. Несмотря на оффиціальное упраздненіе, въ Месопотаміи до сего времени существуетъ нѣчто вродѣ Решъ-Галута, иначе—моя транскрипція можетъ и не быть вполнѣ точна, — Решъ-Матибата, Решъ-Сндра, Решъ-Кала, Решъ-Фирка, начальникъ синагоги и др. Во многихъ общинахъ нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ раввиновъ, ихъ обязанность исполняется стариками по очереди. Кромѣ чтенія священныхъ книгъ они поучаютъ молодежь. Нѣкоторые изъ нихъ обучаются по древнимъ книгамъ астрономіи, вѣрнѣе астрологіи, медицинѣ, химіи и другимъ свѣтскимъ наукамъ. Часто они занимаются врачеваніемъ. Медицина ихъ, конечно, весьма своеобразна. Болѣзни раздѣляются ими на сухія и мокрыя; для первыхъ (къ числу коихъ причисляется между прочимъ и холера) предписываются жаропонижающія средства и питье въ большомъ количествѣ. Мѣстные врачеватели-евреи искусны въ леченіи накожныхъ болѣзней при посредствѣ обкуриванія. Къ нимъ часто обращаются за совѣтомъ мѣстные мусульмане, но отъ послѣднихъ, какъ отъ всѣхъ постороннихъ, тщательно скрываются методы леченія. Евреи Урміи весьма искусно примѣняютъ ходыму или азіатскій массажъ, соединенный

Digitized by Google

гда съ внушеніями при посредствѣ фиксаціи; мнѣ разсказывали опыты «массоваго внушенія»», отыскиваніе пропавшихъ предовъ и окультивизмъ; я къ сожалѣнію видѣлъ лишь опыты частичною анестезіею. Все это связывается съ спиритизмомъ. ра въ сверхъестественное и стремленіе оттѣнить истинность вѣры ьшимъ числомъ чудесъ и вызыванія изъ могилъ почившихъ руодителей іудаизма особенно сильна у евреевъ Месопотаміи.

Наибольшимъ почетомъ пользуется пророкъ Іезекіилъ; его гробца находится между Имамъ-Хусейномъ и Имамъ-Али, на юго-зъ отъ Хила, около Багдада. По преданію, надъ этою гробницею ъ выстроенъ великолѣпный храмъ, имѣвшій маленькую дверь, орая въ большой праздникъ сама поднималась, и всѣ проходив подъ нею получали исцѣленіе отъ недуговъ. Въ настоящее время ались однѣ развалины, которыя привлекаютъ многочисленныхъ омольцевъ, приходящихъ молиться преимущественно объ исцѣлеотъ безплодія (не только людей но и домашнихъ животныхъ). дъ самою гробницею горѣли тридцать неугасаемыхъ лампадъ, а ъ ними праведники удостаивались видѣть столбъ пламени. При мѣ прислуживали до двухсотъ спеціальныхъ стражниковъ, коые собирали подаянія, кормили странниковъ и бѣдныхъ студенъ, изучавшихъ Писаніе, а также охраняли драгоцѣнности и кникогда ими захотѣли воспользоваться мусульмане, то они были ты на мѣстѣ [1]). Поэтъ Іуда Харизи воспѣлъ это въ 35-й главѣ кимонія (Констант. изданіе). Послѣ Іезекіильской гробницы персидe и месопотамскіе евреи особенно почитаютъ синагогу, основанную иломъ въ Вавилонѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ двухъ ангеловъ н. 12,5). Мнѣ разсказывали, что еврейскіе врачи, бывшіе съ Надиромъ, обѣщали реставрировать этотъ памятникъ и просили его щи деньгами, за это они увѣряли шаха, что онъ вернетъ Перъ Багдадъ. Шахъ усмѣхнулся и благодаря этой улыбкѣ святыни итовъ остались до сегодня въ рукахъ сунитовъ.—Я не встрѣчалъ тверженія этой легенды ни въ исторіи Надира, ни въ другихъ вѣстныхъ мнѣ источникахъ, но несомнѣнно, что мусульманеты и даже кочевники окрестностей Багдада до сего дня итаютъ еврейскія святыни. Большинство жителей верховья фрата—еврейскаго происхожденія, другіе же арабы съ гордостью утъ свой родъ отъ Измаила. На этомъ основаніи евреи назыи ихъ измаилитами, чтобы подчеркнуть свое превосходство къ потомковъ законной жены Авраама, а не рабыни его. Впро-

[1]) Петахія Регенсбургскій. Подлинникъ и французскій переводъ Карэ, Nouveau Journal Asiatique, 1831, стр. 272.

Digitized by Google

чемъ, нѣкоторые изъ мусульманъ Багдада ведутъ свой родъ о
Аарона, что прямо указываетъ на ихъ несомнѣнное еврейское п
исхожденіе. Послѣднее подтверждается еще и тѣмъ обстоятельство
что изъ путешествій раввина Веніамина Тудельскаго и Патахія Р
генсбургскаго [1]) мы знаемъ, что по Евфрату жило болѣе милліо
евреевъ; теперь же ихъ число менѣе ста тысячъ. Между тѣмъ ма
совыхъ избіеній не было. Зная путь переселенія многихъ средн
вѣковыхъ евреевъ и имѣя аналогичный случай постепеннаго ом
сульманиванія мешхедскихъ евреевъ, мы должны обратить вниман
на мѣстныя мусульманскія преданія, а также на тѣхъ святыхъ, к
ими почитаются. Конечно, этотъ вопросъ требуетъ всесторонняг
изученія, при которомъ не надо пренебрегать разсказами отдѣл
ныхъ лицъ; критика выдѣлитъ впослѣдствіи то, что окажется лишни

Евреи-бедуины, обитатели аравійской степи, стараются доказа
свое родство съ магометанами-арабами.. Вотъ ихъ легенда о своем
происхожденіи.

На большой дорогѣ въ Мекку жилъ раввинъ, познавшій, что зна
ніе дороже всѣхъ сокровищъ. Помня, что жизнь коротка, онъ поль
зовался каждымъ мгновеніемъ, чтобы почерпать истины изъ насл
дія предшествовавшихъ ему ученыхъ, и, не довольствуясь этим
поселился на дорогѣ, дабы направлять заблудшихся, и изъ по
ступковъ глупцовъ видѣть, какъ надо жить мудрымъ. Онъ не сты
дился спрашивать о томъ, чего не зналъ, такъ какъ Творецъ по
безконечной мудрости своей далъ всякому особый талантъ. Въ на
граду за это онъ постигъ то, что было, что есть и что будетъ
и даже предвѣчность вѣчности не была для него загадкою. Однажды
онъ сдѣлалъ себѣ изъ глины нѣмого слугу и за это дерзновенное его
дѣяніе Творецъ послалъ ангела смерти. Впервые, съ тѣхъ поръ
какъ слеталъ на землю, жестокій служитель смерти почувствовалъ
жалость и сказалъ: «Рабби, я долженъ изъ твоего дома взять одну
душу; я возьму твою жену, а ты тѣмъ временемъ оставь свою гор-
дость и моли о прощеніи». На это мудрецъ отвѣчалъ: «Тебѣ ска-
зано взять одну душу, а между тѣмъ въ моей женѣ ихъ двѣ, такъ какъ
она беременна». «Въ такомъ случаѣ выбирай самъ одну для меня»,—
сказалъ ангелъ. Горько заплакалъ раввинъ и сталъ молить о ми-
лости. Узнавъ причину его горя, жена, которая мучилась ро-
дами, стала просить, чтобы онъ пожертвовалъ настоящимъ ради бу-
дущаго. Когда онъ мысленно съ нею согласился, то услышалъ го-
лосъ, который ему сказалъ: «О, малодушный, ты промѣнялъ извѣст-
ное на гадательное, у тебя родится дочь; если хочешь, чтобы она

[1]) Nouveau Journal Asiatique, tome VIII Paris 1831 г., p. 288

Digitized by Google

ила, то выдай ее замужъ за того, кто будетъ мудрѣе тебя". «А акъ мнѣ его узнать?»—спросилъ раввинъ. Голосъ отвѣчалъ: «надъ имъ будетъ идти облако; онъ будетъ входить въ двери, не сгибаясь; всѣ будутъ ему кланяться, и онъ разгадаетъ загадку бытія».

Жена раввина скончалась, а родившаяся дочь, Зарифа, жила и азвивалась. Время изглаживаетъ все, а тѣмъ болѣе горе. Оно, какъ ѣка, уносится слезами въ пучину вѣчности. Прекрасная Зарифа ыла на утѣшеніе и была самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ арика. Однажды, выйдя на крышу своего дома, онъ увидѣлъ всад ика, надъ которымъ неслось облако. Не успѣлъ старецъ войти въ омъ, какъ онъ увидѣлъ, что дверь поднялась и всадникъ взошелъ е сгибаясь. Раввинъ невольно предъ нимъ преклонился и спросилъ: Кто ты»?—«Я тотъ, который былъ и будетъ». Раввинъ понялъ, съ ѣмъ имѣетъ дѣло, и просилъ объяснить значеніе его словъ

«Человѣческая жизнь по отношенію къ безконечности есть такая е малая часть, какъ то неуловимое время, которое отдѣляетъ проедшее отъ будущаго. Мысль, промелькнувшая въ твоей головѣ, ке отошла въ вѣчность, прежде чѣмъ ты успѣешь начать ее исполить. При этомъ каждое послѣдующее мгновеніе уничтожаетъ предъущее. Такова тайна бытія».

Старецъ понялъ, что предъ нимъ тотъ, кого судьба назначила ъ женихи его дочери. Онъ выдалъ за него дочь, прося лишь не увоить ее. Магометъ (а это былъ онъ) согласился. У ней родился сынъ, ъ котораго пошло племя евреевъ-бедуиновъ.

Урмійскій купецъ Юсифъ, разсказавшій мнѣ эту легенду, зналъ ѣсколько сказокъ про журавля и льва и нѣкоторыя другія несомнѣнно рейскаго происхожденія, о чемъ я заключаю, сравнивая ихъ съ верями Х. Бейлина *), Онъ же сообщилъ мнѣ много преданій, существующихъ въ его племени и у сосѣдей. На мѣстѣ Назибина, гдѣ находилась знаменитая школа Іуды сына Батера (Вав. Тал. тр. Песахимъ ст.), праведники удостаиваются видѣть огонь. По преданію, въ садхъ мосульскихъ евреевъ произросталъ *дудаимъ*, особый фруктъ, ѣвшій видъ человѣческой головы; ѣвшіе его обрѣтали исцѣленіе. ольше всего чудесныхъ преданій сохранилось о Ниневіи. Тамошніе трологи имѣли даръ видѣть въ звѣздахъ Мессію. Тоже мы надимъ у Петахія (278 стр.). Несомнѣнно, что кромѣ вышеупонутыхъ преданій въ странѣ существуетъ и много другихъ. Прирживаясь мнѣнія лучшаго знатока востока, Вамбери, я избѣлъ что-либо выспрашивать и долженъ былъ заводить политичіе разговоры, стараясь не возбуждать подозрѣніе, въ особенности

*) Сказки, разобранныя г. Бейлинымъ въ „Будущности", №№ 15, 23, 39

Digitized by Google

у тѣхъ мусульманъ, которые были не прочь дополнять заповѣ
пророка завѣтами іудаизма, что, конечно, властями не поощряет
Поэтому, копаясь въ безконечныхъ розсказняхъ словоохотливыхъ с
бесѣдниковъ, я старался выбирать то, что имѣетъ почву и что, та
сказать, не было еще вынесено на литературно-историческій б
заръ. Многое, описанное средневѣковыми путешественниками, ок
чательно изгладилось на мѣстѣ изъ народной памяти или приня
другую редакцію, но извѣстно въ дальнихъ краяхъ. Такъ, напр
мѣръ, Веніаминъ Тудельскій и Патахія Регенсбургскій говорят
что по преданію гробъ Даніила былъ подвѣшенъ надъ рѣкою Т
громъ, между колоннъ, на цѣпяхъ, и проходящія подъ нимъ лод
гибли, если въ нихъ были нечестивые люди. Въ Дамаскѣ, буду
въ гостяхъ у нашего вице-консула г. Камсаракана, я познакомил
съ образованными арабами, которые меня увѣряли, что гробъ Д
ніила находился на рѣкѣ около Сузъ, и имѣетъ, по преданію евреев
чудодѣйственную силу. Самаркандскіе же евреи показывали м
гробницу Даніила около Самарканда, а нѣкоторые изъ моихъ афга
скихъ друзей приписывали своей странѣ честь храненія останко
Даніила. Яркендскіе, кашгарскіе и другіе евреи, разбросанн
чуть-ли не по одиночкѣ, не прочь въ дружеской бесѣдѣ разсказа
про какого-нибудь святого или библейскаго пророка, похороненна
въ ихъ странѣ, и въ доказательство его святости привести цѣл
рядъ чудесъ, подтвержденныхъ свидѣтельскими показаніями.

Напримѣръ, о географическомъ положеніи рѣки Самбатіонъ,
которою находятся десять колѣнъ Израилевыхъ, существуютъ сл
дующія показанія: Петахій Регенсбургскій опредѣляетъ ее въ 10 дня
пути отъ могилы Іезекіила; Авраамъ Штемпель нашелъ ее въ К
таѣ. (См. «Будущность», № 33), въ видѣ нынѣшней бурливой Ир
вади, на берегу которой дѣйствительно оказалась еврейская дерев
Въ Дюшамбе подъ именемъ Самбатіона мнѣ указывали на Сурхан
въ которомъ вода весьма измѣнчива, а другіе указывали на мѣс
ную же рѣку Каферничанъ. Очевидно, преданія двигались вмѣс
съ евреями на востокъ, и каждый, уходя, уносилъ съ собою сов
менныя ему легенды. Такимъ образомъ въ Юрчи я слышалъ мес
потамскую легенду о чудесномъ облаченіи-талесѣ и мудрой раввинск
дочери, *) неизвѣстныя въ Персіи. Часто въ одномъ и томъ же
родѣ, въ различныхъ семействахъ передаются варіанты старинны
легендъ, неизвѣстныя сосѣдямъ. Напримѣръ, въ Сиріи евреи-сеф

*) Вѣроятно, основаніемъ послужила слава дочери вавилонскаго равв
Самуила Галеви: она поучала даже мужчинъ, объясняя изъ за перегород
тонкости талмуда, такъ что слышавшіе ея голосъ, не удостаивались ее л
зрѣть.

Digitized by Google

(европейскіе, съ береговъ Средиземнаго моря) и месопотам-
разсказываютъ одни и тѣже преданія не только на различ-
ъ языкахъ, но столь различно, что часто трудно бываетъ уло-
внутреннюю связь, которая выражается лишь въ общемъ вы-
дѣ или моральномъ поученіи. Это обстоятельство объясняется
только замкнутостью, но и тѣмъ, что мусульмане, преслѣдуя
реевъ, видѣли въ самомъ простомъ разсказѣ намеки или насмѣшки
дъ ихъ вѣрою (роковой случай съ Мешхедскими евреями описанъ
ою въ «Будущности», № 23), или какое нибудь колдовство.

Во многихъ мусульманскихъ сказкахъ съ колдуномъ-индусомъ
сто конкурируетъ еврей. Около Кала-Хумба, въ Дервазѣ, суще-
вуютъ развалины, извѣстныя подъ названіемъ Кахке-Джеду (крѣ-
сти черной магіи). Туземецъ Фріозъ-бей разсказывалъ мнѣ, что при
ахѣ Искандерѣ Чубинапа тамъ жили колдуны, пришедшіе изъ Индіи
съ моря изъ за Дамаска. Нѣкоторые изъ нихъ были Ахали-Китабъ
е. имѣвшіе книги (къ такимъ мусульмане причисляютъ лишь хри-
іанъ и евреевъ). Но такъ какъ онъ дѣлалъ различіе между ними
«уйгурами» (христіанами, ушедшими изъ Урусъ-Абада—Запянджа-
аго Дарваза—на сѣверъ), то, очевидно, есть нѣкоторое основаніе
редполагать, что съ сирійцами несторіанами были и евреи. Въ
й-же мѣстности мнѣ пришлось слышать, что между пришельцами
ла борьба за то, что одни изъ нихъ «перечеркнули сверху внизъ
слѣва на право то, что написали другіе». И дѣйствительно, я
іобрѣлъ въ Анжерчу (Кушабское бекство) сосудъ съ стертыми
адратными буквами, поверхъ которыхъ были кресты *).

У персидскихъ евреевъ, а судя по разсказу Штемпля («Будущ-
сть, № 33») и у китайскихъ евреевъ, были портреты, между тѣмъ
едне-азіатскіе евреи избѣгаютъ даже хранить книги съ изобра-
еніями людей или животныхъ. Во всемъ остальномъ эта группа
одна между собою и говоритъ на томъ же смѣшанномъ нарѣчіи, что
кавказскіе евреи.

Наибольшее число евреевъ-горцевъ живетъ въ зарѣчной части
рода Кубы, въ Кутаисѣ, въ селеніяхъ Дагестана, гдѣ ихъ всего до
),000. Въ остальныхъ городахъ Закавказья, Дагестана и Терской обла-
и они встрѣчаются лишь небольшими группами. Какъ я уже упомя-
лъ въ первой главѣ, число ихъ было значительнѣе, но съ теченіемъ
емени они слились съ мѣстнымъ населеніемъ и отчасти утратили
споминанье о своемъ происхожденіи. Кромѣ Багратидовъ и нѣко-
рыхъ другихъ грузинъ, ведущихъ свой родъ отъ Давида, суще-

*) Я привезъ этотъ сосудъ въ Хирманджау, гдѣ его разбили стражники, за-
лившіе помѣщеніе ротмистра Дмитріева.

Digitized by Google

ствуютъ цѣлыя селенія, происходящія отъ евреевъ. Даже само названіе этой мѣстности «Гуріей» происходитъ отъ грузинскаго и именованіе евреевъ «Гуръ». Въ Кубанскомъ уѣздѣ и въ Дагестан существовали обширные еврейскіе поселки (Кара-Банкендъ, Кар Куратъ, Чуфутъ-Кале, Афтаранъ, Мюджи и др.), которые входи въ составъ Хазарскаго государства. Жители послѣдняго мало по ма перешли въ исламъ за исключеніемъ жителей Хавмазъ и Кальвар исповѣдывающихъ армяно-григоріанство, но по разговору, обычая и типу мало отличающихся отъ мѣстныхъ татовъ и горских евреевъ. Послѣдніе охотно занимаются садоводствомъ и земледѣліем а при постройкѣ Баку-Дербентскаго участка Владикавказской ж лѣзной дороги работали тамъ въ качествѣ чернорабочихъ на т желыхъ земельныхъ выемкахъ..

По преданію, Кубинскіе евреи, также какъ и Кильварскіе Хачмазскіе христіане, пришли изъ Персіи какъ побѣдители (ина они не получили-бы туземныхъ женщинъ и сохранили-бы типъ, рѣзко-отличающійся отъ татовъ). Но затѣмъ монголы уничтожили самостоятельность Хазаріи и Агвами, и иновѣрцы уцѣлѣли лишь въ неприступныхъ мѣстахъ, откуда евреи мало по малу перебрались въ города *). Занимаясь торговлею коврами, они являлись желанными посредниками между враждующими сунитами Дагестана и шіитами-васалами Персіи.

Въ то время, когда кильверскіе и хачмасскіе христіане едва смѣли показываться за предѣлами своихъ горъ и лѣсовъ, евреи разъѣзжали по всему Кавказу. Здѣсь, какъ и въ остальныхъ частяхъ Азіи, замѣчалось нѣсколько наслоеній евреевъ. Благодаря невѣжеству стариковъ и стремленію молодежи, съ одной стороны, походить въ вѣрованіяхъ на большинство еврейскаго народа, а по наружности и въ домашнемъ обиходѣ не отличаться отъ туземцевъ, теперь предоставляется очень труднымъ разобраться въ первоначальныхъ и наносныхъ преданіяхъ.

Легенды о существованіи прямыхъ сношеній кавказскихъ евреевъ съ Вавилономъ подтверждаются, между прочимъ регенсбургскимъ равиномъ (376, описаніе Кругосв. путеш.) который видѣлъ въ Багдадѣ депутатовъ изъ страны месехъ и магоговъ. По преданію, Месехъ, сынъ Яфета, поселился между Чернымъ и Каспійскимъ морями,

*) Дербентскіе евреи переселились туда въ 1800 году по распоряженію Кумыкскаго Шамхала Сурхай-Хана, послѣ разрушенія ихъ селенія Аба-Савы; въ Елисаветполь евреи перешли изъ села той же губерніи Варташенъ, гдѣ, впрочемъ, до сихъ поръ живетъ немало еврейскихъ семействъ, занимающихся табачными плантаціями.

Digitized by Google

имъ жили сектанты-рехавиты, потомки Іонадаба сына Рехаба [1]). того же сочиненія мы узнаемъ, что всѣ молодые ученые, кото- ъ не везло въ Вавилоніи, и многіе египетскіе студенты отправ- ись въ вышеупомянутыя страны поучать вновь обращенныхъ. ствительно, мы знаемъ, что около этого времени совершилось щеніе хазаръ [2]). Такимъ образомъ въ горахъ Кавказа уцѣлѣли ывки такихъ переходныхъ стадій іудаизма, которыя при вни- ельномъ изученіи этого вопроса спеціалистами могутъ освѣ- ь ярче, чѣмъ другія изслѣдованія, многое, кажущееся намъ онятнымъ. Къ сожалѣнію, старики-хранители преданій уносятъ собою въ гробъ то, что слышали отъ отцовъ, а молодежь подъ яніемъ цивилизаціи, мало интересуется прошлымъ [3]). Можетъ ть, кто нибудь, прочтя эти строки, возымѣетъ благое желаніе до- нить ихъ, и это будетъ для меня лучшею наградою за труды, оженные мною на изученіе быта этихъ евреевъ.

Евреи, при всей ихъ малочисленности и слабости, съумѣли е только всегда лавировать между самыми враждебными лагерями, о и сохранили потомству завѣты своихъ отцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ асла для Европы многія произведенія древнихъ мудрецовъ. При омъ имъ приходилось нести двойной трудъ: живя среди арабовъ, и переводили съ греческаго языка на арабскій и еврейскій соч. ристотеля и другихъ философовъ, которыхъ арабы тщательно изу- ли и разрабатывали; съ еврейскаго же языка эти сочиненія пе- еводились на испанскій, латинскій и другіе языки. Услуги, ока- анныя такимъ путемъ химіи, медицинѣ, астрономіи и другимъ при- адлежнымъ наукамъ, достаточно хорошо извѣстны.

За все это, я думаю, евреи имѣютъ право на достойное суще- твованіе среди народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на обладаніе хотя бы ебольшимъ клочкомъ земли, на которомъ они могли бы работать и азвиваться внѣ всякаго посторонняго давленія.

Баронъ *Н. фонъ-деръ-Ховенъ.*

---

[1]) Соч. М. Осонъ, 276 стр., и вторая книга Іосифа сына Горіона, 9 глава, 4 стр. Венеція, 1544 годъ.

[2]) Въ 731 году послѣ взятія у арабовъ крѣпости Ардиля. Grätz, Gesch. d. Jud., т. V., глава VII.

[3]) Исключеніе составляетъ ученый И. Ш. Анисимовъ, авторъ прекрас- наго труда „Горскіе евреи“.

Digitized by Google

Осенніе цвѣты.

Памяти М. С. Варшавскаю.

Послѣдній даръ угасшей красоты,
Улыбка умирающаго лѣта,
Унылые осенніе цвѣты!
Подобно вамъ, угасли безъ привѣта
Моей погибшей юности мечты,
И дней печальныхъ увяданья
Тускнѣетъ съ каждымъ днемъ холодное мерцанье...
А были, были у меня
И лѣта красныя, и золотыя вёсны, —
Кругомъ шумѣли хмуро сосны
А пальмы грезились мнѣ въ знойномъ блескѣ дня.

Я вспомнилъ эти дни,—и въ красотѣ нетлѣнной,
Съ лучистымъ взоромъ, съ гордой головой,
Предсталъ мнѣ милый образъ твой,
Мой другъ несчастный, другъ мой незабвенный
Давно-ль?— Сегодня двадцать лѣтъ,
Какъ я среди полей роднаго юга
Услышалъ первый твой привѣтъ,
Привѣтъ наставника и друга.
Была весна,—и солнце, и цвѣты...
Ты говорилъ мнѣ съ ласкою сердечной:
«Да будетъ красота для васъ святыней вѣчной;
И трудъ, и думы, и мечты
Кладите на алтарь ея завѣтный;
И если долею народа безпросвѣтной
Вамъ суждено рыдать подъ бременемъ скорбей,—
Рыдая, пойте гимны ей!..»

Digitized by Google

Прошли года—и молодость, и грезы
Съ собою унесли... Увяли розы
Недоплетеннаго вѣнка...
И нѣтъ тебя... Тяжелая доска
Закрыла гробъ, и камень одинокій
Безмолвно сторожитъ пріютъ послѣдній твой,
Предѣлъ судьбы твоей жестокой...
Но тотъ же, и прекрасный, и живой,
Ты въ памяти моей. Завѣтъ твой помня свято,
Я пѣлъ о скорби страждущаго брата —
И въ скорби я обрѣлъ тотъ образъ красоты,
Которому служить мнѣ заповѣдалъ ты.
И дня осенняго, изъ царства увяданья
Беру для пѣсенъ сочетанья,
О скорби безутѣшной я пою—
И на могилу раннюю твою
Со словомъ грустнаго привѣта
Несу мои осенніе цвѣты—
Улыбку умирающаго лѣта,
Послѣдній даръ угасшей красоты...

С. Фругъ.

Digitized by Google

Старыя и новыя свѣдѣнія объ абиссинскихъ евреяхъ.

Древнѣйшее свидѣтельство о пребываніи евреевъ въ странѣ Куш мы находимъ у пророка Исаіи (XI,11): «И будетъ въ оный ден Господь вторично явитъ руку Свою для искупленія остатка народ своего, уцѣлѣвшаго отъ Ассура, и отъ Египта, и отъ Патроса, отъ Куша, и отъ Елама, и отъ Сенаара, и отъ Емаѳа, и отъ ост рововъ моря». Достовѣрно извѣстно и установлено всѣми коммента торами, что страна (כוש) Кушъ, о которой говоритъ пророкъ, ест не что иное, какъ Эѳіопія или Хабешъ (тоже Абиссинія) *). Хотя Св. Писаніе ничего не говоритъ намъ о времени переселенія или плѣненія евреевъ въ эту отдаленную страну, но полагаютъ, что они пересе лились въ Абиссинію изъ Египта, главнымъ образомъ, когда послѣд ній былъ покоренъ царями Эѳіопіи, или же изъ Аравіи чрезъ Персид скій заливъ, Чермное море. Какъ бы то ни было, но до конца XVIII столѣтія Европа не имѣла почти никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ евреяхъ далекой Абиссиніи**). Англичанинъ Яковъ Брусъ, про бывшій въ Абиссиніи 6 лѣтъ (1768 — 1774), по возвращеніи въ Европу выпустилъ въ свѣтъ 5-ти томное описаніе своего путеше ствія, (Travels into Abess. 1790, Edinburg), и здѣсь мы впервые узнаемъ, между прочимъ, о *Фалашахъ*, или евреяхъ Абиссиніи, знакомимся съ ихъ нравами, обычаями, религіозными вѣрованіями, сказаніями и т. п.

---

*) Первоначально, какъ установлено въ наукѣ כוש—называлось Нубія, но когда въ Абиссиніи появились приверженцы іудаизма, а впослѣдствіи и христіанства, то они, желая найти себя въ Св. Писаніи, ухватились за терминъ כוש Кушъ, обозначавшій Нубію или южныя страны вообще, и сдѣлали изъ него свое національное и государственное имя.

**) Мы говоримъ „объ евреяхъ далекой Абисиніи“ мы не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній до Вгусе'а такъ какъ собственно объ Абиссиніи очень цѣнныя свѣдѣнія сообщаютъ классики, византійцы, сирійцы, копто-арабская исторія александрійскихъ монофизитскихъ патріарховъ, арабскіе писатели, особенно Макризи и Эд-динъ Ахмедъ. Много свѣдѣній накопилось во время крестовыхъ походовъ. Въ XIV, XV, XVI, XVII стол. весьма важны труды португальцевъ и Іезуитовъ и, наконецъ, Historia Aethiopica (Francofor. ad. M. 1661) знаменитый строго-научный трудъ нѣмецкаго оріенталиста Лудольфа (Ludolf), который воспользовался всей доступной тогда литературой; сочиненіе это не потеряло и до сихъ поръ своего значенія.

Digitized by Google

Брусъ сообщаетъ, что христіане Абиссиніи ведутъ свое происхожденіе отъ народа Савскаго, а цари Эѳіопскіе считаютъ своимъ одоначальникомъ царя Менилькъ מני לך, котораго царица авская родила отъ Соломона; Менилькъ воспитывался въ Іерулимѣ при дворѣ царя Соломона, и когда онъ возмужалъ и сдѣался способнымъ управлять государствомъ, отецъ его, царь Соломонъ, отправилъ его въ страну Савскую, гдѣ царствовала его мать. мѣстѣ съ Менилькомъ,—говоритъ сказаніе—отправилось большое ножество израильтянъ, свѣдущихъ въ Священномъ Писаніи, чтобы учить Савейцевъ ученію Моисея; въ числѣ отправившихся находилось 12 старѣйшинъ (по числу колѣнъ израилевыхъ), чтобы быть удьями. Должности свои они передали своимъ дѣтямъ, и такъ все ереходило въ наслѣдство, такъ что современные умбры, или высіе судьи въ Абиссиніи, являются ихъ потомками. Во главѣ отправившихся находился, какъ разсказываютъ, Азарія, сынъ священника адока; онъ прибылъ со свиткомъ Св. Писанія и сталъ первосвященикомъ или «Неберитомъ» [1]) въ новой странѣ, и это мѣсто переходило по наслѣдству въ его родѣ. Свитокъ Торы сгорѣлъ во время дной изъ многочисленныхъ войнъ Абиссинцевъ съ сосѣдями.

Царица Савская, по преданію, еще при жизни, процарствовавъ 0 лѣтъ, передала управленіе государствомъ своему сыну Меильку, дабы впослѣдствіи не возникло споровъ о престолонаслѣдіи, акъ то случилось въ Іерусалимѣ съ Авессаломомъ и Адоніей. Меилькъ перенесъ свою резиденцію изъ города Сабы въ другой, коорый находился въ окрестностяхъ древняго города Аксума; столица ыла названа Адега-Давидъ, т. е. городъ Давида. Брусъ перечисляетъ далѣе тѣхъ царей, которые царствовали въ Эѳіопіи отъ цаицы Савской до начала христіанской эры; онъ насчитываетъ 22 аря, которыхъ онъ называетъ по имени [2]). Нельзя, конечно, поагать, что это безусловно вѣрно, такъ какъ по расчету выходитъ, то каждый царь долженъ былъ царствовать около 44-хъ лѣтъ, если раздѣлить число лѣтъ на 22), что, разумѣется, крайне невѣроятно.

Государственный гербъ царей Абиссиніи изображался въ видѣ ьва, прогуливающагося по красноватому полю, съ надписью внизу:

---

[1]) Точнѣе: „Набр-эдъ“. Эѳіоиское слово, значущее „намѣстникъ“ слово эдъ“=евр. יד=рука.

[2]) Лудольфъ въ своей „Historia Aethiopica“ упоминаетъ, что одинъ избиссинскихъ царей отправилъ посольство съ письмомъ къ папѣ Клименту VII, на которомъ онъ подписался: „Давидъ, любимый Господомъ, столпъ вѣры, отрыскъ колѣна Іудина, сынъ Давида, сынъ Соломона; сынъ основы Сіона, ышедшаго изъ чреслъ Іакова“. Теперь у насъ свѣдѣнія болѣе полны.

Digitized by Google

«Ma Onbâzoe em nizilet Salmon em negedo Judo», что въ перев
значитъ: «Крѣпостъ льва изъ потомства Соломона, изъ колѣна Іудин
Но когда католическое духовенство, прибывшее изъ Португал
укрѣпилось въ странѣ, гербъ этотъ былъ измѣненъ въ льва, ле
щаго съ крестомъ въ лапѣ, а когда впослѣдствіи духовенство бы
изгнано изъ страны, то былъ возстановленъ прежній гербъ.

Что касается собственно евреевъ въ Абиссиніи, то Брусъ с
общаетъ, что они тамъ называются фалашами, что означаетъ, «и
ходцы, изгнанники»; у фалашей также сохранилось преданіе, что о
прибыли сюда вмѣстѣ съ Менилькомъ, сыномъ царя Соломона. О
съ тѣхъ поръ какъ христіанство стало распространяться въ Аби
синіи, и многіе изъ эѳіоплянъ приняли эту религію, многіе, оста
шіеся вѣрными закону Моисея, отдѣлились отъ нихъ и сами обр
зовали новое царство, во главѣ съ Финеасомъ (פנחס), однимъ и
членовъ царскаго дома потомкомъ Менилька и Соломона. Царств
это просуществовало долгое время.

Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, сообщенныя Брусомъ *)
относительно фалашей.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣкоторымъ европейцамъ удалось про-
никнуть въ глубь Абиссиніи; французы, братья Аббади (Abbadie), [5]) анг
личанинъ Гобатъ (Gobat) [1]), Сольтъ [2]), Гаррисъ [3]), Бентъ [4]), нѣмцы
Haggenbacher, Rüppel [6]), Heuling [7]), Rohlts [8]), Изенбергъ [9]), Flad [10])
и мн. др. итальянцы, Сането [11]) и Массайя [12]). Въ описаніи
своихъ путешествій они говорятъ, между прочимъ, и объ евреяхъ
Абиссиніи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія разныхъ путешественниковъ о
фалашахъ были крайне разнорѣчивы. Затѣмъ выходили цѣлыя со-
чиненія, посвященныя изслѣдованію быта, религіозныхъ вѣрованій,

---

*) Bruce, Travels in Abyssinia. Bruce, Reisen, übersetzt von Volkmann.
פרחי ציפון, חלק א, חלק ב, וולנא, תר"א, תר"ד

1) Journal of a 3 yeans residin Abyss. London 1834.

2) Account of a voyage to Ab. 1814.

3) Clympes of Ab. 1846.

4) The sacred city of Ethiopians, Lond. 1893.

5) d. Abbadi 12 ans daus la haute Ethiopie, Paris 1868.

6) Reise nach Ab. Frankf. a. M. 1838.

7) Reise in Nordostafrica, Goth 1857.
Reise nach Ab. Jena 1868.

8) Meine Mission nach Ab. Leipz. 1883.

9) Abess. und die Evang. Mission Bonn 1844.

10) 12 Jahre in Ab. Basel 1689.

11) Viaggie missione cattolica Roma 1857.

12) Jmiei 35 anni in missione nella alta Etiopia. Записки въ 8-ми томах
in folio.

Digitized by Google

щенныхъ книгъ фалашей; но всѣ эти труды ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели.

Единственный изъ путешественниковъ, на котораго можно положиться, это еврейскій ученый, извѣстный оріенталистъ Жозефъ Галеви изъ Парижа, командированный въ 1867 г. парижскимъ еврейскимъ альянсомъ.

Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ, собранный Галеви, сдѣлался жертвой пламени при осадѣ Парижа во время франко-прусской войны, и сохранился только молитвенникъ фалашей на эѳіопскомъ языкѣ, (именно гезскомъ нарѣчіи), который Галеви издалъ съ еврейскимъ переводомъ, и небольшая книжка. изданная на англійскомъ языкѣ: «Travels in Abyssinia by I. Halevi London» 1877 г.*). Въ своемъ предисловіи къ изданному молитвеннику Галеви обращаетъ вниманіе на то, что сообщенія различныхъ европейскихъ путешественниковъ изъ христіанъ о фалашахъ имѣютъ для насъ крайне мало цѣны, потому что фалаши, какъ убѣдился въ этомъ по личному опыту Галеви, подобно всѣмъ жителямъ Востока, тщательно все скрываютъ отъ любознательныхъ иностранцевъ и не сообщаютъ имъ ничего достовѣрнаго о себѣ; считая всѣхъ иностранцевъ нечистыми, фалаши не пускаютъ ихъ даже на порогъ своего дома, и если ужъ иностранецъ особенно настойчиво приступаетъ съ разспросами, то фалаши умышленно сообщаютъ ему самыя запутанныя и невѣрныя о себѣ свѣдѣнія, и, такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый изъ путешественниковъ опровергается другимъ.

Когда Жозефу Галеви, послѣ долгаго и утомительнаго, сопряженнаго со всякими лишеніями и опасностями, пути, удалось, наконецъ, проникнуть къ фалашамъ въ Абиссиніи, они сначала чуждались его, какъ и всякаго европейца, подозрѣвая въ немъ христіанскаго миссіонера, и не вѣрили, что онъ дѣйствительно еврей. Но впослѣдствіи, убѣдившись въ этомъ, они очень обрадовались ему и, предложивъ Галеви предварительно совершить очистительное омовеніе въ рѣкѣ, приняли его весьма радушно, приглашали къ себѣ въ дома и ничего отъ него не скрывали; они сообщили даже жителямъ окрестныхъ деревень, что прибылъ посолъ отъ ихъ европейскихъ собратьевъ, и множество народа собралось посмотрѣть на Галеви и разспросить его о «благосостояніи Іерусалима».

Поѣздка Галеви къ фалашамъ состоялась въ 1868 году, и вотъ недавно, по прошествіи уже почти 30 лѣтъ, опять завязалась пере-

*) Докладъ Галеви о своей поѣздкѣ къ фалашамъ, читанный передъ обществомъ כל ישראל חברים 30 Іюля 1868 г., напечатанъ въ журналѣ הלבנון, 5-ый годъ (1868).

Digitized by Google

писка съ фалашами, съ которою, мы полагаемъ, будетъ небезинтересно познакомиться нашимъ читателямъ.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ представителей караимской общины въ С.-Петербургѣ Н. Д. Кокизовъ, просматривая книжку лондонскаго библейскаго общества, въ которой одинъ стихъ изъ Евангелія Іоанна переведенъ на триста слишкомъ языковъ, натолкнулся, между прочимъ, на переводъ этого стиха на языкъ «Фалаша или Кара». Зная, что фалаши—это евреи въ Абиссиніи, г. Кокизовъ заинтересовался словомъ «Кара»: не имѣетъ-ли оно чего-либо общаго со словомъ «Караимъ»? И вотъ въ 1895 году г. Кокизовъ вмѣстѣ съ другими представителями с.-петербургской караимской общины обратились къ фалашамъ съ рядомъ вопросовъ, которые были имъ отправлены на еврейскомъ языкѣ съ французскимъ переводомъ, на тотъ случай, если фалаши не понимаютъ по еврейски [1]). Письмо это съ вопросами было отправлено чрезъ г. Леонтьева, который тогда находился въ С.-Петербургѣ, возвратившись изъ своей первой поѣздки въ Абиссинію. Г. Леонтьевъ охотно принялъ на себя трудъ передать это письмо съ вопросами фалашамъ, но вслѣдствіе возникшей тогда войны Абиссиніи съ Италіей г. Леонтьевъ не могъ лично проникнуть къ фалашамъ и онъ вручилъ это письмо французскому ученому г. Мондонъ-де-Веделіе (Mondon de Vedaillies), который живетъ въ Абиссиніи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и послѣдній любезно сообщилъ на французскомъ языкѣ отвѣты на большинство изъ предложенныхъ вопросовъ. Эти вопросы и отвѣты, любезно предоставленные въ наше распоряженіе г. Н. Д. Кокизовымъ, мы представляемъ нашимъ читателямъ въ русскомъ переводѣ.

Письмо петербургскихъ караимовъ къ фалашамъ.

С.-Петербургъ, 21 ноября 1895 года.

«Миръ вамъ, дорогіе собратья! Да благословитъ васъ Господь Израиля, дѣти Авраама, Исаака и Іакова!

Изъ различныхъ книгъ мы узнали, что вы—наши собратья и что вы живете въ отдаленной странѣ, Абиссиніи, которая называется израильтянами—Кушъ, что ваша религія—это законъ Моисея, данный Израилю на горѣ Синаѣ чрезъ пророка Моисея. Какъ мы узнали, вы называетесь «Фалашъ», или также «Кара». Намъ кажется, что вы называетесь «Кара» потому, что вы вѣрите, исклю-

*) Вопросы эти были предложены такъ, какъ будто бы мы ничего не знали о фалашахъ; словомъ, игнорируется все то, что сообщили Ludolf, Bruce, Halevi и др.

Digitized by Google

ительно, въ Пятикнижіе Моисея и не признаете ни Талмуда, ни Мишны, что признаютъ іудеи.

Мы сообщаемъ вамъ, что нашъ народъ, который ведетъ свое происхожденіе отъ народа израильскаго, называется «Кара» *), «Карай», «Бене-Микра» или также «Караимы». Мы живемъ уже 10 вѣковъ въ странѣ, которая въ настоящее время составляетъ часть громадной и могущественной Россійской имперіи. Мы полагаемъ, что послѣ разрушенія храма Соломона, мы, пройдя Персію, поселились въ странѣ Хазаръ, расположенной на прибрежьи Чернаго моря. Вотъ уже столѣтіе, какъ мы находимся въ подданствѣ русскихъ императоровъ. Нашъ народъ не великъ. Насъ 10,000 въ Россіи, 5,000 въ Египтѣ и Алжирѣ, и еще незначительное число въ Іерусалимѣ, въ Константинополѣ, и въ странахъ нѣмецкихъ **). Наша религія—это религія народа израильскаго, мы вѣримъ только въ Пятикнижіе Моисея ***) и мы не вступаемъ въ бракъ ни съ евреями, ни съ другими народностями не нашей религіи. Мы молимся въ домахъ, которые называются Bet-hakenecete, молимся на языкѣ израильскомъ, или Лешонъ-кодешъ (священный языкъ). Молитвы наши составлены въ древнія времена нашими великими учеными и въ эти молитвы вошло много изъ псалмовъ царя Давида. Тора Моисея, которую мы исповѣдуемъ, дѣлится на пять частей: Bereshite, Shemote, Vaikra, Bamidebar и Debarim; кромѣ этого у насъ еще девятнадцать книгъ различныхъ пророковъ. Если, съ Божіей помощью, письмо наше дойдетъ до васъ, то мы просимъ васъ, соблаговолите отвѣтить намъ на слѣдующіе вопросы:

1) Почему вы называетесь *Кара* или *Фалаши?*

2) Каковы основныя различія между вами и прочими евреями?

3) Происходите-ли и вы также, какъ и мы, отъ израильтянъ?

4) Если вы по происхожденію израильтяне, то съ какого времени вы поселились въ Абиссиніи?

5) Если вы израильтяне, то соблюдаете-ли вы также, какъ и мы, въ точности законъ Моисея?

6) Находятся-ли въ вашей странѣ другіе израильтяне (евреи, называющіеся раввинитами), вступаете-ли вы въ бракъ съ ними, употребляете-ли мясо ихъ способа рѣзки?

7) Въ какихъ отношеніяхъ вы находитесь съ другими евреями?

8) Исполняете-ли вы обрядъ обрѣзанія, празднуете-ли вы суб-

---

*) Намъ, по крайней мѣрѣ, во всей караимской литературѣ не встрѣчалось это названіе—„Кара“.

**) Правильнѣе: въ Австро-Венгріи (Галиціи).

***) Объ этомъ см. ниже.

Digitized by Google

боту, празднуете-ли Пасху въ воспоминаніе объ исходѣ израильтян изъ Египта?

9) Какъ празднуете вы Пятидесятницу (Chavouote); съ какого дня вы отсчитываете 50 дней: отъ второго-ли дня праздника Пасхи или отъ перваго дня недѣли, въ которую приходится Пасха, как сказано: «Mimachurat hachabat»? Мы считаемъ семь недѣль отъ перваго дня недѣли (послѣ субботы) Пасхи, а если Пасха случится въ первый день недѣли, то мы считаемъ съ этого дня семь недѣль, и поэтому у насъ Chavouote всегда падаетъ на первый день недѣли (послѣ субботы), т. е. воскресеніе ибо онъ пятидесятый.

10) Носите-ли вы согласно велѣнію Торы цицитъ (ציצית) и. если носите, то одѣваете-ли вы только во время богослуженія или имѣете постоянно на своихъ одеждахъ. Мы носимъ цицитъ только во время молитвы.

11) Какъ вы считаете дни и какъ называются у васъ мѣсяцы?

12) Какое у васъ счисленіе времени? Считаете-ли вы отъ сотворенія міра или отъ другой эры? Мы начинаемъ наши мѣсяцы отъ новолунія и мѣсяцы наши называются такъ: Nisan, Iyar, Civan, Tamouz, Ave, Eloul Tichri, Hechvan, Kislev, Tevet, Chvat, Adar и для високоснаго года прибавляемъ Adar II-ой. Что касается нашей хронологіи, то мы считаемъ отъ сотворенія міра и въ настоящее время у насъ 5656 годъ.

13) Имѣете-ли вы Тору Моисея и книги пророковъ; если вы имѣете, то на какомъ языкѣ онѣ писаны и какъ онѣ называются?

14) Имѣете-ли вы труды своихъ ученыхъ, о чемъ въ нихъ трактуется, на какомъ языкѣ и въ какое время они написаны?

15) Гдѣ вы молитесь? Какъ называются ваши молитвенные дома? На какомъ языкѣ вы молитесь и когда составлены ваши молитвы?

16) Есть-ли среди васъ священники (כהנים) и левиты (לויים); если нѣтъ, то кто ихъ замѣняетъ? Кто глава вашей общины и какъ его называютъ? Кто молится у васъ предъ Господомъ, (т. е. кто конторомъ) и какъ вы называете своего священнослужителя?

17) Имѣете-ли вы дни, когда вы поститесь; какъ они у васъ называются и въ память чего установлены эти посты?

18) Есть-ли у васъ праздникъ Пуримъ, который установленъ во время Мардохея и Эсѳири?

19) Какая у васъ самая древняя книга, о чемъ въ ней говорится, кѣмъ и на какомъ языкѣ она написана?

20) Читаете-ли вы и пишете-ли по еврейски? Введена-ли у васъ пунктуація (נקודות) и какая: подстрочная или надстрочная? У насъ пунктуація подстрочная בראשית ברא אלהים את השמים ואת הארץ (1-ый стихъ Пятикнижія).

Digitized by Google

21) Сверхъ этихъ вопросовъ мы просимъ васъ написать, каковы ши нравы, обычаи, ваше соціальное и экономическое положеніе? ковы ваши занятія, какъ вы живете, какая у васъ одежда, какія лища, есть-ли среди васъ богатые люди, учите-ли своихъ дѣтей тать и писать и всѣ-ли у васъ грамотны, сколькихъ лѣтъ ваши новья женятся, ваши дочери выходятъ замужъ и всѣ-ли среди съ женятся и выходятъ замужъ,—сколько тысячъ вашего народа его пола и дѣтей въ Абиссиніи, въ какихъ мѣстностяхъ живете, ворите-ли вы на языкѣ абиссинскомъ и есть-ли разница въ языкѣ жду вами и окружающими васъ народами?

Съ этимъ письмомъ мы посылаемъ вамъ также письмо на языкѣ раильскомъ, называемомъ *лашонъ-кодешъ* и, если вы знаете отъ языкъ, то просимъ васъ отвѣтить намъ на этомъ языкѣ, который мы хорошо знаемъ.

Мы вполнѣ надѣемся, что вы не замедлите отвѣтить намъ подробнымъ письмомъ на всѣ наши вопросы и порадовать насъ доброй вѣстью, что еще въ странѣ, отъ насъ столь отдаленной, живутъ наши братья-израильтяне, наши единовѣрцы-караимы.

Какъ нужно къ вамъ писать письма и какъ адресовать? Сообщите намъ также, находятся-ли между вами люди, которые ѣздятъ въ далекія страны Европы и Россіи или въ Египетъ, Палестину и святой градъ Іерусалимъ? Если кто-нибудь изъ васъ совершитъ путешествіе въ Россію, то онъ можетъ найти караимовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, въ Крыму (Евпаторія, Севастополь, Симферополь, Ѳеодосія), гдѣ мы живемъ цѣлыми общинами.

Моля Бога отъ всего нашего сердца, чтобы Онъ васъ благословилъ, мы посылаемъ вамъ самыя сердечныя и глубокія привѣствія. Ваши покорные слуги».

Слѣдуютъ подписи: габай общины Нисанъ, сынъ Давида, *Кокизовъ*, Давидъ, сынъ Берахи, *Мангуби* Яковъ, сынъ Беніамина, *Дуванъ*. Сабатай, сынъ Боруха, *Мангуби*, Самуилъ. сынъ Моисея, *Шапшалъ*. Моисей, сынъ Берахи, *Мангуби*. Іосифъ, сынъ Исаака, *Іерака*.

На вышеприведенное письмо съ вопросами с.-петербургской караимской общины послѣдовалъ отвѣтъ въ видѣ письма отъ г. К. Мондонъ-де-Веделіе отъ 14 іюня 1896 года.

Письмо г. Мондонъ-Веделіе.

Аддисъ Абаба 14 Іюня 1896 г.

Господину Нисану Давидовичу, Караимскому раввину.

Господинъ раввинъ!

«Полковникъ Леонтьевъ, во время второго своего путешествія по Абиссиніи, изволилъ въ Эѳіопіи поручить мнѣ передать духовнымъ

Digitized by Google

главамъ вашихъ эѳіопскихъ единовѣрцевъ интересное сообщеніе вами къ нимъ адресованное. Не знаю, будетъ ли мнѣ возможно дать вамъ полное удовлетвореніе по сему предмету. Мнѣ придется, в всякомъ случаѣ, поручить перевести ваше письмо или на нарѣчіе гезское [ghèze], которое служитъ въ настоящее время церковным языкомъ (la langue écclesiastique) какъ у израильтянъ, такъ и хри стіанъ абиссинскихъ, или же на нарѣчіе охарическое (auchaïque)— общеупотребительный языкъ въ эѳіопской имперіи.

Духовная еврейская община въ Эѳіопіи въ настоящее врем крайне разобщена, чрезвычайно смѣшана съ христіанами, несмотря на то, что индивидуально каждый хранитъ свое вѣрованіе и что никакого гоненія не существуетъ.

Совершенно иное было во время царей Ѳеодора и Ивана, которые усматривали въ религіозномъ различіи препону къ политическому единству страны. Я долженъ однако сказать, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ (dissidents) фалаши (Falachas), или эѳіопскіе израильтяне были наименѣе гонимы. Въ ожиданіи, когда мнѣ представится возможность передать ваше обращеніе признаннымъ главамъ духовной общины израильтянъ въ той формѣ, въ коей оно имъ будетъ доступно (понятно), я желалъ сдѣлать пріятное моему другу (excellent ami) г. Леонтьеву, сообщая вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, будутъ вамъ интересны, такъ какъ уже и теперь вполнѣ достовѣрно, что изъ всѣхъ остатковъ древней еврейской народности, фалаши или кара наиболѣе близки къ караимамъ *).

Послѣ нѣсколькихъ общихъ соображеній, я намѣреваюсь, на основаніи свѣдѣній, которыя могъ добыть, дать отвѣты на различные вопросы, коими сопровождается обращеніе ваше къ вашимъ эѳіопскимъ единовѣрцамъ.

Начало (происхожденіе) іудейства въ Эѳіопіи.

Историческая эѳіопская легенда связываетъ съ Соломономъ царствующую династію: Меакеда, царица Савская, о коей упоминается въ библіи безъ указанія ея имени, имѣла, по преданію, сына отъ царя Соломона. Этотъ сынъ, Менеликъ I-й, былъ будто-бы воспитанъ при дворѣ израильскаго царя въ вѣрѣ іудейской и даже помазанъ въ іерусалимскомъ храмѣ царемъ Эѳіопіи. Вступая въ сопровожденіи Азарія **), сына первосвященника Садока, въ королев-

*) Мнѣніе это слишкомъ смѣло. См. объ этомъ ниже.

**) Тоже сообщаетъ и Bruce. См. выше.

Также у Ludolf'a въ „Historia Aethiopica“ Liber II, caput III—De familia Salomonea, quae originem suam habuisse dicitur et Menilehecо filio Reginae ab ae, quae Salomonem visitatum venerat. Мы пользовались для нашей ра-

Digitized by Google

ство Аксумское, данное ему его матерью, онъ, будто бы, принесъ съ собою копію Закона, которая была помѣщена въ Аксумскомъ храмѣ.

Потомки Азаріи, принявшіе христіанство, занимаютъ, будто бы, и по сей день должность Nebrit'a, (charge de Nebrit), или главы Аксумской церкви.

Менелика I-го и Азарію сопровождала колонія израильтянъ и книжниковъ (ученыхъ закона Моисеева), которые были назначены въ качествѣ судей въ различныхъ эѳіопскихъ провинціяхъ.

Исторически установлено, что колонизація израильтянъ очень древняя, начавшаяся, весьма вѣроятно, ранѣе завоеванія еврейскаго царства при Титѣ, и, что значительная часть Эѳіопіи, въ особенности высшіе классы исповѣдывали до введенія христіанства еврейскую вѣру.

Христіанство въ Эѳіопіи отличается отъ другихъ вѣроученій христіанскихъ особыми обычаями, заимствованными у левитовъ (по Библіи), каковые остальными—почти вовсе отвергаются. Такъ: обрѣзаніе, почитаніе субботняго дня, выборъ и отбрасываніе мяса и проч. соблюдается у христіанъ Эѳіопіи также, какъ и у вашихъ единовѣрцевъ.

Когда христіанство проникло въ Эѳіопію, ему оказано было большое сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ знатоковъ еврейскаго вѣроученія, и, надо полагать, къ этой эпохѣ относится выдѣленіе Фалашей (Falachas). Эти послѣдніе признаютъ эѳіопское преданіе о царицѣ Савской. Они говорятъ, что послѣдняя совершила путешествіе на «очень большомъ и красивомъ бѣломъ верблюдѣ» и, что ее сопровождала дочь Гирама, царя Тира (см. Псаломъ 45), подъ покровительствомъ коего царица Савская предприняла свое путешествіе.

Фалаши (Falachas).

По имѣющимся даннымъ невозможно дать подробнаго историческаго сообщенія о фалашахъ. Есть основаніе полагать, что послѣ сильной борьбы противъ введенія христіанства, они образовали особое царство, столица коего была въ Семіенѣ, которое при многихъ перемѣнахъ существовало долгое время.

Былъ моментъ, когда еврейское противодѣйствіе было настолько могущественно, что могло низвергнуть династію, именуемую Соломоновскою. Одна царица изъ Семіена, именуемая Эсѳирью (умертвила)

боты экземпляромъ соч. Ludolf'a изъ библіотеки проф. Б. А. Тураева, который любезно снабдилъ насъ и другими книгами и далъ нѣкоторыя цѣнныя указанія.

Digitized by Google

изгнала всѣхъ князей царствующаго дома, исключая одного, котор могъ укрыться въ Шоа. Это усиленіе іудейства, однако длилось долго. Послѣ двухъ или трехъ столѣтій царство перешло къ хр стіанскому дому Заге, чтобы вновь возвратиться къ Соломонов династіи, но царство фалашей продолжало существовать, буду какъ я выше сказалъ, большую часть времени обложены данью.

Говорятъ, что царь фалашей именовался всегда Гедеономъ, царица—Юдиѳью. Они были въ постоянной борьбѣ съ христіанскими князьями въ Эѳіопіи.

Современное состояніе.

Гоненія Ѳеодора и Ивана много уменьшили значеніе фалашей, число коихъ очень трудно опредѣлить. Они не переставали владѣть мѣстами убѣжищъ, именуемыми по абиссински Hagara maskay. Таковыхъ три въ самой Гудѣ, въ частяхъ, называемыхъ Дафатша Кидана-Маріамъ, Абарра-Гіоргисъ и Абба-Ивостативосъ *).

Наиболѣе значительныя общины находятся въ сѣверныхъ провинціяхъ Абиссиніи, въ Тзагадѣ, Волкэ, Дамбіи и въ Кварѣ. Въ Шоа всего нѣсколько рабочихъ, служащихъ у императора.

Одинъ французскій ученый Ж. Галеви издалъ нѣкоторое число изслѣдованій этихъ племенъ и даже сборникъ ихъ молитвъ. Многіе изъ нихъ говорятъ на особомъ нарѣчіи, которое близко къ агавскому; большая часть знаетъ охарическое. По сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ,—ихъ главное духовное лицо имѣетъ резиденцію въ Тзагадѣ, въ сѣверной Эѳіопіи (Тигрэ).

Отвѣты на предложенные вопросы.

Привожу по даннымъ, кои я могъ собрать, отвѣты на бо́льшую часть вами заданныхъ вопросовъ:

1) Эѳіопскіе израильтяне именуютъ себя «Кагап». Слова «Фалаша»—выраженіе, которое означаетъ: «выходцы», «изгнанники».

2) Они не имѣютъ никакого опредѣленнаго представленія о различіи, которое ихъ отдѣляетъ отъ другихъ евреевъ.

3) и 4) Они считаютъ себя, какъ я уже сказалъ выше, происходящими отъ израильтянъ и притомъ при обстоятельствахъ, которыя я указалъ.

5) Они не признаютъ ничего другого, кромѣ соблюденія законовъ Моисея.

6) и 7) Можетъ быть, гдѣ нибудь въ Абиссиніи находятся евреи чужестранные, но я такихъ не знаю, и между ними и фалашами, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, нѣтъ никакихъ сношеній.

*) Это по абиссинскому произношенію имя Евстафій.

Digitized by Google

8) Фалаши признаютъ обрѣзаніе, празднуютъ Пасху, въ память хода израильскаго народа изъ Египта, и субботы.

9) О пятидесятницѣ свѣдѣнія не полны *).

10) Подъ одеждой они носятъ родъ льняной сорочки, съ синею имой, назначеніе коей, какъ мнѣ сказали, напоминать о переходѣ резъ Чермное море. Эта сорочка не имѣетъ ни бахромы, ни лентъ.

11)

12) Лѣтосчисленіе ведутъ они съ сотворенія міра, но, какъ кается, по особой эѳіопской системѣ.

13) Они признаютъ законъ Моисея и пророковъ, т. е. вообще иблію. Ихъ Библія та же, что и у эѳіопскихъ христіанъ. Она на зскомъ нарѣчіи — ихъ религіозномъ языкѣ, а не на еврейскомъ, его они не знаютъ.

14) Кромѣ Библіи, повидимому, они имѣютъ еще молитвы на одномъ языкѣ. Ихъ ученые именуются рабби или раввинами.

15) Молятся они въ синагогахъ, называемыхъ «мекурабъ». Какъ другіе эѳіопы, они называютъ храмъ Соломона—«біета-макдашъ«.

16) Они имѣютъ когеновъ и левитовъ (во множественномъ числѣ Левавіанъ»). Въ Тзагадѣ находится ихъ первосвященникъ, именуемый «Лика-Каганатъ».

17) Они соблюдаютъ по Библіи всѣ посты, воздержаніе, очищеніе, жертвоприношеніе и пр.

18)

19) Они не имѣютъ никакихъ книгъ на еврейскомъ языкѣ; я же говорилъ, что всѣ ихъ священныя книги—на гезскомъ языкѣ. Прибавлю къ этому, что никакихъ споровъ и пререканій между ими и христіанскими учеными никогда не возникало по предмету иблейскаго текста. Общее у тѣхъ и у другихъ преданіе указываетъ а книгу Геноха, какъ на наиболѣе древнюю изъ полученныхъ ими.

20) Для письма они пользуются гезскими буквами.

21) Эѳіопскіе іудеи занимаются, по большей части, ручнымъ удомъ—между ними есть плотники, каменьщики, горшечники и др.

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ существуютъ духовныя общины ужчинъ и женщинъ, живущихъ въ монастыряхъ (отдѣльно).

Абиссинцы мнѣ утверждали, что въ опредѣленные дни оба пола единяются и что сочетаніе ихъ происходитъ въ темнотѣ, какъ видется. Провѣрить это утвержденіе мнѣ, однако, не удалось.

Воспитаніе дѣтей возложено на раввиновъ.

Ко всему изложенному я долженъ присовокупить, что іудеи іопскіе не знаютъ ни Талмуда, ни Таргумовъ, ни Мишны, ни

*) Прекрасно извѣстно изъ „Книги Юбилеевъ“, см. ниже.

Digitized by Google

Кабалы. Ихъ вѣроученіе ограничивается лишь тѣмъ, что вы на
васте «Торатъ Моше»..

Въ ожиданіи лучшаго, — вотъ тѣ свѣдѣнія, кои я могъ собр
со словъ абиссинскихъ ученыхъ.

Свѣдѣнія эти я вручаю г-ну Леонтьеву, но вопросъ этотъ
столько интересенъ, что подбиваетъ меня постараться освѣтить
еще нѣсколько болѣе, и я буду счастливъ препроводить вамъ
зультаты моихъ изысканій.

Благоволите принять, г-нъ раввинъ, увѣреніе въ моемъ сов
шенномъ уваженіи и почтеніи. C. Mondon Vedailhait.

Съ полученіемъ вышеприведеннаго письма отъ г. К. Монд
Ведайлье караимы еще болѣе заинтересовались фалашами, и г. Н.
Кокизовъ вступилъ по этому поводу даже въ переписку со свои
единовѣрцами, караимами въ Египтѣ, полагая что тѣ, какъ живу
ближе къ Абиссиніи, могутъ скорѣе имѣть болѣе точныя свѣдѣнія
фалашахъ. Однако караимы египетскіе отвѣтили, въ свою очере
что и ихъ свѣдѣнія о фалашахъ довольно скудны; но вопросъ
столько ихъ заинтересовалъ, что, по ихъ словамъ, они отправи
письмо къ фалашамъ чрезъ коптскаго патріарха, но отвѣта по
еще не послѣдовало, какъ они полагаютъ, вслѣдствіе крайне затр
нительныхъ путей сообщенія, такъ какъ фалаши живутъ въ глуби
страны.

Караимы,—какъ русскіе, такъ и египетскіе, готовятся снаряд
къ фалашамъ экспедицію съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ и
религіозными воззрѣніями, вѣрованіями и т. п., исходя изъ той то
зрѣнія, что ихъ ученіе тождественно съ ученіемъ караимовъ. Н
стараемся, однако, выяснить, насколько такая точка зрѣнія вѣр

Въ еврейской литературѣ существуютъ кой-какія указанія ка
тельно религіозныхъ воззрѣній и обычаевъ фалашей. Правда,
одинъ авторъ конца XV-го и начала XVI-го вѣка рабби Дави
бенъ Зимра (въ сокращеніи רדב"ז) въ своихъ респонсахъ говори
по поводу одной женщины изъ земли כוש (Абиссиніи, Эѳіопіи) в
той въ плѣнъ *): .... «Извѣстно издавна, что существуетъ вра
между царямя Эѳіопіи; здѣсь находятся три царства: часть населе
измаильтяне, часть христіане и часть израильтяне изъ колѣна Да
И, повидимому они изъ секты саддукеевъ и боэтусеевъ, которые на
ваются караимами (קראים הנקראים ובזיהום מכת צדוק ופי הנראה הם
ибо они не знаютъ устнаго закона и не засвѣчаютъ свѣчей въ с
боту ночью...

*) שות' רדב"ז חלק ד' סימן רי"ט.

Digitized by Google

Но мнѣніе это, какъ мы постараемся доказать, крайне односто-
не и абсолютно не вѣрно. Болѣе правильное сужденіе относи-
но фалашей мы находимъ у другого автора также XVI-го вѣка
ци изъ Бертиноро извѣстнаго комментатора Мишны, который
своихъ путевыхъ письмахъ, говоритъ **):

...«Я разспрашивалъ относительно рѣки Сабашіонъ и слышалъ
нѣкоего прибывшаго изъ царства пона Ивана פרי"טי יוא"ני что
ь есть горы и долины; горы — очень высоки... и тамъ, дѣйстви-
но, живутъ израильтяне, которые имѣютъ пять предводителей, или
ей. Онъ разсказывалъ, что израильтяне долго вели съ попомъ
номъ кровопролитныя войны, и за ихъ грѣхи попъ Иванъ одер-
ъ верхъ надъ колѣномъ Эфраимъ (ефремовымъ), и произвелъ
ди нихъ большое избіеніе, вступилъ въ ихъ землю и опустошилъ
такъ что почти исчезло воспоминаніе объ Израилѣ въ тѣхъ мѣ-
хъ. Оставшихся въ живыхъ израильтянъ онъ насильно застав-
ъ отречься отъ своей религіи, какъ то было во время Хасмо-
ъ (Маккавеевъ). Но, наконецъ, Господь смилостивился, и воца-
ись другіе государи въ Индіи (т. е. въ Абиссиніи) *) не столь
токіе, такъ что израильтяне снова водворились и размножались и
дились... 4 года израильтяне вели борьбу съ окружающими на-
ами и многіе изъ израильтянъ взятые въ плѣнъ и проданные въ
ство привозились въ Египетъ, гдѣ египетскіе евреи ихъ выку-
и. Эти плѣнники имѣли нѣсколько смуглый цвѣтъ кожи, но не
олько какъ эѳіопы. Но не возможно было разобрать исполняютъ
они законъ караимовъ или раввинистовъ, потому что отчасти
ихъ словъ можно было заключить, что они придерживаются
нія караимовъ; напримѣръ, они говорили, что въ ихъ домахъ
допускается огня въ субботу, а изъ остального видно, что они
людаютъ ученіе раввинистовъ.

**) Jahrbücher für die Geschichte der Juden, B. III, p. 217, нѣмецкій
вводъ *A. Neubauer*.

*) Древніе средневѣковые авторы очень часто смѣшиваютъ Индію съ Абис-
ей, и подъ Индіей подразумѣваютъ Абиссинію. См. *Epstein*, „Eldad-ha-
i“ p. 33—38. Въ данномъ случаѣ безъ сомнѣнія имѣется въ виду Абиссинія,
ь какъ рѣчь идетъ о царствѣ попа Ивана, какъ, обыкновенно, называлась
опія. *Ludolf* озаглавилъ свое сочиненіе „Historia Aethiopica“ sive descriptio
ni Habessinorum, quod vulgo male „Presbyteri Johannis“ vocatur. Въ
-мъ столѣтіи король Эммануилъ Великій приказалъ во что бы то ни стало
искать царство попа Ивана. Было снаряжено посольство и участвовавшій
посольствѣ португальскій ксендзъ Франциск Альварецъ прожилъ въ Абис-
и съ 1520 по 1526 г. подробно описалъ Абиссинію. Оно появилось въ
ати въ извлеченіяхъ въ 1540 г. подъ заглавіемъ Verdaderia informasam do
te Joao“. „Достовѣрное извѣстіе о попѣ Иванѣ“ переведено на многіе языки.

Digitized by Google

Въ новѣйшее время Филксенъ Луццато (אוהב גר) полагалъ, фалаши происходятъ отъ самарянъ *); это мнѣніе впрочемъ, опровергается тѣмъ, что фалаши чтутъ свято Іерусалимъ (а не Sichem Nablus) и молятъ Господа, чтобы онъ его вновь построи Беръ полагаетъ, что фалаши это одна изъ самаряно-эссейскихъ сек многое воспринявшая отъ раввинистовъ.

По нашему мнѣнію эти догадки и предположенія не имѣютъ шительно никакого значенія. Всѣ вышеупомянутыя лица, ра какъ и петербургскіе караимы считаютъ необходимымъ чтобы лаши подходили подъ одну изъ группъ, евреевъ-раввинистовъ, раимовъ или самарянъ; нѣкоторымъ кажется страннымъ, нап мѣръ, что фалаши являются такъ сказать эклектиками, т. е. одномъ сходятся съ евреями-раввинистами, однимъ кажется, они очень близки, караимы оспариваютъ это и считаютъ ученіе лашей тождественнымъ со своимъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ полагаемъ, фалаши являются представителями самостоятельнаго вершенно *своеобразнаго* толкованія закона, ихъ религія—юдаиз имѣвшій иную, свою особую эволюцію. Необходимо замѣтить, напрасно караимы въ своемъ письмѣ къ фалашамъ говорятъ, что не признаютъ ни Талмуда, ни Мишны, и т. п., а признаютъ иск чительно законъ Моисея; правда, они не признаютъ того традиціонн ученія, которое признается раввинистами, но къ чести караимов нихъ въ свою очередь имѣется *свое традиціонное ученіе*, ко рое хотя и не называется Талмудомъ, но въ сущности есть та же Талмудъ. У насъ въ Талмудъ вошли, главнымъ образомъ, ре гіозныя нормы фарисеевъ; караимы, въ свою очередь, восприня въ большинствѣ случаевъ ученіе саддукеевъ (кое-что всетаки за ствовавъ у фарисеевъ). Мы называемъ свой талмудъ кабал קבלה (въ обширномъ смыслѣ слова)—традиція, изустная переда объясненіе закона, караимы—העתקה משתלשלת סבל הירושה—насл ственное наслоеніе и т. д. Караимы имѣютъ вѣдь также множес сочиненій детально разъясняющихъ велѣнія Моисеева законодате ства по извѣстнымъ установленнымъ методамъ интерпретаціи, х почему-то считаютъ нужныхъ отрекаться отъ этого.

Что касается фалашей, то они, въ свою очередь также имѣ своего рода Талмудъ — книгу, содержащую: толкованіе на пятик жіе Моисея, сохранившееся устно, легенды, сказанія, толкова словъ Священнаго писанія, объясненіе законовъ и т. п. Еще бади *) указывалъ на необходимость еврейскимъ ученымъ позна

*) Orient, 1848 p. 256; Arch. Isr. 1853 p. 521; A. Epstein. Eldadha-I p. 185.

*) Къ сожалѣнію мы пока ничего не получили изъ этого толкованія

Digitized by Google

ться съ этой книгой, изученіе которой могло бы пролить новый
тъ на исторію вѣрованія и обычаевъ фалашей. Книга эта по-
бно всѣмъ другимъ, сохранившимся у фалашей написана на гез-
мъ *) языкѣ. Это тотъ языкъ на которомъ въ древности гово-
ли въ Абиссиніи и на который были переведены священныя книги
къ евреевъ, такъ и христіанъ. Въ настоящее время языкъ этотъ
вѣстенъ только ученымъ. Древне-еврейскаго языка въ Абиссиніи
знаютъ, хотя существуютъ слѣды знакомства съ нимъ. Дильманъ
казалъ, что, хотя Священное писаніе переведено на гезскій языкъ
греческаго перевода LXX Толковниковъ, однако сохранились
ѣды исправленія нѣкоторыхъ мѣстъ по еврейскому тексту.

Переводъ Священнаго Писанія на древне-эѳіопскій языкъ, гез-
ое нарѣчіе, одинаковъ у фалашей и христіанъ, хотя фалаши, надо
мѣтить, не всегда буквально придерживаются Библіи, а иногда
ступаютъ въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ согласно
ѣющемуся у нихъ «Толкованію», о которомъ мы уже говорили.
ь Священное Писаніе они включили и большинство апокрифовъ
ревода LXX Толковниковъ, но кромѣ того тамъ имѣются еще
салмы Соломона, которые тамъ названы «Ташгацъ», т. е. наста-
леніе и обличеніе, чего нѣтъ въ Септуагинтѣ.

Антонъ Аббади **) и Фладъ ***) перечисляютъ и другія священ-
ыя книги фалашей сверхъ библіи:

1) Hĕnok (חנך). Это извѣстная книга Еноха, имѣющаяся въ
реводахъ на нѣмецкомъ языкѣ; есть на русскомъ языкѣ. «Книга
ноха». Смирновъ. Казань. 1889; на еврейск. яз. L. Goldschmidt.

2) Kufalĕ (כפל), собственно значитъ дѣленіе, т. е. дѣленіе вре-
ени. Здѣсь имѣется въ виду «Книга юбилеевъ». Она была издана
ъ нѣмецкомъ переводѣ еще въ 1849 году Дильманомъ съ руко-
иси купленной у христіанъ въ Абиссиніи ****). Съ этого нѣмецкаго
ревода она была переведена на еврейскій С. Робиномъ, въ пер-

---

*) Въ настоящее время наиболѣе распространены въ Абиссиніи 2 языка:
гарскій и тигрэ, которые образовались изъ смѣшенія первоначальнаго семи-
ическаго химьяритскаго (вѣтвь южно-арабскаго) съ негрскими діалектами,
ружающихъ племенъ.

**) Réponses des Falasha... aux questions faites par M. Luzzato, Univers
raélite 1851.

***) Flad, Abessinische Iuden. По Луццато иФладу даетъ свой перечень
A. Epstein, Eldadha-Dani, стр. 144—149; см. также Rüppll, Reise... II.
ь настоящее время извѣстно куда большее количество книгъ. См. каталоги
кописей разныхъ библіотекъ Dillman, Zottenberg, Wright и мн. др.

****) Эфіопскій текстъ изданъ Дильманомъ въ 1859 г. и теперь уже имѣется
вое изданіе съ критическимъ текстомъ.

Digitized by Google

вомъ годѣ журнала Haschachar [1]). Книга Юбилеевъ имѣетъ громад ное значеніе, такъ какъ она объясняетъ возникновеніе различныхъ религіозныхъ постановленій и обрядовъ фалашей, въ которыхъ по слѣдніе сходятся съ самарянами, хотя тутъ же видимъ и коренны вещи стоящія въ явномъ противорѣчіи съ самарянами и даже в вопросахъ имѣющихъ коренное значеніе.

Книга Юбилеевъ первоначально написанная, на еврейскомъ языкѣ была затѣмъ переведена на греческій, и съ греческаго уже на эѳіопскій. Греческій переводъ сохранился у христіанъ до XII ст лѣтія. Что же касается еврейскаго оригинала, то онъ сохранился у евреевъ до X—XI вѣка. Одинъ изъ отцовъ христіанской церкви блаженный Іеронимъ [2]), жившій въ концѣ IV-го вѣка имѣлъ еврейскій текстъ книги Юбилеевъ. Въ комментаріи на Паралипоменон приписываемомъ одному изъ учениковъ гаона Саадіи, б. Іосиф (892—942) также упоминается Книга Юбилеевъ. На ней основани также много мидрашимъ; такъ Мидрашъ «Tadschê»—תדשא часто пользуется «Книгой Юбилеевъ» и приписываетъ ее извѣстному танаиту. р. Пинхасу бенъ Іоиру [3]).

3) Gadla Abraham (גדל אברהם), т. е. борьба житіе Авраама, содержитъ разсказъ о жизни Авраама, но вслѣдствіе многочисленныхъ испытаній и борьбы праведниковъ со зломъ, эта книга (равно какъ и слѣдующія четыре) получили соотвѣтствующія заглавія:

4) Gadla Ishak (גדל יסחק)—житіе (дѣянія) Исаака.

5) Gadla Iakob (גדל יעקב)—житіе (дѣянія) Якова.

6) Gadla Musê (גדל מס)—житіе (дѣянія) Моисея.

7) Gadla Aron (גדל ארן)—житіе (дѣянія) Арона.

8) Nagara Musê (נגר מס)—разсказъ (повѣсть) о Моисеѣ.

9) Teazaz Sanbat (תאזז סנבט)—Заповѣдь о Субботѣ.

10) Ardaet (ארדאת) — т. е. Ученики [4]). Здѣсь повѣствуется о тайнахъ, которыя Господь сообщилъ 12-ти Ученикамъ. Отшельники фалашскіе говорятъ, что эта книга обладаетъ предохранительнымъ средствомъ отъ разныхъ болѣней и злыхъ духовъ [5]).

---

[1]) Есть русскій переводъ А. Смирнова „Книга Юбилеевъ“ или „Малое Бытіе“. Казань 1895 г.

[2]) Глубокій знатокъ еврейскаго языка. Ему принадлежитъ латинскій переводъ Библіи „Vulgata“.

[3]) A. Epstein מקדמוניות היהודים и его же Revue d'Etudes juives 1890 f. XXI, p. 80.

[4]) Подобную книгу имѣютъ также и Абиссинскіе христіане. Они говорятъ, что въ этой книгѣ сообщается то, что говорилъ Іисусъ Христосъ своимъ 12-ти апостоламъ предъ восшествіемъ на небо (Flad),

[5]) A. Epstein полагаетъ, что фалаши заимствовали эту книгу у христіанъ, и сдѣлали въ ней различныя измѣненія и замѣнили слово „Апостолы“

Digitized by Google

11) Gorgorius (גרגרים)—содержаніе этой книги неизвѣстно.

12) Saatat (סעתת)—о часахъ *).

13) Fakare Iis (פכר איס)—объясненія Іисуса.

Полагаютъ, что въ этой книгѣ приводятся изреченія Іисуса сына раха и объясняются **), въ родѣ имѣющагося у насъ «Алфавита ына Сираха» ***).

Въ этой книгѣ פכר איס ****) говорится о Царствѣ Ѳеодора, т. е. арствѣ Мессіи, который по мнѣнію фалашей и абиссинскихъ христіанъ, носитъ имя Ѳеодора.

14) Felsuf—פלסף *****), различныя правила. Рюппель (Reisen II, 09) полагаетъ, что тутъ трактуется о лекарствахъ и заклинаніяхъ.

15) Maktab Eljas (מכתב אלים), т. е. видѣніе, (апокалипсисъ) Ильи.

16) Барухъ (ברך). Это не книга Баруха изъ апокрифовъ, а книга «Апокалипсисъ Баруха» ******).

Названія этихъ 16-ти книгъ сообщилъ Аббади со словъ извѣстнаго въ то время среди фалашей ученаго Аба Исхака и другихъ ученыхъ. Они также сообщили Аббади отвѣты на тѣ вопросы, которые чрезъ него предложилъ Филоксенъ Луццато *******).

Кромѣ вышеуказанныхъ книгъ имѣются еще нѣсколько, о которыхъ также сообщаетъ Аббади:

17) Zena Aihud (זין אהיוד), т. е. Исторія евреевъ, представляющая собою сокращеніе извѣстнаго сочиненія Іосифа Флавія.

18) Targam (תרגם). Это толкованіе на Пятикнижіе Моисея, о которомъ мы уже упоминали. Было бы въ высшей степени важно ознакомиться съ этой книгой, которая обнимаетъ собою всю жизнь

ругимъ „Ученики“. A. Abbadie полагаетъ, наоборотъ, что христіане заимствовали эту книгу у фалашей.

*) Epstein полагаетъ, что это астрологія; но это едва ли вѣрно Saatat называется также и „Часословъ“, какихъ много въ христіанской церкви. Такъ, наприм. изданъ Часословъ проф. Б. А. Тураевымъ; также изслѣд. проф. В. В. Болотова „Часословъ эѳіопской церкви“ (Христ Чтен. 1898 г.).

**) Скорѣе все-таки это—книга апокриф. христіан. См. Dillman Catalog. codic. Manuscr. Mus. Brit. pars. III, p. 22, 23.

***) אלפא ביתא דבן סירא изд. M. Steinschneider, Berlin 1858, 12°.

****) У христіанъ въ Абиссиніи есть еще другая книга פכר איסס а не איס (вѣроятно такъ различаются имена Іисуса Навина и Іисуса сына Сираха отъ Іисуса Христа).

*****) Часть издана въ христоматіи Дильмана.

******) Такую книгу нашелъ Ceriani на сирійскомъ языкѣ: Ceriani. Monumenta saera et profana t. V, p. 113. Латинскій переводъ сирійскаго текста издалъ Fritsche въ Libriapocryphi Yeteris Testamenti, p. 654.

*******) Univers israélite 1851. Réponses des Falascha aux questions faites par M. Luzzato.

Digitized by Google

фалашей, ихъ религіозныя вѣрованія, нравы, обычаи, объясненіе и пониманіе ими писаннаго Закона.

Фладъ упоминаетъ еще 3 книги:

19) Gadla Adam (גדל אדם). Житіе (дѣянія) Адама, которая описываетъ жизнь Адама.

20) Lavadat (לורת). Содержаніе не извѣстно.

21) Mashafa Astasrit (מצחף אסתסריה), содержитъ выборки изъ Пятикнижія Моисея, пророковъ и Псалмовъ, которыя читаютъ въ день отпущенія грѣховъ (יוהכ"פ).

Такова литература фалашей, изъ которой можно заключить объ ихъ не особенно высокомъ умственномъ развитіи, принявъ во вниманіе, что они восприняли по своему невѣдѣнію много книгъ и идей *), стоящихъ въ явномъ противорѣчіи съ ихъ религіей. Что касается количества ихъ, то Галеви полагаетъ, что число фалашей въ Абиссиніи достигаетъ до полутораста, а можетъ быть и двухсотъ тысячъ.

Все это указываетъ, во всякомъ случаѣ на то, что фалаши—не караимы. Было-бы крайне желательно, чтобы и наши евреи-раввинисты въ свою очередь вступили въ переписку съ фалашами, конечно, не съ цѣлью какой-либо религіозной пропаганды; духъ прозелитизма и миссіонерства намъ всегда былъ чуждъ. Въ интересахъ научнаго изученія юдаизма крайне важно ознакомленіе какъ съ религіознымъ состояніемъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ отдѣлившихся отъ насъ въ отдаленныя времена, (въ родѣ евреевъ въ Китаѣ, въ Абиссиніи, Дагестанѣ), такъ и съ еврейскими сектами напримѣръ, самарянъ, караимовъ. Они проливаютъ новый свѣтъ на исторію юдаизма.

Вотъ почему, между прочимъ, евреи раввинисты, такъ охотно занимаются разработкой исторіи и исторіи литературы караимовъ. Благодаря трудамъ евреевъ-раввинистовъ, лишь въ недавнее время удалось представить исторію караизма въ настоящемъ ея свѣтѣ.

И. Маркон.

---

*) Мы надѣемся въ скоромъ времени помѣстить на страницахъ „Будущности“ подробный очеркъ быта, нравовъ и обычаевъ фалашей и пр. равно какъ и выдержки изъ ихъ молитвъ.

Digitized by Google

Безъ радости.

Разсказъ

Менделе-Мохеръ-Сфоримъ (*С. Абрамовича*).

Исторія, которую я собираюсь здѣсь разсказать вамъ, хотя стара, но это ничего, господа,—она очень подходитъ къ нашему брату еврею и въ нынѣшнее время. И спрошу я васъ, что такое еврейская жизнь? Въ сущности это длинная старая исторія, которая всегда повторяется въ различныхъ формахъ и проявленіяхъ, смотря по модѣ каждаго времени,—все та же сказка про споры, вздоры, ужасы, напасти, притѣсненія, гоненія, про бѣготню, давку, кочеваніе, про стремленія, преуспѣваніе и головокруженіе.

У каждаго поколѣнія свои мудрецы, свои человѣколюбцы, благочестивцы, а также свои мученики, падшіе, пришибленные, свои глупцы, выскочки, возвысившіеся нахалы, неучи и воротила.

Тотъ Кора-богачъ, вождь, ловецъ, который стремился къ священству, чтобы быть всѣхъ старше, всѣхъ выше, — этотъ Кора существуетъ и теперь; онъ называется Янкель, Берлъ, Іоцмахъ, Шмерлъ, но онъ также пробирается къ почетному мѣсту и хочетъ быть первымъ. Прежній Санвалатъ *) съ компаніей клеветниковъ, лгуновъ, интригановъ, мастеровъ пройтись на счетъ того-другого, выдумать напраслину, написать доносъ, подлить масла въ огонь, чтобъ этимъ разрушить зданіе,—всѣ эти славные господа живутъ между нами, злой духъ не тронулъ ихъ; они на лицо, они растутъ и размножаются, слава Богу! Ужъ, впрямь, ничего новаго подъ луной: „что было, то есть —то будетъ вѣчно!“ Говорятъ, есть новинка: колоніи. Нѣтъ, братцы! и это давнымъ давно было на свѣтѣ: присмотритесь хорошенько и вы замѣтите, что евреи ужъ давно помышляли о земледѣліи, что они всей головой ушли въ землю... Теперь, какъ и въ старину, у насъ въ

*) Имя того, кто послалъ Киру ложный доносъ на евреевъ, см. Неемія, VI.

Digitized by Google

каждомъ городкѣ есть свой сумасшедшій, окруженный толпой босоногихъ сорванцовъ, затѣмъ свой совѣтникъ и подъ стать свой воротила и дѣлецъ, который наперекоръ всему городу дѣлаетъ все шиворотъ на выворотъ. Не потому ли намъ плохо, господа?..

I.

Мудрецомъ и совѣтникомъ нашего города считался Веньяминъ Довѣренный. Онъ значился въ реестрѣ подъ фамиліей Курносый. Можетъ быть, тѣ, отъ кого эта фамилія ведетъ свое начало, обладали короткими носами, но носъ нашего Веньямина, длинный съ горбинкой и заостренный къ концу, былъ не хуже любого еврейскаго носа. Впрочемъ, его фамилія только въ спискѣ и значилась, а звали его обыкновенно: „Веньяминъ-Довѣренный“.

Веньяминъ служилъ когда-то у извѣстнаго богача Іоны Егупецкаго и порядочное число лѣтъ считался его довѣреннымъ. Когда дѣла богача пришли въ упадокъ, Веньяминъ лишился должности, но за нимъ осталось званіе „довѣренный“.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ и популярныхъ домовладѣльцевъ въ городкѣ. Его домъ, съ зеленымъ крылечкомъ и высокой гонтовой крышей, помѣщался среди рынка, противъ ряда амбаровъ. Сара, его жена, высокая худая еврейка, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ и крупнымъ большимъ медальономъ *), который она носила на шеѣ даже въ будни, содержала въ своемъ домѣ трактиръ, гдѣ кромѣ водки и различныхъ закусокъ, какъ ляца въ смятку и крутыя, гречневыя лепешки на маковомъ маслѣ съ начинкой изъ лука, сыръ и фаршированная рыба, находилось также пиво, медъ, вишневка, да и жареный гусенокъ красовался на столѣ. Сарѣ былъ извѣстенъ секретъ особеннаго соленія огурцовъ: ея огурцы славились во всей округѣ,—они были тверды, сочны, съ полнымъ содержимымъ. Въ ея трактирѣ можно было встрѣтить и цехмейстера, и старосту, и писца, и другихъ почетныхъ лицъ городка.

Сорка—бѣдовая, съ ней не шути! Случись что-нибудь—сейчасъ къ Соркѣ. Кусокъ фаршированной рыбы, приготовленный Соркой, имъ всѣмъ больно по вкусу: пальчики обли-

*) Собственно золотая монета съ изображеніемъ Іерусалима на одной сторонѣ и уцѣлѣвшей стѣны храма на другой. (עיר של זהב)

Digitized by Google

зываютъ. Когда у нихъ хмѣль въ головѣ, отъ Сорки нѣтъ тайнъ: что на умѣ, то на языкѣ. Съ ней тогда часто бесѣдуютъ о религіи, и разсужденіе кончается обыкновенно требованіемъ лишней бутылки водки, и тутъ съ пріятной, сладкой улыбкой рѣшаютъ: „всѣ религіи хороши; наша, ваша— все равно". Люди погребальнаго братства и завѣдывающіе дѣлами общины иногда также посылали къ Сарѣ за напитками и жаркимъ, когда чувствовали голодъ или жажду... Сара была работница, дѣловитая женщина, заправляла всѣмъ, а Веньяминъ велъ на склонѣ лѣтъ спокойный и беззаботный образъ жизни. Своихъ трехъ дочерей онъ давно ужъ выдалъ замужъ, и онѣ жили въ мирѣ да въ ладу со своими мужьями, какъ Богъ велѣлъ. У себя онъ имѣлъ только внучку, хорошенькую дѣвочку, дочь его единственнаго, преждевременно умершаго сына; она служила ему радостью и утѣхой въ старости.

Веньяминъ принадлежалъ къ роду тѣхъ евреевъ, у которыхъ благородство запечатлѣно на лицѣ; ихъ сейчасъ по наружности узнаешь, что они ведутъ происхожденіе изъ хорошей семьи; знаніе торы сіяетъ въ ихъ глазахъ и написано на высокомъ лбу: это древняя знать—потомки святыхъ библейскихъ патріарховъ Авраама, Исаака и Якова!.. Веньяминъ былъ человѣкъ тактичный, умный и опытный; онъ разбиралъ всякое дѣло спокойно, просто, какъ оно есть; никогда не горячился, не преувеличивалъ и шелъ всегда собственнымъ путемъ, руководясь только своимъ умомъ. Наклонивъ голову и полузакрывъ глаза, онъ говорилъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, выражаясь коротко и ясно, вставляя кстати примѣръ, красное словцо. Будучи человѣкомъ слабаго здоровья, онъ отличался большой осторожностью, которая сквозила въ его манерѣ ходить, вставать, говорить, ѣсть—каждый его шагъ, малѣйшее движеніе были разсчитаны. Въ синагогу онъ являлся только въ субботу, очень рѣдко въ будни, да и то къ предвечерней молитвѣ. Тамъ онъ не старался пробраться къ восточной стѣнѣ, а стоялъ за печкой. Но съ его приходомъ этотъ уголокъ оживлялся; множество людей всегда толпилось около его мѣста, всѣ съ удовольствіемъ бесѣдовали съ Веньяминомъ объ интересахъ народа, о политикѣ. Ради Веньямина Гершонъ Айзикъ и Давидъ-Або, два любознательныхъ человѣка, оставили свои мѣста у восточной стѣны и помѣстились поближе къ нему. Обыкновенно, они затѣваютъ разговоръ, нашъ Веньяминъ, полузакрывъ глаза, сидитъ молча и слушаетъ. Разговоръ все расширяется, въ немъ уже многіе принимаютъ участіе, и

Digitized by Google

каждый отвлекаетъ его немного въ сторону— выходитъ чепуха, совсѣмъ не то, съ чего начали. Но вотъ Веньяминъ проводитъ рукой по лбу и начинаетъ говорить: все стихаетъ, онъ произноситъ свои разсчитанныя слова, которыя мѣтко попадаютъ въ цѣль; всѣ соглашаются и говорятъ: „вотъ-вотъ!“...

Весь день Веньяминъ проводитъ въ своей комнатѣ, за книгой, сидя на мягкомъ стулѣ, въ халатѣ и туфлахъ. Но онъ почти никогда не бываетъ одинъ, у него можно встрѣтить различныхъ людей: мужчинъ, женщинъ, старыхъ, молодыхъ. Одни приходили съ нимъ посовѣтоваться, другіе, какъ хорошіе знакомые,—просто посидѣть, провести время въ пріятномъ разговорѣ. Цехмейстеръ и староста, когда они бывали немного навеселѣ, забирались къ нему съ рюмками въ рукахъ, крича: „Пане Биньемка! хотимъ чокнуться съ пане Биньемкой!“ Цехмейстеръ, ударяя себя пальцемъ по лбу, говоритъ на смѣшанномъ русско-еврейскомъ языкѣ: „Биньемка, гройсекопъ! великій пани-берье, ой вай миръ!“... Староста смѣется, городитъ чепуху и все повторяетъ: „Раби Мойше, Адамъ, Гаманъ... что у васъ, то у насъ: вашъ Давидъ—нашъ Давидъ, Исавъ и Яковъ братья!.. только хазиръ ни, ни! трейфъ!..»— Веселье, радость, любовь! Веньямина обнимаютъ, цѣлуютъ, насилу отрываются отъ него и уходятъ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Словомъ, Веньяминъ не сидитъ одинъ, всѣ къ нему. Если кто не можетъ рѣшиться насчетъ какого-нибудь сватовства, напримѣръ, онъ отправляется къ Веньямину за совѣтомъ; если какая-нибудь парочка не живетъ въ ладу, каждый изъ супруговъ является отдѣльно излить свою душу передъ Веньяминомъ; если зятю кончается срокъ тещиныхъ харчей и онъ не знаетъ, за какое дѣло взяться, онъ тоже идетъ къ Веньямину; если два еврея ссорятся, ихъ миритъ Веньяминъ; умретъ еврей и оставитъ имущество,—наслѣдники не перестаютъ спорить, пока Веньяминъ не вмѣшается въ дѣло; а если умретъ еврей и не оставитъ ничего, кромѣ жены и дѣтей,—передъ кѣмъ рыдаетъ бѣдная вдова? конечно, передъ Веньяминомъ. Что бы ни случилось, сейчасъ къ Веньямину. Веньяминъ выслушиваетъ все спокойно, для каждаго находитъ удачный примѣръ, наставленіе, совѣтъ; его слова оказываютъ вліяніе, хотя подчасъ попадаютъ иному не въ бровь, а прямо въ глазъ. Таковъ нашъ Веньяминъ, нѣкогда мудрецъ и совѣтникъ въ нашемъ еврейскомъ городкѣ. Теперь у насъ такіе люди въ рѣдкость.

Digitized by Google

II.

А на ряду съ нимъ въ нашемъ городѣ жилъ „раби Яковъ“, ъ того сорта Якововъ, которые были когда-то, встрѣчаются перь и которые будутъ существовать и послѣ насъ во всѣхъ рейскихъ мѣстностяхъ до тѣхъ поръ, пока будутъ на свѣтѣ раильтяне. Эти люди могутъ различно называться по имени, гутъ различаться по своей дѣятельности, по одеждѣ, всему образу жизни; они могутъ быть фанатичны- евреями стараго поколѣнія или философствующими ум- ками новаго покроя—но въ сущности они всѣ одинаковы: всѣхъ тотъ же характеръ, та же надменность, та же дерзость. го люди безъ всякихъ заслугъ, а они желаютъ играть роль; оего ума ни на грошъ, а мѣряютъ умъ другихъ, высказы- ютъ свое мнѣніе о вещахъ, которыя для нихъ китайская амота, ратуютъ какъ-будто за Бога, а сами грѣховодни- ютъ; щеголяютъ откровенностью, а между тѣмъ они очень рытны и представляютъ совсѣмъ не то, за что себя вы- ютъ. Къ чему бы они не прикоснулись, сейчасъ тамъ язва; что бы ни вмѣшались—бѣда, путаница, навѣты, сплетни, носы. Они оставляютъ послѣ себя скверный, ничѣмъ не ываемый слѣдъ.

Если левъ, царь звѣрей, терпитъ, по сказанію нашихъ дрецовъ, отъ напасти маленькаго пресмыкающагося, а боль- ой могучій слонъ отъ комара, то праведникъ Веньяминъ же страдалъ отъ напасти въ лицѣ низкаго созданія, Якова, рчившаго изъ себя благочестиваго еврея и испортившаго еньямину не мало крови.

Съ „раби Яковомъ“ случилось чудо: подобно многимъ ма- енькимъ пресмыкающимся онъ претерпѣлъ превращеніе... ѣ, вылупившись изъ яичка, постепенно принимаютъ образъ рвяка, который только ползаетъ и пожираетъ пищу, остаются ъ образѣ куколки, завернутой въ шелковую паутину, не- одвижной, будто мертвой, и, наконецъ превращаются въ ба- очку, которая въ одинъ прекрасный день вылетаетъ изъ ко- она, расправляетъ крылышки и подымается высоко, высоко. о же приключилось съ Яковомъ. Сначала, въ молодости, онъ илъ червякомъ и назывался Янкель или Янкучъ; тогда онъ ужилъ за одни харчи, ни о чемъ кромѣ пищи не думалъ, ередъ всѣми ползалъ на четвереньках, и всякій его топталъ, акъ червяка. Онъ самъ зналъ, какъ онъ ничтоженъ, какой ъ невѣжда, и потому гнулъ свою спину, старался всякому

Digitized by Google

угодить. Его раболѣпіе, заставляя все болѣе и болѣе обр
щать на него вниманіе, спасло его: онъ мало-по-малу вылѣ
изъ грязи, изъ маленькаго прислужника сталъ настоящим
лакеемъ, который не только не голодаетъ, но уже получает
жалованье, копитъ рубли. Собравъ немного денегъ, онъ ж
нился на одной изъ тѣхъ прислугъ, которыя выдаютъ се
за родственницъ своихъ господъ; онѣ много лѣтъ тяже
работаютъ, но увѣрены, что не служатъ, а только пом
гаютъ въ хозяйствѣ, за это родственники-господа дарятъ им
къ свадьбѣ жалкія тряпки и оказываютъ имъ великую чес
своимъ присутствіемъ на свадьбѣ, гдѣ ѣдятъ, пьютъ и та
цуютъ съ невѣстой „кошеръ-танецъ“.

Послѣ женитьбы Яковъ началъ заниматься торговлей, з
велъ собственныя дѣлишки: онъ сталъ отдавать деньги в
ростъ бѣднымъ евреямъ, ремесленникамъ, мелкимъ торго
цамъ; потомъ кругъ его должниковъ расширился, счастье ем
улыбнулось, и капиталъ его настолько округлился, что он
сдѣлался—шутка-ли—кредиторомъ помѣщиковъ. Онъ ужъ ку
пилъ домъ и зажилъ на широкую ногу. Теперь начинает
второй періодъ его жизни: изъ червяка Янкеля онъ превра
щается въ дѣльца съ личиной простачка. Онъ ужъ называется
„раби Янкель“, онъ ужъ немного отполированъ, онъ весь въ
шелку—онъ куколка, ужъ онъ теперь не гоняется весь день
за заработкомъ: заработокъ ищетъ его и находитъ спокойно
сидящимъ дома. Въ синагогѣ ему уже принадлежитъ мѣсто
у восточной стѣны, среди знатнѣйшихъ лицъ, которыхъ ти-
тулуютъ „морейну“, когда ихъ приглашаютъ къ чтенію торы.
Они, хотя всѣ прекрасно знаютъ, кто онъ, откуда ведетъ свое
происхожденіе, но изъ уваженія къ его деньгамъ не подаютъ
виду, что это имъ извѣстно: деньги лучшій защитникъ чело-
вѣка на этомъ и будущемъ свѣтѣ... и Янкель принятъ всюду.
Онъ еще хорошо помнитъ, чѣмъ онъ былъ раньше—малень-
кимъ человѣчкомъ, лакеемъ, неучемъ, и потому онъ считаетъ
большой честью для себя, что знатные люди принимаютъ его,
какъ равнаго. Онъ знаетъ, что они гораздо благороднѣе и
ученѣе его, и потому онъ остороженъ въ словахъ, во всемъ
соглашается съ ними: они что нибудь скажутъ—онъ киваетъ
головой. Онъ присматривается къ образу жизни набожныхъ
евреевъ и старается имъ во всемъ подражать: они въ чул-
кахъ и башмакахъ—онъ тоже такъ; у нихъ постныя смирен-
ныя лица—онъ тоже старается придать своему лицу выраже-
ніе благочестія; они тихо и часто вздыхаютъ — и онъ

Digitized by Google

же; они во время молитвы подпрыгиваютъ, гримасни-ютъ, захлебываются и обращаются къ Богу съ различными итетами — онъ ихъ копируетъ; словомъ онъ учится... Онъ ановится хасидомъ и выходитъ, славу Богу, въ люди... Если къ когда нибудь присутствуетъ на засѣданіи старѣйшинъ рода, то онъ хочетъ, чтобы всѣ объ этомъ знали; когда его прашиваютъ: „раби Янкель, какъ ваше мнѣніе?“—онъ внѣ ебя отъ счастія; а когда его замѣчаніе совпадаетъ съ мнѣ-іемъ Веньямина, то его радость безгранична: онъ еще счи-аетъ Веньямина мудрецомъ, верхомъ совершенства. Такъ Янкель живетъ да поживаетъ, да добра наживаетъ.

Но вотъ кончается вторая стадія развитія, и онъ превра-ается въ большое насѣкомое, которое широко расправляетъ рылышки, летаетъ высоко надъ головой каждаго и ужъ назы-ается „раби Яковъ“. Ужъ ему мало быть такимъ, какъ всѣ: онъ хочетъ быть выше всѣхъ, умнѣе всѣхъ, имѣть наиболь-ее вліяніе. Мѣсто у восточной стѣны синагоги его больше е удовлетворяетъ, его тянетъ туда, къ кивоту, ему надо по-сюду первенствовать. „Раби Яковъ“ ужъ теперь не помнитъ, то онъ былъ прежде „Янкель—мешуресъ“, червякомъ, ничтож-нымъ созданіемъ. Деньги загрязнили его сердце и мозгъ: на ѣстѣ прежней памяти теперь лежитъ цѣлковый; гдѣ у него огда то было немного совѣсти, капля жалости, человѣколюбія немножко пониманія, тамъ теперь существуетъ монета; въ емъ живетъ и дѣйствуетъ только монета; весь его разумъ, всѣ анеры его, зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе — мо-ета, деньги. Но за его монеты его и почитаютъ: вѣдь стоитъ вреямъ увидѣть золото у кого нибудь—и будь это идіотъ...— акъ тотъ становится ихъ богомъ; они поклоняются ему, ляшутъ вокругъ него, льстятъ ему и чествуютъ его.

„Раби Яковъ“, нашъ золотой телецъ, ужъ святъ; его со-бщники ему вѣрно служатъ, курятъ ему ѳиміамъ, славятъ его мя и нагоняютъ имъ страхъ на людей городка: даже въ го отсутствіи нельзя отозваться о немъ плохо, согрѣшить про-въ него словомъ, и что-бы Яковъ ни сдѣлалъ, будь то глу-ость или несправедливость, надо это принять за благо, какъ удто поклялись на Синаѣ вѣрить въ него всѣмъ сердцемъ, сей душой; даже въ интимной бесѣдѣ часто остерегаются вы-казать о немъ то, что каждый въ отдѣльности думаетъ, и акимъ образомъ его золото увеличиваетъ лесть, ложь и дур-ые поступки среди евреевъ городка.

Нѣсколько нахаловъ, негодяевъ, прихлебателей, орудуютъ,

Digitized by Google

обманываютъ весь городъ, а обыватели, униженные, павшіе д
хомъ, трепещущіе, невольно подражаютъ имъ, помогаютъ н
дувать себя самихъ, заставить себя же плясать по ихъ дуд
Но такъ какъ должны быть на свѣтѣ и свободомыслящ
отрицающіе даже Бога, то и въ этомъ городѣ нашлись так
еретики, которые не вѣрили въ „раби Якова“, считали е
олухомъ, грубіяномъ, утверждали, что его вмѣшательство в
дѣла города — страшное несчастіе для евреевъ. За такіе грѣх
какъ оскорбленіе его чести, городокъ былъ наказанъ, конечн
сплетнями, ссорами, доносами и тиранствомъ.

Пока Яковъ не былъ богачемъ, въ городѣ царили ти
шина и спокойствіе: не было Коры—не было распрей, не был
шума; съ обогащеніемъ же Якова насъ постигло много горя
пришелъ Кора, — явились раздоры, обрушились всей силой
гнѣвъ, ярость и злыя напасти.

„Раби Яковъ“ ужъ понимаетъ музыку: ему не нравится
канторъ, много лѣтъ поющій въ синагогѣ городка; онъ хо
четъ лишить его, старика, куска хлѣба (только потому, что
тотъ забылъ однажды поздравить его съ праздникомъ) и пе
редать его мѣсто одному изъ своихъ пріятелей. Въ городѣ
броженіе, суматоха, шумъ.

„Раби Яковъ“ ужъ рѣшаетъ религіозные вопросы: онъ
навязываетъ свои мнѣнія даіону, не довѣряетъ рѣзнику
осмотра убоины, все ему что то не нравится... Въ городѣ
вдругъ появляется какая то личность, роковая для старого
рѣзника,—новый рѣзникъ.—Суматоха, ожесточенная вражд

„Раби Яковъ“ ужъ великій благотворитель: онъ повы
шаетъ цѣны на мясо—и вотъ у него есть источникъ для по
даяній бѣднымъ родственникамъ, для подарковъ сообщни
камъ и для другихъ ему одну извѣстныхъ, благотворитель
ныхъ цѣлей. „Раби Яковъ“ творитъ добро, а бѣдняки обгла
ваютъ кости и хвораютъ...

„Раби Яковъ“ ужъ свѣдущъ въ медицинѣ: въ „собствен
ной“ больницѣ, гдѣ онъ состоитъ попечителемъ, докторъ безъ
него не смѣетъ распоряжаться. Онъ самъ принимаетъ и про
гоняетъ больныхъ по личному усмотрѣнію, дѣлаетъ тамъ
все, какъ ему взбредетъ на умъ — и бѣдняки... мрутъ какъ
мухи—„Раби Яковъ“ ужъ знаетъ толкъ въ наукѣ: онъ мѣтитъ
въ главы ешибота, рошъ-іешивы, предлагаетъ новый методъ
преподаванія, говоритъ глупости и придирается къ главному
преподавателю.

„Раби Яковъ“ ужъ совсѣмъ мудрецъ: онъ о себѣ очень

Digitized by Google

ысокаго мнѣнія, весьма доволенъ собой. На засѣданіи онъ очетъ, чтобъ всѣ его слушались; онъ не даромъ оратор-твуетъ, —онъ понимаетъ свое дѣло и потому онъ обижается, огда другіе тоже высказываютъ свое мнѣніе и настаиваютъ а своемъ.

— Меня зовутъ, знаете ли, *раби* Яковъ! — говоритъ онъ, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, тыча себя большимъ пал цемъ въ грудь. „Меня зовутъ раби Яковъ!“ много значило: этого не выразить цѣлой тысячью словъ; тутъ сказывался всесильный Яковъ; и каждый ихъ держалъ языкъ за зубами.

Одинъ только Веньяминъ не боялся свободно высказывать свое мнѣніе, только онъ одинъ нисколько не льстилъ „раби Якову“, даже какъ будто не замѣчалъ его. Если Яковъ горячился и, ударяя себя пальцемъ въ грудь, выкрикивалъ: „Меня зовутъ раби Яковъ!“— то Веньяминъ, глядя на него совершенно хладнокровно, или ничего не говорилъ, или отвѣчалъ коротко: „Ничего! Я знаю съ дѣтства, какъ вы зоветесь, но это не относится къ дѣлу!..“—и спокойно продолжалъ начатое. Это до острой боли и волновало Якова.

Веньяминъ былъ для Якова сучкомъ въ глазу; онъ не могъ терпѣть этого человѣка вмѣстѣ съ его приверженцами „Зачѣмъ въ городѣ есть еще одинъ пользующійся уваженіемъ? И притомъ кто? Человѣкъ посредственнаго ума и далеко не богатый“. Онъ былъ убѣжденъ, что Веньяминъ похищаетъ у него часть уваженія, на которое онъ имѣетъ исключительно право. „Веньяминъ совсѣмъ не такъ уменъ, не такъ благоро денъ, какъ полагаютъ, онъ только ослѣпляетъ всѣхъ“—и вотъ онъ сорветъ съ него маску и докажетъ, какъ всѣ ошибаются! Онъ старался вредить Веньямину, чернить его передъ всѣми.

Между тѣмъ случились двѣ вещи, которыя взбудоражили весь городокъ. Нашъ „раби Яковъ“ воспользовался ими, чтобы излить на Веньямина весь свой гнѣвъ и разсчитаться съ нимъ за все.

III.

„И было это во дни сильнаго голода“.

Въ нашей мѣстности случился неурожай: наступила страшная дороговизна, и люди умирали отъ голода. А пришла бѣда— растворяй ворота! Люди потеряли довѣріе другъ къ другу; заработки истощились; человѣколюбіе и справедливость изсякли. Господь излилъ свой гнѣвъ, и настала ужасная пора:

Digitized by Google

сильный давитъ слабаго, неправый праваго. Больше всѣхъ въ это ужасное время терпѣли, по обыкновенію, бѣдные, слабые евреи, всегда служащіе козломъ отпущенія; евреи стонутъ, охаютъ, падаютъ и умоляютъ о пощадѣ—„раби Ябовъ" дѣлаетъ всевозможное, повышаетъ также цѣну на мясо, чтобъ поддержать своихъ сообщниковъ и бѣдныхъ родственниковъ. Оно конечно, большая добродѣтель оказывать помощь! но на всѣхъ, видно, не угодишь... Бѣдный народъ что то очень сильно жалуется на него...

Въ ту тяжелую пору распространился слухъ, что евреи устраиваютъ колоніи въ Новороссіи. Говорили, что тамъ земной рай, все баснословно дешево, что тамъ легко и привольно живется еврею. Тогда сложилась въ народѣ новая пѣсенка, которую распѣвали юноши и дѣвы, старъ и младъ:

Ты знаешь ли Херсонъ? Тамъ далеко на югѣ,
Близъ царства, гдѣ живетъ нашъ дядя Измаилъ,
Тамъ чудная земля, и на Днѣпрѣ, на Бугѣ,
Въ поляхъ Израиль вновь воспрянетъ, полный силъ.

И вотъ отъ этихъ толковъ люди возгорѣли желаніемъ ѣхать туда. Но все-таки никто въ нашемъ городѣ не трогался съ мѣста. Съ одной стороны, каждый, соблюдая приличіе, ждалъ, чтобы другой положилъ начало, а „другіе", подстрекатели, умѣли только красно говорить, а не дѣйствовать. Во-вторыхъ, не могли же евреи взяться за дѣло раньше, чѣмъ наговорятся до-сыта, не обсудятъ дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія. Да, наконецъ, вѣдь евреи любятъ потолковать прямо изъ любви къ толкованію, чтобы высказать свою находчивость и остроту ума. Такимъ образомъ, когда выступили на очередь колоніи, начались разспросы, споры, ссоры. Одни уговаривали немедленно отправиться туда, другіе отклоняли, а шутники поднимали всѣхъ на смѣхъ. Обѣ стороны язвили другъ друга, горячо спорили, а ограниченные люди присоединялись къ той партіи, которая умѣла громче кричать.

Между тѣмъ явился въ наши края одинъ меламедъ изъ Волыни. Онъ пріѣхалъ къ своей семьѣ на праздникъ, носилъ новый длинополый сюртукъ и важно держался, какъ человѣкъ, видавшій виды; въ его говорѣ уже слышалось южное произношеніе. Меламеда обступаютъ, на него глядятъ, какъ на диковинку, и ловятъ каждое его словечко. Онъ разсказываетъ, что Волынь благословенный край: тамъ въ будни ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, вино пьютъ, какъ воду; тамъ приготовляютъ такія вкусныя блюда, что ихъ можно бы подать къ царскому

Digitized by Google

голу; тамъ овцы имѣютъ на хвостахъ наросты жиру, которыя тащатся за ними на колесикахъ. Но люди тамъ грубы, неспособны, ихъ головы набиты Богъ вѣсть чѣмъ. «Нашего края еврей ихъ легко проведетъ; наши меламеды получаютъ тамъ самые лучшіе уроки, потому что мѣстные учителя неучи правописаніе у нихъ сильно хромаетъ, хотя они мастера окушать».

Меламедъ въ новомъ сюртукѣ, съ завитыми пейсами, своими увлекательными разсказами заварилъ кашу въ городкѣ. Одни кричатъ: „туда, въ тотъ край, гдѣ можно учительствовать и хорошо заработывать“! Другіе: „Нѣтъ, туда,—въ мѣста новыхъ колоній, поближе къ дяденькѣ Измаилу“! Люди сытые, пузатенькіе, заявляютъ: „все это не стоитъ выѣденнаго яйца! Ни туда, ни сюда: сиди на насиженномъ мѣстечкѣ! אשרי יושבי ביתך [1])“. Люди же слабохарактерные гнутся по вѣтру то въ одну, то въ другую сторону. Въ результатѣ шумъ, волненіе. Наконецъ, назначили экстренное большое собраніе.

Собрались всѣ; тутъ же наши знакомые Яковъ и Веньяминъ. Первое слово произнесъ, понятно, Яковъ, который убѣждалъ, что не слѣдуетъ трогаться съ мѣста: „Колоніи,—сказалъ онъ,—не для евреевъ, а учительствовать и умереть никогда не поздаешь [2]). Не должно терять надежды на Бога. Вѣруйте и не рогайтесь съ мѣста“. Сытые господа и люди, держащіе носъ по вѣтру, соглашались съ его мнѣніемъ. Но потомъ заговорили всѣ собравшіеся, поднялся шумъ. То и дѣло раздавалось: „колоніи“! „Волынь!“, сыпались ругательства, воздухъ затрещалъ отъ рѣзкихъ словъ, крика, гама, а люди съ слабой волей гнулись, какъ тростникъ, то туда, то сюда. Вдругъ заремѣли голоса сообщниковъ Якова: „Нищіе! вамъ захотѣлось прокатиться на чужой счетъ! Негодяи! благотворители изъ чужого кошелька!.. Какая дерзость не слушаться того, что говорятъ богачи, — что говорятъ большіе господа. Вы умаете, что ужъ конецъ свѣту? А! подождите еще немного! Вы почувствуете, узнаете, что значитъ сбросить съ себя узду. Чтобы Яковъ еще живъ (чтобъ онъ долго жилъ)!“ Волынцы и колонисты приходятъ въ ярость и вмѣстѣ обрушиваются на ораторовъ. Между тѣмъ, Веньяминъ, все время сидѣвшій молча, съ опущенной головой, теперь, когда шумъ усилился чрез-

[1]) Блаженны пребывающіе въ домѣ Твоемъ (Psal. 84/5).
[2]) Еврейская поговорка.

Digitized by Google

вычайно, медленно поднялъ голову и провелъ рукой по лбу. Это означало, что онъ хочетъ что-то сказать.

— Тише, тише! шш!..—раздалось въ толпѣ:—раби Веньяминъ хочетъ говорить, шш... тихо!

— Что, господа, вы уже остыли немного? можете слушать?—обращается Веньяминъ къ толпѣ.

— Да, да, раби Веньяминъ! говорите, ради Бога, мы всѣ ждемъ вашего слова.

— Вы напрасно ссоритесь, мои милые израильтяне!—начинаетъ Веньяминъ тихимъ голосомъ,—вотъ вамъ суть дѣла въ нѣсколькихъ словахъ.

Все стихло: ни звука, ни шороха, ни малѣйшаго движенія, какъ будто всѣ замерли, а Веньяминъ, полузакрывъ глаза, говоритъ:

— Господа, какъ только нашъ праотецъ Авраамъ дошелъ своимъ умомъ до идеи Единаго Бога и сдѣлался евреемъ, начинается глава „лехъ лхо“ („иди изъ земли твоей“ [1])! И онъ долженъ былъ уйти подальше отъ своей родины. Богъ ему къ старости даруетъ сына Исаака, этотъ—уже еврей отъ рожденія, и ему тоже сказано: «лехъ-лхо,—странствуй по свѣту». Яковъ, чистокровный еврей, убѣгаетъ отъ Исава и „лехъ-лхо“ въ Харанъ; здѣсь онъ пріобрѣтаетъ много женъ, дюжину дѣтей, и „лехъ-лхо“,—бѣжитъ отъ Лавана. Онъ долго странствуетъ и, наконецъ, старикомъ приходитъ со своими дѣтьми въ Египетъ, гдѣ его сынъ Іосифъ сталъ вельможей при дворѣ. Не вина евреевъ, что они долго тамъ засиживаются,—ихъ крѣпко держатъ, они тамъ сильно размножаются — и терпятъ муки, горе. Великій Моисей, рано познакомившійся съ главой „лехъ-лхо“, уговариваетъ Фараона отпустить евреевъ на три дня. Едва вырвавшись изъ рукъ Фараона, они абрекли себя на вѣчное „лехъ-лхо“—„ступай все дальше“. На горѣ Синайской они принимаютъ Тору и „лехъ-лхо“—странствуй съ нею сорокъ лѣтъ по пустынѣ. Усталые, измученные постояннымъ кочеваніемъ, они приходятъ въ землю Ханаанскую, надѣясь здѣсь отдохнуть, но плохъ отдыхъ, когда надо завоевывать каждый клочокъ земли, когда сосѣди то и дѣло безпокоятъ. Потомъ, когда они съ Божіей помощью устраиваются тамъ, разводятъ виноградники и ужъ имѣютъ святой храмъ, начинаются несогласія между евреями, споры, ссоры, и они распадаются на двѣ части, которыя другъ съ другомъ

[1]) Бытіе, гл. XV.

Digitized by Google

по тѣхъ поръ враждуютъ, пока ассирійскій царь Салмана-
саръ говоритъ израильтянамъ „лехъ-лхо“ — ступайте туда,
куда Макаръ телятъ не гонялъ, и до сихъ поръ неизвѣстно,
куда они дѣлись. Потомъ является Навуходоносоръ, царь
вавилонскій, говоритъ и оставшемуся іудейскому племени
„лехъ-лхо“ и забираетъ ихъ съ собою въ свое отечество. Че-
резъ много лѣтъ часть евреевъ возвращается опять въ Па-
лестину, но ужъ они рабы на своей же родинѣ, и при всемъ
ихъ богатствѣ, имъ живется: скверно враги тѣснятъ ихъ извнѣ
и они враждуютъ между собой. Такъ длится до тѣхъ поръ,
пока Титъ хорошенько не повторилъ съ ними главу «лехъ-
лхо», такъ хорошо, что они до сихъ помнятъ ее прекрасно.
Вотъ, господа,—закончилъ Веньяминъ тихимъ голосомъ, и
изъ груди его вырвался душу раздирающій вздохъ, — вотъ
вамъ старая еврейская исторія, которая вѣчно нова: она вся
состоитъ изъ «лехъ-лхо». «Лехъ-лхо» ея начало, «лехъ-лхо»—се-
редина, и теперь, братья, все «лехъ-лхо» въ Херсонъ, на Во-
лынь, въ другое мѣсто—все равно. Вѣдь этимъ еще не кон-
чается исторія, не кончается кочеваніе. Волынскіе евреи при-
дутъ сюда, наши пойдутъ туда. Что дѣлать? Идите, братья,
только не ссорьтесь въ дорогѣ, не спорьте изъ-за дороги. Въ
путь, братья, и да поможетъ вамъ Всевышній.

— Вы, раби Веньяминъ, говорите, какъ мудрецъ,—отозва-
лись нѣкоторые,—но какъ же тронуться въ путь безъ денегъ?
Вѣдь намъ нужна помощь, нужны деньги на путевые расходы.

— Я съ своей стороны готовъ дать не только посильную
лепту, но даже выше моихъ силъ. Пусть и другіе даютъ сколько
могутъ и даже меньше, чѣмъ могутъ, лишь бы дали; знаете,
какъ говорится, съ міру по ниткѣ голому рубашка.

— Евреи!—вдругъ закричалъ Яковъ, красный отъ гнѣва,—
я васъ не узнаю сегодня. Евреи! что съ вами приключилось
сегодня? Какъ вы можете хладнокровно выслушивать, что
этотъ Веньяминъ тутъ городитъ! Вѣдь это позоръ, кощун-
ство—прохаживаться шуточками на счетъ святой торы! О,
ужасъ! дѣлать комедію изъ святой главы „лехъ-лхо“, изъ свя-
той торы. Вѣдь тутъ намъ надо, по обычаю, разодрать свою
одежду. .

— Ужъ нечего больше рвать!—раздался голосъ изъ тол-
пы,—ужъ содрана кожа съ живыхъ и мертвыхъ.

— Нахалъ!—зарычалъ раби Яковъ, — кто этотъ дерзкій?

— Сжальтесь, раби Яковъ!—кричатъ евреи въ одинъ го-

Digitized by Google

лось, — постарайтесь достать средства. Плохо намъ, раб Яковъ! скверно, гадко... нашъ послѣдній часъ пробилъ

— Евреи должны возложить свое упованіе на Превѣчнаг благословенъ Онъ и благословено имя Его,—читаетъ Яков проповѣдь народу. Сказано: „Адонай илохемъ лохемъ", Господ дастъ вамъ хлѣба,—поясняетъ онъ имъ невѣжественно би лейское изреченіе; за этимъ онъ приводитъ еще изреченія смыслъ которыхъ немилосердно искажаетъ и кончаетъ: «Н забывайте, что вы должники, что мнѣ тоже кое-что слѣдует отъ васъ..„ нельзя убѣжать отъ Бога Якова"... говорится в книгѣ псалмовъ. Соблюдайте посты, молитесь, и Богъ простит Его милость безконечна».

Веньяминъ поднялся съ мѣста и тихонько вышелъ, не от вѣтивъ ему ни слова. Вскорѣ и всѣ разошлись, и собраніе по обыкновенію всѣхъ еврейскихъ собраній, кончилось ни чѣмъ. Но Веньямину оно принесло много вреда.

На этомъ злополучномъ засѣданіи „раби Яковъ" далъ себѣ слово отомстить Веньямину такъ, чтобы тотъ всю жизнь его помнилъ—такъ укусить его, чтобы знаки остались на всегда. Сказано—сдѣлано! Черезъ нѣкоторое время противъ дома Веньямина выросъ новый трактиръ, гдѣ народъ сталъ частенько выпивать и закусывать.

И вотъ Веньяминъ сталъ хуже заработывать. Плохи его дѣла, ужъ онъ знакомъ съ нуждой; его жена, Сара, постарѣла отъ горя, а на ея шеѣ ужъ не видать даже въ субботу ни жемчуга, ни медальона: все заложено. Однако Веньяминъ еще храбрится и не мѣняетъ своего образа жизни. Онъ по прежнему сидитъ въ своей комнатѣ за книгами или ведетъ свою умную тихую бесѣду съ посѣтителями. Такъ держится, обыкновенно, дерево, подтачиваемое червемъ. Весною оно покрывается свѣжей зеленью листьевъ, такъ что не узнаешь, что оно все перегнило внутри; но является его ангелъ смерти, червякъ, высасываетъ послѣдніе соки корня—дереву приходитъ конецъ, и оно падаетъ.

IV.

Надъ городкомъ разразилось новое несчастіе, и Веньяминъ палъ первой его жертвой. Когда просвѣщеніе стало проникать въ нашу страну, порождая различныя бѣдствія, нашъ уголокъ долгое время не зналъ этой напасти... До насъ долетали слухи объ онѣмечившихся евреяхъ, берлинцахъ, обра-

Digitized by Google

ванныхъ, не носящихъ ермолокъ, доходили толки и о ка-ихъ-то книжкахъ съ коротенькими строчками,—но все это ыло такъ далеко отъ насъ, такъ мало касалось *нашихъ* вреевъ, что мы были спокойны: „злая воля“ скорѣе пойдетъ скушать черта, чѣмъ рѣшится соблазнять нашего еврея. Но другъ въ городкѣ шумъ, крикъ, суматоха: „Бѣда! явилась ечисть!“. Дѣло въ томъ, что у одного изъ сообщниковъ Якова ылъ въ домѣ молодой зять, и случилось, что какъ разъ у этого олодца нашли подъ фоліантомъ талмуда еретическую книжку... Его начинаютъ допрашивать, и оказывается—о ужасъ!—что нъ не первый и не главный грѣшникъ, а великими грѣш-иками являются сыновья нѣкоторыхъ домовладѣльцевъ. На-расываются на нихъ, но они оказываются страшными наха-ами, никого не боящимися. Нечистая сила (да охранитъ насъ Господь отъ нея!) отняла у нихъ разумъ и вѣру; испорченные ами, они еще портятъ другихъ. Волнуется, шумитъ, бурлитъ ородокъ. Родители трепещутъ за своихъ дѣтей, чтобы нечи-тая не вселилась въ нихъ... Правовѣрные евреи, Божьи за-тупники, ратуютъ за Его святое имя... Яковъ горячится больше всѣхъ и не безъ причины,—вѣдь онъ самый старшій, имъ толь-ко и держится весь городокъ, ему надо будетъ держать отвѣтъ ередъ Богомъ за всѣ грѣхи евреевъ. „Почему ты, Яковъ,— кажетъ Господь,—не провелъ моихъ овечекъ-евреевъ подъ воей розгой, какъ пастухъ свое стадо, чтобъ они знали, что сть судъ, существуетъ справедливость въ мірѣ?“... Затѣмъ въ этой исторіи былъ замѣшанъ зять близкаго ему человѣка, одного съ нимъ поля ягода. Наконецъ (такъ враги поговари-ваютъ и пусть оно останется между нами), вся штука, вообще, не была на руку Якову, потому что онъ чутьемъ угадывалъ, что этотъ нечистый духъ книжекъ повредитъ его имени, его интересамъ; отъ просвѣщенія онъ погибнетъ, какъ мышь въ темномъ чуланѣ, когда туда внезапно пробьется яркій лучъ солнца...

Волненіе обывателей, само собой разумѣется, не минуло Веньямина. Къ нему бѣгутъ толпами, жужжатъ ему въ уши про случившееся. Близкіе родственники приводятъ къ нему своихъ юнцовъ, чтобъ онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, хорошенько ихъ пробралъ, наставилъ на путь истины. Нашъ Веньяминъ радушно принимаетъ молодцовъ: „милости про-симъ!“,—усаживаетъ ихъ и затѣваетъ продолжительный раз-говоръ. Это хорошо настраиваетъ гостей, и они высказы-ваются откровенно. Веньяминъ между тѣмъ все ближе и ближе

Digitized by Google

подходитъ къ дѣлу и, пуская въ ходъ надлежащіе примѣры, деликатно касается проступка.

— Если тебѣ, Ева, захотѣлось вкусить отъ древа познанія добра и зла, то это еще полбѣды,—ты сама и понесешь грѣхъ, но зачѣмъ тебѣ еще было давать Адаму, чтобы онъ бѣдный, умеръ?

— Значитъ,—прерываютъ его запальчиво молодые люди,—образованіе—грѣхъ? И вы спрашиваете, почему мы, грѣшники, искушаемъ другихъ и этимъ кличемъ на нихъ бѣду. Хорошо ли мы понимаемъ смыслъ вашихъ словъ.

— Да, дѣти, таковъ онъ и есть.

— Такъ вотъ оно что! А мы другого мнѣнія,—отвѣчаетъ молодежь и съ жаромъ принимается на разные лады объяснять старому Веньямину, что такое образованіе: образованіе-то, образованіе—это, образованіе — свѣтъ, счастье для евреевъ.

Веньяминъ терпѣливо все выслушиваетъ, никого не прерывая. Молодые люди горячится, превозносятъ образованіе до тѣхъ поръ, пока истощается запасъ словъ, и они умолкаютъ. Тогда Веньяминъ, наклонивъ голову, спокойно продолжаетъ:

— Древо познанія само по себѣ вовсе недурно, а дурно то, что едва Адамъ и Ева вкусили отъ него, какъ ужъ устыдились самихъ себя, почувствовали себя несчастными, «мы де голы, босы, не одѣты по-человѣчески», и они начали одѣваться по новѣйшей модѣ, а если себя чувствовали несчастными въ раю, то тѣмъ хуже имъ въ иномъ мѣстѣ!..

Молодые люди понимаютъ, куда Веньяминъ мѣтитъ, оппонируютъ ему, осыпаютъ его градомъ словъ, крича при этомъ: „позвольте вамъ объяснить“, «позвольте вамъ напомнить», «дайте намъ только высказаться»,—хотя Веньяминъ и безъ того ихъ слушаетъ молча. Однажды во время такой бесѣды Веньяминъ всталъ со стула, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и потомъ задумчиво остановился у окна, выходящаго въ небольшой садикъ, разведенный посреди его двора, гдѣ онъ такъ любитъ сидѣть лѣтомъ, радуясь каждому деревцу, восторгаясь каждой травкой.

— Ахъ, что творится на дворѣ!—проговорилъ Веньяминъ, заглядывая въ окно,—что за страшная метель! Вѣдь уже пуримъ, должно весной пахнуть, а зима еще не думаетъ трогаться съ мѣста.

Зима, дѣйствительно, показывала свою дикую, страшную силу, будто тяжело раненый дикій звѣрь, который чув-

Digitized by Google

чуетъ, что его минуты сочтены и хочетъ, по крайней мѣрѣ, отомстить, прежде чѣмъ оставить свѣтъ. Разыгралась сильная буря. Она ревѣла и выла, какъ стадо голодныхъ волковъ, срывала крыши, подымала цѣлые столбы снѣгу, смѣшивая ихъ въ воздухѣ со свѣжимъ снѣжкомъ, только что выпавшимъ изъ темныхъ тучъ, покрывавшихъ все небо и своимъ мрачнымъ видомъ нагонявшихъ тоску. На карнизѣ, подъ крышей, согнувшись стояли вороны съ короткими шейками, прячась отъ злой бури, застигшей ихъ врасплохъ; казалось, онѣ недоумѣвали, какъ могло случиться нѣчто подобное въ такое время, когда въ другихъ странахъ ужъ лѣто, тепло, пріятно. Стоявшія подъ окномъ деревья, голыя, съ обнаженными вѣтвями, безъ всякаго признака жизни, будто огромные засохшіе вѣники, раскачивались, нагибали верхушки по направленію бушевавшаго вѣтра и казалось, вотъ-вотъ они сломятся, превратятся въ кучу щепокъ.

Всѣхъ въ домѣ охватилъ страхъ и заговорили о скверной погодѣ.

— Кажется, пропали мои деревья,—замѣтилъ Веньяминъ, грустно махнувъ рукой, — суровая зима съ ея морозами и бурями, видно, покончитъ съ ними.

— Не бойтесь, раби Веньяминъ!— произноситъ одинъ изъ молодыхъ людей съ улыбкой, которая какъ бы выражала: ты ерундишь, старикъ, а я вотъ знаю толкъ въ этомъ.

— Будьте спокойны, раби Веньяминъ, природа ужъ позаботилась о вашихъ деревцахъ; чтобъ ихъ уберечь, она остановила на время теченіе соковъ и запрятала ихъ внутри дерева, какъ прячутъ съѣстное, хорошо завернувъ, въ погребъ, чтобъ холодъ его не погубилъ.

— Велики чудеса Господи!..—говоритъ Веньяминъ.—А ну, къ примѣру, еслибы ухитрились сдѣлать какимъ-нибудь способомъ такъ, чтобы соки теперь выступили, чтобы на вѣтвяхъ появились листочки! Что? Говорятъ, люди съ помощью черной магіи когда то дѣлали подобное.

— Это штуки фокусниковъ,—замѣчаетъ другой молодой человѣкъ,—такими фокусами погубишь дерево: одна минута вынужденной зелени стоила бы имъ жизни, потому что морозъ мигомъ истребилъ бы сокъ, и прости-прощай вѣточки съ искусственно-вызванными листочками,—о плодѣ и помину не было бы.

— Такъ значитъ, дѣтки,—говоритъ Веньяминъ — по вашему выходитъ, что все творимое Богомъ хорошо и разумно.

Digitized by Google

Прекрасно! Наблюдая за деревьями зимою, вы видите в них чудо природы. Почему же вы не хотите замѣтить того же чуда на евреяхъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи?

Веньяминъ взглянулъ на собесѣдниковъ, видимо удивленных, и продолжалъ:

— Еврейскій горизонтъ теперь кругомъ обложенъ черными тучами, со всѣхъ сторонъ бушуютъ сильные, холодные вѣтры. Еврей качается, наклоняя голову то туда, то сюда, не имѣя ни минуты покоя; кажется, вотъ-вотъ онъ упадетъ и превратится въ кучку костей. Но... сокъ еврейства хорошо запрятанъ въ немъ, глубоко-глубоко внутри бьется жизнь, есть душа... Пусть же его теперь оставятъ въ покоѣ, и пусть не стараются дѣлать ему разныя прививки, которыя кромѣ огорченій и боли другого плода не принесутъ. Попозже, когда съ Божіей помощью засвѣтитъ красное солнышко, когда бури утихнутъ, и на дворѣ станетъ тепло, тогда, какъ говоритъ пророкъ Исаія, — Израиль расцвѣтетъ. А что евреи, когда пользуются покоемъ, въ силахъ даже цивилизовать міръ, тому служитъ доказательствомъ книга человѣчества...

Слова Веньямина какъ громомъ поразили молодыхъ людей. Они смотрѣли другъ на друга и молчали, но вскорѣ самый старшій изъ нихъ нашелся и сказалъ въ сердцахъ:

— Слѣдовательно, вамъ угодно, раби Веньяминъ, чтобы мы не учились; но что дѣлать, когда насъ мучаетъ жажда знанья, когда хочется сознательно жить, понимать, быть людьми.

— Боже избави!—отвѣчаетъ Веньяминъ—стремиться къ образованію хорошо! Это вы можете, но подъ слѣдующими условіями. Прежде всего вы не должны упускать изъ виду время, въ которое вы живете, должны помнить все, совершающееся теперь вокругъ васъ. Вамъ слѣдуетъ сильно остерегаться, чтобы наружный холодъ не забрался внутрь и не испортилъ жизненнаго сока еврейства. Вы съ самаго начала должны быть готовы къ тому, что ученіе не принесетъ вамъ большой пользы, большого счастья въ жизни; ждите отъ ученія только того удовольствія, которое человѣческое сердце испытываетъ, осиливая какую-нибудь науку; еврейская наука должна быть для самой же науки! Плодъ еврейской науки въ будущемъ. „Всѣмъ израильтянамъ уготованъ удѣлъ въ будущемъ мірѣ“. А еще условіе: вы не навязывайте еврею вашего образованія, черезъ которое вы можете его сдѣлать еще болѣе несчастнымъ. Вы найдете въ повседнев-

Digitized by Google

ой жизни другое приложеніе своимъ силамъ, если захотите ыть полезными вашимъ братьямъ.

Рѣчь Веньямина глубоко запала въ душу молодыхъ людей Со слезами на глазахъ они поклялись ему вѣчно помнить его лова. Когда они, разстроенные, удалились, замѣтно было, что Веньяминъ сильно взволнованъ и его полузакрытые глаза полны слезъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ со вздохомъ, качая головой, говоритъ:

— Чѣмъ виновато бѣдное дитя, сиротка, что молодая кровь его горяча? когда ему хочется смотрѣть на Божій міръ, наслаждаться жизнью, мыслить, работать? Нѣтъ, сиротка,—говорятъ ему,—твоя кровь не должна быть горяча!.. Нѣтъ, не для тебя юность... У ребенка-бѣдняка не должно быть никакихъ желаній... не толкайся вмѣстѣ съ другими! Жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ юношей славныя хорошія дѣти!

Тѣмъ временемъ „раби Яковъ“ не дремалъ. По его приказанію тесть прогналъ зятя, принудивъ его къ разводу съ дочерью. Говорятъ, молодая пара жила душа въ душу и, разставаясь, оба страшно рыдали; съ ихъ рыданіями смѣшивался плачъ ихъ маленькой дѣвочки, оставшейся теперь несчастной сиротой. Когда она, бѣдная, простирая руки, кричала: „папа, папа“, ища его глазами, то мать, обливаясь горючими слезами, скорбно успокаивала ее: „тихо, не плачь, нѣтъ папы, мы оба одиноки... тише, тише“!..

Раби Яковъ, приготовившись „провесть и остальныхъ евреевъ подъ своей розгой“, вдругъ узналъ отъ своихъ прихлебателй, передававшихъ ему всегда точныя свѣдѣнія обо всемъ случавшемся, что Веньяминъ одобряетъ новое движеніе, что ему понравились молодые люди, и онъ съ ними заодно... Раби Яковъ воспылалъ гнѣвомъ и далъ себѣ обѣтъ стереть Веньямина съ лица земли. „Веньяминъ— еретикъ, я совершу богоугодное дѣло, преслѣдуя его“!.. Черезъ короткое время акцизный ревизоръ съ нѣсколькими городовыми нагрянули въ домъ Веньямина и запечатали его трактиръ... Веньяминъ принужденъ былъ заложить всѣ свои пожитки, чтобы заплатить наложенный на него штрафъ, и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Тутъ была, понятно, напраслина...

Digitized by Google

V.

Моя тяжелая профессія книгоноши оторвала меня надолг
отъ дома. Кочуя изъ одного городка въ другой, я думал
только о моемъ товарѣ т. е. о еврейскихъ книгахъ, лежавшихъ
въ моей телѣжкѣ, кромѣ нихъ для меня въ цѣломъ свѣтѣ н
существовало ничего. Міръ могъ перевернуться верхъ дномъ—
это меня не касалось, какъ не касается всѣхъ вотбще еврей
скихъ торговцевъ, особенно промышляющихъ книгами... Н
не въ этомъ дѣло. Когда я спустя долгое время вернулся в
нашъ городокъ, присмотрѣлся къ тому, что тамъ творится, т
узналъ, что домъ Веньямина со всѣмъ его имуществомъ пере
шелъ въ чужія руки за небольшіе должки Сару горе и не
взгоды преждевременно унесли въ могилу, а онъ вдовецъ
живетъ въ лишеніяхъ и крайней нуждѣ, одинокій, какъ перстъ
Что касается „раби Якова“, то онъ, конечно, здоровъ, силенъ
богатъ и въ почетѣ. Какъ и прежде, онъ заправляетъ всѣмъ
ворочаетъ всѣмъ городомъ. Онъ, слава Богу, сіяетъ, цвѣтет
и дожилъ до той поры, когда выступили на сцену новые, мо
лодые, которые, какъ крапива, растутъ вокругъ него и кото
рые его когда нибудь смѣнятъ, чтобы правовѣрные евреи ни
минуты не оставались безъ руководителя, какъ стадо безъ
собакъ.

А евреи — обыватели городка? Какъ имъ живется - мо
жется? Чѣмъ кончилась ихъ дурь? Эхъ, ужъ лучше молчать!
Они плодятся и размножаются, они тоже голь перекатная, доб
рыя глупыя овечки. Подчасъ имъ достаются розги... но молчекъ
Однажды я вступилъ въ разговоръ съ моими знакомыми
друзьями Веньямина и проникся сильной жалостью къ нему
когда узналъ, до чего онъ, честный, хорошій, дошелъ, благо
даря проискамъ нахала и негодяя, его врага. Я охаю и кряхчу
я не перестаю объ этомъ толковать; мое сердце разрывается
на части: хоть бы кто нибудь явно былъ на его сторонѣ, за
молвилъ бы за него словечко. Какое! всѣ молчатъ (изъ страха
конечно). Правда, одинъ изъ недовольныхъ ужъ не мог
болѣе владѣть собою: осмотрѣвшись по сторонамъ и замѣ
тивъ, что кромѣ нашихъ никого нѣтъ, онъ набрался духу
нагнулся надъ самымъ моимъ ухомъ и въ сильномъ гнѣвѣ
шепнулъ мнѣ подъ секретомъ: „Янкучъ? Чтобъ чертъ побралъ
его прадѣда!“.

Digitized by Google

Сидѣвшіе возлѣ меня люди не слышали сказаннаго или притворились, что не слышали. Но видно было, что ихъ обуялъ мертельный страхъ, и они какъ мыши разбѣжались по угламъ. остался—охъ!—одинъ. Я стою, гляжу, еще покачиваю голо-ой—и мое страданіе изливается въ горькомъ, горькомъ смѣхѣ.

Перевела съ древне-еврейскаго *Дора Іоффе.*

Digitized by Google

Евреи въ Южной Африкѣ.

Пережитое и видѣнное *).

Первые русскіе евреи, переселившіеся въ Южную Африку, бы
два брата, Самуилъ и Илья, по фамиліи Максъ, уроженцы горо
Нейштадта, Ковенской губерніи.

Лѣтъ тридцать пять назадъ эти два брата рѣшили оставить си
родной городъ, гдѣ дѣлили нужду съ отцомъ своимъ, бѣднымъ дер
венскимъ портнымъ, и поѣхать искать заработка въ какой нибу
большой городъ, чтобы тамъ усовершенствоваться въ своемъ ремес
и обезпечить себѣ лучшее существованіе.

Бѣднякъ отецъ не удерживалъ ихъ, и они очутились въ шу
номъ Лондонѣ. Убѣдившись въ эксплуататорскихъ способностя
англійскихъ мастеровъ-портныхъ, братья Максъ рѣшили искать се
другого рода пропитанія. Попавъ въ чужую страну и не зная
языка, они долго мучились, терпѣли сильную нужду, голодали. Т
вотъ, одинъ лондонскій еврей, случайно узнавъ о нихъ, пожалѣ
бѣдняковъ, и отрекомендовалъ ихъ въ знакомую ему оптовую то
говлю галантерейными товарами, какъ честныхъ малыхъ: имъ отп
стили въ кредитъ товаръ, и трудолюбивые, энергичные молодцы ста
коробейниками. Тяжелый трудъ плохо вознаграждался, но все
они перестали голодать. Въ теченіе двухъ лѣтъ они научились г
ворить и немного писать по-англійски, развились и по наружнос
совсѣмъ англичанами стали. До нихъ дошелъ какъ-то слухъ о
Африкѣ и о возможности хорошо заработать тамъ. Недолго дум
наши два молодца распродали свой товаръ и, забывъ поблагодари
своего благодѣтеля и заплатить въ магазинѣ, гдѣ онъ за нихъ п
ручился, въ одинъ прекрасный день уѣхали изъ Лондона. Пос
долгаго и труднаго путешествія они прибыли въ Cape-Town (Ка
штадтъ). Истратившись въ пути, безъ гроша денегъ въ карма
не будучи въ состояніи сговориться на чуждомъ имъ голландск
англійскомъ языкѣ (родъ жаргона, на которомъ говорятъ урожен
этой мѣстности), Максы первое время снова попали въ нужду, т
пѣли всякія лишенія; имъ приходилось таскать на своихъ плеча

*) Изъ записокъ эмигранта.

Digitized by Google

большіе тюки съ товаромъ отъ фермера до фермера, живущихъ часто на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды одинъ отъ другого. Коробейничество было тогда мало развито, и буры-фермеры были очень довольны и рады видѣть у себя коробейника, у котораго можно пріобрѣсть все необходимое для себя и своей семьи: платье, башмаки, платки и другія вещи, которыхъ они до сихъ поръ и не видали. Въ то время, когда европейцевъ было мало въ этой странѣ, буры отличались большой наивностью и любопытствомъ. Они никогда не торговались, охотно платили за обыкновенные серебряные часы двадцать и больше фунтовъ стерлинговъ. Братья Максъ очень хорошо зарабатывали; товаръ давали всегда хорошій и этимъ обстоятельствомъ пріобрѣли себѣ имя честныхъ людей. Когда у нихъ накопилась пара сотенъ фунтовъ стерл., они отослали въ Лондонъ своему благодѣтелю всю сумму, за которую тотъ поручался за нихъ, вмѣстѣ съ благодарностью и подаркомъ.

Между тѣмъ въ Кимберлеѣ открылись алмазныя копи. Открытіе произошло слѣдующимъ образомъ. Буръ, мѣстный фермеръ, замѣтилъ, что его дѣти играютъ красивыми блестящими стеклышками. Спросивъ у дѣтей, гдѣ они взяли такія игрушки, онъ получилъ отвѣтъ, что это имъ подарилъ сосѣдъ кафръ. Когда онъ спросилъ кафра, какъ онъ досталъ эти стеклышки, послѣдній повелъ бура въ поле и указалъ мѣсто, гдѣ, распахивая землю, нашелъ ихъ. Поискавъ тутъ же, буръ нашелъ еще нѣсколько стеклышекъ, и у него явилась мысль, не имѣютъ ли они какую-нибудь цѣнность; онъ собралъ найденныя, взялъ и у дѣтей ихъ стеклышки и спряталъ всѣ. Черезъ нѣкоторое время этотъ буръ повезъ въ Капштадтъ разные продукты для продажи. Когда онъ ихъ уложилъ въ большой, тяжелой телѣгѣ, запряженной двумя парами быковъ, съ высокимъ полукруглымъ верхомъ, повѣсилъ въ ней свою плетенную изъ ремней постель, усадилъ свою жену и дѣтей, онъ не забылъ захватить и стеклышки (Теперь поѣздка изъ Кимберлея въ Капштадтъ продолжается двадцать часовъ, но тогда на волахъ таскались цѣлыхъ двѣ недѣли).

Пріѣхавъ въ Капштадтъ, онъ прежде всего распродалъ привезенные продукты, затѣмъ накупилъ пищи, платья и все необходимое для своего хозяйства, наконецъ онъ вспомнилъ о стеклышкахъ и понесъ ихъ къ мѣстнымъ ювелирамъ. Каково же было его удивленіе, когда тѣ сказали ему, что эти стеклышки—настоящіе алмазы большой цѣнности. Бѣдный, ошеломленный буръ рѣшилъ тотчасъ вернуться домой; онъ гналъ быковъ что было мочи. Достигнувъ своего жилища, онъ, не говоря ни кому ни слова, взялъ лопату и кирку и отправился на то мѣсто, гдѣ нашелъ первые алмазы. Послѣ небольшихъ трудовъ онъ нашелъ еще нѣсколько камней, покрупнѣе пер-

Digitized by Google

выхъ, и сейчасъ же отвезъ ихъ для ускоренія дѣла въ небольшой телѣжкѣ, запряженной парой муловъ, въ Капштадтъ. Между тѣмъ по городу разнесся слухъ, что въ одной фермѣ Оранжевой республики найдено алмазное поле. Провѣдала про это открытіе и Англія. Она безцеремонно объявила Оранжевой республикѣ, что она ею недовольна. Президентомъ тамъ былъ тогда простой, необразованный, но очень умный буръ. Созвавъ парламентъ, онъ передалъ собравшимся претензіи Англіи, прибавивъ, что она выставила ихъ, вѣроятно, потому, что пронюхала про алмазы, но что силой невозможно противъ нея идти и, по его мнѣнію, слѣдуетъ уступить Англіи алмазныя копи, граничащія съ Капской колоніей. «Жили мы безъ алмазовъ до сихъ поръ, поживемъ съ Божьей помощью и дальше»,— заключилъ президентъ. Буры согласились. Англія пріобрѣла богатыя копи и изъ чувства благодарности бурамъ обѣщала защиту въ случаѣ войны съ сосѣдями. Алмазное поле было названо Кимберлеемъ (вѣроятно, въ честь бура, которому оно раньше принадлежало, или въ честь того президента). Въ новый городъ вскорѣ явилось большое множество людей изъ Англіи и Капской колоніи. Среди пришельцевъ оказались также Самуилъ и Илья Максъ.

Кимберлей заволновался, сталъ застраиваться; всякій, кто только имѣлъ малѣйшую возможность, рылъ землю, искалъ камней, часто находилъ ихъ, продавалъ, покупалъ другіе и перепродавалъ. Братьямъ Максъ въ это горячее время сильно посчастливилось: имъ удалось купить у одного кафра за баснословно дешевую цѣну самый большой алмазъ, который тамъ былъ найденъ; они продали вскорѣ этотъ драгоцѣнный камень, получивъ за него нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Спустя нѣкоторое время стали образовываться акціонерныя общества. Братья Максъ начали покупать акціи и быстро сдѣлались крупными акціонерами наилучшихъ алмазныхъ копей. Они вытребовали къ себѣ своего шурина, Луи, способнаго малаго, въ короткое время хорошо освоившагося съ языкомъ, и сдѣлали его своимъ компаньономъ. Эта фирма существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ «Луи и Максъ». Они богатѣли съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и жили въ Кимбирлеѣ, пока открылась въ Трансваалѣ золотая руда.

Фермеръ Іоганнъ, владѣвшій въ данномъ мѣстѣ Трансвааля полемъ, однажды, вспахивая его, неожиданно наткнулся на камешекъ, содержавшій въ себѣ кусочки блестящаго металла. Зная исторію съ алмазами въ Кимберлеѣ, онъ внимательно сталъ рыть глубже и скоро убѣдился, что всѣ камни этого мѣста имѣютъ въ себѣ блестящіе куски, живо напоминающіе золото. Забравъ часть, онъ отправился въ Кимберлей и, узнавъ отъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ,

Digitized by Google

о въ камняхъ вкраплено чистое золото, пригласилъ къ себѣ гор-
го инженера, который, изслѣдовавъ мѣстность, нашелъ, что она
я очень богата золотомъ. Тогда Іоганнъ поѣхалъ въ Преторію,
олицу Трансвааля, и внесъ въ парламентъ заявленіе о своемъ
крытіи. Послѣ долгаго совѣщанія въ созванномъ по этому поводу
рламентѣ былъ принятъ слѣдующій законъ: фермеръ, владѣющій
лемъ, въ которомъ будетъ найдено золото, имѣетъ право распо-
жаться имъ по своему усмотрѣнію въ теченіе шестидесяти шести
тъ, послѣ чего поле считается собственностью трансваальскаго
авительства.

Между тѣмъ въ золотоносный центръ стали стекаться люди со
ѣхъ угловъ земли, не говоря уже о переселенцахъ изъ Капштадта,
орта-Элизабетъ, Кимберлея и другихъ болѣе или менѣе близкихъ
стностей. Болѣе богатые основали акціонерныя общества и стали
сти переговоры съ фермеромъ Іоганномъ, чтобы откупить у него
ле для извлеченія золота изъ его нѣдръ. Какъ только Іоаннъ
ошелъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми акціонерными обществами,
сто, гдѣ находилось его поле, стало застраиваться, и возникъ новый
родъ въ честь Іоганна, который назвали Іоганнесбургъ. Люди при-
лись усердно искать золото. Въ это время переѣхали сюда и братья
аксъ, оставивъ въ Кимберлеѣ своего шурина. Теперь они ужъ
ли богаты и хорошо знали по англійски и кафрски. Они начали
упать акціи вновь основанныхъ обществъ. Въ Іоганнесбургѣ между
мъ кипѣла работа. Сюда привезли изъ Англіи необходимыя ма-
ины и съ помощью кафровъ, послушныхъ и сильныхъ рабочихъ,
ло стало быстро развиваться. Около Іоганнесбурга были открыты
де нѣсколько золотыхъ пріисковъ; они привлекли еще и еще людей:
рабочихъ рукахъ не было недостатка. Въ Іоганнесбургѣ ужъ
строили биржу, гдѣ продавались акціи. Братья Максъ продавали,
купали и богатѣли. А Англія, безъ труда пріобрѣвшая Кимберлей,
хотѣла присвоить себѣ и золотые пріиски и стала искать случая
идраться къ Трансваалю. Появилось триста англійскихъ солдатъ,
обы для охраненія порядка. Трансваальское правительство не
гло не отстаивать нарушенныхъ правъ, но ему не хватало средствъ.
гда братья Максъ одолжили правительству необходимую на оружіе
амуницію сумму денегъ. Послѣ этого бурамъ, высокорослому, силь-
му и здоровому племени, хорошо акклиматизировавшемуся въ
ансваалѣ, страстнымъ охотникамъ на тигровъ и другихъ хищ-
ихъ звѣрей, выносливымъ до нельзя,—было легко расправиться съ
глійскими солдатами: въ одинъ прекрасный день они около Mai-
eie напросто перерѣзали непрошенныхъ блюстителей порядка. А
атьямъ Максъ трансваальское правительство, въ благодарность за

Digitized by Google

оказанную услугу, подарило двѣ большія каменноугольныя копи и одну большую серебряную, возвративъ, конечно, и долгъ. Каменноугольныя копи принесли братьямъ огромные капиталы и сдѣлали ихъ милліонерами. Кромѣ этого они еще получили отъ правительства концессію на девяносто девять лѣтъ на устройство водочнаго завода, гдѣ приготовляютъ водку изъ кукурузы.

Фирма «Луи и Максъ» теперь считается самой богатой въ Южной Африкѣ, говорятъ. что она не бѣднѣе дома Ротшильдовъ. Однако Максы мало кому извѣстны. Они до сихъ поръ грубы, живутъ въ свое удовольствіе, не интересуются своими соплеменниками, не принимаютъ евреевъ на службу, съ трудомъ даютъ иногда пожертвованіе въ пять десять или сто фунтовъ, подражаютъ во всемъ бурамъ: въ грубомъ образѣ жизни, въ одеждѣ и т. д. Одно достойно похвалы: они не забыли своего перваго благодѣтеля въ Лондонѣ и не упускаютъ случая доказать ему свою благодарность. Помогаютъ они также своимъ бѣднымъ родственникамъ. Старику отцу выстроили большой красивый домъ и до самой смерти доставляли ему всѣ удобства. Нѣсколько племянниковъ, дѣтей старшей сестры, Максы взяли къ себѣ въ Іоганнесбургъ (старшій изъ нихъ теперь управляетъ заводомъ, второму открыли магазинъ, третьему купили аптеку), младшую сестру воспитали въ Лондонѣ и хорошо ее пристроили. Но болѣе дальнимъ родственникамъ милліонеры ничѣмъ не хотятъ помочь; если таковой является, то, набѣгавшись къ нимъ и поголодавъ какъ слѣдуетъ, онъ получаетъ на обратный проѣздъ домой: ему покупаютъ билетъ до Лондона и даютъ нѣсколько фунтовъ на дорогу, съ разсчетомъ, чтобы по прибытіи на мѣсто у него осталось 50 рублей, далеко не покрывающихъ его расходовъ на проѣздъ до Іоганнесбурга.

Примѣру «Луи и Максъ» послѣдовали многіе евреи Ковенской губерніи: разные неудачники, пасынки судьбы, оставили свою родину и пустились въ далекій путь, за безбрежный океанъ, надѣясь тамъ, гдѣ-то далеко, въ богатой Африкѣ, найти свое счастье. Нѣкоторые остались въ Капштадтѣ, другіе направились въ Наталь, Портъ-Элизабетъ, Кимберлей, а позже начали селиться въ Іоганнесбургѣ, Преторіи и Боловаѣ. Передъ началомъ нынѣшней войны въ Южной Африкѣ находилось много евреевъ. Въ одномъ Іоганнесбургѣ ихъ считалось около двадцати тысячъ. Всѣмъ было достаточно мѣста, всѣ честно зарабатывали (подчасъ и тяжкимъ трудомъ). Они имѣли не только кусокъ хлѣба для себя, но еще посылали деньги домой, на далекую родину, чтобъ поддержать существованіе жены и дѣтей, помочь бѣднымъ родителямъ, пристроить сестру, брата, родственника. Особенно хорошо заработывали ремесленники.

Digitized by Google

Разсмотрю положеніе евреевъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Южной Африки.

I. Капская колонія.

Въ *Капштадтѣ*, первомъ портѣ на пути изъ Лондона, считается 3,000 евреевъ. Они, въ большинствѣ случаевъ, портные, сапожники, плотники, печники, кузнецы, коробейники и рыночные торговцы. Здѣсь между русскими евреями нѣтъ богачей, но нѣтъ и бѣдняковъ, а встрѣчаются все люди средняго достатка. Живутъ они между собою дружно, всегда готовы помочь бѣдняку словомъ и дѣломъ. Съ англійскими евреями сообща они выстроили небольшую, но красивую синагогу, гдѣ по субботамъ поетъ канторъ съ хоромъ. Тамъ образцовый порядокъ, и молитвы произносятся съ не меньшимъ благочестіемъ, чѣмъ въ любомъ городѣ Западнаго края у насъ. Президентомъ синагоги (גבאי) состоитъ мистеръ D. Isaaks (Айзексъ), очень богатый англійскій еврей, фабрикантъ мебели; онъ большой благотворитель. Кромѣ упомянутой синагоги здѣсь имѣется еще молитвенный домъ (בית המדרש), гдѣ не только молятся три раза въ день, но еще изучаютъ тору и талмудъ. Сюда являются всѣ вновь прибывающіе евреи,—«зеленые», какъ ихъ называютъ. Недавно въ Капштадтѣ учредилась хорошо обставленная талмудъ-тора; въ ней обучаютъ древне-еврейскому и англійскому языкамъ; кто въ состояніи, платитъ за своего ребенка отъ десяти до двадцати шиллинговъ (5—10 рублей) ежемѣсячно, а бѣдныя дѣти обучаются тамъ безплатно. Погребальное братство (חברה קדישה) здѣсь очень приличное. Далѣе тутъ учреждено общество вспомоществованія бѣднымъ (עזר דלים); оно оказываетъ возможную помощь «зеленымъ», больнымъ и возвращающимся безъ средствъ на родину. Въ послѣднее время въ Южной Африкѣ образовалось общество сіонистовъ (חברת בני ציון), всей душой преданныхъ основной идеѣ сіонизма и пріобрѣвшихъ много акцій Еврейскаго колоніальнаго банка; въ одномъ Капштадтѣ раскупили до ноября 1899 года 600 акцій. Сіонисты имѣютъ хорошую библіотеку изъ древнееврейскихъ, англійскихъ и жаргонныхъ книгъ.

Всѣ жители Капштадта, какъ и всей Капской колоніи, пользуются одинаковыми правами, даже кафры. Уроженцами края считаются буры (большей частью фермеры; многіе изъ нихъ засѣдаютъ въ парламентѣ или состоятъ сенаторами) и англичане, здѣсь родившіеся, большей частью помѣсь отъ отца-англичанина и матери бурскаго или кафрскаго происхожденія; эти англичане-туземцы считаютъ себя знатью. Далѣе, коренное населеніе составляютъ готтентоты (кафрскаго племени). Малайцы исповѣдуютъ магометанскую рели-

Digitized by Google

гію; они очень благочестивы, часто порядочные люди, хотя въ характерѣ ихъ сквозитъ еще азіатское происхожденіе; ихъ разговорный языкъ—арабскій. Большинство извозчиковъ Капштадта—малайцы жены ихъ занимаются стиркой бѣлья. Наконецъ—кафры. Часть ихъ вышла уже изъ дикаго состоянія, благодаря неусыпнымъ трудамъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ встрѣчаешь здѣсь на каждомъ шагу. Въ миссіонерскихъ школахъ они научаются англійскому языку и пріобрѣтаютъ кой-какія познанія. Изъ нихъ нѣкоторые принимаются даже на службу въ почтовомъ отдѣленіи для сортировки писемъ, другіе служатъ въ магазинахъ развозчиками и упаковщиками товаровъ. Ихъ посылаютъ съ различными порученіями въ банки и другія учрежденія; они одѣты по европейски; между ними уже находятся пасторы въ церквяхъ для чернокожихъ; всѣ они англиканскаго исповѣданія. Другая часть кафровъ—дикари. Они номинально обладаютъ равноправіемъ, но еще не доросли до пользованія имъ; они слишкомъ дики, грубы, страшно много пьютъ, безобразничаютъ и годны только къ самой грубой работѣ на фабрикахъ, мельницахъ и въ гавани.

Что касается внѣшняго вида зданій Капштадта, то старыя зданія носятъ голландскій характеръ: дома—одноэтажные съ каменнымъ крыльцомъ и широкими низкими окнами, зато новыя зданія отличаются модной архитектурой; это дома трехъ и четырехъэтажные со всевозможными удобствами, ваннами, комнатами и т. п. Во всемъ городѣ канализація, водопроводы, газовое или электрическое освѣщеніе, телефоны, имѣются театры, концертныя помѣщенія, сады и музеи.

Въ Капштадтѣ есть секта протестантовъ, чтящая субботній день, и потому называющаяся «субботниками» (שומרי שבת). Въ пятницу по заходѣ солнца они закрываютъ свои магазины или прекращаютъ свои другія занятія и затѣмъ не дѣлаютъ ровно никакой работы до захода солнца въ субботу. Въ субботу утромъ и наканунѣ они посѣщаютъ свою собственную церковь, устроенную на подобіе всѣхъ протестантскихъ церквей: тутъ ни образовъ, ни крестовъ, ни священныхъ картинъ, только небольшой амвонъ, на которомъ лежитъ библія—«ветхій и новый завѣтъ» въ одномъ переплетѣ. Вся церковь уставлена скамьями, раздѣленными на отдѣльныя мѣста. Молитва субботниковъ состоитъ въ пѣніи псалмовъ Давида; прихожане молятся, стоя на колѣняхъ, и охотно слушаютъ проповѣди отъ своихъ пасторовъ; въ этихъ проповѣдяхъ имъ внушается любовь къ ближнему, отвращеніе къ пьянству и т. п.

Къ Капской колоніи принадлежитъ *Утсгурнъ* (Ootshoorn). Это небольшой городъ; въ немъ живетъ много евреевъ, почему онъ даже

Digitized by Google

называется африканскимъ Іерусалимомъ. Фермеры-буры здѣсь владѣютъ большими стаями страусовъ, составляющихъ ихъ богатство. Евреи этой мѣстности промышляютъ страусовыми перьями. Ихъ заработокъ зависитъ отъ царящей въ Европѣ моды; если европейскія дамы щеголяютъ въ шляпкахъ, убранныхъ страусовыми перьями, если въ модѣ буа и вѣера изъ этихъ перьевъ, то африканскіе продавцы прекрасно зарабатываютъ, а большіе спекулянты становятся богачами. Но когда Европа долгое время не требуетъ страусовыхъ перьевъ, спекулянты теряютъ большіе капиталы. Въ общемъ, торговля страусовыми перьями дѣло прибыльное. Что касается способа добыванія этихъ красивыхъ перьевъ, то нельзя сказать, чтобъ онъ былъ очень деликатенъ: перья безцеремонно выдергиваются бурами изъ кожи живыхъ страусовъ; черезъ полгода перья отростаютъ вновь и подвергаются той-же участи.

Страусъ отъ природы—птица дикая, хищная и глупая. Даже буръ, который его роститъ, подвергается сильной опасности, если разгнѣваетъ его: страусъ однимъ ударомъ большого пальца можетъ распороть животъ быка или даже медвѣдя, а тѣмъ паче человѣка. Къ счастью, страусы такъ-же глупы, какъ хищны. Буръ огораживаетъ для своихъ страусовъ кусокъ поля, содержащаго прудъ; проволокой обтягиваетъ поле по вбитымъ въ землю низкимъ столбикамъ на разстояніи четырехъ или пяти саженей другъ отъ друга; проволока приходится не выше одного аршина надъ землей — и вотъ страусъ въ плѣну, потому что у него не хватаетъ ума поднять свою тонкую, высокую ногу, чтобъ перешагнуть черезъ проволоку, такъ низко натянутую. Такимъ образомъ буръ спокоенъ, что птица не убѣжитъ изъ отведеннаго ей мѣста и не нападетъ на проходящихъ мимо людей. Чтобъ выдернуть перья у страуса, буръ является къ нему съ тылу и набрасываетъ ему на голову продолговатый мѣшокъ; отъ такого пріема на птицу находитъ какой-то столбнякъ, и съ ней можно дѣлать все; буръ подходитъ къ ней близко и выдергиваетъ большія и лучшія перья. Перо сидитъ очень глубоко въ тѣлѣ страуса, и надо полагать, что ему эта операція причиняетъ сильную боль. Когда перья достигаютъ своего нормальнаго роста, они и сами выпадаютъ, но тогда они не имѣютъ никакой цѣны, потому что слишкомъ долгій ростъ лишаетъ ихъ мягкости, шелковитости и красоты; потому-то ихъ и выдергиваютъ заблаговременно. Для сортировки страусовыхъ перьевъ надо быть большимъ знатокомъ этого дѣла, потому что они дѣлятся на сорокъ слишкомъ сортовъ, и каждый сортъ носитъ особое названіе и имѣетъ опредѣленную цѣну.

Страусовыя яйца тоже представляютъ предметъ торговли. Они употребляются въ пищу, но невкусны, потому что и мясо этихъ

Digitized by Google

птицъ грубо и непріятнаго вкуса. Яйцо средней величины вѣситъ 3³
англійскихъ фунта, и 4 человѣка могутъ имъ наѣсться до сыта
Вынимая содержимое яйца, въ немъ дѣлаютъ только небольшое от
верстіе, чтобы сберечь скорлупу, которую расписываютъ краскам
или въ естественномъ видѣ употребляютъ какъ украшеніе въ ком
натѣ; далѣе изъ скорлупы приготовляются корзиночки и разны
другія вещицы. Скорлупа страусовыхъ яицъ въ большомъ количеств
посылается въ Европу, гдѣ выгодно сбывается.

Утсгурнскіе евреи, въ числѣ 1500 человѣкъ, все люди зажито
ные. Они очень набожны, даже фанатичны. Въ субботній день не про
изводятъ никакихъ дѣлъ, и въ городѣ тогда такое же затишье, как
въ любомъ городишкѣ Ковенской губерніи. Буры этого города почи
таютъ евреевъ за ихъ набожность, любятъ ихъ и живутъ съ ними в
мирѣ да въ ладу. Если буръ замѣтитъ, что еврей-коробейникъ ѣздит
въ субботу со своимъ товаромъ или несетъ на плечахъ сво
тюкъ, то онъ не только ничего не купитъ у него, но даже не пу
ститъ его на свой порогъ, говоря: «разъ ты не соблюдаешь свое
вѣры, то я не могу тебѣ довѣрять». Само собой разумѣется, что в
Утсгурнѣ находятся всѣ благотворительныя учрежденія, свойствен
ныя еврейской общинѣ; также нѣтъ недостатка въ училищахъ.

Въ городахъ *Наталь*, *Дурканъ*, *Масселъ-Бай* и *Портъ-Ели
заветъ* евреевъ мало; они тамъ почти всѣ — коробейники или раз
носчики и стоятъ, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и по
своему умственному и нравственному состоянію, ниже капштадт
скихъ евреевъ.

Въ *Кимберлеѣ* — около тысячи евреевъ (русскихъ и англійскихъ
вмѣстѣ). Они—купцы, коробейники, рабочіе и мелкіе торговцы, жи
вутъ небогато, но и безъ нужды. Изъ-за алмазныхъ копей, нахо
дящихся тамъ, многіе легкомысленные люди невинно попадаются и
страдаютъ въ теченіе всей своей жизни. Лѣтъ пятнадцать тому на
задъ обладателямъ алмазныхъ копей удалось провести въ парла
ментѣ законъ, который запрещаетъ торговлю нешлифованными ал
мазами безъ особаго на то разрѣшенія, и даже тѣ, кто обладаетъ
подобнымъ разрѣшеніемъ (патентомъ), лишенъ права покупать ихъ
у кафровъ, работающихъ на копяхъ, или у частныхъ лицъ, а могутъ
ихъ покупать только на биржѣ; кто-же безъ особаго разрѣшенія ку
питъ или продастъ алмазъ, осуждается на семь лѣтъ каторжной ра
боты, и его имущество конфискуется. Чтобы слѣдить за правиль
нымъ соблюденіемъ этого закона, правительство содержитъ особый
классъ людей-сыщиковъ, которые переполняютъ всѣ улицы, гости
ницы, шинки и даже частные дома, гдѣ они знакомятся, стано
вятся друзьями, тщательно скрывая свое занятіе, такъ что хо-

Digitized by Google

инъ понятія не имѣетъ о немъ и не подозрѣваетъ даже, что его нимый другъ норовитъ его погубить. Сыщики кромѣ жалованья лучаютъ еще треть отъ всякаго по ихъ указанію конфискованнаго ущества, слѣдовательно имъ выгодно изобличить возможно больше дей. Они и стараются достигнуть этой цѣли, хотя бы для этого при-ось обвинить самаго безукоризненнаго человѣка. Къ намѣченному щу они посылаютъ кафра, который предлагаетъ тому купить у его алмазъ, найденный будто-бы имъ самимъ въ копи; кафръ ержитъ въ рукахъ драгоцѣнный камень и уступаетъ его басно-ловно дешево, чтобы для покупателя было сильное искушеніе. Случается, что человѣкъ, никогда не помышлявшій о преступной покупкѣ, невольно поддается убѣдительнымъ и настойчивымъ увѣре-ніямъ кафра, чтобъ сейчасъ же, какъ только послѣдній уйдетъ, сильно раскаяться въ сдѣланномъ; но ужъ поздно: онъ попался и пропалъ безвозвратно. Нерѣдко сыщикъ поручаетъ кафру занести алмазъ въ знакомый ему домъ, гдѣ онъ въ то же время будетъ сидѣть, поль-зуясь гостепріимствомъ и представляя изъ себя друга. Хозяинъ дома отказывается покупать и не хочетъ даже глядѣть на камень, тогда сыщикъ беретъ алмазъ въ руки и начинаетъ уговаривать хозяина не упускать такого сокровища. И вотъ, если хозяинъ обладаетъ доста-точно твердымъ характеромъ и сильной волей, то онъ сразу пой-метъ фокусъ, дастъ тому и другому по шеѣ и спуститъ ихъ съ лѣст-ницы; но если сыщикъ попадетъ на человѣка легкомысленнаго, ко-торый не прочь живо разбогатѣть, то послѣдній дастъ себя угово-рить, покупаетъ алмазъ и вмѣстѣ съ нимъ свое горе и несчастіе: лишь только деньги за камень уплочены, мнимый другъ снимаетъ маску и представляется во всемъ блескѣ своей низости. Появляются откуда ни возьмись другіе сыщики. Бѣднаго заковываютъ въ цѣпи и отправляютъ на казенные харчи, у него же въ домѣ производится обыскъ, обшариваютъ всѣ углы, и все цѣнное уносится отсюда на всегда, а обвиняемый долженъ отбыть семь лѣтъ каторги, чтобъ не оскорбить закона Капской колоніи. Въ первое время изъ-за такихъ продѣлокъ попадались въ Кимберлеѣ многіе: англичане, евреи, нѣмцы и не только мужчины, но иногда и женщины. Но теперь несчастіе многихъ невинно попавшихся сдѣлало жителей болѣе осторожными.

II. Оранжевая республика.

Блюмфонтэнъ, главный городъ Оранжевой республики, отли-чается мягкимъ и здоровымъ климатомъ, почему и называется афри-канской Италіей (сюда англійскіе доктора посылаютъ легочно-боль-ныхъ лечиться воздухомъ). До войны въ Блюмфонтэнѣ считалось около пятисотъ евреевъ: купцовъ, коробейниковъ, скотопромышлен-

Digitized by Google

никовъ и торговцевъ шерстью, и они здѣсь жили безбѣдно. Когд началась нынѣшняя война, и Оранжевая республика пошла на по мощь Трансваалю, въ ней былъ изданъ указъ, чтобъ иностранцы живущіе здѣсь, оставили страну. Тогда пришлось выселяться многимъ евреямъ. Что касается другихъ городовъ Оранжевой рес публики, какъ Капстадтъ и друг., то тамъ жило сравнительно мал евреевъ: во всей республикѣ ихъ считалось не болѣе 1500; нынѣ тамъ и третьей части не осталось.

III. Трансвааль.

Первый большой торговый городъ Трансвааля—*Іоганнесбургъ*. До начала войны тамъ числилось 140.000 жителей и между ними 20.000 евреевъ. Съ момента построенія Іоганнесбурга до самой войны сюда стремились люди со всѣхъ концовъ міра: каждую недѣлю ко рабли привозили сотни людей, и на каждомъ кораблѣ пріѣзжало от 50 до 100 евреевъ. Если кому либо случалось опоздать къ почто вому пароходу, идущему изъ Лондона въ Іоганнесбургъ, то у него не хватало терпѣнія дожидаться слѣдующаго такого же парохода, который пойдетъ дней черезъ пять; онъ садился на первый попав шійся товарный пароходъ и катилъ сейчасъ же, мысленно подта кивая судно, чтобъ скорѣй, скорѣй достичь этого заманчиваго Іоган несбурга, гдѣ, онъ былъ въ томъ увѣренъ, онъ, едва поставивъ ногу на твердую почву, сейчасъ же найдетъ прибыльное занятіе и заживетъ прекрасно. Евреи высоко стояли въ Іоганнесбургѣ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же въ торговомъ: они играли роль на биржѣ, между ними имѣлись крупные акціонеры, предприниматели, владѣвшіе фабриками, заводами, хлѣбными амбарами; ихъ корабли, нагруженные различнымъ товаромъ, находились въ гаваняхъ Австраліи, Англіи, Германіи, Голландіи и Португаліи. Остальную часть іоганнесбургскихъ евреевъ, менѣе богатую, составляли купцы и ремесленники: ювелиры, золотыхъ дѣлъ мастера, портные, сапожники, жестяныхъ дѣлъ мастера, кузнецы, столяры, печники и т. п. Среди евреевъ встрѣчались и высоко образованные, развитые и ученые люди.

Когда въ Іоганнесбургъ пріѣзжалъ новый человѣкъ, его земляки сейчасъ его забирали къ себѣ, давали ему квартиру и столъ, поручались за него въ магазинахъ. Для иныхъ покупали пару лошадей, вьючныхъ или простыхъ ословъ, къ этому телѣгу, которую нагружали разнымъ товаромъ, и отправляли новичка коробейничать въ окрестныя деревни. Другому доставляли тюкъ съ товаромъ — и онъ становился городскимъ коробейникомъ; третьему давали возможность развозить овощи, плоды, молоко, скупать старые мѣшки изъ-подъ

Digitized by Google

ля, пустыя бутылки, что потомъ съ барышомъ продавалъ; четвер-
аго опредѣляли на службу въ знакомомъ магазинѣ. Словомъ, при-
траивали всякаго, стараясь пріискать для него болѣе подходящее
анятіе. Какъ только новичокъ начиналъ зарабатывать, онъ возвра-
алъ землякамъ долгъ, пріобрѣталъ черезъ нѣкоторое время личный
редитъ и при случаѣ ужъ оказывалъ самъ посильную помощь
емляку. Почти каждый еврей въ Іоганнесбургѣ состоялъ членомъ
нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ, попечительства о
школѣ, о пособіяхъ бѣднымъ, о помощи больнымъ и др. Четыре
года тому назадъ одно общество учредило тамъ особый пріютъ для
больныхъ русскихъ евреевъ, только что пріѣхавшихъ, не знающихъ
языка и соблюдающихъ еврейскіе законы о пищѣ. Въ Іоганнесбургѣ
имѣются двѣ большія красивыя синагоги, гдѣ ежедневно молятся
многіе. Въ субботу и въ годовые праздники онѣ биткомъ набиты;
моленіе исполняется съ большимъ благочестіемъ: во время молитвы
или чтенія отрывковъ Торы никѣмъ не произносится ни единаго
посторонняго слова, но, когда канторъ (онъ же рѣзникъ и про-
повѣдникъ и извѣстенъ подъ именемъ «реверендъ») поетъ что нибудь
особенно знакомое, нѣкоторые подтягиваютъ. Когда реверендъ про-
износитъ рѣчь, двери синагоги запираются, чтобъ вновь приходящіе
посѣтители не нарушали порядка. Проповѣди тамъ, къ сожалѣнію,
неважныя, потому что проповѣдники плохо подготовлены къ своей
задачѣ, къ тому же они, большей частью, помышляютъ лишь о зем-
ныхъ благахъ.

Особенно интересна въ Іоганнесбургѣ церемонія «конфирмаціи»
мальчика (בר מצוה). Виновникъ торжества призывается къ амвону,
гдѣ онъ становится на скамеечку и громко, пѣвуче, произноситъ
молитву, послѣ которой слѣдуетъ пѣніе кантора съ хоромъ. Затѣмъ
мальчикъ обращается съ рѣчью къ своимъ родителямъ; онъ благо-
даритъ ихъ за хорошее воспитаніе и обѣщаетъ быть хорошимъ
евреемъ и честнымъ гражданиномъ; наконецъ, реверендъ спраши-
ваетъ у мальчика значеніе десяти заповѣдей, объясняетъ ему дог-
маты еврейской религіи и благословляетъ его благословеніемъ свя-
щенниковъ (ברכת כהנים). Случается, что мальчикъ послѣ «конфир-
маціи» не продолжаетъ изученіе Торы, но за то онъ въ теченіе всей
жизни помнитъ наизусть ту главу изъ Торы, которую прочелъ, когда
онъ по еврейскому закону достигъ религіознаго совершеннолѣтія и
сталъ отвѣтственнымъ за свои поступки лицомъ.

При каждой синагогѣ имѣется здѣсь Талмудъ-тора, гдѣ дѣти
обучаются древне-еврейскому и англійскому языкамъ. Въ Іоганнес-
бургѣ есть также дешевая еврейская столовая, въ которой бѣдный
человѣкъ можетъ за 3 пени (около 11 коп.) получить тарелку хоро-

Digitized by Google

шаго, свѣжаго супу, кусокъ мяса и порцію хлѣба. Въ послѣднее время сіонизмъ пустилъ въ Іоганнесбургѣ глубокіе корни, благодаря энергіи и усиліямъ представителя мѣстныхъ сіонистовъ, доктора Герца.

Въ Іоганнесбургѣ былъ устроенъ еврейскій театръ. Вечеркомъ послѣ трудовъ, еврей забѣгалъ въ театръ, гдѣ давались разныя пьесы на сюжеты изъ еврейской, прошлой и настоящей, жизни. Частенько, при довольно хорошемъ исполненіи сценокъ изъ румынскихъ погромовъ или испанскаго изгнанія, когда рельефно выступали еврейское вѣковое горе, глубокое страданіе и муки, муки безъ конца еврей тамъ переживалъ всю горечь положенія его несчастныхъ собратьевъ: когда давался «Графъ Радзивиллъ», вспоминалась вся масса униженій, которымъ подвергались евреи въ Польшѣ, гдѣ гнулась еврейская спина, гдѣ только рабской покорностью, совершеннымъ уничтоженіемъ личности, потерей самосознанія и вѣчнымъ угожденіемъ пану еврей пріобрѣталъ право существовать въ извѣстномъ мѣстечкѣ.

Дѣло Дрейфуса тоже нашло откликъ на іоганнесбургской сценѣ и пьеса этого содержанія долго не снималась съ репертуара. Но наряду съ современной драмой давались и драматическія пьесы, написанныя на библейскія темы—«Гаманъ», «Юдифь» и другія.

Іоганнесбургскіе евреи жертвовали относительно очень много денегъ на разныя благотворительныя цѣли. Даже бѣдный разносчикъ овощей или продавецъ пустыхъ бутылокъ никогда не отказывалъ, если къ нему обращались за пожертвованіемъ, и давалъ посильную лепту на доброе дѣло. Наименьшее пожертвованіе составляло пять шиллинговъ. Вообще, евреи въ Іоганнесбургѣ вели себя очень прилично. Лишь очень небольшое число ихъ занималось продажей водки, и эти немногіе были въ презрѣніи у всѣхъ соплеменниковъ: какъ люди, грязнящіе еврейство.

Надо замѣтить, что Африка особенно счастливая страна въ слѣдующемъ отношеніи: какой бы ни пріѣхалъ туда негодяй, бывшій воръ и темная личность, всякій здѣсь, большей частью, старается зарабатывать хлѣбъ честнымъ путемъ и болѣе или менѣе прилично себя вести. Можетъ быть, это объясняется свободой, которой онъ пользуется и въ выборѣ мѣстожительства и въ избраніи труда.

Тамъ всѣ равны: никто не кичится ни знатностью происхожденія, ни богатствомъ, ни образованіемъ; религія не ставитъ препятствій и предѣловъ. Случается иногда, что еврей женится на христіанкѣ, и она принимаетъ еврейство или остается вѣрна своей прежней религіи; христіанинъ избираетъ себѣ жену-еврейку. Но такіе смѣшанные браки—явленіе очень рѣдкое.

Digitized by Google

Въ *Преторіи*, столицѣ Трансвааля, живутъ около 2,000 евре-въ. Всѣ существуютъ прилично, какъ и въ Іоганнесбургѣ, недавно ни выстроили синагогу и обзавелись еврейской библіотекой. Одно ремя въ Преторіи былъ обычай, что президентъ, Пауль Крюгеръ, тчивалъ всякаго заходившаго къ нему (а заходить могъ каждый въ всякаго доклада) чашкой кофе. Захаживали въ его домъ и реи, но въ послѣднее время онъ оставилъ угощеніе, находя, что но отнимаетъ у него слишкомъ много времени и слишкомъ дорого ходится ему.

Крюгерсдорфъ,—городъ около золотыхъ пріисковъ Іоганнесбурга. Здѣсь жило 300 евреевъ-купцовъ или содержателей ресторановъ, очнѣе съѣстныхъ лавокъ для кафровъ (каферитингъ). Эти харчевни встрѣчаются преимущественно около золотыхъ пріисковъ и каменноугольныхъ копей, гдѣ работаютъ много кафровъ: два, три, а иногда и больше около каждой копи. Лавки и рестораны (если этимъ именемъ можно назвать кафритинги) тамъ строятся слѣдующимъ образомъ: остовъ дѣлается изъ толстаго лотосоваго дерева на подобіе фонаря; снаружи стѣны покрываются оцинкованной жестью, крыша кладется изъ такой же жести; вставляются двери и окна—и готовъ домъ или ресторанъ, съ той только разницей, что стѣны домовъ и лавокъ внутри выкладываются нежженымъ кирпичемъ, полы кладутся изъ досокъ въ $1^1/_2$ дюйма толщиной, и вся жесть берется новая, а въ ресторанѣ стѣны изъ старой жести и не обшиты кирпичомъ и пола въ немъ нѣтъ. Незатѣйливое зданіе ресторана имѣетъ жалкій видъ. Заглянемъ туда. Среди комнаты стоитъ на подставкѣ изъ нѣсколькихъ кирпичей большой закоптѣлый котелъ, который подогрѣвается каменнымъ углемъ. Тутъ ни печи, ни трубы: дымъ выходитъ прямо черезъ дырявыя стѣны, черезъ окна и двери. Вотъ въ этомъ-то котлѣ варится блюдо для кафровъ, приходящихъ сюда подкрѣпиться; тамъ варится гнилое мясо въ цѣлой массѣ воды съ какой-нибудь крупой, съ просомъ или бобами, По грязнымъ стѣнамъ висятъ куски мяса, обильнаго червями. На одномъ прилавкѣ помѣщаются тутъ же внутренности животныхъ, бычачьи и телячьи головы, тоже не первой свѣжести; на другомъ прилавкѣ лежитъ масса двухфунтовыхъ хлѣбовъ изъ маиса или пшеницы; неподалеку на столѣ разставлены бутылки съ бѣловато-мутной влагой, замѣняющей кафрамъ пиво и называемой «ginger-bier», т. е. имбирное пиво. Въ ресторанѣ еще обыкновенно находится особая полочка, смастеренная изъ старыхъ досокъ; на ней выстроены во фронтъ коробки сардинокъ, ящики съ пресованными сельдями, жестянки съ лососиной, копченымъ мясомъ, также банки съ вареньемъ и т. п. лакомства. Кафры парами или компаніей в

Digitized by Google

шесть и больше человѣкъ, рѣдко по одиночкѣ, заходятъ въ ресторанъ, садятся безъ церемоній въ природномъ одѣяніи на голую землю и угощаются на славу: сперва они покупаютъ хлѣбъ, разрѣзываютъ его на тонкіе ломти, и каждый кафръ беретъ сколько ему угодно; затѣмъ каждый своей собственной персоной подходитъ къ котлу, гдѣ хозяинъ каферитинга или его приказчикъ, часто кафръ, распредѣляетъ порціи, сообразно предлагаемой суммѣ; одни покупаютъ только супъ, другіе также мясо, третьи телячью голову, которую пекутъ тутъ же на огнѣ. Порція подается въ небольшой жестяной мискѣ. Мясо кафръ уплетаетъ природными вилками, руками, супъ пьетъ прямо изъ миски; по окончаніи трапезы кафръ облизываетъ пальцы и мажетъ оставшимся на нихъ жиромъ тѣло, руки, ноги, чтобъ они лоснились. Затѣмъ гости просятъ у хозяина прибавки, тотъ наливаетъ имъ изъ боченка по жестяному стаканчику имбирнаго пива, кафры охотно выпиваютъ, благодарятъ хозяина и часто, войдя во вкусъ, ужъ покупаютъ себѣ еще нѣсколько порцій пива, а иногда и другія лакомства. Ресторанъ для чернокожихъ—дѣло очень прибыльное, и нѣкоторые нажили отъ этого цѣлые капиталы, но не всякій рѣшался взяться за такое дѣло, потому что не всякій въ состояніи находиться по цѣлымъ днямъ въ этой атмосферѣ разложившагося мяса, гнили, вредныхъ испареній и духоты; даже кругомъ ресторана воздухъ невозможный. Харчевни содержались арабами, англичанами или евреями, конечно, бѣднѣйшими, не чистоплотными и обладающими крѣпкимъ здоровьемъ. Если нужда заставляла человѣка съ болѣе тонкимъ обоняніемъ и слабымъ здоровьемъ, предпринять что-либо подобное, то онъ мало находился на своемъ посту у котла, а нанималъ продавцевъ, но ужъ такъ не наживался, потому что продавцы обкрадывали его самымъ недобросовѣстнымъ образомъ.

Что касается магазиновъ, гдѣ продавались необходимые кафрамъ товары, то по архитектурѣ они не много лучше харчевенъ, какъ уже было сказано выше. По стѣнамъ помѣщались полки изъ старыхъ досокъ, заваленныя разнымъ товаромъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ готоваго платья: вотъ костюмы, пиджаки, жилеты, брюки, пальто; тутъ же одѣяла, ситецъ, головные платки, сорочки, шерстяныя, фланелевыя, кашемировыя, чулки, шапки, шляпки, цилиндры, башлыки; тамъ далѣе шнурки бусъ различной величины и всевозможныхъ цвѣтовъ, между которыми преобладаетъ свѣтло-голубой цвѣтъ и бѣлый, есть также часы, черные, никелевые и серебряные, различныя пестрыя игрушки, мелкія вещицы, ножички, кошельки, ножницы, иголки, нитки; а вотъ и хвосты ло-

Digitized by Google

диные, бычачьи, и тутъ же желѣзные котелки, жестяныя кружки, ки, банки, зеркальца и большіе жестяные ящики-чемоданы.

Кафръ—хорошій покупатель: ему всего надо. Заведутся у него ьжонки, онѣ ему въ тягость—и давай покупать, что бы ни под-нулось подъ руку, и такъ, пока не израсходуетъ послѣдній шъ. Легко иногда наткнуться на подобную сценку. Кафръ за-дитъ въ лавку готоваго платья и проситъ у хозяина угощенія, яинъ подноситъ ему стаканчикъ имбирнаго пива, тотъ выпиваетъ требуетъ повторенія—хозяинъ исполняетъ его просьбу и въ то же емя начинаетъ ему предлагать товаръ, напримѣръ: жилетъ; кафръ покупаетъ и одѣваетъ на свое голое тѣло, тогда купецъ пока-ваетъ еще одинъ жилетъ, третій, четвертый и пятый, — кафръ купаетъ всѣ и сейчасъ же напяливаетъ на себя; послѣ этого пецъ показываетъ ему пару голенищъ изъ блестящей кожи, съ говицами,—чернокожій, не задумываясь, пріобрѣтаетъ ихъ и одѣ-етъ на голыя ноги (такія голенища англичане носятъ во время ждя, чтобы защитить отъ сырости легко обутыя ноги). Подъ ко-цъ снисходительный покупатель купитъ себѣ еще старый цилиндръ спрятавъ въ него свою наполовину влѣзшую большую голову съ есткими курчавыми волосами, щеголемъ выходитъ изъ лавки, въ сторгѣ отъ своего туалета, для европейца немного оригинальнаго. нъ умори тельнъ: голыя руки, голое тѣло, покрытое пятью жиле-ами, огромныя босыя ноги, отъ колѣнъ до ступни одѣтыя въ голе-ища и цилиндръ на головѣ. (Разсказанное не анекдотъ, а фактъ!) безьяна, разсмѣшившая своего господина и вылѣчившая его этимъ ъ нарыва въ горлѣ, не могла быть комичнѣе этого чернокожаго ранта. Кафръ не знаетъ чувства стыдливости. Въ своихъ дерев-яхъ жена, мужъ, дѣти—всѣ ходятъ голыми. Но въ нѣкоторыхъ ѣстностяхъ женщинамъ запретили расхаживать совершенно голыми. ъ городъ кафры должны являться въ одеждѣ, но имъ, впро-емъ, достаточно прикрыться одѣяломъ. Зато, когда кафръ начи-аетъ франтить, то этому конца нѣтъ: годится ему и изящный фракъ, рейтгаузы, и колпакъ клоуна, и верхняя сорочка, и все, что ему предложатъ. Евреи-торговцы научились обращаться съ этими окупателями.

IV. *Земли Матабилъ и Массона.*

Онѣ принадлежатъ Чартредскому акціонерному обществу (Чар-ръ—хартія, представляющая особыя привиллегіи и гарантіи). леномъ этого общества состоитъ и принцъ Уэльскій. Англійскіе апиталисты, думая, что въ южной Африкѣ вся земля состоитъ изъ лежей золота, купили у предводителя матабильскихъ кафровъ эти

Digitized by Google

земли и выпустили акціи отъ имени акціонернаго общества, а куп
ленныя земли принялись обстраивать. Первый городъ они назвал
Балевай. Само собой разумѣется, что къ новому центру сейчасъ устре
мились десятки и сотни людей изъ разныхъ мѣстъ южной Африки
Каждый хотѣлъ быть первымъ. Быстро выстроили желѣзную доро
изъ Капштадта въ Балевай—и помчались поѣзда, переполненны
пассажирами. Вскорѣ начали циркулировать ложные слухи объ о
крытыхъ богатствахъ: тутъ нашли кусокъ золота—самородокъ, г
перболически большой, тамъ открыли золотую жилу, которая тянет
чуть ли не до Египта. Никто не провѣрялъ, не имѣлъ желан
убѣдиться въ достовѣрности, посмотрѣть своими глазами; кажды
слѣпо вѣрилъ, хотѣлъ вѣрить, строилъ воздушные замки. Произошл
сильная золотая горячка, которою воспользовалось общество, чтоб
продать возможно больше участковъ земли, какъ можно больш
акцій. Общество сильно разбогатѣло. Наѣхавшіе въ Балевай люд
между которыми было очень много евреевъ, между тѣмъ строи
магазины, дома, жестяные и кирпичные, покупали новые участк
перепродавали ихъ очень выгодно. Дома все возвышались въ цѣн
и легковѣрные люди, не задумываясь, платили большія деньги з
нихъ.

Полагали, что Балевай превратится во второй Іоганнесбургъ, г
скупали въ первое время за безцѣнокъ большіе участки земли, а п
томъ брали за нихъ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Балеваю тоже пр
рочили блестящую будущность. Но болѣе опытные люди дѣйство
вали осторожно и старались не оставлять участковъ за собой н
долгое время, а спѣшили перепродать ихъ съ пользой. Такіе н
жили много денегъ, но другіе поплатились; они не уступили во врем
за предложенную сумму, ожидая будущихъ благъ. Прошло два год
со времени начала заселенія Балевая, а золота еще все не нашли въ это
мѣстности, несмотря на самые тщательные поиски. Наступило врем
разочарованія и рухнули грандіозные замыслы. Участки земли, дом
стали дешевѣть все болѣе и болѣе. Никто уже не хотѣлъ пріобрѣ
тать землю или домъ въ Балеваѣ, всякій спѣшилъ скорѣе убраться
отсюда. Городъ, такъ блестяще начавшій свое существованіе, не опра
далъ возложенныхъ на него надеждъ и превратился вскорѣ въ д
ревню. Землевладѣльцы остались на бобахъ, а бѣдные домовладѣльцы
истратившіе всѣ свои деньги на покупку дома въ золотоносно
мѣстности, принуждены были коробейничать, чтобъ заработать на
сущный хлѣбъ. Евреи были и среди благоразумныхъ, извлекши
пользу изъ Балавайской горячки, но гораздо больше было ихъ сред
несчастливцевъ, которые вышли изъ дѣла съ убытками. Съ каф
рами той земли евреи ведутъ обыкновенно мѣновую торговлю: за ме

Digitized by Google

в товары получаютъ у нихъ маисъ, за слоновую кость—шкуры ягровъ и львовъ, когти послѣднихъ, (изъ нихъ выдѣлываются рошки, брелоки), оленьи рога и рога другихъ животныхъ, амѣнниваютъ на кожу боа и прочихъ большихъ змѣй. Этой торговой пришельцы существуютъ съ грѣхомъ пополамъ. Когда то въ ихъ мѣстахъ, вѣроятно, находилось золото. Объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся подземныя шахты. (Есть предположеніе, что менно туда царь Соломонъ или царица Савская посылали копать олото). Неизвѣстно, предполагало ли англійское общество дѣйствительно найти золото или хотѣло нажиться насчетъ легковѣрныхъ одей. Послѣднее предположеніе, пожалуй, основательнѣе, потому о предварительныя изслѣдованія инженеровъ должны были убѣдить ціонеровъ въ совершенномъ отсутствіи этого металла въ тѣхъ раяхъ. Въ климатическомъ отношеніи Балевай представляетъ мало привлекательную мѣстность: тамъ свирѣпствуетъ лихорадка, а нѣкого выше и желтая лихорадка. Какъ бы тамъ ни было, предпріятіе ли общество конецъ или нѣтъ, но изъ-за этого предпріятія разорились многіе и въ ихъ числѣ около 2000 евреевъ.

Въ послѣдніе годы, вообще, ухудшились обстоятельства въ южной Африкѣ, и одинъ ударъ слѣдовалъ за другимъ. Въ 1894 г. началось возмущеніе англичанъ подъ предводительствомъ Джемсона. Едва успокоились отъ этой бѣды, какъ пришло другого рода несчастье—бездождіе: мелкія рѣчки, наполняющіяся водой только во время дождей, совершенно высохли, и въ теченіе цѣлаго года населеніе страшно нуждалось въ водѣ и платило за нее очень дорого. Затѣмъ произошелъ въ Іоганнесбургѣ страшный взрывъ: вслѣдствіе неосторожности кафра одинъ изъ ящиковъ динамита упалъ или нечально задѣлъ другой—и вотъ разразилось несчастіе, первой жертвой котораго были сотни людей, находившихся въ данный моментъ болѣе или менѣе близко и даже на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ мѣста происшествія. Полъ-города пострадалъ отъ этой бѣды.

Злой рокъ преслѣдовалъ, казалось, Іоганненсбургъ, и съ нимъ приходилъ въ упадокъ весь Трансвааль.

Вскорѣ трансваальское правительство начало притѣснять живущихъ тамъ чужестранцевъ, и въ ихъ числѣ евреевъ. Результатомъ всего этого явился общій кризисъ: дома, помѣстья, земли все болѣе и болѣе падали въ цѣнѣ, такъ что хозяева изъ богачей сдѣлались почти нищими. Люди стали покидать Іоганнесбургъ; многіе дома совершенно опустѣли, ихъ владѣльцы не могли расплатиться съ банками, гдѣ взяли деньги подъ залогъ домовъ, и такимъ образомъ

Digitized by Google

одинъ домъ за другимъ переходилъ во владѣніе банковъ. Особенно обнищало много евреевъ. Кто сберегъ кой-какіе гроши, принужденъ былъ отдать ихъ бурамъ, которые, какъ только началась война съ Англіей, приходили ежедневно, требуя, чтобъ имъ помогали кто деньгами, кто лошадьми, сѣдлами, сбруей, одѣялами, съѣстными припасами, даже консервами, словомъ, чѣмъ кто могъ. Позднѣе просили побольше денегъ, какъ выкупъ, позволявшій не идти на войну; но когда буры уже забрали все, они приказали всѣмъ иностранцамъ взяться за оружіе или оставить Трансвааль въ 24 часа. И вотъ, стали выселяться. Поѣзда были переполнены, несмотря на то, что ежедневно шли пять, шесть поѣздовъ прибавочныхъ. За недостаткомъ мѣста въ пассажирскихъ вагонахъ, люди ѣхали въ товарныхъ, на платформахъ для угля. Но женщинъ и дѣтей помѣщали въ закрытыхъ вагонахъ, гдѣ онѣ стояли или сидѣли, стѣсненныя прямо какъ сельди въ бочкѣ, тащились четверо сутокъ вмѣсто двухъ, пока достигли Капштадта. Между тѣмъ изъ Іоганнесбурга не смѣли брать съ собою никакого багажа, никакихъ съѣстныхъ припасовъ, потому что дорожили каждымъ мѣстечкомъ. Если кто бралъ съ собою чемоданчикъ, то пьяные чиновники выбрасывали послѣдній изъ вагона на полномъ ходу поѣзда. Въ теченіе трехъ недѣль выселились изъ Трансвааля 100,000 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Большинство выселившихся, особенно евреи, поѣхали въ Наталь, Капштатъ и другіе города Капской колоніи куда едва пришли живыми.

Въ Капштадтѣ стало очень тѣсно, вздорожали жилища, такъ что нѣкоторымъ пріѣзжимъ пришлось платить по пятнадцати шиллинговъ и даже по фунту въ недѣлю за возможность ночевать на матрацѣ или голомъ полу въ комнатѣ, гдѣ помѣщались шесть-семь человѣкъ. Но послѣднія средства истощились, люди начали голодать, спали на мостовой подъ открытымъ небомъ. Образовались комитеты для оказанія помощи, но было слишкомъ много нуждавшихся въ ней, и такіе несчастные все прибавлялись съ приходомъ каждаго новаго поѣзда. У кого была малѣйшая возможность, тотъ спѣшилъ въ Европу; нѣкоторые ушли въ деревни, немногіе пріискали себѣ въ Капштадтѣ кой-какое занятіе.

Когда пришли изъ Англіи войска, корабли съ провіантомъ и аммуниціей для войска, еврейская община выхлопотала, чтобы пароходы, привезшіе солдатъ и возвращающіеся въ Англію, отвезли туда бѣдныхъ евреевъ, лишенныхъ всякой возможности существовать въ Капштадтѣ. Это послужило большимъ облегченіемъ и спасло многихъ отъ голодной смерти.

J.

Digitized by Google

Мориць Оппенгеймъ, національный еврейскій художникъ

(Къ столѣтію его рожденія).

Мориць Оппенгеймъ родился въ Ганау въ декабрѣ 1799 г. или въ началѣ 1800 г.

Съ ранняго дѣтства онъ былъ баловнемъ судьбы и уже съ юныхъ лѣтъ окруженъ образованными и геніальными людьми.

Съ молокомъ матери онъ всосалъ любовь къ своему народу, а въ набожномъ родительскомъ домѣ развилось и окрѣпло въ немъ глубокое религіозное чувство. Благодаря глубокому врожденному чувству, ему удалось передать въ чудныхъ произведеніяхъ изъ жизни патріархальной еврейской семьи столько задушевности, столько теплоты.

Достойно вниманія, что эта его глубокая вѣра въ еврейство и любовь къ своему народу поддерживали въ немъ также и его добрые сосѣди, христіане, которые сильно вліяли на его художественное развитіе. Это было семейство извѣстнаго писателя того времени, графа Венцеля Стернау. Мужъ и жена Стернау отъ души полюбили одареннаго отъ природы еврейскаго мальчика. По его мелкимъ наброскамъ они замѣтили въ немъ зародыши геніальныхъ способностей и старались направить ихъ на вѣрный путь, руководя его художественнымъ развитіемъ.

Онъ въ свою очередь сильно привязался къ своимъ добрымъ сосѣдямъ, бывалъ у нихъ часто и гостилъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Здѣсь къ его услугамъ была ихъ богатая коллекція картинъ, рисунковъ и гравюръ, которую онъ изучалъ съ наслажденіемъ, постепенно развивая свой талантъ. Любопытно, что молодой Оппенгеймъ въ это время былъ очень благочестивъ; несмотря на частое пребываніе въ домѣ графа Стернау, онъ никогда не измѣнялъ своей религіозности и не ѣлъ въ этомъ домѣ ничего кромѣ молочныхъ блюдъ, которыя для него спеціально готовили. Однажды графиня устроила ему сюрпризъ—приготовила мясной обѣдъ, увѣряя, что мясо—еврейское. Онъ однако не повѣрилъ и подъ благовиднымъ предлогомъ отказался отъ обѣда.

У графа же въ домѣ онъ познакомился со многими высокообразованными личностями и талантливыми писателями, благодаря которымъ онъ рано развился вообще. Пользуясь ихъ совѣтами, онъ сталъ

Digitized by Google

аккуратно посѣщать школу художествъ въ родномъ городѣ, гдѣ
сталъ ученикомъ извѣстнаго художника проф. Конрада Вестенмейе
Когда ему минуло 18 лѣтъ, Оппенгеймъ отправился въ Мюнхе
гдѣ поступилъ въ Академію Художествъ и учился съ больши
успѣхомъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

Его первая большая картина «Моисей съ скрижалями завѣта
обратила на себя вниманіе знатоковъ искусства. Послѣ этого пе
ваго дебюта Оппенгеймъ работалъ нѣкоторое время подъ руково
ствомъ художника Рейно въ Парижѣ. Отсюда онъ въ 1821 год
поѣхалъ въ Римъ, гдѣ рѣшился усовершенствоваться въ любимом
искусствѣ.

Здѣсь, въ Римѣ, его воспріимчивая натура и творческій дух
нашли себѣ обширное поле для развитія; здѣсь, на лонѣ вѣчн
цвѣтущей природы, среди нестарѣющихъ сокровищъ искусства, он
провелъ четыре счастливые года юности. Здѣсь онъ пріобрѣл
также и знакомство великаго художника-скульптора Торвальдсена
который, будучи предсѣдателемъ жюри на конкурсѣ мѣстныхъ ху-
дожниковъ, нашелъ картину Оппенгейма на тему «Блудный сынъ»
достойною назначенной преміи. Но еврейское происхожденіе юноши
помѣшало остальнымъ пристрастнымъ членамъ жюри присудить ем
премію. Эта явная несправедливость очень разсердила Торвальдсена, и
онъ настоялъ, чтобы въ такомъ случаѣ и остальнымъ представлен-
нымъ произведеніямъ не были присуждены преміи. Вскорѣ посл
этого Торвальдсенъ, какъ бы желая ободрить молодого художника
купилъ у него новую его картину—«Возвращеніе молодого Товія»
которая хранится теперь въ Копенгагенѣ въ Торвальдсеновском
музеѣ. Затѣмъ Оппенгеймъ писалъ по заказу Карла фонъ Ротшильда
изъ Неаполя картину «Сусанна», обратившую на себя особое вни
маніе въ Римѣ и названную тогдашними цѣнителями «перло
искусства». Благодаря Торвальдсену, Оппенгеймъ получилъ о
сестры прусскаго короля Фридриха Вильгельма II (Гессенской при
цессы) заказъ нарисовать картину «Изгнаніе Агари». Оппенгей
пользовался также покровительствомъ короля Людвика Баварска
Кромѣ Рима, Оппенгеймъ побывалъ въ Неаполѣ, Флоренціи, Л
ворно, всюду изучая выдающихся мастеровъ того времени. Но е
тянуло въ родной городъ. Пріобрѣвъ въ Италіи громкое имя, о
вернулся въ 1825 г. въ Германію, гдѣ его имя было уже по
лярно и гдѣ его встрѣтили съ большимъ почетомъ какъ даровита
художника и образованнаго человѣка. Въ Мюнхенѣ онъ былъ пр
нятъ королемъ Баварскимъ. Онъ поселился въ Франкфуртѣ
Майнѣ. Здѣсь онъ познакомился и близко сошелся съ Берне, Гей
и нѣкоторыми другими корифеями литературы и искусства. Въ 1826

Digitized by Google

ъ написалъ портретъ Берне, замѣчательный по сходству и художественности исполненія; снимки съ этого портрета распространены ь Германіи въ большомъ числѣ. Въ числѣ его почитателей, друй и покровителей былъ также и маститый поэтъ Гете, который, ѣдившись въ способностяхъ Оппенгейма, поручилъ ему нарисовать люстраціи къ новому изданію «Германа и Доротеи»; эти рисунки ранятся въ извѣстной коллекціи въ Ганноверѣ. Затѣмъ онъ представилъ молодого художника великому герцогу Веймарскому, который аградилъ Оппенгейма за его успѣхи на поприщѣ искусства званіемъ профессора изящныхъ искусствъ, а впослѣдствіи рыцарскимъ рденомъ св. Маврикія и Лазаря.

Въ 1828 г. Морицъ окончательно поселился въ Франкфуртѣ, женился по любви и зажилъ счастливой семейной жизнью, предаваясь любимой своей работѣ. Въ это именно время онъ часто задумывался надъ судьбами еврейства. Вспомнимъ, что это былъ періодъ ансильнѣйшаго шатанія умовъ въ еврейской интеллигенціи Германіи, когда изъ крупнѣйшихъ представителей еврейства одни—Берне, Гейне—уходили отъ него, а другіе — Цунцъ, Гейгеръ—клали первые камни фундамента возрожденія народа, Оппенгеймъ не долго стоялъ на перепутьи. Онъ понялъ свое призваніе и отдался ему. Онъ сталъ національнымъ еврейскимъ художникомъ. Его озарила счастливая мысль создать цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ изъ жизни патріархальной еврейской семьи, и онъ съ жаромъ взялся за это дѣло. Рѣдко можно, и теперь даже, встрѣтить картины изъ еврейской жизни, исполненныя такъ художественно, ибо наши художники рѣдко берутся за изображеніе еврейской жизни. И это имѣетъ извѣстное основаніе. Евреямъ бѣднымъ не до искусства, богатые рѣдко покупаютъ картины, а христіанамъ еврейскій жанръ не нуженъ. Тогда нѣмецкіе евреи только что освободились отъ тѣснаго, душнаго гетто, убивавшаго въ нихъ всякій порывъ, всякое стремленіе къ изящному... И вдругъ является высоко-талантливый художникъ-еврей, который съ особенной любовью берется увѣковѣчить симпатичную ему жизнь его соплеменниковъ во всей ея реальной правдѣ и наивной прелести. Благодаря рѣдкому таланту, ему удалось создать цѣлый рядъ картинъ и заинтересовать ими всѣхъ знатоковъ искусства.

Эти чудныя его произведенія проникнуты глубокой вѣрой и освѣщены любовью, озаряющей мрачное гетто изображаемой имъ эпохи.

Но нельзя отрицать, что на Оппенгейма вліяли также нѣкоторыя общія теченія того времени — религіозное и національное. Религіозное направленіе, согрѣвавшее нѣмецкое искусство въ первыя 10 лѣтъ XIX вѣка, повидимому повліяло на Оппенгейма, но выразилось у него

Digitized by Google

въ спеціально еврейскомъ направленіи. Затѣмъ соціально-гуманн
теченіе этой эпохи, которое признало наконецъ за народностя
равноправіе и стало обращать вниманіе на интересные момент
изъ народнаго быта, повліяло на его увлеченіе поэтическими м
ментами изъ еврейской народной жизни. Оппенгеймъ былъ на евре
ской почвѣ сыномъ современныхъ ему направленій въ литерату
и искусствѣ. Въ литературѣ народной жизнью пользовались для свои
произведеній такіе великіе писатели какъ Викторъ Гюго и Диккенс
а также и Ауербахъ съ его деревенскими разсказами, къ сожалѣні
не изъ еврейскаго быта. Формально равноправные, но на дѣлѣ пре
зираемые, евреи ждали своего бытописателя. Оппенгеймъ рисовал
кистью то, что Ауербахъ могъ бы писать перомъ. Но картины Оп
пенгейма явились кстати и для еврейской исторіи. Патріархальны
обычаи и нравы еврейской семьи стали уже понемногу скрываться
подъ завѣсой новыхъ формъ жизни, и многому типично-еврейскому
грозило скорое забвеніе.

Свою чудную мастерскую кисть Оппенгеймъ посвятилъ своему
народу, своимъ несчастнымъ гонимымъ братьямъ, и—надо приба
вить, что своими прелестными эффектно освѣщенными картинами изъ
еврейской патріархальной жизни Оппенгеймъ возбуждалъ симпатіи
публики къ народу, свято сохранившему идеалъ семейной чистоты
и братской привязанности.

Оппенгеймъ работалъ не только хорошо, но и быстро, и ему
посчастливилось написать большое число картинъ, рисующихъ раз-
нообразнѣйшіе моменты еврейской жизни. Укажу главнѣйшія изъ
нихъ.

«*Наступленіе субботы*». Прошли 6 дней упорнаго труда, суб-
бота наступаетъ и съ нею отдыхъ. Молодая хозяйка дома, въ празд-
ничномъ костюмѣ, тихо шепчетъ молитву, поднимая руки къ ярко
горящей люстрѣ, освѣщающей большой круглый столъ съ бѣлоснѣж-
ной, красивой скатертью; на столѣ субботній хлѣбъ, покрытый бѣлой
салфеткой, и приготовленъ серебрянный бокалъ для вина. Тутъ же
блюдо съ рыбой. Мужъ, по праздничному одѣтый, отправляется съ
сынкомъ въ синагогу. Онъ смотритъ на часы, боясь опоздать къ
началу молитвы.

«*Пятница вечеромъ*». Отецъ вернулся изъ синагоги, послѣ ве-
черней молитвы. — Совершается встрѣча субботы.—Старшій сынъ
разглядываетъ остановившагося у дверей молодого заѣзжаго поль-
скаго еврея, приглашеннаго отцомъ раздѣлить субботнюю трапезу.—
Ребятишки, дѣвочки и мальчишка, подбѣжали къ отцу, и онъ ихъ
благословляетъ. Вдали видна счастливая мать, кормящая грудного
ребенка и радостно наблюдающая за торжественной сценой. Малень-

Digitized by Google

кій пузанчикъ таращитъ глаза и ждетъ, когда отецъ возьметъ его на руки и запоетъ съ нимъ субботніе стихи «Шолемъ алейхемъ».

«*Субботній отдыхъ*». Картина представляетъ уголокъ еврейскаго квартала, гдѣ въ этотъ день царятъ тишина и покой. У закрытыхъ ставней лавки, у входа въ домъ, поставлена пара стульевъ. На одномъ изъ нихъ старушка согнувшись усердно читаетъ «Пятикнижіе», усѣвшись поудобнѣе и поставивъ подъ ноги скамеечку. Возлѣ нея на другомъ стулѣ отдыхаетъ ея сынъ, послѣ сытнаго обѣда. Любуясь яснымъ небомъ, чуть-чуть виднымъ между крышъ узкаго переулка, но наслаждаясь субботнимъ отдыхомъ, онъ не забываетъ важнаго и задаетъ своему младшему брату вопросы изъ пройденнаго имъ за недѣлю въ хедерѣ.—Около нихъ, свернувшись, дремлетъ котъ, успѣвшій сегодня хорошо полакомиться.—Въ перспективѣ видѣнъ еврей, заснувшій на скамьѣ около закрытой лавчонки; возлѣ него—сынокъ, наблюдающій за гнѣздомъ птицъ; отецъ повидимому запретилъ ему шалить съ товарищами.

Въ тѣни входной двери примостилась служанка, жадно вслушивающаяся въ библейскіе разсказы, вслухъ читаемые старушкой-хозяйкой. Черезъ открытую дверь видна уютная, озаренная солнцемъ, комнатка, у окна которой молодая дѣвушка, хозяйская дочь, читаетъ увлекательную книгу.

«*Суббота послѣ обѣда*». Послѣ сытной праздничной трапезы въ домѣ зажиточнаго еврея, младшій сынокъ читаетъ газету, не замѣтивъ, что отецъ не слушаетъ болѣе, а сладко дремлетъ въ своемъ удобномъ креслѣ съ табакеркой въ рукахъ. Окно открыто, и на немъ разставлены горшки съ цвѣтами.—У другого конца стола юноша, должно быть—покровительствуемый хозяиномъ за талмудическія познанія, воспользовавшись его сномъ, оставилъ изученіе талмуда и внимательно слушаетъ, какъ дѣвицы—хозяйскія дочери читаютъ вслухъ книгу; изъ нихъ одна вертитъ въ рукахъ розу, какъ бы желая, чтобъ цвѣтокъ, быть можетъ, намекнулъ этому ученому юношѣ, что она не равнодушна къ нему.

«*Конецъ субботы*». Вся семья съ грустью разстается съ субботнимъ днемъ. Не охота вновь погрузиться въ трудовую жизнь, въ вѣчныя хлопоты. Это настроеніе превосходно передано на всѣхъ лицахъ. Полному впечатлѣнію помогаетъ еще и полумракъ въ комнатѣ. Въ горѣвшей вчера всѣми огнями скромной люстрѣ сегодня горятъ лишь два фитиля. Эффектно освѣщаетъ всю сцену восковая плетеная свѣча «гавдала», поддерживаемая серьезно-относящимся къ своей роли мальчуганомъ, любующимся яркимъ свѣтомъ. Грустно и ему. Пройдетъ эта ночь, завтра рано надо бѣжать въ хедеръ. У стола, на которомъ скатерть на половину сдвинута, отецъ наливаетъ вино

Digitized by Google

грустно онъ сейчасъ прочтетъ молитву, и невесело прозвучитъ изъ устъ семьи «аминь». Тутъ же на столѣ серебрянный «Годесъ», въ видѣ башеньки съ флагомъ. Грусть и благоговѣніе выражены во всей фигурѣ хозяйки дома, къ плечу которой прижалась старшая дочка.

На первомъ планѣ конторка, о которую опирается молодой человѣкъ, братъ или сынъ—участникъ въ дѣлахъ. Подальше видѣнъ старичекъ-дѣдъ, въ креслѣ, единственная сидящая фигура въ этотъ моментъ; скоро ему предстоитъ разлука съ этимъ міромъ—грустно и ему отъ предстоящаго вѣчнаго покоя...

На конторкѣ лежатъ нѣсколько, въ субботу полученныхъ и не распечатанныхъ дѣловыхъ писемъ. Не забыта и кухарка, ожидающая конца молитвы, чтобы въ свою очередь взяться за работу.

«*Коробейникъ*». Прошла суббота и, отдохнувъ въ своей семьѣ, коробейникъ съ сынкомъ и своимъ товаромъ отправляется по деревнямъ, напутствуемый пожеланіями матери и жены. Коробейникъ при выходѣ изъ дверей цѣлуетъ косякъ съ «мезузе»; сынокъ даетъ копеечку встрѣтившемуся нищему-христіанину. Старичекъ-дѣдушка, живущій у нихъ, поднялся съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и, вынувъ трубку изо рта, шепчетъ имъ свое напутствіе.

«*Пасха*». Торжественно усѣлись за трапезой всѣ члены семьи во главѣ съ хозяиномъ дома, одѣтымъ въ бѣлый халатъ и съ бѣлой шапочкой на головѣ. Онъ усѣлся въ большомъ креслѣ, подложивъ себѣ для большаго комфорта подушку. Справа около него его жена, ободряющая конфузливую дочь, не успѣвшую дочитать молитву вмѣстѣ со всѣми.

Слѣва хозяйскія дѣти съ любопытствомъ наблюдаютъ за двумя бѣдными евреями, приглашенными раздѣлить съ ними трапезу; младшій сынъ всталъ, чтобъ открыть дверь при чтеніи извѣстной молитвы. Пользуясь этимъ моментомъ хозяинъ о чемъ то спрашиваетъ у старшаго гостя. На столѣ у каждаго прибора бокалъ съ виномъ и другія принадлежности церемоніала седера, надъ которыми посреди блюдъ возвышается большой «бокалъ пророка Иліи», прихода котораго нетерпѣливо ждутъ дѣти. Прелестные мальчики и дѣвочка внимательно смотрятъ на дверь, боясь прозѣвать приходъ пророка. Отъ картины вѣетъ тихой торжественностью и праздничнымъ настроеніемъ.

«*Пятидесятница*». Синагога въ этотъ праздникъ украшена зеленью, гирляндами цвѣтовъ и розъ. Свитки вынуты изъ ихъ хранилища, и всѣ молящіеся встали въ торжественный моментъ, когда свитокъ закона, украшенный короной, появился на рукахъ кантора.

Digitized by Google

громко всѣ вторятъ ему: «Слушай Израиль, Господь Богъ нашъ— Богъ единый»! Благоговѣйно всѣ ждутъ, когда пронесутъ мимо нихъ свитки, чтобы приложиться къ нимъ.

«*Канунъ дня Всепрощенія*». Дверь синагоги настежъ открыта; черезъ нее видна узкая улица еврейскаго квартала. Евреи, одѣтые въ бѣлые кителя, торопятся занять свои мѣста до начала молитвы. Молодая парочка, шедшая вмѣстѣ въ синагогу, дойдя до входа, рѣшко жметъ другъ другу руки съ пожеланіями наилучшаго. Жена войдетъ наверхъ, въ женское отдѣленіе, а онъ спустится по ступенькамъ внизъ. Они на время разлучатся, но ихъ молитвы сольются воедино. Тутъ же, у входа, два врага мирятся, прощая другъ другу обиды, а далѣе—мальчуганъ подставилъ свою голову подъ благословеніе сидящаго у двери старика.

У входной двери прибита кружка для сбора пожертвованій съ надписью «Іерусалимъ».

«*Кущи*». Въ украшенной зеленью и цвѣтами «Сукѣ» сидитъ все семейство, слушая «молитву надъ виномъ», читаемую главой дома. Со двора приближается служанка, несущая миску съ горячимъ супомъ. Слѣва два христіанскихъ мальчика, возвращаясь изъ школы, съ любопытствомъ заглядываютъ, поднимаясь на цыпочки, въ двери и окно на непривычную для нихъ обстановку.

«*Дни Маккавеевъ, Ханука*». Отецъ, помолясь, зажегъ фитиль въ память праздника Маккавеевъ и вмѣстѣ съ матерью наблюдаетъ за самостоятельнымъ исполненіемъ этой процедуры его старшимъ сыномъ. Мальчикъ держитъ въ рукахъ молитвенникъ, но старается читать молитву наизусть.

Дѣдушка съ гостемъ играютъ въ шахматы, около нихъ на полу двое малютокъ, подражая, жгутъ огарки восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ ими къ полѣну дровъ. Въ слѣдующей комнатѣ видна группа играющихъ въ карты; эта игра позволена лишь въ праздникъ Маккавеевъ.

«*Праздникъ Эсвири*». Во время трапезы благодушные хозяева со своими дѣтками развлекаются явившейся безъ зова группою ряженыхъ, доморощенныхъ лицедѣевъ. Всѣ отъ души смѣются, а маленькій мальчуганъ смотритъ на представленіе съ любопытствомъ и страхомъ.

«*Введеніе въ синагогу*». Малюткѣ-сыну минулъ годокъ, и по старинному обычаю, отецъ принесъ его въ субботу въ синагогу. По окончаніи чтенія Торы, отецъ, поднявшись на возвышеніе (бима), подошелъ къ молодому человѣку, держащему свитки закона, и подноситъ рученку младенца къ свитку, дабы нѣжные пальчики могли прикоснуться къ святынѣ. Взоры отца устремлены вверхъ—онъ

Digitized by Google

молитъ Творца, чтобъ сынокъ его росъ ему на радость, чтобъ о
въ будущемъ крѣпко держался спасительныхъ ученій Торы. Сверх
изъ арокъ женскаго отдѣленія, съ любопытствомъ выглядываютъ мат
и родственницы. Присутствующіе въ синагогѣ мужчины мало заин
тересованы этимъ зрѣлищемъ и равнодушно бесѣдуютъ между собою
На возвышеніи около фигуры отца синагогальный служка, кантор
и задумавшійся отецъ торы. На перилахъ свертокъ съ надписью
«На долгую хорошую жизнь. Аминъ».

«*Экзаменъ*». Мальчуганъ явился въ праздничный день к
раввину съ просьбой провѣрить его познанія, пріобрѣтенныя им
въ хедерѣ. Умный старикъ-раввинъ, оставивъ свои талмудическ
фоліанты, въ которые былъ погруженъ, экзаменуетъ его, серьезно
вслушиваясь въ бойкіе отвѣты способнаго мальчугана. Дочь рав
вина присутствуетъ при этомъ, любуясь ясными отвѣтами и приго
товивъ мальчугану въ награду блюдечко съ фруктами. Стѣны ком
наты уставлены книгами. Выраженіе лицъ передано прекрасно.

«*Баръ мицво*». Семья празднуетъ религіозное совершеннолѣті
любимца-сына, которому минуло 13 лѣтъ; съ сегодняшняго дня отец
болѣе не отвѣтственъ за грѣхи отрока, который отнынѣ наравнѣ
съ взрослыми несетъ отвѣтственность за свои поступки. Пригла
шены родные и гости, во главѣ съ раввиномъ, занимающимъ по
четное мѣсто въ глубокомъ креслѣ, слушаютъ рѣчь, которую чи
таетъ юноша. Старый равви, приподнявъ голову, съ глазами, устрем
ленными вверхъ, съ радостнымъ лицомъ вслушивается въ остроум
ные обороты рѣчи (дроше) черноглазаго маленькаго оратора. Маль
чикъ, стоя у стола съ угощеніями, одной рукой опирается на книгу
а другой, приподнятой, жестикулируетъ какъ бы подчеркивая
свои слова. Счастливые родители усѣлись около своего любимца.
Мать не спускаетъ глазъ съ него, а отецъ слѣдитъ за выраженіемъ
лица раввина. Между отцомъ и раввиномъ стоитъ учитель (ребе),
руками опираясь о спинку стула; голова его опущена; онъ желаетъ
скрыть выраженіе радости; онъ не мало потрудился, обучая маль
чика, и вотъ теперь сказывается блестящій результатъ.

Около стола суетится прислуга, стараясь не нарушить вниманія
слушающихъ.

«*Свадьба*». На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, мальчики
поддерживаютъ балдахинъ (хупа), подъ которымъ стоитъ молода
парочка, одѣтая по модѣ того времени. Раввинъ кончаетъ чтені
«брачнаго» договора (ксуба), и женихъ готовится одѣть перстен
своей невѣстѣ. Около нихъ родные, канторъ и синагогальный служка
успокаивающій громко разговаривающихъ мальчиковъ. На лѣстницѣ

Digitized by Google

ведущей въ квартиру, стоитъ скрипачъ-виртуозъ и бадхенъ (шутъ). Около раввина мальчикъ съ подносомъ и двумя бокалами вина.

«*Годовщина смерти родителей*». Въ полуразрушенной, послѣ бомбардировки, деревенской избѣ, въ побѣжденной французской деревнѣ, собралось десять человѣкъ евреевъ-офицеровъ и солдатъ русской арміи помолиться въ годовщину смерти родителей одного изъ нихъ. Среди воиновъ нѣсколько раненыхъ, съ повязками. Полковой врачъ-еврей вслушивается въ знакомыя ему съ дѣтства слова молитвы, которую въ слухъ читаетъ офицеръ; у столика, изображающаго амвонъ, зажжена свѣча въ память покойнаго. Религіозное чувство соединило ихъ всѣхъ. Рядомъ молятся солдатъ и офицеръ; трое офицеровъ читаютъ одинъ молитвенникъ. Молодой, стройный, вольноопредѣляющійся усердно шепчетъ святыя слова. Онъ дома оставилъ любимыхъ родителей, что съ ними теперь? Да хранитъ ихъ Богъ! Около шкафа съ гипсовой фигурой Наполеона III изъ окна выглядываютъ двѣ крестьянки, заинтересовавшіяся молитвеннымъ собраніемъ непріятельскихъ воиновъ.

«*Возвращеніе вольноопредѣляющагося*». Молодой гусаръ вольноопредѣляющійся, съ раненной рукой на повязкѣ, неожиданно вернулся въ субботній день домой. Послѣ первыхъ объятій пошли распросы, и онъ радостно и отрывисто разсказываетъ о видѣнномъ и перенесенномъ имъ. Отецъ прижался къ его плечу, ему не вѣрится, что его любимый сынъ вернулся и уже съ нимъ въ его домѣ. Старшая сестра обняла героя и вмѣстѣ съ остальными слушаетъ его разсказы.

На первомъ планѣ мать, высокая, стройная, красивая женщина, сочувствовавшая желанію сына отправиться вольноопредѣляющимся на войну съ врагомъ отечества. Она съ гордостью слушаетъ его, радуясь знаку отличія, красующемуся на груди сына, и собираясь угостить его на славу. Юноша, младшій братъ, съ любопытствомъ приблизился къ углу, гдѣ сложена амуниція. Любопытство превозмогаетъ страхъ, и онъ пробуетъ дотронуться до блестящихъ ноженъ шашки.

Художникъ выразилъ въ этой картинѣ съ особенной яркостью и искусствомъ нѣкоторыя переходныя стадіи на рубежѣ стараго и новаго поколѣнія, символически выраженныя въ поникшей головѣ старика-отца и высоко поднятой головѣ сына (впервые—безъ традиціонной шапки). Картина повѣствуетъ о лучѣ свободы, озарившемъ новое время среди мрака проходящаго стараго времени.

Эта картина написана въ 1837 г. и съ большимъ успѣхомъ фигурировала на художественной выставкѣ въ Карлсруэ. Баденскіе евреи пріобрѣли ее и поднесли, какъ почетный подарокъ, еврей-

Digitized by Google

скому національному патріоту Гавріилу Риссеру, борцу за гражданскія права и за просвѣщеніе своего народа. Получивъ эту картину, Риссеръ писалъ: «Съ восторгомъ смотрю я на это произведеніе и горжусь тѣмъ, что оно теперь принадлежитъ мнѣ. Художникъ выразилъ въ ней мысль, которая занимаетъ меня уже много лѣтъ».

Въ 1845 г. германскія еврейскія общины заказали Оппенгейму большую картину для поднесенія Императору Николаю Павловичу въ знакъ признательности русскому государю за его заботливость объ улучшеніи быта русскихъ евреевъ посредствомъ просвѣщенія; картина должна была изображать «возсіяніе новаго дня для русскихъ евреевъ».

Въ 1853 г. на художественной выставкѣ въ Франкфуртѣ появилась его чудная картина «Три кольца»—на извѣстную тему изъ Лессинговскаго «Натана Мудраго».

Оппенгеймъ дожилъ до глубокой старости. Онъ умеръ 26 февраля 1882 г., всѣми любимый и глубокоуважаемый. Онъ похороненъ въ его родномъ городѣ Генау.

М. Іоффе.

Digitized by Google

Среди чужихъ.

РОМАНЪ.

*Макса Віола**).

I.

Медленно спускались сумерки весенняго вечера на старую заброшенную деревню. Тихо кругомъ, какъ будто все вымерло. Обитатели, повидимому, всѣ заняты у себя дома, и нынѣ раньше обыкновеннаго изъ всѣхъ оконъ проникаетъ на улицу свѣтъ.

Старикъ маленькаго роста, съ морщинистымъ лицомъ, обрамленнымъ бѣлоснѣжной бородой, шагаетъ понуря голову и правой рукой опираясь на крѣпкую палку. Онъ прошелъ по длинной улицѣ, образуемой съ одной стороны рядомъ маленькихъ домиковъ, а съ другой—почти высохшимъ ручьемъ. Отсюда онъ выходитъ на площадь, окруженную неправильно расположенными убогими постройками, затѣмъ поворачиваетъ влѣво, черезъ короткій деревянный мостикъ, въ самую крайнюю улицу деревни, и вскорѣ выходитъ на чистое поле, гдѣ между застроенной площадью и холмистыми лугами начинается большая дорога. Тутъ онъ замедляетъ шагъ и идетъ неторопливо, какъ бы считая свое путешествіе вообще безполезнымъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается въ нерѣшительности, затѣмъ снова дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и, наконецъ, у края дороги усаживается на дорожную тумбу и низко опускаетъ голову на руки.

Онъ думаетъ: зачѣмъ собственно онъ здѣсь? Вѣдь все напрасно! Черезъ десять или двадцать минутъ прійдетъ омнибусъ, который привозитъ пассажировъ съ желѣзно-дорожной станціи, до которой отсюда, изъ Лакенбаха, три часа ѣзды,—и того, кого онъ такъ нетерпѣливо ждетъ, не окажется подъ полотняной крышей стараго фургона.

Пока онъ такъ сидѣлъ, погруженный въ свои мысли, вдали раздался звонъ бубенчиковъ. Старикъ поднялся съ тумбы и зашагалъ обратно въ деревню,—медленно, чтобы его могъ догнать омнибусъ. Онъ не хотѣлъ дать кучеру повода къ любопытству; пусть онъ думаетъ, что докторъ возвращается домой отъ больного. Онъ былъ уже у первыхъ домовъ деревни, когда его нагналъ тяжеловѣсный фургонъ. Онъ крикнулъ кучеру:

— Ну, Іокль, много пассажировъ?

— Одинъ единственный!

— Только? Кто же это?

— Молодой баринъ Гакеръ, который учится въ Эденбургѣ.

— Маленькій Гакеръ? И больше никого?

— Больше никого!

---

*) Переводъ съ нѣмецкаго

Digitized by Google

— Ну, покойной ночи, Іокль!

— Покойной ночи, господинъ докторъ!

Фургонъ медленно загромыхалъ дальше, и бубны, на шеяхъ лошадей, устало зазвонили свою меланхолическую мелодію. Старый докторъ, притворившійся спѣшащимъ домой отъ больного, постепенно замедлилъ шаги и, наконецъ, дойдя до средины деревенской улицы, остановился среди пыли. Уныло опустивъ голову на грудь, онъ углубился въ свои старыя думы.

Что будетъ съ его бѣдной внучкой? Она единственное его сокровище на землѣ. Жена его, дочь, зять—всѣ давно умерли; братъ, оставившій еврейство лѣтъ сорокъ назадъ, тоже умеръ для него. У него никого не осталось, кромѣ внучки, которая у него воспитывается. Онъ бережъ ее какъ зѣницу ока. Она расцвѣла какъ пышная роза, а теперь ледяная атмосфера, которая ее окружаетъ, грозитъ убить нѣжный цвѣтокъ. Послѣдняя надежда исчезла. Онъ написалъ ея жениху письмо, въ которомъ поступившись своей гордостью, умолялъ, заклиналъ его всѣмъ святымъ не дѣлать несчастною эту дѣвушку, которая любитъ его всей душой. Приближается Пасха, и ему, свободному студенту, слѣдуетъ пріѣхать сюда хоть на одинъ день, на одинъ часъ И вотъ, Пасха уже наступила, омнибусъ привезъ со станціи послѣдняго пассажира, а его нѣтъ. Онъ даже не счелъ нужнымъ отвѣтить на письмо.

Съ глубокимъ вздохомъ докторъ направился дальше. Онъ чувствовалъ тупую боль въ головѣ и не хотѣлъ явиться въ такомъ настроеніи къ своей внучкѣ. Онъ добрался до синагоги. Тутъ оказались въ сборѣ всѣ еврейскіе обыватели деревни. Онъ не хотѣлъ обнаружить свою печаль и съ поднятой головой прошелъ на свое мѣсто. Это былъ моментъ, когда канторъ не поетъ, а вся община громко читаетъ молитвы. Благочестивые прихожане старались превзойти другъ друга въ молитвенномъ экстазѣ и выкрикивали слова, сопровождая ихъ сильными тѣлодвиженіями. Старый докторъ опустился на свой стулъ. Онъ давно чувствовалъ потребность излить свою душу въ молитвѣ, помолиться за свою внучку. Но шумъ, стоявшій въ храмѣ, портилъ его благоговѣйное настроеніе, и онъ сидѣлъ молча, разсматривая старыя сѣрыя стѣны и убогое убранство маленькой синагоги. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ онъ, маленькимъ ребенкомъ, здѣсь впервые научился молиться. Вотъ тамъ, возлѣ амвона, было мѣсто его отца. Раввинъ тогда экзаменовалъ его и остался доволенъ его познаніями. Тогда всѣ еще были вмѣстѣ; его отецъ и мать, оба брата, родственники. А теперь онъ одинъ со своей несчастной внучкой.

Докторъ судорожно сжалъ молитвенникъ, стараясь сосредоточиться. Канторъ у амвона читалъ молитву за упокой души усопшихъ. Это значило, что богослуженіе кончается. Скоро всѣ стали уходить изъ синагоги. Онъ вышелъ однимъ изъ послѣднихъ.

Пройдя синагогальный дворъ, онъ вышелъ на длинную улицу, въ верхней части которой, возлѣ аптеки, находился его домъ. Онъ съ живостью, свойственной ему въ обыкновенное время, прошелъ корридоръ. Матильда не должна знать, что онъ ходилъ встрѣчать ея жениха. Онъ напустилъ на себя веселость и вошелъ въ комнату съ радостнымъ праздничнымъ привѣтомъ. Матильда поспѣшила къ нему изъ смежной комнаты и подставила лобъ для поцѣлуя. Онъ шутливымъ тономъ изви-

Digitized by Google

ися, что опоздалъ,—онъ былъ въ синагогѣ, гдѣ остался до конца бо-луженія. Разговаривая, онъ быстрымъ испытующимъ взглядомъ оки-лъ внучку, и ему сразу стало свѣтло на душѣ. Развѣ она блѣдна и стна? Нисколько! Правда, въ ея глазахъ мелькаетъ что то мрачное, стное. Но лицо у нея свѣжее, здоровое, а на губахъ играетъ радост-я улыбка. Онъ ее давно не видалъ такою. Съ удивленіемъ маленькій ричекъ разглядывалъ высокую красавицу. Возможно ли, чтобы за-дный студентъ не преклонился предъ такой сіяющей красотой? Вѣдь —принцесса, ей за принца надо выйти, а не за бѣднаго студента.

— Что ты меня такъ разсматриваешь, дѣдушка?

— Разсматриваю? Я нахожу, что ты совсѣмъ дурнушка.

— Это мило! Дѣдушка начинаетъ мнѣ дѣлать комплименты!

— Комплименты? И не думаю! Я говорю прямодушно: ты уродлива... нако, что ты мнѣ дашь къ ужину?

— Рыбу, дѣдушка,—вѣдь нынче Пасха... Потомъ жареный цыпленокъ тортъ. При этомъ бутылка вина, изъ тѣхъ, что тебѣ подарилъ фонъ-ртенштейнъ.

— Превосходно, дѣтка! А, у тебя и серебряные подсвѣчники на олѣ! И большая лампа зажжена! Великолѣпно! Но зачѣмъ ты спустила навѣсы на окнахъ?

— Чтобы прохожіе не видѣли, что у насъ не пасхальный столъ. У съ даже опрѣсноковъ нѣтъ. Тебѣ люди простятъ, потому что ты ачъ. Но все таки, зачѣмъ бравировать нарушеніемъ обычаевъ!

— Ты права! Однако давай кушать. Я проголодался.

Молодая смазливая служанка принесла блюда, и докторъ принялся за кинъ. Матильда по обыкновенію ѣла мало.

— Что тутъ было новенькаго безъ меня?—спросилъ докторъ.

— Ничего. Время какъ то быстро пролетѣло. Впрочемъ, приходилъ асильщикъ.

— Опять клянчилъ?

— Что же дѣлать, у него внучка больна, къ Пасхѣ въ домѣ ни-го нѣтъ...

— И ты разжалобилась, опять отдала ему свои гроши, хотя онъ бѣ недавно такъ нагрубилъ.

— Онъ плакалъ.

— Онъ всегда плачетъ, когда онъ пьянъ. Такія вещи мнѣ часто иходится видѣть. Впрочемъ, бѣднякъ, когда онъ боленъ или ему ть нечего, всегда плачетъ. Слезы это главный мой гонораръ за врачеб-е труды. Съ этими людьми истинное горе. У кого еще оставалось ть грошей въ карманѣ, тотъ убѣжалъ отсюда, чтобы не заразиться щей нищетой. Здѣсь остались одни нищіе. Хорошо еще, что помѣщикъ троилъ даровую столовую для дѣтей.

— И тѣмъ не менѣе они не любятъ фонъ-Гартенштейна. Онъ имъ жется слишкомъ гордымъ, онъ никогда не ходитъ въ синагогу. Если ъ нужно что нибудь, они скорѣе обращаются къ тебѣ, чѣмъ къ нему.

— Не будь Гартенштейнъ еврей, они бы ему руки цѣловали и счи-ли его благодѣтелемъ, а такъ какъ онъ еврей, то его считаютъ гор-мъ, заносчивымъ. Его благодѣянія они принимаютъ такъ, какъ будто ъ обязанъ это дѣлать. Они проникнуты убѣжденіемъ, что зажиточный

Digitized by Google

еврей обязанъ помогать бѣднымъ соплеменникамъ и, если этого не лаетъ, то не достоинъ называться евреемъ.

Ужинъ кончился. Матильда помогла служанкѣ убрать со стола, докторъ, закуривъ сигару, видимо углубился въ чтеніе газеты. Затѣ Матильда сѣла тутъ же съ книгою. Читала ли она? Докторъ наблюд за нею. Она смотрѣла въ книгу, но мысли ея, должно быть, были леко, тамъ, въ Вѣнѣ... Она, должно быть, думаетъ объ этомъ негодя При этой мысли доктора снова охватила тоска, угнетавшая его уже сколько мѣсяцевъ. Да, онъ ошибся, когда предъ тѣмъ призналъ ее с койною. Она дѣствительно блѣдна, и сдержанная грусть сквозитъ въ губахъ... У него газета затряслась въ рукахъ. Ему хотѣлось вскочи заговорить съ нею о томъ, что его волновало, утѣшить ее, сказать что онъ приведетъ ея жениха, приведетъ, если это понадобится, сильно...

II.

Доктора Гутмана уже нѣсколько недѣль занимала идея—отправить въ Вѣну, чтобъ объясниться съ женихомъ его внучки. Онъ должен лично убѣдиться въ перемѣнѣ настроенія молодого медика, лично у стовѣриться, что этотъ человѣкъ, которому онъ уже нѣсколько лѣтъ ставляетъ средства къ жизни, такъ безчестно, безъ всякаго повода, ост вилъ дѣвушку, которая его такъ горячо любила. Но два обстоятельст удерживали старика отъ путешествія. У него уже съ мѣсяцъ былъ рукахъ тяжелый больной въ помѣщичьей усадьбѣ, сынъ управляюща имѣніемъ. А затѣмъ ему трудно было пріискать благовидный предло для поѣздки. Матильда не должна подозрѣвать, что онъ ѣдетъ въ Вѣн Она бы сейчасъ догадалась, что онъ хочетъ розыскать тамъ ея жени и просить его вернуться къ ней, а это оскорбило бы ея достоинств Ему осталось выждать какой нибудь случай, чтобы поставить цѣ своей поѣздки внѣ всякихъ подозрѣній.

Онъ всталъ, по своему обыкновенію, рано утромъ, чтобы посѣтит своихъ больныхъ. Въ послѣднихъ въ Лакенбахѣ никогда не было н достатка. Голодъ, горе и заботы изнурили жителей, и особенно сред дѣтей свирѣпствовали многочисленныя болѣзни. Ближе всѣхъ по пут жилъ Авраамъ Розенбергъ, жена котораго ужъ много лѣтъ страдала п дагрой, а младшая дочь, 14-ти лѣтняя дѣвушка, имѣла порокъ сердца ужъ 8 дней не вставала съ постели. У Розенберга голодъ также бы частымъ посѣтителемъ, потому что его заработокъ сельскаго коробейни былъ очень плохъ. Докторъ Гутманъ долженъ былъ тутъ помогать н только медицинскими совѣтами, но подчасъ и нѣкоторой суммой денег На гонораръ онъ никогда не могъ здѣсь разсчитывать, точно такъ ж какъ у большинства его остальныхъ паціентовъ; вѣдь многіе изъ них не знали, гдѣ добыть кусокъ хлѣба для своихъ дѣтей. Благодаря этом обилію горя, которое ему ежедневно приходилось видѣть, докторъ грусте шагалъ по деревнѣ, обходя своихъ больныхъ.

Какъ жалко, какъ ветхо все смотрѣло на этихъ маленькихъ углов тыхъ улицахъ! Нѣкоторые маленькіе домишки совершенно походили развалины; дождь и солнечные лучи безпрепятственно проникали чере крыши; иные совершенно покинуты ихъ обитателями и стоятъ тут

Digitized by Google

теперь сиротливо; половинки оконъ свободно висятъ въ своихъ рамахъ, двери вырваны, балки клонятся къ землѣ, а половицы, по которымъ въ лучшія времена ходили веселые люди, валяются теперь у порога.

Около середины этого столѣтія Лакенбахъ представлялъ богатую, цвѣтущую мѣстность, самую богатую и важную изъ семи еврейскихъ общинъ, основанныхъ во времена нетерпимости въ имѣніяхъ князя Эстергази. Торговля процвѣтала, оборотъ былъ великъ, въ праздники «улица» кишѣла богато и празднично разодѣтыми людьми; женщины, тѣсными рядами сидѣвшія на Новый годъ въ синагогѣ, блистали золотомъ и шелкомъ. Торговцы отправлялись съ десятью и болѣе телѣгами на ярмарки въ Брюннъ, Пештъ и даже въ Лейпцигъ. Они возили туда сотни центеровъ шерсти, кожи, виннаго камня, и возвращались домой съ туго набитыми мѣшками. Они привозили женамъ изъ чужихъ краевъ золотые чепцы, индійскія шали, тяжелыя шелковыя платья, а въ праздники они теряли голову отъ избытка довольства и счастья. Мееръ Штеслъ пригласилъ къ себѣ однажды тридцать почтеннѣйшихъ членовъ общины къ ужину и напоилъ ихъ всѣхъ допьяна настоящимъ токайскимъ; тамъ было двадцать сортовъ лучшей рыбы, а серебряные подсвѣчники не стояли, какъ у другихъ богачей, на столахъ, нѣтъ, они были такъ высоки, что, стоя на полу, выступали надъ столомъ. Коробейники отправлялись со своими тяжелыми тюками въ Штирію, Верхнюю Австрію и Тироль, и даже доходили до Баваріи. Тогда каждая крестьянская дѣвка, если ей нужно было на два геллера нитокъ, еще не мчалась къ оптовщику въ городъ. Богатые помѣщики, даже баронессы, преспокойно оставались дома и откладывали свои покупки въ ожиданіи своихъ придворныхъ евреевъ. И если еврей приходилъ только два раза въ годъ, онъ всегда могъ разсчитывать на хорошій доходъ; отъ его товара у него почти ничего не оставалось непроданнаго. И домой въ Лакенбахъ онъ приносилъ къ праздникамъ не только наличныя деньги, но подчасъ и колечко съ драгоцѣннымъ камнемъ, старыя золотыя монеты, серебряныя коробки, бокалы, золотыя нити, что вымѣнили по пути.

Все это давно минуло, давно! Желѣзныя дороги отвлекли торговлю, и большіе караваны телѣгъ, отправлявшіеся въ прежнія времена на ярмарки въ Брюннъ и Лейпцигъ, исчезли. Тѣ, которые еще обладали кой-какимъ имуществомъ, оставили деревню и переселились въ города, и только бѣдняки, прикованные голодомъ, остались на родной землѣ. Самыя дорогія мѣста въ синагогѣ, которыми гордились когда-то богатые купцы, теперь потеряли всякую цѣнность, и ими пользуются ободранные коробейники, а на главной «улицѣ», гдѣ когда-то царили веселый смѣхъ и сильное движеніе, теперь даже въ праздники мало людей. Все стало иначе, чѣмъ было когда-то; ничто болѣе не напоминаетъ блеска и богатства, и только на тихомъ кладбищѣ, на лугу, царитъ краснорѣчивое молчаніе, говорящее о прежнемъ величіи, о прежнемъ блескѣ.

Жители деревни всегда грустны и несчастны. Они ужъ не ѣздятъ теперь со своими товарами въ Тироль и Баварію, они теперь странствуютъ по окрестнымъ деревнямъ, чтобъ вымѣнить платокъ или нѣсколько локтей матеріи—на нѣкоторое количество хлѣба, на заячій мѣхъ или на нѣсколько куръ. Они странствуютъ чрезъ лѣса и долины, бѣдные, поруганные евреи, въ то время какъ дома ихъ жены смотрятъ за хозяйствомъ, бѣднымъ жалкимъ хозяйствомъ, въ которомъ большей

Digitized by Google

частью недостаетъ самого необходимаго, гдѣ многочисленныя дѣти частенько ложатся спать голодными.

Бѣдность обитателей запечатлѣна на деревнѣ и отражается въ воздухѣ. Старыя, престарѣлыя воспоминанія изъ мрачнаго времени подкрадываются къ человѣческому сердцу при видѣ этого зрѣлища; старыя воспоминанія о человѣческой враждѣ, о расовой ненависти, о лицахъ, полныхъ страха и скорби, о бѣгущихъ, затравленныхъ, поруганныхъ дѣтяхъ Израиля.

«Но каждую пятницу вечеромъ
Въ сумерки, вдругъ
Исчезаетъ заклятье, собака
Становится снова принцессой».

Да, когда приближается суббота или праздникъ, тогда бѣдный коробейникъ, закутанный въ лохмотья, превращается въ человѣческое существо, въ блестящаго принца. А теперь они празднуютъ Пасху. Весеннее солнышко сіяетъ весело, кротко, празднично, улыбается деревнѣ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ покосившіеся дома, проникаетъ въ бѣдныя скорбныя сердца. Заботы и труды, униженіе и издѣвательства всей недѣли забыты, и по улицѣ шагаютъ мужчины въ своихъ хорошихъ платьяхъ и любезно раскланиваются другъ съ другомъ. Передъ синагогой Берль Зингеръ и Рувимъ Кацъ окружены людьми. Сперва выступаютъ на очередь свѣтскія и семейныя новости, потомъ разговоръ переходитъ въ общій споръ о жалованіи раввину и о необходительности кантора, который вѣчно враждуетъ со своимъ помощникомъ. Ужъ настроенія возбуждены, но тутъ раздается сигналъ, что начинается богослуженіе. И вотъ все спѣшитъ въ синагогу, и только малыя дѣти остаются на дворѣ, пачкаютъ свои праздничныя платья. А когда богослуженіе кончается, мужчины спѣшатъ къ выходу и ожидаютъ своихъ женъ, которыя, одѣтыя въ свои лучшія платья, возбужденныя своимъ общеніемъ съ Богомъ и различной интересной болтовней, съ веселыми глазами, спускаются съ лѣстницы, держа въ рукахъ молитвенникъ и бѣлый носовой платокъ. И по дорогѣ домой онѣ разсказываютъ другъ другу, что за золотой человѣкъ раввинъ и какъ каждое слово его сегодняшней проповѣди было алмазомъ, жемчужиной. А послѣ обѣда дѣвушки выходятъ изъ обветшалыхъ домовъ и прогуливаются по улицѣ, по берегу мелкаго ручейка красивыя стройныя дѣвушки въ полинялыхъ платьяхъ изъ дешевой немодной матеріи, граціозно подобравъ юбку въ лѣвой рукѣ. Бѣдность и горе, крѣпко державшія ихъ въ будни въ темныхъ низкихъ комнатахъ, свергнуты. Дѣвицы хихикаютъ и шепчутся, улыбаются и кокетничаютъ; онѣ говорятъ о Гейне и о любви, о «Колоколѣ» Шиллера и о прелестныхъ театральныхъ пьесахъ Коцебу. Онѣ оставили бѣдность и заботы въ сырыхъ комнатахъ, и вмѣстѣ съ прекрасными платьями онѣ вынули изъ сундуковъ и образованіе. Онѣ выражаются красиво, отборнымъ языкомъ; ужасный будничный жаргонъ избѣгается: Блюмеле зовется сегодня Берта, а Фэйгеле—Фанни, и онѣ не спрашиваютъ другъ друга какъ въ жалкіе будни: «Zu was rennt uns dieser dumme Moische alleweil nach?» а онѣ спрашиваютъ на книжномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Wesshalb folgt uns dieser einfältige Moritz fortwährend?»

Но сегодня рѣчь идетъ не о Мойшѣ, и даже не о Гиршелѣ Бергманѣ, которыми дѣвушки, вотъ уже нѣсколько недѣль, занимаются во время своихъ

Digitized by Google

субботнихъ прогулокъ. Гиршель Бергманъ былъ гдѣ то на чужбинѣ и съ большой суммой денегъ (говорятъ о четырехъ тысячахъ гульденовъ) вернулся въ Лакенбахъ, чтобы остаться при своей старой матери. Онъ началъ торговать скотомъ, и дѣвушки почти исключительно имъ занимались, потому что онъ былъ въ настоящее время самымъ лучшимъ женихомъ въ Лакенбахѣ. Онѣ разсуждали о томъ, кому онъ дарилъ свою благосклонность, и кто имѣетъ наибольше шансовъ выйти за него замужъ. Онъ очень непостояненъ. Двѣ недѣли тому назадъ онъ ухаживалъ за Германой Канъ, а въ послѣдніе дни онъ вергѣлся около Регины Пахеръ. И вотъ Регина Пахеръ должна была сегодня составить предметъ зависти. Однако сегодня дѣвицы занимались другими болѣе важными вещами. Не было конца шепоту и таинственнымъ перемигиваніямъ. Дѣло то вотъ какое: Яковъ Эйдлитцъ былъ передъ праздниками въ Вѣнѣ и говорилъ съ Эмилемъ Розенбаумомъ, женихомъ Матильды, и вотъ Роза Эйдлитцъ разсказывала, что Розенбаумъ вовсе не скрываетъ, что онъ не женится на внучкѣ доктора: да, онъ почти помолвленъ съ другой дѣвушкой, дочерью одного милліонера! И теперь вопросъ: сказать ли это Матильдѣ или нѣтъ. Послѣ долгаго обсужденія было рѣшено хранить извѣстіе въ тайнѣ, прежде всего ради стараго доктора, который не допускалъ вмѣшательства въ его семейныя дѣла и сейчасъ брался за свою толстую палку.

— И у кого бы изъ васъ, вообще, хватило духу сообщить Матильдѣ такое извѣстіе?—спросила Гермина Канъ.—Развѣ она когда-нибудь была горда, не обходилась съ нами всегда любезно, не оказывала намъ услугъ при всякихъ случаяхъ?

— Такъ оно и есть,—отвѣтила Миріамъ Абелесъ, — она настолько же добра и благородна, насколько она красива.

— У меня явилась мысль, — замѣтила Берта Клингеръ,—Матильда теперь свободна, а Гиршель Бергманъ ищетъ жену, мы бы, можетъ быть, могли соединить этихъ двухъ.

— Что тебѣ приходитъ въ голову? — воскликнула Регина Пахеръ презрительно, — Матильда и Гиршель Бергманъ! Она не возьметъ его, будь онъ изъ золота. Она со своимъ образованіемъ! Вѣдь она говоритъ даже по англійски, а Гиршель торгуетъ скотомъ!

— Теперь я знаю, почему она такъ нехорошо выглядитъ послѣднее время—сказала Маріамъ Абелесъ.—Вѣроятно, она ужъ подозрѣваетъ, что Розенбаумъ болѣе не вернется въ Лакенбахъ.

— Постойте, я знаю, что намъ дѣлать,—начала Роза Эйдлитцъ. На будущей недѣлѣ мой отецъ опять ѣдетъ въ Вѣну, и вотъ онъ долженъ розыскать Розенбаума и развѣдать имя и адресъ его невѣсты. И когда мы будемъ знать адресъ, я ей напишу письмо, которое мы всѣ составимъ, всѣ дѣвушки Лакенбаха должны его подписать. И въ письмѣ будетъ написано, что Розенбаумъ покинулъ свою невѣсту, самую красивую, самую благородную, самую милую и самую добрую дѣвушку во всемъ округѣ. И онъ ее покинулъ потому только, что она не очень богата. И мы напишемъ, что она не будетъ счастлива, если выйдетъ за Розенбаума, что мы всѣ будемъ ее проклинать и что она, если она хорошая еврейка, должна отказать Розенбауму и заставить его вернуться къ его обрученной, и если она это сдѣлаетъ, то она въ теченіе всей своей жизни будетъ счастлива и любима Богомъ и людьми.

Digitized by Google

— Великолѣпно!—воскликнула маленькая Амалія Грюнъ.—Мы в подпишемъ письмо.

— Что, любовное письмо?

Дѣвушки въ ужасѣ разступились, потому что это произнесъ Ги шель Бергманъ, который подкрался и подслушалъ послѣднія слов Это былъ депутатъ отъ молодыхъ людей, которые не могли себѣ об яснить, почему дѣвушки сегодня ихъ не замѣчаютъ. Сегодня дѣвуш расхаживали взадъ и впередъ по берегу ручья, а молодые люди гуля вдоль домовъ, между тѣмъ какъ въ другое время дѣвицы кокетнича съ ними и мало по малу ихъ перетягивали къ себѣ. Гиршель Бергман самый смѣлый изъ мѣстной мужской молодежи, рѣшился развѣдать пр чину и тихонько подкрался близко къ дѣвушкамъ.

— Ну, кому Малкеле Грюнъ хочетъ писать любовное письмо Можетъ быть мнѣ?—спросилъ онъ.

— Какъ бы не такъ!—возразила Роза Канъ.—Вѣдь твоя мать ра сказываетъ, что ты долженъ жениться на принцессѣ, и вскорѣ такова будетъ для тебя нарочно испечена.

— Не будь такая колкая, Роза—жизнь моя! Ты бы тоже желал быть этой принцессой!

— Испеченой принцессой? Для тебя бы достаточно и жаренаго бычка.

Дѣвицы расхохотались, и это ободрило молодыхъ людей, прислушивавшихся издали Они подошли поближе и вмѣшались въ разговоръ; прогулка начала понемногу принимать обычную форму, парочки, связанныя взаимной симпатіей, нашли другъ друга. Заговорили опять о «Колоколѣ» Шиллера, о «Pachter Feldkümmel» Коцебу и о любви. Молодежь гуляла до тѣхъ поръ, пока появились первыя звѣзды на небѣ, и Монесъ, синагогальный «колотильщикъ», показался на улицѣ, остановился среди пыли и кликнулъ кличъ—собираться къ поздней вечерней молитвѣ.

Ш.

Докторъ Гутманъ уже два раза послѣ обѣда былъ въ усадьбѣ, чтобъ провѣдать своего паціента. Онъ прошелъ мимо хозяйственныхъ строеній, и его взоръ съ удовольствіемъ остановился на нихъ. Какъ въ деревнѣ все говорило о бѣдности и нуждѣ, такъ здѣсь все обнаруживало богатство и довольство. Зданія были прочныя, построенныя изъ кирпича; даже сараи и конюшни, высокіе со сводами, глядѣли такъ весело, какъ ни одно людское жилище внизу, въ деревнѣ. Хотя уже почти была весна, однако на гумнѣ еще были стога сѣна и соломы, знакъ, что здѣсь не знали нужды.

Лакенбахъ составлялъ обширное помѣстье, въ которомъ поддерживалось образцовое хозяйство. Вѣнскому банкиру, Гартенштейну, посчастливилось съ покупкой этого имѣнія, какъ удавались ему всѣ предпріятія, сдѣлавшія его многомилліонщикомъ. И все же онъ хотѣлъ продать Лакенбахъ, потому что онъ не зналъ раньше, что смежная деревня почти сплошь заселена евреями, а съ этими онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Еврей самъ, онъ старательно избѣгалъ своихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ, потому что онъ занялъ слишкомъ хорошее, даже блестящее, положеніе, чтобы онъ могъ помнить свое происхожденіе и чтобы его могли присоединять къ этимъ деревенскимъ коробейникамъ. И онъ отнюдь

Digitized by Google

е былъ доволенъ, что его сынъ Генрихъ любилъ это имѣніе и не хо-
ѣлъ отказаться отъ него. Отецъ неоднократно приглашалъ сына въ
ѣну, чтобы онъ тамъ остался и вращался въ знатномъ обществѣ.
олодой Гартенштейнъ, пріѣзжая въ столицу, всегда исчезалъ оттуда че-
езъ нѣсколько дней и появлялся опять въ Лакенбахѣ. По этому поводу
ежду отцомъ и сыномъ часто происходили споры и, они вообще были
е въ ладу. Идя изъ квартиры управляющаго, докторъ Гутманъ направ-
ился къ большому англійскому парку, въ серединѣ котораго возвышал-
я вновь построенный великолѣпный павильонъ. Слуга доложилъ о немъ,
онъ вошелъ въ рабочую комнату Гартенштейна, убранную съ большимъ
кусомъ. Господинъ Гартенштейнъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій и
илистый, съ обрамленнымъ короткой темной бородкой, правильнымъ ли-
омъ, на которомъ свѣтились умные пламенные глаза, встрѣтилъ его
чень привѣтливо и протянулъ ему обѣ руки:

— Что хорошенькаго, докторъ? Приходите вы на этотъ разъ съ пріятнымъ извѣстіемъ?

— Къ сожалѣнію и на этотъ разъ нѣтъ, господинъ Гартенштейнъ. Плохо съ сыномъ управляющаго, и я пришелъ просить васъ пригласить доктора Бахера изъ Эденбурга, потому что необходима операція.

— Вы предупредили его отца?

— Да, я его предупредилъ.

Гартенштейнъ позвонилъ слугу и велѣлъ запречь лошадей и послать акея въ Эденбургъ за докторомъ Бахеромъ.

Слуга поклонился и пошелъ исполнить приказъ.

— А теперь я провожу васъ внизъ, въ деревню,—сказалъ Гартенштейнъ доктору,—вѣдь сегодня пятница, и я хотѣлъ бы тоже пріобщиться немного къ праздничному настроенію, которое царитъ теперь у всѣхъ обывателей.

Докторъ улыбнулся.

— Вы думаете, я шучу? Нѣтъ-же! Если вы меня никогда не видите въ синагогѣ, и если я мало чту наши обряды, то тѣмъ не менѣе я считаю себя добрымъ евреемъ.

— Вы, господинъ Гартенштейнъ, добрый еврей?

— Да! Еврейство сидитъ въ моемъ сердцѣ, въ моей душѣ, и какъ ни странно это будетъ звучать: я, который наружно ни въ чемъ не выказываю своего еврейства, я считаю себя лучшимъ евреемъ, чѣмъ тѣ многіе, которые ежедневно цѣлыми часами сидятъ склонившись надъ Талмудомъ и заботливо исполняютъ самые странные обычаи.

Разговаривая, они достигли деревни и находились теперь на длинной улицѣ, гдѣ пожилые люди сидѣли у входныхъ дверей и вели другъ съ другомъ оживленные разговоры, въ то время какъ дѣвушки и молодые люди разгуливали взадъ и впередъ по берегу ручья, Обыватели кланялись Гартенштейну, но не съ поклоненіемъ, а съ нѣкоторой неохотой. Онъ, хотя очень богатъ, не внушаетъ имъ чрезмѣрнаго почтенія, потому что степень богатства, за предѣлами извѣстной суммы, для нихъ не имѣетъ уже значенія: у кого есть двадцать тысячъ гульденовъ, тотъ «чрезвычайно» богатъ, а у кого пять милліоновъ, тотъ также „чрезвычайно“ богатъ. Тутъ уже все уравнивается.

Еще меньше вниманія оказали Гартенштейну прогуливавшіяся дѣвушки. Онѣ гораздо болѣе позировали передъ Гиршель Бергманомъ, по-

Digitized by Google

тому что этотъ имѣлъ только четыре тысячи гульденовъ, и еслибы он влюбился въ одну изъ нихъ, онъ бы, можетъ быть, женился на ней Гартенштейнъ же былъ отъ нихъ такъ далекъ, какъ будто онъ, вообще не былъ евреемъ.

Шагая медленно по улицѣ, они достигли до дома доктора, гдѣ Матильда сидѣла у воротъ и болтала съ двумя дѣвушками, заглянувшими къ ней съ «прогулки». При появленіи доктора и Гартенштейна обѣ дѣвушки смутились. Онѣ смолкли, покраснѣли, опустили взоры и, наконецъ, поклонившись наскоро, поспѣшили къ своимъ подругамъ.

Матильда поднялась и подала Гартенштейну руку. Она его пригласила зайти въ комнату, но онъ попросилъ позволенія остаться сидѣть у воротъ, такъ что были принесены еще два стула.

— Я пришелъ въ деревню заглянуть на праздникъ вблизи, — сказалъ онъ Матильдѣ, усѣвшись около нея.

— Немного у насъ увидите поучительнаго,—возразила она.—Бѣдные люди, которые послѣ многихъ трудовъ вздохнутъ нѣсколько свободнѣе, прячутъ заплаты своихъ платьевъ и дѣлаютъ видъ, будто имъ удѣлено достойное человѣка существованіе.

— Но когда я вижу тутъ этихъ людей, мнѣ все же кажется, что они счастливы!

— Сегодня они счастливы, — замѣтилъ докторъ,— но завтра всему конецъ. Они сдѣлали всевозможное, чтобы по крайней мѣрѣ въ праздники не дать голодать своимъ семействамъ. Но какъ только праздникъ кончается, они опять взваливаютъ свои тяжелые тюки на спину, и забота и нужда начинаются снова.

— Однако этимъ евреямъ еще далеко не такъ плохо, какъ евреямъ въ Польшѣ, — замѣтилъ Гартенштейнъ. Трудно себѣ представить бѣдность и горе, которыя тамъ можно видѣть.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ докторъ.

— Изъ личнаго наблюденія. Я скитался продолжительное время по Россіи и Польшѣ, чтобы познакомиться съ судьбой моихъ тамошнихъ единовѣрцевъ.

— Вы это говорите серьезно, господинъ Гартенштейнъ? — спросилъ докторъ.—Неужели васъ такъ сильно интересуетъ еврейство, что вы его считаете достойнымъ изученія?

Матильда спокойно слушала разговоръ ея дѣдушки съ Гартенштейномъ, но когда послѣдній сказалъ, что онъ ради изученія быта евреевъ былъ даже въ Россіи, на ея устахъ появилась насмѣшливая улыбка. Гартенштейнъ замѣтилъ это и, обратясь къ ней, серьезно сказалъ:

— Вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ?

Матильда покраснѣла до корней волосъ.

— Вы, дѣйствительно, хотѣли ознакомиться съ бѣдными евреями?— спросила она.

— Я думаю, вы меня достаточно знаете, чтобы мнѣ вѣрить.

Онъ, оскорбившись, замолчалъ, а Матильда въ замѣшательствѣ не знала, что отвѣтить.

— Какъ однако люди не умѣютъ цѣнить честныхъ намѣреній, — началъ онъ снова. — Видите-ли, фрейленъ Матильда, я полагалъ, что трудно поколебать ваше довѣріе ко мнѣ.

— Не сердитесь, господинъ Гартенштейнъ, — сказала она умоляю-

Digitized by Google

щимъ голосомъ. — Я дѣйствительно думала, что вы шутите. Какъ я могла предполагать, что вы, живя среди блеска и изобилія, воспитанный вдали отъ вашихъ единовѣрцевъ, обладаете сердцемъ, сочувствующимъ бѣднымъ евреямъ?

Она, въ знакъ примиренія, подала ему руку, которую онъ пожалъ съ чувствомъ.

— Прощено и забыто, если вы мнѣ обѣщаете, что между нами больше не будетъ недоразумѣній.

— Обѣщаю,— сказала Матильда.

— Въ такомъ случаѣ я могу вамъ сознаться, что я бы сегодня вечеромъ желалъ ужинать у васъ. Я жажду клецекъ, приготовленныхъ изъ пасхальной мацы. Могу я у васъ остаться?

— Конечно,—замѣтилъ докторъ,—но клецки вѣдь только одно блюдо. Понимаешь-ли ты меня, Матильда?

— Отлично, дѣдушка! Господинъ Гартенштейнъ долженъ получить не только клецки, но полный еврейскій пасхальный ужинъ. Но тогда я должна отлучиться, потому что дѣвушка не справится одна съ этими блюдами

— Ахъ, раньше, чѣмъ вы насъ оставляете, я лучше отступлю. Останьтесь же здѣсь, фрейленъ Матильда.

— Нѣтъ, нѣтъ! Впрочемъ, я еще могу здѣсь остаться, по крайней мѣрѣ, четверть часа. И если вамъ пріятно, даже нѣсколько больше.

— Развѣ я пришелъ бы сюда въ противномъ случаѣ?

Почти съ испугомъ Матильда взглянула ему въ лицо, но потомъ она опустила голову и застыла въ молчаніи.

Взоръ Гартенштейна испытующе остановился на Матильдѣ, но она, казалось, не замѣчала этого. Погруженная въ думу, она долго сидѣла тутъ, потомъ она вдругъ встала и ушла, сказавъ, что ей надо присмотрѣть въ кухнѣ.

Докторъ и Гартенштейнъ ходили взадъ и впередъ передъ домомъ; пока служанка доложила, что ужинъ поданъ.

Докторъ одинъ поддерживалъ разговоръ. Матильда за ужиномъ казалась подавленной какимъ-то горемъ и упорно молчала, а Гартенштейнъ дѣлалъ видъ, что онъ усердно занимается блюдами въ то время, какъ онъ за ней внимательно наблюдалъ и разсѣянно отвѣчалъ на вопросы доктора.

Убрали со стола, и оба мужчины уже курили свои сигары, когда постучались въ дверь, и вошелъ патеръ, завѣдывающій католическимъ богослуженіемъ въ Лакенбахѣ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти съ румянымъ ласковымъ лицомъ.

— Я былъ наверху, въ усадьбѣ,—сказалъ онъ, поклонившись,—я васъ искалъ, господинъ Гартенштейнъ, и такъ какъ мнѣ сказали, что вы ушли съ докторомъ въ деревню, то я пришелъ сюда.

— Вы такъ рѣдко приходите,—замѣтилъ докторъ, — я очень радъ видѣть васъ. Иди, дѣтка, и принеси еще бутылку,—сказалъ онъ Матильдѣ.

Патеръ опустился на кресло, тщательно срѣзалъ кончикъ сигары и, зажегши ее, обратился къ Гартенштейну:

— Я завтра утромъ ѣду въ Вѣну.

Гартенштейнъ ничего не отвѣтилъ.

— Я ѣду въ Вѣну,—началъ патеръ снова.—Само собой разумѣется,

Digitized by Google

я не премину навѣстить вашего отца. Ничего не имѣете, что ему не редать?

— О, да! я клапяюсь ему сердечно.

— И это все?—спросилъ патеръ.

— Больше, кажется, ничего!

— Мы, можетъ быть, мѣшаемъ? — замѣтилъ докторъ, — Мы вѣдь можемъ...

— Никоимъ образомъ!—воскликнулъ Гартенштейнъ и схватилъ руку доктора, принуждая его остаться.—У насъ нѣтъ никакихъ секретовъ. Мы уже столковались.

— Окончательно, господинъ Гартенштейнъ?—спросилъ патеръ.

— Окончательно, и это вы можете передать моему отцу. Видите ли, мнѣ-бы не хотѣлось васъ обижать. Съ вашей точки зрѣнія, вы, какъ священникъ, совершенно правы, но желаніе моего отца, навѣрное, не вызвано его убѣжденіемъ.

— Вы это точно знаете?

— Совершенно точно! Мой отецъ потому понуждаетъ васъ склонить меня къ крещенію, что ему будетъ даровано баронство, если онъ обратится въ католичество. Оставаясь евреемъ, онъ его не получитъ, и, такъ какъ самая высокая цѣль его жизни — стать барономъ, то онъ сейчасъ оставилъ бы еврейство, еслибы и я былъ готовъ на это. А такъ какъ я все отказываюсь, то онъ крайне несчастенъ. Вѣдь безъ меня онъ не можетъ креститься? Христіанскій баронъ, имѣющій сына еврея!..

— И если вы не совершите этого по убѣжденію, то ужъ изъ любви и уваженія къ вашему отцу вы должны бы принять католичество,—замѣтилъ патеръ.

— О, я бы это сдѣлалъ, когда я еще жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ я не сталкивался съ евреями и ихъ не зналъ. Но здѣсь, въ Лакенбахѣ, еврейство меня заинтересовало; я занялся имъ, я изучалъ его исторію съ большимъ прилежаніемъ и, чѣмъ болѣе я читалъ о его вѣковыхъ мукахъ, тѣмъ болѣе я принималъ эти муки близко къ сердцу. Исторія евреевъ сдѣлалась моей собственной исторіей, и теперь я по моимъ чувствамъ каждой фиброй моей души еврей. Что касается формъ моей религіи, догматовъ, то тутъ мое іудейство, конечно, полушки не стоитъ. Въ сущности, я такъ же мало іудей, какъ вы, потому что я много лѣтъ подъ рядъ не посѣщаю синагоги, не соблюдаю ни одного обычая іудейства, ни одного поста, даже великаго дня покаянія, того дня, который приводитъ въ синагогу самыхъ плохихъ евреевъ и побуждаетъ ихъ къ покаянію. Но, несмотря на все это, я еврей и не отдамъ моего еврейства ни за баронство, нѣтъ, ни за королевство даже; буквально: ни за королевство.

Гартенштейнъ остановился, и затѣмъ продолжалъ:

— Гдѣ причина тому, что я себя крѣпко приковываю къ еврейству? Можетъ быть, я это дѣлаю потому, что я знакомъ со страданіями моего народа, ведшаго въ теченіе многихъ вѣковъ жалкое мученическое существованіе. Съ начала крестовыхъ походовъ до нынѣшняго столѣтія по всякимъ поводамъ и безъ поводовъ тысячи евреевъ были умерщвлены, ограблены или изгнаны. Въ Ульмѣ, Мюнстерѣ, Страсбургѣ, Бреславлѣ, Аахенѣ, Прагѣ, Франкфуртѣ, да въ Германіи нѣтъ почти города, гдѣ бы ихъ не грабили, откуда бы ихъ не изгоняли.

Digitized by Google

е говорю уже объ Испаніи, гдѣ евреи были сожжены тысячами, бы бросилъ мое еврейство, какъ старую перчатку, еслибъ евреи ни-гда не были преслѣдуемы, еслибъ они всегда жили свободно и безпре-тственно, какъ католики. Но то обстоятельство, что ихъ мучили, меня язываетъ съ ними, поэзія ихъ боли — поэзія моей жизни. Оставить рейство для меня равносильно тому, какъ еслибъ я принадлежалъ ъ маленькой горсти солдатъ, стоящей противъ сильной арміи. Сдѣлаться ребѣжчикомъ? Никогда!

— Такъ вы совершенно ушли въ еврейство? Всѣ евреи—и жалкіе робейники съ ихъ тюками, и галиційскіе евреи въ кафтанахъ и съ йсами—ваши братья? спросилъ капланъ.— Нѣтъ, господинъ Гартен-тейнъ, вы меня въ этомъ не убѣдите. Въ блестящемъ замкѣ вашего ца, гдѣ вы воспитывались, нѣтъ мѣста евреямъ въ кафтанахъ.

— Въ замкѣ моего отца навѣрное, нѣтъ, отвѣтилъ Гартенштейнъ,— имъ отведено мѣсто въ моемъ сердцѣ, потому что я, какъ родного рата, люблю этого жалкаго польскаго еврея. Я его люблю потому, что го прародитель былъ вмѣстѣ съ моими прародителями ограбленъ въ рманіи, изгнанъ изъ Франціи или сожженъ въ Испаніи. Теперь же, отому что я былъ воспитанъ въ богатомъ домѣ, живу свободно въ своей горонѣ, мнѣ стыдиться этого бѣднаго притѣсненнаго польскаго еврея?

— Эхъ, вовсе ужъ не такъ страшно притѣсняютъ евреевъ, — замѣ-тилъ патеръ.—Что они со своей одеждой, своимъ жаргономъ и своимъ бхожденіемъ нетерпимы въ хорошемъ обществѣ, само собой разумѣется. есмотря на это, они чувствуютъ себя совершенно счастливыми... вѣдь у ихъ же деньги!

— Конечно, у нихъ деньги, у Ротшильдовъ, Кагановъ, Фульдовъ и т. д. о во всей Европѣ нѣтъ народа, среди котораго царила бы такая жасная нужда, какъ среди евреевъ. О евреяхъ Лакенбаха я не хочу оворить, хотя и эти терпятъ нужду. Но знаете ли вы, что есть тысячи вреевъ, которые живутъ въ сырыхъ конурахъ, что въ Галиціи на-одятся низенькія комнатки, гдѣ въ одной живутъ по пяти семействъ у каждаго по пяти или шести душъ дѣтей. Здѣсь встрѣчаешь изну-енныхъ дѣтей, которыя цѣлыми недѣлями не видятъ горячей пищи, а дятъ рѣпу или картошку. Напримѣръ, въ одномъ городѣ съ 150,000 ителей, были въ послѣднее время указаны 10,000 еврейскихъ семействъ, уществующихъ исключительно милостыней. Эти 10,000 семействъ со-тавляютъ отъ 40 до 50,000 лицъ. Въ городѣ съ 150,000 жителей 0,000 еврейскихъ нищихъ! И это еще только тѣ, которые открыто при-наютъ себя нищими. А стыдливыхъ бѣдняковъ, которые скорѣе умрутъ ома отъ голода, чѣмъ пойдутъ просить милостыню, тамъ минимумъ удетъ также 10,000.

— Почему они не работаютъ?—спросилъ капланъ.

— О, въ городѣ и въ окрестностяхъ его есть очень много фабрич-ыхъ рабочихъ-евреевъ, но для всѣхъ не хватаетъ работы, и тѣ, кото-ые не имѣютъ занятія, живутъ милостыней или умираютъ голодной ме ртью.

— Что же вы хотите предпринять съ этимъ нищенски бѣднымъ на-одомъ, одержимымъ своими традиціями?—спросилъ патеръ.—Вы думаете, то вамъ удастся сдѣлать его счастливымъ?

— Мнѣ одному навѣрное нѣтъ, но если найдется множество

Digitized by Google

одинаково мыслящихъ людей, которые употребятъ всѣ свои усилія, чтоб помочь нашему народу, тогда, можетъ быть, удастся улучшить его жребі

— Желаю вамъ счастья и удачи въ этомъ, господинъ Гарте штейнъ. По мнѣ, впрочемъ, пусть это случится. Во всякомъ случа я сегодня вечеромъ вынесъ одно убѣжденіе, что вашъ отецъ должен отказаться отъ мысли видѣть васъ обращеннымъ.

— О чемъ я его и увѣдомлю. А теперь я пойду. Уже поздно.

Всѣ четверо встали. Вмѣстѣ съ патеромъ попрощался и Гарте штейнъ. Онъ попросилъ у Матильды извиненія, что навелъ на нее скук своей грустной темой, но теплое пожатіе руки и ласковый взглядъ об яснили ему, что она съ интересомъ слѣдила за его словами.

IV.

Въ деревнѣ происходило сильное возбужденіе, вслѣдствіе оскорбленія нанесеннаго Саломону Башу. Можно было оскорбить кого угодно, и исключая и раввина, но личность Соломона Баша считалась неприкосно венной; за него заступились всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Когда-то он былъ довольно состоятельнымъ человѣкомъ; но бѣдность его собратьев была слишкомъ велика, и, отзываясь на всякую нужду, онъ мало по малу лишился почти всего, что имѣлъ. Продолжительная болѣзнь его жены и неудачи въ дѣлахъ привели его къ полному разоренію. Не смотря на это, онъ былъ самымъ почетнымъ лицомъ въ деревнѣ, и горе тому, кто попытался бы свергнуть Баша съ его пьедестала. Баша едино гласно выбирали въ третейскіе судьи какъ евреи, такъ и христіане, къ нему обращались для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній, возникавшихъ между жителями, и его приговоръ имѣлъ безусловную силу. Его почитали какъ раввина, и когда онъ шелъ по улицѣ, прохожіе снимали шапки и низко кланялись.

И вотъ произошелъ инцидентъ. У Малки Вейнбергъ, бѣдной вдовы, была коза, которая забрела въ господскую пшеницу. Сторожъ поймалъ ее, отвелъ въ помѣщичій дворъ, заперъ въ сарай, а съ Малки потребовалъ штрафа два гульдена. Съ громкимъ плачемъ побѣжала она къ Соломону Башу: онъ долженъ помочь ей, онъ долженъ освободить ея козу; ея дѣтки, получающія на ужинъ козье молоко, плачутъ отъ голода, а она не можетъ имъ ничего дать. Соломонъ успокоилъ бѣдную женщину и отправился на помѣщичій дворъ; черезъ часъ онъ возвратился оттуда красный, взволнованный. Управляющій, къ которому онъ обратился, отказалъ въ его просьбѣ, назвалъ его негодяемъ и замахнулся палкой.

Объ этомъ говорили теперь по всей улицѣ; было ясно, что оскорбленіе, нанесенное Башу, не пройдетъ безъ послѣдствій.

Сначала всѣ хотѣли идти къ господину Гартенштейну, съ раввиномъ во главѣ. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобы оставить раввина и обратиться къ доктору Гутману, который былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ фонъ-Гартенштейномъ. Израиль Канъ и Барухъ Розенштейнъ были уполномочены разыскать доктора, и они немедленно направились къ нему. Не доходя немного до дома Гутмана, они неожиданно встрѣтили Гартенштейна, но не поклонились ему и смѣрили его враждебнымъ взглядомъ. Когда они вошли въ домъ, онъ догадался, что здѣсь затѣвается что-то противъ него, и послѣдовалъ за ними.

Digitized by Google

Доктора Гутмана не было дома, и служанка попросила Гартенштейна ождать. «Барышня Матильда, — прибавила она, — принимаетъ двухъ сподъ, которые пришли по дѣлу къ доктору». Прошло около четверти са, и на порогѣ появилась Матильда. Хотя она знала, что онъ ждетъ, нако она остановилась на минуту въ смущеніи, но скоро овладѣвъ бою, разсказала ему дѣло Кана и Розенштейна. Гартенштейнъ, слупалъ ее съ улыбкой, и когда она кончила, сказалъ:

— Дѣло значитъ не такъ ужъ трагично? Нечестивое животное должно ыть поймано, а хозяинъ подвергнуться штрафу; иначе всѣ наши посѣвы ыли бы испорчены. Пошлите, пожалуйста, вашу служанку, вотъ съ двумя гульденами къ хозяйкѣ козы, пусть та пойдетъ въ имѣніе, и ей ыдадутъ ея собственность.

— Дѣло идетъ не только о козѣ,—возразила Матильда, и ея лицо поблѣднѣло,—но и объ оскорбленіи, нанесенномъ Соломону Башу. Соломона Баша нельзя оскорблять.

— Нельзя? Но теперь это уже почти случилось.

— Вы забываете, что Башъ—честнѣйшая личность, благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ и одинокихъ и почитаемъ здѣсь, какъ святой. Всякая обида, нанесенная ему, чувствуется всѣми жителями. Вся деревня волнуется.

— Да? Но что мнѣ дѣлать? Чѣмъ могу я успокоить возбужденные умы?

Матильда смотрѣла ему прямо въ глаза:

— Управляющій, который оскорбилъ Баша, долженъ извиниться предъ нимъ.

— Этого онъ не сдѣлаетъ, даже если я ему прикажу. Управляющій— упрямый человѣкъ, хотя прекрасный служащій. Неужели я долженъ отказать ему потому только, что онъ былъ слишкомъ дерзокъ? Это невозможно!

Матильда молчала, слегка склонивъ голову на правое плечо. Все ея лицо носило выраженіе столь сильнаго страданія, что Гартенштейнъ вскочилъ взволнованный.

Она стояла передъ нимъ во всей мощи своей побѣждающей красоты. Онъ живо схватилъ ея руку и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Скажите мнѣ, что я долженъ дѣлать! — воскликнулъ онъ.—Я все сдѣлаю. Требуйте, что хотите.

— Вы сами...

— Я самъ долженъ пойти къ Соломону Башу и попросить у него извиненія?

Матильда молчала.

Гартенштейнъ наклонился къ ея рукѣ, покрылъ поцѣлуями концы ея пальцевъ и, не говоря ни слова, не поклонившись, выбѣжалъ изъ комнаты. Она стояла еще нѣкоторое время въ какомъ-то тяжкомъ оцѣпенѣніи, потомъ опустилась на стулъ, закрыла лицо руками и заплакала.

Въ такомъ положеніи засталъ ее дѣдушка, возвратившійся, четверть часа спустя, отъ своихъ паціентовъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея, и хотѣлъ выйти, но въ эту минуту она подняла свои полные слезъ глаза и замѣтила его приходъ. Онъ долженъ былъ остаться.

— Головная боль?—освѣдомился онъ, но его испуганный взглядъ показывалъ, что онъ предполагаетъ болѣзнь Матильды въ ея сердцѣ. Онъ

Digitized by Google

не посовѣтывалъ ей компрессовъ, не далъ порошковъ, но медленно провелъ рукой по ея лбу и блестящимъ волосамъ.

Гутманъ не говорилъ больше ни слова и не пытался утѣшать ее; но когда она вышла, и онъ остался одинъ, онъ почувствовалъ жгучую боль въ глазахъ, точно онъ долженъ былъ бы плакать и не могъ этого сдѣлать. Съ потухшей сигарой въ рукахъ онъ, въ теченіи получаса, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, онъ пришелъ къ рѣшенію: онъ долженъ поѣхать въ Вѣну и объясниться съ ея женихомъ, онъ долженъ все испытать, чтобы вернуть его къ своему долгу, такъ какъ на карту поставлена жизнь его внучки—самаго дорогого для него существа.

V.

Докторъ Гутманъ вынужденъ былъ употребить хитрость, чтобы объяснить внучкѣ свою внезапную поѣздку въ Вѣну.

По его просьбѣ его старый товарищъ, жившій въ Эденбургѣ, написалъ ему письмо, въ которомъ приглашалъ его пріѣхать для консиліума къ одному тяжелому больному дня на три—четыре. Матильда, которой онъ показалъ это письмо, посовѣтовала ему отправиться немедленно.

Было около половины четвертаго утра, когда Гутманъ всталъ съ постели и началъ одѣваться. У него оставалось полчаса времени, такъ какъ ровно въ четыре въ Эденбургъ ежедневно отправлялся Іокль со своимъ фургономъ. Матильда была тоже на ногахъ, и когда раздался звонъ бубенчиковъ, она спустилась съ дѣдушкой на дворъ, чтобы помочь ему влѣзть въ фургонъ.

Ѣзда въ Эденбургъ продолжалась битыхъ три часа. Лошади большей частью тащились шагомъ, такъ какъ путь пересѣкали безчисленные бугры и холмы и тощія клячи Іокля съ трудомъ взбирались на гору; приэтомъ пришлось сдѣлать получасовую остановку въ Экенмарктѣ, гдѣ Іокль поилъ лошадей и запасался порученіями. Въ семь часовъ тяжелый возъ остановился у эденбургскаго вокзала, и сѣдоки (съ Гутманомъ ѣхала старая женщина) направились къ буфету выпить передъ отходомъ поѣзда чашку кофе. Между тѣмъ вокзалъ наполнился пассажирами. Среди нихъ были одинъ помѣщикъ и два важныхъ чиновника, ѣхавшіе въ первомъ классѣ; большинство же состояло изъ евреевъ-скотопромышленниковъ, направлявшихся на вѣнскую ярмарку. Докторъ Гутманъ помѣстился съ нѣсколькими изъ нихъ въ одномъ вагонѣ. Скотопромышленники курили большія трубки или дешевыя сигары и скоро вовлекли доктора въ общій разговоръ. Они, оказалось, всѣ его знали и разспрашивали о цѣли его поѣздки; однако, разговоръ скоро перешелъ на цѣны скота, на шансы предстоящей ярмарки и спутники оставили доктора въ покоѣ.

Гутманъ погрузился въ далекія воспоминанія. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ послѣдній разъ былъ въ Вѣнѣ! По меньшей мѣрѣ двадцать. Со времени полученія диплома въ Вѣнѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, онъ былъ тамъ только три раза. Живо представилась ему его первая поѣздка. Тогда еще не было желѣзнодорожнаго сообщенія между Эденбургомъ и Вѣной, и приходилось выжидать оказіи, чтобы попасть въ столицу. Какъ хорошо ему было тогда! Онъ только что сдалъ выпускной

Digitized by Google

кзаменъ въ эденбургской гимназіи, провелъ лѣто у своихъ родителей въ акенбахѣ, и въ концѣ сентября ему предстояло ѣхать въ Вѣну изучать едицину. Онъ ѣхалъ тогда съ Израилемъ Ветендорферомъ, сидя на цѣлой ірѣ шкуръ. Его старая мать завязала его добро въ маленькій узелъ, тецъ далъ ему двадцать гульденовъ, на которые онъ долженъ былъ рожить мѣсяцъ. Вотъ, нагруженный шкурами, возъ тронулся. Родители ровожали его за деревню. Потомъ остановились, и началось прощаніе. тецъ увѣщевалъ его усердно посѣщать лекціи, быть добрымъ набожнымъ евреемъ и избѣгать дурного общества.

Мать, обливаясь слезами, дала ему послѣднія наставленія и умоляла аботиться о здоровьѣ. Телѣга тронулась опять, и онъ еще долго видѣлъ воихъ стариковъ, пока, наконецъ, при одномъ поворотѣ они не скрылись изъ виду.

Какъ онъ былъ ошеломленъ и подавленъ, когда въѣхалъ въ Вѣну увидалъ передъ собой большой городъ. Какъ онъ здѣсь устроится, дестнадцатилѣтній юноша, совершенно одинокій и безъ средствъ? Какая то была трудная борьба! Отецъ могъ ему посылать ежемѣсячно только есять гульденовъ, и изъ этихъ денегъ нужно было не только платить а комнату и столъ, но и дѣлать установленные взносы за экзамены и окупать учебники. Сколько недѣль тогда онъ ограничивался однимъ ускомъ хлѣба при завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ; часто не бывало и хлѣба. нъ спалъ въ комнатѣ съ двумя сапожниками и однимъ портнымъ подастерьемъ и платилъ за это пятьдесятъ крейцеровъ въ недѣлю. Одну ему онъ былъ безъ пальто и долженъ былъ бѣгать въ университетъ ъ тоненькомъ сюртукѣ при страшномъ холодѣ. Большей частью онъ осилъ рваную обувь и въ дождливые дни промачивалъ ноги. Позднѣе, огда онъ обжился нѣсколько въ Вѣнѣ, дѣла пошли лучше. Онъ полуилъ урокъ у одного куичика, за завтракъ, обѣдъ и квартиру. О, тогда го положеніе было блестящее, такъ какъ онъ могъ собрать нѣкоторую умму на костюмъ, въ которомъ мечталъ лѣтомъ появиться въ Лаенбахѣ.

И что за радость была для его родителей и всѣхъ жителей, когда нъ пріѣзжалъ домой на лѣтнія каникулы! Мать не отходила отъ него, редлагая ему безпрестанно его любимыя блюда, чтобы вознаградить его а вѣнскія лишенія. У отца глаза свѣтились гордостью, когда онъ мотрѣлъ на своего сына.

При обращеніи его называли не иначе, какъ «господинъ докторъ», отя до полученія диплома было еще далеко; пригласить его къ субботему обѣду считалось особой честью. Даже Рувимъ Гиршлеръ, мѣстный резъ, который не удостаивалъ своею благосклонностью ни одного челоѣка, пришелъ къ старику Гутману, чтобы лично привѣтствовать молого студента. Объ уваженіи, которое оказывали ему обыкновенные мертные, и говорить нечего: они боготворили его. Въ тѣ времена докторъ ользовался особымъ обаяніемъ въ обществѣ; съ этимъ именемъ связывалось представленіе объ учености, долготерпѣніи, презрѣніи къ житейскимъ мелочамъ и торговлѣ. Какъ бы еврей ни былъ богатъ, онъ для омѣщиковъ и чиновниковъ оставался все-таки «жидомъ», врачъ же, аже будучи евреемъ, пользовался уваженіемъ христіанъ и именовался господиномъ докторомъ».

А когда онъ получилъ дипломъ и явился въ Лакенбахъ, чтобы по-

Digitized by Google

селиться тамъ въ качествѣ врача, это вызвало общій восторгъ. Онъ был почетнѣйшимъ лицомъ въ окрестности, и самыя богатыя и красивы дѣвушки ухаживали за нимъ. Но его выборъ палъ на бѣдную Регин Шенбергеръ, и когда его матеріальное положеніе улучшилось, он женился на ней.

Мирно и счастливо потекла, было, ихъ жизнь. При тогдашней деше визнѣ продуктовъ, имъ удавалось даже откладывать кое-что. Но неожи данная гроза разразилась надъ его семьею и омрачила ихъ счасть Братъ его Яковъ, преемникъ отца по раввинству въ Лакенбахѣ, набож ный и образованный молодой человѣкъ, заканчивавшій свои занятія в Пресбургѣ, измѣнилъ религіи своихъ предковъ и перешелъ въ католи чество. Когда отцу было принесено извѣстіе объ этомъ, онъ схватилс за голову, какъ безумный, и тутъ же упалъ мертвымъ на землю: ег сразилъ разрывъ сердца. Мать не могла перенести смерти своего мужа начала болѣть, и черезъ годъ не стало и ея. Съ тѣхъ поръ несчасті одно за другимъ стали обрушиваться на его голову. Его жена стал слабѣть съ каждымъ днемъ, и черезъ годъ онъ похоронилъ ее. Он остался одинъ со своей восьмилѣтней дочерью, которой онъ посвятил всю свою любовь и заботы. Она росла прекрасной дѣвушкой, и когд онъ выдалъ ее за молодого врача въ Эденбургѣ, ему показалось, чт снова засіяла его счастливая звѣзда. Но это счастье было непродолжи тельно. Скоро послѣ рожденія Матильды ея мать заболѣла и умерла когда ребенку было три года. Двумя годами позже умеръ также ег зять, заразившись трупнымъ ядомъ на вскрытіи. Одинокимъ остался он снова на свѣтѣ со своей маленькой внучкой, которую онъ взялъ к себѣ въ Лакенбахъ. Онъ думалъ, что безчисленныя несчастія изсушил его сердце и сдѣлали его безчувственнымъ, но скоро долженъ былъ при знаться въ почти болѣзненной любви къ своей внучкѣ, которая расцвѣ тала съ каждымъ днемъ и превратилась въ прекрасную дѣвушку. Никто не преклонялся такъ, какъ онъ, передъ ея удивительной граціей и нѣжнымъ, очаровательнымъ личикомъ, на которомъ сіяли два сказочно глубокихъ черныхъ глаза. Всѣ его мысли и чувства, вся его любовь сосредоточивались около дорогой внучки. Онъ рѣдко выказывалъ ей свою любовь и часто казался даже равнодушнымъ и строгимъ, какъ будто опасался, что судьба отниметъ у него послѣднее сокровище, оставшееся у него на землѣ. И какъ хорошо, казалось, онъ устроилъ ея будущность. Онъ обручилъ ее пять лѣтъ тому назадъ съ однимъ славнымъ молодымъ человѣкомъ и помогалъ ему окончить свое образованіе. И этотъ челоѣкъ, которому онъ предназначилъ красивѣйшее существо на землѣ, котораго онъ прочилъ въ свои преемники въ Лакенбахѣ, не давалъ о себѣ вѣсти вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и дерзнулъ, Богъ знаетъ, по какимъ соображеніямъ, нарушить свое слово и покинуть Матильду.

Погруженный въ свои грустныя размышленія, докторъ Гутманъ не замѣтилъ, что поѣздъ уже миновалъ предпослѣднюю станцію и черезъ нѣсколько минутъ прибудетъ въ Вѣну. Скотопромышленники, начавшіе укладывать свои пожитки, замѣтили доктору, что скоро пора выходить. Когда поѣздъ остановился, Гутманъ вышелъ изъ вагона и хотѣлъ присоединиться къ своимъ сосѣдямъ, но такъ какъ тѣ отправлялись на ярмарку, то онъ сѣлъ въ омнибусъ, шедшій въ Таборштрассе. Онъ взялъ маленькую комнату въ «Черномъ орлѣ»; такъ называлась неболь-

Digitized by Google

ая старая гостинница, въ которой онъ уже разъ останавливался двад-ть лѣтъ тому назадъ. Пообчистившись съ дороги и надѣвши свой па-дный сюртукъ, Гутманъ немедленно отправился въ путь.

Онъ едва узнавалъ городъ, въ которомъ нѣкогда прожилъ пять лѣтъ. акъ онъ измѣнился, разросся и похорошѣлъ! Недалеко отъ «Чернаго ла», на мѣстѣ, гдѣ тогда находилась маленькая гостинница съ ресто-нчикомъ, возвышались теперь колоссальныя зданія и дворцы; о низень-ихъ домишкахъ не было и помину.

Гутманъ вошелъ въ ресторанъ, выпилъ кружку пива, затѣмъ отпра-лся къ мосту Фердинанда разыскивать медика Эмиля Розенбаума, ившаго на Горной улицѣ въ № 14. Это былъ довольно утомительный ля него путь: онъ отвыкъ уже ходить по мостовой, и, когда онъ до-елъ до Горной улицы, онъ ощутилъ сильную боль въ ногахъ. Въ № 14 е знали студента Розенбаума. Здѣсь жилъ когда-то медикъ съ такой амиліей, но это было уже очень давно. Вспомнивъ изъ временъ своего туденчества, что адреса всѣхъ студентовъ-медиковъ можно узнать въ нцеляріи декана, Гутманъ пошелъ по направленію къ университету. мъ ему указали адресъ: улица Леопольда, № 21, квартира 9. го было довольно далеко. Больше часа блуждалъ онъ, прежде чѣмъ, ыскалъ желанный № 21. Это было старое, грязное, запущенное трех-тажное зданіе.

Докторъ Гутманъ поднялся по мокрой грязной лѣстницѣ. Двери квар ры № 9 были открыты настежъ. Безъ сомнѣнія, онъ попалъ въ кухню о была узкая, заставленная всякими кадками и горшками комната рязная кухарка, сидя на полу, съ остервенѣніемъ чистила деревянную осуду; съ приподнятой юбкой, съ распустившимися въ безпорядкѣ воло-ами, и одутловатымъ краснымъ лицомъ она была отвратительна. На опросъ доктора о Розенбаумѣ, она на минуту оставила свою работу и олча указала на слѣдующую дверь. Гутманъ очутился въ большой, естро-меблированной комнатѣ. По срединѣ стоялъ большой столъ, за оторымъ сидѣло четверо лицъ, усердно занятыхъ опорожненіемъ боль-ихъ стакановъ кофе.

Онъ увидѣлъ плотнаго высокаго господина, лѣтъ 45, съ выбритой на одбородкѣ бородой и тяжелой золотою цѣпью на жилетѣ; женщину ѣтъ 40 въ зеленомъ шлафрокѣ съ золотыми кольцами на всѣхъ паль-ахъ; здоровую, взрослую дѣвушку съ красными щеками и губами и аленькими черными глазами и, наконецъ, господина Эмиля Резенбаума, зящно одѣтаго, съ золотой цѣпью, брилліантовымъ кольцомъ на рукѣ золотой булавкой въ галстухѣ. Розенбаумъ поблѣднѣлъ при входѣ октора и соскочилъ испуганно со своего мѣста, такъ что сосѣди съ дивленіемъ посмотрѣли на него. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу доктору, евидно, съ намѣреніемъ отвести его въ смежную комнату. Но его за-ѣчательство было такъ велико, что общество поднялось изъ-за стола. Розен-аумъ принужденъ былъ тогда представить вновь пришедшаго: «Докторъ утманъ, господинъ Зигмундъ Файерштейнъ, г-жа фонъ Файерштейнъ, ѣ-Ле Эрнестина Файерштейнъ».

Докторъ Гутманъ въ одно мгновеніе уловилъ ихъ взаимныя отно-енія: женихъ его внучки содержится хозяиномъ этого дома Фейерштей-омъ и обязался за это, по окончаніи курса, жениться на его дочери рнестинѣ. И такъ, тотъ, кого онъ выбралъ себѣ зятемъ, оказался са-

Digitized by Google

мымъ низкопробнымъ негодяемъ, и его поѣздка безцѣльна. Онъ вытер потъ со лба и послѣдовалъ по приглашенію Розенбаума въ отдаленну комнату. Розенбаумъ все еще былъ блѣденъ и не осмѣливался предло жить какой-нибудь вопросъ доктору, который вошелъ въ комнату с опущенной головой. Гутманъ остановился противъ молодого человѣка посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Это твоя комната?—спросилъ онъ.

Розенбаумъ отвѣтилъ утвердительно.

— Хорошо. Садись, и я тоже сяду. Будемъ говорить спокойно и по дружески. Сколько прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты впервые явился в Лакенбахъ и прожилъ въ моемъ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Въ іюнѣ будетъ пять лѣтъ.

— Совершенно вѣрно, пять лѣтъ. До твоего выпускного экзамен ты сильно голодалъ, и не зналъ потомъ, что предпринять. У тебя н было никого, кто бы поддержалъ тебя, ты не могъ даже помышлят объ университетѣ. Ты хотѣлъ поступить писцомъ въ Эденбургскій судъ

Розенбаумъ молчалъ и нервно игралъ концомъ своего жилета.

— Ты не былъ моимъ родственникомъ, я тебя вовсе не зналъ раньше я зналъ только, что твоя мать—тетка моего покойнаго зятя. Я взялъ тебя къ себѣ, и когда замѣтилъ, что Матильда—тогда еще 14 лѣтній ребенокъ—чувствуетъ къ тебѣ привязанность, то рѣшилъ помочь тебѣ Вы должны были бы когда-нибудь соединиться бракомъ, и ты жилъ бы въ моемъ домѣ. Я отправилъ тебя въ университетъ въ Вѣну, посылалъ тебѣ ежемѣсячно 30 гульденовъ, оплачивалъ твои экзамены, книги одѣвалъ тебя, словомъ, я заботился о всѣхъ твоихъ нуждахъ, жертво валъ свои сбереженія, въ надеждѣ, что изъ тебя выйдетъ порядочный человѣкъ. И ты былъ признателенъ. Когда ты пріѣзжалъ на лѣтніе каникулы, ты не зналъ, какъ лучше доказать мнѣ свою благодарност за то, что я назначилъ тебѣ въ жены прекрасное созданье. Она любила тебя, любила всей силой молодой чистой души, она умерла бы, если бы ты долженъ былъ ее оставить. Но ты становился все холоднѣе и по слѣдніе мѣсяцы больше не писалъ. Что ты намѣренъ дѣлать? Хочешь ли отблагодарить меня за благодѣянія, которыя я оказалъ тебѣ, тѣмъ, что убьешь мою внучку? Эмиль, вѣдь у тебя есть сердце; вспомни, что ты собираешься сдѣлать! У меня ничего нѣтъ на землѣ кромѣ Матильды она—моя надежда, моя душа, свѣтъ моихъ очей. Не лишай меня моего послѣдняго сокровища.

При послѣднихъ словахъ Розенбаумъ вскочилъ и въ волненіи про говорилъ:

— Бѣдность была слишкомъ велика, я не могъ дольше голодать. Не чего ѣсть, рваная обувь, зимой безъ теплаго пальто...

— Какъ, ты нуждался? Развѣ я не посылалъ тебѣ аккуратно каж дый мѣсяцъ 30 гульденовъ?

— Тридцать гульденовъ, ха, ха, ха! Изъ нихъ десять гульденовъ за комнату, шесть на сигары, два за стирку бѣлья, отъ трехъ до четы рехъ на непредвидѣнные расходы; оставалось, такимъ образомъ, восемь гульденовъ, и на эту сумму я долженъ былъ жить цѣлый мѣсяцъ. Я голодалъ, болѣлъ, не могъ больше заниматься отъ слабости. Я долженъ былъ такъ или иначе выйти изъ этого положенія; въ противномъ слу

Digitized by Google

мѣ я умеръ бы съ голода и былъ бы все равно потерянъ для Матильды.

— Но ты не писалъ мнѣ никогда о своей нуждѣ?

— Не писалъ, потому что я думалъ, что вы сами ничего не имѣете, но вы посылаете мнѣ деньги изъ послѣднихъ вашихъ средствъ.

Онъ подошелъ очень близко къ Гутману и почти прошепталъ:

— Неужели вы думаете, что мнѣ легко будетъ разстаться съ Матильдой? Я люблю ее всѣмъ сердцемъ и никогда не забуду. Но что мнѣ было дѣлать? Умереть съ голода? Съ господиномъ Файерштейномъ я познакомился въ его ссудной кассѣ, куда я принесъ ему свою послѣднюю рубашку. Онъ нѣсколько разъ говорилъ со мной, и я понравился ему. Онъ надѣлилъ меня всѣмъ, даетъ мнѣ комнату, столъ, одежду, книги и ежемѣсячно 50 гульденовъ.

— Съ тѣмъ, чтобы ты женился на его дочери?

— Ну... Когда я получу дипломъ, онъ доставитъ мнѣ какое-нибудь мѣсто врача. Прежде я голодалъ, а теперь я дѣлаю даже кое-какія сбереженія.

— И все-таки ты не отказывался и отъ тѣхъ тридцати гульденовъ, которые я посылалъ тебѣ ежемѣсячно.

— О вы можете быть спокойны. Въ день моей свадьбы я возвращу вамъ все, что взялъ у васъ, до гроша.

— До гроша? Но ты забываешь, что здѣсь идетъ рѣчь о человѣческой жизни? Матильду убьетъ извѣстіе, что ты ее оставилъ! Смотри, Эмиль: во всю свою жизнь я никого ни о чемъ не просилъ, а теперь хочешь ли ты видѣть меня на колѣняхъ передъ тобой? Посмотри на мои слезы, на мою сѣдую голову...

— Я не могу, не могу, не могу! Мнѣ самому страшно и больно, но возврата нѣтъ. Я долженъ Файерштейну около 1,000 гульденовъ. Я не въ состояніи больше голодать и влачить жалкое существованіе въ Лакенбахѣ.

— Эмиль, я любилъ тебя, какъ родного сына. Знаешь ли ты, какъ прекрасна стала Матильда за послѣдній годъ, какъ ты былъ бы счастливъ съ нею? Мнѣ уже за шестьдесятъ, я старъ, измученъ и усталъ; мои дни сочтены, но я не могу спокойно умереть, оставивъ Матильду одинокой. Тебѣ я хотѣлъ ее довѣрить, въ твои руки я хотѣлъ передать это сокровище, и я знаю, что вы были бы счастливы. Если въ твоей груди бьется человѣческое сердце, то...

Дверь открылась, и на порогѣ показался Файерштейнъ, въ сопровожденіи жены и дочери. Обратившись къ Розенбауму, онъ указалъ на доктора и проговорилъ высокомѣрнымъ тономъ:

— Ты въ долгу предъ этимъ господиномъ?

— Это мое дѣло, и прошу васъ, не безпокойтесь,—сказалъ докторъ.

— Не безпокоиться? Какъ же?—возразилъ Файерштейнъ.—Докторъ Розенбаумъ мой зять или будетъ моимъ зятемъ — это все равно. Его долги—мои долги. Я уплачу ихъ.

— Прошу васъ, не можете-ли оставить насъ однихъ? Мнѣ нужно поговорить съ господиномъ Розенбаумомъ объ интимномъ дѣлѣ.

— Оставить однихъ? Съ нимъ? Ни на одну минуту!—заявила Эрнестина, и какъ бы съ цѣлью отстоять свое рѣшеніе на дѣлѣ, она сѣла на диванъ и крѣпко схватила за руку Розенбаума.

— Сколько ты долженъ доктору? — спросилъ Файерштейнъ.

Digitized by Google

— 2,000 гульденовъ.

— Хорошо; прошу васъ, потрудитесь завтра прійти сюда и вы получите свои деньги. А теперь желаю вамъ всего лучшаго.

Докторъ Гутманъ посмотрѣлъ на Эмиля, мелькомъ взглянулъ на присутствующихъ и съ поникшей головой вышелъ изъ комнаты.

VI.

На другое утро докторъ Гутманъ отыскалъ австрійскую сберегательную кассу и по чековой книжкѣ получилъ пять тысячъ гульденовъ. Обладая крупной суммой, Матильда могла бы сдѣлать лучшую партію, а не выйти за такого легкомысленнаго бѣдняка, какъ этотъ Розенбаумъ. Но она его любитъ, и, еслибы лучшій изъ мужчинъ предсталъ предъ ней, прося ея руки, она отказала бы ему и осталась бы вѣрна Розенбауму. Такимъ образомъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ опять явиться къ господину Зигмунду Файерштейну и посредствомъ денегъ склонить Розенбаума исполнить обѣщаніе, данное Матильдѣ.

Было 11 час. утра, когда докторъ Гутманъ поднялся по грязнымъ ступенькамъ дома № 21. Онъ нашелъ всю семью въ сборѣ, какъ и вчера: господина, госпожу и дѣвицу Файерштейнъ и въ ихъ обществѣ Розенбаума, который былъ нѣсколько блѣденъ; изъ этого можно было заключить, что встрѣча съ докторомъ Гутманомъ не прошла для него безслѣдно и что онъ плохо спалъ послѣднюю ночь.

Семья Файерштейнъ встрѣтила доктора вызывающими взглядами. Особенно раздражена была Эрнестина. Она смѣрила доктора такимъ презрительнымъ взглядомъ, какъ какая нибудь графиня грязнаго пьяницу, затѣмъ заняла мѣсто у окна и взяла въ руки вышиваніе, но ея оттопыренная нижняя губа показывала, что ея неудовольствіе продолжается. Госпожа Файерштейнъ занялась тѣмъ, что съ шумомъ открывала и закрывала замочекъ своего золотого браслета; одинъ только господинъ Файерштейнъ стоялъ неподвижно, словно статуя; онъ заложилъ руки на спинѣ и съ непоколебимой гордостью ожидалъ грядущее.

Докторъ Гутманъ, казалось, всего этого не замѣтилъ, такъ какъ послѣ короткаго, холоднаго поклона обратился къ Розенбауму со слѣдующими словами:

— Я еще разъ пришелъ, потому что долженъ поговорить съ тобою объ очень важномъ дѣлѣ. Проводи меня въ свою комнату или пойдемъ со мною въ мою гостинницу.

Розенбаумъ не смѣлъ отвѣтить, или не зналъ, что сказать. Онъ безпомощно взглянулъ на Файерштейна, который успокоительно помахалъ ему рукой и затѣмъ обратился во всемъ своемъ величіи къ доктору Гутману:

— Вы пришли какъ разъ во время,—сказалъ Файерштейнъ,—Я васъ ждалъ. Докторъ Розенбаумъ подсчиталъ до гроша сумму, которую вы ему дали: всего 1644 гульдена.

Файерштейнъ вынулъ изъ кармана своего сюртука большой бумажникъ и открылъ его. Онъ положилъ пачку бумагъ на столъ и сказалъ:

— Пожалуйста, сосчитайте все это. Тутъ 444 гульдена, а здѣсь три векселя, каждый въ 400 гульденовъ срокомъ на четыре мѣсяца. Итакъ, мы въ расчетѣ.

Докторъ Гутманъ сдѣлалъ однако видъ, что не замѣчаетъ Файер-

Digitized by Google

нтейна и не слышитъ его словъ. Онъ посмотрѣлъ на Розенбаума и казалъ:

— Я просилъ тебя дать мнѣ возможность переговорить съ тобою, но ы мнѣ не отвѣтилъ. Неужели ты не хочешь мнѣ сдѣлать этого одол-кенія?

Розенбаумъ хотѣлъ было подняться, но его остановилъ взглядъ дѣ-ицы Файерштейнъ, полный упрека. Онъ остался въ своемъ углу и молчалъ.

Докторъ Гутманъ съ минуту подождалъ и видя, что это бозполезно, родолжалъ:

— Хорошо, если ты хочешь, чтобы я здѣсь объяснился, то пусть удетъ по твоему. Я просилъ тебя поговорить со мною наединѣ, потому то мнѣ тяжело разсказывать все при постороннихъ людяхъ.

— Посторонніе люди?—спросилъ язвительно Файерштейнъ,—что зна-итъ посторонніе люди? Господинъ Розенбаумъ почти что мой зять.

— Хорошо, хорошо, господинъ Файерштейнъ, я вовсе не думалъ асъ задѣть, я вамъ хочу все высказать безъ обиняковъ. Господинъ Розенбаумъ былъ безъ всякихъ средствъ, пока я не снабдилъ его необ-ходимыми деньгами, чтобъ онъ могъ учиться. Онъ любилъ мою внучку и былъ съ нею помолвленъ...

— Но это была не настоящая любовь разъ, она исчезла изъ его сердца? Я знаю, знаю!—сказалъ Файерштейнъ отмахиваясь.

— Не думайте, что мнѣ такъ нужна особа господина Розенбаума. Совсѣмъ нѣтъ. Еслибы это отъ меня зависѣло, я бы даже никогда на него не посмотрѣлъ, потому что онъ очень двуличный господинъ. То, что я дѣлаю, это для моей внучки, такъ какъ она, къ сожалѣнію, его любитъ.

Докторъ Гутманъ вынулъ книжку сберегательной кассы и обращаясь къ Розенбауму спросилъ его:

— Сколько ты долженъ господину Файерштейну?

— Сколько онъ мнѣ долженъ? — вмѣшался опять Файерштейнъ, — позвольте, любезный господинъ Гутманъ, вамъ нечего объ этомъ заботиться. Вотъ ваши деньги и все кончено.

— Не совсѣмъ такъ! У моей внучки 52,000 гульденовъ приданнаго.

Розенбаумъ насторожился, а Файерштейнъ усмѣхнулся какъ при остроумной шуткѣ.

— 52,000 бобовъ! — сказалъ онъ.

— Вы сомнѣваетесь? Поди-ка сюда, Эмиль! Вотъ тутъ книжка вкла-довъ, австрійской сберегательной кассы, на 52,000 гульденовъ. Пять тысячъ гульденовъ я взялъ сегодня оттуда наличными. Прошу васъ, го-сподинъ Файерштейнъ, неугодно-ли по сегодняшней записи убѣдиться, что я эти деньги взялъ? Вѣдь это доказательство того, что книжка не подложна.—Затѣмъ, обращаясь къ Розенбауму, Гутманъ продолжалъ:

— Скажи же мнѣ, наконецъ, точно, сколько ты долженъ господину Файерштейну? Я взялъ эти пять тысячъ гульденовъ для того, чтобы уплатить твой долгъ. А то, что тебѣ понадобится, чтобы закончить уче ніе, я тебѣ дамъ наличными на руки: двѣ или три тысячи гульденовъ, сколько будетъ нужно. Остальныя 47 тысячъ гульденовъ ты получишь въ день твоего вѣнчанія съ Матильдой. Этихъ денегъ вполнѣ достаточно, чтобы не быть вынужденнымъ практиковать въ Лакенбахѣ; ты можешь

Digitized by Google

жить въ Вѣнѣ, или гдѣ тебѣ угодно будетъ поселиться. Ну, скажи, думаешь ли ты и теперь оставаться вдали отъ Матильды.

— Что это значитъ? Вы хотите откупить моего зятя? — вскричалъ сердито Фейерштейнъ, а Эрнестина вскочила, подбѣжала къ Розенбауму и обвивая его обѣими руками вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не уйдетъ! Онъ не можетъ отъ меня уйти! Я скорѣе умру, я выброшусь изъ окна. Вонъ! убирайтесь вонъ, ужасный человѣкъ!—кричала она доктору, — вы силою не уведете моего возлюбленнаго Эмиля... Развѣ черезъ мой трупъ онъ выйдетъ изъ моей комнаты.

Розенбаумъ поблѣднѣлъ и грудь его высоко вздымалась. Онъ со страхомъ взглядывалъ на Файерштейна, и, не говоря ни слова, старался высвободиться изъ объятій своей невѣсты. Но она крѣпко держала его и такъ сильно прижала къ себѣ, что ему трудно было дышать. Тогда выступила госпожа Файерштейнъ.

— Мой милый сынъ,— обратилась она къ Розенбауму, — объясни этому господину, что тебя нельзя купить. Любовь привела тебя сюда, любовь и держитъ тебя тутъ. Скажи этому господину, пусть онъ удалится.

Но такъ какъ Розенбаумъ по прежнему молчалъ, то она прибавила съ упрекомъ:

— Ну, мой сынъ, ты ничего не говоришь?

— Да, да!—бормоталъ Розенбаумъ, стараясь освободиться изъ объятій Эрнестины.—Я задыхаюсь, я не могу говорить.

— Эрнестина, пусти его,—воскликнула госпожа Файерштейнъ,—пусть онъ говоритъ то, что ему подскажетъ сердце.

Наконецъ Розенбаумъ выпрямился. Онъ робко подошелъ къ столу, и покосился на двери.

— Я долженъ сказать?—спросилъ онъ.—Хорошо, хорошо, какъ прикажете.—При этомъ онъ глазами тоскливо искалъ чего-то. Наконецъ онъ нашелъ,—это была его шляпа. Какъ воръ подкрался онъ къ ней и схвативъ ее воскликнулъ: «Я люблю Матильду!». Затѣмъ онъ быстро надѣлъ шляпу, съ шумомъ открылъ двери и какъ вѣтеръ промчался черезъ кухню, по лѣстницѣ, на улицу.

Господинъ Файерштейнъ, не захвативъ даже своей шляпы, бросился слѣдомъ за нимъ въ то время, какъ его жена посылала бѣглецу проклятія, а Эрнестина, бросившись во всю длину своего тѣла на кушетку, принялась отчаянно рыдать.

Для Гутмана прошло 15 мучительныхъ минутъ пока Файерштейнъ вернулся. Онъ, конечно, не могъ воротить Розенбаума и теперь долженъ былъ отдышаться.

Прошло еще десять минутъ, когда появился слуга и подалъ Гутману записку отъ Розенбаума, писанную карандашомъ. Онъ извинялся передъ нимъ, писалъ, что всегда любилъ Матильду и что только нужда заставила его войти въ домъ Файерштейна. Онъ долженъ Файерштейну 800 гульденовъ, которые и проситъ уплатить, самъ же онъ будетъ ждать г. Гутмана возлѣ аптеки, чтобы переговорить обо всемъ.

Докторъ Гутманъ передалъ записку Файерштейну; тотъ прочиталъ ее съ возрастающей ненавистью и вдругъ вскочилъ: «Я побѣгу къ аптекѣ, вскричалъ онъ, я долженъ его увидѣть, я притащу его сюда»!

Digitized by Google

— Напрасный трудъ!—остановилъ его докторъ Гутманъ.—Онъ моложе и проворнѣе васъ и онъ на сторожѣ. Онъ замѣтитъ васъ издали и исчезнетъ прежде чѣмъ вы его увидите. Пусть онъ бѣжитъ; оставьте его, и вѣрьте мнѣ, что вы не много потеряли. Если бы я не любилъ такъ свою внучку, я бы не пустилъ его на порогъ своего дома.

— О, измѣнникъ! о, негодяй!—кричала Эрнестина.

— Успокойся, дитя мое,—сказала ей госпожа Файерштейнъ, — тебѣ, слава Богу, нѣтъ необходимости гнаться за такимъ человѣкомъ. Ты сдѣлаешь лучшую партію. Я тебѣ обѣщаю.

— Я тороплюсь,—проговорилъ докторъ Гутманъ, обращаясь къ Зигмунду Файерштейну, — такъ какъ я хочу еще сегодня уѣхать домой. Не будете ли вы добры приготовить росписку въ полученіи 800 гульденовъ. Я хочу уплатить долгъ Розенбаума.

— Какъ, онъ пишетъ, что долженъ мнѣ 800 гульденовъ? — вскричалъ Файерштейнъ. Ахъ, негодяй! онъ мнѣ долженъ 1200 гульденовъ.

— Хорошо, напишите въ такомъ случаѣ росписку на 1200 гульденовъ.

Файерштейнъ, замѣтивъ готовность доктора уплатить 1200 гульденовъ, взялъ счетную книгу, перелисталъ ее и добавилъ:

— Тутъ произошла ошибка, онъ мнѣ долженъ не 1200, а 1500 гульденовъ.

— Хорошо, я заплачу 1500.

Услыхавъ это, Файерштейнъ разсердился. Какъ! онъ видитъ передъ собою дурака, готоваго уплатить любую сумму, неужели онъ самъ окажется дуракомъ и удовольствуется такой суммой? Вѣдь можно сдѣлать блестящее дѣло, которое стоитъ больше самого Розенбаума. Но какъ бы это сейчасъ же сдѣлать, чтобы доктора еще больше прижать?

Зигмундъ Файерштейнъ сталъ задумчиво чесать себѣ за лѣвымъ ухомъ: «да, вѣрно,—сказалъ онъ наконецъ: какъ же я это забылъ! надо сосчитать: золотые часы ремонтуаръ, тяжелая, золотая цѣпь № 3, золотыя запонки, кольцо съ брилліантомъ въ 3 карата, чистѣйшей воды, булавка съ сапфирами,—все вмѣстѣ составляетъ 2500 гульденовъ!

— Ну, это ужъ слишкомъ!—вскрикнулъ возмущенный докторъ Гутманъ.—Если я останусь здѣсь еще часъ, его долгъ возростетъ до неимовѣрной суммы. Вотъ вамъ 1500 гуденовъ, приготовьте росписку, или я самъ вамъ ничего не заплачу, а дамъ Розенбауму 800 гульденовъ которыми онъ и погаситъ свой долгъ.

— Какъ! чтобы я еще потерялъ 1000 гульденовъ? Развѣ вы можете этого отъ меня требовать? — жалобно проговорилъ Файерштейнъ. Но когда онъ замѣтилъ, это докторъ Гутманъ сдѣлалъ движеніе, чтобы удалиться, онъ живо сѣлъ за письменный столъ и началъ писать росписку, попытавшись, впрочемъ получить по крайней мѣрѣ 2000 гульденовъ.

Докторъ уплатилъ 1500 гульденовъ и дружески распрощался съ умиротворенной четой. Только Эрнестина все еще плакала и казалась неутѣшной.

На Таборштрассе, вблизи аптеки, онъ нашелъ Розенбаума, который изо всѣхъ силъ старался быть какъ можно услужливѣе и любезнѣе. Онъ увѣрялъ, что не могъ бы жить безъ Матильды, разсказывалъ про безвыходную нужду, которую онъ терпѣлъ, про сотню уловокъ и хитростей къ которымъ прибѣгали Файерштейны чтобы завлечь его въ свои

Digitized by Google

сѣти.—Докторъ шелъ рядомъ съ нимъ и не говорилъ ни слова, тольк изрѣдка бросалъ на своего спутника унылый взглядъ и тихо про себ вздыхалъ. Когда же они подошли къ гостинницѣ «Чернаго Орла», док торъ Гутманъ прервалъ молчаніе.

— Приготовься къ отъѣзду,—сказалъ онъ Розенбауму,—въ 3 час мы уѣдемъ. Мы переночуемъ въ Эденбургѣ и завтра утромъ будемъ в Лакенбахѣ.

— Какъ, вы хотите, чтобы я съ вами поѣхалъ?—спросилъ Розен баумъ.—Но это немыслимо! черезъ 4 дня я долженъ сдавать экзамен тобы черезъ недѣлю получить ученую степень. Неужели пропустить срок Впрочемъ, если вы хотите...

Докторъ Гутманъ внимательно посмотрѣлъ на него. Не лжетъ л онъ? Отъ этого человѣка всего можно ожидать! Розенбаумъ замѣтил недовѣріе и поспѣшилъ предложить ему ѣхать вмѣстѣ въ университет онъ ему тамъ покажетъ что записанъ къ экзамену.

— Когда же ты полагаешь быть въ Лаканбахѣ? — спросилъ ег докторъ.

— Какъ только я получу дипломъ, я сейчасъ поѣду. Вѣдь в не можете же думать, что я хоть одинъ лишній день останусь здѣсь?

— Хорошо. Вотъ тебѣ 1000 гульденовъ; тебѣ ихъ хватитъ до пріѣзд въ Лакенбахъ. Помни, что ты не долженъ ни писать ни говорить Ма тильдѣ о томъ, что я былъ въ Вѣнѣ и выкупилъ тебя изъ объят Эрнестины. Я говорю тебѣ для твоей же пользы. Матильда любитъ тебя но она потеряла бы къ тебѣ уваженіе, еслибы она узнала всю эт исторію. Завтра ты ей напишешь обстоятельное и нѣжное письмо. Со шлись на продолжительную болѣзнь, изъ за которой ты въ послѣдне время такъ рѣдко ей писалъ; скажи, что студенческая жизнь тебя уто мила, ты сдѣлался нервнымъ, а потому и менѣе нѣжнымъ, проси нея прощенія.

— О, на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны. Я е напишу кровью своего сердца и на колѣняхъ вымолю у нея прощеніе

Но докторъ бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ и прикусилъ себ губу. Онъ помолчалъ немного, потомъ проговорилъ:

— Ну, будь здоровъ. Ступай, пріищи себѣ другую квартиру, так какъ къ Файерштейну ты больше являться не можешь.

— Не могу ли я помочь вамъ уложить ваши вещи, а затѣмъ про водить васъ на вокзалъ?– спросилъ Розенбаумъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ нѣтъ необходимости; я самъ все сдѣла Ступай.

Онъ подалъ ему руку, но Розенбаумъ не спѣшилъ своимъ уходом Докторъ быстро привелъ въ порядокъ свой чемоданъ.

VII.

Докторъ Гутманъ прибылъ въ Лакенбахъ въ 9 часовъ утра. Начина съ Эденбурга онъ ѣхалъ въ фургонѣ Іокля. Домой онъ пріѣхалъ утомле ный и разбитый, недовольный тою ролью, которую ему придется разы грывать передъ своей внучкой, скрывая свою поѣздку въ Вѣну.

Матильда встрѣтила его очень сердечно. Черезъ нѣсколько минут

Digitized by Google

онъ узналъ отъ нея, что въ его отсутствіе она еще больше страдала физически и нравственно, чѣмъ раньше. Ея щеки, зарумянившіяся при его пріѣздѣ, снова поблѣднѣли, взглядъ ея глазъ былъ туманенъ. Когда онъ увидѣлъ свою внучку въ такомъ положеніи, у него защемило сердце. Но вѣдь дѣло уладится въ нѣсколько дней. Розенбаумъ снова появится въ Лакенбахѣ, и все горе какъ рукою сниметъ. Не будетъ ли лучше всего сознаться ей, что онъ былъ въ Вѣнѣ и что ея женихъ ожидаетъ только полученія ученой степени, чтобы поспѣшить въ ея объятія? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ рѣшиться на это. Кто знаетъ, какъ она, гордая, приметъ его сообщеніе? И наконецъ, дѣло шло еще только объ одномъ днѣ, а не о многихъ; не дальше какъ на слѣдующее утро должно получиться письмо Эмиля, и его содержаніе навѣрное будетъ такъ сердечно, что она забудетъ всѣ свои страданія.

Онъ велѣлъ подать себѣ завтракъ, и, наливая кофе изъ большой чашки, старался разсѣять горе Матильды. Онъ разспрашивалъ ее, что новаго произошло за его отсутствіе, и повидимому чрезвычайно интересовался тѣмъ, что у Гартенштейна былъ полонъ домъ гостей. Онъ съ живостью разспрашивалъ ихъ имена и происхожденіе, но Матильда не могла сообщить ему подробныхъ свѣдѣній. Она знала только, что въ замокъ поѣхало множество людей со множествомъ чемодановъ. Сама она никого не видѣла, потому что не выходила изъ дому, но Монесъ Визель былъ тамъ и цѣлый часъ разсказывалъ о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ: у старика Гартенштейна, который тоже тамъ, онъ видѣлъ на пальцѣ кольцо съ брилліантомъ стоющимъ больше, чѣмъ цѣлый домъ, но наибольшее впечатлѣнье произвели на него восемь тростей, находившихся въ поклажѣ господина Гартенштейна; восемь тростей! по одной на каждый будничный день и двѣ на субботу!

— Мнѣ и безъ того нужно до обѣда сходить на усадьбу,—замѣтилъ докторъ,—и я тамъ узнаю всѣ новости. Но какъ же ты такъ мало интересуешся этимъ? Ты все время сидишь въ четырехъ стѣнахъ, и потому не удивительно, что плохо выглядишь и всегда вѣшаешь носъ. Ты молода и здорова, почему бы тебѣ не встрѣчаться съ другими дѣвушками? Тебѣ предстоитъ прекрасное, радостное будущее, ты станешь супругой того, кого любишь, такъ въ чемъ же причина твоего горя и дурного настроенія? Матильда устремила на своего дѣдушку умоляющій взоръ, но молчала, Она потупилась и съ нервной поспѣшностью стала перебирать ленты своего передника.

— Фантазіи и больше ничего! Такая молоденькая головка придумываетъ различныя небылицы и въ концѣ концовъ начинаетъ считать ихъ неопровержимыми истинами, а на самомъ дѣлѣ это только фантазіи, миражи. Дѣточка, дѣтка, подыми веселѣй головку, къ намъ идетъ кто-то.

Не успѣлъ докторъ договорить, какъ въ дверь постучали и вошелъ молодой Гартенштейнъ. Онъ увидѣлъ печальное лицо, опущенный взоръ Матильды и сказалъ: «Быть можетъ, я помѣшалъ? Было бы очень жаль: я пришелъ сюда вздохнуть свободно; уже два дня меня травятъ какъ гончую собаку. У меня голова пошла кругомъ. Подумайте: живешь себѣ спокойно, и вдругъ свалится тебѣ на голову куча гостей, предъявляющихъ сотни претензій. Но прежде всего—здравствуйте, фрейлейнъ Матильда. Вы не подадите мнѣ руку?»

Она смущенно взглянула ему въ лицо, но съумѣла еще въ послѣднюю

Digitized by Google

минуту побороть себя. На ея губахъ появилась любезная улыбка, и она подала руку Гартенштейну.

— Какая у васъ холодная рука и какъ она дрожитъ!—сказалъ сочувственно Гартенштейнъ.—Вы нездоровы, фрейлейнъ Матильда?

— Это пройдетъ,—замѣтилъ докторъ,—нервность, утомленіе и совершенно излишняя хандра. Ну, господинъ Гартенштейнъ, вы еще посидите здѣсь немного? Развлекайтесь или отдохните, а я пока подойду къ своимъ паціентамъ.

— Ахъ да, чтобы не забыть: зайдите и въ Горкау къ моей сестрѣ. Кажется, она немного простудилась,—сказалъ Гартенштейнъ.

— Какъ, и графиня здѣсь? Она въ Горкау, а не у васъ?

— У меня не хватило мѣста; у меня живутъ отецъ, братъ и нѣсколько гостей. Сестрѣ моей было тѣсно и она переселилась со своимъ мужемъ и нѣсколькими гостями въ Горкау, къ барону Эккерту. Потому то оно и такъ утомительно: мнѣ постоянно приходится бывать то въ Лакенбахѣ, то въ Горкау.

— Но вѣдь это ваши ближайшіе родственники?

— Я предпочелъ бы, чтобы они остались въ Вѣнѣ.

— Ну, вамъ это лучше знать. Итакъ, до свиданья. Но въ Горкау я попаду только послѣ обѣда. Пожалуйста, передайте это графинѣ, если увидите ее раньше. До обѣда у меня здѣсь много дѣла.

Докторъ ушелъ, а Гартенштейнъ, который до сихъ поръ говорилъ стоя, сѣлъ на диванъ.

— А теперь я къ вамъ, фрейлейнъ Матильда,—сказалъ онъ.—Я хочу исполнить порученіе вашего дѣдушки и немного развлечь васъ. Но чувствуете ли мы ко мнѣ довѣріе? Видите ли, я вполнѣ искренно другъ вашъ, лучшій послѣ вашего дѣдушки и жениха. Вотъ, садитесь сюда къ окну. Я хочу васъ видѣть близко, чтобы знать, принесутъ ли пользу мои старанія или же вы посмѣетесь надъ ними.

— Вы хотите подвергнуть меня допросу?—спросила Матильда улыбаясь и присѣла къ столику у окна.—Но я не знала, что теперь менѣе весела, чѣмъ была прежде. Развѣ я была когда-нибудь особенно весела и жива?

— Нѣтъ, не были, фрейлейнъ Матильда. Въ вашемъ лицѣ всегда было что-то грустное, но съ недавнихъ поръ я замѣчаю въ васъ какую то особенную подавленность. Я уже говорилъ объ этомъ съ вашимъ дѣдушкой.

— Съ дѣдушкой?

— Да онъ думаетъ, что это изъ за вашего жениха.

Матильда покраснѣла и вскочила со стула.

— Я... я не знаю, чего дѣдушка хочетъ отъ меня и что онъ думаетъ о господинѣ Розенбаумѣ—говорила она прерывающимся голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Простите меня, фрейлейнъ Матильда. Вы правы, что разсердились. Какое право я имѣю вмѣшиваться въ ваши сердечныя дѣла! Но мнѣ такъ больно видѣть ваши страданія! Если бы мнѣ удалось развеселить и утѣшить васъ, я охотно сдѣлалъ бы это. Докторъ Гутманъ разсказывалъ мнѣ о вашемъ женихѣ, что это интересный и энергичный человѣкъ. Я и самъ его разъ видѣлъ, впрочемъ, лишь мелькомъ; это очень красивый молодой человѣкъ лѣтъ. Въ прошлое лѣто вы ждали его посѣщенія, но онъ не пріѣхалъ, потому что сдавалъ экзаменъ, но

Digitized by Google

коро онъ окончитъ свои занятія, пріѣдетъ и навсегда останется съ вами. Вы сомнѣваетесь въ его любви, потому что онъ не пріѣхалъ, а также рѣже писалъ, и это васъ огорчаетъ.

— Какъ хорошо и вы, и дѣдушка, умѣете читать въ моемъ сердцѣ!— возразила Матильда насмѣшливо.

— Вы правы! Я взялъ на себя очень неблагодарную роль и заслуживаю насмѣшки. Но я думаю, что вы считаете меня близкимъ другомъ, почти братомъ, а потому осмѣлился говорить съ вами о вещахъ, которыхъ иначе не коснулся бы. Я вполнѣ понимаю ваше горе. Вы были еще ребенкомъ, шестнадцатилѣтней дѣвочкой, когда въ вашемъ сердцѣ зародилась любовь къ господину Розенбауму и съ тѣхъ поръ вы лелѣете и храните эту любовь какъ благоухающій бѣлый бутонъ, который, можетъ быть, больно задѣть малѣйшимъ дуновеніемъ, и его задѣло то, что вашъ женихъ посвящалъ больше времени своимъ занятіямъ, чѣмъ своей любви. Но примите во вниманіе, фрейлейнъ Матильда: все, что онъ дѣлаетъ, все это въ вашихъ интересахъ. Именно потому, что онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе имѣть на васъ право, онъ и накинулся на занятія со всѣмъ усердіемъ и сталъ изъ за этого немного невнимательнымъ.

— Господинъ Гартенштейнъ, вы разсказываете мнѣ совершенно новыя вещи,—замѣтила Матильда улыбаясь.

— Фрейлейнъ Матильда, вы отвергаете мою дружбу? Вы насмѣхаетесь надо мной?

— Отвергнуть вашу дружбу? Вы знаете, что я этого никогда не сдѣлаю. Но для чего вы говорите мнѣ о вещахъ, которыя я...

— Которыя вы... хотѣли бы хранить въ своемъ сердцѣ и которыхъ никто не долженъ касаться?

Она взглянула ему въ лицо продолжительнымъ глубокимъ взглядомъ, потомъ опустила глаза на полъ и промолчала.

— Но вѣдь васъ безпокоитъ и печалитъ отношеніе къ вамъ вашего жениха?—продолжалъ онъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала она просто.

Мрачная тѣнь пробѣжала по ея лицу, и онъ слегка провелъ рукой по лбу, какъ будто отгоняя докучливую мысль. Онъ долго задумчиво глядѣлъ въ пространство и наконецъ сказалъ совершенно измѣнившимся голосомъ:

— Тогда вы просто недовольны своею судьбой, необходимостью вѣчно жить здѣсь въ Лакенбахѣ, въ этой жалкой деревушкѣ?

Она улыбнулась, но онъ этого не замѣтилъ.

— Вы не знаете свѣта, фрейлейнъ Матильда, — продолжалъ онъ. Вы не знаете, сколько горестей и низостей въ немъ заключается.

— Какъ? И вы жалуетесь, господинъ Гартенштейнъ? Вы молоды, богаты, свѣтъ принадлежитъ вамъ.

— Свѣтъ? Я былъ бы вполнѣ доволенъ, если бы могъ жить въ покоѣ. Я постоянно не въ ладу съ моимъ отцомъ, сестрою и братомъ. Они придерживаются совершенно другихъ воззрѣній, чѣмъ тѣ, которыя я себѣ выработалъ Все ихъ стремленіе направлено къ тому, чтобы скрыть свое происхожденіе и получить доступъ въ кругъ общества, который не хочетъ принять ихъ. Получаемые ими щелчки кажутся имъ лестью, и вѣчно безъ конца они дѣлаютъ попытки казаться иными чѣмъ

Digitized by Google

они есть на самомъ дѣлѣ. Но мнѣ хотѣлось бы жить въ покоѣ, безъ блеска и парада, и если я даже никогда не добьюсь разрѣшенія задачи которую себѣ поставилъ, то все-таки буду доволенъ, что хоть сколько нибудь облегчилъ судьбу своихъ единовѣрцевъ.

— Итакъ высочайшая ваша цѣль—эмансипація евреевъ?

— Эмансипація, какую я себѣ представляю, никогда не наступитъ но долженъ ли я поэтому опустить руки? Сердце мое обливается кровью когда я вижу, что и спустя тысячу лѣтъ преслѣдованіе евреевъ не прекратилось, и самое пламенное стремленіе моей жизни—помочь имъ облегчить ихъ страданія.

— Не происходятъ ли и недоразумѣнія между вами и вашей семьей изъ-за слишкомъ сильной симпатіи, обнаруживаемой вами по отношенію къ евреямъ?

— Было бы некрасиво говорить объ этомъ, если бы я не считалъ васъ своимъ другомъ, передъ которымъ у меня нѣтъ тайнъ. Изъ-за моей любви къ евреямъ я и теперь получилъ отъ отца нахлобучку. Онъ выставляетъ самую тяжелую артиллерію, чтобъ измѣнить мой образъ мыслей.

— Онъ думаетъ лишить васъ наслѣдства?

— Нѣтъ, онъ хочетъ женить меня.

Матильда опустила голову, такъ, чтобы онъ не могъ видѣть ея лица. «А вы противитесь этому?»—спросила она тихо.

— Сонъ, казавшійся мнѣ столь прекраснымъ! Извнѣ борьба, чтобы помочь своему несчастному народу, а дома — тихое счастье вмѣстѣ съ любимой женой. Погибло все, по крайней мѣрѣ погибъ счастливый семейный очагъ!

— Вы любили, господина Гартнештейнъ? О, простите, что я задаю такой нескромный вопросъ Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны отвѣчать мнѣ...

Она встала со своего мѣста и подошла къ нему поближе. «Я причинила вамъ страданіе? Не сердитесь на меня!» Она схватила его правую руку и сжала ее обѣими своими руками. «Повѣрьте мнѣ, что я отъ всего сердца желаю вамъ счастья, котораго вы жаждете и... вполнѣ заслуживаете».

— Нѣтъ, я не заслуживаю его,—сказалъ онъ взволнованно,—иначе я имѣлъ бы его. Отъ васъ, фрейлейнъ Матильда, мое горе далеко. Что значитъ для васъ богатство и внѣшняя борьба въ мірѣ? Вы любите и взаимно любимы. Еще нѣсколько дней, и вашъ женихъ придетъ въ ваши объятія. Вы будете счастливы и забудете все окружающее, также и меня. И если я когда-нибудь вспомню о нашемъ добромъ дружескомъ союзѣ, то вы измѣрите меня изумленнымъ взглядомъ и разсердитесь, что я помѣшалъ вашему счастью хотя бы на мгновеніе.

Онъ умолкъ и задумался. Вдругъ онъ въ испугѣ вздрогнулъ. Ему показалось, что онъ слышитъ плачъ Матильды. Онъ повернулъ къ ней свое лицо, и она разразилась такими сильными рыданіями, что вся ея фигура вздрагивала.

— Ради Бога, фрейлейнъ Матильда,—воскликнулъ онъ тоскливо,—я огорчилъ васъ?

— О, для чего вы говорите со мною постоянно о моемъ женихѣ? Для чего вы такъ меня мучаете?—вырвалось у нея. Она прижимала

Digitized by Google

обѣ ладони къ лицу, орошенному слезами. Почти хриплымъ отъ волненія голосомъ онъ воскликнулъ:

— Мнѣ васъ мучить, фрейлейнъ Матильда! мнѣ, который отдалъ бы вамъ кровь своего сердца и всю свою жизнь, еслибъ я могъ этимъ обезпечить ваше счастье, прогнать вашу печаль? Фрейлейнъ Матильда, такого вы мнѣнія обо мнѣ?

Тогда она поднялась со своего мѣста. Ея высокая фигура выпрямилась, она стояла передъ нимъ въ красѣ и величіи. Ея лицо было блѣдно, а глаза, еще полные слезъ, сверкали. Она сжала руки, и ея губы дрожали.

— Не говорите со мной, о моемъ женихѣ,—воскликнула она,—я ненавижу его, этого несчастнаго человѣка, который выманивалъ у моего дѣда послѣднія сбереженія, а теперь не наберется храбрости, открыто сознаться, что не хочетъ меня имѣть женою, потому что я бѣдна, а подготовляетъ разрывъ самымъ трусливымъ и коварнымъ образомъ. Я питаю отвращеніе къ нему и всѣмъ его изворотамъ, которые онъ примѣняетъ уже цѣлый годъ, чтобы нарушить наше обрученіе. Онъ не знаетъ, какое счастье приноситъ онъ мнѣ своими дѣйствіями, и съ какою радостью я сообщила бы дѣдушкѣ, что, слава Богу, все кончено, если бы я не опасалась причинить этимъ бѣдному старику страшное разочарованіе. Онъ такъ безпокоится о моемъ будущемъ и не знаетъ, что станетъ со мною послѣ его смерти, если моя помолвка съ господиномъ Розенбаумомъ разстроится.

Она говорила въ сильномъ волненіи и когда кончила, то силы оставили ее, она упала въ уголъ дивана и снова такъ зарыдала, что, казалось, у нея разорвется сердце.

— Вотъ какъ! я изумленъ и пораженъ, — сказалъ Гартенштейнъ, немного придя въ себя.—Я думалъ, что вы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ вашимъ женихомъ, что вы безконечно счастливы, что онъ скоро вернется, и вдругъ я слышу такія рѣчи? Мнѣ кажется что тутъ недоразумѣніе, фрейлейнъ Матильда. Вашъ гнѣвъ черезчуръ силенъ; такъ гнѣвается только любовь!

— Любовь?—сказала она, вставая.—Я никогда его не любила, никогда, никогда, никогда! Я была ребенкомъ, а онъ былъ первымъ молодымъ человѣкомъ, попавшимся мнѣ на пути; я воображала себѣ, что люблю его, а это только увлеченіе его льстивыми рѣчами, которыми онъ отуманилъ мое тщеславіе. Я уже очень скоро убѣдилась, что не люблю его и никогда не любила. Но мой дѣдушка обручилъ меня съ нимъ, онъ считалъ эту помолвку моимъ счастьемъ, и чтобы не огорчать его, я молча несла цѣпь, которою была скована. Я была ребенкомъ и не знала, что дѣлала, я не знала этого, не знала...

— Но ясно ли вамъ ваше чувство, вполнѣ ли ясно?

— Яснѣе солнца!

— А если вы его все-таки любите?

— Я не люблю его, я не люблю его! И теперь вы будете продолжать мучить меня имъ? Нѣтъ, вы перестанете, когда я скажу вамъ... Слушайте: я не могу любить его, по той простой причинѣ, что... люблю другого!

— Другого?—спросилъ Гартенштейнъ и поблѣднѣлъ при этомъ вопросѣ.

Digitized by Google

— Да, другого,—отвѣтила она.—И его я люблю съ перваго дня, какъ его увидѣла. Я люблю его всѣми фибрами своего сердца и тѣла. Я люблю его, какъ возлюбленнаго, какъ супруга, какъ своего отца. Я такъ люблю его, что хотѣла бы быть его слугою, умереть за него. Мои стремленія и чувства живутъ только имъ, и если бы онъ поднялъ на меня свою руку, я оросила бы ее слезами благодарности.

— Фрейлейнъ Матильда, вы говорите какъ въ лихорадкѣ, вы въ жару. А кто этотъ другой?

— Сказать вамъ это? Ха, ха, ха!—Она захохотала, а затѣмъ, не говоря ни слова, отошла отъ него и поспѣшно скрылась въ сосѣднюю комнату.

Онъ не смотрѣлъ ей вслѣдъ, но закрылъ глаза рукою, какъ будто бы просыпаясь отъ долгаго, тяжелаго сна. Онъ простеръ впередъ руки, его крѣпкая фигура затрепетала, смуглое лицо покрылось глубокимъ румянцемъ. Такъ стоялъ онъ съ полузакрытыми глазами, какъ будто все еще охваченный какимъ то сномъ. Затѣмъ онъ опустилъ голову и однимъ прыжкомъ очутился въ сосѣдней комнатѣ, возлѣ Матильды, которая прижалась лицомъ къ стекламъ окна. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко держалъ въ своей, а затѣмъ воскликнулъ хриплымъ голосомъ: «Кто... кто... этотъ другой?»

Она не отвѣтила, но только еще сильнѣе прижимала лицо къ стеклу. Тогда онъ почти насильно повернулъ ее къ себѣ: «Кто этотъ другой?» Она все еще молчала, но ея глаза устремленные на него, были широко раскрыты, и слеза за слезою катились, какъ жемчугъ, по ея щекамъ. Какой то трепетъ охватилъ все его тѣло.—Матильда?! — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ и открылъ объятія.

А она, охваченная опьяненіемъ любви, закрыла глаза, бросилась ему на грудь, и обхватила его своими руками и спрятала свое лицо у него на плечѣ.

Онъ крѣпко обнялъ ее и нѣжно гладилъ блестящіе темные волосы. «Выплачь свое горе, дорогая моя, шепталъ онъ ей,—плачь! Эти слезы унесутъ твои страданія, которыя такъ долго удручали твое сердце. И когда ты выплачешься, то взгляни мнѣ въ глаза, и ты увидишь тамъ свое счастье, которое есть и мое счастье. Теперь взошло солнце, и небо блеститъ чистой лазурью, Всѣ страданія и заботы исчезли, и я держу тебя въ своихъ объятіяхъ и никогда не отпущу тебя».

Онъ нѣжно подвелъ ее къ дивану и опустился передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки и прижималъ свое лицо къ ея ладонямъ, покуда она не наклонилась къ нему, обвила свои руки вокругъ его шеи и запечатлѣла поцѣлуй на его губахъ. Они шептали другъ другу лишь полуслова, непонятные звуки. Ихъ счастье было слишкомъ огромно, чтобы они могли найти для него выраженіе; они были только въ состояніи глядѣть другъ другу въ глаза, пожимать руки и прижиматься щекою къ щекѣ, и они сидѣли бы такъ еще долго, если бы не пришло нѣсколько больныхъ крестьянъ, которые хотѣли подождать доктора.

Они разстались, опьяненные счастьемъ. «Не говори ничего, не говори мнѣ ни слова»,—шепталъ онъ ей. «Гляди только на меня своими прелестными глазами, въ которыхъ я читаю свое счастье. Теперь мы неразлучно принадлежимъ другъ другу. Мы будемъ оба молчать, но только

Digitized by Google

сколько дней, пока мой отецъ не уѣдетъ, затѣмъ я самъ приду и по-шу у дѣдушки твоей руки. Прощай!»

Онъ ушелъ, она же улыбалась съ радостью въ душѣ, и слезы счастья ли по ея просвѣтлѣвшему лицу.

VIII.

Когда Генрихъ Гартенштейнъ вышелъ изъ дома доктора, онъ не ви-ъ ничего кромѣ солнца. Оно сіяло у него надъ головою и блистало редъ нимъ на дорогѣ; все было полно блеска, свѣта, теплоты. Онъ тановился среди дороги и закрылъ глаза, потому что море свѣта ослѣп-ло его. Когда онъ захотѣлъ снова двинуться въ путь, то спросилъ ія: куда? Въ усадьбу къ отцу? въ Горкау къ сестрѣ? У него ысли путались въ головѣ, онъ самъ не зналъ, куда направить свои ги. Вдругъ обратила на себя его вниманіе Фраделе Бернеръ, старуха ьмидесяти лѣтъ, Она стояла на разстояніи трехъ шаговъ отъ него, къ будто бы хотѣла просить милостыни, но не говорила ничего и не отягивала ему руки; лишь по ея полупотухшимъ глазамъ онъ видѣлъ, о она хочетъ милостыни. Онъ подошелъ къ ней, вынулъ изъ бумаж-ка билетъ въ сто гульденовъ и подалъ ей. Она держала бумагу въ кахъ и вопросительно смотрѣла на него.

— Денегъ! нѣсколько крейцеровъ, баринъ!—просила она.

— Ну, вотъ вамъ, здѣсь больше, чѣмъ вы просили.

Она возвратила ему билетъ.

— На что мнѣ картинка? Дайте мнѣ денегъ, баринъ, мѣдныхъ денегъ!

Онъ взялъ назадъ бумажку и сталъ рыться въ карманахъ. На-нецъ онъ отыскалъ четыре серебряныхъ гульдена и подалъ ей. Тогда сморщенное лицо озарилось радостью. Она разсыпалась въ благодар-стяхъ и хотѣла поцѣловать ему руку, но онъ пошелъ впередъ быстрыми гами. Съ улицы, въ концѣ которой стояла синагога, къ нему доноси-сь громкіе крики и гоготаніе. Онъ замѣтилъ цѣлую толпу дѣтей, ко-рая окружала кого-то съ гикомъ и насмѣшками. При его приближе-и дѣти разбѣжались и боязливо остановились только тогда, когда были е на разстояніи пятидесити шаговъ. Оттуда они съ напряженнымъ бопытствомъ смотрѣли на Гартенштейна, который теперь подошелъ уже самому предмету ихъ насмѣшекъ. Это былъ Файвеле Принцъ, дере-нскій шутъ, добродушный дурачекъ, служившій мишенью насмѣшекъ кенбахскаго юношества. Это человѣкъ небольшого роста съ дуго-разно искривленными ногами, растрепанной бородой, испачканнымъ цомъ и самодовольно моргающими глазками. Но особенно вызывалъ омкое ликованіе юношей странный нарядъ Файвеля. На немъ былъ асный фракъ съ желтыми пуговицами, бѣлые панталоны, сапоги съ лтыми отворотами, а на головѣ цилиндръ, однимъ словомъ, совершенно кой видъ, какъ у аристократовъ во время охоты на лисицъ.

Гартенштейнъ остолбенѣлъ на мгновеніе, затѣмъ лицо его покрылось стымъ румянцемъ. Этотъ добродушно улыбающійся шутъ очевидно лъ кѣмъ-то наряженъ въ странный костюмъ, чтобы осмѣять ста-го господина Гартенштейна. Дѣло въ томъ, что вѣнскій банкиръ, го-ившій уже два дня у своего сына въ Лакенбахѣ, любилъ появляться редъ деревенскими жителями въ красномъ фракѣ, бѣлыхъ панталонахъ,

Digitized by Google

сапогахъ съ отворотами и хлыстомъ въ рукѣ, чтобы вызывать этим ихъ удивленье, хотя онъ никогда въ жизни не сидѣлъ на лошади и н былъ на охотѣ. Ему было пріятно блистать передъ своими единовѣр цами и казаться имъ въ этомъ непонятномъ для нихъ нарядѣ какимъ-т чудомъ съ другого свѣта; и онъ не пропускалъ ни одного случая по явиться, словно охотникъ, въ красномъ фракѣ.

И этою слабостью кто-то воспользовался, чтобы осмѣять его, пу стивъ Файвеле Принца гулять по улицамъ Лакенбаха также въ крас номъ фракѣ. Конечно, не деревенскій житель могъ позволить себѣ эт скверную шутку. Да откуда досталъ бы онъ такой красный фракъ Очевидно, это устроилъ кто-нибудь въ Горкау, одинъ изъ гостей барон Эккерта, которые обращались съ богатымъ еврейскимъ банкиромъ почт какъ съ равнымъ, а за спиною немилосердно осмѣивали его. Да съ еврейскимъ милліонеромъ встрѣчались, потому что изъ него, по жалуй, можно было извлечь пользу, но при всякомъ удобномъ случа надъ нимъ безжалостно насмѣхались.

Гартенштейнъ быстро подошелъ къ Файвеле и схватилъ его за во ротникъ; онъ хотѣлъ спрятать полоумнаго въ какомъ нибудь домѣ, чтобы замять вызванный имъ переполохъ. Кромѣ того онъ боялся, что можетъ прійти его отецъ и собственными глазами увидѣть, какую штуку съ нимъ сыграли. Но красный фракъ еще блисталъ на улицѣ, когда дѣйстви тельно показался и старый Гартенштейнъ.

Въ полномъ сознаніи своей неотразимости появился старый Гартен штейнъ въ красномъ фракѣ и бѣлыхъ панталонахъ, постукивая въ тактъ хлыстомъ по своимъ сапогамъ съ отворотами. Прошло не больше ми нуты, и Файвеле и старый Гартенштейнъ стояли одинъ противъ другого и съ удивленіемъ разглядывали другъ друга.

Старый Гартенштейнъ, высокій, крѣпкій мужчина, весь побагровѣлъ отъ гнѣва, видя такую насмѣшку надъ собою. Онъ поднялъ хлыстъ и хотѣлъ ударить Файвеле, но сынъ удержалъ его руку.

— Кто позволилъ себѣ эту дерзость? — спросилъ старикъ, дрожа отъ гнѣва.

— Объ этомъ ты спроси своихъ друзей въ Горкау, — сказалъ Ген рихъ,—потому что жители Лакенбаха, эти простаки, едва ли имѣютъ въ своемъ распоряженіи красные фраки для такихъ шутокъ.

— Уберите прочь этого человѣка, и долой съ него фракъ!—крик нулъ старикъ Гартенштейнъ, но Файвеле горячо протестовалъ.

Онъ показалъ два серебряныхъ гульдена, за которые онъ долженъ сегодня и завтра гулять въ красномъ фракѣ; если онъ его сниметъ, то потеряетъ вознагражденіе.

— Гдѣ онъ живетъ? — спросилъ Генрихъ окружающихъ дѣтей, ука зывая на Файвеле.

— У философа!—закричали они почти въ одинъ голосъ.

— У философа? Кто это?

Но они не знали его имени.

— Философъ—это философъ, и если угодно, они отведутъ туда гос подъ и Файвеле.

По знаку, данному Генрихомъ, нѣсколько самыхъ сильныхъ мальчи шекъ схватили Файвеле за руки, и, несмотря на его сопротивленіе, почти

Digitized by Google

ильно повели къ дому «философа». Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ синагогой.

Странное шествіе—Файвеле въ нарядѣ, эскортируемый почти насильно сколькими мальчишками и окруженный толпой шумящихъ и ликующихъ дѣтей, а позади старый и молодой Гартенштейны—было встрѣчено лософомъ, стоявшимъ у открытаго окна, со стоическимъ спокойствіемъ.

Вѣроятно, потому-то онъ и получилъ прозвище «философа», что ни-о на свѣтѣ не могло вывести его изъ состоянія покоя. Его звали ифъ Брандль. Онъ много лѣтъ тому назадъ былъ учителемъ, пока онъ сталъ часовымъ мастеромъ, вырѣзывалъ еврейскія надписи на гильныхъ камняхъ, торговалъ по мелочамъ сушеными сливами, далъ на прокатъ читать Клаурана и Коцебу дѣвушкамъ, жаждущимъ разованія, изготовлялъ на заказъ свадебныя стихотворенія и умѣлъ иметрично наклеивать на листъ бумаги вырѣзанные изъ иллюстрированныхъ журналовъ рисунки, такъ что изъ нихъ получалась большая карна, которая, будучи вставлена въ раму, представляла собою хорошее ршеніе.

Философъ облокотился на окно руками въ широкихъ рукавахъ и окойно курилъ свою длинную трубку. Онъ и не моргнулъ, когда стаій Гартенштейнъ погрозилъ ему кулакомъ и закричалъ громовымъ госомъ: «За это безобразіе я привлеку васъ къ отвѣтственности и если сейчасъ не уладите всего, посажу васъ въ тюрьму».

Старикъ, подбородокъ котораго былъ украшенъ короткой бѣлой щетистой бородой, продолжалъ спокойно курить.

— Слышали вы?—воскликнулъ Гартенштейнъ гнѣвно.

Философъ вынулъ трубку изо рта и сказалъ спокойно:

— Я слышалъ.

— Я васъ посажу въ тюрьму!

— Посадите въ тюрьму? Хорошо!

— На хлѣбъ и на воду!

Философъ кивнулъ головой.

Генрихъ видѣлъ, что такъ они не сговорятся, и просилъ Брандля, что-онъ приказалъ Файвеле снять костюмъ.

— Снять? Зачѣмъ ему снимать? Конечно, фракъ ему не такъ къ цу, какъ господину Гартенштейну, но если и Файвеле вздумается йти на охоту за лисицами, то кто можетъ ему это запретить?

— Вы, повидимому, не знаете, съ кѣмъ говорите?—закричалъ старый ртенштейнъ, взбѣшенный.—Знаете ли вы, кто я?

— Знаю ли я? Вы графъ Яковъ, или Исаакъ, или Авраамъ Гарнштейнъ. У васъ тысяча милліоновъ состоянія, и когда императору ебуется мелочь, то онъ занимаетъ ее у васъ.

Генрихъ увидѣлъ, что положеніе все болѣе обостряется, и попытался лать шагъ къ примиренію.—Мы здѣсь на улицѣ не придемъ ни къ му,—замѣтилъ онъ.—Позвольте намъ зайти къ вамъ?

— Мнѣ это доставитъ удовольствіе.

Они вошли въ полутемную комнату съ поломъ изъ плотно утоптанной ины и очень бѣдной обстановкой.

Генрихъ и его отецъ усѣлись на двухъ расшатанныхъ стульяхъ, а лософъ не садился.

— А теперь прошу васъ отвѣтить мнѣ на вопросъ, почему вы не

Digitized by Google

позволили Файвеле снять красный фракъ?—спросилъ Генрихъ.

— Почему? По той простой причинѣ, что я антисемитъ.

Старикъ Гартенштейнъ взглянулъ на него съ удивленіемъ:—Что вы Антисемитъ?

— Вы вѣрно шутите?—замѣтилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, я говорю это совершенно серьезно. Я антисемитъ, антисемитъ противъ богатыхъ. Я ненавижу еврейскихъ милліонеровъ, и если могу причинить имъ какую-нибудь непріятность, то охотно дѣлаю эт Поэтому я съ удовольствіемъ смотрю, какъ Файвеле разгуливаетъ, подоб господину Гартенштейну, въ красномъ фракѣ. Не я внушилъ ему эт да и гдѣ было мнѣ взять красный фракъ? Это сдѣлалъ одинъ изъ господъ Горкау. Но я такъ же антисемитъ, какъ и господа въ Горкау, и по м пусть Файвеле носитъ красный фракъ.

— Что же вамъ сдѣлали еврейскіе милліонеры?—спросилъ Генрихъ.— Ротшильды не мало сдѣлали для еврейства.

— Они даютъ деньги, это все, и не стыдятся быть евреями. Для Ротшильдовъ я готовъ сдѣлать исключеніе, но сотни другихъ еврейскихъ милліонеровъ, создавшихъ себѣ состояніе только за послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ, составляютъ проклятье для іудейства.

— Вы, кажется, немного пересолили, господинъ философъ?—замѣтилъ старикъ Гартенштейнъ.

Философъ смѣрилъ его презрительнымъвзглядомъ.—Я не диспутирую съ вами,—сказалъ онъ.—Вашъ сынъ спросилъ меня о моемъ мнѣніи, и ему я отвѣчаю. Все, что мы, евреи, вытерпѣли въ послѣднее время, всему этому виною милліонеры. Какъ только они соберутъ первый милліонъ, то начинаютъ презирать всѣхъ бѣдныхъ евреевъ и выражаютъ это презрѣніе именно въ христіанскомъ обществѣ. Какъ можемъ мы не внушать презрѣнія христіанамъ, когда мы видимъ, что насъ презираютъ наши же единовѣрцы? Кто пыжится и шумитъ: богатый или бѣдный еврей? Кто постоянно стремится протиснуться въ аристократическое христіанское общество, даже если его постоянно встрѣчаютъ насмѣшкой? Еврейскій милліонеръ! Кто выбрасываетъ деньги за окно и возбуждаетъ этимъ зависть всего міра? Еврейскій милліонеръ! Кто показываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что для него послѣдній христіанинъ дороже самаго лучшаго еврея? Еврейскій милліонеръ! Всѣ непріятныя чувства, возбуждаемыя евреями, имѣютъ свой источникъ въ еврейскихъ милліонерахъ. Они отравляютъ мнѣніе о евреяхъ, и когда оно совершенно отравлено, когда возбуждаемая толпа устремляется противъ евреевъ, еврейскій милліонеръ заказываетъ себѣ экстренный поѣздъ и уѣзжаетъ въ Ниццу, а грабятъ и бьютъ бѣднаго человѣка, который никогда не видѣлъ сразу пяти гульденовъ и счастливъ, какъ принцъ, если можетъ въ потѣ лица своего достать для своихъ шести или восьми ребятишекъ черствый хлѣбъ. Милліонеръ виновникъ, а бѣднякъ несетъ послѣдствія. Хорошая справедливость! Кто турокъ, тотъ гордится тѣмъ, что онъ турокъ; кто язычникъ, тотъ гордится тѣмъ, что язычникъ; кто людоѣдъ, тотъ гордится тѣмъ, что онъ людоѣдъ, и только еврейскій милліонеръ не гордится тѣмъ, что онъ еврей. Напротивъ, гдѣ онъ можетъ скрыть свое еврейство, тамъ онъ его скрываетъ, гдѣ онъ можетъ насмѣхаться надъ нимъ, тамъ онъ насмѣхается, и хотя онъ и не дастъ умереть съ голоду

Digitized by Google

своимъ бѣднымъ единовѣрцамъ, но обыкновенно презираетъ ихъ больше, чѣмъ христіанскій антисемитъ!

— Во многомъ, быть можетъ, вы правы,—замѣтилъ Генрихъ,—но не въ томъ, что еврейскій милліонеръ занимаетъ экстренный поѣздъ и уѣзжаетъ въ Ниццу, когда начинается преслѣдованіе его бѣдныхъ единовѣрцевъ. Онъ кичится, стремится къ христіанамъ, скрываетъ свое еврейство, но лишь до тѣхъ поръ, пока еврейство не въ опасности. Когда же еврейству грозитъ опасность, то всѣ эти милліонеры сейчасъ же вспоминаютъ, что они евреи. Тогда они не уходятъ въ другія общества, а снова начинаютъ видѣть брата въ еврейскомъ тряпичникѣ. Они отвращаются отъ еврейства, когда оно въ безопасности, но въ минуту опасности они снова вспоминаютъ старое изреченіе, гласящее: «всѣ евреи братья». Но мы перешли на серьезную тему, а я этого не желалъ бы. Нельзя ли мнѣ повторить свою просьбу относительно краснаго фрака? Если мой отецъ и не истинный еврей, то я одинъ изъ нихъ, и что вы не сдѣлали бы ради него, быть можетъ вы исполните для меня?

— Файвеле, сними красный фракъ!—закричалъ философъ бѣдному безумцу, стоявшему все время въ углу комнаты и съ любопытствомъ разглядывавшему маленькое общество.

Послѣ этихъ словъ философа Файвеле сталъ громко выть.

— Сними сейчасъ же фракъ,—повторилъ старикъ,—иначе ты сегодня вечеромъ не получишь ужина. Вы можете быть спокойны,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Гартенштейну,—съ этой минуты вы одинъ только въ Лакенбахѣ будете носить красный фракъ.

Старый Гартенштейнъ досталъ бумажникъ, вынулъ оттуда крупный банковый билетъ и хотѣлъ передать его философу, но тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Можете обратно спрятать деньги!—сказалъ онъ,—я не возьму ничего!

— Вы ничего не возьмете? А чѣмъ же вы живете?

— Чѣмъ я живу? У меня два хорошихъ помощника: я самъ себѣ помогаю, и Господь мнѣ также помогаетъ. Такъ я достигъ восьмидесятилѣтняго возраста и всегда былъ здоровъ и доволенъ!

— Да, вы, видно, скромный человѣкъ,—замѣтилъ старый Гартенштейнъ.

— Называйте это скромностью—я называю это философской жизнью. Вотъ, напримѣръ, когда вы такъ сидите передо мной въ красномъ фракѣ и бѣлыхъ панталонахъ и при этомъ злитесь, какъ злились раньше, или же, если вы проѣзжаете мимо меня въ своемъ экипажѣ съ такимъ кислымъ лицомъ, какъ будто бы у васъ въ желудкѣ была фабрика уксусу, я думаю про себя: красивый экипажъ хорошъ, но теплые сапоги также хороши, и мнѣ сапоги доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ вамъ экипажъ. И если я на праздникъ имѣю жаркое, то оно кажется мнѣ необыкновенно вкуснымъ, больше, чѣмъ вамъ, потому что Господь, положимъ, и далъ вамъ больше денегъ, чѣмъ мнѣ, но зато у меня хорошій желудокъ, и онъ стоитъ больше всѣхъ вашихъ денегъ. Я живу спокойно и тихо, и доволенъ, у васъ же нѣтъ ни минуты спокойной, потому что вы стремитесь къ знатности и дѣлаете все, чтобы быть послѣднимъ среди христіанской знати, между тѣмъ какъ среди евреевъ вы могли бы быть однимъ изъ первыхъ. Вы богаты и не счастливы, потому что вы не ари-

Digitized by Google

стократъ, но если бы вы и стали аристократомъ, то и тогда не были счастливы. Долженъ ли я чувствовать себя несчастливымъ, потому что я не аристократъ и бѣденъ? Природа все уравниваетъ. Какъ вы привыкли къ своему богатству и знатности, такъ и я привыкъ къ своей бѣдности и неизвѣстности. Привычка лишаетъ богача надменности, а бѣдняка его горестей, и такимъ образомъ шансы въ концѣ концовъ уравниваются. Бѣдняки много плачутъ, но и богачи и аристократы не всегда смѣются, и если вамъ, господинъ Гартенштейнъ, и можно въ чемъ позавидовать,—такъ не въ томъ, что вы роскошно живете,—нѣтъ, это скорѣе надоѣдаетъ, а потому, что вамъ такъ легко быть честнымъ человѣкомъ.

— Съ меня довольно вашей философіи,—прервалъ его старикъ Гартенштейнъ,—но въ моемъ сынѣ вы вѣроятно нашли бы себѣ хорошаго ученика. У него тоже такія фантазіи въ головѣ. Неправда-ли, этотъ человѣкъ какъ разъ по тебѣ? —обратился онъ къ своему сыну.—Быть можетъ, ты вмѣстѣ съ нимъ напишешь книгу о томъ, какъ осчастливить человѣчество.

— Оставимъ въ покоѣ господина Брандля и не будемъ больше мѣшать ему. Мнѣ нужно въ усадьбу. Пойдешь ли ты со мною, папа?

Гартенштейнъ всталъ.—Прощайте, господинъ философъ, и если вы все таки захотите получить предложенныя вамъ деньги, то разыщите моего сына, онъ выдастъ ихъ вамъ.

— Я не буду ихъ брать,—отвѣтилъ Брандль,—для меня служитъ достаточной наградой то, что вы выслушали мою короткую рѣчь. И если я когда нибудь снова могу служить вамъ...

— Благодарю, благодарю! — сказалъ Гартенштейнъ и вышелъ изъ тѣсной комнаты со своимъ сыномъ, который на прощанье горячо пожалъ руку философу.

Молча шли они по улицѣ рядомъ, какъ вдругъ старикъ внезапно остановился и сказалъ:—А все-таки мнѣ хотѣлось бы знать, кто позволилъ себѣ эту дерзость.

— Вспомни, папа, кому ты изъ горкаускихъ господъ не хотѣлъ одолжить денегъ или далъ менѣе, чѣмъ онъ просилъ; онъ это и есть.

— Ахъ, оставь глупыя шутки! Это сдѣлалъ одинъ изъ сыновей Эккерта. Глупые мальчишки совершаютъ всевозможныя пакости, безъ злого умысла.

— Если ты такъ смотришь на дѣло, то у тебя нѣтъ никакого основанія сердиться. Мнѣ же кажется, что тебѣ сдѣлали это съ умысломъ.

— Конечно, ты всегда готовъ говорить дурное объ обществѣ. Не думаешь ли ты начать ссору?

— Я? Да развѣ я ношу красный фракъ?

— Ну, ладно, ни слова больше! И какъ это ты сегодня не разыграешь роль обиженнаго? Ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ во всемъ видѣть антисемитизмъ и всегда притворяться обиженнымъ. Это, вообще, должно кончиться разъ навсегда. Мнѣ все это надоѣло до тошноты. Ты знаешь, я пріѣхалъ сюда, чтобъ устроить тебя.

— Я знаю это, папа, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ это удалось.

— Хорошо, сынокъ, это предоставь уже мнѣ. Ты обѣщалъ мнѣ явиться сегодня въ Горкау и вести себя, какъ кавалеръ.

— Насколько еврей можетъ быть кавалеромъ.

— Оставь меня въ покоѣ со своими проклятыми евреями.

Digitized by Google

— Ахъ, да, папа, ты правъ: мы дѣйствительно прокляты.

— Мы? Что значитъ: мы? Себя я не считаю!

— Ну, мы никогда не придемъ къ соглашенію... Оставимъ этотъ споръ. Въ этомъ вопросѣ мы слишкомъ расходимся другъ съ другомъ.

— Было бы очень печально, если бы нельзя было устроить соглашенія между отцомъ и сыномъ. Мы завтра поговоримъ, и, бьюсь объ закладъ, ты будешь тогда другого мнѣнія. Прощай, я пойду переодѣться. Отправишься ли ты со мною въ Горкау или мнѣ поѣхать съ Раулемъ?

— Я освобожусь только позже. Поѣзжай съ Раулемъ.

— Хорошо, не запаздывай! Тебя ждутъ крупныя событія. Прощай!

— Прощай, папа.

IX.

Когда Генрихъ вечеромъ поѣхалъ въ Горкау, ему на разстояніи ста шаговъ отъ замка попались прогуливавшаяся сестра съ мужемъ. Онъ вышелъ изъ экипажа и подошелъ къ нимъ. На вопросъ, кто уже есть, онъ получилъ отъ сестры короткій отвѣтъ, означавшій, что она готова перейти къ другой, болѣе важной темѣ.

Это была высокая стройная женщина съ блѣднымъ лицомъ, но подвижными чертами лица, которому она, съ тѣхъ поръ какъ стала графиней Людомірской, старалась придать при всякомъ удобномъ случаѣ выраженіе аристократической холодности. Но ей это рѣдко удавалось, потому что ея большіе темные глаза глядѣли слишкомъ живо, даже когда она старалась казаться неподвижной.

Она вмѣстѣ съ мужемъ шла нѣкоторое время молча рядомъ съ братомъ, и затѣмъ внезапнымъ движеніемъ сразу остановилась.

— Генрихъ,—начала она—ты знаешь, что тебя сегодня ожидаетъ?

— Не знаю, но догадываюсь.

— Тебѣ предстоитъ очень серьезная перемѣна въ твоей жизни, важная не только для тебя, но и для всей нашей семьи.

— Говори, Шарлотта, я слушаю.

— Сегодня послѣ обѣда пріѣхала изъ Вѣны въ Горкау баронесса Клара Виттингаузенъ. Она сирота и пріѣхала со своей теткой, баронессой Шкелленбергъ, Клара необыкновенно красивая и воспитанная дѣвушка, аристократка съ ногъ до головы. Она принята въ Вѣнѣ у Гарраховъ, Шварценберговъ, Шенборновъ, Меттерниховъ. Soirées, праздники, собранія, въ этихъ высокоаристократическихъ семьяхъ немыслимы безъ Клары.

— И я,—прервалъ Генрихъ свою сестру — долженъ стать ея мужемъ? Я отлично понимаю. Фрейлейнъ Кларѣ исполнилось тридцать или тридцать пять лѣтъ, она всегда была душою всѣхъ аристократическихъ развлеченій, но на ней не женился никто изъ ея общества, потому что она бѣдна. Такимъ образомъ она состарилась, и теперь, когда у нея исчезла самая послѣдняя надежда, она не имѣетъ ничего противъ того, чтобы осчастливить меня своею рукою, предполагая, что я раньше крещусь и стану барономъ... Нѣтъ, милая Шарлотта, я не сумѣю оцѣнить это счастье. По вашимъ понятіямъ я долженъ былъ бы быть въ восторгѣ, что баронесса Виттингаузенъ нисходитъ до еврея Гартенштейна, но я совершенно не понимаю подобной жертвы.

Digitized by Google

— Ну, не говорилъ я тебѣ, что всѣ приготовленія были не къ чему?— сказалъ графъ Людомірскій, маленькій, подвижной блондинъ.—Видишь милая Шарлотта, можешь разсказывать ему, что угодно, все это не стоит понюшки табаку. Пусть онъ раньше увидитъ баронессу Виттингаузен если она ему понравится и онъ влюбится въ нее, то дѣло пойдетъ сам собою. Видъ красавицы стоитъ больше, чѣмъ наилучшая проповѣдь.

— Пожалуйста, оставь меня, милый Хлодвигъ. Кромѣ женитьбы Ген риха необходимо поговорить еще объ очень важныхъ вещахъ. Генрихъ отъ тебя вполнѣ зависитъ, чтобы мы совершенно оставили позади себ эту постыдную среду, изъ которой мы произошли и которая иногда угро жаетъ еще намъ, какъ призракъ, хотя мы старательно избѣгаемъ ея Клара откроетъ для насъ двери въ аристократическое общество, въ тот кругъ, въ которомъ исчезнутъ и послѣдніе слѣды нашего еврейства. Клара введетъ насъ въ домъ Гарраховъ, Шварценберговъ...

— Шенборновъ и Меттерниховъ,—дополнилъ Генрихъ. — Ну, милая сестрица, у меня нѣтъ ни малѣйшаго интереса къ Гаррахамъ и Шварценбергамъ, я лучше останусь въ обществѣ моихъ Лакенбахскихъ евреевъ.

— Генрихъ, ради Бога, что ты говоришь? — воскликнула его сестра въ ужасѣ.

— Ну, ну.—вмѣшался графъ Людомірскій примиряющимъ голосомъ.— Съ доступомъ въ аристократическіе дома дѣло не такъ-то легко. Если Клара выйдетъ замужъ за Генриха, то Гаррахи и Шварценберги станутъ считать ее еврейкой, хотя она и католичка. Ты плохо знаешь этихъ женщинъ Не сердись, Шарлотта, вѣдь я говорю это не въ обиду. Аристократъ, который взялъ жену не изъ своего круга, можетъ быть снова принятъ въ большомъ свѣтѣ, но аристократка, вышедшая замужъ за еврея, не попадетъ уже туда никогда. И хотя бы ее прежде обожали, и если бы она была прекрасна, какъ ангелъ, все равно, — ей закрытъ доступъ. Знаешь, это величайшее преступленіе, какое только можетъ совершить аристократка. Я знаю аристократію Австріи, Венгріи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, я знаю нѣсколько дюжинъ графовъ, князей и бароновъ, женившихся на дочеряхъ торговцевъ свиньями, фабрикантовъ, банкировъ, грековъ и евреевъ, но я не знаю ни одной аристократки, слышишь ты: ни одной, которая стала бы женою еврея. Эти дѣвушки знаютъ, что тогда онѣ будутъ изгнаны навѣки, и потому онѣ охотнѣе умрутъ съ голоду, чѣмъ выйдутъ замужъ за еврея. Ты, Генрихъ, славный парень и знаешь, что я желаю тебѣ добра, но я не могу представить себѣ, чтобы Клара пожелала выйти замужъ за еврея, крещенаго или некрещенаго, все равно.

— Такъ то я могу разсчитывать на твою поддержку?—сказала его жена съ упрекомъ.

— Поддержку, на мою поддержку? Мнѣ Генрихъ дороже, чѣмъ Клара и я говорю ему всю правду: доступъ въ аристократическіе дома—это пустые разговоры, а чтобы Клара вышла замужъ за еврея, къ этому есть еще другое препятствіе.

— Какъ, есть и другія препятствія?—спросилъ Генрихъ.

— Да, знаешь ли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошла исторія между Кларой и ротмистромъ Бранденбергомъ. Они любили другъ друга, но у него нѣтъ ничего и у нея тоже нѣтъ ничего, такъ что они не могли пожениться. Въ клубѣ много говорили объ этомъ. Эта исторія

Digitized by Google

родолжается уже больше десяти лѣтъ. Баронъ Бухгеймъ, этотъ старый авнъ, хотѣлъ десять лѣтъ тому назадъ жениться на ней. Клара обру-илась съ нимъ, и за то Бранденбергъ пострѣлилъ ему правую руку. у, а затѣмъ они снова сошлись, т. е. Бранденбергъ съ Кларой. Это ыла необыкновенно красивая парочка. Онъ,—самый стройный ротмистръ ъ полку, а она, величественная красавица. А такъ какъ они не могли оженишься, то они... ну, какъ это называется? Ну, однимъ словомъ, ни жили вмѣстѣ. Ты уже знаешь, что я думаю. Она была его воз-юбленной.

— И теперь я долженъ стать ея мужемъ?—воскликнулъ Генрихъ ъ смущеніи.

— Вполнѣ точно я не знаю,—продолжалъ графъ.—Они любили другъ руга, сильно любили, а такъ какъ она все-таки думаетъ выйти за тебя амужъ, то они поссорились и разошлись.

— Ну, по моему они снова могутъ спокойно помириться,—отвѣтилъ его шуринъ. Я не буду безпокоить фрейлейнъ Клару. Если будетъ воз-можно, я даже постараюсь вернуть ее въ объятія возлюбленнаго.

Во время разговора они подошли ближе къ замку, гдѣ встрѣтились съ ожидавшимъ ихъ старымъ Гартенштейномъ.

— Ну, графъ, все покончено?—обратился онъ къ своему зятю.

Онъ говорилъ графу Людомірскому «ты», но усвоилъ себѣ странную привычку не называть его по имени, а при всякомъ случаѣ обращаться къ нему со словами «ты, графъ». Ему было чрезвычайно пріятно го-ворить такимъ фамильярнымъ образомъ съ настоящимъ графомъ. Впро-чемъ, эти близкія отношенія установились лишь въ самое послѣднее время, когда Людомірскій получилъ сверхъ назначеннаго ему въ приданое милліона немного больше ста тысячъ, и Гартенштейнъ долженъ былъ повысить выдаваемую имъ ежегодно сумму съ двадцати тысячъ до сорокъ тысячъ. Несмотря на эту фамильярность, Гартенштейнъ чувствовалъ какую то робость передъ своимъ сіятельнымъ зятемъ, графскій титулъ импонировалъ ему, и если бы у Людомірскаго дѣла были въ порядкѣ, то онъ не посмѣлъ бы войти къ нему безъ доклада. Но графъ нуждался въ деньгахъ, и эта нужда демократизировала чувства господина Гартенштейна.

Вмѣсто Лодомірскаго отвѣтила его жена.

— Папа,—сказала она,—ты далъ мнѣ въ Хлодвигѣ плохого совѣтчика, Онъ разсказываетъ о мнимой любовной связи баронессы Клары, и, какъ ты самъ понимаешь, это не внушаетъ Генриху энтузіазма.

— Любовной связи? Я не понимаю тебя, графъ, какъ ты можешь говорить такія вещи. Ты долженъ былъ бы больше уважать аристократію а не наносить ей такихъ обидъ! Тамъ этого нѣтъ! Любовная связь, любовная связь! Что это за выраженіе, объясни мнѣ? Скажи «симпатія», скажи «привязанность». Развѣ рѣчь идетъ о нортномъ или сапожникѣ? Впрочемъ, мы подошли къ замку, окончимъ всѣ излишніе разговоры. Генрихъ, ты обѣщаешь мнѣ встрѣтить баронессу вполнѣ любезно и предупредительно?

— Я ничего не обѣщаю, папа.

— Генрихъ! Не выводи меня изъ себя! Твое поведеніе сегодня вече-ромъ имѣетъ рѣшающее значеніе не только для тебя, но и для всей остальной моей жизни и для твоихъ братьевъ и сестеръ. Отъ тебя за-

Digitized by Google

висить, чтобы мы достигли высшихъ степеней блеска или же погрузились въ глубочайшее бѣдствіе.

— Погрузились въ глубочайшее бѣдствіе?—спросилъ Генрихъ.

— Ну да, въ глубочайшее бѣдствіе, мой милый Генрихъ!—замѣтилъ графъ. Если ты сегодня не обручишься съ Кларой, то бѣдный папа не будетъ завтра знать, на что ему купить себѣ булку на завтракъ. Двѣнадцать или пятнадцать милліоновъ гульденовъ, которыя у него есть, падутъ въ цѣнѣ и не будутъ стоить ломаннаго гроша.

— Хлодвигъ, оставь свои глупыя шутки,—вмѣшалась его жена,—и ты, Генрихъ, дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, обѣщаніе, что примешь слова отца къ сердцу.

— Къ сердцу принять? Нѣтъ, нисколько! Убирайтесь вы съ вашимъ болѣзненнымъ чистолюбіемъ. Есть ли у васъ еще здравый разсудокъ? Вы говорите такъ, какъ будто у васъ голова не въ порядкѣ! «Погрузиться въ глубочайшее бѣдствіе или достигнуть высшихъ степеней блеска». Съ нами не будетъ ни того, ни другого, мы останемся евреями, по крайней мѣрѣ я останусь евреемъ, и ничѣмъ больше, клянусь вамъ въ этомъ. А теперь оставьте меня въ покоѣ съ вашими причудами; я сытъ ими по горло.

Не говоря больше ни слова, онъ поспѣшилъ вверхъ по лѣстницѣ замка и такъ быстро исчезъ за входною дверью, что остальные едва успѣли послѣдовать за нимъ. Запыхавшись, онъ вошелъ въ залъ, служившій гостиной. Здѣсь собралось уже все общество. Слуга доложилъ о его приходѣ, и теперь онъ замѣтилъ, что взгляды всѣхъ присутствующихъ направлены на него. Въ этихъ взглядахъ сквозило отчасти любопытство, отчасти насмѣшка, такъ какъ ему предстояло быть героемъ вечера. Онъ поспѣшилъ къ хозяйкѣ дома, баронессѣ Эккертъ, высокой блондинкѣ лѣтъ сорока пяти, чтобы привѣтствовать ее. Но едва онъ обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами, какъ подошелъ ея мужъ и завладѣлъ имъ. Онъ взялъ его подъ-руку и пошелъ съ нимъ мимо гостей, представляя его незнакомымъ. Ни одно движеніе на лицѣ Эккерта не обнаруживало, что это «только» еврей, когда онъ представлялъ его гостямъ; онъ какъ будто требовалъ, чтобы Генриха приняли какъ «своего», аристократа. Дѣло въ томъ, что это входило въ планы барона Эккерта. Онъ былъ хитрецъ, и многіе неохотно вступали съ нимъ въ дѣловыя сношенія, потому что онъ умѣлъ налуть самаго хитраго еврея. Онъ много пилъ, и лицо у него всегда было багровое и раздутое, но онъ никогда не напивался до пьяна, а кто хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что онъ подъ хмелькомъ, тотъ скоро замѣчалъ, что самъ попалъ въ просакъ. Когда Гартенштейнъ купилъ землю въ Лакенбахѣ, Эккертъ сейчасъ явился къ нему въ качествѣ вѣрнаго друга и совѣтчика. Старый Гартенштейнъ былъ въ восхищеніи: баронъ изъ древняго знатнаго рода обращался съ нимъ, какъ съ равнымъ. Ни однимъ жестомъ баронъ не обнаруживалъ, что видитъ въ немъ только разбогатѣвшаго еврея, и слѣдствіемъ этого было то, что Эккертъ уже спустя годъ могъ за самую пустую сумму присоединить къ Горкау участокъ поля въ двадцать два гектара, относившійся къ Лакенбахскимъ владѣніямъ. Но еще больше, чѣмъ этого поля, баронъ Эккертъ домогался лѣсного участка въ пятьдесятъ гектаровъ; тогда помѣстье Горкау прекрасно округлилось бы. Но онъ не рѣшался торговать лѣса, даже не спрашивалъ о цѣнѣ, потому что участокъ

Digitized by Google

лѣса за глаза стоилъ сорокъ тысячъ гульденовъ, а такую сумму денегъ онъ не хотѣлъ отдать за это, тѣмъ болѣе, что Гартенштейнъ, быть можетъ, вовсе не продалъ бы ему лѣса. Но банкиръ самъ пришелъ ему на помощь. Баронъ вѣдь былъ его самый закадычный другъ, и потому онъ жаловался ему на свое горе,—что онъ ни за что не можетъ убѣдить своего сына Генриха сдѣлаться христіаниномъ и какъ онъ изъ-за этого никогда не получитъ баронства. Тогда Эккертъ предложилъ бракъ, бракъ съ аристократкой; противъ этого Генрихъ не устоитъ, особенно если онъ влюбится въ дѣвушку. Не такъ ли? Гартенштейнъ съ величай шею радостью согласился на это, и такимъ образомъ баронъ Эккертъ пригласилъ баронессу Виттингаузенъ съ ея теткой въ Горкау. Здѣсь дѣло должно было наладиться.

Было немного гостей, которыхъ Генрихъ не зналъ, и такимъ образомъ онъ былъ скоро представленъ всѣмъ. Теперь они направились къ баронессѣ Кларѣ. Она сидѣла въ углу, на софѣ, и всѣ молодые люди окружали ее и старались заслужить ея милость, хотя всѣ знали, что ея помолвка съ евреемъ—вопросъ рѣшенный.

«А, господинъ израильтянинъ!» —услышалъ Генрихъ слова, сказанныя въ полголоса, когда онъ по дорогѣ къ баронессѣ Кларѣ проходилъ съ барономъ Эккертомъ мимо небольшой группы пожилыхъ баръ. Генрихъ обернулся и замѣтилъ улыбку на губахъ лѣсничаго фонъ Зелигера, который былъ извѣстенъ тѣмъ ,что при всякомъ случаѣ придирался къ евреямъ. Вѣроятно, онъ и велѣлъ Файвеле Принцу разгуливать по улицамъ Лакенбаха въ красномъ фракѣ.

Кружокъ молодыхъ людей неохотно разступился и Эккертъ съ Генрихомъ подошли къ баронессѣ.

— Баронесса,—началъ Эккертъ,— позвольте мнѣ представить вамъ своего милаго и дорогого друга, помѣщика господина Генриха фонъ Гартенштейна. Я думаю, не нужно прибавлять, что господинъ Гартенштейнъ составляетъ украшеніе не только нашего круга, но и всей окружающей мѣстности, чтобы онъ могъ заслужить ваше полное расположеніе.

Баронесса слегка, едва замѣтно покраснѣла, наклонила голову въ знакъ привѣтствія и протянула Генриху кончики пальцевъ. Онъ низко поклонился ей.

Онъ увидѣлъ даму ослѣпительной красоты, одѣтую утонченно просто. Кромѣ туалета, въ ней не было ничего дѣвическаго. Красиво округленныя формы, и складка на шеѣ доказывали, что она уже перешагнула за тридцать лѣтъ. Но кто не искалъ въ ней молодой наивной дѣвушки, того должна была ослѣпить ея красота: благородный овалъея лица, большіе блестящіе глаза, тонкій носъ, красиво изогнутыя алыя губки, прелестные каштановые волосы, высокая фигура, благородныя формы въ общемъ могли быть названы почти классическими.

Генрихъ чувствовалъ, что баронесса направила на него долгій испытующій взглядъ. Онъ смутился и напрасно старался подыскать первыя фразы. Но наконецъ онъ поборолъ свое смущеніе улыбкой.

— Вамъ, баронесса, вѣроятно нужно было много энергіи, чтобы рѣшиться пріѣхать въ нашу негостепріимную мѣстность?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она спокойно. -Баронъ Эккертъ, родственникъ моей покойной матери, десятки разъ приглашалъ меня пріѣхать къ нему. Послѣдняя зима была для меня особенно утомительна: балы, вечера,

Digitized by Google

катанье по льду. Я счастлива, что скрылась въ этотъ тихій уголокъ. Здѣсь, наконецъ, я могу вздохнуть спокойно.

— Не довѣряйте слишкомъ много внѣшнему виду, баронесса! Вы привезли съ собою воздухъ и блескъ столицы, чего у насъ почти нѣтъ. Скоро повсюду распространится молва, что явилось новое свѣтило, и оно будетъ окружено всѣми мужчинами нашей мѣстности.

— Тогда я просто уѣду назадъ. Я ищу здѣсь уединенныхъ прогулокъ и хорошей книги, вотъ и все. Если бы я хотѣла шумныхъ развлеченій, то не отказала бы Идѣ Шварценбергъ въ ея приглашеніи пріѣхать въ Ченстоховъ. Я ищу естественной природы, а не искусственной, какую я нахожу въ англійскихъ паркахъ своихъ подругъ.

— Значитъ, вы жаждете чего-то романтическаго, баронесса? Тогда вы должны были бы избѣгать путей, ведущихъ въ Лакенбахъ.

— Почему это?

— Потому что въ деревнѣ вы ничего не увидите, кромѣ бѣдности и евреевъ:

Она была поражена на мгновеніе, а затѣмъ, смотря ему прямо въ лицо, сказала.

— Мы стоимъ такъ высоко, какъ мы сами себя ставимъ. Никто не можетъ насъ возвысить или унизить. И евреи стояли бы выше, если бы они сами не унижали себя. Я думаю, что имъ недостаетъ мужества?

— Да, мужества, или, пожалуй, довѣрія къ себѣ. Особенность моей расы составляетъ то, что только богатство даетъ ей самоувѣренность. Масса-же слишкомъ робка. Но это неинтересный предметъ для разговора, баронеса. Простите, что я наскучилъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она живо,—я часто интересуюсь такими вещами, которыя находятся внѣ моего круга. Не прогуляться ли намъ передъ ужиномъ немного въ саду?—обратилась она къ окружавшимъ ее молодымъ людямъ и встала съ софы.

Молодые люди тотчасъ-же выразили готовность прогуляться. Тогда она оперлась лѣвою рукой на руку Генриха и сказала: — «Въ саду, при лунномъ свѣтѣ, мы поговоримъ еще о вашихъ теоріяхъ». Любезнымъ кивкомъ головы она простилась съ присутствовавшими и покинула залъ съ Генрихомъ и своими спутниками.

Старый Гартенштейнъ, сидѣвшій въ уголку въ нервномъ ожиданіи, вскочилъ съ живымъ чувствомъ удовлетворенія, когда увидѣлъ, что его сынъ удалился подъ руку съ баронессой. На его взглядъ помолвка уже совершилась. Онъ поспѣшилъ къ барону Эккерту, какъ будто собирался бурно обнять его въ знакъ благодарности, но подойдя къ нему, только вынулъ свой портсигаръ и предложилъ ему гаванну. «Upmann Flor»,— сказалъ онъ многозначительно.—«Восемьсотъ двадцать гульденовъ безъ пошлины». Баронъ Эккертъ улыбнулся. «Такъ и должно было случиться, старикъ», замѣтилъ онъ тихо, похлопавъ Гартенштейна по плечу. «Да, красивая женщина тянетъ къ себѣ сильнѣе четверки лошадей».

— Какъ ты думаешь, баронъ,—спросилъ Гартенштейнъ,—Шварценберги пріѣдутъ на свадьбу? Вѣдь Клара была съ ними въ такой близкой дружбѣ.

— Это зависитъ отъ того, не придется ли свадьба во время большой охоты или поѣздки заграницу.

— Ты знаешь, это было бы удобно для сближенія. Во время

Digitized by Google

ѣадьбы мы всѣ вмѣстѣ, и нѣтъ надобности спеціально выжидать слу-ая, чтобы познакомиться.

— Да, если они не будутъ заняты тогда чѣмъ нибудь другимъ...

— Намъ и безъ того придется подождать. Сначала крещеніе, потомъ ока я получу баронство и т. д. Вѣнчанье мы устроимъ въ Вѣнѣ, въ еркви Августинцевъ, гдѣ обыкновенно вѣнчаются аристократы. Обѣдъ гъ Захера...

— Ну, ты слишкомъ забѣгаешь впередъ.

— Нужно все приготовить заранѣе! Я думаю явиться на вѣнчаніе ъ своемъ мундирѣ Уругвайскаго генеральнаго консула со всѣми орде-ами? Кстати, вотъ о чемъ я давно хотѣлъ спросить тебя. Отъ белгій-каго короля я получилъ за отличіе золотыо часы. Долженъ ли я на оржествахъ носить ихъ въ карманѣ или помѣстить при помощи остро-мной комбинаціи среди орденовъ. на груди?

— Но вѣдь у тебя уже есть одинъ зять графъ, какъ ты поступилъ іа его свадьбѣ?

— Пожалуйста, не говори мнѣ о Хлодвигѣ. Погрязшій въ долгахъ, онъ засѣлъ въ своемъ польскомъ гнѣздѣ и не имѣлъ никакихъ связей ъ высшемъ дворянствѣ. Онъ былъ графомъ, но аристократомъ я его ;дѣлалъ. Его аристократія стоитъ мнѣ уже милліонъ двѣсти шесть-есятъ тысячъ гульденовъ. Порядочная сумма денегъ, не правда-ли?

Графъ Людомірскій, наблюдавшій своего тестя издали, подошелъ теперь къ своей женѣ и сказалъ ей: «Пожалуйста, дорогая Шарлотта, поста-райся прервать разговоръ папаши съ Эккертомъ. По глазамъ барона я вижу, что папаша говоритъ слишкомъ большія глупости».

— Иди самъ, если хочешь; — сказала графиня въ негодованіи. Она была въ раздраженномъ состояніи, потому что баронесса Клара не при-гласила ее пойти съ нею въ паркъ. Шарлотта замаскировала свой гнѣвъ гордой манерой и смѣлыми взглядами, которые она направляла во всѣ стороны. «Папаша знаетъ вѣдь, что говоритъ, а если ты самъ не хочешь пойти, то пошли Рауля. Вотъ онъ сидитъ тамъ въ буфетѣ и пьетъ коньякъ».

— Рауль? Да развѣ его интересуетъ что-нибудь на свѣтѣ? Впро-чемъ, если тебѣ угодно, пусть папаша говоритъ сколько хочетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ пошелъ къ своему шурину Раулю Гартенштейну, но только для того, чтобы попросить у него одну изъ его египетскихъ папиросъ. Такихъ папиросъ, какіе курилъ Рауль, не курилъ никто. Онъ вообще былъ своеобразнымъ существомъ: сибаритъ по отношенію къ себѣ и флегматикъ по отношенію ко всему свѣту. Пускай бы его отецъ выигралъ или потерялъ милліоны, получилъ или не получилъ баронство, остался евреемъ или сталъ христіаниномъ, его братъ Генрихъ женился на прин-цессѣ или балеринѣ,—все это было для него безразлично, ни одна черта его круглаго упитаннаго лица, съ глазками, заплывшими жиромъ и гля-дѣвшими безучастно, не измѣнилась бы при этомъ. Если бы по всему свѣту загремѣла слава новаго Гете или новаго Микель-Анджело, онъ даже не прислушался бы, когда говорятъ объ этомъ. Онъ не читалъ ни одной книги, не смотрѣлъ ни на одну картину, не пробѣгалъ даже га-зеты. Онъ не охотился, не ѣздилъ верхомъ и не путешествовалъ, и все потому, что для этого у него не было времени. Зато онъ могъ цѣлыми

Digitized by Google

часами совѣтоваться со своимъ портнымъ о новомъ покроѣ жилета, а шелкъ для его галстуховъ изготовлялся по его собственнымъ рисункамъ на Ліонской фабрикѣ. Складки его брюкъ были всегда такъ ровны, какъ края линейки, а въ его гардеробной на колодкахъ стояло пятьдесятъ паръ лаковыхъ ботинокъ. Онъ спалъ ежедневно ровно десять часовъ; изъ остальныхъ четырнадцати часовъ одинъ часъ уходилъ на ванну, пять часовъ ежедневно отнимала троекратная перемѣна костюма и ровно часъ тратился на прогулку. Въ остальные семь часовъ онъ ѣлъ, пилъ и курилъ. Когда появлялись первыя куропатки, ресторатеръ Захеръ сообщалъ ему объ этомъ важномъ происшествіи съ посыльнымъ, и тогда онъ являлся въ ресторанъ, какъ на какое-то торжество. Для него было неоспоримымъ закономъ, что при куронаткахъ нужно пить Château la rose 1864 г., при рябчикахъ Château Margot 1872 г., а при трюфеляхъ Moët & Chandon. Онъ ѣздилъ въ Реймсъ, чтобы обезпечить себѣ у Поммери особенно хорошій сортъ шампанскаго, и въ Коньякъ, гдѣ онъ заплатилъ Мартеллю за двѣсти бутылокъ коньяку 1854 года шесть тысячъ гульденовъ. Его сигары славились въ Вѣнѣ, потому что онъ платилъ за нихъ ужасающія цѣны, а его сигары спеціально изготовлялись для него братьями Кріази и Несторомъ Джанакли. При этомъ онъ былъ скупъ до крайней степени. Онъ одинъ пилъ свои вина и курилъ свои сигары; онъ не давалъ ихъ даже своему отцу. Онъ вообще не думалъ ни о комъ другомъ, а только о себѣ. Его скупость вошла въ поговорку среди его знакомыхъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, они придумывали всевозможныя хитрости, чтобы выманить у него нѣсколько сигаръ; приходя къ нему на квартиру, они напивались до безобразія и бросали на полъ только что закуренныя сигары, только для того, чтобы позлить его. Онъ цѣлый годъ не говорилъ со своимъ шуриномъ за то, что тотъ однажды взялъ съ собою ящичекъ сигаръ.

Насколько графъ Людомірскій, безъ особенныхъ причинъ впрочемъ любилъ своего шурина Генриха, настолько же онъ ненавидѣлъ Рауля. Когда онъ стоялъ теперь около него и закуривалъ его папиросу, ему пришла въ голову мысль спасти Генриха и взамѣнъ этого обвѣнчать Рауля съ баронессой Кларой. Онъ заранѣе съ восторгомъ представлялъ себѣ тотъ адъ, который гордая и честолюбивая Клара устроитъ этому эпикурейцу. Дѣло было лишь въ томъ, какъ это устроить. Женою Генриха она не должна стать; онъ слишкомъ хорошъ для того, чтобы получить въ жены Клару, которая, какъ онъ хорошо зналъ, нѣсколько лѣтъ была въ связи съ Бранденбергомъ. Но время покажетъ, что дѣлать.

Онъ отошелъ отъ своего шурина къ небольшой группѣ мужчинъ; они курили и болтали, но умолкли, когда онъ подошелъ къ нимъ. Наступило тягостное молчаніе, пока баронъ Фламмъ внезапно не прервалъ его громко:

— Чортъ побери, Людомірскій не сталъ еще евреемъ, чтобы передъ нимъ нельзя было говорить. Какъ ты думаешь, Хлодвигъ, маіоръ Бранденбергъ—ученикъ Марса или Платона?

— Я не понимаю тебя,—сказалъ Людомірскій.

— Склоненъ ли Бранденбергъ къ платонической любви? Вѣдь онъ уже десять лѣтъ влюбленъ въ баронессу Виттингаузенъ.

— Я думаю, что она выходитъ замужъ за твоего шурина только для того, чтобы взять у него нѣсколько милліоновъ,—сказалъ Фридбергъ.

Digitized by Google

когда у нея будутъ деньги, она разведется съ господиномъ жидомъ и йдетъ замужъ за Бранденберга.

Вдругъ лакей барона вошелъ въ залъ и доложилъ: «Майоръ Гербертъ рафъ фонъ Бранденбергъ!»

Гости, стоявшіе въ одной группѣ съ Людомірскимъ, окаменѣли отъ зумленія. Слова слуги про звучали какъ маленькій громъ и всѣ смотрѣли съ юбопытствомъ въ сторону дверей, порогъ которыхъ только что переступилъ рагунскій майоръ, человѣкъ удивительно красиво и крѣпко сложенный, ь благороднымъ, гордымъ слегка смуглымъ лицомъ. Его усы, начинавіе уже сѣдѣть, топорщились, а его глаза сверкали, какъ будто бы въ ихъ горѣлъ порохъ.

Тяжелою поступью майоръ подошелъ къ хозяину дома и просилъ его ономъ команды извинить, что помѣшалъ. Но онъ поспѣшилъ сюда пря-о изъ Вѣны для того, чтобы сообщить баронессѣ Виттингаузенъ важное звѣстіе. Багровое лицо Эккерта поблѣднѣло, когда баронъ подошелъ къ ему. Но онъ принялъ его съ величайшею вѣжливостью и самъ предложилъ позвать фрейлейнъ Клару. Старый Гартенштейнъ не зналъ ничего, о ему стало не по себѣ, и какъ только Эккертъ вышелъ изъ зала, онъ акже исчезъ оттуда. Нѣкоторые гости, лично знавшіе маіора, взяли на ебя обязанность познакомить его съ остальными гостями. На несчастіе Рауля Гартенштейна ему первому представили Бранденберга.

— А, Гартенштейнъ!—пробормоталъ маіоръ, но такъ тихо, что ero слышали только стоявшіе по близости отъ него. Вы Гартенштейнъ? Мой илый, вы... баранъ!

— Господинъ маіоръ?—спросилъ Рауль полуудивленно, полуфлегматично.

— Да, баранъ, простой жидовскій баранъ. Не попадайтесь мнѣ сегодня больше на глаза, а не то я посажу васъ на вертелъ, какъ баранину !—И онъ повернулся къ гостямъ съ любезной улыбкой, какъ будто бы онъ только что сказалъ Раулю самый любезный комплементъ. Его гнѣвъ потухъ, и когда баронесса Клара, блѣдная, какъ смерть, вошла въ залъ подъ руку съ хозяиномъ дома, онъ подошелъ къ ней и съ изысканной вѣжливостью поцѣловалъ ей руку.

— Баронесса, я пріѣхалъ по важному дѣлу, — сказалъ онъ такъ громко, что его было слышно во всемъ залѣ. Дѣло идетъ о вашемъ состояніи, которому грозитъ опасность со стороны вашего банкира. Ваше присутствіе въ Вѣнѣ настоятельно необходимо. Впрочемъ, если вы удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ, я сообщу вамъ подробности.

Баронесса почти механически подала руку барону и не говоря ни слова вышла съ нимъ въ паркъ. Молча шли они рядомъ другъ съ другомъ, пока не дошли до отдаленнаго мѣста, гдѣ могли говорить безъ помѣхъ. Здѣсь майоръ выпустилъ ея руку и сталъ передъ нею въ позицію.

— Ты убѣжала отъ меня, какъ испорченная женщина,—началъ онъ шипящимъ голосомъ—убѣжала, чтобы броситься въ объятія еврея?

— Убѣжала отъ тебя? Ты забываешь, что шесть недѣль тому назадъ мы совершенно разошлись другъ съ другомъ? Между нами нѣтъ теперь ничего общаго, и я сама себѣ полная госпожа.

— О, Клерхенъ, мы дѣйствительно разошлись, но не на вѣки. Наша

Digitized by Google

связь была слишкомъ продолжительна для этого. Вѣрно, произошелъ споръ...

— Ты называешь это споромъ? Ты былъ грубъ и жестокъ и только бѣгствомъ я могла спастись отъ твоихъ оскорбленій. Нѣтъ, я не вернусь къ тебѣ. Мнѣ надоѣла эта жизнь, эта вѣчная игра въ жмурки, прерываемая только вспышками твоего любовнаго безумія или твоей грубости. Я хочу покоя, комфорта, богатства, и потому выйду замужъ за этого Гартенштейна.

— Ты не сдѣлаешь этого!

— Сдѣлаю!

— Не сдѣлаешь, потому что, если будешь упорствовать, я заявлю Гартенштейну и всѣмъ находящимся тамъ въ залѣ, что ты десять лѣтъ была моей женой, хотя и безъ благословенія священника.

— Негодяй!

— Для меня ничего не значитъ твой гнѣвъ, Клара, потому что я люблю тебя, люблю такъ безумно, какъ любилъ тебя, когда впервые признался тебѣ въ своей любви. Я скорѣе убью тебя и себя, чѣмъ допущу, чтобы ты принадлежала другому. Безъ тебя я не могу жить, даже если бы я хотѣлъ этого. Когда ты покинула меня шесть недѣль тому назадъ, я думалъ, что между нами все кончено. Но я ошибся. Я все время былъ въ дикомъ бѣшенствѣ и искалъ твоихъ слѣдовъ, не находя ихъ. Ты скрывалась отъ меня. Тогда начали поговаривать въ клубѣ, что ты стала невѣстой еврея. Баронесса Виттингаузенъ—еврейка! А сплетни становились все громче. Приходили ко мнѣ и выражали свой ужасъ по поводу этого извѣстія. Дамы и дѣвицы устраивали совѣщанія; онѣ не могли допустить, чтобы одна изъ ихъ круга пала такъ низко. Онѣ рѣшились примѣнить всѣ средства, чтобы спасти тебя, и постарались раньше всего разузнать, гдѣ ты находишься. Сегодня я получилъ отъ Бленденштейна извѣстіе, что ты вчера выѣхала въ Горкау. Теперь я здѣсь и сообщаю тебѣ, что дамы и мужчины твоего, т. е. нашего круга, собрали и отдали въ банкъ на твое имя десять тысячъ гульденовъ. Ты получишь документы, когда пріѣдешь въ Вѣну. Итакъ, твоя будущность обезпечена, и тебѣ нѣтъ надобности позорить вѣнскую аристократію и стать женою еврея. Клара, ради Бога, какъ твоя кровь не возмущалась при этой мысли?

— Нѣтъ, она не возмущалась! Чья кровь возмущалась тѣмъ, что я, сколько себя помню, была прихлѣбательницей то въ той, то въ другой семьѣ? Кто безпокоился о томъ, что мы оба не могли пожениться потому только, что у тебя не было ценза? Никто!

— Теперь цензъ есть, Клара, и нашему соединенію ничто не препятствуетъ.

— Я буду имѣть честь называться графиней Бранденбергъ, чтобы ежедневно подвергаться твоимъ грубостямъ?

— Это было исключительно изъ ревности, бѣсившей меня, и изъ опасенія потерять тебя. Я клянусь, Клара, что буду добръ, кротокъ и нѣженъ. И больше ты не гнѣвайся на меня. Ты знаешь, мы оба созданы другъ для друга.

— А когда мы уѣдемъ?

— Сегодня же. Въ двѣнадцать часовъ ночи поѣздъ отходитъ изъ Эденбурга въ Вѣну, и мы можемъ имъ воспользоваться.

Digitized by Google

— Такъ поѣдемъ съ Божьей помощью! Проводи меня къ тетѣ, чтобы она помогла мнѣ уложиться, а затѣмъ пойди къ Эккерту и сообщи ему о моемъ отъѣздѣ.

Онъ проводилъ ее въ ея комнату, поцѣловалъ ее въ губы и затѣмъ вернулся въ залъ. Тамъ, повидимому, были уже подготовлены къ отъѣзду Клары, и хотя его заявленіе было встрѣчено живымъ сожалѣніемъ, но въ концѣ концовъ всѣ покорились неизбѣжному.

X.

Старикъ Гартенштейнъ былъ невыносимъ. Онъ сердился на Эккерта, у котораго онъ вчера пережилъ такое униженіе, и на своего сына Генриха, насмѣшливая улыбка котораго выводила его изъ себя. Онъ хотѣлъ бы провалиться сквозь землю вчера вечеромъ послѣ отъѣзда Клары, ея тетки и графа Бранденберга. Не онъ ли разглашалъ передъ всѣми своими знакомыми о предстоящей помолвкѣ его сына съ баронессой Виттингаузенъ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ? А теперь, какой позоръ! Напрасно баронъ Эккертъ говорилъ ему въ утѣшеніе, чтобы онъ не принималъ близко къ сердцу этой исторіи, что онъ найдетъ для Генриха жену изъ лучшаго аристократическаго круга; старикъ не могъ забыть вчерашняго афронта и клялся, что его нога не переступитъ больше порога Эккерта. Взволнованный ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, когда туда незамѣтно вошли его зять и сынъ Рауль.

— Отецъ,—началъ графъ,—ты долженъ произнести свой приговоръ. Но обращаю твое вниманіе на то, что Рауль не переступитъ болѣе моего порога, если ты не употребишь своего вліянія къ нему. Графъ Бранденбергъ назвалъ его бараномъ, еврейскимъ бараномъ и угрожалъ посадить его на вертелъ; я и еще пять человѣкъ слышали это оскорбленіе. Раульже далъ графу спокойно уѣхать въ Вѣну, какъ будто бы тотъ пожелалъ ему доброй ночи.

— Ты такъ поступилъ, Рауль?

— Да. Оскорбленіе было направлено не противъ меня, но противъ Генриха, и поэтому мнѣ нечего огорчаться.

— Ахъ, такъ! Значитъ, если бы ты получилъ пощечину, то это тебя-бы не касалось?

Я думаю, что совершенно безразлично, прямо или косвенно нанесено оскорбленіе, — замѣтилъ графъ.—Оскорбленіе нанесено стало быть ты долженъ требовать удовлетворенія.

— Милый Рауль, графъ правъ. Одно изъ двухъ: или мы добиваемся баронства, или нѣтъ; если добиваемся, то ты долженъ вести себя какъ джентельменъ и вызвать графа Бранденберга. Графъ, вѣроятно, постарается покончить это дѣло миромъ.

— Тогда ты плохо знаешь Хлодвига,—замѣтилъ Рауль.—Онъ хочетъ, чтобы у меня отняли руку или по меньшей мѣрѣ порѣзали кожу черепа. Для него было бы большимъ удовольствіемъ видѣть меня въ больничномъ халатѣ съ повязанной головой или рукой; для него было бы пріятно лишить меня моихъ любимыхъ привычекъ, знать, что я страдаю лихорадкою и не могу спать, что я вмѣсто фазана ѣмъ больничный супъ, вмѣсто бордо пью микстуру. Но я лучше пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ измѣнилъ бы свой спокойный, разъ на всегда установленный образъ жизни.

Digitized by Google

— Нѣтъ, папа, въ такомъ случаѣ твое баронство пустой звукъ.

— Плюю на баронство!—промычалъ Рауль.

— Это мое дѣло, а не твое!— возразилъ Гартенштейнъ категорическимъ тономъ. Графъ, телеграфируй Бранденбергу и требуй отъ имени Рауля удовлетворенія.

— Нѣтъ, пусть онъ требуетъ отъ имени Генриха. Оскорбленіе нанесено ему, а не мнѣ, и онъ является лицомъ пострадавшимъ.

— Телеграфировать-ли мнѣ сегодня или лично отправиться въ Вѣну?—спросилъ графъ.

— Телеграфируй и поѣзжай, — отвѣтилъ старикъ Гартенштейнъ.— Даю тебѣ честное слово, что Рауль исполнитъ свой долгъ. А ты, графъ, знай, что за услугу я отплачу тебѣ услугой.

— О, этотъ трусъ!—выпалилъ Рауль.

— Кто?—спросилъ графъ,—кто?

— Генрихъ!

— О, ты ошибаешься, мой милый. Онъ не трусъ. Какъ только онъ услышалъ, что Бранденбергъ оскорбилъ его въ твоемъ лицѣ, онъ тотчасъ поручилъ мнѣ потребовать удовлетворенія. Я отклонилъ его просьбу, такъ какъ не онъ былъ оскорбленъ.

— Значитъ, я долженъ быть козломъ отпущенія?—спросилъ Рауль

— Въ противномъ случаѣ ты долженъ кого-нибудь за себя выставить. А теперь—до свиданія.

Онъ ушелъ очень довольный тѣмъ, что ему удалось вовлечь Рауля въ дуэль; ему становилось смѣшно при мысли, что Рауль, этотъ сибаритъ, который живетъ только ради своей утробы, можетъ очутиться въ необходимости въ теченіе четырнадцати дней не ѣсть и не пить какъ слѣдуетъ. Кромѣ того его радовала перспектива поѣздки въ Вѣну и избавленія на нѣсколько дней отъ жены.

Графъ встрѣтилъ Генриха на дворѣ; онъ ожидалъ доктора Гутмана, который былъ у работника. Генрихъ собирался сопровождать доктора въ деревню, но Хлодвигъ сказалъ ему, что ему необходимо поговорить съ нимъ сейчасъ же, и Генрихъ остался, обѣщавъ Гутману зайти къ нему завтра утромъ.

Докторъ Гутманъ закурилъ сигару и направился въ прекрасномъ расположеніи духа въ деревню. По дорогѣ онъ думалъ о Матильдѣ. Какъ эта дѣвушка измѣнилась съ вчерашняго дня? Она стала неузнаваема; лицо ея покрылось чуднымъ румянцемъ, и она сіяетъ. Глаза ея получили особенный блескъ, всѣ движенія пріобрѣли живость, голосъ сдѣлался серебристымъ и звучнымъ. Какая это была великолѣпная идея—отправиться въ Вѣну и поговорить съ Розенбаумомъ! Конечно, на ея настроеніе подѣйствовало его письмо. Онъ понималъ, что...

Мысли доктора были прерваны донесшейся изъ комнаты до его слуха пѣсней:

Повѣрить трудно,
Какъ сладко, чудно
Словечко «люблю»

— Да, такъ сладко, что замѣчается даже на улицѣ,—сказалъ докторъ войдя въ комнату Матильды.—О, моя взрослая дѣвочка, что съ тобой со вчерашняго дня случилось, что ты вся сіяешь счастьемъ? Распустились

Digitized by Google

и въ твоемъ садикѣ первыя почки, или ты нашла прекрасный фасонъ ля лѣтняго платья?

— Ахъ, милый, добрый дѣдушка, какъ ты умѣешь шутить,—отвѣила Матильда, обнимая и цѣлуя Гутмана.—Такъ прекрасно, чудно все а свѣтѣ, что я не могу даже выразить. Я хотѣла бы всѣмъ дѣлать обро и всѣмъ злымъ простить. И тебѣ, дѣдушка, тоже.

— Простить? И мнѣ? что ты имѣешь прощать твоему старому дѣду?

— Не говори такъ увѣренно. Ты скажешь другое, если я открою ебѣ свои тайны.

— Тайны? Какъ будто я ихъ не знаю, какъ будто я не знаю, что дѣлало тебя вдругъ счастливой? Письмо отъ Эмиля? Такъ?

Она кивнула утвердительно головой.

— Что же онъ пишетъ?

— Что онъ любитъ меня безконечно и не въ состояніи жить безъ еня, и что онъ только потому такъ рѣдко писалъ, что очень усердно анимался; онъ пишетъ еще, что стремится ко мнѣ всѣми мыслями и скоро придетъ ко мнѣ въ объятія...

— О, само собою разумѣется! Вы, дѣвушки, недовольны тѣмъ, что збранникъ вашего сердца не ухаживаетъ за вами Жизненный путь человѣка серьезенъ и труденъ. Человѣкъ не можетъ жить одной любовью, онъ долженъ думать и о трудѣ. Но, слава Богу, теперь все устроилось, я, надѣюсь, не увижу у тебя болѣе блѣднаго грустнаго личика, какъ о сихъ поръ?

— Нѣтъ, дѣдушка, никогда, никогда больше! А теперь я хочу передать тебѣ поклонъ.

— Поклонъ? Отъ Эмиля?

— Нѣтъ, отъ барышни Эрнестины Файерштейнъ.

Какъ ужаленный, отскочилъ докторъ отъ Матильды и посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами.

— Да, да, дѣдушка. Почему ты удивляешься? Тебѣ кланяется Эрнестина Файерштейнъ.

— Эрнестина Файерштейнъ? Кто она?

— Кто? Ты опять вздумалъ шутить? Я могу тебѣ прочитать ея письмо.

— Какъ, ты получила письмо отъ нея?

— Да, дѣдушка, и очень милое письмо. Слушай, что она пишетъ:

«Сударыня! Поздравляю васъ съ возвращеніемъ къ вамъ вашего возлюбленнаго. Если бы я знала, что онъ раньше былъ помолвленъ съ вами, го я не придала бы никакого значенія его приставаніямъ, хотя онъ увѣрялъ меня въ любви и выпрашивалъ у моего отца моей руки, положительно,—выпрашивалъ. Но когда явился вашъ дѣдушка и предложилъ ему много денегъ, то онъ не могъ устоять и теперь рѣшилъ жениться на васъ. Если вы возлагаете большія надежды на господина Розенбаума, то это меня очень огорчаетъ. Вы имѣете въ его лицѣ жениха, котораго вашъ дѣдушка купилъ за деньги. Любви не ожидайте, хотя господинъ Розенбаумъ обладаетъ очень любящимъ сердцемъ и въ теченіе двухъ лѣтъ находится въ амурахъ съ одной швейкой въ Росау, по Большой Горной улицѣ № 31, Еленой Машернигъ. Вы можете ей написать, и она отвѣтитъ вамъ обо всемъ. Я пишу вамъ не изъ ревности—нисколько; я хочу, чтобы вы знали качества вашего возлюбленнаго, которыя вашъ

Digitized by Google

дѣдушка навѣрное скрылъ отъ васъ. Будьте счастливы съ нимъ, ес
вы можете вообще быть счастливы съ этимъ обманщикомъ, у котора
нѣтъ сердца и который любитъ только деньги. Привѣтъ вашему дѣдушк
избавившему меня отъ господина Розенбаума. Благодарная вамъ Эрнестин
Файерштейнъ. Леопольдштрассе, № 21».

Во время чтенія этого письма старый докторъ стоялъ какъ на ра
каленныхъ угольяхъ; онъ оглядывался во всѣ стороны, искалъ ножик
очки, и, наконецъ, сказалъ:

— Неправда-ли, ты не вѣришь, что это письмо дѣйствительно? Э
злая выходка со стороны какого-нибудь знакомаго Эмиля.

— Нѣтъ, дѣдушка, это не злая шутка, содержаніе этого письм
сущая правда.

— Но, дитя мое, какъ ты можешь вѣрить такой безсмыслицѣ
Вѣдь я долженъ былъ бы что нибудь знать объ этомъ? Она упоминает
въ письмѣ также и обо мнѣ, но я понятія не имѣю объ этой Файер
штейнъ.

— Правда, дѣдушка?

— Никакого понятія! Какъ я могъ быть въ Вѣнѣ. Вотъ уже двад
цать лѣтъ, какъ я тамъ не былъ.

— Не считая тѣхъ трехъ дней, которые ты употребилъ на поѣздку
въ Эденбургъ. Не отпирайся, дѣдушка, это ни къ чему не поведетъ.
Моше Герцъ вчера разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ тебя въ Вѣнѣ.
Онъ ѣхалъ въ омнибусѣ, и когда ты съ Розенбаумомъ проходилъ по Та
борштрассе, онъ позвалъ тебя, но грохотъ, видно, помѣшалъ тебѣ услы
шать его. Итакъ, ты былъ въ Вѣнѣ, и письмо барышни Файерштейнъ
содержитъ истину.

Съ опущенной головой докторъ нервно шагалъ по комнатѣ; онъ не
смѣлъ смотрѣть въ глаза своей внучкѣ. Наконецъ онъ остановился передъ
ней и посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ. Онъ совершенно те
рялся въ догадкахъ. Если Матильда вѣритъ въ подлинность этого письма,
то вѣдь она должна была бы казаться несчастной. А между тѣмъ на
ея лицѣ не было ни тѣни грусти. Ея чистые блестящіе глаза сіяли
счастьемъ, на ея устахъ играла шаловливо-веселая улыбка. Что это
значитъ? Неужели ея любовь къ Розенбауму такъ велика, что она игно
рируетъ его подлость?

— Письмо Файерштейнъ тебя не волнуетъ?

— Нѣтъ, дѣдушка, оно дѣлаетъ меня счастливой; оно оправдало
предчувствіе, которое давно терзало мою душу,— предчувствіе, что госпо
динъ Эмиль Розенбаумъ не порядочный человѣкъ.

— Какъ, ты убѣждена въ томъ, что онъ не порядочный человѣкъ,
и все-таки ты любишь его и хочешь стать его женой?

— О, нѣтъ, я не люблю его, я никогда его не любила, и готова ско
рѣе умереть, чѣмъ стать его женой.

Докторъ подпрыгнулъ, какъ заяцъ въ ту минуту, когда его подстрѣ
ливаютъ; съ широкораскрытыми глазами онъ стоялъ передъ Матильдой.

— Что со мной? — воскликнулъ онъ,—не галлюцинація ли? Ты не
любишь Розенбаума, не хочешь ни за какія блага стать его женой, и
все же огорчаешься, что онъ не пишетъ тебѣ? Матильда, что съ тобой?
Какъ мнѣ понять тебя?

— Не спрашивай, дѣдушка, не спрашивай! Она закрыла его ротъ

Digitized by Google

ей рукой.—Я могу тебѣ сказать только одно: Розенбаумъ ни минуты
былъ причиной моихъ страданій. Только не спрашивай больше ни
ва. Радуйся, что я счастлива, и такъ счастлива, какъ никогда раньше не была.

Она обняла старика и обильныя слезы потекли по ея лицу. Докторъ ржалъ свою внучку за талію. Онъ не представлялъ себѣ ясно всей ремѣны, происшедшей въ Матильдѣ. Что онъ узналъ? Она не любила зенбаума и считала себя счастливой, что избавилась отъ своего жеиха, въ то время какъ онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы соединить хъ. Что могло такъ измѣнить сердце этой дѣвушки?

Погруженный въ эти мысли, онъ не замѣтилъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Генрихъ Гартенштейнъ.

— Вы наткнулись на маленькую домашнюю сцену,—сказалъ докторъ, жимая руку Генриху, въ то время какъ Матильда, вся покраснѣвшая, тирала слезы на своемъ лицѣ.—Представьте себѣ, она непремѣнно хочетъ ваго лѣтняго платья.

Генрихъ ничего не отвѣчалъ, онъ продолжалъ держать въ своей ру-
ѣ руку Матильды, и смотря на нее съ выраженіемъ счастья на лицѣ.

Докторъ замѣтилъ это, и повязка спала съ его глазъ. «Такъ вотъ то!» проговорилъ онъ, «вотъ что! Ахъ, я, старый человѣкъ, такъ глупъ, какъ палка глупъ». Смущенный, онъ хотѣлъ подойти къ окну, но въ это время подошелъ Генрихъ и, обнявъ Гутмана, поцѣловалъ его крѣпко.

— Да, докторъ, теперь тайна раскрыта,—сказалъ онъ. На улицѣ я могу скрывать свои чувства. Но здѣсь, въ присутствіи Матильды, я не могу притворяться и равнодушно смотрѣть ей въ глаза.

— Ну, а ты, Матильда?—спросилъ докторъ. Она стояла безъ движенія съ опущенными глазами; вдругъ она живо схватила руку своего дѣдушки и покрыла ее поцѣлуями и слезами.

Въ волненіи докторъ отошелъ отъ любящихъ къ окну и точно въ забытьи смотрѣлъ на улицу. Двѣ крупныя слезы скатились на его щеку, и онъ сказалъ вдохновенно.

— Итакъ, я вижу еще солнце? Золотое, блестящее, сверкающее солнце? Боже, Ты всемогущъ, великъ и добръ, да будетъ благословенно Твое имя.

Обернувшись, онъ увидѣлъ Матильду и Генриха сидящими рядомъ на диванѣ; глаза ихъ сіяли счастьемъ и выражали чувства, волновавшія ихъ сердца. Докторъ подошелъ къ нимъ и поцѣловалъ въ лобъ сперва Матильду, а потомъ Генриха.

XI.

Графъ Хлодвигъ вернулся изъ Вѣны только черезъ пять дней, но за то онъ блистательно исполнилъ свою миссію. Онъ старался всѣми силами устроить дуэль для Рауля, но графу Бранденбергу было непріятно связывать свое имя съ именемъ еврея Гартенштейна наканунѣ своей помолвки съ баронессой Виттингаузенъ. Когда же онъ узналъ, что онъ обидѣлъ не того Гартенштейна, то сейчасъ же изъявилъ готовность извиниться предъ нимъ. Рауль былъ счастливъ, что дѣло кончилось мирно и предложилъ своему шурину одну изъ самыхъ большихъ сигаръ,

Digitized by Google

а старый Гартенштейнъ обѣщалъ купить двухъ великолѣпныхъ рыса ковъ.

Графъ привезъ изъ Вѣны секретное, въ высшей степени важно извѣстіе. Онъ говорилъ въ клубѣ со статсъ-секретаремъ барономъ Эйзен бахомъ, который напрасно искалъ Гартенштейна въ теченіе пяти дней Онъ не рѣшался написать ему, но хотѣлъ сообщить устно, чтобы тот поспѣшилъ съ крещеніемъ, если хочетъ получить баронство еще въ этом году. Въ августѣ будетъ праздноваться большой юбилей и по этому слу чаю послѣдуетъ рядъ отличій Если онъ тогда уже не будетъ евреемъ то не составитъ труда внести его въ списокъ представляемыхъ къ отли чію; если же онъ остается іудеемъ, то можетъ пройти еще много лѣтъ пока онъ дождется подобнаго благопріятнаго случая. Возможно, что тогд не будетъ и нынѣшняго министра финансовъ и съизнова ему придется перенести весь рядъ мытарствъ.

Это извѣстіе страшно взволновало стараго Гартенштейна: онъ нервн забѣгалъ взадъ и впередъ и наконецъ рѣшилъ окончательно переговорить съ Генрихомъ. Ему хотѣлось устроить семейный совѣтъ и испытать вс средства, чтобъ отклонить Генриха отъ его «затѣи» остаться евреемъ Вечеромъ, послѣ ужина, Гартенштейнъ позвалъ свою дочь, ея мужа, и сыновей, Генриха и Рауля, въ залъ. Онъ изобразилъ на своемъ лицѣ строгость и серьезность и прежде всего попросилъ своего зятя дословно повторить Генриху извѣстіе, полученное отъ барона Эйзенбаха. Графъ повторилъ свое сообщеніе.

— Генрихъ. что же ты намъ отвѣтишь на это?—спросилъ Гартенштейнъ, когда его зять кончилъ.

— Ничего!

— То есть?

— То есть, я не измѣню еврейству даже для княжеской короны.

— Сынъ мой, тутъ дѣло идетъ больше, чѣмъ о княжеской коронѣ... дѣло идетъ, пойми только, о счастіи всего твоего семейства!

— Счастіи?—Это дѣло взгляда!

— Нѣтъ, это не дѣло взгляда,—начала графиня Шарлотта,—папаша, и ты, и Рауль, принадлежите къ народу, который въ теченіе многихъ столѣтій является козлищемъ отпущенія за грѣхи всѣхъ народовъ. Гдѣ бы ни показался еврей, онъ встрѣчаетъ насмѣшку, преслѣдованіе, презрѣніе. Хочешь-ли ты, чтобы тебя презирали и преслѣдовали всю твою жизнь? Думаешь-ли ты изъ пустого упрямства остаться среди этого отвратительнаго народа?

— Милая сестрица, этотъ отвратительный народъ—*мой* народъ, къ которому я привязанъ всѣми фибрами своей души. Я не позволю никому оскорблять его. Впрочемъ, ты — женщина, и я не желаю съ тобой считаться!

— Тогда считайся со мной,—сказалъ старый Гартенштейнъ.—Я заявляю тебѣ, что имѣю горячее желаніе покинуть еврейство и я его покину.

— Какъ мнѣ ни жаль, но я не могу помѣшать тебѣ въ этомъ, папаша.

— Помѣшать? Нѣтъ, ты мнѣ не помѣшаешь, наоборотъ, я заставлю тебя повиноваться мнѣ.

— Никогда!

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ я лишаю тебя наслѣдства и не желаю больше бя видѣть!

— Не можетъ быть, чтобы ты говорилъ это серьезно!

— Вполнѣ серьезно, клянусь тебѣ!

— Тогда, папаша, мнѣ ничего больше не остается, какъ пойти кать по бѣлу свѣту, гдѣ бы заработать себѣ кусокъ хлѣба. Еслибы нѣ даже пришлось ради насущнаго хлѣба уморить себя работой, то и тда я все-таки остался бы евреемъ.

— Но смотри, Генрихъ, — продолжалъ его отецъ примирительнымъ номъ,—ихъ жадность къ деньгамъ, ихъ страсть къ наживѣ...

— Ты говоришь о жадности евреевъ, папаша? Развѣ ты не получилъ кого же наслѣдства, какъ они всѣ? Твой покойный отецъ былъ честнымъ днымъ евреемъ и ходилъ въ своей юности по деревнямъ, съ тяжелымъ юкомъ на спинѣ. Какъ часто разсказывалъ онъ мнѣ, когда я былъ ребенмъ, что по цѣлымъ недѣлямъ онъ не видѣлъ другой пищи, кромѣ лѣба и молока, какъ часто приходилось ему ночевать въ открытомъ полѣ ли подъ стогомъ сѣна какого-нибудь крестьянина. Пока онъ не обжился, нъ оставался бѣднымъ деревенскимъ коробейникомъ, съ трудомъ пропитывавшимъ свою семью. Если бы ты не жаждалъ денегъ, то ты не былъ бы милліонеромъ. Но унаслѣдованная страсть къ наживѣ ебя не оставляла въ покоѣ; когда у тебя уже были милліоны, ты не былъ доволенъ своимъ богатствомъ, но все старался увеличить его. Повторять ли, что вѣка пріучили евреевъ къ денежнымъ дѣламъ, и что внукъ не можетъ отречься отъ наслѣдія отцовъ, что человѣкъ, котораго отецъ, дѣдушка, прадѣдушка и пращуръ, въ самые отдаленные вѣка принуждены были заниматься исключительно денежными дѣлами, не можетъ быть ненавистникомъ денегъ? Результатомъ этого принужденія явились почти всѣ дурныя качества еврея. Еврей не можетъ получить государственной или общественной должности, въ офицеры его не пускаютъ, какъ ремесленнику не на кого работать, потому что онъ долженъ жить только въ гетто, куда христіанинъ не пойдетъ покупать. Только обладаніе деньгами обезпечивало ему отчасти существованіе и жизнь. Онъ находилъ очень разумнымъ, что его принуждали заниматься денежными дѣлами и ковалъ себѣ оружіе противъ своихъ враговъ. Деньги были нужны ему, чтобы защищать свою жизнь. Деньги были защитительнымъ оружіемъ, еврейскимъ кинжаломъ въ средніе вѣка. Какъ же было еврею не стараться всѣми способами запастись этимъ орудіемъ?

Старый Гартенштейнъ слушалъ рѣчь своего сына, не говоря ни слова. Онъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, закрывъ лицо руками. Его лица нельзя было видѣть, а такъ какъ онъ все молчалъ, не двигаясь, то нельзя было и замѣтить, какое впечатлѣніе произвели на него слова Генриха. Графиня Шарлотта то перелистывала иллюстрированный журналъ, то вскакивала со стула и смотрѣла черезъ окно въ темноту. Объясненія ея брата были противны до глубины души. Была ли въ нихъ логика или нѣтъ, она слышала только, что онъ защищаетъ отвратительныхъ евреевъ, и это возмущало ее.

Она не могла скрыть своего гнѣва и дергала въ рукахъ платокъ, бросая на Генриха яростные взгляды. Рауль былъ такъ спокойно-равнодушенъ, какъ будто онъ не слыхалъ ни слова. Онъ курилъ свою дорогую сигару и по временамъ прикладывался къ стакану съ конья-

Digitized by Google

комъ. Въ видѣ особаго развлеченія онъ сталъ разсматривать все, ч
у него находилось въ карманахъ. Это были все рѣдкія въ своемъ ро
вещи. Портсигаръ былъ изъ матоваго золота, булавка для галстуха бы
съ розовымъ жемчугомъ, запонки на манишкѣ и манжетахъ представля
собою чистѣйшіе смарагды. На толстой золотой цѣпи у него находил
карандашъ, коробочка для спичекъ, ножикъ и ножницы для сигаръ, все зол
тое, украшенное драгоцѣнными камнями, его часы отбивали часы и минут
а на короткихъ цѣпочкахъ болтались необыкновенно красивая бирюз
золотой черепъ, прекрасная камея и небольшая печать, усыпанная бри
ліантами. Кромѣ того, на мизинцѣ лѣвой руки у него было три перстн
на каждомъ изъ которыхъ былъ драгоцѣнный камень. Одной изъ часты
привычекъ Рауля было пересматривать эти предметы и теперь онъ курил
пилъ и былъ погруженъ въ ихъ созерцаніе. На слова своего брата он
не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Большой интересъ обнаружилъ, повидимому, графъ Людомірскій. Он
внимательно слушалъ и, когда его шуринъ остановился, замѣтилъ:

— Милый Генрихъ, у евреевъ не только жадность къ деньгамъ:
нихъ есть еще и много другихъ отвратительныхъ качествъ.

— О да, у нихъ есть еще и другія отвратительныя качества, —воз
разилъ Генрихъ, —но причина всѣхъ ихъ въ томъ, что евреевъ вынуждал
всѣми способами направлять свои мысли и дѣятельность исключительн
на деньги. Къ чему принуждали вѣка, того нельзя искоренить въ течені
десятилѣтій. Пусть дадутъ евреямъ другія области, гдѣ они могли бы
развить свои способности, и тогда будетъ видно, что они сдѣлаютъ. Впро
чемъ, для этого мало десяти лѣтъ, а нужно, быть можетъ, сто лѣтъ
потому что въ теченіе десятилѣтія нельзя измѣнить вѣковыя болѣзни.

— Ну, а откуда явилась еврейская трусость? — спросилъ граф
Людомірскій, взглянувъ въ сторону Рауля. Ты вѣдь не будешь спорить
что они трусливы?

— Евреи трусливы? О, я объясню тебѣ это. Я укажу всѣмъ обви
неніямъ противъ евреевъ надлежащее мѣсто. Мнѣ пріятно освободить свою
душу отъ всего того, что накопилось тамъ вслѣдствіе гнета, производи
маго на евреевъ. Вы узнаете, почему я еврей и останусь евреемъ. Ты
говоришь, Хлодвигъ, что евреи трусливы? Да, галиційскіе евреи, жи
вущіе подъ постояннымъ гнетомъ, трусливы. Они трусливы, эти бѣдны
псы, потому что человѣкъ всякой другой націи отводитъ на нихъ свою
душу, потому что ихъ могутъ во всякое время прогнать изъ родного
дома. Быть можетъ, вначалѣ, когда ихъ стали бить, они и расплачи
вались за это, ибо и собака кусаетъ, когда ее бьютъ. Но если е
долго бьютъ, то она, визжа, заползаетъ въ уголъ. Исторія евре
показываетъ, что, когда у нихъ было собственное государство, они храб
сражались. Но теперь они разсѣяны. 50, 100, 500 евреевъ приходятся
на 10000, 20000, 100000 иновѣрцевъ. Они составляютъ ничтожно
слабое меньшинство. А большинство никогда не пропускало случая да
почувствовать свою власть меньшинству. Какъ только еврей выползал
изъ своего гетто, онъ не былъ увѣренъ въ безопасности своей жизни
что надъ нимъ издѣвались и насмѣхались, что онъ не имѣлъ права хо
дить по панели, а долженъ былъ тащиться въ грязи посреди улицы
что онъ долженъ былъ кланяться до земли, когда послѣдній му
жикъ кричалъ ему «Кланяйся, жидъ!», что его дергали за бороду и по

Digitized by Google

ясъ били только потому, что онъ еврей, все это считалось обычнымъ явле-
іемъ. Если онъ защищался и не хотѣлъ допустить этихъ милыхъ любез-
остей, то на него просто нападали и убивали до смерти. Онъ долженъ
ылъ униженно цѣловать бьющую его руку; если онъ не дѣлалъ этого,
о его жизнь подвергалась величайшей опасности. Онъ никоимъ образомъ
е долженъ былъ возбуждать неудовольствія — иначе вниманіе и ярость
ерни обращалось на гетто и тогда его убивали съ женою, дѣтьми и
сѣми единовѣрцами.

Еврей въ Галиціи, а также и иныхъ другихъ странахъ, живетъ еще теперь въ постоянномъ страхѣ, что можетъ лишиться имущества, потому онъ такъ же трусливъ, какъ его предки, внушившіе ему русость съ самой колыбели. Но тѣмъ не менѣе, слышалъ ли кто-ибудь, чтобы еврейскій солдатъ на войнѣ былъ трусливъ? Когда храбрость нужна, когда за нее не наказываютъ, тогда еврей храбръ. Почти никогда или очень рѣдко приходится слышать, чтобы еврей дезертировалъ на войнѣ. Они сражаются съ презрѣніемъ къ смерти, и въ франко-русской войнѣ, въ которой участвовало много тысячъ еврейскихъ олдатъ, ни одинъ не подалъ повода къ наказанію! О, еврейская трусость! Въ Венгріи, если является антисемитизмъ, то тотчасъ же исчезаетъ, потому что въ этой странѣ за всякое оскорбленіе евреи требуютъ довлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ.

— Ну, оставимъ разговоръ объ этомъ—замѣтилъ графъ Людомірскій. ы увлекся мыслью, что у евреевъ нѣтъ собственныхъ недостатковъ, все—навязанные имъ другими, и въ этомъ не разубѣдитъ тебя никто. Но какими бы хорошими ты ихъ не выставлялъ, они не будутъ приняты ъ порядочное христіанское общество. У нихъ нѣтъ умѣнія обходиться, ѣтъ манеръ.

— Эти манеры въ вашемъ великосвѣтскомъ обществѣ! Но когда пускали еврея въ хорошее христіанское общество? Они не допускались, а и теперь не допускаются даже въ самый обыкновенный бюргерскій ругъ. Не съ неба же имъ было доставать манеры. Конечно, есть еще оспитаніе. Оно, нѣсколько можетъ обучить еврея обхожденію въ обществѣ, но воспитаніе и школа не можетъ много дать, хотя среди молодого по-олѣнія мы встрѣчаемъ уже вполнѣ вѣжливыхъ и скромныхъ молодыхъ юдей.

— Почему же ты не посѣщалъ христіанское общество? — спросила рафиня Шарлотта? Почему приходится почти употреблять силу, чтобы твлечь тебя хотя немного отъ твоихъ любимыхъ безманерныхъ евреевъ и ввести въ свѣтское общество? Ты всегда готовъ читать проповѣди, а амъ то имъ и не слѣдуешь. Ты избѣгалъ Клары Виттингаузенъ, какъ будто бы тебя вели на плаху.

— Я потому избѣгалъ ея, что зналъ заранѣе, что ваши старанія напрасны,—возразилъ Генрихъ. Къ чему завязывать комедію, которая можетъ окончиться очень плохо? Я никоимъ образомъ не могъ бы стать женихомъ баронессы.

— Развѣ ты зналъ о ея связи?

— Ровно столько, сколько разсказалъ мнѣ Хлодвигъ, но когда я явился по вашему приглашенію въ Горкау, то я уже былъ помолвленъ.

— А, вотъ какъ!—вскричала его сестра. — Это интересная новость!

Отецъ Генриха все сидѣлъ до сихъ поръ въ креслѣ, закрывъ лицо

Digitized by Google

руками. По временамъ только онъ тихо качалъ головой; неизвѣстно было, думаетъ ли онъ или прислушивается къ словамъ своего сына. Теперь же, когда Генрихъ сказалъ, что онъ помолвленъ, то онъ сразу приподнялъ голову и пристально взглянулъ на своего сына.

— Ты обрученъ?—спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Да, папаша, уже нѣсколько дней!

— А съ кѣмъ, позволь спросить!

— Съ фрейленъ Матильдой Берггеймъ, внучкой доктора Гутмана.

— Понятно, она очень знатна и богата?

— Знатна? Ея знатность—въ ея умѣ и нравственности ея богатство—красота, образованіе, благородство сердца и души.

Старикъ Гартенштейнъ всталъ и подошелъ поближе къ сыну.

— Милый Генрихъ,—началъ онъ,—самостоятельность очень хорошая вещь, но ты забываешь, что теперь ты еще зависишь отъ меня. Когда ты будешь самъ себѣ господиномъ и будешь обладать собственнымъ состояніемъ, тогда ты можешь поступать по своему благоусмотрѣнію, а теперь я могу тебѣ приказывать. Эта фрейленъ Борггеймъ не будетъ твоей женой, замѣть себѣ это разъ навсегда.

— Папаша, отъ этого брака зависитъ все счастье моей жизни. Ты говорилъ бы иначе, еслибъ видѣлъ Матильда хоть разъ.

— Хорошо, я знаю уже эти любовныя исторіи, онѣ похожи одна на другую какъ двѣ капли воды. Но съ этимъ дѣломъ мы покончимъ. Ты оставишь со мной Лакенбахъ и въ этомъ году больше не вернешься сюда.

— Папаша, это невозможно; я далъ дѣвушкѣ свое слово и сдержу его.

— Сдержишь? Даже и противъ моей воли?

— Если иначе невозможно, папаша, то и противъ твоей воли.

— А если я совершенно откажу тебѣ въ поддержкѣ?

— Тогда я постараюсь зарабатывать себѣ пропитаніе собственными силами. Благодаря твоей заботливости я много учился, а такъ какъ я хочу работать, то не умру съ голода.

— Странныя творятся вещи!—проговорилъ Гартенштейнъ, возбужденно ходя большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Всю свою жизнь я работалъ, пріобрѣлъ прекрасное состояніе, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей уважаемыми и счастливыми людьми, а теперь у нихъ своя особенная амбиція. Честолюбіе одного состоитъ въ томъ, чтобы съѣсть перваго фазана въ началѣ сезона, другого — быть только евреемъ и жениться на какой-нибудь бѣдной дѣвушкѣ. Къ этому я стремился? Это—тотъ блескъ, котораго достигло мое семейство?

— Этотъ блескъ ты нашелъ въ своей дочери, графинѣ Людомірской.

— Я хочу дать блескъ имени Гартенштейна, тому имени, которое я ношу,—закричалъ старикъ гнѣвно.

— Имя Гартенштейна уже имѣетъ свой блескъ и сохранитъ его до тѣхъ поръ, пока ты останешься евреемъ, папа. Имя Гартенштейна звучитъ хорошо повсюду, гдѣ оно проникаетъ къ нашимъ соотечественникамъ. Гартенштейнъ, говорятъ, это знаменитый вѣнскій банкиръ, который двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ разстался со своими бѣдными родителями и отправился по бѣлу свѣту заработать насущный кусокъ хлѣба. Онъ пережилъ голодъ и нищету, жилъ въ горькой заботѣ, въ тяжеломъ трудѣ цѣлые годы, въ которые другіе молодые люди стремятся

Digitized by Google

ъ удовольствіямъ. И онъ побѣдилъ. Бѣдный еврейскій мальчикъ, блуждавшій по Вѣнѣ голоднымъ и безъ пріюта, теперь уважаемый банкиръ, владающій многими милліонами, во дворцѣ котораго бываютъ министры и графы. И когда еврей видитъ тебя на улицѣ, онъ съ глубокимъ почтеніемъ снимаетъ передъ тобой шляпу, и ему пріятно въ душѣ, онъ гордится тобою, потому что достигнутое тобою положеніе распространяетъ блескъ на все еврейство. Отецъ, посылающій въ жизнь своего сына, съ радостнымъ удовлетвореніемъ говоритъ ему: «Смотри, чѣмъ можетъ стать бѣднякъ, если онъ честенъ, прилеженъ и обладаетъ талантомъ. Видишь, вотъ человѣкъ, который владѣетъ теперь милліонами, котораго уважаютъ всѣ его единовѣрцы,—онъ ушелъ въ Вѣну съ однимъ гульденомъ, а теперь Ротшильдъ является къ нему и спрашиваетъ у него совѣта. И гдѣ бы ни говорили о тебѣ среди евреевъ, они не только отдаютъ дань уваженія твоему богатству, но говорятъ и о твоей честности и неподкупности. На его милліонахъ, говорятъ они, нѣтъ ни одного пятна, у него нѣтъ ни одной полушки, заработанной нечестнымъ путемъ. Господинъ Гартенштейнъ не только богатъ, онъ также честный человѣкъ съ ногъ до головы, передъ которымъ всякій долженъ снять шляпу. Вотъ что говорятъ о тебѣ евреи. А что говорятъ въ христіанскомъ обществѣ, куда ты хочешь получить доступъ? Тамъ говорятъ за твоей спиной: «О, Гартенштейнъ — богатый жидъ: онъ кралъ, обманывалъ, отдавалъ деньги въ ростъ и сталъ милліонеромъ. Такихъ людей не слѣдовало бы пускать въ домъ, но что дѣлать: богатый ростовщикъ можетъ пригодиться!»

Въ эту минуту Генриху была оказана поддержка съ той стороны, съ которой онъ меньше всего могъ ожидать этого.

— Я вполнѣ согласенъ съ нимъ,—замѣтилъ Рауль: когда я имѣю дѣло съ евреями, то я уважаемый, почтенный, знатный господинъ Гартенштейнъ. Всякій чувствуетъ себя польщеннымъ, когда я говорю съ нимъ, и я вполнѣ чувствую себя чѣмъ то лучшимъ, горжусь своей собственной персоной. Когда же я появляюсь въ христіанскомъ обществѣ, то я тамъ самый послѣдній. Ничего не значитъ, что у нихъ всѣхъ вмѣстѣ нѣтъ состоянія во сто тысячъ гульденовъ—я всетаки послѣдній среди нихъ. Нужно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не подвергнуться насмѣшкѣ, и быть осторожнымъ, чтобы не возбуждать никакихъ нападокъ. Не имѣешь ни минуты спокойной, и самъ не знаешь, какъ попадаешь въ какую-нибудь исторію, въ дуэль Къ чему мнѣ это, когда я могу жить спокойно и безъ помѣхи въ еврейскомъ обществѣ? Я знаю, что папашѣ важнѣе всего баронство, а не католичество, но у кого есть терпѣніе и необходимыя деньги, тотъ и какъ еврей, въ концѣ концовъ достигнетъ этого.

— И не думай, папа,—сказалъ Генрихъ—что если ты формально перестанешь быть евреемъ, то ты выйдешь изъ еврейскаго состоянія и аристократическое общество будетъ тебя признавать своимъ. О, нѣтъ! Тебя будутъ считать тѣмъ же евреемъ, но лишеннымъ характера, еврейской устойчивости,—вотъ все. Помнишь-ли ты, папа, какъ ты семнадцать лѣтъ назадъ пріѣзжалъ на родину?

— Въ Лошицъ?

— Да, въ родное мѣстечко, въ Лошицъ, къ твоимъ родителямъ. Ты не былъ еще богатъ, а былъ только зажиточнымъ человѣкомъ. Ты пріѣхалъ къ родителямъ погостить, и тебя встрѣтили съ большимъ поче-

Digitized by Google

томъ. Глава общины уступилъ тебѣ свое мѣсто въ синагогѣ, раввинъ въ проповѣди упомянулъ твое имя, прославляя тебя, какъ образецъ сильнаго предпріимчиваго еврея, который вырвался изъ нищенской обстановки, смѣло ринулся въ житейскій водоворотъ, чтобъ завоевать себѣ свое маленькое счастье. А твои родители... Что это были за славные честные люди! И какъ они тебя любили! Твой отецъ не отходилъ отъ тебя, потиралъ руки отъ удовольствія, глаза его блестѣли отъ радости и точно говорили: «видите, вотъ онъ каковъ, мой дорогой Альтеръ». А бабушка, моя добрая, старая бабуся, какъ она гладила тебя по волосамъ, наклоняла къ тебѣ свое морщинистое, но доброе лицо и ласкала тебя какъ маленькаго ребенка... Помнишь, ты хотѣлъ сдѣлать старикамъ подарки, дать имъ денегъ, а они мягко, нѣжно отклонили, говоря, что имъ ничего не надо. А когда мы стали прощаться передъ отъѣздомъ... Отецъ взялъ тебя тогда за правую руку, а мать за лѣвую, они прижимались къ тебѣ, и слезы стояли у нихъ въ глазахъ... Отецъ говорилъ тебѣ: «Дорогой Альтеръ, мы стары, совсѣмъ стары, и Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще на этомъ свѣтѣ. Когда Богъ призоветъ меня, я спокойно умру, потому что онъ утѣшилъ меня въ послѣдніе дни, давъ мнѣ увидѣть моего славнаго сына. Но, дорогой, не нарушай нашего душевнаго покоя, дай намъ клятву, что ты исполнишь долгъ, священный для каждаго еврея. Величайшее проклятіе для еврея—знать, что дѣти не будутъ молиться за упокой ихъ души. Обѣщай, обѣщай намъ, что ты, когда мы уйдемъ въ лучшій міръ, будешь читать по насъ заупокойную молитву кадишъ»...

При этихъ словахъ Генриха въ комнатѣ раздался плачъ. Всѣ съ ужасомъ взглянули на стараго Гартенштейна и подбѣжали къ нему. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ лицо обѣими руками. Слезы крупными каплями текли между его пальцевъ. Онъ трясся отъ судорожныхъ рыданій.

Дѣти были поражены. Точно по уговору они и графъ Людомірскій на цыпочкахъ вышли изъ комнаты, оставивъ старика одного. «Пусть онъ выплачется хорошенько»—думали они.

XI.

Когда Генрихъ на слѣдующій день пришелъ въ деревню къ доктору Гутману, онъ нашелъ Матильду блѣдною и взволнованною. О причинѣ ему нечего было разспрашивать: на диванѣ, въ углу, сидѣлъ красивый, очень элегантно одѣтый молодой человѣкъ и горько плакалъ. Это былъ конечно, молодой докторъ Эмиль Розенбаумъ, пріѣхавшій въ Лакенбахъ съ дипломомъ и нашедшій здѣсь далеко не такой пріемъ, на какой онъ разсчитывалъ.

— Докторъ Розенбаумъ,—прошептала Матильда.

Генрихъ уныло мотнулъ головой и не зналъ, что сказать. Но Розенбаумъ посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— Вы женихъ Матильды?—спросилъ онъ и снова заплакалъ.—О, о, Матильда, что ты сдѣлала со мною! Ты сдѣлала меня несчастнымъ, погубила всю мою жизнь!..

— Какъ вы можете такъ говорить?—сказала Матильда, — вѣдь вы были женихомъ Эрнестины Файерштейнъ!

— Это ошибка!

Digitized by Google

— Нѣтъ, господинъ Розенбаумъ, у меня есть письмо вашей невѣсты!

— Ошибка, ошибка моего сердца!

— Вотъ какъ! Но успокойтесь, господинъ Розенбаумъ, вы меня одинъ разъ забыли, вы забудете меня и въ другой разъ. Поѣзжайте себѣ съ Богомъ обратно въ Вѣну. Эрнестина проститъ васъ, и вы снова найдете свое счастье...

— Нѣтъ, счастье для меня уже невозможно послѣ того, какъ я васъ снова увидѣлъ и долженъ знать, что я васъ потерялъ навсегда. Прощайте, Матильда, будьте счастливы, вы меня никогда больше не увидите.

— А дѣдушка знаетъ, что господинъ Розенбаумъ здѣсь? — спросилъ Генрихъ. Матильда отвѣтила утвердительно.

— Онъ обѣщалъ мнѣ въ день моей свадьбы дать мнѣ 5000 гульденовъ въ вознагражденіе—произнесъ Розенбаумъ,—но моя потеря невознаградима. О, Боже! Гдѣ были у меня глаза! Что я себѣ надѣлалъ! Самое лучшее, что я могу теперь сдѣлать, это повѣситься или утопиться.

И онъ снова разрыдался.

Матильда и Генрихъ почувствовали сильное облегченіе, когда Розенбаумъ, наконецъ, вышелъ. Генрихъ взялъ Матильду за руку и сталъ ей цѣловать глаза, лобъ.

— Еще немного, милая моя, и я увезу тебя домой, я вчера размягчилъ моего отца, до того, что онъ даже въ слезы ударился. О, теперь онъ дастъ согласіе на нашъ бракъ.

— А если не согласится?

— Что же, тогда мы повѣнчаемся и безъ его согласія. Не думаешь ли ты, что я могу жить безъ тебя!

— Но я не думаю вовсе быть твоей женой! Для меня было бы уже большимъ счастьемъ и то, если бы я могла видѣть тебя каждый день хоть пять минутъ. Я довольствуюсь сознаніемъ, что ты меня любишь. Лучшаго я и не желаю!

— Пять минутъ? Это мило! Ты всегда должна быть возлѣ меня! Слышишь? Всегда, каждую минуту ты должна быть по близости, чтобы я могъ гладить твои волосы, цѣловать твои губы. Только тогда я могу быть счастливымъ. И это будетъ, скоро, очень скоро. Что твой дѣдушка?

— Дѣдушка? О, онъ сіяетъ отъ счастья, онъ точно помолодѣлъ на двадцать лѣтъ, видя, какъ я счастлива.

— И ты дѣйствительно такъ счастлива, моя милая?

— Безконечно. На-дняхъ я поѣду въ Эденбургъ, на могилы родителей. Имъ я разскажу, какъ я счастлива.

Генрихъ заглянулъ ей глубоко въ глаза и нѣжно провелъ рукою по ея лицу...

Конецъ.

Digitized by Google

С. Д. Луццато.

(1800—1900).

Недавно минуло сто лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго оріенталиста и экзегета Самуила-Давида Луццато.

Фамилія Луццато, извѣстная отчасти также подъ названіемъ Луццати, происходитъ изъ Германіи; но она уже нѣсколько столѣтій процвѣтаетъ въ Италіи, гдѣ выдѣлила изъ своей среды ученыхъ, изслѣдователей, врачей и поэтовъ. С. Д. Луццато родился 22 августа 1800 года въ Тріестѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника. Отецъ его былъ заурядным токаремъ, пользовавшимся, однако, большимъ уваженіемъ среди членовъ своей общины за свою безукоризненную честность и правдивость. Изъ своихъ скудныхъ и ограниченныхъ средствъ онъ всегда удѣлялъ десятую часть на благотворительныя дѣла и подаяніе бѣднымъ. Его единственнымъ любимымъ чтеніемъ было Св. Писаніе; онъ читалъ его въ оригиналѣ, вникая въ его внутренній смыслъ. Въ домѣ Луццато вошло въ обычай ежедневно послѣ скромной обѣденной трапезы прочитывать нѣсколько словъ изъ библіи. Жена Луццато не уступала ему въ добротѣ, набожности и душевныхъ качествахъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ росъ одаренный отъ природы мальчикъ Самуилъ-Давидъ. Очень рано его опредѣлили въ мѣстную общественную школу, представляющую интересное явленіе въ исторіи культуры евреевъ. Она была одной изъ наиболѣе правильно-организованныхъ еврейскихъ школъ, вызванныхъ къ жизни, благодаря гуманнымъ стремленіямъ Іосифа II. При основаніи ея она была встрѣчена крайне враждебно ортодоксальнымъ классомъ евреевъ, что и дало поводъ извѣстному еврейскому ученому Гартвигу Весели, считавшемуся другомъ Мендельсона, отправить открытое письмо (извѣстное подъ названіемъ דברי שלום ואמת къ лучшимъ образованнѣйшимъ евреямъ въ Тріестѣ, прося ихъ не бояться запугиваній ортодоксіи и не отрекаться отъ своихъ культурныхъ стремленій и начинаній. Результатомъ этого посланія

Digitized by Google

было то, что самъ Весели нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ ортодоксальныхъ главарей, такъ что свободомыслящій прусскій министръ народнаго просвѣщенія Цедлицъ, одинъ изъ глубокихъ почитателей Канта, счелъ нужнымъ заступиться за Весели и взять его подъ свою защиту. Мендельсонъ также не отказалъ ему въ своемъ покровительствѣ.

Въ этомъ училищѣ, руководимомъ тогда извѣстнымъ библіографомъ Саравалемъ, С. Д. Луццато получилъ первоначальное школьное образованіе. Кромѣ этой школы Луццато не посѣщалъ никакого другого учебнаго заведенія, былъ вполнѣ автодидактомъ, научная и умственная зрѣлость котораго, однако, и въ позднѣйшее время не обнаруживала въ немъ отсутствія школьной дисциплины. Луццато почти ничто не было чуждо; придерживаясь строгой и основательной системы, онъ былъ освѣдомленъ во многихъ областяхъ науки. Изъ новыхъ языковъ онъ зналъ въ совершенствѣ французскій и итальянскій, на которыхъ писалъ вполнѣ свободно; но главнымъ образомъ онъ писалъ на древне-еврейскомъ, сирійскомъ и латинскомъ языкахъ. На всѣхъ этихъ языкахъ онъ нерѣдкоо сочинялъ очень звучныя стихотворенія и обладалъ безспорно выдающимся поэтическимъ даромъ. Еврейскія стихотворенія его, писанныя на пятнадцатомъ году жизни, названы „грандіозными“ такимъ строгимъ критикомъ, какъ Францъ Деличъ. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что первый толчокъ къ писанію стиховъ на древне-еврейскомъ языкѣ дала ему его старшая кузина Рахиль Луццато, образованная и богато одаренная отъ природы дѣвушка, которая также писала стихотворенія на библейскомъ языкѣ. Она вышла потомъ замужъ за богатаго негоціанта Морбурго, и подъ именемъ Рахиль Морбурго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи ново-еврейской поэзіи.

По выходѣ изъ тріестской школы, С. Д. Луццато, безъ всякой помощи учителя, неутомимо предавался изученію общеобразовательныхъ предметовъ. На четырнадцатомъ году жизни онъ лишился матери, и отецъ его, терпѣвшій тогда матеріальныя лишенія, вынужденъ былъ поручить своему любознательному сыну, жаждавшему знанія и занятій наукою, веденіе скромнаго хозяйства, потому что въ домѣ была еще только одна сестра, на пять лѣтъ моложе его. Характерно, что С. Д. Луццато помимо прочихъ хозяйственныхъ обязанностей по дому, долженъ былъ заботиться также о приготовленіи обѣдовъ. Съ книгой въ рукахъ любознательный юноша

Digitized by Google

стоялъ у печи, въ которой готовилась пища къ обѣду, и нерѣдко случалось, что въ то время, когда онъ былъ погруженъ въ чтеніе Локка или другого любимаго философа, дрова въ печи не могли разгорѣться, и весь домъ наполнялся дымомъ. Сварливыя сосѣдки набрасывались тогда на неумѣлаго повара и своей руганью не разъ заставляли его проливать слезы.

Придерживаясь наставленій древнихъ учителей-талмудистовъ, Луццато - отецъ изъ чисто религіозныхъ побужденій хотѣлъ научить сына какому нибудь ремеслу; но такъ какъ послѣдній не могъ разстаться съ своими любимыми книгами, то набожный отецъ рѣшился отказаться отъ своего вполнѣ опредѣленнаго намѣренія, подъ тѣмъ только, впрочемъ, условіемъ, чтобы сынъ его заранѣе далъ ему подписку, что не его вина будетъ, если онъ впослѣдствіи не будетъ знать никакого ремесла. Послѣ его смерти этотъ документъ должно было положить въ его могилу.

Лишь исполнивъ эту нравственную обязанность, бѣдный токарь успокоился; предоставивъ сыну полную свободу. Онъ очень радовался затѣмъ его успѣхамъ. Отецъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, когда изъ громкой славы, пріобрѣтенной впослѣдствіи юнымъ Луццато, часть досталась и на его долю. С. Д. Луццато, отличавшійся рѣдкой скромностью, сдѣлался извѣстнымъ читающей публикѣ, когда въ августѣ 1819 года, по порученію еврейской общины въ Тріестѣ, написалъ очень красивое привѣтственное стихотвореніе на итальянскомъ языкѣ, по случаю пріѣзда въ Тріестъ наслѣднаго принца Фердинанда. Стихотвореніе это вызвало всеобщее одобреніе, и современная пресса посвятила не мало строкъ многообѣщающему юношѣ. Постепенно, шагъ за шагомъ, Луццато завоевывалъ себѣ имя ученаго. Въ особенности онъ сдѣлался извѣстнымъ въ области экзегетики и библейской критики по обнародованіи нѣкоторыхъ научныхъ трактатовъ, обратившихъ на себя вниманіе знатоковъ. Знаменитый нѣмецкій гебраистъ и лексикографъ Вильгельмъ Гезеніусъ предсказывалъ Луццато блестящую будущность и провозгласилъ его лучшимъ оріенталистомъ въ Италіи. Его также восхвалялъ и Францъ Деличъ въ своемъ классическомъ сочиненіи „Къ исторіи еврейской поэзіи“ (Zur Geschichte der jüdischen Poesie), что и сдѣлало имя Луццато извѣстнымъ далеко за предѣлами отечества, въ широкихъ кругахъ общества. Онъ былъ зачисленъ въ ряды лучшихъ гебраистовъ и изслѣ-

Digitized by Google

дователей Библіи, и въ 1829 году, когда положено было основаніе раввинской коллегіи въ Падуѣ, Луццато былъ назначенъ профессоромъ этой коллегіи, несмотря на то, что никогда не подвергался оффиціальному научному испытанію. Процвѣтаніе этой образцовой первой еврейской семинаріи, сдѣлавшейся впослѣдствіи разсадникомъ еврейской науки, всецѣло слѣдуетъ приписать умѣлому руководству Луццато, его стараніямъ и выдающимся педагогическимъ способностямъ. Со дня назначенія на эту должность до послѣдней минуты жизни (29 сентября 1865) Луццато обнаруживалъ энергичную научную дѣятельность, вызывавшую удивленіе всѣхъ близко знавшихъ его.

Въ Падуѣ онъ всецѣло отдался изслѣдованію еврейскихъ древностей и еврейской поэзіи. На этомъ поприщѣ онъ создалъ нѣчто выдающееся. Благодаря его стараніямъ, были обнародованы кладези еврейской поэзіи, относящіеся къ золотому періоду *испанско-арабской эпохи*. Эти чудныя поэтическія призведенія, сдѣлавшіяся нынѣ извѣстными и тѣмъ, которые не обладаютъ знаніемъ древне-еврейскаго языка, благодаря ихъ переводамъ и многочисленнымъ переложеніямъ на другіе языки, долго лежали подъ спудомъ, покрытыя архивной пылью, какъ безцѣнная и ненужная макулатура. Луццато впервые открылъ и обнародовалъ „Диванъ“ Іегуды Галеви, воспѣтаго съ рѣдкимъ энтузіазмомъ Генрихомъ Гейне, послѣ того какъ Михаилъ Заксъ, благодаря совѣтамъ и побужденіямъ со стороны Луццато, мастерскими стихами перевелъ часть „Дивана“ на нѣмецкій языкъ. Не поддается почти описанію, сколько неутомимаго труда и рѣдкаго прилежанія потребовалось на то, чтобы возстановить оригинальный текстъ этихъ стихотвореній, много столѣтій подвергавшихся искаженіямъ и превратностямъ слѣпого случая. Эта колоссальная работа испортила зрѣніе Луццато, и на старости лѣтъ онъ почти ослѣпъ. Тѣмъ не менѣе онъ впослѣдствіи писалъ своему другу, знаменитому арабисту Соломону Мунку, ослѣпшему отъ усиленныхъ архивныхъ занятій, что онъ охотно подарилъ-бы ему часть своего зрѣнія, еслибы не былъ убѣжденъ, что и послѣ нихъ найдутся работники, которые съ такимъ же священнымъ рвеніемъ посвятятъ себя обнародованію средневѣковыхъ еврейскихъ поэтовъ.

Число отдѣльныхъ сочиненій Луццато и научныхъ его изслѣдованій, писанныхъ на разныхъ языкахъ и разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, очень велико, но мно-

Digitized by Google

гія изъ его посмертныхъ произведеній ждутъ еще очереди и подлежатъ изданію.

Главная заслуга Луццато безспорно заключается въ его библейскихъ изслѣдованіяхъ, все больше и больше находящихъ цѣнителей и въ настоящее время. Съ большой осторожностью и рѣдкимъ пониманіемъ дѣла онъ приступалъ къ критикѣ библейскихъ текстовъ. Руководимый геніемъ еврейскаго языка, онъ предложилъ нѣсколько *эмандацій*, которыя можно принять за неопровержимую истину, и тѣ, которые болѣе или менѣе знакомы съ текстомъ Библіи, читая эти коньектуры, удивляются тому, что сами не набрели на такую истину. Въ критикѣ библейскихъ текстовъ Луццато не впадалъ въ излишество подобно слишкомъ рьянымъ раціоналистамъ. Онъ охотно соглашался со тѣмъ, что библейскіе тексты неминуемо должны были подвергаться разнымъ искаженіямъ, но всегда при этомъ напоминалъ, что къ исправленію ихъ слѣдуетъ приступать съ крайней осторожностью.

Этотъ методъ библейскаго изслѣдованія все больше прокладываетъ себѣ дорогу, особенно въ Германіи. Къ сожалѣнію, нѣтъ людей, которые, подобно Луццато, могли-бы проникать въ глубь и духъ еврейскаго языка.

Утомленный усиленными работами и почти лишенный зрѣнія, С. Д. Луццато умеръ 29 сентября 1865 года. Преждевременная смерть этого разносторонняго ученаго вызвала глубокую скорбь въ мірѣ ученыхъ и товарищей-оріенталистовъ. Авраамъ Гейгеръ, который въ религіозныхъ вопросахъ былъ антиподомъ Луццато, написалъ обширный некрологъ его и, соорудивъ прекрасный памятникъ покойному ученому, прославилъ и самого себя.

С. Станиславскій.

Digitized by Google

Литературно-критическія замѣтки.

У меня сидѣлъ мой товарищъ, одинъ изъ многочисленныхъ еврейскихъ интеллигентовъ, которые долго не знали, какъ имъ быть со своимъ еврействомъ. Ихъ настроеніе было мѣтко обозначено словомъ „растерянность“ Нынѣ онъ „возвращенный еврей“, и онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ отыскалъ нить, связующую его съ еврейской народной массой. Не помню подлинныхъ выраженій, но я помню хорошо ходъ его мыслей, и передаю ихъ, кажется, точно.

„Я долго не зналъ ни евреевъ, ни законовъ о нихъ.

Евреи вошли ко мнѣ въ домъ вмѣстѣ съ горемъ, законы о нихъ—вмѣстѣ съ произволомъ.

Тяжело и долго умиралъ мой ребенокъ—и не успѣлъ онъ въ послѣдній разъ вздохнуть, какъ комнаты наполнились людьми въ длиннополыхъ одеждахъ, съ длинными пейсами, обрамлявшими морщинистыя, измученныя лица. Тупо смотрѣлъ я на ихъ хозяйничанье надъ маленькимъ существомъ, измѣнившееся лицо котораго хранило лишь выраженіе кроткаго упрека за ненужныя муки. Я видѣлъ, какъ они его обмывали, рвали полотно для маленькаго савана, а затѣмъ—заунывнымъ гортаннымъ голосомъ стали читать какія то непонятныя молитвы. Затѣмъ, самый старый изъ нихъ склонился надъ его ухомъ и на ломанномъ жаргонѣ объявилъ, что отецъ, мать, родные и всѣ члены еврейской общины просятъ у него за что то прощенья. Повидимому, онъ простилъ, такъ какъ тотчасъ же его уложили въ длинный ящикъ и унесли. На улицѣ присоединилась кучка нищенски одѣтыхъ женщинъ, дѣтей и мужчинъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ кладбищу, кучка эта разросталась и среди нея метался какой то

*) Сборникъ разсказовъ «Еврейскіе Силуэты». Спб. 1900 г. и „Въ духотѣ“ *М. Д. Рывкина*. Спб., 1900 г.

Digitized by Google

маленькій, худенькій, полуоборванный человѣчекъ, все время позвякивавшій мѣдной кружкою и громко увѣрявшій, что «благотворительность спасаетъ отъ смерти". Всѣ этому вѣрили— и бѣдные люди опускали испуганно въ кружку бѣдную милостыню. Кучка эта меня поглотила и, мало-по-малу, отрѣзала отъ нѣсколькихъ друзей, явившихся на печальную церемонію. Ни они, ни я этому не противились: всѣ мы смутно сознавали, что у этихъ чужихъ дотолѣ людей есть какое то безспорное право и надъ моимъ ребенкомъ, и надо мною самимъ.

Въ чемъ ихъ право?—Отвѣтить на это тогда я не могъ.

На кладбищѣ эти люди овладѣли мною совершенно. Они показывали—гдѣ надо стать, что дѣлать, что говорить. Когда нѣсколько рослыхъ, дюжихъ людей старательно забросали землею крохотное тѣло, чтобы оно не смущало живыхъ, стоявшіе около меня евреи и еврейки стали объяснять—что такое, по ученію религіи, смерть и какъ къ ней долженъ относиться благочестивый еврей. Я машинально слушалъ ихъ и всю дорогу домой, и мнѣ минутами начинало казаться, что смерть— не то, что я видѣлъ въ дѣтской и на кладбищѣ... Мы разстались.

Долго потомъ ощущенія горя смѣшивались въ моемъ сознаніи съ евреями. Явилась потребность, жгучая и неотступная, узнать—кто эти люди, которымъ, въ самыя важныя, роковыя минуты моей жизни принадлежитъ какое то неотъемлемое право надъ всѣмъ моимъ существомъ. Должно быть, сильно это право, если они, непрошенные и незванные, вошли въ мой домъ, сдѣлались на день его хозяевами, а затѣмъ завладѣли и моей душою? И я, рѣзко протестующій противъ всякой попытки командованія надъ собою, безропотно имъ подчинился.

Я обратился къ кружку товарищей, отъ которыхъ дотолѣ былъ далекъ, съ просьбою помочь мнѣ узнать евреевъ. Они указали мнѣ историческія сочиненія. Я сталъ читать эти книжки. Передо мною, шагъ за шагомъ, развертывалась исторія евреевъ съ ея мимолетными радостями и упорнымъ, фатально-сплошнымъ трагизмомъ. Странное дѣло—чтеніе это трогало меня, но не покоряло. Исторія евреевъ оказалась трагичнѣе исторіи другихъ народовъ. Но развѣ возможенъ учетъ крови и слезъ, пролитыхъ однимъ народомъ преимущественно передъ другимъ? Нужно ли и можно ли зани-

Digitized by Google

аться бухгалтеріей тамъ, гдѣ ничего нельзя ни счесть, ни звѣсить, ни измѣнить?

Какое мнѣ дѣло—думалъ я—до людей, давнымъ давно сгнившихъ, которыхъ я никогда не видалъ и не могу даже вызвать въ своемъ воображеніи, если черезъ годъ мое собственное горе стало мнѣ казаться далекимъ?

Мнѣ старались объяснить, что жившіе за сотни, за тысячи лѣтъ до насъ люди оставили какіе то завѣты, которые я, какъ потомокъ, обязанъ исполнить. Это меня мало убѣждало. Наслѣдникомъ никто не обязанъ быть, а душеприкащикомъ—и того менѣе. Я не брался приводить въ исполненіе духовныя завѣщанія моихъ предковъ и жизнь для меня началась вмѣстѣ съ жизнью всего поколѣнья. Я не обязанъ признавать еще власть исторіи, когда, и безъ того, мы всѣ стоимъ подъ безпредѣльной властью современности.

Я отошелъ отъ тѣхъ, для которыхъ люди, живые люди—только продолженіе давно начавшагося рода, а жизнь, съ ея борьбою, паденіемъ, радостью и горемъ, одна изъ преемственныхъ эволюцій неумолимыхъ, какъ принято выражаться, законовъ прогресса.

Меня потянуло къ „живымъ“ и къ книгамъ, въ которыхъ о нихъ пишутъ.

Кругъ личныхъ наблюденій въ большомъ городѣ, къ которому я былъ прикованъ, оказался узокъ и бѣденъ. Все это были, такъ называемые, зажиточные классы съ ихъ борьбою за лучшую долю, драматическіе моменты въ жизни которыхъ внушительны вблизи и очень мелки—на разстояніи. Евреи—мелкіе торговцы, евреи—ремесленники и рабочіе... ихъ горе и нужды, по основному своему характеру, совпадаютъ съ горемъ и нуждами ихъ иновѣрцевъ-товарищей

Большой городъ налагаетъ на всѣхъ свою нивеллирующую печать.

Разница же въ ихъ судьбѣ, сравнительно съ судьбою иновѣрцевъ, обусловлена, по преимуществу, правовымъ положеніемъ. Но прежде, чѣмъ ознакомиться съ этой разницей поближе на другихъ, я испыталъ ее на себѣ.

У меня жила моя мать. Какъ сейчасъ помню, въ 5-мъ часу зимняго утра раздался сильный звонъ и стукъ въ двери. Испуганные вскочили мы съ постели и выбѣжали въ прихожую. Она оказалась полной народа; 2 околодочныхъ надзирателя, городовые, понятые и съ ними специфически-рыжій

Digitized by Google

господинъ, какіе только бываютъ среди сыщиковъ. „Что такое?“ — „Облава“ — былъ отвѣтъ. Я посмотрѣлъ съ удивленіемъ на пришедшихъ: хотя нѣкоторые изъ нихъ и были при оружіи, но, во всякомъ случаѣ, не охотничьемъ.

— „Какая такая облава?“ — „Провѣрка правъ евреевъ на жительство“. — „И для этого вы ходите по ночамъ?“. Меня не удостоили отвѣтомъ и вся гурьба, не смотря на предупрежденіе, что въ комнатахъ неуспѣвшія одѣться женщины, стала шмыгать по квартирѣ.

Всѣ оказались съ „правами“, но у матери моей, жившей со мною безвыѣздно нѣсколько лѣтъ и имѣвшей паспортъ, который былъ явленъ полиціей не оказалось какого-то особаго разрѣшенія на жительство. Напрасно я объяснялъ околодочнымъ надзирателямъ, что по законамъ, помѣщеннымъ въ Уставѣ о паспортахъ, права матери на жительство при сынѣ — несомнѣнны.

Ее пригласили одѣться и слѣдовать въ участокъ.

Недолги были сборы—и мы всѣ вышли на улицу. Помню полумракъ пустынныхъ, покрытыхъ свѣжимъ снѣгомъ, улицъ; помню унылые огоньки фонарныхъ рожковъ, смѣшивавшихся съ едва занимавшимся хмурымъ разсвѣтомъ; помню присоединявшіяся къ намъ по пути „охотничьи команды“ съ ихъ добычею — и въ особенности, вижу, будто сейчасъ, специфически-„рыжаго“, который только тѣмъ и отличался отъ Іуды, что онъ, навѣрное, никогда не почувствуетъ потребности обременить своей особою вѣтви дерева.

Мы пришли въ участокъ: въ грязной, биткомъ набитой загнанными „облавою“ звѣрями, комнатѣ, немало пришлось прождать, пока измученный приставъ и его помощники не убѣдились въ допущенной въ отношеніи моей матери ошибкѣ.

Что я тамъ видѣлъ, что слышалъ!.. Къ чему вспоминать? Для меня это—прошлое, а для многихъ другихъ—текущая жизнь.

Зато въ это утро я столько узналъ о „правахъ евреевъ“, сколько мнѣ не могли бы сообщить и не сообщили сѣрые листки законовъ и толкованій къ нимъ.

Но у всѣхъ этихъ „изловленныхъ“, или, по крайней мѣрѣ, у многихъ изъ нихъ были заступники, были люди, знающіе законъ и имѣющіе средства къ приведенію его въ исполненіе.

Но не то я нувдѣлъ въ мѣстечкѣ, куда на нѣсколько дней

Digitized by Google

забросила меня судьба. Я увидѣлъ нищету, ничѣмъ не прикрытую и не конфузящуюся, такъ какъ кругомъ все были нищіе; я увидѣлъ горе, которое отъ того только не переходило въ отчаяніе, что считалось нормальнымъ состояніемъ; я наблюдалъ произволъ, которому по постоянству и точности проявленія долженъ былъ бы позавидовать законъ. И надо всей громадою барахтающихся въ грязи, поѣдающихъ другъ друга людей висѣла безнадежная тьма. Никто не шелъ на помощь, ни откуда не слышалось ласковаго, ободряющаго и просвѣщающаго голоса.

Много потомъ читалъ я разныхъ разсказовъ изъ жизни задыхающейся „черты"—и вездѣ одна и та же безнадежность, одинъ и тотъ же упрекъ...

Тогда я понялъ то, о чемъ я смутно догадывался въ печальный для меня день, о которомъ я раньше разсказалъ. Всѣмъ существомъ своимъ я понялъ, вѣрнѣе—почувствовалъ, какія у „нихъ" права на меня и на всѣхъ тѣхъ, кому удалось пробиться къ свѣту. Тутъ—не „завѣты" древняго Израиля, не голосъ „крови", а прямое сознаніе забывчиваго должника и о своей неоплоченности, и... о неоплатности. Каждая книжка о жизни евреевъ однимъ своимъ видомъ вызываетъ во мнѣ содроганіе. Мнѣ чудится, что стоитъ раскрыть ее, какъ сейчасъ же предстанетъ исполнительный листъ огромныхъ долговъ моихъ тѣмъ, съ кѣмъ я впервые близко столкнулся въ горестный для меня день, смѣшавшій въ моей памяти евреевъ и еврейство съ безсильнымъ ужасомъ смерти и съ кладбищемъ».

Въ сущности мы всѣ прошли тотъ же путь, съ тѣми или иными варіаціями, и испытываемъ тѣ же чувства при повѣсти о еврейскомъ горѣ.

Вотъ сейчасъ предо мною—двѣ книжки. Съ каждой страницы ихъ глядятъ на меня пришибленные, смиренные кредиторы, которые не смѣютъ просить, въ то время, когда имѣютъ право требовать!

Кто долженъ отвѣтить за тысячи людей, которые подобно „Гедали" *), восприявъ все благородное и высокое отъ религіи, брошены въ жизненную борьбу безъ знанія жизни, безъ малѣйшей подготовки къ ея требованіямъ?

Какое странное сочетаніе въ одномъ и томъ же лицѣ благороднѣйшихъ моральныхъ требованій, вѣчнаго полета въ

*) „Еврейскіе силуэты".—*Эд. Оржешко*: „Гедали".

Digitized by Google

поднебесную высь и жалкаго грѣховнаго пресмыканія на землѣ!

Безсознательный поэтъ Гедали живетъ своей мыслью въ мірѣ легендъ и миритъ неправду жизни съ правдою неба. Съ дрожью въ голосѣ, съ блескомъ въ глазахъ разсказываетъ онъ легенду объ ангелахъ, сходящихъ на землю:

Въ древнемъ градѣ, на высокомъ креслѣ сидѣлъ великій раввинъ Моисей Бенъ-Маймонъ, а возлѣ него сидѣло сто, можетъ быть, тысяча, а можетъ быть и десять тысячъ учениковъ его. Онъ говорилъ съ ними по-арабски, по-гречески и на другихъ языкахъ. Это былъ раввинъ, который ни къ одному народу не питалъ вражды. Когда онъ пересталъ говорить, то его лучшій ученикъ Бенъ-Іегуда сказалъ: „Рабби, я не понимаю въ библіи одного мѣста! Можетъ быть, ты мнѣ объяснишь его“.—Что же ты не понимаешь?— спросилъ Бенъ-Маймонъ. А Бенъ-Іегуда отвѣтилъ: „Я не понимаю, кто тѣ ангелы, которые снились нашему предку Іакову восходящими по лѣстницѣ до неба и опять нисходящими на землю?“. Бенъ-Маймонъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣтилъ: „Эти ангелы—тѣ великіе люди, которые становятся совершенными и мудрыми. Имъ трудно идти вверхъ, но они идутъ, потому что имъ даны силы, и ихъ одушевляетъ горячее желаніе дойти туда, гдѣ можно воспріять сладость и свѣтъ. Ихъ называютъ пророками, учеными, человѣколюбцами, страстотерпцами, но всѣ они ангелы, которые поднимаются по лѣстницѣ до самаго неба“. Такъ говорилъ Бенъ-Маймомъ, но Бенъ-Іегуда не остался доволенъ объясненіемъ и продолжалъ спрашивать:

„А зачѣмъ же, рабби, они идутъ то вверхъ, то внизъ? Если они такъ жаждутъ быть на верху, то отчего они не остаются тамъ, а возвращаются на землю?“ Бенъ-Маймонъ тряхнулъ своими сѣдыми волосами, какъ левъ, и сказалъ: „Еслибъ они оставались наверху и не возвращались на землю, то они не были ангелами. На небѣ они пріемлютъ сладость и свѣтъ и возвращаются на землю, чтобы посѣять на ней эти сокровища. А гдѣ они сѣяли, тамъ земля даетъ прекрасные плоды; тамъ нѣтъ вражды, нѣтъ плача, а царитъ миръ и довольство. Вотъ зачѣмъ они возвращаются на землю, хотя имъ трудно спускаться, и вотъ почему они—ангелы“. Бенъ-Маймонъ умолкъ, а Бенъ-Іегуда и всѣ другіе ученики радовались и благодарили его за то, что онъ далъ такое прекрасное обѣщаніе. Бенъ-Маймонъ спросилъ: „Какое же я вамъ

Digitized by Google

ылъ обѣщаніе?“—а Бенъ-Іегуда отвѣтилъ: „Эти ангелы, рабби, огда нибудь сдѣлаютъ то, что на свѣтѣ не будетъ ни голода и вражды, ни несчастныхъ, стонущихъ и взывающихъ въ ердцѣ своемъ, что имъ жить не въ моготу!“

Одна легенда смѣняетъ въ его изложеніи другую, обнаруживая богатство его духовнаго міра.

Но не проходитъ и 10 минутъ, не успѣли еще проворные нгелы взойти на небо, какъ Гедали, при вопросѣ о томъ, го у него въ коробѣ, обращается въ плутоватаго торговца. Мистикъ,—замѣчаетъ симпатичная писательница,—мечтающій земномъ раѣ, безсознательный поэтъ, сохраняющій въ паяти множество преданій, изнуренный, чахоточный, съ апаичной покорностью расхаживающій по деревнямъ, голодный, борванный,—изчезъ. Его смѣнилъ проворный, услужливый еревенскій торгашъ, хитрый, болтливый“.

Мыслитель и страдалецъ, торгашъ и попрошайка—эти алопонятныя антитезы встрѣчаются нерѣдко въ еврейской ассѣ, возбуждая въ безпристрастныхъ наблюдателяхъ одновременно и удивленіе, и негодованіе. Надъ этимъ явленіемъ тоитъ, остановиться. „Старое“ еврейство дало Гедали все учшее, что оно вынесло изъ тьмы временъ: вѣру въ небо, ѣру въ „человѣчность“ и смутное стремленіе къ правдѣ. торванное само отъ жизни, оно не могло дать ему знанія изни и умѣнья найти въ ней ту дорогу, гдѣ менѣе всего риносится въ жертву правда и небо. „Молодое“ еврейство ъумѣло лишь поколебать міръ безпочвенныхъ мечтаній, но е научило голоднаго, какъ отрѣзать кусокъ хлѣба, не поѣзавъ пальцевъ другимъ, тоже тянущимся къ хлѣбу.

Несомнѣнно, что широкая сѣть ограничительныхъ законовъ бусловливаетъ, до извѣстной степени, отчужденность значиельной части еврейской массы отъ производительнаго труда, о это—только *до извѣстной степени*. При врожденной у вреевъ любви къ труду, стройно организованная система оспитанія и развитія профессіональнаго знанія дали бы, коечно, возможность Гедали и ему подобнымъ проявить свое іросозерцаніе въ дѣятельности. Порукою тому исторія вреевъ: въ самое позорное время—въ періодъ фараоновъ—вреи были *рабами-тружениками*, но никогда не были рабами - попрошайками. Теперь они—и рабы, и нерѣдко порошайки. Если освобожденіе евреевъ отъ рабства покуда не о власти интеллигенціи,—то, она можетъ, она должна освоодить ее отъ мучительнаго попрошайничества.

Digitized by Google

Станетъ ли оттого лучше общественное положеніе евреевъ, избавятся ли они отъ позорнаго состоянія?—Посмотримъ.

Для того, чтобы евреямъ стало лучше, необходимо, чтобы не только они стали лучше, но чтобы сдѣлались справедливѣе и честнѣе ихъ окружающіе. Недаромъ Берне сказалъ, что евреевъ ненавидятъ, не за то, что они этого заслуживаютъ, а за то, что они „заслуживаютъ“ (зарабатываютъ).

Вотъ доживающій седьмой десятокъ переплетчикъ „Мендель Гданскій“ *). Съ утра до поздняго вечера стоитъ онъ въ кожаномъ фартукѣ за станкомъ и его дрожащія старческія руки не хотятъ знать покоя. По городку, гдѣ онъ живетъ, начинаютъ носиться слухи, что будутъ „бить жидовъ“. Мендель не вѣритъ. Появляются тревожныя подтвержденія этихъ слуховъ: его внука—гимназиста избили на улицѣ и сосѣди начинаютъ предостерегать насчетъ бѣды. Старый переплетчикъ все не вѣритъ.

Когда толстый сосѣдъ-часовщикъ объявляетъ ему съ какой-то непонятной радостью, что жидовъ непремѣнно и скоро „побьютъ“, Мендель недовѣрчиво спрашиваетъ:

— Жидовъ? Какихъ жидовъ? Если тѣхъ, которые воруютъ, людей обижаютъ, по дорогамъ разбойничаютъ, съ бѣдняка послѣднюю шкуру тянутъ, — ну, почему нѣтъ? Я самъ пойду ихъ бить!

— Да, нѣтъ,—засмѣялся часовщикъ,—всѣхъ жидовъ!..

Сѣрые глаза Менделя внезапно сверкнули, но старикъ погасилъ этотъ блескъ, наполовину опустилъ вѣки и, будто равнодушно, спросилъ:

— Ну, а за что-жъ они всѣхъ жидовъ хотятъ бить?

— Какъ за что,—небрежно возразилъ часовщикъ,—за то, что они жиды!

— Ну,—продолжалъ Мендель, щуря сѣрые глаза,—почему же они въ лѣсъ не идутъ и не рубятъ березъ за то, что онѣ березы, или елей за то, что онѣ ели?..

Доводы стараго переплетчика безсильны. Тщетно онъ указываетъ, что родился въ этомъ краю, что право не считаться „чужимъ“ купилъ мозолями на рукахъ и согбенною отъ постоянной работы спиною. Его плата — въ переплетахъ, облекающихъ молитвенники, по которымъ его заказчики — христіане молятся Богу, облекающихъ учебники, по которымъ учатся ихъ дѣтишки.

---

*) *М. Комоницкая*: „Мендель Гданскій“. („Еврейскіе силуэты“).

Digitized by Google

Нѣтъ, переплетчикъ не вѣритъ, чтобы христіане могли питать ненависть къ людямъ, которые ихъ ничѣмъ не обидѣли и такъ же безпомощны и одиноки въ жизненной борьбѣ, какъ и всѣ бѣдняки на землѣ.

Старый Мендель знаетъ, что эксплоатація и пороки не гнѣздятся въ какой-либо опредѣленной національности. Если онъ не умѣетъ выразить, то все-же онъ смутно догадывается,— какъ мы это понимаемъ ясно, что трудящіеся и нуждающіеся всѣхъ народностей составляютъ одну націю, у которой есть одно общее горе.

Но толстый часовщикъ этого не понималъ—вѣроятно, по тому, что онъ—толстый. Не понимаютъ еще этого и тѣ, для которыхъ нужда, заброшенность и тьма безпросвѣтная застилали Божій міръ и его правду.

Не понимаютъ — и гроза не миновала. Старый переплетчикъ, полагавшій, что честная работа даетъ право на признаніе за „жидомъ“ человѣческихъ правъ, ошибся.

Пьяная ватага съ гиканьемъ и свистомъ налетѣла на его крохотный домикъ—и полетѣли камни. Одинъ изъ нихъ ранилъ въ голову внука — гимназиста. Правда, великодушный студентъ отстоялъ переплетчика отъ разгрома, но онъ не въ силахъ былъ спасти старика отъ отчаянія, завладѣвшаго навсегда его душою.

Напрасно утѣшалъ его студентъ.

Старый переплетчикъ справлялъ босины по самомъ дорогомъ для него покойникѣ—любви къ родинѣ.

— Панъ спрашиваетъ, справляю-ли я босины? — говоритъ Мендель,—Да, я справляю босины! Я посыпалъ пепломъ голову, покрылъ ее толстымъ мѣшкомъ и самъ сижу босой на пеплѣ, ибо тяжкая кара постигла меня, великая скорбь, великое горе...

Онъ умолкъ и снова закрылъ лицо руками. Маленькая зеленая лампочка освѣщала его сѣдую голову какимъ-то страннымъ, почти призрачнымъ свѣтомъ, мальчикъ застоналъ, потомъ стихъ, и снова наступило молчаніе.

Среди воцарившейся тишины Мендель Гданскій снова поднялъ голову и тихо молвилъ:

— Панъ говоритъ, что у меня никто не умеръ? Во мнѣ умерло то, съ чѣмъ я родился, съ чѣмъ прожилъ на свѣтѣ шестьдесятъ семь лѣтъ, съ чѣмъ думалъ и умереть... Во мнѣ умерла любовь къ этому городу!

Digitized by Google

Страшныя слова... „Во мнѣ умерла любовь къ этому городу“... знать, что ты лишенъ родного города, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ни одного угла, гдѣ-бы ты былъ своимъ; — кто назоветъ горе, болѣе глубокое, болѣе жгучее, нежели это?

Но люди не могутъ жить безъ родины. Они ищутъ ее въ религіи, въ прошломъ,—съ ея старой мудростью, съ вѣковыми преданіями. Тамъ нѣтъ погромовъ, тамъ никто не скажетъ и не докажетъ тебѣ, что ты—чужой.

Только этимъ можно объяснить и понять странный міръ, именуемый „ешиботомъ“, который такъ рельефно изображенъ молодымъ талантливымъ беллетристомъ М. Д. Рывкинымъ въ разсказѣ „Гроза“. Тамъ, въ ешиботѣ соединились люди разныхъ состояній и возрастовъ: у всѣхъ одна задача, одно стремленіе — искать въ старыхъ книгахъ „разрѣшенія“ неразгаданныхъ истинъ и отвѣта на неразрѣшенные вопросы.

Въ колоритномъ, согрѣтомъ сердечной теплотою, разсказѣ того же автора „Передъ сальнымъ огаркомъ“ изображенъ „клоузникъ“, проводящій ночи напролетъ за талмудомъ.

„Огарокъ слабо освѣщаетъ его сухое, длинное, изможденное лицо съ помутнѣвшими отъ напряженія и усталости, тупо устремленными въ раскрытую книгу, глазами. Длинныя, измятыя, обтрепанныя по угламъ, засаленныя и пожелтѣвшія страницы, свято хранящія на себѣ слѣды многихъ потраченныхъ надъ ними безсонныхъ ночей, холодно и безучастно смотрятъ на него своими тремя столбцами буквъ. Въ срединѣ— сухой, немногословный, полный недомолвокъ и таинственныхъ намековъ текстъ самой „геморы“. Слѣва — мелкій, частый шрифтъ популярнѣйшаго, заботливо разъясняющаго всякія затрудненія и тщательно освѣщающаго всѣ, даже самые запутанные закоулки въ безконечномъ лабиринтѣ талмудической казуистики—комментарія Раши. Справа такой же шрифтъ менѣе популярнаго, но болѣе глубокомысленнаго Тосфеса. Нѣсколько чертежей, призванныхъ комментаторами на помощь для разъясненія темнаго мѣста въ текстѣ, тутъ же скромно пріютились по бокамъ страницы: съ одной стороны— кругъ,, вписанный въ квадратъ, а съ другой—рядомъ: треугольникъ, кругъ и прямоугольникъ.

„Клоузникъ жадно всматривается въ лежащую передъ нимъ книгу, медленно поводя пальцами отъ одного чертежа къ другому и тщательно намѣчая ногтемъ новыя линіи и круги. Порою онъ судорожно отбрасывается назадъ: потух-

Digitized by Google

шій взоръ его неожиданно зажигается жизненнымъ блескомъ... Казалось бы, что то, чего онъ такъ долго и безплодно искалъ въ этихъ холодныхъ, бездушныхъ страницахъ, наконецъ, найдено, что спасеніе настало!.. И онъ торжественно и побѣдоносно устремляетъ свои широко раскрывшіеся глаза въ одну какую нибудь отдаленную точку, тщательно слѣдя за тѣмъ, какъ въ его разгоряченномъ мозгу стройно и гармонично укладываются линія за линіей, фигура за фигурой, давая въ результатѣ тотъ выводъ, котораго онъ такъ долго и настойчиво добивается... На одну только минуту его блѣдное изможденное лицо озарится счастливой улыбкой; на одну только минуту нагорѣвшій огарокъ особенно ярко вспыхнетъ,—нависшія кругомъ тѣни тотчасъ же разбѣгутся по отдаленнымъ угламъ синагоги и притаятся тамъ гдѣ-то подъ широкими, низкими скамьями; въ освѣтившіяся окна привѣтливо заглянутъ притихшія за стѣною березы и, мягко потрепавъ своими зелеными вѣтками по скользкимъ, холоднымъ стекламъ, прошепчутъ ему что то нѣжное и ласковое...»

Но жизнь, дѣйствительная жизнь врывается порою въ это бѣдное окно и смущаетъ юнаго отшельника. Ему какъ то ненарокомъ попалась въ руки запретная еврейская книжка—онъ съ удивленіемъ узнаетъ, что „тамъ, за высокими покосившимися стѣнами тѣсной синагоги, есть еще цѣлый міръ желаній, стремленій, заблужденій; что за „четырьмя локтями галахи“ есть еще цѣлая богатая область настоящихъ живыхъ знаній,—и ему мучительно страстно захотѣлось проникнуть въ этотъ внѣшній живой міръ, въ эту дивную, недоступную для него область“.

Нетрудно предугадать — что дастъ бѣдному отшельнику проникновеніе въ „этотъ внѣшній живой міръ“. Онъ заплатитъ за него глубокимъ разочарованіемъ. Но, если бы плата оказалась еще тяжелѣй, еще непосильнѣй, все же надо рваться изо всѣхъ силъ съ кладбища, гдѣ схоронены на вѣки старыя мысли, старыя чувства и старые сны.

Для всѣхъ, кто дѣйствительно любитъ свой народъ, нѣтъ молитвы, священнѣе той, которою молится въ „сказаніи о Флорѣ Римлянинѣ“ *) Гамаліотъ:

„...Исполни же просьбу обреченныхъ, исполни нашу просьбу Всевышній!

---

*) *В. Короленко.* Сборникъ „Еврейскіе Силуэты“; стр. 75—77.

Digitized by Google

«Пусть никогда не забудемъ мы, доколѣ живы, завѣты борьбы за правду.

«Пусть никогда не скажемъ: лучше спасемся сами, оставивъ безъ защиты слабѣйшихъ.

«Пусть ни одинъ нашъ ударъ не будетъ направленъ, противъ неповиннаго въ насиліи.

«Пусть никогда не посягнемъ на святость чужихъ алтарей, помня поруганіе своихъ».

Ос. Грузенбергъ.

Digitized by Google

Еврейская литература

За послѣдній годъ.

Что такое еврейская литература?

Читатель, на этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить, какъ это можетъ показаться сразу.

На аналогичный вопросъ о томъ, что вы называете, напримѣръ, русской, нѣмецкой, французской литературой, вы, не задумываясь, отвѣчаете: все то, что русскіе, нѣмцы, французы пишутъ и печатаютъ по-русски, по-нѣмецки, по-французски... Но попробуйте примѣнить то же опредѣленіе къ еврейской литературѣ и сказать тоже: все, что пишется и печатается евреями на еврейскомъ языкѣ, — не почувствуете ли вы при этотъ необходимости въ новомъ опредѣленіи, на сей разъ—термина «еврейскій языкъ»? Безспорно, *такъ* собственно вправѣ именоваться только языкъ библейскій, тотъ языкъ, на которомъ нѣкогда дѣйствительно изъяснялись наши предки, но на которомъ нынѣ евреи только молятся Богу, читаютъ и пишутъ, а говорить говорятъ развѣ только члены кружковъ «Sopho-Bruro», да еще немногіе ораторы-гебраисты въ иныхъ особо торжественныхъ случаяхъ. Безспорно, произведенія, написанныя на этомъ языкѣ, суть произведенія литературы *еврейской*, а ихъ авторы—писатели и литераторы *еврейскіе*. Это такъ. Но какъ же быть съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ нынѣ *говоритъ* подавляющее большинство всѣхъ живущихъ на земномъ шарѣ евреевъ? Называйте это нарѣчіе «несчастнымъ», «презрѣннымъ», «чужеяднымъ» и т. д. и т. д., нанизывайте по тому поводу одинъ на другой сколько-угодно сильныхъ, очень сильныхъ эпитетовъ и кличекъ, изслѣдуйте подробно, сколько оно успѣло на своемъ вѣку «исковеркать» чужихъ корней, флексій, суффиксовъ и пр. и пр., но если тотъ фактъ, что на этомъ исковерканномъ и презрѣнномъ нарѣчіи изъясняются *милліоны* людей, остается неоспоримымъ, то неоспоримо также и то, что существующая на этомъ нарѣчіи литература является собственностью не кого либо иного, а только этихъ самыхъ милліоновъ людей, и никакими эпитетами нельзя доказать, что книги и газеты, издающіяся въ Европѣ и Америкѣ на еврейскомъ «жаргонѣ», не еврейскія книги и газеты, что десятки тысячъ экземпляровъ жаргонныхъ произведеній, поступающихъ ежегодно на еврейскіе книжные рынки этихъ частей свѣта, не еврейскія произведенія, что Шоломъ-Алейхемъ, Мен-

Digitized by Google

деле-мехеръ-сфоримъ, М. Спекторъ, Моррисъ Розенфельдъ и др. — не еврейскіе писатели...

Словомъ, какъ быть съ жаргонной литературой?

Но вѣдь это еще не все. У насъ есть еще одинъ видъ литературы, которому присвоено названіе русско-еврейскаго. Одно время, — это было не очень давно,—можно было думать, что этому роду нашей литературы предстоитъ «блестящая» будущность, и на него возлагались большія, очень большія надежды во многихъ отношеніяхъ. Надежды эти сбылись не вполнѣ. Но все же два періодическихъ органа, рядъ ученыхъ, писателей и журналистовъ, среди которыхъ есть имена заслуженныя и достаточно крупныя, значительный кругъ читателей ихъ произведеній, написанныхъ по-русски,—все это и теперь приходится на долю этой, третьей по счету, части *нашей* же литературы.

Итакъ, что же такое слѣдуетъ разумѣть подъ словами: «еврейская литература?»

Надѣюсь, читатель теперь вполнѣ убѣдился въ томъ, что поставленный мною въ началѣ статьи вопросъ — отнюдь не смѣшной парадоксъ и что на него вовсе не такъ легко дать прямой и опредѣленный отвѣтъ.

Но если даже несомнѣнно одно — что къ еврейской литературѣ въ собственномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ принадлежатъ произведенія, написанныя только на древне-еврейскомъ, т. е. библейскомъ языкѣ, то здѣсь опять-таки необходимо сдѣлать новую и весьма существенную оговорку.

Войдите въ любой русскій, скажемъ, книжный магазинъ и спросите: «а гдѣ тутъ у васъ, любезнѣйшіе, русская литература-то?» — Конечно, васъ сочтутъ, по меньшей мѣрѣ, за забавнаго шутника, — ибо то, чего вы ищете, наполняетъ собою всѣ длинныя полки магазина, покрываетъ всѣ его стѣны сверху до низу и глядитъ на васъ чинно упирающимися въ нихъ рядами всевозможнаго рода книгъ. Но такой же точно вопросъ по отношенію къ *еврейской* литературѣ будетъ вполнѣ умѣстенъ въ еврейской книжной торговлѣ, которая располагаетъ, конечно, очень богатымъ «выборомъ» молитвенниковъ, chumoschim, талмудическихъ трактатовъ и различныхъ схоластически-раввинскихъ сочиненій и которая въ лучшемъ случаѣ отводитъ одну какую нибудь небольшую малозамѣтную полочку также и подъ тѣ «Büchlech», въ коихъ вы имѣете надобность

Короче: на еврейскомъ языкѣ имѣется у насъ очень много книгъ исключительно религіознаго содержанія и небольшое сравнительно число произведеній обще-литературнаго, т. е. свѣтско-литературнаго характера и такимъ образомъ, изъ упомянутой уже области собственно еврейской литературы въ точномъ смыслѣ приходится выдѣлить еще болѣе тѣсный кругъ произведеній, составляющихъ литературу такъ-называемую ново-еврейскую.

Digitized by Google

Объ этой послѣдней мы главнымъ образомъ и поведемъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ.

II.

Нашему обзору подлежатъ лишь произведенія ново-еврейской литературы самаго послѣдняго времени, а потому мы не будемъ касаться исторіи ея развитія, начавшагося на Западѣ, но главнымъ образомъ протекшаго по нашей, русско-еврейской почвѣ, гдѣ опредѣлились ея внѣшнія формы и основные мотивы ея внутренняго содержанія.

Отдавъ предварительно дань всѣмъ почти направленіямъ, въ свое время господствовавшимъ въ еврейскихъ литературахъ, наши еврейскіе писатели стали постепенно освобождаться отъ чисто-подражательныхъ формъ съ ихъ ложно-классическими сентиментальными романтическими и прочими оттѣнками, мало-по-малу освоились съ болѣе простыми, естественными пріемами творчества и прониклись сознаніемъ необходимости вступить на собственную, самостоятельную дорогу.

Особенно замѣтно окрѣпло это сознаніе въ послѣднія два десятилѣтія, благодаря той внутренно-идейной работѣ самоопредѣленія, за которою мы видѣли лучшую часть нашей интеллигенціи въ теченіе этого періода времени и которая влила новое вино въ старые мѣхи еврейской литературы, за послѣдніе годы не перестававшей рости въ глубь и вширь, развиваться количественно и качественно.

Двумъ варшавскимъ товарищескимъ фирмамъ:—«Ахіасафъ» и «Тушія»—принадлежитъ въ этомъ отношеніи большая, неоцѣнимая заслуга предъ еврейской литературой. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онѣ развиваютъ энергичную и плодотворную книгоиздательскую дѣятельность, направленную на систематическое призываніе къ жизни большого, небывалаго количества хорошихъ, цѣнныхъ и полезныхъ еврейскихъ сочиненій и на распространеніе ихъ въ столь же небывало широкой еврейской публикѣ. При этомъ, въ то время какъ первая изъ названныхъ фирмъ ограничивается изданіемъ произведеній болѣе серьезнаго, преимущественно научнаго характера, вторая занята безпрерывнымъ выпускомъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій самаго разнообразнаго содержанія—беллетристическаго, популярно-научнаго, историческаго, учебно-педагогическаго и т. д. «Ахіасафъ» уже седьмой годъ выпускаетъ, кромѣ того, хорошій ежегодникъ-альманахъ подъ названіемъ «Luach Achiassaf», а «Тушія» продолжаетъ предпринятое ею года два тому назадъ изданіе обширной «Еврейской Библіотеки», изъ которой уже вышло больше ста разнообразнаго содержанія книгъ и еще столько же имѣетъ появиться въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ.

Въ тоже время значительно оживляется и еврейская періодическая печать. Къ старымъ изданіямъ — «Гамелицу» и «Гацефирѣ» — прибав-

Digitized by Google

ляются журналы «Haschiloach» А. Гинцберга (Ахадъ-Гаамъ *), «Hoeschkol» І. Фукса и Э. Гинцига, «Mimisroch Umimaaroso» Р. Брайнина, «Sefer Haschono» Н. Соколова, «Hagoren» С. Городецкаго, газеты «Haschowua» въ Краковѣ, «Hazwi» и «Haschkofo» въ Іерусалимѣ, «Hoiwri» въ Лондонѣ, «Hatehiah» въ Чикаго; скоро появится новый еженедѣльникъ Ахіасафъ «Hador».—Появляются еврейскіе писатели—настоящіе еврейскіе писатели, литераторы, журналисты, а не жалкіе, пришибленные «m'chabrim», въ прежнее время разсылавшіе по благодѣтелямъ, а то и разносившіе по домамъ свои «сочиненія», и нарождаются издатели, тоже настоящіе издатели, платящіе этимъ писателямъ за трудъ наличными деньгами, а не печатными экземплярами ихъ же произведеній... Нарождается еврейская литература, достойная этого имени.

Какъ древній Антей, эта литература начинаетъ обращаться къ живымъ народнымъ интересамъ, къ забытому было источнику родного народнаго духа и, претворяя въ немъ лучшія стороны европейской творческой мысли, находитъ для себя въ этомъ источникѣ новыя, свѣжія силы. Писатели, между дѣломъ пописывавшіе «на священномъ языкѣ пророковъ», и читатели, между дѣломъ почитывавшіе сочиненія доморощенныхъ геніевъ или свихнувшихся «свѣтилъ», смѣняются участниками новаго движенія въ литературѣ или же сами увлекаются его стихійнымъ теченіемъ.

Главное — прежнее безразличное прекраснодушіе уступаетъ мѣсто опредѣленному общественно-идейному міросозерцанію, а безотчетное витаніе въ заоблачныхъ высяхъ—стремленію къ возможной простотѣ, естественности и реализму. Еврейскія произведенія стали отражать въ себѣ еврейскую, а иногда и общечеловѣческую правду *жизни* вмѣсто одного только раздраженія плѣнной и туманной мысли. Библейской рѣчью,—значительно, впрочемъ, расширенной талмудически-раввинскими выраженіями,—начали переводить серьезныхъ европейскихъ писателей и въ то же время съ еврейской стали переводить и на другіе языки.

Послѣдній годъ, въ частности, былъ бы нашей литературы во многихъ отношеніяхъ продуктивнѣе, чѣмъ ближайшіе его предшественники. Отмѣченныя черты ея новаго направленія достаточно ярко выступали въ беллетристикѣ, поэзіи и публицистикѣ, гдѣ рядомъ со старыми нашими знакомцами появились и свѣжія силы, принесшія съ собою новые внѣшніе пріемы работы и новые внутренніе мотивы своего творчества.

---

*) Журналъ этотъ, изданіе товарищ. „Ахіасафъ“, временно пріостановленный, снова начнетъ выходить въ свѣтъ съ Новаго года.

Digitized by Google

III.

Среди старыхъ знакомыхъ на первомъ планѣ стоятъ Д. Фришманъ и И. Л. Перецъ, собранія сочиненій которыхъ недавно появились въ изданіи товарищ. «Тушія».

Эти два писателя имѣютъ между собою много общаго. Оба они пишутъ и стихами, и прозой, оба предпочитаютъ небольшіе очерки длиннымъ повѣствованіямъ, оба они только чувствуютъ и умѣютъ художественно-искусными средствами передавать свои чувства читателю. Фришманъ болѣе блестящъ, изященъ, игривъ, чѣмъ Перецъ, который болѣе простъ и серьезенъ; но оба они остроумны, вдумчивы, интересны.

Фришманъ—поэтъ-эстетикъ по преимуществу, и такимъ онъ главнымъ образомъ является,—какъ это ни кажется страннымъ,—не столько въ своихъ стихотвореніяхъ (не многихъ, впрочемъ), сколько въ небольшихъ, мастерски написанныхъ прозаическихъ эскизахъ, въ блестящихъ по стилю очеркахъ-фельетонахъ, полныхъ то тонкаго юмора, то негодующаго сарказма, и въ мѣткихъ, порой безпощадныхъ критическихъ статьяхъ. Тонко чувствующимъ *поэтамъ* является онъ тогда, когда стоитъ передъ произведеніемъ Рошгросса въ картинной галлереѣ въ Кельнѣ, когда онъ слушаетъ шумъ низвергающихся водяныхъ каскадовъ Иматры или наблюдаетъ картину солнечнаго затменія гдѣ нибудь вблизи «Gitke-Taubes-Sawulok» въ Вильнѣ...

Фришману-эстетику претитъ все, что носитъ на себѣ печать шаблона, неряшливости, безвкусія, и при видѣ этой самой печати на изданіяхъ многихъ еврейскихъ литераторовъ, онъ негодующе восклицаетъ: «Нѣтъ, не будетъ этого! Клянусь, что заставлю васъ, силою заставлю бросить свой особый, вамъ только пресущій, специфическій вкусъ и замѣнить его вкусомъ, свойственнымъ европейскому человѣку»... Онъ любитъ и всюду поэтому ищетъ красоту, гармонію и внѣшнее и внутреннее изящество. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Если бы Господь спросилъ меня, какъ нѣкогда царя Соломона, чего желаю я,—я бы просилъ дать мнѣ только маленькій домикъ среди поля, да садикъ съ нѣсколькими такъ мною любимыми голубыми цвѣточками и нѣсколькими солнечными лучами»... «Да, есть красота, есть великолѣпіе, есть прелесть;—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ («Иматра»), — которыхъ ничто осквернить не можетъ, при видѣ которыхъ мы все готовы забыть—и заботы, и зло, и насмѣшку друзей»...

Лучшіе разсказы Фришмана—поэтическія картинки, оставляющія читателя подъ впечатлѣніемъ нѣжной, тихой грусти, вызывающія въ его душѣ неуловимо-тонкое чувство жалости, любви, состраданія. Этого чувства много у самого автора, — такъ много, что оно часто и неудержимо выливается наружу въ видѣ лирическихъ отступленій отъ главной нити

Digitized by Google

разсказа. Припомните, напримѣръ, его «Schloscho scheochlu» («Какъ трое ѣли» *) или «Маленькаго ангела», или одинъ изъ послѣднихъ его очерковъ: «Mizwo» («Заповѣдь» **).

Какъ стилистъ, Фришманъ имѣетъ себѣ въ еврейской литературѣ мало равныхъ. Его языкъ—лучшее доказательство выразительности, силы и гибкости библейской рѣчи, удачно дополняемой умѣренной примѣсью талмудически-раввинскихъ оборотовъ. По вѣрному замѣчанію д-ра Л. Кантора, стоитъ только Фришману написать двѣ-три строки—и въ нихъ уже найдется кое-что привлекательное для понимающаго читателя; едва изъ-подъ пера его выйдетъ нѣсколько фразъ, какъ въ нихъ уже окажется и выразительность, и блескъ, и оригинальность... ***).

Перецъ—поэтъ-лирикъ въ своихъ стихотвореніяхъ и художникъ-психологъ въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ на еврейскомъ языкѣ (онъ много пишетъ также и на жаргонѣ). Его любимыя темы — страстная борьба чувствъ, порывистая смѣна душевныхъ настроеній, глубина и сила внутренне-сердечныхъ движеній человѣка, добрыхъ или злыхъ, трагически-бурныхъ или комически-мелочныхъ и жалкихъ. Поэтъ-лирикъ по самому существу своего дарованія, субъективенъ и склоненъ къ излишней иногда риторикѣ и чувствительнымъ изліяніямъ; между тѣмъ Перецъ является въ прозѣ скорѣе объективнымъ разсказчикомъ и спокойнымъ художникомъ-пластикомъ, обходящимся безъ лирическихъ вставокъ и отступленій въ сторону отъ предмета разсказа, безъ всякихъ разъясненій и подчеркиваній того, на что автору хотѣлось бы обратить особенное вниманіе читателя. Перецъ не ставитъ точекъ надъ і, но тѣмъ не менѣе разсказы его оставляютъ въ читателѣ опредѣленное и ясное впечатлѣніе, отчетливое и цѣльное, иногда тяжелое и подавляющее, а иногда только грустно-тоскливое и жалостливое. Сюжеты его обыкновенно невеселые. Господинъ Финкельманъ изъ «Ужасной ночи» ****) съ раздвоенной душой и совѣстью, мечущійся въ бреду и гоняющійся за воображаемыми страшными призраками; бѣдный «порушъ»—аскетъ Іехіель съ его тайными муками любви къ дочери синагогальнаго шамеса, болѣзненно-мистическими бреднями и трагической смертью («Heiziz weinifgo»); жалкій «Іосель-ешиботникъ», заодно съ молодымъ докторомъ-полякомъ съ нетерпѣніемъ ожидающій прихода страшной гостьи-холеры въ надеждѣ

*) См. нашъ переводъ этого разсказа въ „Восходѣ“, августъ 1899 г.

**) Нашъ переводъ этого очерка въ №№ 7 и 8 „Будущности“ за текущій годъ.

***) Статья: „Давидъ Фришманъ“, приложенная къ 1-ой части „Избранныхъ сочиненій“. Д. Фришмана.—Послѣдній помѣщалъ свои фельетоны въ издававшейся Л. О. Кантором газетѣ „Гаіомъ“.

****) См. нашъ переводъ этого разсказа въ „Восходѣ“, сентябрь 1897 года.

Digitized by Google

хоть на комъ нибудь да жениться, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ товарищей надъ «старымъ холостякомъ», и вѣшающійся на синагогальномъ чердакѣ послѣ того, какъ мечта его не сбылась, — вотъ характернѣйшіе мотивы произведеній нашего автора, которыхъ мрачный колоритъ, однако, часто смягчается невидимымъ смѣхомъ разсказчика, — смѣхомъ, разумѣется, сквозь слезы («Путевыя картинки», и «Изъ разсказовъ Іоханана-меламеда», «Мендель-Брайнесъ» и др.).

Фришманъ и Перецъ рисуютъ небольшія картинки. Одинъ какой нибудь моментъ, одно явленіе, чаще всего даже одинъ только герой,—вотъ что служитъ обыкновенно предметомъ изображенія для ихъ безспорно талантливой кисти. Большихъ полотенъ, широкихъ бытовыхъ перспективъ, они намъ до сихъ поръ не дали, да и врядъ ли, по общимъ имъ обоимъ особенностямъ и свойствамъ дарованія, когда либо и дадутъ. Эту задачу въ послѣднее время пытались исполнить другіе писатели, напримѣръ—А. З. Рабиновичъ, И. Бершадскій, Е. Левонтинъ...

IV.

Г. Рабиновичъ—опытный писатель съ невыдающимся хотя, но симпатичнымъ дарованіемъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ обыкновенно является непритязательнымъ и правдимымъ бытописателемъ среднихъ или полуинтеллигентныхъ слоевъ нашего общества, вѣрнымъ изобразителемъ ихъ чувствъ, характеровъ, нуждъ, интересовъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ прежнихъ разсказовъ: «Дочь богача» *) онъ коснулся очень жизненной темы о все увеличивающемся у насъ разладѣ между отцами и дѣтьми, изобразивъ непокорную, порывающуюся за «идеалами» и непонятую родителями «дочь», увлекающуюся нѣкіимъ оригиналомъ-толстовцемъ и вскорѣ погибающую подъ бременемъ непривычной жизни и сомнѣнія въ чувствахъ къ ней милаго .. А въ вышедшей недавно книжкѣ подъ названіемъ «Тѣни прошлаго» онъ даетъ нѣсколько очерковъ и разсказовъ, подкупающихъ простотою своихъ сюжетовъ и вложенною въ нихъ авторомъ искренностью и теплотою чувства. Здѣсь всего четыре очерка, и герои въ нихъ все незамѣтные: маленькій еврейскій мальчикъ-хедерникъ, строго наказанный отцомъ за то, что онъ далъ себѣ волю лишній часокъ погулять съ товарищами на загородномъ просторѣ; два робкихъ, по-еврейски робкихъ, любящихъ сердца, не дерзающія открыться другъ другу и въ концѣ-концовъ разлучаемыя; безхитростно-добродушный, честный парень Акива, работящій и добрый, терпѣливо выносящій насмѣшки учениковъ-зубоскаловъ; бѣдный простякъ ешиботникъ, неутоми-

*) Къ лучшимъ же произведеніямъ его относится и разсказъ „Chatas hazibur“ („Грѣхъ общества“).

Digitized by Google

мымъ прилежаніемъ достигающій степени раввина и рошъ-ешивы в «старой синагогѣ»...

Особенно хорошъ очеркъ «Nobzar». Всѣ въ городѣ убѣждены, чт старикъ Элья оставилъ своей вдовѣ неисчерпаемый «кладъ», хранимы ею за семью замками... И какъ не быть въ томъ убѣжденнымъ, когд покойная служанка покойнаго старика сама своими глазами видѣла, как однажды мимо него пробѣжала кошка со сверкающими глазами, какъ он замахнулся на нее своей туфлей и какъ кошка мгновенно превратилас въ кучу червонцевъ... Родственники возмущены «скаредностью» облада тельницы таинственнаго клада, оказывающагося, однако, состоящим только изъ четырехъ нитокъ «perl» да пары серегъ, которыя больная «Ельеха» велитъ продать, чтобы имѣть чѣмъ прожить послѣдніе сво годы и не «пасть бременемъ на другихъ»... Такъ родственники ея по койнаго мужа и не дождались богатаго наслѣдства старухи, по смерти которой зять ея снова запрягаетъ свою кляченку и принимается тянуть свою прежнюю трудовую лямку, какъ онъ это дѣлалъ до женитьбы на старухиной дочери—вдовѣ. Отправляясь въ путь въ холодную зимнюю ночь, онъ сажаетъ съ собою, чтобы довезти до синагоги, маленькаго «ламдона», сына жены отъ перваго брака, и любовно глядя на маль чика, облегченно думаетъ: «вотъ мой кладъ!..»

Въ палитрѣ г. Рабиновича нѣтъ особенно яркихъ, увлекательно-поэ тическихъ красокъ, но разсказы его читаются съ интересомъ.

Интересны также очерки г. Бершадскаго, названные имъ «Типы и тѣни». Темы этого недавно выступившаго на литературный путь писа теля взяты изъ обыденной, повседневной жизни и обработаны старательно. Въ разсматриваемой книжкѣ лучшія вещи—«Похороны» и «Одинокая и покинутая». Содержаніе перваго изъ этихъ эскизовъ—постепенное разо реніе и паденіе скромнаго обывателя Залмана Штернфельда и превра щеніе его въ «Залминку-пьяницу» вслѣдствіе пагубнаго увлеченія «игрою» въ лоттерею и пробованіемъ «счастья». Здѣсь хорошо очерченъ самъ герой разсказа и его змѣй-искуситель, Іерухимъ—«коллекторъ», но со вершенно напрасно, на нашъ взглядъ, авторъ вставилъ сюда дополни тельный эпизодъ съ обманутой дочерью героя,—эпизодъ излишній и мѣ шающій цѣльности впечатлѣнія отъ простого, обыденнаго жизненнаго яв ленія. Есть, кромѣ того, въ этомъ очеркѣ мѣста, вызывающія невольную улыбку читателя и свидѣтельствующія о недостаточной художественной опытности г. Бершадскаго: это тѣ мѣста, гдѣ авторъ читаетъ нотаціи дѣйствующимъ лицамъ и обращается по ихъ адресу съ восклицаніями: «Негодная, она прекрасно знала его цѣль, но корысть ослѣпила ее»... или: «Сколько жестокости, безсердечія и низости было въ этомъ поступкѣ, но онъ достигъ своей цѣли!..»

Болѣе выдержанъ въ художественномъ отношеніи разсказъ о бѣдной,

Digitized by Google

одинокой женщинѣ, которую внѣшнія обстоятельства выгнали вмѣстѣ съ мужемъ изъ насиженнаго деревенскаго гнѣзда въ городъ и заставили влачить тоскливые дни вдали отъ любимыхъ дѣтей, разсѣявшихся, послѣ смерти отца, по бѣлу свѣту въ поискахъ за мифическимъ еврейскимъ «счастьемъ». Ея единственная надежда—повидаться съ старшимъ сыномъ, живущимъ «внѣ черты», не сбывается, и она умираетъ одинокая, завѣщавъ переслать ему оставшіяся отъ покойнаго мужа старыя еврейскія книги: «тѣ, остальные,—думаетъ она,—давно ужъ, вѣрно, позабыли тамъ, въ своей Америкѣ, что они евреи; но *этотъ* будетъ читать по мнѣ «кадишъ» и «мишнаіосъ»; ему-то ужъ конечно пригодятся святыя книги»... Бѣдная, она не знала, что *этотъ* заплатилъ дорогой цѣной за «право жительства» и поэтому ужъ не будетъ читать по ней «кадиша»...

Въ книжкѣ есть еще три эскиза; изъ нихъ недуренъ очеркъ «Тревожная ночь» (психологическій очеркъ), слабѣе—«Послѣдствія ссоры» и «Глупая еврейка». Изъ этихъ послѣднихъ двухъ очерковъ первый производитъ впечатлѣніе чего-то ужъ очень искусственнаго, а второй даже не «отрывокъ», какъ его называетъ авторъ, а одинъ только маленькій штрихъ отъ непоказанной авторомъ картины.

Впрочемъ, г. Бершадскій умѣетъ рисовать и большія картины, и объ его дарованіи надо судить не по однимъ только этимъ эскизамъ: его перу принадлежитъ еще и большой романъ «изъ жизни средняго класса евреевъ».

V.

Романъ г. Бершадскаго озаглавленъ: «Безъ цѣли» («Beeiп maіoro»), но вѣрнѣе было бы назвать его: «Безъ догмата», ибо главный герой его—«учитель еврейскаго языка» Адамовичъ, не тѣмъ характеренъ и интересенъ для насъ, что онъ не поставилъ себѣ опредѣленной цѣли въ жизни, а тѣмъ, главнымъ образомъ, что живетъ-то онъ безъ опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ, безъ своего Бога въ душѣ. Точно опредѣленную и ясно сознаваемую *цѣль* рѣдко кто и ставитъ себѣ въ жизни; большинство людей «живетъ, какъ живется», цѣпляясь, такъ сказать, за жизнь съ нѣкоторымъ какъ-бы фаталистическимъ упорствомъ, и особенно это слѣдуетъ сказать о насъ, евреяхъ. Но то же большинство не можетъ обходиться безъ болѣе или менѣе точно формулированныхъ вѣрованій, душевныхъ склонностей и стремленій, симпатій, антипатій и пр.,—и это опять-таки особенно надо сказать о евреяхъ. И вотъ въ *этомъ-то* отношеніи личность вродѣ героя романа г. Бершадскаго—рѣдкое и новое явленіе въ еврействѣ.

Борисъ Моисеевичъ Адамовичъ уменъ, развитъ и достаточно образованъ для того, чтобы пользоваться успѣхомъ въ томъ «среднемъ» кругу

Digitized by Google

общества, въ которомъ ему приходится вращаться, и онъ имъ дѣйст тельно и пользуется. Онъ къ тому же еще и красивъ, бреетъ бороду носитъ золотое пенснэ,—и это, разумѣется, значительно увеличива силу его обаянія среди прекраснаго пола. Но все это не удовлетворя Адамовича,—только отнюдь не потому, что удовлетворяться этимъ е мѣшаютъ какія-нибудь болѣе высшія стремленія души, болѣе достойн ея желанія и идеалы, ибо таковыхъ у него вовсе и не имѣется. О просто не знаетъ, чего хочетъ и требуетъ отъ жизни, и не хочетъ то что сознаетъ. У него нѣтъ ни привязанностей, ни симпатій, ни ув ченій. Онъ ничего и никого не признаетъ, ни во что и ни въ кого вѣритъ, все и вся третируетъ и презираетъ, и прежде всего—сам себя, свою профессію, своихъ товарищей и знакомыхъ. Онъ безспор выше многихъ изъ окружающей его среды и умомъ, и нѣкоторою см лостью и гордостью мысли, независимостью и ширью характера, мелочнаго, а порой даже и благороднаго; а между тѣмъ онъ, по мнѣн одного изъ персонажей романа, Анны Боруховичъ, вредный и даже опа ный членъ общества. Это оттого, что онъ—безъ догмата, что онъ изл манный, исковерканный человѣкъ и весь сотканъ изъ противорѣчій. Он находится въ связи съ замужнею женщиной, которую въ душѣ презр раетъ; съ легкимъ сердцемъ, «играя», соблазняетъ увлекающуюся им молодую дѣвушку и отказывается на ней жениться,—но въ то же врем великодушно убѣждаетъ другую любящую его дѣвушку выйти замужъ его соперника, безхитростно любящаго ее человѣка, къ которому он кромѣ того является безкорыстно на помощь въ его стѣсненныхъ мате ріальныхъ обстоятельствахъ. Адамовичи добру и злу внимаютъ одина ково равнодушно,—въ этомъ ихъ все горе—для нихъ самихъ и для дру гихъ...

Главный герой очерченъ въ романѣ достаточно рельефно. Фигура его антипода, учителя Виленскаго, тоже. Но есть въ романѣ и образы блѣд ные и даже просто какіе-то «статисты» (Айзенштатъ, Ландманъ и нѣк. др.), подающіе только реплики...

Въ детальной обработкѣ романа также есть недочеты. Прежде всег въ немъ слишкомъ много отвлеченныхъ разсужденій, разговоровъ и «пси хологіи» *по поводу* героевъ и мало жизни въ самихъ герояхъ. Изъ по слѣднихъ многіе только появляются и, промелькнувъ, исчезаютъ, как въ маріонеточномъ театрѣ, не успѣвъ остановить на себѣ вниманія чи тателя и возбудить его интересъ. Авторъ выводитъ на сцену много лицъ, но онъ ихъ намъ только показываетъ за карточнымъ столомъ или за нескончаемыми разговорами, а не вводитъ насъ въ ихъ внутреннюю жизнь, въ ихъ семью, повседневный бытъ и пр. Захвативъ достаточно широкій, дѣйствительно, кругъ «средняго класса» еврейскаго обществ

Digitized by Google

торъ образуетъ изъ него только декорацію, только блѣдный фонъ для гуры своего главнаго героя.

Выше было упомянуто о чисто технической неопытности г. Бершадаго, проявленной имъ въ его небольшихъ очеркахъ. Она же сказыется и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ его большого романа.

Во время свиданій, напримѣръ, Адамовича съ дѣвицей Лихтенштейнъ квартирѣ Маріи Шульбаумъ послѣдняя исчезаетъ изъ комнаты всякій зъ, когда въ томъ является надобность. Читатель, конечно, увѣренъ, о кромѣ самой хозяйки въ ея квартирѣ нѣтъ болѣе никого, кто бы гъ помѣшать интимному tete á tete молодыхъ людей, а между тѣмъ ослѣдствіи оказывается, что у г-жи Шульбаумъ есть дѣти и что ея аршей дочери восемь лѣтъ. Гдѣ же они были раньше?—Характерно кже, что изображая вообще реальную,—иногда даже черезчуръ реалью,—и не прикрашенную дѣйствительность, г. Бершадскій однако не гъ удержаться отъ соблазна угодить читателю (какому?) неестественнодевильной сценкой «съ переодѣваніями»: переодѣтый герой присутвуетъ, никѣмъ не замѣченный, на вокзалѣ желѣзной дороги при отъдѣ обманутой имъ дѣвушки въ Америку...

Люди безъ догмата, или—по терминологіи г. Бершадскаго—безъ ли, не могутъ, конечно, вызвать къ себѣ нашего сочувствія. Но едва-ли льшаго сочувствія заслуживаютъ и тѣ господа, которые на все и я взираютъ сквозь призму своей собственной персоны, своихъ собственхъ, личныхъ интересовъ и «цѣлей». Душа Адамовичей еще способна огда на возвышенно-безкорыстное движеніе, въ ихъ глазахъ, можно рой прочесть грустное и покаянное сознаніе ихъ внутренней дряхлои,—но ничего не прочтете вы въ холодныхъ, безчувственныхъ чертахъ бялюбиваго «карьериста», кромѣ твердой рѣшимости смести все, что мѣлится стать поперекъ его дороги.

Таковъ—Симонъ Эціони, герой романа г. Левонтина того же имени. ъ— прямая противоположность Адамовичу. Тотъ не отдаетъ себѣ яснаго чета въ своихъ дѣйствіяхъ и чувствахъ, не знаетъ, чего собственно цетъ онъ отъ жизни; этотъ—все сіе очень хорошо знаетъ. Тотъ внуенно неустойчивъ и исполненъ противорѣчій; этотъ—твердъ, какъ скала, послѣдователенъ, какъ прямая линія. Симонъ Эціони нѣкогда былъ ракаломъ и даже пострадалъ за свои убѣжденія, но, получивъ выгодное сто въ «Восточномъ торгово-промышленномъ домѣ», онъ быстро освоится съ своимъ новымъ положеніемъ, эмансипируется отъ былого идеазма и послѣднихъ остатковъ глупой «философіи» и, поставивъ точку дъ «ошибками молодости», рѣшаетъ добиться «первенства» во что бы ни стало. Онъ не только служитъ, но и прислуживается, онъ испол-ветъ не только свои собственныя, прямыя обязанности, но «суетъ носъ» въ чужую, неподвѣдомственную ему область, вынытываетъ, проекти-

Digitized by Google

руетъ, докладываетъ, словомъ — усердствуетъ, втирается въ довѣріе и быстро идетъ къ «цѣли»—силѣ, власти, богатству.

Эціони добивается «положенія». Но дома у него не все благополучно: его простая, безхитростная жена, покорная и любящая, но недостаточно изящная и къ тому еще исполненная слишкомъ «наивныхъ» взглядовъ на жизнь вообще и въ частности на вопросы воспитанія своихъ дѣтей, не совсѣмъ подходитъ къ новому режиму, заведенному у себя бывшимъ радикаломъ: съ нимъ гораздо лучше гармонировалъ бы «старый другъ» Эціони, взбалмошная, красивая Александра Леви, также разсѣявшая въ прахъ свои прежніе идеалы и нынѣ вполнѣ раздѣляющая образъ мыслей и новыя убѣжденія ловкаго дѣльца изъ «Вочнаго торгово-промышленнаго дома». И герой, не задумываясь, быстро устраиваетъ и это «дѣло»: обманнымъ образомъ «выбрасываетъ» женѣ разводъ и сочетается бракомъ съ m-lle Леви... Разбитая жизнь бѣдной женщины, нѣкогда добровольно дѣлившей съ нимъ лишенія и горе въ дальнемъ, дикомъ краю, нѣмое страданіе дѣтей, разлученныхъ съ любимой и любящей матерью,—все это по-боку. Симоны Эціони умѣютъ идти къ своей «цѣли».

Въ произведеніи Е. Левонтина (пишущаго обыкновенно подъ псевдонимомъ Chuschi Hoarki) немного лицъ, но за то изображены эти лица въ общемъ удовлетворительно. Живѣе прочихъ вышли Эціонъ и его энергичная свояченица Миріамъ, блѣднѣе—дѣвица Леви и идеальный технологъ Малкинъ. Въ романѣ есть и слабыя мѣста, но ихъ немного, и они теряются среди картинъ, написанныхъ опытной, умѣлой рукой.

VI.

Только что разсмотрѣнныя произведенія, при всемъ разнообразіи ихъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ, объединены одной общей чертой — реальностью и естественностью своихъ мотивовъ, близостью къ жизни, къ еврейской жизни. Реальное направленіе, которому значительный толчекъ дала сравнительно недавно группа молодыхъ писателей съ г. Бенъ-Авигдоромъ во главѣ, начинаетъ, очевидно, упрочиваться въ нашей литературѣ *), которая всегда какъ-то шла у насъ не впереди господствующихъ идей вѣка, а *за* ними, и обнаруживала большую наклонность къ запаздыванію, напоминая въ этомъ отношеніи иныхъ провинціальныхъ модницъ... Когда въ европейскомъ обществѣ уже достаточно насытились и даже пресытились *крайностями* реалистической литературы, у насъ только впервые до нея додумались, или теперь вотъ—когда у другихъ уже успѣлъ наступить періодъ разочарованія въ «ни-

*) Къ писателямъ-реалистамъ принадлежатъ также: Э. Гольдинъ, Х. Д. Гурвицъ, Jaknahas (псевдонимъ), Абрамовичъ-Гинцбургъ, А. Зингеръ и нѣк. др.

Digitized by Google

ересной» уродливости декадентства, оно начинаетъ обнаруживать у асъ первые признаки жизни.

Послѣдній годъ оказался особенно благопріятнымъ развитію на нашемъ нынѣ взбаломученномъ идейномъ морѣ символически-декадентской акипи, этого «новаго» у насъ элемента, главнымъ представителемъ котораго въ еврейской литературѣ явился г. М. І. Бердичевскій *).

Этотъ безспорно талантливый и оригинальный писатель весьма плодовитъ: за послѣднее время онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній, которыя всѣ почти характеризуются ясно выраженными особенностями сейчасъ упомянутаго направленія. Особенности эти съ достаточной яркостью выступаютъ въ трехъ сборникахъ его разсказовъ-миніатюръ («Изъ моего маленькаго городка», «Внутри и снаружи», «Книга хасидовъ») и доходятъ до крайней степени своего выраженія въ его болѣе значительныхъ по объему повѣстяхъ: «Воронъ пролетѣлъ» и «Два лагеря».

Передавать содержаніе произведеній г. Бердичевскаго мы не будемъ, ибо въ большинствѣ случаевъ въ нихъ и нѣтъ никакого опредѣленнаго содержанія, а есть лишь намеки на то, чего не вѣдаетъ никто, не исключая, кажется, и самого автора. Лишь въ очень немногихъ изъ его «эскизовъ» можно найти нѣчто вродѣ сюжета, да и въ этихъ случаяхъ послѣдній сводится къ тому, напримѣръ, что нѣкій отецъ узнаетъ отъ своей дочери о «слабости» ея старика-мужа къ служанкѣ и рѣшаетъ поѣхать за совѣтомъ къ «ребе» (этотъ «очеркъ» занимаетъ 2 страницы in 16°), или—что одинъ водоносъ былъ женатъ семь (?) разъ, причемъ его первая жена была болѣзненная, вторая—лѣнивая, третья—терпѣливая и т. д. (этотъ «набросокъ» занимаетъ столько же страницъ)... Попадаются и болѣе интересные и содержательные очерки, но и они представляются скорѣе отдѣльными, разрозненными подготовительными этюдами для большой картины,—этюдами, которые показывать публикѣ рѣшаются обыкновенно только ужъ очень большіе и извѣстные мастера...

Но г. Бердичевскій еще не большой мастеръ. Правда, онъ вдумчивъ и наблюдателенъ, онъ знаетъ людей и жизнь; мало того—онъ ищетъ смысла этой жизни вообще и еврейской въ особенности, стремится къ познанію ея зла и правды,—но бѣда въ томъ, что въ этомъ своемъ стремленіи онъ забирается въ такія таинственныя дебри чувства, на такія головокружительныя «высоты духа», съ которыхъ все для него

*) На этотъ „новый“ путь, повидимому, становится и Р. Брайнинъ въ своемъ наброскѣ „Угасающій поэтъ“ (въ „Haawiw“) и отчасти г. Бенъ-Цовъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ недурныхъ вообще разсказахъ, вошедшихъ въ его книгу: „Mimrirutḥ ḥachaim“. (Изъ горечи жизни).

Digitized by Google

окрашивается въ какой-то расплывающійся мистическій туманъ и теряетъ свои естественныя, жизненныя краски. Отъ этого въ такихъ его произведеніяхъ, какъ «Urwo rogoch», т. е. «Чепуха» (буквально: Воронъ пролетѣлъ), «Два лагеря» или «Книга хасидовъ», вы вмѣсто образовъ, типовъ, картинъ видите какихъ-то самобичующихся манекеновъ, какія-то едва уловимыя, смутно скользящія мимо васъ блѣдно-фантастическія тѣни, нѣкоторый родъ таинственно-символическихъ мистерій, гдѣ элементы «сверхъ-человѣческаго» сплетаются съ идеями хасидизма, гдѣ поются восторженные гимны Ницше и Бешту...

Герои двухъ упомянутыхъ повѣстей г. Бердичевскаго любятъ... нѣтъ, мечтаютъ и разсуждаютъ о любви къ какимъ-то безплотнымъ существамъ въ образѣ двухъ дѣвушекъ—еврейки («Urwo rogoch») и христіанки («Machnoim»), и въ концѣ концовъ мечты ихъ оказываются «чепухой». Это бываетъ... Но зачѣмъ при этомъ наши герои мучаютъ себя и читателей безконечнымъ и безцѣльнымъ самоковыряніемъ, зачѣмъ становятся на ходули и выражаютъ свои чувства не просто, а съ ужимкой, не обычными формами человѣческой рѣчи, а непремѣнно съ фокусами да вывертами?

Герои г. Бердичевскаго признаются, что «поцѣлуй» составляетъ альфу и омегу, начало и конецъ ихъ душевныхъ стремленій, а прикосновеніе «нѣжность ручки»—ихъ главнѣйшій жизненный стимулъ («Urwo rogoch», стр. 4). Вокругъ нихъ, въ человѣческомъ обществѣ, идетъ упорная работа, кипятъ страсти, борются теченія и уносятся въ общемъ водоворотѣ страданія, радости, печали,—имъ до всего этого дѣла нѣтъ, ибо на все это они смотрятъ съ высоты своего «сверхъ-человѣческаго» величія и потому что на всю эту жизненную сутолоку они взираютъ лишь съ точки зрѣнія своей жажды «нѣжной ручки» и «поцѣлуя»...

Что это за люди?

Это несомнѣнно новые люди въ еврейской средѣ, и несомнѣнно также, что г. Бердичевскій сказалъ свое новое слово въ еврейской литературѣ, слово, въ которомъ чрезмѣрная искусственность, манерность и ходульность мѣшаютъ видѣть его здоровый корень: оригинальность содержанія, поэтическое воодушевленіе и—главное—смѣлость и «дерзновеніе» въ исканіи смысла жизни. Придется-ли оно ко двору въ нашей литературѣ и много-ли принесетъ ей пользы—покажетъ будущее.

Оно же покажетъ также, насколько привьется къ ней еще одно, уже безспорно хорошее, нововведеніе: драматическія произведенія на темы изъ современной еврейской жизни, которыхъ образецъ далъ недавно г. И. Тавьевъ своей комедіей подъ названіемъ «Hassorer b'weitho» (Хозяинъ въ своемъ домѣ).

Отсутствіе серьезнаго еврейскаго театра должно было естественно отразиться на бѣдность нашей драматической литературы вообще, каковой

Digitized by Google

у насъ сравнительно недавно и не было вовсе. Нѣсколько имѣющихся у насъ еврейскихъ драматическихъ сочиненій обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ патріотически-національнымъ тенденціямъ ихъ авторовъ и потому по содержанію своему относятся къ нашей героической, сѣдой старинѣ. Въ послѣднее время къ немногимъ прежнимъ сочиненіямъ этого рода на еврейскомъ языкѣ прибавились: «Содомъ» К. Шапиро *), «Эзро» Л. Гамзу, «Наложница въ Гивѣ» (трагедія изъ временъ судей) Л. Меклера, «Юдиѳь» Геббеля въ переводѣ С. Л. Гордона и «Война и любовь» (драма изъ временъ Хасмонеевъ) А. Любошицкаго (по Арно). Современный же бытъ еврейскій, столь поучительный и интересный во многихъ отношеніяхъ, до сихъ поръ еще не былъ предметомъ драматическаго изображенія въ твореніяхъ нашихъ писателей. Впервые такое изображеніе далъ намъ г. Тавьетъ въ своей упомянутой комедіи, при своемъ появленіи сразу же очень заинтересовавшей и читающую публику, и критику, главнымъ образомъ, новизною у насъ этого литературнаго жанра.

Авторъ комедіи «Хозяинъ въ своемъ домѣ» показываетъ весь комизмъ и всю глупость тѣхъ нашихъ псевдо-интеллигентовъ, у которыхъ совершенное отсутствіе чувства самосознанія и самой малой, необходимой дозы національной «гордости» замѣняется безсмысленнымъ подражаніемъ всему чужому и боязнью прослыть отставшими «отъ вѣка» съ его внѣшней мишурой и пустыми, безсодержательными формами празднаго «свѣтскаго» житья. Такова, напримѣръ, невѣжественная и глупая Аталія, то и дѣло ссылающаяся на правила bon ton'а и предписанія настоящаго, «заграничнаго» аристократизма; такова и ея дочь, кокетка Изевель, увлекающаяся ролью «Прекрасной Елены», въ которой она готовится выступить на вечерѣ, даваемомъ ея мамашей, по примѣру «заграничныхъ аристократовъ», по случаю семейнаго торжества «bar-mizwo»; таковъ и 27-лѣтній студентъ Клувъ, фатъ и пошлякъ, но великолѣпный танцоръ, котораго, по его собственному признанію, мѣстныя барышни «разрываютъ на части»... А рядомъ съ ними стоитъ еще непривлекательная фигура купчика Маасіи. У этого тоже ничего нѣтъ за душою, онъ тоже третируетъ брезгливо «всѣхъ этихъ новѣйшихъ идеалистовъ» и пр., но вмѣсто жажды прослыть аристократомъ онъ преисполненъ жажды денегъ. Маасія грубъ, неотесанъ и «дикъ» и ни на іоту не можетъ подняться выше своихъ практическидѣловыхъ интересовъ. Явившись на смотрины невѣсты, онъ главное свое вниманіе обращаетъ на ея физическое состояніе, «чтобы не пришлось впослѣдствіи тратиться на докторовъ да на заграничныя поѣздки», и когда нѣкоторыя непонятныя имъ обстоятельства подаютъ ему поводъ усомниться въ полномъ и отмѣнномъ здоровьѣ дѣвушки, онъ

*) „Содомъ“, впрочемъ, не строго историческое произведеніе: это ѣдкая сатира на современность (на дѣло Дрейфуса и антисемитизмъ вообще) подъ видомъ библейско-историческаго эпизода.

Digitized by Google

сейчасъ же, въ противность всякимъ приличіямъ ретируется, не желая «напрасно» оставаться и лишней минуты въ домѣ ея родителей.

Маасія—цѣльная въ своемъ родѣ натура; но цѣльность эта отталкивающая, безобразная,—не чета той, которую мы видимъ въ самомъ «хозяинѣ»—въ Мрори. Онъ тоже вѣчно занятъ «дѣлами», но послѣднія не убили въ немъ живого человѣческаго чувства; онъ тоже косится на «нынѣшнихъ», но не потому, чтобы, подобно Маасіи, опасался ихъ нашествія на его карманъ, а потому, что онъ крѣпко привязанъ къ стародѣдовскимъ принципамъ,—потому просто, что онъ патріархаленъ. Онъ человѣкъ стараго закала, но, въ сущности, добрый и отзывчивый человѣкъ; поэтому онъ въ концѣ-концовъ идетъ на уступки этимъ «нынѣшнимъ», которые представлены здѣсь прежде всего женою самого Мрори и его дочерью, Гадасою, а затѣмъ—благодушнымъ «передовикомъ», пожилымъ врачомъ Осо и молодымъ кандидатомъ правъ Іедидіо, убѣжденнымъ націоналистомъ, задавшимся цѣлью «объевреить» высшіе слои нашего интеллигентнаго общества.

Дѣйствіе пьесы развивается занимательно и живо и все время, отъ начала до ея естественной развязки—объявленія Іедидіо женихомъ Гадаси къ понятной досадѣ разсчитывавшихъ на него Аталіи и Изевели,—удерживаетъ на себѣ неослабный интересъ читателя. Этому много способствуетъ прекрасный языкъ комедіи, мѣстами заставляющій забывать, что это не живая библейская рѣчь: легкій, игривый, пересыпанный каламбурами, онъ порой дастъ иллюзію настоящаго разговорнаго діалекта. Что же касается самихъ дѣйствующихъ лицъ, то очерчены они не всѣ одинаково удачно. Наиболѣе правдивыми и рельефными вышли портреты Мрори и Аталіи, за ними идутъ Осо и Іедидіо, внутренній міръ которыхъ не совсѣмъ ясенъ для читателя; барышни Изевель и Гадаса, въ особенности послѣдняя—блѣдныя тѣни; а веселый юморъ въ изображеніи мужа-тряпки Іорама и легковѣснаго франта Клува мѣстами даже переходитъ въ шаржъ.

Въ деталяхъ пьеса не свободна отъ нѣкоторой рутины и шаблона—такого, отъ котораго нынѣ уже стараются освободиться лучшіе драматурги. Такъ напримѣръ, ни одна почти реплика въ комедіи не обходится безъ ремарокъ: «про себя» и «громко», и дѣйствующія лица всякій разъ раньше обращенія къ другимъ обязательно обращаются къ самимъ себѣ, что кажется смѣшнымъ и неестественнымъ не только зрителю и слушателю, но даже и читателю. Страннымъ представляется также и то, что авторъ счелъ нужнымъ дать своимъ персонажамъ неупотребительныя нынѣ у евреевъ имена. Это какъ то мѣшаетъ читателю свыкнуться съ впечатлѣніемъ отъ *современной* еврейской комедіи.

Въ общемъ же г. Тавьевъ сдѣлалъ довольно удачное начало въ новомъ для нашей литературы жанрѣ, который, наиболѣе подходя къ из-

Digitized by Google

вѣстнымъ свойствамъ дарованія этого писателя, можетъ, пожалуй, найти въ немъ и наиболѣе достойнаго для себя представителя.

VII.

Отъ беллетристовъ и драматурговъ—къ поэтамъ. Въ послѣднихъ, какъ извѣстно, у насъ никогда недостатка не ощущалось. Въ прежнее время почти не было у насъ писателя (ново-еврейскаго), который бы не считалъ своей священной обязанностью «пѣть», просто во славу священнаго же языка, пѣть обо всемъ, что не подвернется подъ услужливую лиру, часто издававшую болѣе напыщенные и кричащіе звуки, чѣмъ отмѣнно чистые гармоничные аккорды. Нынѣ, конечно, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось, и хотя и теперь еще на еврейскомъ Парнасѣ, какъ, впрочемъ, и на другихъ,—больше званныхъ, чѣмъ избранныхъ, но есть на немъ уже и небольшая семья настоящихъ, не мнимыхъ поэтовъ, которыхъ влечетъ туда не только свободный умъ, но и свободное, неодолимое внутреннее чувство, искреннее и сильное.

Въ этой небольшой семьѣ выдающееся мѣсто заняли въ послѣднее время гг. С. Черниховскій и Х. Бьяликъ.

Сборникъ стихотвореній г. Черниховскаго, озаглавленный «Chesijonoth umanginoth» (Видѣнія и пѣсни), заключаетъ себѣ всего до 60 небольшихъ поэтическихъ «вещицъ». Онѣ помѣчены 1892—1898 годами, и это одно уже отчасти служитъ внѣшнимъ показателемъ ихъ внутренней цѣнности, ибо доказываетъ, что молодой поэтъ вынашиваетъ свои «пѣсни» не гоняясь за ихъ обильнымъ количественнымъ производствомъ и не занимаясь, подобно инымъ своимъ коллегамъ ихъ усиленной искусственной фабрикаціей,—что и подтверждается, дѣйствительно, при первомъ же знакомствѣ съ содержаніемъ нашего сборника.

Помѣщенныя здѣсь стихотворенія большей частью кратки, немногословны, но тѣмъ они выразительнѣе и тѣмъ сильнѣе производимое ими на читателя впечатлѣніе. Тонъ ихъ порывистый, искренній и—смѣлый, именно смѣлый: въ немъ нѣтъ обычной прилизанности и шаблоннаго, искусственнаго благообразія опытныхъ мастеровъ стихотворнаго дѣла, но въ немъ есть оригинальность и своего рода удаль,—удаль, скажемъ даже, непривычная нашему еврейскому уху. Такъ и чувствуется, что поэтъ рѣшился порвать со старыми нашими, обычными, какъ бы освященными пріемами творчества, чтобы проложить свою собственную, новую дорогу. Это чувствуется одинаково и въ этихъ внѣшнихъ его пріемахъ, новизнѣ и оригинальности его выраженій, оборотовъ, эпитетовъ, сравненій и пр., и въ самомъ выборѣ имъ темъ для своихъ «пѣсенъ и видѣній».

С. Черниховскій—не гражданскій поэтъ, и этимъ однимъ онъ уже примыкаетъ къ представителямъ «новой» еврейской поэзіи, новаго ев-

Digitized by Google

рейскаго художественнаго творчества вообще. Его Муза—не богиня мести и печали, а жаждущая утѣхъ жизни красавица-фея. Онъ груститъ иногда о долѣ народа, но чаще—о веснѣ, о милой, о пѣніи соловья и «жгучихъ поцѣлуяхъ», о безвозвратно умчавшемся дѣтствѣ и исчезнувшихъ грезахъ. Онъ мечтаетъ порой о Сіонѣ и о грядущемъ восходѣ его солнца, но больше всего онъ жаждетъ свѣта и радостей жизни, хочетъ «пѣть и веселиться»... Образцомъ его манеры письма можетъ служить знакомое читателямъ «Будущности», по переводу г. Яффе, стихотвореніе:

«Смѣйся, смѣйся, что донынѣ
Я, мечтая и любя,
Свято вѣрю въ человѣка...»

(«Будущность», 1899, № 5).

Словомъ, ничто человѣческое не чуждо лирѣ г. Черниховскаго, заимствующаго мотивы у Анакреона и у Лонгфелло, у Борнса и Мюссе, у Шелли и Гете. Не то слѣдуетъ сказать о Х. Бьяликѣ, далеко оставляющемъ за собою С. Черниховскаго по глубинѣ и силѣ *лирическаго* чувства, но уступающемъ ему въ степени эпическаго дарованія. Въ произведеніяхъ г. Бьялика мало свѣта и эпически-яркихъ образовъ, мало пластики, но много «настроенія», и настроенія преимущественно тихаго, грустнаго. Глубокая, искренняя, всепроникающая грусть—основной, преобладающій тонъ почти всѣхъ его стихотвореній. Причины ея—иногда личнаго свойства, но большею частью общественно-національнаго. Народное горе—во всѣхъ его проявленіяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ—затрагиваетъ самыя тонкія, самыя нѣжныя сердечныя струны поэта, и его стихотворенія на эту тему проникнуты особенной глубиной и искренностью чувства. Онъ то скорбитъ, что «нѣтъ никого, кто бы слезы народа утеръ любящей рукой», что «переполненная чаша его горя—страданій тяжкихъ море, надъ которымъ грозныя тучи висятъ» («Изъ дальнихъ скитаній»), то онъ возмущается внутреннею дряблостью и нищетою этого народа, употреблявшагося ничтожной изсохшей травкѣ («Ом chozir hoom»), и тѣмъ, что онъ сталъ «огромнымъ мертвецомъ, безжизненнымъ трупомъ», что

... ничего не зажглось
Въ обезсиленномъ тѣлѣ, прогнившемъ насквозь,
И, чрезъ ночь роковую скитанья бродя,
Не могъ дать изъ себя онъ пророка-вождя
Съ сердцемъ полнымъ порывовъ, стремленій и силъ,
Кто бы свѣтлымъ умомъ ему путь озарилъ,
Кто бы поднялъ народа поруганный стягъ,
И кому выше счастья и жизненныхъ благъ
Были бы Богъ и народъ и за правду борьба,
Кто горѣлъ бы враждой къ жалкой долѣ раба,

Digitized by Google

Состраданьемъ безбрежнымъ, какъ моря просторъ,
Какъ народная скорбь, какъ народный позоръ...
(«Да, погибъ нашъ народъ»... Перев. Л. Яффе).

Бьяликъ—лирикъ par excellence. Даже виды и картины безчувственной природы одухотворяются имъ и вызываютъ въ немъ все тѣ же «рефлексы» да размышленія. Онъ стремится на вольный просторъ—для того, чтобы услышать, «что Богъ говоритъ со скирдовъ», о чемъ шепчется вѣтеръ съ гордыми стеблями и ведутъ между собою бесѣду волнующіеся колосья; чтобы, смѣшавшись съ ними, съ природой, внимать таинственному ропоту лѣса и проникнуть въ тайны шелестящей листвы; деревьевъ, кустовъ... Онъ рвется въ поле, презрѣнный и безсильный, какъ собака отъ своихъ мучителей»,—рвется затѣмъ, чтобы припасть лицомъ къ сырой землѣ и, рыдая, молить: «Скажи мнѣ, мать-земля, широкая, обильная, большая! Почему своей грудью не хочешь питать и меня — бѣдную, истомленную душу»?.. («Въ полѣ». — Luach Achiassaf, годъ V).

Любимые образы нашего поэта всегда нѣсколько смутны, фантастичны, неуловимы, и часто какъ-бы окутаны дымкой невѣдомой, грустной тайны. Таковы, напримѣръ, его «Тайны ночи» (въ Luach Achiassaf, VII), «Ночные гномы» (въ «Hoowiw») и др. Тонъ его стихотвореній поэтому мягкій и нѣжный, а ихъ содержаніе по той же причинѣ много говоритъ вашему чувству и воображенію и вызываетъ невольный, живой откликъ въ глубинѣ вашей души. Въ этомъ отношеніи Бьяликъ особенно близокъ и понятенъ еврейскому читателю, который до сихъ поръ однако не имѣетъ еще, къ сожалѣнію, ни одной книжки стихотвореній этого симпатичнаго поэта.

Изъ цѣлаго ряда другихъ представителей ново-еврейской поэзіи, печатавшихся въ разсматриваемый нами періодъ времени, отмѣтимъ тѣхъ, которые успѣли уже достаточно, такъ сказать, «опредѣлиться». Къ таковымъ принадлежатъ: С. Л. Гордонъ, весьма серьезный и вдумчивый поэтъ (сборникъ «Kinor jeschurun», перев. «Юдиѳи» Геббеля и «Короля Лира» Шекспира, отдѣльн. стихотвор. оригинальныя и переводныя), затѣмъ—А. Любошицкій (сборн. «L'maan achaj haktanîm», «Jossel Hamasmid», «Widduj» и др.) и Салмонъ («Mischlej jelodim»), достигшіе замѣчательной по благозвучію и гибкости, техники еврейскаго стиха, сатирикъ-аллегористъ Н. Розенблюмъ (стихотвор. въ «Гамелицѣ», «Hoeschkol» и др.), переводчикъ изъ Гейне И. Л. Боруховичъ и Я. Капланъ, который кромѣ образцоваго переложенія стихотвореній С. Г. Фруга на еврейскій языкъ (отд. изданіе «Тушія») и прекрасныхъ переводовъ изъ Гейне далъ также хорошіе образцы и оригинальнаго творчества (напр. стихотвор. «Іосифъ въ темницѣ», въ «Sepher Haschono»).

Есть и еще стихотворцы: гг. І. Левитъ, Г. Шершевскій, Р. Грушкинъ,

Digitized by Google

И. Б. Гурвичъ и много др.,—но это именно только стихотворцы, а не поэты...

Мы кончили обзоръ еврейской «изящной» словесности за послѣдній годъ. Читатель, конечно, замѣтилъ, что при этомъ обзорѣ намъ чаще приходилось называть имена новыхъ и сравнительно молодыхъ авторовъ, чѣмъ имена нашихъ старыхъ знакомцевъ изъ категоріи «маститыхъ», «ветерановъ» и т. п. Если онъ захочетъ сдѣлать отсюда заключеніе о «захватѣ» нашей литературы «молодыми», то онъ, пожалуй, будетъ не далеко отъ истины. Дѣйствительно, еврейская литература развивается, растетъ, обновляется, и этому процессу болѣе всего способствуетъ теперешній притокъ къ ней молодыхъ и свѣжихъ силъ.

«Ветераны» какъ-то стушевались. Р. Браудесъ напечаталъ нѣсколько небольшихъ очерковъ, которые едва ли могутъ прибавить что-нибудь къ славѣ извѣстнаго автора романовъ: «Религія и жизнь» и «Двѣ крайности» *). Тоже нужно сказать и объ М. Д. Брандштетерѣ. С. Я. Абрамовичъ, печатавшійся въ послѣднее время въ «Гашилоахѣ», временно—нужно надѣяться—замолкъ съ пріостановкой выхода въ свѣтъ этого журнала.

А изъ старыхъ поэтовъ только талантливый М. Долицкій (живущій нынѣ въ Нью-Іоркѣ) продолжаетъ свою неутомимую поэтическую дѣятельность. Въ Новомъ Свѣтѣ выходятъ сборники его произведеній, а у насъ ни одно почти еврейское періодическое изданіе не обходится безъ его прочувствованныхъ и сильныхъ, часто полныхъ негодованія и сарказма, «гражданскихъ» стихотвореній **), всегда значительныхъ по содержанію и совершенныхъ по формѣ ***). Далѣе: д-ръ С. Манделькернъ напечаталъ нѣсколько своихъ небольшихъ стихотвореній дидактически-сатирическаго жанра; нѣкогда популярный Іегалелъ (Л. Левинъ), ставшій нынѣ очень рѣдкимъ гостемъ въ еврейской литературѣ, выпустилъ поэму: «Даніилъ во рву львиномъ», а старый поэтъ сатирикъ д-ръ Каминеръ, нынѣ также рѣдко появляющійся въ печати, далъ произведеніе («Общій взглядъ» въ «Sefer Haschono»), написанное

*) Г-нъ Д. Ротблюмъ сообщаетъ въ „Hoeschkol“ (вып. I), что во время бесѣды его, „въ одномъ изъ Вѣнскихъ ресторановъ“, съ Р. Браудесомъ послѣдній увѣрялъ его, что онъ скоро «воспрянетъ духомъ» и снова сдѣлается „прежнимъ Браудесомъ“... Дай Богъ.

**) Странно, что одно изъ подобныхъ стихотвореній Долицкаго—„Misimrath hoorez“ напечатано въ двухъ мѣстахъ: въ сборникѣ „Hagan“ и въ „Hoeschkol“, вып. II.

***) Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія небольшое стихотвореніе Долицкаго „Къ Дрейфусу“ (напечат. въ № 121 „Гамелица“ за 1899 г.), представляющее прекрасный образецъ того совершенства формы при серьезности содержанія, какимъ владѣетъ этотъ даровитый (и однако матеріально бѣдствующій) поэтъ.

Digitized by Google

въ давно излюбленной этимъ писателемъ своеобразной формѣ обличительно-сатирическаго фельетона въ стихахъ *).

Двухъ изъ своихъ представителей еврейская поэзія лишилась въ нынѣшнемъ году: Исаака Рабиновича изъ Ковны (умеръ въ Нью-Іоркѣ) и К. Шапиро (онъ же: Або Шапиро). Первый былъ поэтъ съ не крупнымъ, но симпатичнымъ дарованіемъ, воспѣвавшій народное горе, всю глубину котораго онъ испыталъ на самомъ себѣ **). Второй составилъ себѣ имя въ еврейской литературѣ своими замѣчательными по силѣ, теплотѣ и искренности чувства лирическими стихотвореніями (Mechesjonoth bath ammi, Mischirei jeschurun) и уже упомянутымъ выше драматическимъ произведеніемъ «Sodom», хотя авторъ этихъ поэтически-возвышенныхъ сочиненій на образцовомъ еврейскомъ языкѣ давно уже не принадлежалъ къ іудейству.

Въ прошломъ году скончался также Л. Гальберштадтъ, старый поэтъ давно уже, впрочемъ, прекратившій свою литературную дѣятельность.

VIII.

Мы упомянули выше о начинающемся развитіи и ростѣ еврейской литературы по отношенію къ ея беллетристикѣ и поэзіи. Но то же нужно сказать и о другихъ ея разнообразныхъ областяхъ, гдѣ замѣчается тотъ же процессъ обновленія, то же стремленіе къ заимствованію лучшихъ образцовъ формы и содержанія у всѣхъ тѣхъ, кто далеко опередилъ насъ въ этомъ отношеніи. Цѣлый рядъ сочиненій научныхъ, историческихъ, публицистическихъ и т. д., раскрывающихъ передъ еврейскимъ читателемъ новый міръ понятій, идей, знаній, появился на еврейскомъ языкѣ въ послѣднее время, главнымъ образомъ, благодаря прямому или косвенному содѣйствію упомянутыхъ двухъ варшавскихъ книгоиздательскихъ товариществъ.

За это время оконченъ капитальный трудъ С. П. Рабиновича — переводъ (съ измѣненіями и дополненіями) полной «Еврейской Исторіи» Греца и его же обстоятельныя и подробныя монографіи о Л. Цунцѣ и З. Франкелѣ, затѣмъ—серьезное изслѣдованіе о «Культурѣ и жизни за-

*) Кружкомъ любителей еврейскаго языка въ Вильнѣ приступлено къ изданію сочиненій еврейскихъ „классиковъ“; для начала кружокъ выпустилъ въ этомъ году историческій романъ „Harisuth Betar“ К Шульмана.

**) И. Рабиновичъ раздѣлилъ матеріальную судьбу большинства еврейскихъ писателей и умеръ въ бѣдности. Въ томъ же городѣ и также въ бѣдности скончался въ прошломъ году другой русско-еврейскій выходецъ, извѣстный въ свое время писатель—экзегетъ и педагогъ А. Б. Дубжевичъ.

Digitized by Google

падно-европейскихъ евреевъ въ средніе вѣка» д-ра М. Гидемана въ пе
реводѣ А. С. Фридберга, автора цѣлаго ряда интересныхъ этюдовъ и
еврейской исторіи, соединенныхъ подъ общимъ названіемъ: «Воспочинани
Давидова дома» *); въ то же время вышла серія монографій и культу
но-историческихъ изслѣдованій необыкновенно плодовитаго и разносторо
няго д-ра С. Бернфельда, какъ то: «С. І. Раппопортъ», «Михаи
Заксъ» **), «Daath Elohim» (Исторія еврейско-религіозной философіи
«Исторія еврейско-религіозной реформаціи» и рядъ статей въ Huschil
ach'ѣ, Luach-Achiassaf и др.; далѣе появились: серьезный трудъ Б. А. Ка
ца «Къ исторіи евреевъ въ Россіи и Польшѣ въ XVI и XVII вв.»,
«Еврейская литература» проф. Штейнщнейдера въ перев. д-ра Мальтера,
«Римъ и Іерусалимъ» М. Гесса въ перев. Д. Цемаха; руководства по
еврейской исторіи гг. В. Явица, М. Бронштейна, Я. Френкеля и А. З.
Рабиновича, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ трудъ
г. Френкеля, по прекрасному освѣщенію предмета, и г. Рабиновича—по
легкости и популярности изложенія.

Изъ прочихъ сочиненій, различнаго содержанія относящихся къ об-
ласти спеціально-еврейской, наиболѣе достойны быть отмѣченными: про-
долженіе прекраснаго труда г. И. Б. Левнера: »Kol agadoth Israel» (Всѣ
еврейскія легенды) *), начало очень интересныхъ очерковъ-біографій ев-
рейскихъ дѣятелей-parnassim І. Левинзона, извѣстные «Мемуары М. и Ю.
Монтефіоре» д-ра Леви въ перев. И. Тавьева (раньше переведшаго авто-
біографію Соломона Маймона); далѣе: «Путь переселенцевъ» (Derech
laawor golim) М. Л. Лилiенблюма—собраніе интересныхъ матеріаловъ
(писемъ и пр.) по исторіи возникновенія общества Chowewei Zion, въ
которомъ авторъ принималъ и теперь принимаетъ дѣятельное участіе, и
его же «Derech tschuwo» (Путь покаянія)—краткая, но поучительная
повѣсть о томъ, какъ авторъ (скрывшійся подъ именемъ «Целафхадъ-
баръ-Хушимъ») постепенно пришелъ къ отреченію отъ своихъ «грѣховъ
молодости», т. е. отъ приверженности идеѣ пріобщенія евреевъ къ обще-
человѣческой культурѣ; эта небольшая книжка представляетъ собою
третью—и, вѣроятно, послѣднюю—часть давно уже изданнаго г. Лилiен-
блюмомъ, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, извѣстнаго сочиненія «Chatos

*) Перу этого почтеннаго писателя принадлежитъ также очень удач-
ный беллетристическій очеркъ: „Связка бумагъ“ въ сборн. „Ахіасафъ“,
вып. VII, и интересныя „Воспоминанія“ объ Алекс. Цедербаумѣ, въ
„Sepher Haschono“, вып. I.

**) Имъ же составлены раньше изданныя біографія Магомета и
Исторія Крестовыхъ походовъ.

*) О первой части этого труда см. мою статью: „Наши легенды“ въ
„Восходѣ“, январь, 1899 г.

Digitized by Google

Neurim» (грѣхи молодости), въ связи съ которымъ она и получаетъ собственно свое настоящее значеніе *).

Изъ сочиненій общаго характера отмѣтимъ прежде всего хорошій компилятивный трудъ г. І. Клаузнера «Доисторическій человѣкъ» (Haadam Hakadmon), значеніе коего не только въ самихъ сообщаемыхъ имъ антропологическихъ, геологическихъ и пр. свѣдѣніяхъ, но и въ томъ еще, что впервые устанавливаемой имъ по нѣкоторымъ предметамъ еврейской терминологіей онъ пролагаетъ путь къ возникновенію у насъ настоящей, серьезной научной литературы на еврейскомъ языкѣ; въ этомъ отношеніи особое значеніе получаетъ данный авторомъ, по примѣру д-ра Л. С. Каценельсона (въ его «Ramach ovrim»), д-ра Шершевскаго, Поріеса и др., подробный перечень и объясненіе употребляемыхъ имъ еврейскихъ терминовъ, какъ заимствованныхъ такъ и вновь имъ самимъ образованныхъ **). Затѣмъ заслуживаютъ вниманія книги: «Фритьофъ Нансенъ и его путешествія» С. Бермана, большой томъ съ картою, и исторія религіи проф. Мензиса въ переводѣ Я. Френкеля, автора раньше вышедшаго оригинальнаго труда «о наслѣдственности» (Hajeruscho hatiwiis).

Переводная наша литература, какъ мы видѣли, росла и развивалась въ послѣднее время количественно и качественно, какъ въ серьезно-научной области, такъ и въ области изящной словесности. Въ послѣдней она за это время обогатилась, кромѣ уже упомянутыхъ выше, еще нѣсколькими произведеніями, изъ которыхъ наиболѣе значительными являются: «Каинъ» Байрона, въ образцовомъ переводѣ Д. Фришмана и съ его же прекрасной вступительной статьей о значеніи этого произведенія ***), «Гамлетъ» Шекспира въ переводѣ Х. Борнштейна (въ газ. «Гацефиро»), переводъ нѣкоторыхъ разсказовъ Богрова (І. Грозовскаго), Зангвилля (С. Л. Гордона), Э. Золя (Н. Слоуща), В. Короленки, Тургенева (А. Сигала)...

---

*) Ср. нашу статью: „На тернистомъ пути“, „Восходъ“, мартъ, 1900 г.

**) Не совсѣмъ удачной намъ показалась только послѣдняя глава книги г. Клаузнера, трактующая о взаимоотношеніяхъ между „исторической антропологіей и іудаизмомъ“. Не выяснивъ въ сущности этихъ отношеній, авторъ нашелъ почему-то умѣстнымъ говорить здѣсь о совершенно постороннихъ вещахъ, сообщивъ, напр., о томъ, что „г. Брайцинъ первый послѣ Бенъ—Іегуды отвелъ въ своемъ журналѣ значительное мѣсто обще-научнымъ свѣдѣніямъ“, упомянувъ о сіонизмѣ и о Максѣ Нордау... Заключительная глава эта является на нашъ взглядъ вовсе излишней.

***) Г. Фришману принадлежитъ также переводъ части стихотвореній А. С. Пушкина, ранѣе изданной (вмѣстѣ съ обширной статьей о Пушкинѣ д-ра Л. С. Каценельсона) обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями.

Digitized by Google

Къ серіи «біографій», входящихъ въ составъ «еврейской библіотеки» фирмы «Тушія», прибавились онисанія жизни и дѣятельности Коперника (Я. Френкеля), Галилея (его же), Ж. Ж. Руссо (А. З. Рабиновича), Эмиль Золя (Н. Слоуща), Джорджъ Эліотъ (Я. Рейзина), Б. Спинозы (Г. Цейтлина) и А. Ману (Р. Брайнина) *). А въ издаваемую тою же фирмою серію книгъ для юношества (отдѣльно для старшаго и младшаго возраста) вновь вошли: рядъ этюдовъ по еврейской исторіи подъ общимъ названіемъ «Изъ героевъ народа» С. Бермана и рядъ оригинальныхъ и переводныхъ сказокъ, разсказовъ, басенъ и пр. І. Грозовскаго, П. Каплана, И. Левнера, Г. Левина, А. Любошицкаго, І. Штейнберга и др. Тутъ же, наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о вышедшихъ за то же время учебникахъ, руководствахъ, пособіяхъ и т. п. Грозовскаго, Елина, Левнера, Савьева, Фишмана и др.

Говоря о дѣтской литературѣ на еврейскомъ языкѣ, нельзя обойти молчаніемъ и единственную нашу «дѣтскую газету», выходящую второй годъ подъ редакціей А. М. Пюрко изъ Граева въ прусскомъ городкѣ Просткенѣ. Къ сожалѣнію, однако, нельзя также не сказать, что этотъ безцвѣтный во всѣхъ отношеніяхъ еженедѣльный листокъ подъ названіемъ «Gan Schaaschuim» («Увеселительный садъ»), хотя и посвященъ «педагогикѣ, литературѣ и разнымъ наукамъ» и имѣетъ въ виду пользу и развлеченіе юношества, но ни по составу своихъ никому невѣдомыхъ, случайныхъ сотрудниковъ, ни по своему совершенно неподходящему содержанію, отнюдь не можетъ претендовать на роль хотя бы сколько-нибудь полезнаго «литературно-научно-увеселительно-педагогическаго» органа на еврейскомъ языкѣ...

IX.

Переходимъ къ «динамикѣ» еврейской литературы и ея движущей силѣ—къ ея публицистикѣ.

Основнымъ, преобладающимъ ея мотивомъ за послѣдній годъ служили

*) Въ этомъ своемъ новомъ трудѣ (для котораго авторъ старательно собиралъ письма и пр. матеріалы) г. Брайнинъ является менѣе всего апологетомъ, а болѣе—безпристрастнымъ критикомъ и изслѣдователемъ, указывающимъ не только положительныя, но и отрицательныя стороны характера дѣятельности, взглядовъ, творчества и пр. даннаго писателя, т. е. обнаруживаетъ тѣ извѣстныя особенности своихъ литературныхъ характеристикъ, которыя уже неоднократно проявлены имъ въ другихъ его аналогичныхъ работахъ, напр.: о Смоленскомъ, А. Б. Лебензонѣ, Л. О. Гордонѣ... Къ сожалѣнію, г. Брайнинъ, какъ извѣстно, доводитъ иногда это, свое въ общемъ похвальное, безпристрастіе до нѣкоторой крайности (напр., по отношенію къ Гордону), за что и подвергался не разъ сильнымъ, не всегда заслуженнымъ, нападкамъ со стороны нашихъ литераторовъ. (См. напримѣръ, между прочимъ, С. Шуба: „Господинъ Брайнинъ и его судъ надъ Гордономъ“).

Digitized by Google

вопросы, связанные съ подъемомъ нашего національнаго самосознанія вообще съ сіонистскимъ движеніемъ въ частности. Толки о самобытности и культурѣ, о религіи и просвѣщеніи не сходили со страницъ еврейскихъ органовъ печати; сужденія и споры о нашихъ запросахъ и идеалахъ, о духовныхъ нуждахъ и способахъ ихъ удовлетворенія, о современной дѣйствительности и грядущихъ надеждахъ не прекращались въ устахъ присяжныхъ публицистовъ и случайныхъ писателей, не умолкали въ ежедневныхъ газетахъ, солидныхъ альманахахъ и тощихъ брошюрахъ: И рѣдко эти споры велись тихо и мирно, съ толкомъ и разстановкой: большею частью они носили характеръ запальчивый и страстный и переходили въ горячія, ожесточенныя схватки, въ которыхъ смѣшивались вмѣстѣ «отцы» и «дѣти», ортодоксы и «передовые», прогрессисты и раввины. И случалось, что все перепутывалось въ этихъ спорахъ, что страсти разгорались до взаимнаго непониманія другъ друга, и со стороны казалось, что своя своихъ не познаша*)...

Нужно было достигнуть единенія, сомкнуть ряды,—а вмѣсто того всѣ побѣжали вразсыпную,

Прежде всего возникъ вопросъ «раввинскій». Нѣкіе «столпы» духовнаго раввината купно съ нѣкіимъ цаддикомъ «запретили якобы безбожный сіонизмъ; какіе-то фанатики вмѣстѣ съ нѣкоторыми сомнительнаго благочестія личностями организовали «черный комитетъ» и, возревновавъ о попранной вѣрѣ, разсылали гнусныя пасквили; иные ловкіе проходимцы занялись ловлею добычи въ этой мутной водѣ... Но въ тоже время на призывъ одного изъ убѣжденныхъ раввиновъ-сіонистовъ откликаются десятки его коллегъ, готовыхъ «разрѣшить» этотъ самый сіонизмъ правда подъ нѣкоторыми лишь условіями... Въ средѣ раввиновъ, такимъ образомъ, оказывается разладъ. Въ то время какъ одинъ изъ нихъ (Л. Цирельсонъ), бывшій maskil и нынѣ еще щеголяющій иностранными цитатами, видитъ одни лишь «сучки» въ новомъ движеніи, на которое онъ смотритъ глазами фанатическаго цадика, другой (пишущій подъ псевдонимомъ: achad hamargischim—«одинъ изъ чувствующихъ»), знающій только талмудическія цитаты, въ своихъ искреннихъ, правдивыхъ, дѣятельно «прочувствованныхъ» статьяхъ нещадно раскрываетъ язвы духовно-раввинскаго «института» и не только разрѣшаетъ новое движеніе, но записывается въ число его вѣрнѣйшихъ адептовъ.

«Разрѣшатъ» или «не разрѣшатъ» раввины этотъ смущающій мно-

*) Однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этой схватки былъ тотъ, когда д-ръ Мандельштамъ напечаталъ свое извѣстное обращеніе къ раввинамъ, на которое рѣзко до неприличія отвѣтилъ Л. Атласъ въ газ. „Гацефиро“, куда послѣ этого обильно сыпались мнѣнія pro и contra въ теченіе долгаго времени.

Digitized by Google

гихъ изъ нихъ горе—сіонизмъ?—спрашиваютъ себя «интеллигенты»—и тоже бредутъ въ разсыпную.

Они не могутъ столкнуться на счетъ другого горя—горя—культуры.

Одни находятъ, что теперь есть дѣла поважнѣе, т. е. что, наприм., передъ «шекелями» и акціями еврейскаго колоніальнаго банка все прочее должно стушеваться и отойти на задній планъ. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что и тѣ самыя важныя дѣла могутъ получить свое настоящее значеніе лишь при наличности и помощи этой бѣдной падчерицы-культуры; а третьи недовольны ни первыми, ни вторыми. Мало того: даже тѣ, которые сознаютъ необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ нашего духовно-внутренняго обновленія, оздоровленія и улучшенія многихъ сторонъ нашей внутренней жизни и быта и т. д., относятся къ этимъ вопросамъ различно: одни подходятъ къ нимъ рѣшительно и смѣло, другіе нѣсколько робко и съ оглядкой, третьи уже съ явной тревогой или со страхомъ.., Отсюда—фракціи и партіи, спорящія, ссорящіяся, враждующія; отсюда—наши кличи и девизы, наши радикалы, умѣренные, консерваторы и пр.; отсюда эти крайнія теченія въ этомъ водоворотѣ мнѣній, взгдовъ и убѣжденій, котораго мутныя брызги могутъ порой смутить и привычнаго наблюдателя.

Да и какъ не смутиться въ этомъ хаосѣ и туманѣ двунадесяти языкъ, въ которыхъ часто бываетъ нелегко ориентироваться и разобраться. Возьмите вотъ, напримѣръ, «языки» хотя бы гг. Бердичевскаго и Явица. Первый, восторженный и увлекающійся писатель, поклонникъ Бешта и Ницше, желалъ бы разрушить все наше духовное прошлое, нашу традицію, чтобы на ея развалинахъ возвести совершенно новое зданіе; онъ требуетъ «совершенно другихъ, совсѣмъ новыхъ условій и формъ жизни и развитія», какой-то «совершенно новой *свободной* культуры» и пр., требуетъ, словомъ, какъ онъ самъ говоритъ формулой Ницше, «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». А второй убѣжденъ въ спасительности для насъ нашей и *только* нашей, старой, испытанной, «пребывающей» культуры Торы и во вредѣ, наоборотъ, всякихъ другихъ культуръ, неустойчивыхъ, гнилыхъ и саморазрушающихся (ст. въ Luach Achiassaf, Sepher Haschono и др.). И вы думаете, что радикалъ Бердичевскій и консерваторъ—Явицъ одиноки со своими крайними мнѣніями, между которыми лежитъ дистанція столь огромнаго размѣра? Нисколько. Радикализмъ д-ра Бердичевскаго имѣетъ у насъ не мало приверженцевъ, хотя покойный Файербергъ, этотъ безвременно угасшій крупный талантъ-самородокъ, и заявилъ Бердичевскому (въ статьѣ, появившейся послѣ смерти автора), что «молодое поколѣніе на востокѣ Европы видитъ въ немъ своего наиболѣе опаснаго врага». Точно также есть единомышленники и

Digitized by Google

у г. В. Явица: г. М. Л. Лилiенблюмъ, напримѣръ, тоже находитъ, что «внѣшній воздухъ дѣйствуетъ на евреевъ тлетворнымъ образомъ» *).

Или сопоставьте хоть бы этотъ самый взглядъ бывшаго прогрессиста и одного изъ творцовъ нашего не очень давняго Sturm-und-Drang'a съ мнѣніями, напр., Ш. Розенфельда или I. Клаузнера... Первый изъ этихъ двухъ талантливыхъ и даровитыхъ «молодыхъ» публицистовъ со свойственною ему откровенностью и смѣлостью сужденій заявляетъ, что воскресшее самосознаніе наше «явилось для того, чтобы влить новую, здоровую кровь въ наши жилы и въ нашъ мозгъ, вмѣсто нашей старой крови, въ которой уже стали показываться признаки порчи и гніенія», что не можетъ быть никакихъ компромиссовъ «между вѣрой и наукой» и что стыдно намъ заискивать у раввиновъ—стыдно идти въ Каноссу («Раввинизмъ и сіонизмъ»)... А г. Клаузнеръ полагаетъ, что Явецъ и его единомышленники «не спасутъ поэзіи нашей религіи, какъ не спасли Брюнетьеръ и Гюисмансъ купно со всѣми новѣйшими мистиками, символистами и декадентами вѣры вообще и поэзіи чувства въ частности, которымъ нѣтъ мѣста въ нашъ практически-реальный вѣкъ», что напрасно также стараются объ этомъ такіе писатели, какъ Бенъ-Авигдоръ, Самуэли, Гольдинъ, и романтики вродѣ Бердичевскаго, ибо «трудно задержать процессъ продолжительной агоніи» передъ тѣмъ какъ взойдетъ «солнце дѣйствительнаго, чистаго просвѣщенія, солнце внутренняго, духовнаго спасенія, внутренней свободы» («Сумерки»). Онъ также подобно г. Розенфельду, видитъ въ новомъ народно-еврейскомъ движеніи стремленіе впередъ, «къ достиженію дѣйствительнаго прогресса и здоровой, нормальной жизни въ новомъ, европейскомъ духѣ»; онъ также противъ шествія въ Каноссу, ибо строго различаетъ между терпимостью къ чужому мнѣнію и трусливою угодливостью и компромиссами, вмѣсто которыхъ онъ призываетъ къ мирной *борьбѣ* («Milchomo B'scholom»).

За эту борьбу, за эту *культурную* работу внутренняго обновленія стоятъ не только «дѣти», но и многіе «отцы», испытанные приверженцы идеи насажденія «красоты Яфета въ шатрахъ Сима», во главѣ съ крупнымъ, серьезнымъ и вдумчивымъ писателемъ Ахадъ-Гаамомъ (А. Гинцбергомъ), требующимъ свободнаго *еврейскаго* духа на *общечеловѣческихъ* началахъ. За эту работу стоятъ и Н. Соколовъ («Limogonon w'raßonon» и др.), и И. Тавьевъ (статьи въ «Гамелицѣ»), и даже очень осторожный въ этомъ отношеніи г. Iегуди (псевдонимъ) и даже—horribile dictu!—нѣкоторые ортодоксы-раввины. Съ другой стороны, не только среди стариковъ, но и въ средѣ молодыхъ, находятся противники бѣдной «падчерицы»: люди, даже хорошіе и умные люди, порой бываютъ слиш-

*) Luach Achiassaf, годъ V, стр. 72.

Digitized by Google

комъ прямолинейны, изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, и потому спорятъ противъ очевидныхъ, казалось бы, истинъ,—спорятъ упорно и долго.

Этотъ споръ еще продолжается.

X.

Центръ тяжести нашей литературы, выразительницы внутреннихъ интеллектуальныхъ нашихъ народно-еврейскихъ интересовъ, запросовъ, идеаловъ и пр., въ послѣдніе годы замѣтно сосредоточивается въ произведеніяхъ, написанныхъ на языкѣ древне-еврейскомъ. Имъ поэтому, главнымъ образомъ, и посвящена настоящая статья. Къ сожалѣнію, послѣдняя такъ растянулась, что литературѣ жаргонной мы можемъ удѣлить лишь очень краткій общій обзоръ.

Жаргонная литература не осталась совершенно въ сторонѣ отъ общаго процесса развитія еврейско-общественной мысли, отъ медленнаго, постепеннаго расширенія умственнаго кругозора нашей народной массы, роста ея самосознанія и духовно-нравственныхъ культурныхъ запросовъ. Медленно, постепенно мѣняются формы, характеръ и содержаніе всего, что печатается на еврейско-разговорномъ нарѣчіи, мало-по-малу, улучшается качество умственной пищи, съ которою наша интеллигенція «спѣшитъ» на помощь къ своему меньшому брату или которою самъ этотъ меньшой братъ дѣлится иногда со своимъ невзыскательнымъ читателемъ или слушателемъ. То, что называютъ «духомъ вѣка» или давно затасканнымъ словомъ «процессъ», оказываетъ и здѣсь свое неизмѣнное дѣйствіе,—хотя одною изъ удивительнѣйшихъ нашихъ, еврейскихъ, аномалій все еще является тотъ фактъ, что языкъ, на которомъ давно *говорятъ милліоны* людей, до сихъ поръ имѣетъ много враговъ и много презрительныхъ кличекъ, но не имѣетъ настоящей, а не «такъ называемой» литературы.

Большого сравнительно развитія достигла эта «такъ называемая» жаргонная литература въ Америкѣ, т. е. собственно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, или еще точнѣе—въ г. Нью-Іоркѣ, гдѣ вотъ уже 20 лѣтъ, какъ осѣдаетъ почти все, что приносится въ Новый Свѣтъ еврейско-эмиграціонной волной. Тамъ на еврейско-разговорномъ нарѣчіи издается до десятка газетъ и въ нѣсколькихъ театрахъ ставятся разнообразнаго рода пьесы, тамъ существуетъ цѣлый рядъ «жаргонныхъ» писателей и поэтовъ, дѣйствительно народныхъ писателей и поэтовъ—такихъ, которые, говоря словами Карлейля о Борнсѣ, въ дымѣ и грязи суровой дѣйствительности все еще находятъ достойное похвалы и любви, тамъ, наконецъ, появился и первый капитальный трудъ по исторіи жаргонной литературы, авторъ котораго (Leo Wiener) доказываетъ, что разговорный еврейскій языкъ имѣетъ полное право занимать мѣсто въ семьѣ

Digitized by Google

прочихъ нарѣчій, несмотря на присвоенную ему, и вовсе незаслуженно, кличку «жаргона».

Въ Европѣ нашъ «жаргонъ» далеко не въ такомъ почетѣ: его враги изъ еврейской интеллигенціи ставятъ ему на видъ и то, что онъ непонятенъ для не-евреевъ и то, что онъ «коверкаетъ» заимствуемыя имъ древне-еврейскія слова, и еще многое другое, въ чемъ, подобно ему, повинны и другіе языки. Но и здѣсь онъ въ послѣднее время сдѣлалъ значительный успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ прежде всего три жаргонныхъ періодическихъ изданія: «Der Jud», «Die Welt» и «Blätter fon a togbuch», изъ которыхъ первое выходитъ второй годъ, а послѣднія два возникли въ настоящемъ году. Всѣ три еженедѣльныя.

«Die Welt» посвящена преимущественно вопросамъ, близко касающимся сіонистскаго движенія, хотя на ея страницахъ находятъ себѣ мѣсто и статьи болѣе общаго характера. Программа же газеты «Der Jud» гораздо шире. Здѣсь помѣщаются статьи по всевозможнымъ вопросамъ еврейской жизни и быта (освѣщаемымъ при этомъ большею частью въ духѣ хоть и не узко-партійномъ, но явно примыкающемъ къ направленію народно-сіонистскому), беллетристическіе очерки, стихи, литературно-критическія замѣтки, историческія свѣдѣнія, біографіи и пр. Сотрудниками этой газеты состоятъ не только извѣстные наши «жаргонисты». какъ то: Шоломъ-Алейхемъ, Менделе-Мохеръ-Сфоримъ, М. Спекторъ, Я, Динезонъ и др.; но также многіе изъ литераторовъ и писателей, составившихъ себѣ имя и въ древне-еврейской и русско-еврейской литературахъ, таковы, напримѣръ: Р. Брайнинъ, Х. Д. Гурвицъ, А. Левинскій, М. Л. Лиліенблюмъ, А. Любошицкій, И. Л. Перецъ, Ш. Розенфельдъ С. Г. Фругъ (стихотворенія и фельетоны) и мн. др.

Третье жаргонное изданіе, недавно предпринятое г. Ишъ-Іегуди (Л. Рабиновичемъ), обѣщаетъ быть очень полезнымъ, разнообразно и умѣло составляемымъ сборникомъ *литературно-научныхъ* статей въ доступномъ для «жаргоннаго» читателя изложеніи.

Изъ отдѣльно вышедшихъ за послѣднее время сочиненій на еврейско-разговорномъ нарѣчіи отмѣтимъ переводъ краткой еврейской исторіи Греца и серію брошюръ еврейско-историческаго и публицистическаго содержанія, издаваемую товарищ. «Эзро» въ «Бердичевѣ». Появилось также нѣсколько книжекъ популярно-научнаго характера, изъ которыхъ такая, напр. работа, какъ «Woss thut sich auf der Welt» (Что дѣлается на свѣтѣ?) д-ра И. Цинберга, выпущенная преміей на газ. «Jud» за 1899 г., показываетъ, какъ прекрасно можно пользоваться нашимъ простонарѣчьемъ для просвѣщенія той массы, которой только это нарѣчіе и доступно.

Къ сожалѣнію, наша «жаргонная» литература все еще представляетъ собою *въ общемъ* своего рода «мерзость опустѣнія». Все еще, къ прискорбію, иные наши книгоиздатели въ своихъ длинныхъ рекламахъ ре-

Digitized by Google

комендуютъ почтеннѣйшей публикѣ одни только безсмысленно-фантастическіе романы да съ ногъ сшибательныя «американскія» драмы, и все еще вы въ большой корзинѣ бѣднаго еврейскаго книгоноши рѣдко когда съумѣете найти, среди огромнаго вороха бездарныхъ «maisses», хорошую жаргонную книжку.

Быть можетъ, однако, новая струя, повѣявшая нынѣ въ нашей литературѣ вообще, окажетъ свое освѣжительное дѣйствіе и въ этой не въ мѣру и несправедливо загнанной, забытой области. Dum spiro spero.

Еврейство переживаетъ нынѣ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ, а потому—мучительно-тревожныхъ, моментовъ своей длинной исторіи. Время у насъ теперь, какъ принято называть, переходное,—и естественно, если всѣ отличительныя черты такого времени нашли свое болѣе или менѣе вѣрное отраженіе въ нашей литературѣ, гдѣ всѣ, и писатели и читатели, какъ то смутно ждутъ чего то, чего то растерянно ищутъ, волнуясь и спѣша, но гдѣ—что то растетъ и развивается. Какъ успѣшно пойдетъ дальнѣйшій этотъ ростъ нашей литературы, въ какія формы отольется дальнѣйшее ея развитіе,—это будетъ зависѣть отъ тѣхъ условій, которыя этотъ процессъ найдетъ для себя въ будущемъ.

Як. Каценельсонъ

Digitized by Google

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи:

СПРАВОЧНАЯ КНИГА

ПО ВОПРОСАМЪ

ОБРАЗОВАНІЯ ЕВРЕЕВЪ.

Справочная книга заключаетъ въ себѣ законоположенія, правила, уставы, планы, программы и другія необходимыя свѣдѣнія по еврейскому школьному дѣлу и образованію взрослаго населенія. Въ книгѣ отведено также много мѣста статьямъ: о преподаваніи въ школѣ ручного труда, гимнастики, объ устройствѣ школьнаго сада, о школьной гигіенѣ.

Книга предназначается, какъ необходимое пособіе для учителей и учительницъ еврейскихъ школъ, для лицъ, готовящихся къ преподавательской дѣятельности, членовъ Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи и другихъ лицъ, интересующихся вопросомъ просвѣщенія еврейской народной массы.

Въ книгѣ около 45 листовъ, отпечатанныхъ большею частью петитомъ, съ приложеніемъ таблицъ и чертежей.

Цѣна 1 руб. 75 к. (съ пересылкой).

Складъ изданія въ канцеляріи Комитета Общества Распространенія Просвѣщенія между евреями въ Россіи (С.-Петербургъ, Замятинъ пер., д. № 4).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга Гольцмана:

„Паденіе іудейскаго государства“

цѣна 2 р.

Вышла въ свѣтъ новая брошюра:

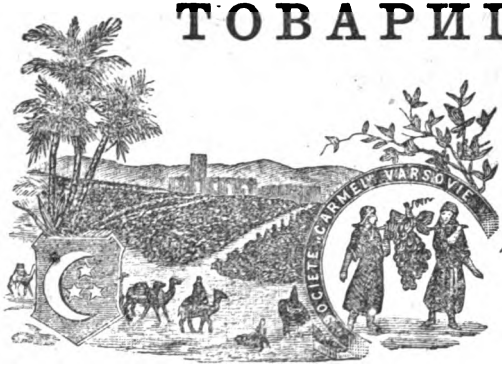
„Способъ открытія и организаціи суботнихъ школъ“.

Изданіе А. Д. Идельсона. Получить ее можно за 10 к. почт. марками у г. Брумберга, Москва, Покровка, д. Шишелова.

Digitized by Google

II.

ТОВАРИЩЕСТВО



„КАРМЕЛЪ"

ВАРШАВА.

Этикетъ утвержд. Правительствомъ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА

ПАЛЕСТИНСКИХЪ

НАТУРАЛЬНЫХЪ

ВИНЪ И КОНЬЯКОВЪ.

Отдѣленіе для Южнаго Края въ г. **Одессѣ.**

Адресъ для телеграммъ: **«Кармель, Варшава»** или **«Кармель, Одесса».**

Марка утвержд. Правит

На всемірной выставкѣ въ Парижѣ

НАШИМЪ ВИНАМЪ ПРИСУЖДЕНА

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, вина наши продаются только въ бутылкахъ, снабженныхъ **печатью** и **пломбою** фирмы.

Продажа во всѣхъ виноторговляхъ Имперіи.

Digitized by Google

Въ книжныхъ магазинахъ товар. „АХІАСАФЪ“

имѣются на складѣ всевозможныя книги по еврейской литературѣ Hebraica, Judaica и по всѣмъ отраслямъ знаній; также книги общаго содержанія на всѣхъ европейскихъ языкахъ,—по цѣнамъ умѣреннымъ.

Книжный магазинъ тов. «АХІАСАФЪ» принимаетъ на комиссію всевозможныя книги по особому соглашенію съ авторами и издателями.

Каталоги № 3 (по сіонист. и націон. вопросамъ) и № 4 (Hebraica) высылаются безплатно.

Книгопродавцамъ, библіотекамъ и кружкамъ обычная уступка!!!

Товарищество **«Ахіасафъ»**, Варшава.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

דער יוד

Въ **„Деръ Юдъ“**, издаваемомъ уже третій годъ, **Товариществомъ „Ахіасафъ“** на еврейскомъ разговорномъ языкѣ, помѣщаются: руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ еврейской жизни, политическое обозрѣніе, хроника текущихъ событій, общія новости, обзоръ провинціальной жизни и корреспонденціи. Обширные отдѣлы отведены оригинальнымъ повѣстямъ, разсказамъ, стихотвореніямъ и фельетонамъ лучшихъ народныхъ писателей, популярнымъ статьямъ по естествознанію и критикѣ новыхъ книгъ.

Въ теченіи 1901 г. редакція даетъ своимъ **годовымъ** подписчикамъ въ видѣ ПРЕМІИ:

1) **4 тома ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ** на еврейск. разговорномъ языкѣ, обработанной по новѣйшимъ источникамъ за небольшую цѣну **въ 1 руб.** (портовыя 50 коп.).

2) **12 художественныхъ картинъ** изъ еврейской жизни, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, **безплатно.**

Подписная цѣна: на годъ 5 руб., на полгода—3 руб., на ¼ года— 1 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ — 60 коп. Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—2 руб. и къ 1 августа 1 руб.

Подписка принимается по адресу:

Издательство „Ахіасафъ“, Варшава.

השלח

ежемѣсячный, литературный и общественно-научный журналъ будетъ вновь выходить ежемѣсячно, начиная съ 1-го Января 1901 года, подъ редакціей І. Гинцберга (Ахадъ-Гаама).

Подписная цѣна на годъ: 6 р., на полгода 3 руб. **На ¼ года подписка не принимается.**

Издательство „Ахіасафъ“, Варшава.

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ „ТУШІЯ“.

„ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

200 книгъ извѣстныхъ писателей (1000 печатныхъ листовъ, издающихся въ продолженіе 4-хъ лѣтъ) по всѣмъ отраслямъ литературы: повѣсти, разсказы, романы, стихотворенія, біографіи замѣчательныхъ людей, научныя сочиненія, путешествія и пр., оригинальныя и переводныя. Ко многимъ книгамъ приложены портреты, а къ нѣкоторымъ — иллюстраціи. До настоящаго времени вышло 110 книгъ.

Цѣна всѣмъ 200 книгамъ съ пересылкою 40 рублей, по 10 руб., за каждыя 50 книгъ, изъ которыхъ 4 руб. вносятся при подпискѣ, 3 руб. по полученіи 15-ой книги и 3 руб. по полученіи 30-ой книги.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Сказки, легенды, разсказы, басни, стихотворенія и пр., оригинальныя и переводныя, писанныя легкимъ еврейскимъ слогомъ, съ пунктуаціей. До настоящ. времени вышло 155 книжекъ. Цѣна каждой книжки 4 коп.

БИБЛІОТЕКА для ЮНОШЕСТВА.

Повѣсти и разсказы, легенды, путешествія, популярныя научныя сочиненія и произведенія классическихъ писателей, сокращ. и обработ. для юношества и пр. Вышло до настоящаго врем. 60 книжекъ. Цѣна каждой книжки 6 коп.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ

для дѣтей и юношества

цѣною отъ 15 копѣекъ до 2 рублей:

буквари, калиграфич. тетради, методы для изученія древне-еврейскаго языка (съ вокабулами), хрестоматіи, сборники стихотвореній, басенъ и еврейскихъ легендъ, исторія евр. народа, евр. антологія, изреченія Отцовъ Синагоги (съ перев. на русскій языкъ и объясненіями) и пр.

ЕВРЕЙСКО-РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ,

сост. *І. Гразовскимъ*, при участіи *І. Клаузнера*.
Вышли первые два выпуска (256 страницъ). Цѣна каждому выпуску 25 коп., съ пересылкой 29 коп.

НОВО-ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВѢКА.

Литературно-историческій очеркъ (на русскомъ языкѣ) *І. Клаузнера*.

Цѣна 50 коп., съ перес. 56 коп.

Въ книжномъ магазинѣ при книгоиздательствѣ „Тушія“ принимаются на комиссію и продаются разныя книги, касающіяся еврейства, а также принимается подписка на газеты: „Гамелицъ“, „Гацефира“, „Гатехія“, „Будущность“, „Восходъ“, „Der Jud“, „Die Welt“ (на нѣмецкомъ языкѣ и евр. жаргонѣ), по цѣнамъ редакціи.

Подробный проспектъ и каталогъ книгъ всѣхъ изданій «Тушія» высылается безплатно.

Адресъ: КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУШІЯ», ВАРШАВА.

Digitized by Google

Книгоиздательство „Улей"

Открыта подписка на полученіе слѣдующихъ изданій:

I. „Вѣстникъ Сіона". II. „Лѣтопись Сіона". III. „Сіонистская Библіотека". IV. „Сіонистскія письма".

Гг. подписчики вносятъ при подпискѣ 3 рубля и тогда, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ вышеприведенныхъ изданій, онѣ высылаются имъ со скидкой въ 20% съ объявленной цѣны.

Пріемъ подписки на „Die Welt" (на нѣм. и на жаргонѣ) Hameliz, Hazefiro, Будущность, Восходъ, Der Jud, L'Echo Sioniste и всѣ другія газеты и журналы.

Пріемъ въ обмѣнъ и на комиссію чужихъ изданій. Исполненіе заказовъ на всевозможныя книги. Пріемъ типографскихъ заказовъ по изданію книгъ, брошюръ и каталоговъ. Подробн. катал. высылаются безплатно.

Адресъ: Харьковъ, Рыбная ул., № 25.

Оставшіеся въ незначительномъ количествѣ альбомы:

«Библейскія женщины»

(12 картинъ въ роскошной папкѣ) продаются по 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.—Большая роскошная гравюра:

„Марраны въ Испаніи"

по 2 руб. съ пересылкою.—Большая фототипія:

„Девятое Аба у стѣны храма"

по 1 руб. съ пересылкою.

Съ требованіями просятъ обращаться: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. 30—27, кв. 23. Академику М. Л. Маймону.

Въ духотѣ.

Эскизы и очерки **М. Д. Рывкина.**

Передъ сальнымъ огаркомъ.—Слеза.—Заступникъ.—Старый шамесъ.—Тейхохо.—Въ сумерки.—Гроза.—Праздникъ весны.—На взморьѣ. — Въ судный день.—Ряженый.—Въ полночь. — Разводъ. — Маккавеи. — Призывъ. — Успокоился.—Старая легенда.

Цѣна 80 коп., съ перес. 90 коп.

Продается въ конторѣ „Будущности", въ книгоиздательствахъ: „Улей" (Харьковъ) „Ахіасафъ" и „Тушія" (Варшава), „Учитель" (Одесса) и всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія: Спб. Б. Мастерская, 5.

Изданія Г. С. Вольтне.

(Спб. Спасская, 16).

О правахъ ремесленниковъ-евреевъ. Ц. 50 к. съ пересылкой 75 к.

Открытіе Новаго Свѣта. Чтенія для дѣтей и народа. Доп. въ народныя читальни и аудиторіи, ученич. библ. низшихъ учеб. зав., Маріинскихъ училищъ и женскихъ гимназій. Цѣна 20 к. съ перес. 30 к. Выписывающіе у автора за пересылку не платятъ.

Digitized by Google

Вышла 5-я книга и продолжается подписка на изданіе П. П. Сойкина.

ТАЛМУДЪ.

Полный переводъ текста, сдѣланный оріенталистомъ Н. А. Переферковичемъ и снабженный объяснительными примѣчаніями переводчика и наглядными чертежами.

1-го января 1901 г. выйдетъ въ свѣтъ шестая книга „ТАЛМУДА“, заканчивающая собой первую половину предпринятаго нами изданія „Мишны и Тосефты“. Никогда еще эти двѣ основныя книги еврейскаго ученія, на которыя опираются всѣ дальнѣйшія части Талмуда, не были представлены въ такомъ полномъ переводѣ (*Тосефта переводится впервые на европейскій языкъ*), съ такимъ множествомъ объяснительныхъ примѣчаній, рисунковъ, чертежей, схемъ. Въ средніе вѣка Талмудъ не разъ сжигался тысячами писанныхъ и печатныхъ экземпляровъ, какъ зловредная и еретическая книга. Когда христіанскій міръ ближе познакомился съ этой таинственной, поражавшей трудностью языка книгой, то позволено было ее печатать, но съ большими выпусками и измѣненіями, на которыя не скупилась инквизиціонная цензура. Сами евреи изъ страха преслѣдованій выпускали изъ текста все, что могло бы подать малѣйшій поводъ къ обвиненію въ нетерпимости, ибо всякое торжественное сжиганіе („*аутодафе*“) Талмуда сопровождалось разгромомъ еврейскаго имущества. **Русскій переводъ даетъ полный и точный текстъ Талмуда**, критически возстановленный по сохранившимся рукописямъ и нецензурованнымъ изданіямъ. Переводчикъ стоитъ на строго научной почвѣ внѣ всякихъ полемическихъ или религіозныхъ вліяній и путемъ буквальнаго, всесторонне объясненнаго, литературнаго перевода вводитъ даже совсѣмъ неподготовленнаго русскаго читателя въ чуждый строй талмудической мысли.

Все изданіе „Мишны и Тосефты“ будетъ состоять изъ 6 томовъ, объемомъ каждый въ 25—35 листовъ большого формата, и будетъ раздѣлено на 12 книгъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе «Талмуда» въ 6 томахъ (12 книгъ) 12 руб. Допускается разсрочка (исключительно у издателя) на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 8 руб. и получаются первые три тома (6 книгъ), по выходѣ въ свѣтъ IV-го и V-го тт. уплачивается по 2 руб., а VI-й томъ высылается безплатно.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. 12

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возраста укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 уроковъ)

профессоръ мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНЪ.**

14-ти лѣтняя практика

Одесса. Дерибасовская ул. Пассажъ. № 514—531 бельэтажъ. № телефона въ городѣ 199, № телеф. на собственной дачѣ „Мнемозина“ 933. Условія и объем. брош. (въ 230 стр.) содерж. благодарности оффиц. и вполнѣ компетентныхъ лицъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти, высыл. за одну 7-ми коп. марку.

БЕНЪ-АМИ.

1. Разсказы и очерки.

300 страницъ. Цѣна 1 руб. 25 коп. въ переплетѣ 2 руб.

2. Первый вечеръ Хануки.

Очеркъ, (на народномъ евр. языкѣ). Цѣна 15 коп.

Адресъ; **М. Я. Рабиновичу**, ОДЕССА, Успенская, 7.

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1901 г. (2-ой годъ изданія).

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„БУДУЩНОСТЬ“

СЪ ЕЖЕГОДНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА.

«Будущность»—независимый органъ русскихъ евреевъ, стремящійся къ культурному возрожденію и подъему самосознанія еврейской массы. Девизъ ея—**«народность и просвѣщеніе»**. Еврейскій народъ, по своему религіозно-этическому міросозерцанію и духовно-историческому укладу, имѣетъ право на достойное существованіе среди цивилизованныхъ народовъ. Въ этомъ убѣжденіи «Будущность» ставитъ себѣ задачею, способствуя по мѣрѣ силъ всестороннему разъясненію причинъ нынѣшняго ненормальнаго положенія евреевъ, въ то же время содѣйствовать просвѣщенію евреевъ распространеніемъ научныхъ знаній о іудаизмѣ и еврействѣ и указаніемъ путей къ совершенствованію экономическаго и общественнаго быта въ духѣ лучшихъ началъ общегражданской жизни.

Программа «Будущности»: **I. Статьи по бытовымъ вопросамъ** о юридическомъ, экономическомъ и культурномъ бытѣ евреевъ. **II. Еврейская лѣтопись:** А. Въ Россіи: 1) Правительственныя распоряженія. Дѣйствія губернскихъ властей, городскихъ и сословныхъ учрежденій. 2) Сенатскія разъясненія законовъ о евреяхъ (въ соотвѣтствующихъ случаяхъ съ изложеніемъ исторіи даннаго вопроса). Судебные отчеты. 3) Обзоръ текущихъ событій еврейской жизни. 4) Письма корреспондентовъ «Будущности». 5) Обзоръ періодической печати о евреяхъ. Б. Заграницей. Иностранное обозрѣніе. Палестинская хроника. **III. Научный отдѣлъ.** Статьи по исторіи евреевъ и еврейской литературы, по іудейской этикѣ и религіозной философіи.—Новости еврейской археологіи и другихъ отраслей науки о еврействѣ. **IV. Литературный отдѣлъ.** Повѣсти и разсказы изъ еврейской жизни. Стихотворенія. Художественныя замѣтки. Еврейское народное творчество (Легенды, сказки, пѣсни). Критика и рецензіи новыхъ книгъ. Фельетонъ.

Въ **Ежегодномъ сборникѣ** «Будущности» помѣщаются болѣе крупныя по размѣрамъ статьи научнаго и литературнаго содержанія.

Digitized by Google

Въ „Будущности“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Гг. Н. И. Бакстъ, Бенъ-Ами, С. Х. Бейлинъ, г-жа Гемда Бенъ-Іегуда, Р. М. Брайнинъ, Г. А. Бѣлковскій, д-ръ С. А. Вайсенбергъ, П. И. Вейнбергъ, С. Е. Винеръ, Г. С. Вольтке, И. В. Галантъ, Я. М. Гальпернъ, Г. Г. Генкель, Гершонъ-бенъ-Гершонъ, Ю. И. Гессенъ, доц. М. Ю. Гольдштейнъ, С. М. Гольдштейнъ, О. О. Грузенбергъ, С. М. Дубновъ, Х. Б. Зингеръ, Р. Ф. Ильишъ, Я. И. Израэльсонъ, Художникъ М. С. Іоффе, М. Г. Каганъ, д-ръ Л. О. Канторъ, д-ръ Л. С. Каценельсонъ, Я. Б. Каценельсонъ, Б. А. Кацъ, А. Р. Кугель, М. И. Кулишеръ, И. С. Леви, С. М. Лившицъ, С. А. Лурье, К. Н. Льдовъ, Академикъ М. Л. Маймонъ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Ю. Б. Манасевичъ, д-ръ М. Е. Мандельштамъ, И. Ю. Марконъ, М. Меерович (Старый Палестинецъ), М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, М. И. Мышъ, В. Н. Никитинъ, А. Ф. Пановъ, Л. Паперинъ, Н. А. Переферковичъ, И. Н. Потапенко, Н. О. Пружанскій, М. Д. Рывкинъ, Л. М. Рубиновъ, М. Н. Салтыкова, д-ръ С. А. Скомаровскій, В. Д. Спасовичъ, С. М. Станиславскій, д-ръ филос. М. М. Филипповъ, г-жа Б. Л. Флексеръ, С. Г. Фругъ, д-ръ І. А. Хазановичъ, проф. Д. А. Хвольсонъ, баронъ Н. Н. фонъ-деръ-Ховенъ, д-ръ М. О. Шляпошниковъ, О. Н. Штейнбергъ, І. О. Шульковскій, С. Эпштейнъ, д-ръ С. О. Ярошевскій, Л. Яффе и мн. др.

„Будущность“ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2½—3 листовъ. Ежегодный сборникъ выходитъ въ октябрѣ въ объемѣ не менѣе 20 печ. листовъ.

Подписная цѣна: на 1 годъ (съ приложеніемъ ежегоднаго Сборника)—7 руб., на ½ года—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. Для учащихъ и служащихъ въ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, при выпискѣ изъ Главной Конторы, дѣлается уступка (на 1 годъ—6 руб., на ½ года—3 руб.).—Ежегодное приложеніе предназначается только для годовыхъ подписчиковъ.

Отдѣльные нумера «Будущности» продаются:

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—въ Главной Конторѣ (Пушкинская, 7) и въ книжно-газетныхъ кіоскахъ В. А. Пташникова по 10 коп.

въ ПРОВИНЦІИ—въ агентствахъ «Будущности» и въ кіоскахъ на желѣзно-дорожн. станціяхъ—по 15 коп.

Адресъ редакціи и главной конторы:

Петербургъ, Пушкинская, 7.

Редакторъ-Издатель Д-ръ **С. О. Грузенбергъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

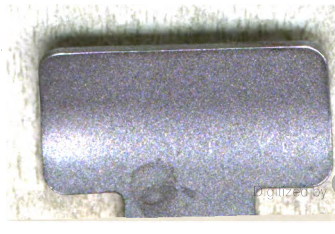
Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
JUL 17 1981

WIDENER
BOOK DUE
NOV 23 1981
CANCELLED



Digitized by Google

Widener Library
3 2044 105 331 946